

*Дорогому и уважаемому моему
Момату Михаилу Савилову
на добрую память от
Е. М. М.*

Къ исторіи женскихъ гимназій въ Россіи.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ
НАЧАЛЬНИЦЫ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗІИ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

1875—1904 г.

І и ІІ ч.

Тифлисъ и К—а.

1875—1897 г.

Е. В.

ПОЧАЕВЪ, ВОЛЫН. ГУБ.
Типографія Почаево-Успенской Лавры.
1908.

Цензурою печатать разрѣшается.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Приступая къ изданію моихъ «Воспоминаній», я руководствуюсь желаніемъ принести посильную пользу дѣлу, которому я служила въ теченіи 22 лѣтъ.

Около полустолѣтія существуютъ наши женскія гимназіи, и за это время никѣмъ не высказана правда о нихъ. Въ мин—въ Нар. Пр. и въ С. Е. И. В. канцеляріи по учрежденіямъ Императрицы Маріи накопились груды переписки по жалобамъ о столкновеніяхъ между начальниками или директорами и начальницами жен. гимназій, но обществу совершенно неизвѣстно, что такое женскія гимназіи, продуктомъ которыхъ наше нынѣшнее общество.

Здѣсь въ этихъ «Воспоминаніяхъ» изображаются три гимназіи, отстояція другъ отъ друга на тысячи верстъ, — но все здѣсь изображаемое присуще всѣмъ сотнямъ гимназій, которыми богата Россія. Каждая начальница гимназіи узнаетъ себя (за немногимъ исключеніемъ) во мнѣ все тѣ же отношенія, все тѣ же недоразумѣнія и столкновения, все тѣ же стремленія, — разница въ формѣ, въ личности борющихся, въ условіяхъ, ихъ окружающихъ.

Я не желаю никого клеймить: я не называю ни лицъ, ни городовъ, за исключеніемъ Тифлиса, котораго и безъ того нельзя было бы не узнать; я даже не подписываю своего полного имени, чтобы *не выставить себя*, — такъ какъ дѣло не въ именахъ, а въ самой

сущности дѣла. Не все ли равно *для дѣла*, кто были дѣйствующими лицами въ изображаемой драмѣ, и гдѣ она происходила? Важно то, что она происходила и происходить въ Россіи.

Здѣсь, въ этихъ воспоминаніяхъ, нѣтъ ни одного слова неправды: они писаны не чернилами, а кровью сердца. Издаю ихъ для моихъ «соратницъ» и для общества: вѣдь, и оно, отчасти, отображается въ этихъ запискахъ. Дай Богъ, чтобы онѣ послужили на пользу великаго дѣла нашего обновленія!

Изъ воспоминаній начальницы гимназіи.

Часть I.

ТИФЛИСЬ.

Едва прошелъ годъ со смерти мужа моего (1867 г.), какъ попечитель В—го Учебнаго Округа *О. О. Витте*, лично меня знавшій, предложилъ мнѣ должность начальницы вновь открывшейся гимназіи въ Кельцахъ. При всемъ желаніи вступить на педагогическое поприще, къ которому я, овдовѣвъ, готовилась, я вынуждена была отказаться отъ предложенія *О. О. В.*, такъ какъ оно застало меня серьезно больною. Съ тѣхъ поръ прошло шесть лѣтъ; обѣ дочери мои воспитывались уже въ Смольномъ, гдѣ и я воспитывалась, а старшая изъ нихъ уже оканчивала курсъ. За это время дѣла мои разстроились, приходилось думать о пріисканіи работы. Мнѣ совѣтовали хлопотать о поступленіи на службу въ вѣдомство Учрежденій Императрицы Маріи, тогда еще IV отдѣленіе. Въ первые годы моего вдовства управляющимъ дѣлами этого вѣдомства былъ дядя мой, *Н. И. С.*, но онъ строго держался принципа не принимать на службу вѣдомства родственниковъ своихъ, а потому, не смотря на наши дружескія отношенія, я не обращалась къ нему за протекціей. Въ началѣ 1874 г. одна хорошая моя знакомая предложила мнѣ поговорить обо мнѣ съ *Н. Н. К.*, состоявшимъ въ то время при *Е. В.* принцѣ Петрѣ Георгіевичѣ Ольденбургскомъ, бывшемъ Главноуправляющимъ вѣдомствомъ. Нѣсколько дней спустя я видѣлась съ *Н. Н. К.*, который обѣщалъ доложить обо мнѣ Его Высочеству. Я желала на первое время получить хотя-бы мѣсто въ контролѣ. На слѣдующій день я представилась Его Высочеству, который вспомнилъ мою дѣвическую фамилію. Выслушавъ меня, Его Высочество замѣтилъ: «*Qu'est-ce que c'est pour vous que le contrôle! Vous pouvez avoir un gymnase ou un institut.*» — *Je ne demande pas mieux, Monse-*

igneur!—отвѣчала я. Затѣмъ, Его Высочество, спросивъ меня, все-ли равно мнѣ получить назначеніе въ провинцію, и, получивъ на это утвердительный отвѣтъ, отпустилъ меня. Не прошло недѣли, какъ я получила официальное приглашеніе отъ имени Его Высочества пожаловать въ канцелярію IV отдѣленія. Являюсь. Меня приглашаютъ въ кабинетъ Его Высочества. «Vous voulez avoir une place?» — Oui, Monseigneur! — «Vous lez—vous aller à Astrakhan?» — Bien, Monseigneur!—Тогда Его Высочество предложилъ мнѣ обдумать хорошенько его предложеніе ѣхать въ такой городъ, какъ Астрахань. На это я отвѣчала, что я знакома съ провинціей, что я жила въ Курскѣ, откуда я родомъ. — «Oh, Kursk est une ville, mais Astrakhan...!» — замѣтилъ Его Высочество, сдѣлавъ жестъ, выражавшій нѣкоторое презрѣніе. Но я отвѣчала, что мнѣ безразлично куда ѣхать. Однако, Его Высочество предупредилъ меня, что мѣстный губернаторъ представилъ свою кандидатку, и, хотя вѣдомство находитъ ее неподходящею, тѣмъ не менѣе будетъ препровождено и это ходатайство на милостивое воззрѣніе Ея Величества, которая находилась въ это время въ Италіи. Въ ожиданіи же рѣшенія этого вопроса, Его Высочество предложилъ мнѣ ознакомиться съ дѣломъ въ одной изъ столичныхъ гимназій. Въ К—й гимназіи была въ это время начальницей В. А. Н., которую я знала по Смольному, и потому я обратилась къ ней съ просьбой познакомить меня съ дѣломъ и не только съ наружной его стороною, но и съ закулисной. В. А. охотно взялась быть моимъ менторомъ, и послѣ осмотра гимназіи и нѣсколькихъ искреннихъ бесѣдъ съ нею, я ознакомилась съ «системой». — Однако, назначеніе мое въ Астрахань не состоялось: Государыня Императрица Марія Александровна соизволила утвердить представленіе мѣстнаго губернатора.

Между тѣмъ, среди моихъ знакомыхъ стало извѣстнымъ, что я желаю получить должность на педагогическомъ поприщѣ. Прошелъ годъ. Однажды, въ августъ 1875 г. получаю я записку отъ дочери моей изъ Смольнаго. «Е. Н. О. проситъ тебя до отъѣзда твоего въ В—у заѣхать къ ней. У нея есть мѣсто для тебя». Конечно, я немедленно отправилась въ Смольный, къ инспектрисѣ, Е. Н. О. Ея я не застала дома, но мать ея, жившая съ нею, показала мнѣ письмо директора Т—й гимназіи В. К. О. Ѳ., который обращался къ Е. Н., своей старой знакомой по Смольному, гдѣ онъ началъ свою педагогическую дѣятельность учителемъ, съ просьбой рекомендовать кого-нибудь изъ бывшихъ воспитанницъ Смольнаго на должность начальницы гимназіи, такъ какъ Ея Высочество желаетъ имѣть такового имен-

но изъ смолянокъ. Прочитавъ письмо, я сказала, что готова ѣхать въ Тифлисъ. И такъ какъ директоръ сообщалъ о своемъ скоромъ приѣздѣ въ П-бургъ, то я отложила свою поѣздку въ В—у въ ожиданіи его приѣзда. Между тѣмъ, Е. Н. О. извѣстила директора, что рекомендуетъ меня. На это извѣщеніе получена была телеграмма: «Ея Высочество утверждаетъ монастырку». — Вскорѣ затѣмъ явился и директоръ. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе умнаго, благовоспитаннаго и ловкаго человѣка. Между прочимъ, онъ сообщилъ мнѣ непріятную вещь: онъ предупреждалъ меня, что мнѣ предстоитъ дѣло нелегкое, а, именно, борьба съ нигилизмомъ, который проникъ въ стѣны гимназіи подъ покровительствомъ моей предшественницы. Условившись на счетъ времени приѣзда моего въ Т., мы простились, чтобы свидѣться уже на мѣстѣ. Съѣздивъ въ В—у, я въ концѣ сентября собралась въ путь, избравъ маршрутъ на Севастополь-Поти, какъ болѣе извѣстный путь. Но и этотъ путь оказался не совсѣмъ извѣстнымъ, такъ какъ ни въ П-бургѣ, ни на всемъ пути до Севастополя я не могла узнать о дняхъ отхода пароходовъ на Поті. Такимъ образомъ приѣхала я въ Севастополь, гдѣ, оказалось, пароходъ приѣхалъ изъ Одессы и немедленно уходитъ. Мнѣ пришлось еще принять багажъ на товарной станціи, что отняло много времени, и я имѣла удовольствіе, подбѣгая на лодкѣ къ пароходу, видѣть, какъ онъ снимается съ явора и уходитъ въ море. Былъ вторникъ, а слѣдующій пароходъ ожидался въ пятницу. Приходилось ждать три дня; но судьба сжалась надо мною: гуляя въ тотъ же день по городу, я встрѣтила одного стараго знакомаго, сослуживца моего покойнаго мужа, который оказался тутъ съ женою, и я провела три дня въ Севастополѣ очень пріятно, осмотрѣвъ, конечно, всѣ достопримѣчательности и насладившись чуднымъ воздухомъ. Наконецъ, въ пятницу пришелъ пароходъ, и я отправилась въ путь. Погода стояла чудная, на морѣ было тихо, и я выходила на берегъ на всѣхъ остановкахъ парохода: въ Ялтѣ, Феодосіи, Керчи. Въ Ялту пароходъ пришелъ вечеромъ и стоялъ два часа: я усѣла только забѣгать во вновь отстроенную гостинницу, бѣгло осмотрѣть ее, по дорогѣ купить винограду и вернуться на пароходъ. Феодосія мнѣ не понравилась: пустынная деревня. Но здѣсь я замѣтила рѣзкую разницу въ цвѣтѣ моря: у Ялты оно черное, у Феодосіи — свѣтло-зеленое. Конечно, это зависитъ отъ глубины моря. — Въ Керчи я попала къ вечернѣ въ древнѣйшую церковь, основаніе и самая постройка ея относится къ VIII в. Церковь совершенно въ землѣ. — Въ Сухумѣ я побоялась выйти на берегъ, опасаясь

лихорадки. Наконецъ, мы направились къ Поті, конечному пункту нашего плаванія, для чего мы пересѣли на маленькій пароходъ, такъ какъ большіе пароходы не могутъ войти въ Потійскій портъ. Нашъ новый пароходъ назывался «Голубчикъ», но пассажиры окрестили его въ „мерзавчика“, такъ отвратителенъ былъ онъ по отсутствію всякихъ удобствъ, что особенно чувствительно во время качки, обязательной у береговъ Кавказа. Качка уложила всѣхъ на «мерзавчикъ», пришлось стащить матрацы съ косякъ на полъ. Вдругъ въ полночь слышимъ: «Поті!» Но вслѣдъ за тѣмъ другой возгласъ: «Мимо!» обратилъ радость нашу въ отчаяніе. Оказывается, что пароходъ можетъ только днемъ и въ тихую погоду безъ риска заходить въ Потійскій портъ, открытый къ западу, т. е. въ сторону господствующаго наибольшаго волненія. Приходилось идти въ Батумъ и оттуда уже обратно въ Поті. Такимъ образомъ, пришлось побывать въ Батумѣ, тогда еще турецкомъ. Тамъ пароходъ стоялъ нѣсколько часовъ; всѣ пассажиры, конечно, вышли на берегъ; прошли мы по красивой набережной, красивой по виду на море, — полюбовались прекраснымъ видомъ на горы, покрытыя лимонными рощами, служащими съ сѣвера темнымъ фономъ для города, зашли въ ресторанъ, гдѣ сидѣло нѣсколько турокъ съ трубками за кофе. Мы съ любопытствомъ ихъ разсматривали, они же не обращали на насъ никакого вниманія. Мы спросили себя кофе и безъ всякаго удовольствія, по непривычкѣ, выпили по маленькой чашкѣ кофе съ гущей. Къ вечеру пароходъ принялъ насъ обратно, и мы на слѣдующее утро были въ Поті, гдѣ пришлось подвергнуться бесполезному осмотру таможенныхъ чиновниковъ, а къ вечеру я была въ Т. Такъ какъ я не давала телеграммы о своемъ пріѣздѣ, то меня никто не встрѣтилъ на вокзалѣ. Было еще не поздно, тотчасъ изъ гимназіи дали знать директору о моемъ пріѣздѣ, и онъ немедленно явился, прося на слѣдующій день къ нимъ обѣдать.

Это было 3 октября 1875 г. Начиналась для меня новая жизнь. Изъ человѣка свободнаго, зависящаго только отъ обстоятельствъ, я становилась человѣкомъ зависимымъ отъ людей. Характера я была покладливаго, изъ-за мелочей никогда не спорила, никогда ни съ кѣмъ не ссорилась, а только расходилась съ людьми, когда интересы и убѣжденія у насъ были противоположны. Но такъ было возможно поступать въ частной жизни. Иное требуется на службѣ. Впрочемъ, компромиссы были мнѣ еще незнакомы. Мой покойный мужъ, хотя и зависѣвшій отъ службы, всегда держалъ себя независимо, ни въ какіе компромиссы не входилъ, такъ — что одинъ изъ его начальниковъ, го-

воря о немъ, выразился такъ: «съ полковникомъ В. нужно *умѣть* говорить». Такимъ образомъ, та школа жизни, которую я прошла, не приготовила меня къ компромиссамъ. Я ѣхала въ Т. безъ всякой программы, одно я имѣла въ виду — служеніе дѣлу, которое было мнѣ по душѣ и которому я могла всецѣло отдаться.

Не стану описывать обходъ мною классовъ вмѣстѣ съ директоромъ, представленіе мнѣ служащихъ. Зданіе гимназіи (въ центрѣ города, противъ дворца намѣстника), хотя и недавно выстроенное на суммы, вырученныя отъ Высочайше разрѣшенной лотереи (стоило 100 т. р.), оказывалось уже тѣснымъ. Актный залъ, рассчитанный на 300 ученицъ, не могъ служить рекреационнымъ заломъ для 500; на общей молитвѣ тѣснота была ужасная. Рекреационнымъ заломъ въ хорошую погоду служилъ дворъ, впоследствии обращенный въ садъ, въ дурную — узкіе корридоры. Квартира начальницы состояла изъ трехъ комнатъ, изъ которыхъ одну приходилось уступать для дамской учительской. Дверь квартиры начальницы выходила въ корридоръ, въ которомъ были классы. Для прислуги помѣщеніе было внизу, и т. о. ночью я была одна въ цѣломъ этажѣ.

Классы были свѣтлые, просторные, въ дверяхъ были круглыя небольшія оконца, въ которыя можно было заглянуть въ случаѣ надобности. Классы помѣщались во всѣхъ трехъ этажахъ. Ко времени моего прібытія всѣхъ ученицъ было 560, а классовъ 16, не было еще параллельнаго отдѣленія въ старшемъ, VII кл. Болѣе половины ученицъ были православныя; изъ остальной части наибольшая часть приходилась на долю армянокъ, вдвое менѣе было грузинокъ, небольшое число полякъ, нѣмокъ, французенокъ; евреекъ было всего семь. Типъ послѣднихъ рѣзко отличается отъ знакомаго всѣмъ типа западно-русскихъ и польскихъ евреекъ. Между ними была одна, дочь раввина, желавшая во что-бы то ни стало присутствовать на урокахъ православнаго Закона Божьяго; она готовила уроки для нашего законоучителя и на экзаменъ вышла отвѣчать. Какъ ни убѣждали мы ее, что мы увѣрены въ ея познанія, что ей не нужно сдавать экзамена по Закону Божию, — она стояла на своемъ, пришлось уступить. Армянки представляли способный, особенно по математикѣ, но буйный элементъ. Какъ ни отвратителенъ типъ армянина, ученицы армянки были, однако, довольно симпатичны. Вообще, объ армянкахъ можно сказать, что онѣ легко руссѣются: выйдя замужъ за русскаго, онѣ становятся русскими. Дѣвочки-армянки легко привязываются къ русской школѣ. Первое время я часто слышала отъ ученицъ-армянокъ:

«у насъ завтра праздникъ, позвольте не приходить въ гимназію!» Пришлось выяснитъ, въ какіе армянскіе праздникі онѣ освобождаются отъ занятій. Оказывалось, что такихъ праздниковъ три въ году, все память просвѣтителя армянъ, Григорія. Но прошло нѣсколько мѣсяцевъ, я стала слышать отъ нихъ такія заявленія: «у насъ завтра праздникъ, позвольте прийти въ гимназію! Помолиться Богу можемъ и въ воскресенье». — Грузинки представляли симпатичный элементъ: кроткія, послушныя, но мало развитыя, дальше IV класса онѣ еще не шли, не могли еще усвоить всего курса. При мнѣ была первая, окончившая полный курсъ гимназіи.

Я начала со всесторонняго изученія дѣла. Самое трудное было для меня, повичка въ дѣлѣ и въ положеніи начальства, это — первые шаги на пути «начальствованія». Я вполне сознала, что необходимо съ перваго же шага быть начальствомъ (не въ смыслѣ высокомерія, конечно, а въ болѣе серьезномъ смыслѣ), иначе никогда не наступитъ этотъ моментъ, если будешь его откладывать, и, слава Богу, рубиконъ перейденъ благополучно въ первый же день. Помня предупрежденіе директора о нигилизмѣ, я зорко всматривалась и вслушивалась во все, меня окружавшее, чтобы подмѣтить черты нигилизма, съ которымъ мнѣ нужно было бороться, по словамъ директора, но, при всемъ стараніи открыть что-либо въ этомъ духѣ, я не замѣчала ни малѣйшаго слѣда нигилизма, да и дорогой еще, въ бесѣдахъ съ тифлисцами, я спрашивала о тифлисскомъ нигилизмѣ, но никто не могъ сообщить мнѣ ничего по этому вопросу; всѣ говорили, что ничего о немъ не слышали. Впослѣдствіи я узнала отъ лицъ, заслуживавшихъ довѣрія, что моя предшественница, честная и энергичная личность, неосторожно вступила въ борьбу съ директоромъ, который прикрывалъ свой произволъ фразой: «Такова воля Ея Высочества». Эта фраза служила всегда отвѣтомъ на вопросъ, почему и отъ чего дѣлается то или другое? Чтобы отдѣлаться отъ *безпокойной* начальницы, о ней доложили, какъ о личности, сѣющей нигилизмъ. Разслѣдованія не сдѣлали, объясненія не потребовали, и честная начальница, служившая дѣлу, была уволена. Съ фразой «Такова воля Ея Высочества» вскорѣ познакомилась и я. Знакомая съ постановкой учебнаго дѣла, я не мало удивилась тому, что въ четырехъ младшихъ классахъ Законъ Божій преподавался учительницами, не имѣвшими къ тому никакой подготовки, а одна изъ нихъ была даже католичка. Удивленіе свое я высказала директору и услышала

фразу «Такова воля Е. В.» Случалось обращаться къ нему и съ другими вопросами и всегда получался тотъ же отвѣтъ. Случалось и то, что одно и тоже разъ объяснялось волей Ея Высочества, другой разъ чѣмъ-нибудь другимъ.

Вскорѣ пришлось мнѣ убѣдиться, что воля Е. В. часто не причемъ. Предоставленіе же преподаванія Закона Божія учительницамъ и даже католичкѣ я имѣю основаніе объяснить легкимъ отношеніемъ къ этому дѣлу самого директора. И вотъ доказательство тому: когда на послѣдней педагогической конференціи перваго при мнѣ учебнаго года возбужденъ былъ законоучителемъ вопросъ о преподаваніи богослуженія въ IV классѣ, и директоръ обратился къ одной изъ преподавательницъ Закона Божія съ предложеніемъ взять на себя преподаваніе богослуженія, она же наотрѣзъ отказалась, ссылаясь на свою неподготовленность, то директоръ замѣтилъ: «ничего, ничего, какъ-нибудь справитесь!» Но тогда и я вышлась въ этотъ споръ, замѣтивъ, что никакой предметъ, тѣмъ болѣе Законъ Божій, нельзя преподавать *какъ-нибудь*. «Что же касается учительницы, отказывающейся братья не за свое дѣло, то это дѣлаетъ ей честь» — добавила я. Нечего было дѣлать: пришлось возложить преподаваніе богослуженія на законоучителя.

Вмѣсто нигилизма я нашла женскій персоналъ весьма симпатичнымъ; учительницы, большей частью молодыя, крайне добросовѣстно относились къ своему дѣлу, нѣкоторые изъ нихъ окончили курсъ въ педагогическомъ классѣ этой же гимназіи; одно меня поразило: воспитательная часть не существовала; были учительницы, надзиравшія за классомъ, но, согласно инструкціи, утвержденной Намѣстникомъ, обязанности ихъ по надзору состояли единственно въ томъ, чтобы оставаться въ классѣ до прихода преподавателя и вести т. н. «памятныя книжки», т. е. аттестаціи ученицъ; сверхъ того онѣ дежурили по гимназіи, причемъ эта обязанность состояла въ распредѣленіи по классамъ, свободнымъ отъ занятій, необязательными предметами (иностр. языками и танцами). За исполненіе этихъ обязанностей по надзору онѣ получали 60 р. въ годъ. И вотъ, прежде, чѣмъ заговорить о болѣе правильной постановкѣ воспитательнаго дѣла, я рѣшила продѣлать лично все, что я считала необходимымъ для поддержанія общаго порядка и благочинія въ заведеніи. Я первая являлась на службу и послѣдняя уходила; десять разъ на день заглядывала я въ одно и тоже мѣсто, осматривала по-классно всѣ локти и башмаки, слѣдила

за уроками и играми въ саду, когда раздавался звонокъ для переменъ, я становилась на поворотъ къ лѣстницѣ, ведущей въ садъ, и загоразивала собою проходъ, удерживая летящую стремглавъ толпу, стремящуюся въ садъ. Словомъ, я ни одной минуты не знала отдыха, къ 3-мъ часамъ я буквально изнемогала. Не разъ учительницы обращались ко мнѣ со словами: —неужели вы думаете, Е. И., что мы не хотимъ раздѣлять съ вами трудъ? Вѣдь, вы изнемогаете! — «Подождите, mesdames», отвѣчала я, — «я хочу на дѣлѣ узнать, что могу я взять на себя, и чего не могу». — И, вотъ, когда я убѣдилась, наконецъ, въ невозможности сосредоточить въ себѣ весь надзирающій персоналъ, не говоря уже о воспитательномъ, ибо кромѣ вышеуказаннаго, есть еще масса и серьезныхъ дѣлъ, и мелкихъ, требующихъ вниманія и участія начальницы (на опытъ ушелъ мѣсяцъ), я заговорила съ директоромъ о необходимости имѣть хоть нѣсколько самостоятельныхъ классныхъ надзирательницъ и въ тоже время нѣсколько расширить кругъ воспитательныхъ обязанностей учительницъ - надзирательницъ. Сначала директоръ возразилъ мнѣ на это, что имѣть отдѣльныхъ классныхъ надзирательницъ невозможно, такъ какъ всѣ онѣ обыкновенно стремятся получить уроки; на это я замѣтила, что разъ должность классной надзирательницы будетъ отдѣлена отъ должности преподавательницы, то первыя не будутъ стремиться къ полученію уроковъ. Однако, нѣсколько дней спустя директоръ предложилъ мнѣ составить инструкцію для классныхъ надзирательницъ, чѣмъ я и занялась.

Въ концѣ октября возвратились изъ Боржома Ихъ Высочества. На другой же день пріѣзда Ихъ, Великій Князь посѣтилъ гимназію. Я стояла съ директоромъ на площадкѣ, при поворотѣ въ средній коридоръ. Великій Князь вошелъ садомъ, такъ, что никто не видѣлъ, какъ вошелъ Его Высочество въ гимназію и неожиданно явился передъ нами. Директоръ представилъ меня, Великій Князь подаль мнѣ руку, затѣмъ близко подошелъ ко мнѣ и спросилъ: «Скажите, вашъ мужъ былъ бригаднымъ адъютантомъ, а затѣмъ командиромъ гвардейской N батареи?» — Точно такъ, В. В.! — Еще разъ протянувъ мнѣ руку, Великій Князь сердечно проговорилъ: «Очень, очень радъ послужить вмѣстѣ». — Его Высочество обошелъ всѣ классы, вездѣ передавалъ ученицамъ милостивый поклонъ Великой Княгини. На такое привѣтствіе ученицы, къ крайнему моему удивленію, отвѣчали: «Merci!» Уже 12 лѣтъ существовала гимназія, часто посѣщалась Ихъ Высочествами, а ученицы не знали, какъ отвѣчать на привѣтствіе Ихъ Высочествъ! Конечно, по

уходѣ Великаго Князя, я обошла всѣ классы, объясняя ученицамъ, что нельзя говорить Ихъ Высочествамъ, да и вообще старшимъ «мерси», а слѣдуетъ говорить «благодарю». Съ тѣхъ поръ я каждый разъ, когда слышала отъ ученицъ слово «мерси», замѣчала имъ: не «мерси», а «благодарю». Замѣтила я также, что гимназическія дамы не умѣютъ кланяться Великому Князю, какъ слѣдуетъ. Вскорѣ обнаружилось, что ученицы не знаютъ, что Архіереямъ не дѣлаютъ реверансовъ. Все это, скажутъ, пустяки! Но все это относится къ благовоспитанности, которая необходима каждому образованному человѣку, а тѣмъ болѣе женщинамъ. Пренебреженіемъ этимъ въ женскихъ гимназіяхъ въ первыя десятилѣтія существованія ихъ создавался тотъ отвратительный типъ гимназистки, который былъ причиной того, что слово «гимназистка» надолго оставалось браннымъ словомъ. Въ этомъ виноваты, конечно, первые устроители женскихъ гимназій, которые хотѣли видѣть въ нихъ только учебныя заведенія, но не учебно-воспитательныя. Но это время приходитъ къ концу. Всѣ разумные люди убѣдились въ томъ, что школа, которая не воспитываетъ, развращаетъ.

Нѣсколько времени спустя послѣ посѣщенія гимназіи Его Высочествомъ, пріѣхалъ въ Т. Великій Князь Николай Николаевичъ по случаю ожидавшагося рожденія у Великой Княгини седьмого ребенка. Вскорѣ по пріѣздѣ высокаго гостя оба Великихъ Князя посѣтили нашу гимназію. По поводу этого посѣщенія казакъ великокняжескій рассказалъ гимназическимъ сторожамъ слѣдующее: —Сегодня мы пришли посмотрѣть на новую начальницу. Великій Князь Михайлъ говоритъ Великому Князю Николаю: — «Пойдемъ, братъ, въ женскую гимназію, увидишь новую начальницу! Помнишь В.?» — Помню. — «Ну, такъ это — вдова его». — Такъ, вѣдь, она должна быть старуха! — «Какая старуха! Вотъ увидишь». — Вотъ мы и пришли, — заключилъ свой рассказъ казакъ. Великій Князь Николай Николаевичъ зналъ хорошо отца моего мужа и думалъ, что рѣчь идетъ о его вдовѣ. Оба высокихъ гостя обошли всѣ классы, вездѣ крайне привѣтливо относясь къ дѣтямъ. Уходя Великій Князь Намѣстникъ, прощаясь со мной, сказалъ: «Великая Княгиня проситъ васъ къ себѣ сегодня въ три часа. Такъ придете?» — Слушаю, Ваше Высочество! — Наконецъ-то предстояло мнѣ представиться Великой Княгинѣ, о которой я такъ много слышала и которой я была впервые представлена, какъ жена артиллерійскаго офицера, въ Варшавѣ въ 1862 г., на балу у Его Высочества Намѣстника, когда Великій Князь Михайлъ Николаевичъ остановился въ Варшавѣ на пути въ Ти-

флись. Въ то время, при представленіи моемъ Великому Князю Михаилу Николаевичу Его Высочество, распрашивая меня о нашемъ помѣщеніи въ казармахъ, по поводу отвѣта моего «à la queeste come à la queeste», замѣтилъ: «Однако, вы самая покладливая!» Это было намекомъ на то, что всѣ другія дамы нашей бригады жаловались на дурныя помѣщенія. Конечно, Ихъ Высочества совершенно забыли о моемъ представленіи въ В—ѣ, равно какъ и Великій Князь Николай Николаевичъ, которому и также была представлена въ В—ѣ намѣстникомъ гр. Б.—

Ровно въ три часа я была во дворцѣ. Великій Князь, изъ окна своего кабинета видѣвший, какъ я переходила улицу противъ дворца, встрѣтилъ меня въ залѣ. Вновь поздоровавшись, Его Высочество повелъ меня въ покои Великой Княгини. Ея Высочество уже ожидала меня посреди своего будуара. При входѣ въ эту комнату, я споткнулась въ дверяхъ о коверъ. Великій Князь поправилъ коверъ. Великая Княгиня улыбнулась, я же смутилась, невольно подумавъ о суетѣ примѣтъ. Съ улыбкой приветствуя меня, Великая Княгиня протянула мнѣ руку, а затѣмъ, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ назадъ, сѣла, пригласивъ и меня сѣсть. Великій Князь остался тутъ же. Ея Высочество стала спрашивать меня о впечатлѣніи, произведенномъ на меня гимназіей. Я отвѣчала откровенно, сказавъ, между прочимъ, что нигилизма не нашла, но что учителя—мужики.—Великая Княгиня, засмѣявшись, замѣтила:—«Это, можетъ быть, духъ времени?»—«Этотъ духъ времени отъ насъ зависитъ, Ваше Высочество!»—отвѣчала я,—будемъ требовать другое, и будетъ другое.—Тогда Великій Князь заговорилъ о томъ незнаніи приличій, какимъ отличаются учительницы гимназій, и тутъ же представилъ одну изъ нихъ, милѣйшую личность, но получившую гимназическое «воспитаніе», не дававшее понятія о приличіяхъ. Затѣмъ Великая Княгиня спросила меня, многихъ-ли ученицъ я уже узнала? Я отвѣчала, что ознакомилась съ нѣкоторыми.—«Вѣроятно, знаете лучшихъ и худшихъ?»—замѣтилъ Великій Князь.—«Точно такъ, Ваше Высочество!»—отвѣчала я. «А познакомились-ли вы съ кѣмъ-нибудь изъ общества?»—спросилъ Великій Князь.—«Я здѣсь нашла своего земляка, котораго знала гимназистомъ, директора мужской гимназій, М.—«Прекрасный человѣкъ!»—замѣтилъ Великій Князь,—«но подите же, какой случай былъ у него въ С—й гимназіи...» Я улыбнулась, зная о чемъ рѣчь. Великій Князь замѣтилъ мою улыбку.—«Вы слышали?»—Слышала, Ваше Высочество, но,—добавила я,—это можетъ со всякимъ случиться...—Великій Князь улыбнулся. Рѣчь шла о томъ, какъ

Его Высочество, при посѣщеніи С—й гимназій, оставшись весьма довольнымъ всѣмъ видѣннымъ, зашелъ, неожиданно, по дорогѣ, въ одну изъ спаленъ учениковъ, а тамъ въ это время находился одинъ изъ старшихъ учениковъ, который въ минуту входа Великаго Князя поправлялъ свой туалетъ. Увидя вошедшаго Великаго Князя, гимназистъ такъ растерялся, что не пошевелился. Великій Князь спросилъ его фамилію,—оказался полякъ. Случай этотъ произвелъ непріятное впечатлѣніе на Великаго Князя. Мое откровенное замѣчаніе освѣтило въ глазахъ Его Высочества этотъ фактъ въ надлежащемъ свѣтѣ, и Великій Князь никогда болѣе не вспоминалъ о немъ. Въ такихъ разговорахъ провела и съ Ихъ Высочествами не менѣе часа. Пожелавъ мнѣ успѣха въ моей дѣятельности, Ея Высочество милостиво отпустила меня, а Великій Князь снова проводилъ меня до выхода изъ зала.

Я была обворожена милостивымъ обращеніемъ Ихъ Высочествъ. Такая простота въ обращеніи меня плѣнила. Великаго Князя я давно привыкла чтить, какъ начальника моего мужа, такъ много хорошаго слышала я отъ мужа и другихъ артиллеристовъ о своемъ Августѣйшемъ начальникѣ, и съ перваго же представленія моего въ гимназіи и сердечныхъ словъ, сказанныхъ мнѣ Его Высочествомъ, я стала преданнѣйшей его слугой. Пріемомъ своимъ Великая Княгиня также привлекла меня къ себѣ. На другой же день я собрала весь женскій персоналъ гимназій и сообщила о замѣчаніи, сдѣланномъ Великимъ Княземъ по адресу ихъ. При этомъ я объяснила имъ, какъ должно приветствовать членовъ Императорской фамиліи, на что одна изъ учительницъ, воспитанница Патріотическаго института, замѣтила:—«Мы знаемъ это.—Тѣмъ хуже для васъ,—замѣтила я,—что вы, зная это, не исполняете!» Директору я тоже передала разговоръ мой съ Ихъ Высочествами, не скрывъ и моего отзыва объ учителяхъ. Директоръ принялъ это къ свѣдѣнію и на первомъ же педагогическомъ засѣданіи ловко и тонко преподавалъ учителямъ урокъ вѣжливости.—Между тѣмъ, я познакомилась съ гофмейстериной, гр. А. П. А. и съ фрейлиной, А. С. О. Последней поручено было Великой Княгиней посѣщать гимназію и докладывать Ея Высочеству о всемъ видѣнномъ и слышанномъ по учебной и воспитательной частямъ. Съ обѣими дамами я часто видѣлась; послѣдняя посѣщала гимназію каждую недѣлю; она была солиднаго образованія, очень интересовалась дѣломъ, относилась ко всему серьезно, и мы съ ней сходились во взглядахъ. Рѣдкій день мы не видѣлись. Чрезъ А. С. я предупреждала Великую

Княгиню, когда что случалось въ гимназiи или виѣ ей съ ученицами, о чемъ могло дойти до Ея Высочества въ искаженномъ видѣ. А. С. была съ большимъ тактомъ и весьма полезной посредницей между Великой Княгиней и гимназiей, такъ какъ пользовалась большимъ довѣріемъ Ея Высочества.

Графиня А. П. пользовалась особеннымъ уваженіемъ Великаго Князя. Въ Тифлисѣ боготворили графиню, считали ее ангеломъ. Графиня считала своей обязанностью, какъ ближайшаго лица Великой Княгини, доставлять Ея Высочеству возможно болѣе случаевъ дѣлать добро.

Но возвратимся къ гимназiи. На первыхъ порахъ директоръ передалъ мнѣ, что онъ со всѣхъ сторонъ слышитъ похвалы мнѣ, что всѣ въ городѣ поздравляютъ его съ моимъ назначеніемъ, что всѣ родители довольны тѣмъ, что я на все обращаю вниманіе. Однажды даже онъ сказалъ мнѣ: «Я увѣренъ, что когда Великая Княгиня ближе узнаетъ васъ, то пожелаетъ замѣстить вами м-ше К. (начальницу мѣстнаго института), которою Ея Высочество не довольна». Свое предположеніе директоръ, вѣроятно, высказывалъ и другимъ, такъ какъ въ скоромъ времени и въ институтѣ, и въ городѣ стали говорить объ уходѣ К. и о моемъ назначеніи на ея мѣсто. Эти разговоры были для меня крайне неприятны, тѣмъ болѣе, что они успѣли уже повліять на мои отношенія съ м-ше К. Сначала мы видѣлись съ нею довольно часто, она была очень любезна со мною, знакомила меня съ институтомъ, а послѣ этихъ разговоровъ стала рѣже бывать у меня и суше обращаться со мною. А тутъ случилось еще, что вновь назначенный Управляющимъ гражданской частью, или точнѣе, начальникъ управленія гражданской части сенаторъ К., посѣтивъ нашу гимназiю, остался очень доволенъ всѣмъ видѣннымъ, въ институтѣ же ему что-то не понравилось, и онъ замѣтилъ начальницѣ: «Вы бы побывали въ гимназiи и ознакомились съ тамошними порядками!» Это окончательно возстановило м-е К. противъ меня, и такъ какъ вышеприведенные разговоры отъ времени до времени возобновлялись въ городѣ, то однажды м-е К. сказала гр. А.: «Представьте себѣ, въ городѣ говорятъ, что я ухожу, и даже называютъ мою преемницу м-е В.» При этомъ она сдѣлала намекъ на то, будто и интригу. Графиня горячо возстала противъ такого подозрѣнія, а когда я услышала это отъ графини, то просила ее успокоить м-е К. увѣреніемъ, что я рѣшительно не намѣрена пускать глубокіе корни въ Т., такъ какъ климатъ мнѣ не нравится, и у меня есть больная дочь, для которой тифлисскій климатъ

вреденъ, и ради нея я не останусь въ Т. — Не долго, однако, директоръ передавалъ мнѣ прiятныя вещи. Когда мнѣ пришлось въ первый разъ раздавать четвертныя аттестаціи, а дѣлалось это очень торжественно, мы вмѣстѣ съ директоромъ обходили классы и при выдачѣ аттестаціи почти каждой говорилось что-нибудь въ поощреніе или наставленіе; и, вотъ, при первомъ нашемъ обходѣ я обратила вниманіе директора на то, что всѣмъ безразлично ставится 5-ки за поведеніе; между тѣмъ, я успѣла уже замѣтить такихъ ученицъ, которыя не заслуживаютъ такой отмѣтки. «Да!» — согласился со мной директоръ, — «вы правы, нельзя всѣмъ безразлично ставить 5-ки» — и предложилъ мнѣ зайти въ учительскую, гдѣ, вѣроятно, учительницы заняты выставленіемъ отмѣтокъ. Дѣйствительно, мы застали тамъ двухъ дамъ, занятыхъ аттестаціями. «Вы, mesdames, прежде, чѣмъ выставятъ отмѣтки за поведеніе, совѣщайтесь съ Е. И. Всѣмъ ученицамъ безразлично нельзя ставить 5-ки». Тутъ же я отмѣтила тѣхъ ученицъ, которымъ слѣдовало сбавить баллъ за поведеніе. Тоже было сдѣлано и въ другихъ классахъ. И вотъ, когда мы съ директоромъ направлялись на слѣдующій день въ классъ для раздачи аттестацій, онъ замѣтилъ мнѣ: «А знаете, среди родителей ропотъ за сбавку балловъ?» — Да? — спросила я и больше ничего къ этому не добавила. Сами же ученицы нисколько не удивлялись сбавкѣ балловъ, онѣ лучше всѣхъ знали, кто чего заслуживаетъ. Раздача аттестацій происходила обыкновенно въ теченіе нѣсколькихъ дней. Передъ третьей раздачей директоръ опять говоритъ мнѣ: «А ропотъ увеличивается!» — Сдѣлайте одолженіе, Л. Н., направляйте ко мнѣ недовольныхъ! — Но недовольныхъ не присылалъ ко мнѣ директоръ, ни самъ болѣе не говорилъ мнѣ о ропотѣ. Прошло нѣкоторое время; однажды говоритъ мнѣ директоръ: «Вчера въ кружкѣ *) меня обступили родители, жалуются на гигантскіе шаги, говорятъ: «бабшмаки у дѣтей такъ и горятъ!» Нельзя-ли запретить дѣтямъ бѣгать?» — «Вы знаете, Л. Н., что это невозможно. Гигантскіе шаги подарены Великимъ Княземъ; какъ могу я запретить пользоваться ими? А лучше, предложите тѣмъ изъ родителей, которые не желаютъ, чтобы ихъ дѣти бѣгали на гигантскихъ шагахъ, заявить мнѣ о своемъ нежеланіи, я тѣмъ ученицамъ и запрещу бѣгать». — Никто, однако, изъ родителей не сдѣлалъ мнѣ такого

*) Такъ называется русскій клубъ, весьма симпатичное въ то время учрежденіе, предоставлявшее бесплатный входъ всѣмъ женщинамъ, служащимъ въ учебныхъ заведеніяхъ.

заявленія; когда я рассказала гр. А. о томъ и другомъ случаѣ, то она замѣтила: — «Должно быть васъ слишкомъ хвалили».

Въ декабрѣ состоялись крестины поворожденнаго Великаго Князя. Приглашенныхъ во дворецъ было не много: гражданскіе чиновники первыхъ четырехъ классовъ, изъ военныхъ начальники отдѣльных частей, изъ дамъ жены высокопоставленныхъ и начальницы учебныхъ заведеній.

Въ началѣ января я была избрана въ кассиры ссудосберегательной кассы гимназіи и прогимназіи.

14 января, въ день св. Нины, просвѣтительницы Грузин, я получила приглашеніе въ женское учебное заведеніе св. Нины, утромъ на богослуженіе и вечеромъ на балъ. На богослуженіи я была, отъ бала же отказалась, такъ какъ слишкомъ утомлялась въ гимназіи. На слѣдующій день приходитъ въ гимназію Великій Князь. Поздоровавшись со мной, Его Высочество говоритъ мнѣ: — А вамъ выговоръ: отчего вы не были вчера вечеромъ у Нины? — «Ваше Высочество! — отвѣчала я, — я такъ утомляюсь къ вечеру, что...» — Вамъ не до Нины? — перебилъ меня Великій Князь. — «Точно такъ, Ваше Высочество!» —

Въ февралѣ Великая Княгиня въ первый разъ послѣ болѣзни своей посѣтила гимназію. Ихъ Высочества обыкновенно приходили въ гимназію черезъ дворъ. Отъ директора я узнала, что Великая Княгиня не любила, чтобы дѣти тѣснились около нея, — Великій Князь, напротивъ, любитъ это. Когда Ея Высочество замѣтитъ, бывало, какую нибудь неотесанную дѣвочку, то спроситъ: «C'est du простой?» и на утвердительный отвѣтъ улыбнется. При посѣщеніи гимназіи Великая Княгиня обыкновенно обойдетъ всѣ классы, въ нѣкоторыхъ посидитъ на урокѣ; всѣмъ служащимъ Ихъ Высочества подавали руку. Великая Княгиня со мною говорила по-французски, съ преподавателями и преподавательницами иностранныхъ языковъ на соответствующемъ языкѣ, со всѣми остальными по-русски; Великій Князь со всѣми говорилъ по-русски. Однажды придя въ гимназію, Великій Князь выразилъ желаніе послушать пробный урокъ ученицъ педагогическаго класса. Тотчасъ же былъ устроенъ таковой въ приготовительномъ классѣ, но такъ какъ Великій Князь пришелъ въ исходѣ 3-го урока, то пробный урокъ захватилъ большую переѣну. Дѣти, узнавъ о присутствіи Великаго Князя, стали рваться къ Нему и страшно шумѣли. Пользоваться свободой переѣны имъ не мѣшали, но онѣ до того увлеклись, что стали толкаться въ дверь класса, въ которомъ находился Великій Князь на пробномъ урокѣ. Мы сидѣли противъ двери; слыша

удары въ дверь, я взглянула на преподавателя, сидѣвшаго у двери, и знакомъ головы указала ему на дверь. Онъ понялъ и вышелъ унять разбушевавшихся. Но удары въ дверь не прекращались. Я шепнула сидѣвшему подлѣ меня директору, онъ вышелъ унять шумѣвшихъ, но и это не помогло. Тогда я ужъ сама, оставивъ Великаго Князя, вышла унять расхोлившихся. И вотъ, какая картина предстала моимъ глазамъ: въ двухъ шагахъ отъ двери, выбиваясь изъ силъ, стояла дежурная, учительница французенка. Красная, какъ ракъ, (она была полная), потъ градомъ лилъ съ ея лица, — она стояла съ распростертыми руками, сдерживая напиравшую толпу. Лѣстница, противъ двери, была усыпана съ верху до низу дѣтьми. Я объявила, что вся гимназія останется послѣ уроковъ. Разомъ всѣ притихли. Послѣ уроковъ я задержала всѣхъ на полъ-часа, ровно на столько времени, на сколько могло хватить требуемой мною мертвой тишины. Между тѣмъ, Великій Князь, по окончаніи пробнаго урока, ушелъ. Изъ окна своего кабинета Его Высочество видѣлъ, какъ ученицы выходили изъ гимназіи. Часъ спустя является ко мнѣ тотъ самый преподаватель, который пытался унять шумѣвшихъ, и сообщаетъ, что встрѣтилъ на улицѣ Великаго Князя, который спросилъ: — «Дѣти были наказаны?» — Точно такъ, Ваше Высочество! — «За что?» — За то, что шумѣли въ присутствіи Вашего Высочества. — «Бѣдныя дѣти, бѣдныя дѣти!» проговорилъ Великій Князь. — На слѣдующій день Великая Княгиня зачѣмъ-то потребовала къ себѣ директора. Пришелъ туда и Великій Князь. Близко подойдя къ директору, Великій Князь, глядя на него въ упоръ, спросилъ: «Такъ для дѣтей наказаніе, когда я прихожу?» — Директоръ молчалъ. Великій Князь повторилъ вопросъ. Директоръ, глядя на Великую Княгиню, заминаясь, проговорилъ: «Мы имѣемъ указаніе отъ Ея Высочества сдерживать ихъ чрезмѣрные порывы...» Великій Князь поклонъ, повернулся и ушелъ. — «Ничего, ничего!» — замѣтила Великая Княгиня, m-e В. хорошо сдѣлала, наказавъ ихъ, и, если кого надо жалѣть, такъ это ее, такъ какъ, наказывая дѣтей, она наказываетъ и себя, оставаясь съ ними». Вечеромъ того-же дня заѣхала ко мнѣ гр. А. Я спросила ее, не сердится-ли на меня Великій Князь? — «О, нѣтъ!» отвѣчала она, — «Великій Князь знаетъ, что вы не можете иначе поступать».

Великая Княгиня, хорошо знавшая дѣтскую натуру, такъ какъ неусыпно слѣдила за воспитаніемъ своихъ Августѣйшихъ дѣтей, всегда говорила: «Гдѣ дѣти, тамъ и шалости», никогда не обвиняя воспитателей въ шалостяхъ дѣтей и только спрашивала,

какое было взысканіе? — Ко мнѣ Ихъ Высочества относились крайне милостиво и даже внимательно. Такъ, когда, по возвращеніи Ихъ Высочествъ изъ Боржома осенью 1875 г., возвратившійся изъ отпуска Попечитель учебнаго округа, Я. М. Н., явился къ Августѣйшему Намѣстнику, то услышалъ вопросъ: — «Познакомились-ли вы съ новой начальницей гимназій?» — Это побудило Попечителя въ тотъ же день навѣстить меня, и, такимъ образомъ, не я первая явилась къ нему, какъ подобало, а онъ первый сдѣлалъ мнѣ визитъ. Не разъ слышала-я отъ знакомыхъ мнѣ генераловъ, что за обѣдомъ у Ихъ Высочествъ, за такъ называемыми «генеральскими» обѣдами по вторникамъ, шла рѣчь обо мнѣ въ самыхъ лестныхъ для меня выраженіяхъ. Директоръ мужской гимназій, мой землякъ, передалъ мнѣ однажды, что на урокъ у В. К. Николая Михайловича услышалъ вопросъ отъ своего Августѣйшаго ученика: «Вы, кажется, хорошо знакомы съ м-е В.? Говорятъ, прекрасная личность?» Всѣ эти свѣдѣнія и самое обращеніе со мною Ихъ Высочествъ несомнѣнно радовали меня и поддерживали во мнѣ духъ. Больше всего обязана была я этимъ гр. А. и А. С. О., которые пользовались всякимъ случаемъ, чтобы сказать обо мнѣ доброе слово. Благодаря этому, я могла быть полезной дѣлу, которому служила. Директоръ, между тѣмъ, продолжалъ преподносить мнѣ пилюли, которыхъ я, однако, не глотала. Такъ однажды сообщилъ онъ мнѣ, что «говорятъ», будто ученицы гимназій поздно вечеромъ гуляютъ однѣ въ городскихъ садахъ, и предложилъ ввести надзоръ за ними въ лицѣ учительницъ-надзирательницъ. На это я возразила, что не наше дѣло слѣдить за ученицами внѣ гимназій, а дѣло родителей, и что, еслибы наши дамы стали ходить по вечерамъ по садамъ для ловли ученицъ, то стали бы говорить о нихъ самихъ, тѣмъ болѣе, что почти всѣ онѣ молодыя. А на предложеніе придумать способъ надзора я отвѣтила: «Не стану и придумывать!» Сообщивъ о такомъ предложеніи учительницамъ, я услышала отъ нихъ: — «Да мнѣ панаща не позволить!» — говорили однѣ; — «Да меня мамаша не пустить» — говорили другія. При первомъ же свиданіи съ А. С. О. я просила ее доложить Великой Княгинѣ объ этихъ разговорахъ и о моемъ взглядѣ на это. Вскорѣ послѣ этого посѣтили гимназію Ихъ Высочества, съ ними была и Великая Княжна. Сидя на одномъ урокъ, Великая Княгиня обратилась ко мнѣ съ вопросомъ: «Qu' est ce qu' on dit — qu' elles vont à Mouschtaïd?» *). Pas précisément à Mouschtaïd,

*) Садъ на окраинѣ города.

madame, mais partout dans les jardins. — «Est-ce que c'est possible?» — Madame, ie y a toutes sortes de parents et toutes sortes d'enfants, nous ne pouvons pas les surveiller. — «Ah, certainement!» («Что говорятъ, что онѣ бываютъ въ Муштандѣ?» — Не въ Муштандѣ, именно, а во всѣхъ садахъ. — «Возможно-ли это?» — Ваше Высочество! Есть всякіе родители и всякія дѣти, мы не можемъ наблюдать за ними. — «О, конечно!»). Вопросъ былъ исчерпанъ, и этимъ закончились на сей годъ сообщенія мнѣ директоромъ слуховъ и сплетенъ. Весною слѣдующаго года полученъ былъ въ гимназій циркуляръ Попечителя учебнаго округа, которымъ объявлялось, что вслѣдствіи возбужденнаго нѣкоторыми попечителями учебныхъ округовъ вопроса: слѣдуетъ-ли дѣлать 2% вычетъ изъ содержанія женщинъ, служащихъ въ среднеучебныхъ заведеніяхъ Мин. Нар. Пр. Министръ, по соглашенію съ Министромъ Финансовъ и Государственнымъ контролеромъ, пришелъ къ заключенію, что вычету этому подлежатъ женщины наравнѣ съ мужчинами, а потому попечитель Кавказскаго учебнаго округа счелъ нужнымъ испросить у Е. И. В. Великаго Князя Намѣстника разрѣшеніе распространить вышеупомянутое распоряженіе Министра Нар. Пр. и на женскія учебныя заведенія края. Прочитавъ этотъ циркуляръ Попечителя, я замѣтила директору: — Такое распоряженіе не законно. Еслибы Министръ Нар. Пр. потягивалъ и со всѣми прочими Министрами, то и тогда они не имѣли-бы права рѣшать этотъ вопросъ. Онъ долженъ быть разрѣшенъ законодательнымъ путемъ, а не административнымъ. И къ тому же — съ какой стати дѣлать вычетъ въ пенсіонную кассу съ женщинъ, которыя изъ этой кассы пенсіи не получаютъ? Вѣдь, онѣ получаютъ одинаковую пенсію съ гувернанткой, внесшей единовременно 12 р. за обмѣнъ аттестата на дипломъ въ пенсіонную кассу домашнихъ учителей и учительницъ и наставниковъ и наставницъ. Эти 12 р. вносятъ и всѣ женщины, служащія въ сред. учеб. заведеніяхъ Министерства, и этотъ взносъ даетъ имъ уже право, какъ и гувернанткамъ, на полученіе пенсіи въ 80 р. и 160 р. Другой пенсіи онѣ не получаютъ, и дѣлать 2% вычетъ изъ ихъ содержанія въ пользу пенсіонной кассы для мужчинъ, получающихъ вдвое и въ три болѣе женщинъ за тотъ же трудъ, — въ высшей степени не справедливо. — «Да, вѣдь, для насъ обязательно исполнить распоряженіе Попечителя!» — замѣтилъ мнѣ директоръ. — Для насъ прежде всего обязательно объяснить Попечителю незаконность распоряженія Министра, — возразила я. — Въ тотъ же вечеръ встрѣтилась я съ Попечителемъ у Л. Л. М. «Мы получили

вашъ циркуляръ, Л. М., но, вѣдь, это распоряженіе незаконное...» и затѣмъ изложила я ему все то, что говорила директору. — «Такъ какъ же быть? Я, вѣдь, доложилъ Намѣстнику». — «Такъ передоложите!» — отвѣчала я. — На слѣдующій день приходитъ попечитель въ гимназію; мнѣ сообщаютъ, что онъ въ канцеляріи и желаетъ меня видѣть. Прихожу. Въ рукахъ у попечителя брошюра циркуляровъ одного изъ попечителей. «Вотъ и такой-то попечитель возбудилъ тотъ же вопросъ» — началъ Л. М. — Да хотя бы они всѣ возбудили тотъ же вопросъ, дѣло отъ этого не измѣняется, — возразила я. — «И въ самомъ дѣлѣ, В. Пр-о», заговорилъ директоръ, и сталъ развивать ту же мысль и приводить тѣ же доводы, что и я. Выслушавъ насъ внимательно, Попечитель поручилъ директору доложить объ этомъ Попечительному совѣту гимназіи и мнѣніе послѣдняго доложить ему. Директоръ поручилъ мнѣ составить докладъ и затѣмъ Попечитель, выслушавъ докладъ директора, передоложилъ Е. И. В. Великому Князю Намѣстнику, и сдѣланное уже распоряженіе по округу было отмѣнено. Этотъ случай, какъ нельзя лучше, доказываетъ, что можно передокладывать дѣла, когда оказывается это нужнымъ. Я лично не разъ въ жизни испытывала это.

Между тѣмъ, инструкция для классныхъ надзирательницъ была мною составлена и передана директору. По поводу вознагражденія за надзоръ послѣдній мнѣ сказалъ: «Онѣ (т. е. учительницы) забыли, что всегда получали 25 р. за годовой урокъ, а 15 р. добавочныхъ за каждый изъ 12 штатныхъ уроковъ опредѣлены были за обязанности по надзору; т. о. образуются 180 р., а присоединивъ къ нимъ 60 р. за веденіе памятныхъ книжекъ, получается 240 р., которые и можно опредѣлить за обязанности по надзору, какъ отдѣльнымъ класснымъ надзирательницамъ, такъ и учительницамъ, завѣдующимъ классомъ. Тѣ же учительницы, которыя не будутъ завѣдывать классомъ, останутся при 25 р. за годовой урокъ». Какъ лицо новое, еще незнакомое съ прежними опредѣленіями Попечительнаго совѣта по вопросу о вознагражденіи служащихъ въ гимназіи, я выслушала объясненіе директора молча. Инструкцію, составленную мною, директоръ дополнилъ статьями, касающимися правъ и обязанностей отдѣльных лицъ и коллегіальныхъ учреждений. Въ статьѣ о вознагражденіи за преподаваніе онъ внесъ слова: «размѣръ вознагражденія за преподаваніе въ гимназіи и прогимназіи опредѣляется Попечительнымъ Совѣтомъ, причемъ плата преподавательницамъ должна быть *оптимально не меньше 25 р. за годовой урокъ...*» Отнюдь не меньше не могло, однако, означать, что

существующая плата должна быть уменьшена до 25 р. Это обстоятельство побудило меня ознакомиться съ прежними опредѣленіями Попечительнаго Совѣта. Изъ старыхъ протоколовъ я узнала, что первоначально учительницы получали 500 р., не зависимо отъ числа уроковъ; затѣмъ опредѣлена была плата въ 30 р. за годовой урокъ, и, наконецъ, 40 р. за каждый изъ 12-ти штатныхъ уроковъ и 25 р. за добавочные, и, сверхъ того, за веденіе памятныхъ книжекъ 60 р. въ годъ. Преподаватели получали за штатные уроки по 75 р. и за добавочные по 60 р. Такого было послѣднее опредѣленіе Попечительнаго Совѣта. Были даже отпечатаны отдѣльныя брошюры съ краткимъ обзоромъ важнѣйшихъ событій въ жизни гимназіи. Въ этотъ обзоръ вошли и опредѣленія Попечительнаго Совѣта о вознагражденіи служащихъ. Инструкция, вновь составленная, была утверждена Намѣстникомъ и затѣмъ уже прочтена въ Попечительномъ Совѣтѣ *для свѣдѣнія, а не для обсужденія*, какъ бы слѣдовало, и, наконецъ, въ исходѣ марта директоръ прочиталъ ее въ Педагогическомъ Совѣтѣ. Прочитавъ новую инструкцію, директоръ объявилъ, что отнынѣ должность классной надзирательницы будетъ отдѣлена отъ обязанности преподавательницы, отъ начальницы будетъ зависѣть поручить учительницѣ завѣдываніе классомъ, однимъ или двумя, или не поручать, причемъ вознагражденіе за надзоръ будетъ въ 240 р. Тутъ я спросила, за каждый-ли классъ въ отдѣльности будетъ выдаваться 240 р.? — «За каждый», — отвѣчалъ директоръ. Я сдѣлала этотъ вопросъ въ виду того, что были двѣ учительницы, которыя уже нѣсколько лѣтъ завѣдывали каждая двумя классами (отдѣленіями) и вели дѣло очень добросовѣстно, а потому я имѣла въ виду пока оставить имъ по два класса съ платой за каждый классъ въ награду за прежній трудъ, за который онѣ такъ мало получали. Затѣмъ директоръ объявилъ, что съ будущаго учебнаго года преподавательницы будутъ получать 25 р. за годовой урокъ. Это послѣднее обстоятельство прошло въ этомъ засѣданіи какъ-то незамѣченнымъ, никто не обратилъ вниманія на это заявленіе директора, но вопросъ о классныхъ надзирательницахъ вызвалъ много толковъ. Но, вотъ, наступило 16 апрѣля, годовщина открытія гимназіи. Въ этотъ день обыкновенно въ помѣщеніи гимназіи совершался торжественный молебенъ въ присутствіи Ихъ Высочествъ, которыхъ сопровождали иногда и Августѣйшіи дѣти Ихъ, — предполагалось чтеніе годового отчета, но чтенія не бывало, и затѣмъ въ гимназическомъ дворѣ происходило угощеніе ученицъ на счетъ двора. Имъ да-

вали шоколадъ и тортъ. Ихъ Высочества обходили столы и милостиво обращались къ дѣтямъ и служащимъ. Такъ было и на сей разъ. Когда всѣ разошлись, я зашла въ актовъ залъ и застала тамъ нѣсколькихъ учительницъ за чтеніемъ отчета. «Что вы, mesdames, желаете узнать, какъ аттестована ваша дѣятельность?» — спросила я. Тогда одна изъ нихъ, умная и симпатичная Е. обратилась ко мнѣ съ такими словами: «Объясните намъ, пожалуйста, Е. И., какимъ образомъ съ будущаго учебнаго года мы будемъ получать за всѣ уроки безразлично по 25 р., тогда какъ мы были приглашены на 40 р. за штатные уроки, и 25 р. лишь за добавочные?» — «Не могу вамъ ничего сказать на счетъ этого, — отвѣчала я, — въ Попечительномъ Совѣтѣ этотъ вопросъ не обсуждался; но если васъ пригласили на 40 р., то вы имѣете право обратиться къ директору за разъясненіемъ». — На этомъ мы разошлись. Обдумывая этотъ разговоръ, я рѣшила, что допустить самихъ учительницъ до объясненія съ директоромъ, неудобно: можетъ выйти для нихъ непріятность, скажутъ: «бунтуютъ!» и потому, въ тотъ же день я зашла къ А. С. О. посоветоваться на счетъ этого. Но А. С. была дежурная во дворцѣ и я зашла къ графинѣ А. Выслушавъ меня, графиня сказала: «Хотите, я пошлю за Т.?» *) — «А можно на него положиться, что все останется между нами?» — «О, да, С. А. благородный человѣкъ!» — И тутъ же графиня написала къ Т., приглашая его зайти къ ней по дѣлу, которое я имѣю къ нему. Но Т. записка графини не застала дома. На слѣдующій день я получила отъ него любезную записку, что онъ къ моимъ услугамъ и ждетъ назначенія мною времени, когда ему прійти ко мнѣ. Я поблагодарила его за любезность, но отвѣчала, что буду сама у него. Я не хотѣла, чтобы знали, что Т. былъ у меня и оставался долго. Въ тотъ же день я отправилась къ нему. Бесѣду нашу я начала просьбой, чтобы все осталось между нами, что онъ охотно обѣщалъ. Тогда я передала ему разговоръ мой съ учительницами о поурочной платѣ, указала ему на то, что Попечительный Совѣтъ не дѣлалъ новаго опредѣленія по сему предмету, и что, согласно послѣднему по времени опредѣленію Попечительнаго Совѣта, учительницамъ назначено 40 р. за штатный урокъ и 25 р. за добавочный. Слушая меня, Т. покраснѣлъ, что обыкновенно съ нимъ случалось, когда онъ не зналъ дѣла. — «Внесите это въ Попечительный Совѣтъ», — сказалъ онъ — «и непре-

*) Камергеръ С. А. Т. былъ председателемъ Попечительнаго Совѣта ж. гимназій и прогимназій и, кромѣ того, занималъ видный постъ въ краѣ.

мѣнно дѣлайте заявленіе письменное, такъ какъ словесный докладъ можетъ быть не внесенъ въ протоколъ». — А имѣю я право сдѣлать это? — «Какъ *представительница* женскаго персонала гимназій, вы имѣете полное право защищать интересы этого персонала», — отвѣчалъ Т., *предсѣдатель Попечительнаго Совѣта*. Продолжая бесѣду, я обратила его вниманіе на многіе вопросы, возбуждавшіе недоразумѣніе, и на все получала въ отвѣтъ: «Внесите въ Совѣтъ!» Очевидно, онъ совсѣмъ не знакомъ былъ съ дѣломъ.

И, вотъ, я принялась за составленіе доклада въ Попеч. Совѣтъ. Я начинала докладъ съ того, что учительницы обратились ко мнѣ за разъясненіемъ вопроса о поурочной платѣ, а такъ какъ мнѣ неизвѣстно опредѣленіе Совѣта объ измѣненіи поурочной платы учительницамъ, то я покорнѣйше прошу Совѣтъ указать мнѣ то постановленіе Совѣта, которымъ опредѣлена съ будущаго учебнаго года плата въ 25 р. за каждый годовъй урокъ учительницъ. Далѣе я указывала на несоразмѣрную пропорціональность въ вознагражденіи преподавателей и преподавательницъ, и выражалась такъ: «если и невозможно совершенное уравниеніе вознагражденія тѣхъ и другихъ по причинѣ неравенства образовательнаго ценза, то справедливость требуетъ того, чтобы при увеличеніи вознагражденія преподавателей, *пропорціонально* увеличивалось и вознагражденіе преподавательницъ». Далѣе я указывала на то, что въ началѣ моей службѣ содержаніе мое опредѣлялось такъ: жалованья 500 р., содержанія — 300 р.; съ Января значилось: жалованья 500 р., содержанія 200 р., на прислугу — 120 р. (предмѣстницы мои получали сверхъ 820 р. еще на прислугу 100 р., что побудило меня еще въ декабрѣ спросить директора, не могу-ли и я получать на прислугу? на что онъ отвѣтилъ, что это возможно, и вотъ какъ онъ рѣшилъ этотъ вопросъ), а съ будущаго года содержаніе мое опредѣляется такъ: жалованья 500 р., содержанія 170 р. и на прислугу 150 р., въ общемъ все тѣ же 820 р. Такимъ образомъ, нѣтъ точнаго распредѣленія моего содержанія. Посему прошу Совѣтъ сдѣлать таковое.

Написавъ докладъ, я послала его директору. На слѣдующій день, здороваясь со мною, онъ сказалъ: «Получилъ вашу записку, но не успѣлъ еще прочесть». — Время терпите, — отвѣчала я. Признаться, я усомнилась въ истинѣ его словъ. Не можетъ быть, подумала я, чтобы онъ, получивъ отъ меня конвертъ, не посѣдѣлъ ознакомиться съ содержаніемъ его. Мало-ли что я могла сообщать ему! Случалось, графиня забѣжала ко

мнѣ съ порученіемъ отъ Великой Княгини, и я немедленно сообщила его директору. Слѣдовательно, оставить полученный отъ меня конвертъ нескрытымъ было дѣломъ невозможнымъ,—вскрывши, не пробѣжать бумаги или письма—еще менѣе возможнымъ. Вѣрнѣе было то, что докладъ мой былъ для него неожиданностью, и онъ не приготовилъ еще отвѣта. На слѣдующій день, при встрѣчѣ со мной въ гимназіи: онъ сказалъ: «Прочелъ вашу записку,—вполнѣ сочувствую!»—Чему?—Тому-ли, что я прошу Совѣтъ указать мнѣ постановленіе свое, которымъ опредѣляется новый размѣръ поурочной платы учительницамъ? Пропорціальное-ли увеличеніе поурочной платы ему по душѣ? Наврядъ-ли. Остается сочувствовать болѣе точному опредѣленію моего содержанія. Но и это переключиваніе изъ одного кармана въ другой, какъ и распоряженіе поурочной платой, дѣлалось имъ самимъ. Оставалось предположить, что онъ не зналъ, что сказать, а сказать что-нибудь нужно. Теперь не лишнимъ будетъ объяснить, почему я не съ директоромъ начала разясненіе вопроса о поурочной платѣ? Очень просто почему! Онъ ничего другого не сказалъ бы мнѣ, какъ свое обычное: «такова воля Ея Высочества!» а послѣ такого отвѣта пришлось бы замолчать; возбудила же я этотъ вопросъ не для того, чтобы, удовольствовавшись такимъ отвѣтомъ, умыть руки предъ учительницами. Я хотѣла во что бы то ни стало, разяснить этотъ вопросъ. Я, вѣдь, была новичокъ на службѣ и думала еще, что разясненія въ такихъ случаяхъ возможны.

Но вышло иначе. Директоръ не считалъ, повидимому, нужнымъ отказаться отъ своего произвола, будучи увѣренъ въ торжествѣ своемъ. Въ этотъ день начинались экзамены, мы сидѣли рядомъ,—я замѣчала въ немъ какую-то неловкость, онъ какъ будто не зналъ, видѣть-ли во мнѣ своего врага или нѣтъ. Я же оставалась совершенно спокойной и невозмутимой, я чувствовала, что на моемъ лицѣ ничего прочесть нельзя. Экзамены шли довольно успѣшно; наконецъ они окончились, окончились и засѣданія педагогическаго Совѣта, оставалось еще засѣданіе Попеч. Совѣта, послѣднее передъ каникулами, то засѣданіе, на которомъ предстоялъ докладъ моей записки.

Между тѣмъ, въ маѣ въ помѣщеніи гимназіи состоялся розыгрышъ Высочайше разрѣшенной лотереи, на выручку съ которой построено зданіе гимназіи (100,000 р.), а остальные деньги, за расходомъ на выигрыши, употреблены на благотворительныя учрежденія края. Приготовленія къ лотереѣ продолжались всю зиму и весну, или точнѣе, весь учебный годъ. Гимна-

зія принимала самое дѣятельное участіе въ этомъ дѣлѣ. На насъ лежало скручиваніе билетовъ, которыхъ было 200,000 номерованныхъ и столько же неномерованныхъ. Кто-то въ Крыму (кажется, кн. Голицынъ) увѣрилъ Великую Княгиню, что на лотереѣ внутренняго займа вынимаются всѣ билеты. Никто не взялъ на себя убѣдить Великую Княгиню въ невозможности этого, и вотъ, снабдили насъ сначала 200,000 билетами неномерованными. Эта работа заняла, конечно, не мало времени, но не доставила особыхъ хлопотъ. Мы занимались этой работой всѣ праздничные дни, для чего собирались въ гимназію наши дамы и ученицы трехъ старшихъ классовъ. Покончили мы съ неномерованными билетами, и принялись за номерованные. Мнѣ приходилось провѣрять каждый отпечатанный на 100 номеровъ листъ: встрѣтится № извращенный, листъ откладывается въ сторону, а типографія должна отпечатать другой листъ съ тѣми же № №. Каждые десять провѣренныхъ листовъ раздавались группѣ изъ 10 лицъ, сидѣвшихъ за однимъ столомъ. На каждые 1,000 билетовъ былъ приготовленъ бумажный мѣшокъ. Каждая сотня скрученныхъ билетовъ пересчитывалась мною, и тутъ-то начиналась мука: то оказывались лишніе билеты, то недоставало билетовъ, и, когда послѣ неоднократнаго счета не оказывалось ста билетовъ, они раскрывались и провѣрялись № № недостающіе; они записывались и заказывались въ типографію, остальные всыпались въ мѣшокъ, на которомъ надписывалась тысяча. И такая провѣрка сдѣлана была мною лично надъ 200,000 билетовъ! Наконецъ, всѣ билеты скручены, и тогда только спохватились, что не было поставлено точекъ на сомнительныхъ билетахъ съ № № изъ цифръ 6 и 9. Приходилось составить списокъ всѣмъ такимъ № №, отыскать мѣшки съ этими № №, всѣ билеты изъ этихъ мѣшковъ раскрутить, выбрать изъ нихъ сомнительные, проставить точки и вновь скрутить эти билеты. Наконецъ, и это все продѣлано мною лично, оставалось скрутить билеты выигрышные, которыхъ было 2000. Эту работу взяла на себя А. С. О. Билеты эти были уже скручены, какъ кам. Т. пришло въ голову, что ради ускоренія тиража, слѣдуетъ производить его одновременно въ 4 комнатахъ, для чего всѣ билеты, также и выигрышные, должны быть раздѣлены на четыре части. Приходилось раскручивать 2000 билетовъ выигрышныхъ, чтобы раздѣлить ихъ по ровну. Для этой работы у А. С. О. собрались: гр. А., братъ А. С. (адъютантъ Великаго князя) и я. Предъ каждымъ изъ насъ стояла глубокая тарелка: въ одну изъ нихъ клались билеты отъ 1—500, въ другую отъ 501—1000, въ третью отъ 1001—1500,

и въ четвертую отъ 1501—2000. Сначала все шло хорошо, но, вотъ, приходитъ племянница гр. А., простоватая молодая дѣвушка; она пристаётъ къ тетускѣ, чтобы та допустила и ее къ участию въ работѣ. Графиня отказываетъ, но та не отстаетъ до тѣхъ поръ, пока она не получаетъ согласія, но ей дѣлается внушеніе быть очень внимательной и не ошибаться тарелкой. Работа идетъ, слышится только возгласы № №; вдругъ слышенъ возгласъ «ахъ!» Оказывается, что злосчастная племянница ошиблась тарелкой: приходится раскручивать всѣ билеты въ тарелкахъ, чтобы отыскать злосчастный билетъ. И это повторяется не разъ, не два, пока не прогнали непрошенную участницу. Наконецъ, и эта работа окончена. Тогда С. А. Т. соображаетъ, что производить тиражъ одновременно въ 4 комнатахъ невозможно. Выигрышные билеты опять смѣшиваются, и вся работа по раздѣленію ихъ на 4 части пропала даромъ. Но, вотъ, Великая Княгиня пожелала, чтобы сдѣланъ былъ опытъ, сколько времени потребуется на тиражъ, если всѣ № № будутъ выниматься. Опытъ сдѣланъ: оказывается, что потребуется на это 23 дня. Тогда рѣшено произвести тиражъ, какъ онъ всегда производится, т. е. тиражъ однихъ выигрышныхъ билетовъ. Оказалось, что вся работа скручиванія неномерованныхъ билетовъ была напрасная, они не нужны были. Наконецъ, произведенъ и тиражъ при самой торжественной обстановкѣ. По окончаніи его, я получила письменную *особенную* благодарность Ея Высочества за участіе въ розыгрышѣ лотереи. Признаюсь, эта особенная благодарность была вполнѣ заслужена мною. Вѣкъ не забуду я этой лотереи!

Но, вотъ, наступилъ и день послѣдняго засѣданія Понедѣльника, которымъ заканчивается учебный годъ. Наступилъ и часъ его. Минутъ за десять до него,—это было вечеромъ,—захожу я въ канцелярію гимназіи и застаю тамъ С. А. Т., который что-то пишетъ. Поздоровавшись со мною, онъ не поднимая головы и не отрываясь отъ занятія, спрашиваетъ меня: «Читали вы мое возраженіе на вашу записку?»—Нѣтъ, не читала,—а гдѣ оно?—«У докладчика.—Докладчикомъ былъ преподаватель М., онъ же казначей. Обращаюсь къ нему,—получаю бумагу и начинаю читать. Такъ какъ весь вопросъ сводится къ *увеличенію* поурочной платы учительницамъ, то съ этою и слѣдовало начать, а не говорить того-то и того-то... и затѣмъ слѣдуетъ опроверженіе того, чего въ моей запискѣ нѣтъ, и ни слова на мой вопросъ объ *уменьшеніи* поурочной платы. Я глазамъ своимъ не вѣрила; что же это такое? Не самъ-ли Т. посовѣтовалъ мнѣ внести въ Совѣтъ вопросъ о поурочной

платѣ для разясненія возникшаго недоразумѣнія? Обо всемъ, внесенномъ въ мою записку, мы съ нимъ говорили. Прочитавъ бумагу, я обратилась къ Т. со словами: «что это вы, С. А., тутъ говорите? Вѣдь вы опровергаете то, чего я не говорю...»—А, вотъ, мы поговоримъ объ этомъ въ Совѣтъ...—Вступилъ онъ тутъ же со мной въ объясненіе, я бы и высказала ему все спокойно, но онъ не далъ мнѣ высказаться, а потому пока я поднималась на верхъ въ залъ, гдѣ происходили засѣданія, во мнѣ бушевало, и я должна была разразиться въ Совѣтъ. Предсѣдательствовалъ Т. за смертью губернатора, почетнаго предсѣдателя Совѣта; остальные члены были на лицѣ: окружной инспекторъ, Д. С. С. И—о, уѣздный предводитель дворянства, кн. Б., городской голова, Д. С. С. К—и, почетный блюститель, директоръ, начальница гимназіи и прогимназіи, надзирательница гимназическаго пансіона.

Докладъ начался съ текущихъ дѣлъ; наконецъ, очередь дошла и до моей записки: прочитаны записка и возраженіе на нее Предсѣдателя Т. «Могу я возразить?»—спрашиваю я.—Предс.: Сдѣлайте одолженіе!—Я. «Прежде всего я должна обратить вниманіе Совѣта на то, Его Пр—о г. Предсѣдатель возражаетъ мнѣ на то, чего я не говорю. Такъ, напр., по вопросу объ уравнианіи вознагражденія преподавателей и преподавательницъ...» Директоръ, перебивая меня:—Позвольте мнѣ объяснить!—Я. «Извольте!»—Д. «Мы съ Е. И. пришли къ убѣжденію въ необходимости создать воспитательный персоналъ...»—слѣдуетъ разказъ о томъ, какъ возбужденъ былъ этотъ вопросъ и какъ рѣшенъ. Я. «Въ вашемъ объясненіи нѣтъ отвѣта на мой вопросъ объ уменьшеніи поурочной платы съ 40 на 25 руб. А потому покорнѣйше прошу Совѣтъ указать точное постановленіе его по этому предмету!»—Молчаніе.—Д. Мы не можемъ обсуждать этотъ вопросъ, онъ уже рѣшенъ волею Ея Высочества!—Я. «Гдѣ воля Ея Высочества? Государынѣ Великой Княгинѣ и не докладывалось объ этомъ. Мнѣ кажется, при томъ, что мы должны осторожнѣе относиться къ имени Ея Высочества и не злоупотреблять имъ!»—Д. съ горячностью:—Мы не злоупотребляемъ!»—Я. «Нѣтъ, злоупотребляемъ, когда ссылаемся на это имя въ дѣлахъ, Ея Высочеству неизвѣстныхъ. (Къ Совѣту): Покорнѣйше прошу Совѣтъ указать мнѣ точное постановленіе его по вопросу о поурочной платѣ учительницамъ!»—Молчаніе.—Д. Подъ поурочной платой всегда подразумѣвалась и плата за надзоръ!»—Я. «Подразумѣвать то, чего нѣтъ въ постановленіи Совѣта нельзя. (къ Совѣту): Покорнѣйше прошу Совѣтъ указать мнѣ точное постановленіе его! Вѣдь, должно же оно быть! Мнѣ оно

неизвѣстно, а потому покорнѣйше прошу Совѣтъ указать мнѣ его! Въ виду же объясненія г. директора позволяю себѣ обратиться вниманіе Совѣта на необходимость *точныхъ и ясныхъ* постановленій, которыя нельзя было-бы каждому толковать по своему». — Окружной Инспекторъ: Поживите-ка съ нами, привыкнете къ разнымъ неточностямъ. — Я. «Не считаю нужнымъ привыкать къ нимъ». Предсѣдатель (который въ это время, видимо смущенный, красный, просматривалъ новую инструкцію, желая отыскать въ ней подтвержденіе словъ директора, но ничего не находилъ): — «Я вполнѣ раздѣляю желаніе Е. И. *увеличить* вознагражденіе женскому персоналу, но въ настоящее время гимназія не имѣетъ на это средствъ...» Я. «Не объ *увеличеніи* вознагражденія идетъ прежде всего рѣчь, а о *сохраненіи* существующаго. При томъ желательно бы знать, раздѣляетъ-ли Совѣтъ мнѣніе г. директора, высказанное имъ въ послѣднемъ годовомъ отчетѣ, «что въ настоящее время педагогическій персоналъ гимназіи *на столько обезпеченъ* (это при 35-рублевой поурочной платѣ учительницъ!), что не представляется надобности въ ближайшемъ будущемъ думать объ улучшеніи его матеріальнаго быта». Наконецъ, говоря о желательности болѣе пропорціональнаго распредѣленія поурочной платы между женскимъ и мужскимъ персоналомъ, я имѣла въ виду разговоръ мой съ Его Пр—омъ г. городского головою, который говорилъ мнѣ, что съ улучшеніемъ городскихъ средствъ города, послѣдній будетъ въ состояніи удѣлять гимназіи не 3,000 р., а гораздо болѣе...» Д. (къ городскому головѣ:) Ваше Пр—о, помогите намъ! — Гор. голова (недавно выбранный): «Я не только общаю, но считаю своей обязанностью хлопотать объ этомъ; но (обращаясь въ мою сторону) — присоединяюсь къ мнѣнію Е. И., что необходимы точныя и ясныя постановленія Совѣта, на которыя я могъ-бы опираться». — Возраженія на это заявленіе городского головы не было, и Предсѣдатель поспѣшилъ объявить засѣданіе закрытымъ. Такъ и остался мой вопросъ безъ отвѣта и разъясненія. Прощаясь съ Т., я сказала ему: «С. А! Я представляю опроверженіе на ваше возраженіе». — Сдѣлайте одолженіе! — отвѣчалъ Т. Мы разстались очень любезно и чрезъ нѣсколько дней развѣхались на каникулы. Я ѣхала въ Петербургъ и имѣла разные порученія по службѣ отъ директора. Т. ѣхалъ со мной до Ростова; всю дорогу отъ Владикавказа онъ заходилъ ко мнѣ и былъ очень любезенъ. Директоръ поѣхалъ къ себѣ въ деревню въ П—ую губернію строить домъ. Онъ всѣмъ своимъ знакомымъ въ Тифлисѣ показывалъ планъ новаго деревенскаго дома, который долженъ былъ обойтись въ 8,000 р.

Въ числѣ порученій, данныхъ мнѣ директоромъ, было порученіе повидаваться съ преподавателемъ рисованія въ П—омъ институтѣ, г. К., съ которымъ велась переписка о переводѣ его на службу въ тифлискую жен. гимназію В. К. О. Θ. Въ послѣднемъ засѣданіи Попеч. Совѣта доложено было ходатайство г. К. объ опредѣленіи его въ нашу гимназію и о выдачѣ ему пособія на перѣздъ изъ Петербурга въ Тифлисъ. По поводу ходатайства о пособіи Предсѣдатель Т. объявилъ, что на проѣздъ выдается пособіе только лицамъ, приглашаемымъ учебнымъ заведеніемъ, при чемъ онъ добавилъ: «намъ нужна была Е. И. и мы, много-ли, мало-ли, выдали ей пособіе на перѣздъ, а такъ какъ г. К. просится къ намъ самъ, то онъ не можетъ рассчитывать на пособіе». Приѣхавъ въ Петербургъ, я пригласила къ себѣ г. К. и передала ему постановленіе Попеч. Совѣта относительно ходатайства его о пособіи. Но каково-же было мое удивленіе и замѣшательство, когда я услышала отъ г. К., что не онъ просится къ намъ, а самъ директоръ его приглашаетъ. Г. К. показалъ мнѣ письмо къ нему директора отъ 7-го мая. «Я слышалъ отъ Д. А. Н., что Вы, въ интересахъ здоровья, желали бы перенести вашу дѣятельность на югъ, а потому мнѣ было бы пріятно сойтись съ Вами, предложивъ Вамъ мѣсто преподавателя рисованія въ Т—хъ женскихъ гимназіи и прогимназіи В. К. О. Θ. и т. д.» Прочитавъ это письмо, я сгорѣла отъ стыда. Директоръ поручилъ мнѣ также прискаты для гимназіи учительницу гимнастики и танцевъ. Для этой цѣли я обратилась въ Ник—ое женское уч—е вѣд—а Имп—цы Маріи, откуда выпускаютъ специалистовъ; но послѣ свиданія съ г. К. я сочла невозможнымъ входить съ училищемъ въ какіе-нибудь серіозные переговоры на счетъ учительницъ, боясь компрометировать свое учебное заведеніе въ случаѣ недоразумѣній въ родѣ тѣхъ, которыя встрѣтились съ г. К., и я ограничилась только справками, и, какъ покажетъ дальнѣйшее, поступила благоразумно.

За лѣто я написала опроверженіе на возраженіе Т. и переписала его параллельно съ возраженіемъ, въ двухъ столбцахъ, для большей наглядности. Прошло лѣто, мы опять всѣ собрались со всѣхъ концовъ.

Увидѣвшись вскорѣ по приѣздѣ съ Т., — онъ заходилъ ко мнѣ съ визитомъ, — я выразила ему желаніе предварительно прочитать ему мое опроверженіе. Цѣлью моею было убѣдить его въ неосновательности его возраженія и привести къ тому, что онъ найдетъ нужнымъ покончить съ этимъ вопросомъ, отмѣнивъ самовольное распоряженіе директора, оставивъ въ силѣ послѣднее

постановленіе Попеч. Совѣта о 40 р. платѣ. Я вѣрила въ порядочность чловѣка, который пользовался репутаціей чловѣка благороднаго. «А вотъ, я буду на молебнѣ предъ началомъ ученія, тогда мы и условимся, когда мнѣ явиться къ вамъ», — сказалъ онъ мнѣ любезно. 1-го сентября былъ молебенъ, и послѣ него мы съ Т. условились, что на слѣдующій день онъ будетъ у меня. Но въ тотъ же день вечеромъ онъ сообщилъ мнѣ запиской, что вызванъ въ Боржомъ, а потому наше свиданіе отлагается: «mais ce qui est différé n'est pas perdu» («отложенное не потеряно») — этимъ онъ закончилъ свою записку. На этотъ разъ, подумала я, *ce qui est différé est bien perdu!* («отложенное потеряно»), ибо протоколъ послѣдняго засѣданія Попеч. Совѣта уже пишется, и мое опроверженіе должно быть включено въ него, такъ какъ послѣ утвержденія протокола Великой Княгиней возраженіе мое уже не могло имѣть мѣста. Между тѣмъ, изъ канцеляріи потребовали отъ меня всю переписку по этому предмету. На слѣдующій день вхожу въ канцелярію и слышу отъ директора: «Ваше опроверженіе не можетъ быть включено въ настоящий протоколъ, потому что насъ торопятъ, и мы не имѣемъ времени переписать его. Оно войдетъ въ протоколъ слѣдующаго засѣданія Совѣта». — «Какъ? Послѣ утвержденія настоящаго протокола Ея Высочествомъ? Да развѣ можно возражать тогда? Нѣтъ, ужъ, Л. Н., прошу васъ внести мое возраженіе въ протоколъ теперь же!» — «Такъ оно будетъ приложено въ томъ видѣ, въ какомъ вы его представили». — «Какъ? вы отправите для доклада Ея Высочеству мою черновую? Вы сами понимаете, что это невозможно!» — «Ну, такъ, Д—чъ, прикажите переписать» — сказалъ онъ письмоводителю. Однако, протоколъ былъ отправленъ безъ моего возраженія. Въ тотъ же день я отправила телеграмму на имя Т. съ просьбой дожидаться моего возраженія, а въ письмѣ моемъ къ нему я напомнила ему, что мною была внесена извѣстная записка въ Попечительный Совѣтъ по его же совѣту и настоянію.

Былъ вторникъ, когда отправлены были мною телеграмма и письмо къ Т. Доклады у Ея Высочества бывали по четвергамъ; я могла рассчитывать, что Т. получитъ ихъ вовремя.

Въ четвергъ утромъ захожу въ канцелярію, — и узнаю, что уже полученъ обратно протоколъ съ собственноручной резолюціей Ея Высочества. Оказывалось, что я представлена была, какъ возбудительница *женскаго вопроса*, за что и получила замѣчаніе. Въ заключеніе Ея Высочество писала: «По разъясненіи вопроса о 40-рублевой платѣ, предлагаю обсудить слѣдующія сообра-

женія: нельзя-ли опредѣлить вознагражденіе учительницамъ въ 700 р. каждой? Я, конечно, желаю, чтобы всѣ были довольны, но въ предѣлахъ возможности».

Въ протоколъ не оказалось также сдѣланнаго мною въ засѣданіи Совѣта заявленія по вопросу о моемъ содержаніи. Я заявила въ Совѣтъ, что я лично не высказываю никакой претензіи по поводу такого *колебанія* въ смѣтѣ, колебанія, ничѣмъ не оправдываемаго, но только нахожу необходимымъ точное опредѣленіе содержанія, какое бы оно ни было, и прошу занести это заявленіе въ протоколъ. Невнесеніе этого заявленія въ протоколъ и вызвало обидную для меня замѣтку. Я повернула назадъ въ канцелярію; на этотъ разъ я влетѣла въ канцелярію и обрушилась на докладчика въ Попеч. Совѣтъ М. «А. С. Объясните, пожалуйста, почему не внесено въ протоколъ мое заявленіе по вопросу о моемъ содержаніи?» — «Я тутъ не при чемъ, Е. И., я вношу въ протоколъ то, что приказываетъ внести С. А.» — отвѣчалъ М. Директоръ, обращаясь къ послѣднему: «Я самъ не понимаю, почему С. А. не внесъ этого заявленія въ протоколъ. Е. И. въ своемъ правѣ! — Я. Ну, такъ я спрошу Его Превосходительство, какое право онъ имѣлъ не внести моего заявленія въ протоколъ и тѣмъ исказить характеръ моего заявленія въ запискѣ!» Послѣ этихъ словъ я окончательно оставила канцелярію. Учительницы были глубоко огорчены тѣмъ, что изъ-за защиты ихъ интересовъ я получила выговоръ, и всѣ спѣшили выразить мнѣ свое искреннее сожалѣніе. Признаться, я ни на одну минуту не останавливалась на мысли, что я потерпѣла за другихъ.

По окончаніи уроковъ, директоръ зашелъ ко мнѣ, чтобы «успокоить меня». — Ради Бога, успокойтесь, Е. И. — медоточиво заговорилъ онъ, — это — недоразумѣніе, которое будетъ разъяснено, и я увѣренъ, что все обойдется. — Онъ старался увѣрить меня, что ему *такъ прискорбно* за меня... — Вотъ, видите, — продолжалъ онъ вкрадчивымъ тономъ, — что дружескія отношенія ваши *къ дамамъ* ни къ чему не повели. *Лучше насъ держаться!*.. На это я ничего не отвѣтила, но подумала: Цѣною сдѣлокъ покупать себѣ благосостояніе, карьеру и т. п. мнѣ не зачѣмъ. Кто разъ вступилъ на этотъ путь, тотъ уже не вернется назадъ, связанный товариществомъ въ подлости. Буду продолжать свое дѣло, какъ того требуетъ моя душа. — Наговоривши мнѣ сладчайшихъ фразъ, директоръ ушелъ.

На слѣдующій день состоялось засѣданіе Попечит. Совѣта, на которомъ прочитана была резолюція Ея Высочества. Я про-

сила Совѣтъ засвидѣтельствовать предъ Великой Княгиней, что я никогда не возбуждала вопроса о правахъ женщины.

Городской голова, почтенный Д. И. К. заявилъ:— «Я такъ понимаю, что Попеч. Совѣтъ долженъ отъ своего имени довести объ этомъ до свѣдѣнія Великой Княгини» —Совѣтъ принялъ это предложеніе.

Вскорѣ возвратились изъ Боржома Ихъ Высочества. На другой же день Великій Князь посѣтилъ гимназію. Я встрѣтила Его Высочество въ саду. «Что вы такъ посѣдѣли?» —спросилъ меня Великій Князь, привѣтливо здороваясь со мною.

—Много заботъ, Ваше Высочество!—отвѣтила я.

Вслѣдъ за посѣщеніемъ Великаго Князя мы стали поджидать и посѣщенія Великой Княгини.

Наконецъ, однажды утромъ мы увидѣли, какъ Ея Высочество сѣла въ коляску и направилась по Головинскому проспекту, и только часа черезъ два услышали, что Ея Высочество въ гимназіи. Я сбѣжала внизъ и встрѣтила Великую Княгиню у лѣстницы, которая была вся усыяна ученицами. Ея Высочество, привѣтливо поздоровавшись со мною, замѣтила:— «Ученицы, повидимому, васъ больше боятся, чѣмъ меня». —Ученицы чтутъ и любятъ Ваше Высочество, а меня боятся,—отвѣчала я. Повидимому, такой отвѣтъ понравился Великой Княгинѣ. «Ваша дочь пріѣхала съ вами?» —продолжала Ея Высочество.—Пріѣхала, Ваше Высочество!— «Надѣюсь, я увижу ее?» —Если позволите, Ваше Высочество, я сейчасъ же ее представлю Вашему Высочеству? — «Прошу васъ». Я тотъ часъ послала за дочерью и тутъ же, на площадкѣ лѣстницы, въ виду всѣхъ, представила ее Великой Княгинѣ. Ея Высочество Великая Княгиня привѣтливо обратилась къ ней съ нѣсколькими вопросами. Всѣ были поражены такимъ милостивымъ вниманіемъ ко мнѣ Ея Высочества послѣ случившагося. Совсѣмъ не этого ожидалъ директоръ. Еще болѣе пораженъ онъ былъ, когда Великая Княгиня милостиво отнеслась къ учительницамъ, съ каждой изъ нихъ привѣтливо говорила. Такое милостивое обращеніе Великой Княгини со мною и учительницами ясно свидѣтельствовало о томъ, что Ея Высочество желаетъ поставить крестъ на случившемся, а потому я въ тотъ же день повидалась съ А. С. О.—и, посоветовавшись съ нею, отправилась къ Т., сообщила ему о подробностяхъ посѣщенія гимназіи Ея Высочествомъ и заявила намѣреніе свое не поднимать болѣе вопроса по поводу сдѣланнаго мнѣ выговора.

Вскорѣ послѣ этого директоръ предложилъ мнѣ устроить дочь мою въ прогимназіи въ виду того, что Великая Княгиня въ принципѣ противъ совмѣстнаго служенія родственниковъ. Я поблагодарила директора за вниманіе, но отказалась отъ его предложенія, не желая отдавать дочери своей на съѣденіе начальницы прогимназіи, которая возненавидѣла меня, не видѣвши меня, только потому, что я ея преемница въ гимназіи, въ которой она была первой начальницей, но съ открытіемъ прогимназіи была переведена туда по старости.

Вскорѣ послѣ сдѣланнаго мнѣ директоромъ предложенія относительно дочери моей спрашиваетъ меня гр. А., почему я не устрою дочь свою въ гимназіи?— «А потому, прежде всего,—отвѣчала я,—что Великая Княгиня въ принципѣ противъ этого». —Хотите, спрошу Ея Высочество?— «Спросите!» —Въ тотъ же день графиня сообщила мнѣ отвѣтъ Великой Княгини: «Mais cela serait très bien! Mais cela serait parfait!» (Да это было бы очень хорошо! Да это было бы прекрасно!)— сказала Великая Княгиня. Я передала это директору, а онъ замѣтилъ: «Очевидно, Ея Высочество только ради васъ измѣняетъ своему принципу». Въ скоромъ времени послѣ этого разговора стало извѣстнымъ, что будетъ вакансія классной надзирательницы. Директоръ говоритъ мнѣ: «Вотъ вамъ и вакансія для В. М.»—В. М. можетъ подождать,—отвѣчаю я,—на эту вакансію у меня уже намѣчена кандидатка.— «Гм! А я думалъ, что своя рубашка ближе къ тѣлу».

Въ ту же осень директоръ получилъ отъ Т. слѣдующее письмо: «Съ того времени, какъ Государю Вел. Князю благоугодно было распространить на женскій персоналъ Гимназіи права казаской службы относительно 5-и лѣтнихъ прибавокъ къ жалованью, которыя прогрессивно доведутъ и до пенсіи, —то я счелъ справедливымъ цифру содержанія, падающую на долю жалованья, прогрессивно увеличивать, а остальное довольствіе (столовые и другія деньги) уменьшать—въ надеждѣ той, что когда прибавки и пенсіи отъ этого станутъ крупныя, то сослуживцы мои скорѣе будутъ благодарны, чѣмъ претендовать за это на меня. Итоги же содержанія какъ прежде, такъ и нынѣ остаются и будутъ оставаться тѣже самыя. С. Т.»

22 Сентября 1876.

На это письмо къ директору, я сочла нужнымъ дать слѣд. отвѣтъ:

«В. И. Милостивый Государь С. А.

Г. Директоръ сообщилъ мнѣ разъясненіе В. П. по вопросу, возбужденному мною о столовыхъ деньгахъ глав. надз-цы гим-

нази. Ознакомившись съ этимъ разъясненіемъ, я позволяю себѣ обратить вниманіе В. П. на то, что 5-и лѣт. прибавки не составляютъ правъ исключительно кавказской службы, а вообще службы по учебнымъ вѣдомствамъ во всей Россіи, какъ въ мужскихъ, такъ и въ жен. уч. заведеніяхъ, и вездѣ составляютъ *дѣйствительную прибавку*, а не перечисленіе денегъ изъ одной статьи въ другую, причѣмъ эти прибавки обращаются въ *дѣйствительную*, а не *фиктивную* пенсію, какъ у насъ—ибо наше учебное заведеніе пенсіи женскому персоналу *не даетъ*, и если таковая въ размѣрѣ 160 р. и можетъ выслуживаться по прослуженіи 25 л., то лишь на основаніи общаго положенія о домашнихъ наставницахъ и учительницахъ (1834 г.) наравнѣ съ гувернантками, и пенсія эта выдается Министерствомъ Нар. Просв. Гимназія же Ея Высочества никакого положенія о пенсіи для женскаго персонала еще не выработала,—какъ это должно быть извѣстно В. П., а потому никто никогда и не сочтетъ справедливымъ прогрессивное увеличеніе жалованья на счетъ такого-же прогрессивнаго уменьшенія остальнаго денежнаго довольствія, ибо при такой процедурѣ въ дѣйствительности прибавки не существуютъ и службой въ гимназій Ея Выс-а не выслуживаютъ ничего, ни въ продолженіе службы, ни послѣ нея. Но во всякомъ случаѣ, нельзя не пожелать, чтобы положеніе учебнаго заведенія, состоящаго подъ особымъ покровительствомъ Августѣйшей особы, наконецъ, опредѣлилось болѣе точно.

Позволяю себѣ высказать здѣсь смѣло то мнѣніе, что пора, наконецъ, этой гимназій выяснитъ женскому персоналу его служебныя права и положеніе, ибо по настоящее время таковой находится въ совершенномъ невѣдѣніи, и это послѣ 11-лѣтняго существованія заведенія.

Частныя разъясненія В. П. нисколько не разъясняютъ дѣла. Ваше Пр. указываетъ: *на права Закавказской службы*,—но они для женскаго персонала не существуютъ,—*на 5-и-лѣт. прибавки*, но онѣ оказываются фиктивными,—*на пенсію*, но ея нѣтъ,—изъ всего этого для меня ясно только то, что необходимо, чтобы все это было утверждено за женскимъ персоналомъ. Если существуютъ въ Россіи (и именно, въ Ц. Польскомъ) жен. гимназій М. Н. П., обезпеченныя Государствомъ, то почему же жен. учеб. заведенія Закавказскаго края (М. Н. П.) не могутъ претендовать на то-же? Если Попечительный Совѣтъ гимназій Ея Высочества не подумаетъ поднять этотъ вопросъ, то конечно никто объ этомъ не подумаетъ, такъ какъ мы пользуемся исключи-

тельнымъ положеніемъ, состоя между небомъ и землею, и до насъ никакому вѣдомству дѣла нѣтъ.

Примите увѣреніе и пр.

Е. В.»

Этимъ вопросъ былъ исчерпанъ, и Его Пр. умолкъ.

Теперь время сказать что-нибудь о результатахъ моей дѣятельности за первый годъ. Въ началѣ учебнаго года, которое совпало и съ началомъ моей дѣятельности, до меня доходили слухи о дракахъ, проходившихъ на улицѣ между новенькими ученицами приготовительныхъ классовъ: объявленіе виновнымъ, что за такое поведеніе онѣ будутъ исключаться изъ гимназій, положило конецъ драгамъ. Слышала я, что ученицы старшихъ классовъ бывають въ театрѣ за кулисами; будучи хорошо знакома съ директоромъ театра, я просила его, безъ церемоніи выпроваживать гимназистокъ изъ-за кулисъ и доводить о томъ до моего свѣдѣнія; и этому положенъ былъ конецъ. До меня опаздываніе ученицъ къ первому уроку сдѣлалось, по отзыву директора, хронической болѣзью. Это опаздываніе въ среднемъ выражалось 10⁰/о. Я поручила дежурнымъ учительницамъ вести строгую запись опаздывающимъ, для чего дежурная садилась на площадку средняго этажа и весь первый урокъ не сходила съ мѣста. Въ случаѣ если у нея былъ урокъ, ее замѣняла другая. Опоздавшія оставлялись послѣ уроковъ отъ 1½ ч. до часу, смотря по тому, на сколько опоздали; каждое опозданіе отмѣчалось минусомъ за поведеніе, 2 минуса равнялись 1½ балла, четыре минуса—цѣлому баллу. Уже къ концу перваго полугодя процентъ опаздывающихъ съ 10 палъ на 1½.

Необходимо было обратить вниманіе на руководѣіе, которое сильно хромало. Признаться, я сильно сомнѣвалась въ то время, чтобы при двухъ урокахъ въ недѣлю можно было получить хорошіе результаты, но упорядочить дѣло нужно было. Прежде всего необходимо было положить конецъ привычкѣ забывать руководѣіе дома. Забывшая свое руководѣіе обязана была послѣ уроковъ сходить домой за работой и восполнить заданный учительницей урокъ; работа эта происходила подъ моимъ наблюденіемъ. Это приучило ученицъ къ исправности. Къ слѣдующему учебному году я поручила учительницѣ руководѣіа составить программу руководѣія, чѣмъ положено было начало систематическому обученію руководѣію. И это было, какъ кажется, первымъ опытомъ такого систематическаго обученія руководѣію въ общеобразовательныхъ средне-учеб. заведеніяхъ въ Россіи.

Необходимо было обратить вниманіе на физическое развитіе ученицъ. Во всѣхъ гимназіяхъ до сихъ поръ этой важной части воспитанія отводился слишкомъ мало времени, а въ нѣкоторыхъ гимназіяхъ и совсѣмъ не отводился. Въ Тифлисской гимназіи на танцы опредѣлено было по часу въ недѣлю на каждый классъ. Я заинтересовала этимъ вопросомъ Великую Княгиню и убѣдила въ необходимости увеличить число недѣльныхъ часовъ на гимнастику, или вѣрнѣе, ввести гимнастику, и для этого предназначить сверхштатные часы для занятія съ ученицами, свободными отъ необязательныхъ предметовъ. Такихъ набиралось каждый часъ очень много. Оказалось возможнымъ довести число часовъ на гимнастику до 11—сверхъ 7 часовъ, опредѣленныхъ на танцы. Нужно было найти специалистку для этого, такъ какъ танцы преподавались до этого неспециалисткой. Въ другомъ мѣстѣ я уже говорила о томъ, что я обращалась за справкой въ Иог. Ник.—оужен. училище. По возвращеніи изъ Пиб-га я узнала отъ директора, что ему рекомендуютъ учительницу танцевъ и гимнастики въ Институтъ, г-жу С., что, конечно, было удобнѣе, чѣмъ выписывать специалистку изъ Ц-бурга. Переговоривъ съ г-жей С., мы съ ней условились, что она займется прежде всего *одиночной выправкой*. Она сразу поняла мои требованія и мастерски повела дѣло. Но это относится уже ко второму году моей дѣятельности.

Мнѣ удалось добиться правильной постановки изученія иностранныхъ языковъ. Вслѣдствіе ихъ необязательности, оказались необязательными и самыя программы, и, такимъ образомъ, въ каждомъ классѣ познанія по языкамъ были самыя разнообразныя: одни начинали съ азбуки, другія кое-какъ читали, третьи читали порядочно, и т. д.; въ каждомъ классѣ было по нѣсколько группъ; преподаватели тратили напрасно свой трудъ, а результата не было никакого. Мнѣ удалось убѣдить директора въ невозможности такого порядка занятій иностранными языками, и въ Педагогическомъ Совѣтѣ прошло предложеніе сдѣлать обязательными программы языковъ, а въ видахъ поощренія постановлено, въ случаѣ конкуренціи на награду, предпочтеніе давать ученицѣ, изучавшей съ успѣхомъ хотя-бы одинъ изъ языковъ. Попечитель Учебнаго Округа утвердилъ это постановленіе Педагог. Совѣта. Введены были отдѣльныя классныя надзирательницы и расширенъ кругъ обязанностей надзирающаго персонала. Задумано было развести садъ во дворѣ гимназіи, и въ теченіе зимы придворный садовникъ нѣсколько разъ приходилъ ко мнѣ для составленія плана сада, такъ какъ необходимо было такъ рас-

планировать садъ, чтобы надзоръ за ученицами былъ удобенъ. Весною садъ былъ разведенъ, и съ осени было уже возможно имъ пользоваться для игръ. Свободныя отъ необязательныхъ уроковъ ученицы могли широко пользоваться имъ. Таковы были положительные результаты моей дѣятельности за первый годъ.

Въ началѣ второго учебнаго года открылась вакансія преподавательницы французскаго языка въ трехъ младшихъ классахъ. Директоръ предложилъ мнѣ уроки; я согласилась взять на себя преподаваніе въ двухъ отдѣленіяхъ младшаго класса (10 ур.). Мнѣ хотѣлось сдѣлать опытъ надъ произношеніемъ. Я всегда держалась мнѣнія, что при началѣ обученія иностранному языку необходимо обращать вниманіе на произношеніе, оно облегчаетъ изученіе языка. Четыре первыхъ мѣсяца я исключительно занималась изученіемъ звуковъ въ самыхъ тонкихъ отбѣнкахъ. Это трудъ не малый; мнѣ случалось нѣсколько дней подъ рядъ быть безъ голоса, но за то я достигла блестящихъ результатовъ; достигнувъ правильнаго произношенія, занятія пошли потомъ, что называется, какъ по маслу. Только съ одной армянкой изъ 60 ученицъ я не могла добиться успѣха. Никакого слуха у нея не было. Слѣдуетъ замѣтить, что армянкамъ вообще трудно даются языки. Звуки армянскаго языка, повидимому, тому причина. Но за то армянки очень способны къ математикѣ и, поступая въ педагогическій классъ, онѣ исключительно избираютъ математическое отдѣленіе.

Занятія гимнастикой шли прекрасно. Случилось, что съ начала второго при мнѣ учебнаго года поступила одна ученица лѣтъ 15-и съ крайне странными движеніями въ рукахъ. Я обратила на нее вниманіе г-жи С., и не прошло мѣсяца, какъ эти движенія исчезли, мать ученицы приходила благодарить меня. Для болѣе правильнаго распредѣленія сверхштатныхъ уроковъ гимнастики необходимо было сдѣлать измѣненіе въ распредѣленіи недѣльныхъ уроковъ. Самой трудной задачей для дежурной классной надзирательницы представлялось распредѣленіе по классамъ ученицъ свободныхъ и назначеніе къ нимъ надзора. При распредѣленіи недѣльныхъ уроковъ, никогда не принималось это въ соображеніе. Такимъ образомъ, бывали часы, когда свободныхъ собиралось отъ 8—9 классовъ, а свободныхъ помѣщеній оказывалось одно, въ которомъ вся масса свободныхъ должна была вмѣститься. При этомъ несчастная дежурная дама выбивалась изъ силъ въ ловлѣ за свободными учительницами. Послѣднія, какъ только завидятъ дежурную, спѣшатъ укрыться отъ нея. Находя необходимымъ упорядочить это, я въ началѣ

второго учебного года, съ разрѣшенія директора, составила распредѣленіе недѣльных уроковъ, при чемъ имѣла въ виду всѣ необходимыя условія, какъ-то: 1) возможно меньшее число необязательныхъ уроковъ одновременно; 2) такое распредѣленіе уроковъ между учительницами, какое не мѣшало бы каждой изъ нихъ присутствовать въ своемъ классѣ на урокахъ тѣхъ преподавателей, которые не умѣютъ быть хозяевами въ классѣ, и 3) чтобы надзоръ за свободными могъ быть порученъ преимущественно класснымъ надзирательницамъ того же класса. Двѣ недѣли, не отрываясь, просидѣла я надъ этой работой, и, наконецъ, работа была приведена къ концу; всѣ приведенныя выше условія были по возможности выполнены, и затѣмъ на всѣ часы сдѣлано распредѣленіе свободныхъ по классамъ съ указаніемъ и классныхъ надзирательницъ, подъ надзоромъ которыхъ должны быть свободныя ученицы, причемъ не упущено изъ виду возможное отсутствіе классной надзирательницы по болѣзни. Это распредѣленіе вывѣшено было въ корридорѣ рядомъ съ распредѣленіемъ уроковъ, и, по мнѣнію классныхъ надзирательницъ, окончательно утвердило порядокъ въ гимназій. Такое распредѣленіе тѣмъ болѣе оказывалось важнымъ, что до него существовало передвиженіе свободныхъ ученицъ изъ одного класса въ другой, т. е. свободныя ученицы присутствовали на урокахъ въ другихъ классахъ. Это вело не только къ нарушенію порядка, но къ положительнымъ злоупотребленіямъ; бывали случаи, когда ученицы уходили съ обязательнаго урока и являлись въ другой классъ, преподаватель котораго не могъ удостовѣриться въ томъ, дѣйствительно-ли онѣ свободны, а классная надзирательница-учительница находилась въ другомъ классѣ на своемъ урокѣ. Я энергично возстала противъ такого непорядка и, съ разрѣшенія директора, запретила эти передвиженія.

Занятія гимнастикой меня крайне интересовали. Однажды спрашиваетъ меня директоръ: «А не слишкомъ-ли рѣзка г-жа С. съ ученицами?» — «Не нахожу этого». И, вотъ, однажды г-жа С. приходитъ ко мнѣ вся въ слезахъ. «Пришла я за жалованьемъ въ канцелярію, — рассказывала она, — а директоръ говоритъ мнѣ при всѣхъ: — «родители готовы изъ-за васъ утопить меня въ ложкѣ воды». — Чтобы оградить г-жу С. отъ клеветы, я не пропускала ни одного урока ея, вслучаѣ же невозможности для меня присутствовать на ея урокѣ, я посылала за себя свободную учительницу. Вскорѣ послѣ того, какъ г-жа С. передала мнѣ слова директора, приходитъ въ гимназію надзирательница пансіона, подчиненная Попечит. Совѣту чрезъ директора; но на

дѣлѣ пансіонъ былъ безъ надзора и контроля, надзирательницей же была особа, совсѣмъ неподготовленная къ своимъ обязанностямъ и случайно попавшая на эту должность, искавши мѣста экономки. Видитъ меня надзирательница пансіона и говоритъ: «А я къ вамъ, Е. И!» — Что прикажете? — «Да, вотъ, видите-ли, поступила къ намъ новенькая пансіонерка, и на первомъ урокѣ танцевъ въ гимназій учительница привязала ее къ стулу, и теперь у нея болитъ нога, и она въ постели». — «Хорошо, — говорю я, — разберу это дѣло». — Вижу г-жу С. и спрашиваю ее, въ чемъ дѣло? Оказывалось, что новенькая пансіонерка на первомъ урокѣ танцевъ вмѣсто правильной постановки ногъ въ позиціяхъ, выворачивала ноги внутрь; увидѣвъ это, учительница приставила ее къ стѣнѣ, не въ наказаніе, конечно, а для облегченія дѣвочки, поставивъ ноги ея въ позицію. И если ноги заболѣли у дѣвочки, то, конечно, только отъ того, что она ихъ выворачивала внутрь. И, вотъ, изъ этого надзирательница пансіона сдѣлала: «привязала къ стулу». Иду въ канцелярію. Директоръ говоритъ мнѣ: «Говорила вамъ М. П. о г-жѣ С?» — «Говорила». «Будьте такъ добры, Е. И., разслѣдуйте это дѣло!» — «Непремѣнно, и я разслѣдую его въ пансіонѣ». — «Пожалуйста!» — Въ тотъ же день въ обѣденное время прихожу въ пансіонъ и застаю всѣхъ за обѣдомъ. Поздоровавшись съ надзирательницей, спрашиваю ее: — А гдѣ больная? — «Вотъ она тутъ сидитъ за столомъ». — «Значитъ, здорова? Очень рада».

Послѣ обѣда я попросила надзирательницу собрать пансіонеровъ (ихъ было немного), и, когда всѣ были въ сборѣ, я, въ присутствіи надзирательницы, обратилась къ нимъ съ вопросомъ: «Дѣти! Кто изъ васъ видѣлъ, что на урокахъ танцевъ привязывали кого-нибудь изъ ученицъ къ стулу?» — Никто, никто, никто! — въ одинъ голосъ отвѣтили всѣ. — «Кто изъ васъ слышалъ объ этомъ?» — Никто, никто, никто! — «Вотъ, видите-ли, дѣти!», — продолжала я, — вы теперь говорите, что никто изъ васъ не видѣлъ и не слышалъ этого, а кто-то изъ васъ сказалъ-же, что вашу новенькую подругу привязывали къ стулу (всѣ дѣти при этомъ переглянулись съ удивленіемъ). Это нехорошо выдумывать такія вещи! Этимъ задѣвается честь, т. е. доброе имя учительницы и самаго заведенія. Смотрите же, чтобы этого больше не было!» — Затѣмъ, простившись съ надзирательницей, которая стояла красная, не проронивъ ни слова, я ушла.

На другой день вижу г-жу С. и предлагаю ей сходить въ пансіонъ объясниться съ надзирательницей. На слѣдующій день г-жа С. говоритъ мнѣ, что была въ пансіонѣ, видѣлась съ над-

зирательницей, и что та ей сказала: «*Всѣ* говорятъ, что вы грубо обращаетесь съ дѣтьми». — «*Всѣ говорятъ?*» — воскликнула я, возмущенная этой банальной фразой, за которую укрываются обычно клеветники и сплетники, — ну, такъ я васъ прошу, Ю. М., со мной вмѣстѣ отпразднуемъ въ пансіонѣ, а я ужъ попрошу М. П. назвать мнѣ кого-нибудь изъ говорившихъ». Такъ мы и сдѣлали. Придя въ пансіонъ, я попросила надзирательницу объяснить мнѣ, кто именно говорилъ ей дурно о г-жѣ С., такъ какъ слова «*всѣ говорятъ*» между нами не должны существовать. Сконфуженная надзирательница никакихъ объясненій не могла мнѣ дать. Съ тѣмъ мы и разстались.

На слѣдующій же день я сообщила о результатѣ своего разслѣдованія директору, при чемъ сказала, что касается до словъ «*всѣ говорятъ*», то намъ нужно во что бы то ни стало положить конецъ этому, а то скоро никого изъ насъ не оставятъ въ покоѣ. Эти слова удобны для сплетниковъ, но у насъ они не должны существовать.

Прошло нѣсколько времени. Въ первомъ затѣмъ засѣданіи Попеч. Совѣта читается предложеніе председателя, С. А. Т. такого содержанія: «Уже много разъ разъяснялось объ отношеніяхъ служащихъ гимназіи къ пансіону; между тѣмъ эти отношенія нарушаются нѣкоторыми, а потому считаю нужнымъ снова напомнить объ этомъ». Я, конечно, догадалась, что это относится къ моему посѣщенію пансіона по дѣлу г-жи С. Выслушавъ предложеніе Председателя, я сказала:—Это предложеніе, повидимому, касается меня, но я могу заявить, что мнѣ хорошо извѣстны отношенія мои къ пансіону, а именно: лично у меня нѣтъ никакихъ отношеній къ пансіону, а есть только отношенія къ пансіонеркамъ, какъ ученицамъ гимназіи; если же я въ извѣстномъ случаѣ произвела разслѣдованіе въ пансіонѣ, то сдѣлано это съ вѣдома и одобренія директора. Д.— «Да я не зналъ, что изъ этого выйдетъ!» — «Мнѣ кажется,—возразила я,—что бы изъ этого ни вышло,—а сколько мнѣ извѣстно, ничего не вышло, кромѣ выясненія истины, что и требовалось,—а дѣло въ томъ, имѣла-ли я право это сдѣлать. А разъ я это сдѣлала съ вашего вѣдома и одобренія, значитъ, я была въ своемъ правѣ.—Нужно замѣтить,—продолжала я,—что я могла бы произвести разслѣдованіе въ гимназіи, за спиной у М. П., но я предпочла болѣе прямой путь и произвела порученное мнѣ г. директоромъ разслѣдованіе въ присутствіи М. П. Но если такой путь М. П. не нравится, въ другой разъ въ подобномъ случаѣ я поступлю за спиной у нея».

—Да я, Е. И., ничего,—слащаво заговорила надзирательница пансіона,—я только желала знать, какъ я подчинена вамъ?— «Полноте, М. П.,—отвѣчала я,—вы очень хорошо знаете, что *Вы* никакъ не подчинены мнѣ лично, и я никогда не подавала вамъ повода къ возбужденію такого вопроса. А пансіонерки ваши подчинены мнѣ въ качествѣ гимназистокъ наравнѣ съ прочими ученицами, и я имѣю право дѣлать имъ опросъ по обстоятельству, имѣвшему мѣсто въ гимназіи. Примите это къ свѣдѣнію!» —Нужно замѣтить,—заговорилъ опять директоръ,—что М. П. *разъ* приняла г-жу С., а она и въ другой разъ еще пришла, и М. П. имѣла право никакихъ объясненій ей не давать.— «Вы забываете, Л. Н., что г-жа С. въ первый разъ пошла къ М. П. по *моему* предложенію, а во второй разъ *я* пошла съ ней. И вы думаете, что можно оскорбить своего сослуживца и имѣть право отказать ему въ объясненіи!..» Вопросъ былъ исчерпанъ. Председатель, видимо, былъ недоволенъ возбужденіемъ этого вопроса. Онъ былъ красенъ, какъ ракъ, и не проронилъ ни слова.

Между тѣмъ, съ октября жалованье выдавалось неаккуратно; взносы въ ссудосберегательную кассу, которые должны были поступить въ теченіе лѣта, поступили лишь въ сентябрѣ и октябрѣ. За тѣмъ въ ноябрѣ была опять задержка въ жалованьи, въ декабрѣ, февралѣ также, и продолжалось такъ до лѣта. Когда въ первый разъ жалованье не было выдано въ срокъ, я предложила нуждающимся въ деньгахъ взять изъ ссудосберегательной кассы. Нѣкоторые дамы воспользовались этимъ предложеніемъ, и въ то время, какъ онѣ заходили ко мнѣ за деньгами, у меня сидѣла А. С. О. Ее конечно заинтересовало это, и она спросила меня, что это значитъ? Я объяснила ей, въ чемъ дѣло, чему она не мало удивилась, но доложить о видѣнномъ Ея Высочеству она не имѣла права, такъ какъ это не касалось учебно-воспитательнаго дѣла, но она не скрыла этого отъ гр. А. Послѣдняя, при случаѣ, спросила С. А. Т. «Все-ли у васъ благополучно по кассѣ?» Въ отвѣтъ на это онъ спросилъ: «Давно вы видѣли м-е В?» —На что графиня отвѣтила, подумавъ:—Недѣли двѣ тому назадъ.—Въ дѣйствительности же мы видѣлись дня за два передъ тѣмъ. И такъ, намекъ былъ сдѣланъ Т., но онъ не поинтересовался проверить кассу, что лежало исключительно на его обязанности.

Съ осени 1876 г. стали уже поговаривать о войнѣ. И вотъ, при первомъ же посѣщеніи своемъ гимназіи, Великая Княгиня обратилась ко мнѣ съ словами: «У меня къ вамъ просьба: нель-

зя-ли прислать дѣтямъ работу на госпиталь, который я предполагаю открыть для раненыхъ въ Боржомѣ». — Мы къ услугамъ Вашего Высочества, — отвѣтила я. Такимъ образомъ, мы стали работать на госпиталь Великой Княгини. Ежедневно приносилась изъ дворца громадная корзина скроеннаго бѣлья и относилась изъ гимназіи во дворецъ съ спитымъ бѣльемъ. Всѣ свободные часы и праздники были заняты этой работой, и за зиму накопили массу бѣлья.

Великій Князь по прежнему былъ чрезвычайно внимателенъ ко мнѣ. Въ табельные дни торжественное богослуженіе совершалось въ домовою церкви классической (нын. 1-й) гимназіи. Великій Князь входилъ въ церковь чрезъ сосѣдній классъ, и въ дверяхъ Экзархъ встрѣчалъ Его Высочество съ крестомъ. Я обыкновенно стояла въ двухъ шагахъ отъ входа въ церковь, что замѣтилъ Великій Князь, и каждый разъ, приложившись ко кресту, обращался въ мою сторону и, привѣтливо кивнувъ мнѣ головой, дѣлалъ затѣмъ общій поклонъ.

Однажды, при посѣщеніи гимназіи, Его Высочество засталъ урокъ танцевъ. Направляясь, въ сопровожденіи меня, въ залъ, Великій Князь заговорилъ о томъ, что прежде лучше обучали танцамъ, что всѣ эти минуты, гавоты развивали легкость и грацію, — теперь всѣ эти танцы оставлены, и напрасно. Слушая Его Высочество я подумала: а почему бы не попробовать этого у насъ? Времени теперь у насъ достаточно. Я сообщила объ этихъ словахъ Великому Князю г-жѣ С., она нашла возможнымъ осуществить это и охотно принялась за дѣло. Въ самомъ скоромъ времени она достигла того, что маленькихъ во время танцевъ не слышно было, такъ легко онѣ танцевали.

Въ началѣ 1877 г. былъ утвержденъ уставъ Общества Попеченія о недостаточныхъ ученицахъ гимназіи. Назначено было общее собраніе членовъ для выборовъ членовъ Правленія Об-а. Сначала выбрали Предсѣдательницей Об-а гр. А. П. А., но Т. объявилъ, что графиня по положенію своему, не можетъ принять на себя этой должности. Выбрали меня. Тогда Т. заявилъ, что по Уставу женщины не могутъ избираться въ Предсѣдательницы Общества. Въ третій разъ избрали въ Предсѣдатели Губер. предводителя дворянства — Ген. Ад. кн. А — а, меня же избрали въ товарищи предсѣдателя, а Т. былъ избранъ въ члены Правленія. Онъ, видимо, былъ недоволенъ моимъ избраніемъ, хотѣлось ему быть избраннымъ въ Предсѣдатели, или по крайней мѣрѣ, въ товарищи Предсѣдателя.

Въ эту зиму происходилъ въ Сенатѣ первый политическій процессъ (т. н. процессъ 120-и). Великая Княгиня съ интересомъ слѣдила за нимъ, и, вотъ, однажды Ея Высочество прочла въ газетахъ, что въ числѣ свидѣтелей была вызвана нѣкая Г. На допросъ она показала, что окончила курсъ въ тиф-й гимназіи, а теперь состоитъ слушательницей медицинскихъ курсовъ. На вопросъ: на какия средства она проживаетъ въ Петербургѣ, Г. отвѣчала, что ей помогаютъ изъ Тифлиса. Прочитавъ это, Великая Княгиня пожелала узнать, кто помогаетъ Г-й, и такъ какъ она окончила курсъ въ тифл-й гимназіи, то Ея Высочество поручила директору узнать это. Директоръ-же просилъ меня узнать у бывшей подруги Г., учительницы гимназіи Я., не помогаетъ-ли она Г-й. Взявъ Я. подъ руку, я стала разспрашивать ее объ этомъ, и на утвердительный отвѣтъ ея, я спросила, не знаетъ-ли она, кто еще помогаетъ Г.? Тогда Я. рассказала, какъ Г., собираясь на курсы, обратилась къ Великому Князю Намѣстнику, и Его Высочество приказалъ выдать ей 200 р. единовременнаго пособія, а друзья и хорошіе знакомые ея сдѣлали въ пользу ея подписку, обязавшись ежегодно вносить известную сумму до окончанія ею курса. Съ тѣхъ поръ ежемѣсячно одинъ изъ участниковъ подписки, врачъ N беретъ на себя сборъ денегъ. Такимъ образомъ, она, Я., обязалась вносить 2 р. въ мѣсяць.

Выслушавъ рассказъ Я., я объяснила ей, для чего мнѣ нужны эти свѣдѣнія, а за тѣмъ передала директору все, что узнала. «Эхъ!» проговорилъ тотъ, сдѣлавъ гримасу. Изъ этого я вывела заключеніе, что онъ, пожалуй, представитъ фактъ помощи Я-й Г-й въ такомъ видѣ, что введетъ въ заблужденіе Великую Княгиню, и я рѣшилась предупредить директора у Ея Высочества. Въ тотъ же день я повидалась съ А. С. О., передала ей о желаніи Великой Княгини и то, что я узнала, и просила ее доложить Ея Высочеству объ этомъ, при чемъ высказать и мое мнѣніе о Я-й, а мнѣніе было таково: Я., сама бѣдная дѣвушка, не только содержитъ своимъ трудомъ себя и живущую съ ней старуху тетку, но еще удѣляетъ изъ своего заработка ежегодно 24 р. въ помощь подругѣ на такую хорошую цѣль, чѣмъ заслуживаетъ полное уваженіе. А. С. О. на слѣдующій же день утромъ доложила объ этомъ Великой Княгинѣ, такъ что, когда директоръ явился съ докладомъ по этому предмету, Ея Высочество была уже съ готовымъ мнѣніемъ. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, на годичномъ праздникѣ гимназіи, 16 апрѣля, Великая Княгиня, гуляя со мной между столами, за которыми

угощались ученицы, увидѣвъ издали Я—у, спросила меня:—«А что Я. все такая же хорошая?» — «Да, Ваше Высочество, отвѣчала я, эта дѣвушка заслуживаетъ полнаго уваженія». — Вотъ что значитъ характеръ доклада!

Въ теченіе февраля и марта 1876 г. нѣкоторые уроки въ гимназій, а именно, уроки физики и географіи посѣщала Великая Княжна, которая заканчивала въ этомъ году свое образованіе. По этому поводу директоръ говорилъ мнѣ, что онъ давно убѣждалъ Великую Княгиню въ пользу этого, но Ея Высочество все не соглашалась. «Ясно,—замѣтилъ онъ,—что на рѣшеніе Великой Княгини повліяло мнѣніе Ея о васъ».

Весною 1877 г. стали поговаривать, что директоръ получаетъ другое назначеніе. Повидимому, ему хотѣлось провести въ директоры своего пріятеля, преподавателя и казначея М. Захому я однажды къ воспитательницѣ Великой Княжны, г-жѣ У—й и въ разговорѣ о томъ-о семъ спрашиваю, не слыхала ли она, кого намъ прочать въ директоры. — «А что бы вы сказали,—отвѣчала она,—еслибы къ вамъ назначили М.?» — «Боже сохрани!» — воскликнула я, — «какой-же онъ директоръ? Онъ бы распустилъ все и всѣхъ». — Нѣсколько дней спустя Великая Княгиня посѣтила гимназію и попала на урокъ къ М. «Je crois que M. est fable?» — замѣтила Великая Княгиня въ разговорѣ со мной. — «Qui, madame!» отвѣчала я. — «J'aime les bons maitres, mais pas les maitres bons!» — продолжала Ея Высочество. («Мнѣ кажется М. слабъ»). «Да, Ваше Высочество!» — «Я люблю хорошихъ учителей, но не люблю добрыхъ»). Судьба М. рѣшена, это ясно, не быть ему директоромъ! Ясно и то, что я приобрѣла себѣ новаго врага.

Вскорѣ заговорили о назначеніи въ директоры бывшаго въ то время преподавателемъ математики у Великихъ Князей, Е. О немъ говорили, что онъ человѣкъ честный и прямой. Одни полагали, что я сойду съ нимъ, другіе думали напротивъ, говоря, что онъ деспотъ. Я же думала такъ: лишь бы былъ честный и прямой человѣкъ и служилъ дѣлу, а будетъ тяжело служить съ нимъ—уйду.

За этотъ учебный годъ (76—77) много разговоровъ среди классныхъ надзирательницъ возбуждали неуспѣшныя занятія русскимъ языкомъ и ариметикой въ обоихъ отдѣленіяхъ IV класса. Оба преподавателя были выбраны неудачно. Преподавателемъ ариметики былъ армянинъ. Классныя надзирательницы обоихъ отдѣленій всю зиму плакали, утверждая, что ученицы ничего не знаютъ по этимъ двумъ предметамъ. Убѣдить директора въ

необходимости замѣнить этихъ преподавателей другими—было невозможно. Почему онъ ихъ поддерживалъ—не знаю. Одна надежда была на Великую Княгиню. — Можетъ быть,—говорили мы, — Ея Высочество случайно придетъ на экзаменъ русскаго языка или ариметики въ IV кл. И мы жаждали этого.

Начались экзамены. Директоръ болѣлъ, я за него предѣлствовала на экзаменахъ. На одинъ изъ нихъ прибылъ Попечитель Учебнаго округа, милѣйшій и добрейшій Я. М. Н. Едва сѣлъ онъ за столъ, какъ обратился ко мнѣ съ словами: «Я прочелъ сегодня въ газетѣ N., что вчера въ три часа, на Головинскомъ проспектѣ, подлѣ булочной N., на одну гимназистку напалъ кинто *), съ ней сдѣлалось дурно, и къ ней на помощь поспѣшили изъ булочной». У насъ, въ гимназій, ничего не было слышно объ этомъ. Я тотчасъ же вышла изъ зала и первой попавшейся мнѣ классной надзирательницѣ поручила немедленно съѣздить въ указанную булочную и узнать подробности случая. Не прошло и пяти минутъ, какъ эта классная надзирательница вернулась и сообщила мнѣ, что это случилось съ одной изъ сестеръ М., дочерей содержателя почтъ, квартира котораго находилась на другомъ концѣ Головинскаго проспекта. Дѣвочки возвращались изъ гимназій и были уже недалеко отъ своей квартиры, какъ неизвѣстный человѣкъ схватилъ за горло одну изъ нихъ, другая закричала, и на крикъ ея выскочили люди изъ булочной и увели къ себѣ молодыхъ дѣвушекъ. — «Есть-ли кто изъ сестеръ сегодня въ гимназій?» — спросила я. — «Есть младшая», — отвѣчала классная надзирательница. «Пришлите ее ко мнѣ!» — Приходить. «Было съ одной изъ васъ то-то?» — «Было». — «Почему же вы не рассказали никому изъ насъ». — Молчить. Я отпустила ее, прекративъ расспросы, рѣшивъ, что сами родители не желали разговоровъ.

Вечеромъ получаю записку отъ директора: «Извѣстно-ли въ гимназій, съ кѣмъ былъ случай, описанный въ газетѣ? и было-ли извѣстно это въ гимназій до появленія газетнаго сообщенія?» Отвѣчаю: «Случай былъ съ такой-то, но въ гимназій не было извѣстно объ этомъ до появленія газетнаго сообщенія». На слѣдующій день иду къ директору. Онъ показываетъ мнѣ листъ бумаги, на которомъ наклеена вырѣзка изъ газеты и подъ нею рукою С. А. Т. написано: «Ея Высочеству угодно знать, извѣстно-ли было въ гимназій о случившемся?» — «Я бы прямо отвѣ-

*) Жуликъ».

тила: «неизвестно», — сказала я. — «А могут спросить, почему?» — «А потому, — отвечала я, — что въ это время никого изъ насъ не было на улицѣ и никто намъ объ этомъ не донесъ». — «Могутъ спросить, почему намъ не доносить?» — «А потому, что у насъ шпионовъ нѣтъ, и денегъ намъ на нихъ не отпускаютъ».

Директоръ повряхтѣлъ. Для меня было ясно, что онъ дастъ такой отвѣтъ, который смутитъ Т., и Великой Княгинѣ будетъ доложено не такъ, какъ слѣдуетъ. Я отправилась къ А. С. О. сообщить ей о запросѣ Ея Высочества и просить доложить именно въ такой формѣ, въ какой я говорила директору, чтобы не вводить Великую Княгиню въ заблужденіе, что мы можемъ и должны знать все, что случится съ ученицами на улицѣ. Такъ и было доложено, и вопросъ былъ исчерпанъ.

Возвращаясь къ экзаменамъ. Уже поговаривали о скоромъ отъѣздѣ Ихъ Высочествъ въ дѣйствующую армію. Насталъ, наконецъ, и экзаменъ русскаго языка въ IV кл. За нѣсколько дней до того я попросила А. С. О. напомнить Великой Княгинѣ, что она еще не простилась съ оканчивающими курсъ педагогичками, и наканунѣ экзамена русскаго языка А. С. заходила ко мнѣ сказать, что Великая Княгиня общалась непременно быть.

Насталъ, наконецъ, и день экзамена, столь ожидаемаго нами. Въ этотъ же день была репетиція фр. языка въ одномъ изъ младшихъ классовъ, и репетицію вела я. За болѣзнь директора, исполняя его обязанности, я составила списокъ экзаменуемыхъ въ IV кл. въ такомъ порядкѣ, что сначала стояли фамиліи ученицъ, имѣвшихъ годовыя отмітки отъ тройки книзу, а затѣмъ уже 4-ки и 5-ки. Такого порядка мы держались на всѣхъ экзаменахъ съ цѣлью дольше останавливаться на слабыхъ и освободить отъ экзамена лучшихъ въ случаѣ, если экзаменъ затянется. Окончивъ списокъ, я открыла экзаменъ и затѣмъ пошла на репетицію. Къ 12-ти часамъ репетиція была окончена.

Едва успѣла я, вернувшись въ залъ, сѣсть за экзаменаціонный столъ, какъ двери въ залъ широко распахнулись, и мы услышали громкій возгласъ: «Ихъ Императорскія Высочества!» — Быстро направилась я на встрѣчу высокимъ и желаннымъ гостямъ и встрѣтила Ихъ на площадкѣ у входа въ садъ. — «Ну, какъ идутъ экзамены?» — спросилъ Великій Князь на ходу. — «Нѣкоторые — очень хорошо, другіе — хуже; сегодняшній плохо, Ваше Высочество!» — отвечала я. Вошли въ залъ, сѣли.

Мнѣ предстояло моментально принять рѣшеніе: спасти-ли несчастный классъ отъ плохого преподавателя, пожертвовавъ послѣднимъ, или спасти преподавателя, пожертвовавъ ученицами? Колебаніе было невозможно: пожертвовать ученицами было бы преступленіемъ, и я рѣшилась: взявъ въ руки списокъ ученицъ, я стала вызывать слѣдующихъ по порядку, а не съ конца лучшихъ. Экзаменаторы поняли, что дѣло идетъ на чистоту. Въ то же время я взяла у сидѣвшаго подлѣ меня ассистента списокъ экзаменовавшихся, въ которомъ рядомъ съ каждой фамиліей стояла 1-ца, и подала его Великой Княгинѣ. «Ce n'est pas jâmeux» («это не важно!»), — замѣтила Ея Высочество, бывшая въ хорошемъ расположеніи духа. Великій Князь въ это время разсматривалъ письменныя работы. Между тѣмъ, у стола одна ученица постояла, помолчала и ушла; другая, третья тоже. Великая Княгиня обратилась ко мнѣ: «что это значитъ?» — Преподаватель плохо, Ваше Высочество! — «Такъ его надо смѣнить!» Это дѣло директора, Ваше Высочество! — Всталъ Великій Князь, а за Нимъ и Великая Княгиня, и, простившись, вышли изъ зала. Въ корридорѣ Великій Князь остановился. «Скажите, что это значитъ?» — Преподаватель плохо, Ваше Высочество! — «Такъ дѣти не при чемъ?» — Не при чемъ, Ваше Выс-о! — Что-же дѣлать? — «Не мое дѣло рѣшать этотъ вопросъ, Ваше В-о, это дѣло директора.» Поначалъ головой Великій Князь. Прощаясь со мною, Великій Князь выразилъ желаніе проститься съ педагогичками, которыхъ въ этотъ день не было въ гимназіи. «Вы приходите съ ними завтра во дворецъ въ часть» — сказала Великая Княгиня. Проводивъ высокихъ гостей до рѣшетки сада, я возвратилась на экзаменъ. Несчастный преподаватель бросился ко мнѣ чуть не со слезами: Ну что? — «Плохо!» говорю я. Прибѣгаетъ весь обвѣзанный директоръ. — Ну что? — «Плохо!» отвечаю и ему. «Эхъ! — говоритъ онъ, — я все надѣялся, что выравняется К.» — Гдѣ ему выравниваться, думаю я, когда русскій языкъ совсѣмъ не его предметъ! Ему бы можно было предоставить уроки географіи... Мнѣ самой его жалъ было, но дѣти были дороже.

На слѣдующій день являюсь во дворецъ съ педагогическимъ классомъ. Поздоровавшись со мною, Великая Княгиня сказала: «Я видѣла вчера изъ окна, какъ ученицы уходили съ экзамена. Что въ томъ-же родѣ продолжался экзаменъ?» Въ томъ же родѣ, Ваше Высочество! Исключеніе составляли лучшія ученицы, которые сдали экзаменъ удовлетворительно. — Поговоривъ съ каждой изъ ученицъ (ихъ было 30), Ихъ Высочества милостиво отпу-

стили наст. На слѣдующій день Они отбыли въ дѣйствующую армию, Великая Княгиня только проводить Великаго Князя.

Для характеристики Великой Княгини не безынтересно привести слѣдующіе случаи. Начальникъ гражданскаго Управленія, Сенаторъ К., далъ волю печати, чѣмъ многіе и стали злоупотреблять. В. П. Ж., вѣдѣніемъ авторъ занимательныхъ повѣстей для юношества, впервые выступившая въ тифлисской печати въ роли газетнаго фельетониста-пасквилиста, разсориившись съ своимъ двоюроднымъ братомъ, директоромъ мужской гимназіи, М. стала писать на него пасквили въ воскресномъ фельетонѣ либеральной газеты Николадзе «Новое Обозрѣніе». Дѣло дошло до того, что положеніе М. стало невыносимымъ: пасквили Ж. читались гимназистами. Прекрасный человѣкъ, отличный семьянинъ, Л. Л. М. былъ и выдающимся педагогомъ. Его гимназія была безспорно первая въ Россіи. Оскорбленный до глубины души допущеніемъ газетной травли на него, директора гимназіи, онъ обратился къ Великому Князю съ почтительнымъ заявленіемъ, что если не прекратится эта травля, онъ выйдетъ въ отставку. Великій Князь, высоко цѣнившій М., пригласилъ къ себѣ сенатора К. и просилъ его запретить печатать *пасквили* въ газетахъ.

Въ самый разгаръ фельетонной дѣятельности Ж., я узнала отъ Л. Л. М., который слышалъ это въ учительской, что Ж. собирается направить свои ядовитыя стрѣлы на нашу гимназію. Я обратилась къ директору, убѣждая просить защиты и огражденія гимназіи отъ *пасквилей* Ж.* «Насъ никто не защититъ» — замѣтилъ онъ. Но я была другого мнѣнія и обратилась за содѣйствіемъ къ А. С. О. Написавъ докладную записку, въ которой просила защиты гимназіи отъ газетныхъ пасквилей, я просила А. С. доложить ее Великой Княгинѣ. Прочитавъ мою записку, Ея Высочество немедленно пригласила къ себѣ сенатора К. и объявила ему. «Я не желаю, чтобы затрогивали мою гимназію.» И, такимъ образомъ, мы были ограждены отъ нападокъ злобной женщины, которая не взлюбила меня за дружбу мою къ М. и за то, что я требовала отъ ея дочерей-гимназистокъ исправности.

Однажды, проходя гимназическимъ садомъ, въ которомъ дѣти, свободныя отъ уроковъ, играли, Великая Княгиня замѣтила: — «Однако, онѣ много играютъ.» — «Пусть ихъ играютъ, Ваше Высочество!» — отвѣтила я, «онѣ довольно учатся», и Великая Княгиня отнеслась милостиво къ этимъ словамъ.

*) Еслибы г-жа Ж. писала о недостаткахъ гимназіи, за это можно было бы сказать ей спасибо, но дѣло было не въ этомъ...

Вскорѣ по отъѣздѣ Ихъ Высочествъ къ дѣйствующей арміи, окончились экзамены. 4-го Іюня было засѣданіе Педаг. Совѣта по вопросу о присужденіи наградъ окончившимъ курсъ. Открывъ засѣданіе, директоръ объявилъ: «Гг.! на 1-ую золотую медаль конкурируютъ двѣ: Ольга Б. и Евгенія П. Но, — прибавилъ онъ — прошу васъ, господа, поддержите иностранные языки!» — Ольга Б. не изучала иностранныхъ языковъ, но за три года ученія въ гимназіи она одна изъ всѣхъ имѣла круглыя пятерки, а конкурентка ея имѣла всегда по математикѣ не болѣе 4, въ выводѣ же получила 4 $\frac{1}{2}$ и только благодаря т. н. «назненной половинкѣ», она получила въ среднемъ выводѣ 5. Всѣ были того мнѣнія, что у Ольги Б. нѣтъ конкурентки; кромѣ того, ее признавали неизмѣримо выше всѣхъ по знанію, развитію и устойчивости характера. Къ тому же прошлагоднее постановленіе Педаг. Совѣта о преимуществѣ изучающихъ иностранные языки, не могло касаться старшаго класса, а потому, члены конференціи полагали, что Б. безспорно имѣетъ право на 1-ую золотую медаль. На заявленіе директора послышались возгласы: Б-ч! Б-ч! — «Въ такомъ случаѣ предлагаю пустить на голоса!» — сказалъ директоръ. Когда значительное большинство ($\frac{2}{3}$ голосовъ) высказалось въ пользу Ольги Б., меньшинство же полагало, что Ольгѣ Б. слѣдуетъ присудить 2-ую золотую медаль — тогда директоръ предложилъ секретарю конференціи прочесть вслухъ прошлагоднее постановленіе Попечительскаго Совѣта *), утвержденное Попечителемъ Округа, о конкуренціи *при равенствѣ въ общемъ выводѣ*. Тогда конференціи стало ясно, что директоръ совершенно напрасно пустилъ вопросъ на голоса, и что, въ силу этого постановленія, 1-ая золотая медаль должна быть присуждена П. Но Педаг. Совѣту *не возбуждалось*, по заявленію *предсѣдателя*, ходатайствовать предъ Попечителемъ Округа въ пользу Б. и на этомъ основаніи былъ составленъ протоколъ такого содержанія: «Обсуждали годовую и экзаменнаціонную вѣдомость по успѣхамъ и поведенію ученицъ VII кл., оканчивающихъ курсъ въ настоящемъ 1876—77 учебномъ году; причемъ оказалось, что конкурентками на 1-ую золотую медаль явилось нѣсколько ученицъ, а именно: (слѣдуютъ имена пяти ученицъ) у всѣхъ у нихъ по обязательнымъ предметамъ вышли одинаковые баллы, 5 въ общемъ выводѣ; такимъ образомъ, съ этой стороны вышло полное равенство ихъ на право полученія большой золотой медали; но затѣмъ равенство это нарушается необязательными предметами (слѣдуетъ пе-

*) Совѣта при Попечителѣ Учеб. Округа.

речень). Такимъ образомъ, принимая во вниманіе постановленіе Попечительскаго Совѣта, состоявшаго по такому вопросу 5-го іюня 1876 г., слѣдовало бы присудить: большую золотую медаль Евгениі П. Ольгѣ же Богдановичъ первую малую серебряную медаль — и т. д. — къ чему, *относительно большой золотой медали* (т. е. относительно присужденія ей Евг. П., и только) и присоединилось меньшинство членовъ конференціи. Большинство же, исходя изъ другого принципа, именно изъ того, что Ольга Б. и по своей умственной зрѣлости, и по нравственной устойчивости стоитъ выше всѣхъ поименованныхъ конкурентокъ — *осмысливается ходити и сновать предъ Попечителемъ Учебнаго Округа о присужденіи большой золотой медали Ольгѣ Б., не желая этимъ нисколько противорѣчить упомянутому постановленію Попечительскаго Совѣта.*

Этотъ протоколъ былъ представленъ въ извлеченіи Попечителю Учебнаго Округа при слѣдующемъ рапортѣ директора гимназіи:

«Представляя при семъ Вашему Пр—у *выписку* изъ протокола Педагогическаго Совѣта вѣренной мнѣ гимназіи отъ 4-го сего іюня, п. 2. честь имѣю объяснить, что, *несмотря* на состоявшееся въ прошломъ 18⁷⁵/₇₆ учебномъ году постановленіе состоящаго при Васѣ Совѣта, чтобы при равенствѣ общаго средняго вывода въ баллахъ оканчивающихъ общеобразовательный курсъ жен. гимназіи, предпочтеніе при назначеніи наградъ отдавалось тѣмъ ученицамъ, которыя, кромѣ обязательныхъ предметовъ, обучались еще и иностраннымъ языкамъ—Совѣтъ, большинствомъ ²/₃ голосовъ *присудилъ* медали именно *вопреки* указанному принципу, и потому я, присоединяясь къ меньшинству, почтительнѣйше прошу Ваше Пр—о объ утвержденіи золотыхъ и серебряныхъ медалей на основаніи протокола постановленія вашего Совѣта, а именно: 1) Евгениі П.—большой золотой медали. 4) Ольгѣ Б.—къ первой малой серебряной медали и 5).....

Причемъ имѣю честь представить и шаровую книгу жен. гимназіи за 18⁷⁶/₇₇ учеб. годъ.

Директоръ. . . .

Попеч. Совѣтъ утвердилъ представленіе директора, а Попечитель сдѣлалъ надпись: «Нахожу мнѣніе меньшинства болѣе правильнымъ и вполне согласнымъ съ опредѣленіемъ Попечит. Совѣта». Такимъ образомъ, Ольга Б. не получила не только большой золотой медали, но ни даже малой золотой, ни большой серебряной, а малую серебряную.

Такое рѣшеніе вопроса произвело на всѣхъ, безъ исключенія, удручающее впечатлѣніе. Вѣдь и меньшинство было за присужденіе Ольгѣ Б. малой золотой медали; да и самъ директоръ

объявилъ на конкурсѣ конкурентками на большую золотую медаль Ольгу Б. и Евгению П. и только. Вѣдь онъ же зналъ смыслъ постановленія Попечительскаго Совѣта! Къ чему же была разыграна вся комедія?

Ев. П. была дочь полкового командира, пользовавшаяся вниманіемъ Ихъ Высочествъ, Ольга Б. была дочь бѣдныхъ родителей. Вотъ разгадка всему. Сама Ольга Б. ничѣмъ не выразила своей обиды, только сестра ея поблѣднѣла, когда на актѣ Ольгу вызвали за полученіемъ малой серебряной медали.

На актѣ подошелъ ко мнѣ С. А. Т. съ такими словами: «Я былъ въ прогимназіи на экзаменѣ русскаго языка въ IV кл.,—такъ же не удаченъ былъ, какъ и въ гимназіи». «Неудивительно;—замѣтила я,—если и тутъ, и тамъ одинъ и тотъ же преподаватель.—А знаете что,—продолжалъ Т.,—это—въ нѣкоторомъ родѣ *задерживающее средство*. Чтобы мы съ ними дѣлали, если бы онѣ всѣ выдерживали экзаменъ? Вѣдь для всѣхъ ученицъ IV кл. прогимназіи нѣтъ мѣста въ V кл. гимназіи!» — «Ну, я сомнѣваюсь, однако, чтобы мы имѣли право дѣлать это!» — возразила я Его Пр—ству. На это отвѣта не послѣдовало.

Вскорѣ за тѣмъ было послѣднее засѣданіе Попеч. Совѣта предъ каникулами. Доложено Совѣту ходатайство учителя рисованія К., о предоставленіи ему квартирныхъ денегъ наравнѣ съ прочими преподавателями *). «А развѣ онъ не получаетъ ихъ?» — спросилъ Предсѣдатель Совѣта, Т. — «Г-нъ К.—художникъ и, какъ таковой, не заинтересовался матеріальнымъ вопросомъ, а я, грѣшный человѣкъ, не счелъ нужнымъ посвятить его въ права на эти деньги», — ухмыляясь отвѣтилъ директоръ. И никто изъ присутствовавшихъ не поморщился при подобномъ цинизмѣ директора гимназіи. Всѣмъ казалось это, по видимому, въ порядкѣ вещей и согласно съ принципами, которые не коробили обычныхъ посѣтителей Попеч. Совѣта. Достойный Д. И. К., городской голова, не присутствовалъ на этомъ засѣданіи.

Затѣмъ директоръ заявилъ, что намъ *нужно очистить* двѣ вакансіи классныхъ надзирательницъ: одну—для В. М. В. (моей дочери) и другую—для г-жи Ж. «В. М. можетъ подождать», — съ твердостью заявила я, — «я рѣшительно не согласна на то, чтобы для нея *очищалась* вакансія». — «Но, вѣдь, это легко сдѣлать», — продолжалъ директоръ, — двѣ учительницы завѣдуютъ каждая двумя отдѣленіями, — можно оставить ихъ при одномъ. — «Я только въ та-

*) Г. К. былъ за годъ передъ тѣмъ приглашенъ директоромъ изъ одного Петербургскаго института на должность преподавателя рисованія въ нашу гимназію.

комъ случаѣ соглашусь на это, — возразила я, — если вознаграждение, теряемое ими за надзоръ, будетъ возмѣщено имъ прибавкою уроковъ». — «Онѣ непременно получаютъ уроки взамѣнъ отходящаго отъ каждой изъ нихъ класса!» — заявилъ директоръ. На этомъ и было порѣшено.

О замѣнѣ преподавателей русскаго языка и математики въ IV кл. другими рѣчи не было въ засѣданіи; такимъ образомъ, жестокій урокъ прошелъ даромъ для директора. Но не забыла экзамена русскаго языка Великая Княгиня. Проводивъ Великаго Князя въ дѣйствующую армію, Ея Высочество возвратилась въ Боржомъ, и тотчасъ по своемъ пріѣздѣ вызвала къ себѣ директора и приказала назначить другого преподавателя русскаго языка. Великая Княгиня, какъ видно, не додумалась до *средства задерживающаго*, напротивъ, была того мнѣнія, что не за чѣмъ всѣхъ изъ IV кл. направлять въ V, что для многихъ дѣвушекъ достаточенъ прогимназическій курсъ; въ особенности для грузинокъ, которыя въ то время еще не созрѣли для усвоенія полного гимназическаго курса; но все таки учить ихъ нужно, какъ слышать.

Тогда же въ 1876 г. былъ возбужденъ директоромъ вопросъ объ открытіи V кл. въ прогимназіи, на томъ основаніи, что *въ гимназіи нѣтъ помѣщеній* для 3-го параллельнаго отдѣленія. Но одновременно возбуждалось ходатайство объ открытіи при гимназіи практическаго класса для педагогичекъ, такъ какъ для этого *имѣется помѣщеніе въ гимназіи*. Резолюція Великой Княгини, не желавшей открывать V кл. при прогимназіи и высказавшей это нежеланіе свое, была такова: «Такъ какъ при гимназіи оказывается свободное помѣщеніе, то открыть при ней 3-ье отдѣленіе при V кл. и такъ какъ имѣется свободное помѣщеніе въ прогимназіи, то отвести это помѣщеніе подъ практической классъ.» Въ началѣ 18⁷⁶/77 учеб. года, когда Великій Князь въ первый разъ посѣтилъ гимназію, Ему показали помѣщеніе 3-го отдѣленія V кл., при чемъ директоръ замѣтилъ: «Тѣсно!» — «И въ тѣснотѣ люди живутъ!» — проговорилъ весело Великій Князь. Посѣтила вскорѣ гимназію Верокая Княгиня. Опять произнесено было слово «тѣсно». — «Откуда же я возьму вамъ болѣе просторное помѣщеніе?» — рѣзко замѣтила Ея Высочество. Нечего было дѣлать: цѣлый годъ пришлось директору, преподавателямъ и педагогичкамъ ежедневно отправляться (и большинству изъ нихъ пѣшкомъ) въ отдаленную часть города, въ прогимназію. Приходилось терпѣливо ждать, когда Ея Высочество смилуется и разрѣшитъ перенести практической классъ въ гимназію. Это случилось въ 18⁷⁷/78 учебномъ году

третье же отдѣленіе V кл. все еще оставалось въ гимназіи. Великая Княгиня оставалась вѣрна своему убѣжденію.

На лѣто 1877 г. я не предполагала ѣхать по обыкновенію въ Петербургъ, а собиралась послужить раненымъ въ Боржомскомъ госпиталѣ, съ согласія Великой Княгини, но, получивъ неожиданное извѣстіе о серьезномъ положеніи больной дочери, только что окончившей курсъ въ Смольномъ и оставленной пепиньеркой, я немедленно собралась въ путь, написавъ А. С. О. о своемъ внезапномъ отъѣздѣ, прося ее доложить Ея Высочеству, что, можетъ быть, мнѣ придется оставить Тифлисъ. На это я получила отъ А. С. отвѣтъ, что Великая Княгиня изволила сказать, что теперь не время думать о перемѣнахъ. Директоръ же, желая (на словахъ, конечно,) убѣдить меня остаться на службѣ въ Тифлисѣ, послѣ перечисленія всего моего содержанія (въ это время я получала за исполненіе разныхъ обязанностей 1550 р.), писалъ мнѣ: «къ новому году Вы имѣете право на награду, о которой я сталъ бы непременно хлопотать. Говорю это для того, чтобы расположить Васъ остаться вѣрною гимназіи, для которой Вы можете принести столько пользы, что, конечно, не будетъ забыто Ея Высочествомъ». Въ другомъ письмѣ онъ писалъ: «Лично для пользы гимназіи отъ души желалъ-бы, чтобы Вы еще поработали для нея, а за Богомъ молитва, за Царемъ служба не пропадаетъ. Если Вы сосредоточите ваши силы на службѣ въ гимназіи Ея Высочества, то эта служба навѣрное вознаградится для Васъ въ будущемъ». Въ концѣ письма: «И такъ, съ нетерпѣніемъ ожидаю вашего письма и не теряю надежды, что Вы останетесь вѣрны заведенію, которое, можетъ быть, уже успѣло заинтересовать и привязать Васъ къ себѣ. Великая Княгиня уже знала чрезъ А. С. О. о вашемъ семейномъ горѣ и соболѣзнуетъ Вамъ».

И такъ, приходилось вернуться въ Тифлисъ потому, что «теперь не время думать о перемѣнахъ», а вовсе не потому, что директоръ сулитъ мнѣ разные блага, въ которыя я не вѣрю.

Я выѣзжала изъ Тифлиса 24-го Іюня, въ то время, когда и мысли, и чувства всѣхъ русскихъ на Кавказѣ заняты были Баязетомъ, т. н. *Баязетскимъ сиднѣмъ* горсти храбрецовъ, подъ командой знаменитаго съ тѣхъ поръ маіора Штоквича. Кто изъ русскихъ, современниковъ этой войны, не помнитъ этого баязетскаго сиднѣя, когда 1500 человекъ гарнизона засѣло въ крѣпости, заложивъ всѣ входы огромными камнями, чтобы воспрепятствовать туркамъ и курдамъ ворваться къ нимъ? День моего выѣзда изъ Тифлиса былъ уже 24-мъ этого сиднѣя, въ которое баязетцы терпѣли голодъ и жажду, питаясь сначала однимъ

сухареми и однимъ стаканомъ воды въ сутки, и, наконецъ, дохой кониной и водою, пропитанной кровью и червями. Весь Кавказъ съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдилъ за судьбою этихъ храбрецовъ. И я, несмотря на то, что ѣхала въ Петербургъ не на радость—сидя въ почтовой каретѣ, погрузилась въ мысли о Байазетѣ, и, проѣхавъ 50 верстъ, не заговорила съ своей сосѣдкой, молодой дѣвушкой, ѣхавшей тоже изъ Тифлиса. Какъ вдругъ она заговорила: «Байазетъ освобожденъ!» — сказала она. — «Почему вы знаете?» — живо спросила я. — «Я живу на одномъ дворѣ съ телеграфной станціей и слышала, что сегодня ночью получена телеграмма объ избавленіи Байазета. Генераль Тергукасовъ съ Эриванскимъ отрядомъ выручилъ вѣрность. — «Такъ чего же вы молчали до сихъ поръ?» — съ сердцемъ воскликнула я. И, дѣйствительно, какъ молчать, когда знаешь такую радостную вѣсть, и неужели она не догадывалась, что я вся погружена въ мысли о Байазетѣ? Тяжелый камень свалился съ русскаго сердца, теперь можно было предаться и своимъ личнымъ интересамъ на время.

Весь путь до П—бурга представлялъ арену кипучей дѣятельности: на всѣхъ большихъ станціяхъ вагоны съ войсками, вагоны съ ранеными; вездѣ ругаютъ генерала А., завѣдующаго передвиженіемъ войскъ, за безтолковыя распоряженія и неурядицу.

Вездѣ разговоры только о войнѣ, и, какъ всегда, рѣшительно все оказывались компетентными судьями происходившаго въ дѣйствующихъ арміяхъ на Дунаѣ и на Кавказѣ.

Такъ доѣхала я до Петербурга. Столица также занята была только войной. Дожили мы, наконецъ, и до тѣхъ знаменитыхъ дней, когда взоры не только Россіи, но и Европы устремлены были на Шипку. Въ эти дни сидишь, бывало, на музыкѣ (я проводила лѣто въ Ораніенбаумѣ), но музыки не слышишь, и ничего вокругъ себя не видишь,—мысль и сердце на Шипкѣ. При встрѣчѣ съ знакомыми, только одинъ вопросъ, съ которымъ обращаются другъ къ другу: — «Что Шипка?» — Да, въ эту войну вся Россія мыслила и чувствовала, какъ одинъ человекъ, Россія была *Русскою*! Въ это время я возвращалась обратно въ Тифлисъ. По дорогѣ, за Курскомъ, заѣзжаю къ двоюродному брату въ деревню. «Что Шипка?» встрѣчаютъ меня на порогѣ.

Возвратилась я въ Тифлисъ къ своему дѣлу. Новое назначеніе директора 2-мъ окружнымъ инспекторомъ уже состоялось; но онъ оставался еще завѣдующимъ гимназіей до 1-го Октября. На первомъ засѣданіи Педаг. Совѣта дѣлалось распредѣленіе классовъ между классными надзирательницами. Имѣя въ виду, что дочери моей и другой молодой дѣвушкѣ, которой обѣщано было

мѣсто, я могу дать только младшіе классы, и въ то же время мнѣ необходимо было сначала обезпечить увеличеніе числа уроковъ тѣмъ двумъ учительницамъ, отъ которыхъ отходило по одному отдѣленію, я обратилась къ бывшему директору съ вопросомъ: «Все-ли равно, если я начну распредѣленіе классовъ со старшаго класса?» — Ничего не подозрѣвая, председательствующій отвѣчалъ: — Конечно, все равно. — Когда очередь дошла до V кл., я назвала для 1-го отдѣленія г-жу К., и для 2-го ее-же, то бывшій директоръ перебилъ меня словами: «Какъ же это? Вѣдь, рѣшено было иначе!» — «А г-жѣ К. будутъ прибавлены уроки?» — «Конечно!» съ досадою отвѣтилъ тотъ. То же повторилось и съ IV кл. Я назвала одну и ту же для обоихъ отдѣленій. Председательствующій позеленѣлъ. «Опять?» воскликнулъ онъ. — «А г-жѣ Х. будутъ прибавлены уроки?» — «Да, вѣдь, я сказалъ, что будутъ!» — съ сердцемъ отвѣчалъ онъ. Такимъ образомъ, публично было обѣщано возмѣщеніе уроками потери вознагражденія за надзоръ. Я принудила дать это обѣщаніе публично потому, что иване онъ обманулъ-бы меня, а за спиной у меня говорилъ бы обиженнымъ: «Ничего не подѣлаешь, дочь Начальницы!» Теперь же говорить это было невозможно.

Въ первомъ засѣданіи Попеч. Совѣта должно было ходатайство учительницы танцевъ и гимнастики, г-жи С. о возвратѣ ей сдѣланнаго у нея, по распоряженію завѣдующаго гимназіей, вычета изъ жалованья за сентябрь. Этотъ вычетъ (первый примѣръ за все время существованія гимназіи) былъ сдѣланъ вслѣдствіи того, что г-жа С. явилась въ гимназію послѣ каникулъ не 1-го, а 15-го сентября. Не смотря на заявленіе мое въ Совѣтъ, что г-жа С., имѣя отпускъ по 15 сентября изъ Института, въ которомъ состоятъ штатной преподавательницей, обращалась ко мнѣ въ іюнѣ за совѣтомъ, какъ поступить ей по отношенію къ гимназіи, и я указала ей на ст. инструкціи, утвержденной намѣстникомъ, статью, обязывающую всякаго служащаго по учебной или воспитательной части, въ случаѣ отсутствія, извѣстить о семъ директора или начальницу, а потому, если необходимо признать кого нибудь виновнымъ въ настоящемъ дѣлѣ, то только меня, а никакъ не г-жу С.; — не смотря на это заявленіе мое, завѣдующій гимназіей настаивалъ на виновности г-жи С. Я вынуждена была просить занести въ протоколъ мое заявленіе, и только, благодаря согласію новаго директора съ моимъ мнѣніемъ о невиновности г-жи С., впоследствии возвращенъ былъ сдѣланный у нея вычетъ.

1-го октября новый директоръ вступилъ въ должность. Онъ

сдѣлалъ мнѣ визитъ, при чемъ выразилъ надежду, что мы будемъ ладить,—на что я, съ своей стороны, выразила полную готовность. Онъ произвелъ на меня впечатлѣніе человѣка прямого, но неотесаннаго. Приходится здѣсь сознаться, что я всегда ожидаю отъ людей болѣе добра, чѣмъ зла и, къ сожалѣнію, часто ошибаюсь въ людяхъ, хотя я всегда утверждаю, что «всякій человѣкъ честенъ до первой подлости». Это не значитъ, чтобы каждый человѣкъ способенъ былъ на подлость, а только то, что, пока человѣкъ не сдѣлалъ подлости, онъ *считается* честнымъ. Дочь моя, которую я тутъ же, въ первый визитъ новаго директора, познакомила съ нимъ, замѣтила по его уходѣ: «Онъ, должно быть, дурной человѣкъ!» — Почему ты такъ думаешь? — «Я это чувствую», — отвѣчала она: «въ присутствіи дурного человѣка я чувствую безпокойство». — «На этотъ разъ твое чувство можетъ быть тебя и обманываетъ. Его хвалятъ, какъ прямого, честнаго человѣка». — «Дай Богъ!»

Прежнему директору въ гимназіи проводовъ не дѣлали. Вскорѣ по его уходѣ изъ гимназіи небольшой кружокъ преподавателей съ проф. Трачъ—ъ во главѣ задумалъ устроить въ Тифлисѣ высшіе женскіе курсы. Т-й былъ преподавателемъ исторіи у Великихъ Князей. Бывшій директоръ примкнулъ къ этому кружку. Обратились къ Великой Княгинѣ за разрѣшеніемъ. Ея Высочество изъяснила свое согласіе съ условіемъ, что завѣдованіе курсами будетъ поручено мнѣ. Нечего дѣлать, приходилось согласиться принять эту должность, хотя съ принятіемъ ея у меня не оставалось ни одной минуты свободной; на мнѣ лежали обязанности: начальницы, преподавательницы франц. языка, завѣдующей спеціальнымъ классомъ, руководительницы практическими занятіями его, кассира ссудо-сберегательной кассы гимназіи, прогимназіи и клас. прогимназіи, товарища председателя Общ-а попеченія о недостаточныхъ ученицахъ гимназіи и, наконецъ, присоединилась еще обязанность завѣдующей высшими курсами.

Между тѣмъ, наступили тяжелые дни военныхъ неудачъ въ Закавказьѣ. Интриги въ дѣйствующей арміи, по слухамъ, не прекращались. Въ тифлисскомъ обществѣ громко говорили объ этихъ интригахъ; наконецъ, наши неудачи побудили командировать въ кавказскую армію ген. Обручева. Прошло только нѣсколько дней со времени приѣзда его, и 22-го октября одержана нашими войсками блестящая побѣда, причемъ было взято въ плѣнъ нѣсколько нашихъ. Съ этого дня наши войска шли отъ побѣды къ побѣдѣ, и, наконецъ, взяли Карсъ, чѣмъ и закончилась кампанія въ Закавказьѣ.

Не могу умолчать о томъ живомъ участіи, которое принимали въ успѣхахъ и неудачахъ нашихъ войскъ въ гимназіи всѣ отъ мала до велика. Какъ отражались эти успѣхи и неудачи на расположеніи духа всѣхъ и каждого! Когда приходила вѣсть о побѣдѣ, занятія бросались побоку, всѣ обнимались, цѣловались, ликованію не было конца. При неудачахъ, всѣ ходили мрачные, понуря голову. Помню, какъ впоследствии, когда пришло извѣстіе о вступленіи нашихъ задунайскихъ войскъ въ Галиполи, нашъ батюшка, съ газетой въ рукахъ, вбѣжалъ ко мнѣ и бросился мнѣ на шею. «Еще шагъ, и мы въ Константинополь!» — было у всѣхъ на устахъ. И, вдругъ, отступленіе!.. Какое горькое разочарованіе! Мы всѣ со злости и досады плакали.

Но возвратимся ко взятію Карса. Стали ожидать торжественнаго въѣзда въ Тифлисъ Августѣйшаго побѣдителя. Всѣ готовились къ торжеству. Въѣздъ ожидался вечеромъ. Весь городъ былъ на улицѣ. Дамы собрались на балконъ одного казеннаго дома, находившагося по близости къ триумфальной аркѣ. Наконецъ, проѣхалъ Великій Князь съ Великой Княгиней въ открытой коляскѣ. Но, вотъ, онъ оборачивается, смотритъ въ нашу сторону и привѣтливо кланяется намъ. Всѣ дамы замахали платками. Общему восторгу не было предѣла. На слѣдующій день было торжественное молебствіе въ гимназической церкви. Великій Князь не забылъ меня. При входѣ въ церковь, приложившись ко кресту въ рукахъ Экзарха, Его Высочество, по старому, взглянувъ въ мою сторону, привѣтливо кивнулъ мнѣ головой и затѣмъ сдѣлалъ общій поклонъ.

Между тѣмъ, новый директоръ понемногу входилъ въ дѣла, посвящая меня во все, что находилъ. Я узнала отъ него, что прежній директоръ оставилъ денежныя дѣла гимназіи въ большомъ беспорядкѣ, что председатель Попеч. Совѣта, Т. представилъ Великой Княгинѣ копію съ своего предписанія отъ 5 ноября 1877 г. въ которомъ онъ требуетъ отъ бывшаго директора и казначея, а нынѣ помощника директора, разъясненій въ беспорядкахъ, каковы: 1) зачисленіе на приходъ за сентябрьскую треть всего 1017 р; 2) невыкупъ билетовъ основного капитала, не смотря на то, что на этотъ предметъ были выданы деньги казначею самимъ Т., 3) залогъ билетовъ Ольгинскаго и Гельмблатовскаго капиталовъ безъ вѣдома Председателя Совѣта *) и. т. п. Когда директоръ пере-

*) По поводу этого обстоятельства произошло слѣдующее: когда Т. потребовалъ объясненія отъ бывшаго директора при личномъ свиданіи, послѣдній, не моргнувъ глазомъ, смѣло отвѣтилъ: «съ разрѣшенія Вашего Пр-а» Т. нашелся только сказать: «не помню».

далъ мнѣ это, я замѣтила: «Не возбудить-ли вопроса о комиссіи?» — «О, ради Бога, не дѣлайте этого! Все на меня падетъ. У меня и безъ того много непріятностей, и отношенія мои къ С. А. очень натянуты. Ему вся эта исторія очень непріятна». — И разговоръ этотъ остался безъ послѣдствій.

Впослѣдствіи я пришла къ убѣжденію, что отъ Великой Княгини все скрыли. Въ противномъ случаѣ, на замѣчаніе мое о комиссіи, директоръ долженъ былъ-бы сказать: «такъ какъ Ея Высочеству все извѣстно, то не намъ рѣшать этотъ вопросъ, рѣшить его сама Великая Княгиня, и Ея рѣшенію мы должны подчиниться.» И, конечно, такъ. Но директоръ этого не сказалъ. Дальнѣйшее подтвердить мое предположеніе.

Мнѣнія своего о состояніи учебной и воспитательной части новый директоръ не высказывалъ. Когда ученицы, по окончаніи уроковъ, становились въ пары, онъ молча присутствовалъ при этомъ. Никакихъ замѣчаній онъ не дѣлалъ, никакихъ требованій не предъявлялъ. Не разъ обращала я его вниманіе на то, что классы переполнены слабыми ученицами, которыхъ бывший директоръ принималъ съ двойками, — отчего классныя занятія затрудняются, родители же жалуются на неуспѣшность занятій. На эти заявленія мой директоръ ничего не отвѣчалъ и даже рѣдко созывалъ педагогическія конференціи, — такъ, за три мѣсяца, съ октября по январь, была только одна конференція, тогда какъ прежде онъ бывалъ ежемѣсячно, и на конференціяхъ новымъ директоромъ никакихъ новыхъ требованій не было предъявлено и никакихъ замѣчаній не сдѣлано. Все это производило странное впечатлѣніе на всѣхъ служащихъ. Не могло же быть, чтобъ у новаго директора не было своихъ взглядовъ на учебно-воспитательное дѣло, и за три мѣсяца можно было на столько ознакомиться съ состояніемъ этого дѣла, чтобы высказать одобреніе или осужденіе.

21 декабря 1877 г. въ Попеч. Совѣтъ докладывался годовой отчетъ по хозяйственной части и смѣта на 1878 г. Директоръ, заявивъ о дефицитѣ и долгахъ по гимназій и пансіону, просилъ Совѣтъ указать источники на покрытіе того и другого. Всѣ молчали. Заговорила я: «А намъ какое дѣло?» — «Какъ, какое дѣло?» — возразилъ директоръ, — денежные дѣла касаются Совѣта. — «Да, вѣдь, насъ не спрашивали, какъ расходовать?» — Предсѣдатель, сквозь зубы: — «Будущими средствами гимназій». — Затѣмъ предсѣдатель доложилъ, что новый директоръ предлагаетъ ввести свою систему счетоводства, при чемъ объявлялъ, что каждый директоръ, будто бы, *имѣетъ право держаться своей системы сче-*

товодства, за которую онъ и отвѣчаетъ; что система бывшаго директора вела къ положительному банкротству гимназій, такъ какъ гимназія жила на счетъ будущаго. — Выслушавъ это, я спросила: «съ какихъ же это поръ ведется у насъ такое хозяйство?» — «О, это уже давно, — замѣтилъ окружной инспекторъ И. — еще при Н—гѣ! (предшественникъ бывшаго директора, — на него былъ сдѣланъ начетъ въ нѣсколько тысячъ, которыя и были имъ уплочены къ этому времени; а потому, странно было объяснять непорядки при бывшемъ директорѣ порядками при его предшественникѣ.)

Такъ вопросъ о дефицитѣ и долгахъ остался нерѣшеннымъ, если не считать рѣшеніемъ втихомолку высказаннаго мнѣнія Предсѣдателемъ. На слѣдующій день говорю директору: — «А не возбудить-ли вопроса о приглашеніи государственнаго контроля для провѣрки дѣлъ за все время директорства вашего предшественника?» — (Государственный контроль насъ не касался, весь контроль у насъ былъ въ рукахъ Предсѣдателя Попеч. Совѣта, и, какъ видно, этотъ контроль бездѣйствовалъ). «Я буду вамъ очень благодаренъ» — отвѣчалъ директоръ... «Впрочемъ, не торопитесь. Великая Княгиня, вѣроятно, потребуетъ меня къ себѣ, когда прочтетъ отчетъ, и потребуетъ разъясненій, а я отвѣчу: — «я ничего не понимаю, Ваше Высочество! здѣсь нуженъ специалистъ» — и тогда вопросъ о контролѣ самъ собою рѣшится. — Этотъ разговоръ и убѣдилъ меня въ томъ, что Великой Княгинѣ еще ничего не было извѣстно, иначе не за чѣмъ было требовать новыхъ разъясненій.

Въ этотъ же день я ходила во дворецъ поздравить Великую Княжну съ Ея тезоименитствомъ. Я была въ числѣ немногихъ лицъ, которыхъ Великая Княжна имѣла право принимать. У Великой Княжны я застала Ея воспитательницу, г—жу У. Послѣ первыхъ привѣтствій, А. С. У., руководившая разговоромъ, спросила меня: «Ну, какъ идутъ у васъ дѣла?» — Хорошо! — отвѣчала я, — впрочемъ... «Впрочемъ?» повторила г-жа У. — «Смотря потому, о какихъ дѣлахъ вы спрашиваете», — отвѣчала я. — Если вы разумѣете дѣла вообще, то хорошо, если же дѣла хозяйственныя, то они въ плачевномъ состояніи. Въ вчерашнемъ засѣданіи Попеч. Совѣта мы узнали это». — «Что-же говорилось вчера въ Совѣтѣ?» — продолжала спрашивать г-жа У. Я начала рассказывать. Великая Княжна, видимо, заинтересовалась рассказомъ, — но пришелъ камеръ-лакей доложить Ея Высочеству, что Великая Княгиня ожидаетъ Ее, чтобы ѣхать вмѣстѣ кататься. Я раскланялась, а г-жа У. пригласила меня къ себѣ.

Прерванный разговор возобновился и затянулся на столько, что я еще была у г-жи У., когда Великая Княжна, возвратившись съ прогулки и узнавъ, что я еще у г-жи У., пришла туда же и, когда я встала, чтобы раскланяться, стала убедительно меня просить остаться и продолжать прерванный разговор. Не было никакого сомнѣнія въ томъ, что Великая Княжна заинтересовалась дѣлами гимназій. Думаю, что г-жа У., какъ воспитательница Великой Княжны, пользовавшаяся большимъ довѣріемъ Великой Княжны, и, при томъ, женщина очень умная, должна была знать, какіе разговоры можно вести въ присутствіи Великой Княжны. Къ тому же и самый разговоръ былъ возбужденъ ею. И такъ, рассказъ мой о дѣлахъ гимназій продолжался въ присутствіи Великой Княжны, которая не разъ вставляла весьма разумныя замѣчанія, доказывавшія, что у этой молодой головки есть уже сложившіяся убѣжденія нравственныя.

На праздникахъ я зашла къ А. С. О. «Vous avez été chez la petite grande-Duchesse?» («Вы были у Великой Княжны?»)—«Où!» («Гдѣ!») «Vous avez parlé devant Elle des affaires du gymnase?» («Вы говорили въ Ея присутствіи о дѣлахъ гимназій?»)—«Oui.» — «La grande-Duchesse est mécontente.» («Великая Княжна недовольна»). А С. объяснила мнѣ, что Великой Княжнѣ не пріятно, что бывший директоръ развѣивая во мнѣнїи Великой Княжны, Которой наставникомъ онъ былъ.—Положимъ, это такъ, но возможно-ли уберечь отъ этого?

Графиня А. уже не было при дворѣ. Ея разстроенное здорье требовало безусловнаго отдыха, и она вышла въ отставку. Ея должность въ то время никто не занялъ.

Для меня отъѣздъ графини былъ большой потерей. Много добра дѣлала она чрезъ посредство Великой Княжны, и тифлисскіе бѣдники потеряли въ ней Ангела-хранителя.

Прошелъ январь 1878 г., никакихъ слуховъ о привлеченіи къ отвѣтственности бывшаго директора, и даже протоколъ послѣдняго засѣданія Попеч. Совѣта отъ 21 дек. еще не былъ поданъ нами; между тѣмъ, засѣданія Попеч. Совѣта были—обязательны каждый мѣсяцъ. Наступилъ февраль. Я какъ то спросила писемоводителя, почему такъ долго задерживается протоколъ? На это тотъ отвѣчалъ мнѣ, что директоръ составляетъ новый бюджетъ. Я нѣсколько удивилась этому, такъ какъ требовались измѣненія по 2—3 пун., измѣненія, сдѣланныя Совѣтомъ по моему настоянію; но на это не требовались много работы,—вѣрнѣе измѣнился годовой отчетъ, и я не ошиблась. Наконецъ, въ кон-

цѣ февраля подписанъ былъ протоколъ. О долгахъ и дефицитѣ ни слова. Ясно, что концы хоронилъ.

Когда протоколъ возвращенъ былъ за подписью Великой Княжны, я спросила директора:—«А что сказала Великая Княжна по поводу отчета?»—«Потребованъ былъ бывший директоръ для объясненій, и объясненія были очень неудачны»,—коротко отвѣчалъ директоръ. Слѣдовательно, вопросъ о контролѣ не былъ возбужденъ, и я рѣшилась внести въ Совѣтъ свое мнѣніе по этому вопросу, т. е. по вопросу о дефицитѣ и долгахъ. Я все еще думала, о, наивная! что члены Совѣта *обязаны* пользоваться своими правами.

Написавъ заявленіе въ Совѣтъ, я много разъ его перечитывала, сглаживая всѣ рѣзкости, и когда я его окончательно исправила, я дала его прочитать директору, твердо рѣшивъ не вносить его въ Совѣтъ, если тотъ посовѣтуетъ не возбуждать дѣла. Прочитавъ заявленіе, директоръ замѣтилъ: «С. А-у будетъ не пріятно...» — «Что дѣлать!»—отвѣчала я,—мнѣ не приходится считаться съ этимъ...» Затѣмъ подумавъ немного, директоръ продолжалъ: «Назначать комиссію... Чтожъ? Я буду очень радъ».

И такъ, директоръ не былъ противъ моего заявленія въ Совѣтъ. Самъ онъ не хотѣлъ возбуждать вопроса, какъ креатура Т., кругомъ виноватаго въ недосмотрѣ,—но былъ радъ тому, что другой это дѣлаетъ.

14 марта состоялось засѣданіе Попеч. Совѣта. Къ сожалѣнію, отсутствовали: новый губернаторъ, недавно вступившій въ должность и еще не приглашенный Великой Княжнѣй въ засѣданія Попеч. Совѣта,—и Городской голова, Д. И. К., неизвѣстно почему не получившій повѣстки о засѣданіи.

Текущихъ дѣлъ было не много. Предсѣдатель, ничего не знавшій о моемъ заявленіи, собирался уже объявить засѣданіе закрытымъ, когда я произнесла: «Позвольте!» Предсѣдатель любезно придвинулъ ко мнѣ свѣчи, и я начала читать: «Въ засѣданіи Попеч. Совѣта 21 декабря истекшаго года, между прочими вопросами должны быть слѣдующіе: 1) объявлено о сложении С. С. Н. *тысячи р.*, взятыхъ имъ *займообразно* изъ суммъ гимназій; 2) г. Предсѣдателемъ дано разъясненіе по поводу предлагаемой г. директоромъ *своей* системы счетоводства, при чемъ выяснено было, что *каждый директоръ имѣетъ право вводить ту систему счетоводства, какую онъ найдетъ наиболее удобною для себя*,—*въ чемъ и принимаетъ на себя отвѣтственность*; 3) заявлено г. директоромъ объ имѣющемся долгѣ на гимназій, при чемъ предложено Совѣту указать источники на покрытіе этого долга, и та-

ковымъ источникомъ г. председатель указалъ будущія средства гимназій; 4) заявлено г. директоромъ о дефицитѣ по пансіону, и 5) заявлено о состояніи въ залогъ Ольгинскаго капитала.

«При обсужденіи вышеупомянутыхъ вопросовъ, между прочимъ выяснилось то, что система счетоводства, которой держался бывший директоръ, состояла въ томъ, что декабрьская треть прихода, вмѣсто того, чтобы быть отнесенной на приходъ слѣдующаго года, которому она въ дѣйствительности принадлежала, представлялась въ видѣ *чистаго остатка* и расходовалась на награды служащимъ и т. н., такимъ образомъ, касса гимназій постоянно приходила въ такое состояніе, что на покрытие расходовъ за лѣтніе мѣсяцы, тратилась впередъ сентябрьская треть прихода, и еслибы такая система счетоводства продолжалась, то касса гимназій была-бы, наконецъ, пуста въ теченіе цѣлаго года, чего на половину достигъ уже гимназическій пансіонъ. Такое положеніе дѣлъ г. Председатель полагаетъ возможнымъ исправить на счетъ будущихъ средствъ гимназій. «Это предположеніе г. Председателя заслуживаетъ серьезнаго вниманія Совѣта. Я полагала-бы, что прежде, чѣмъ указывать источники на покрытие дефицита и долговъ, Совѣту необходимо имѣть предъ собой обстоятельную картину того, въ какомъ положеніи бывший директоръ принялъ дѣла гимназій отъ г. Н. и въ какомъ положеніи онъ сдалъ дѣла новому директору. Совѣту извѣстно, что С. С. М. въ сентябрѣ 1873 г. получилъ благодарность отъ Августѣйшей Покровительницы заведенія за то, что *поставилъ заведеніе въ то обезпеченное въ матеріальномъ и нравственномъ отношеніи положеніе, въ какомъ Государиня Великой Княгини угодно было видѣть оное*» (Подлинныя слова протокола 4 сент. 1873 г.) «Имѣя въ виду эту Августѣйшую благодарность, Совѣтъ не можетъ сомнѣваться въ томъ, что въ сентябрѣ 1873 г. дѣла гимназій были въ *блестящемъ* положеніи.

«Только при сравненіи дѣлъ гимназій въ эти три момента, а именно: 1, приѣма гимназій отъ г. Н., 2, приведенія заведенія въ обезпеченное положеніе къ сентябрю 1873 г. и 3, передачи заведенія новому директору—выяснятся источники, которыми должны быть покрыты дефицитъ и долги».

«При этомъ считаю необходимымъ обратить вниманіе Совѣта и на слѣдующія статьи инструкціи Попечительному Совѣту, утвержденной Намѣстникомъ 5 Мая 1874 г. §87 *Главное наблюденіе за приходомъ и расходомъ суммъ, принадлежащихъ жен. гимназій и прогимназій въ отдѣльности и находящихся въ вѣдѣніи*

директора заведеній, *принадлежитъ Попечительному Совѣту, при непрѣмномъ участіи члена по назначенію Августѣйшей покровительницы*».

§91. *За правильность расходовъ ответственности подлежатъ директоръ, дѣйствующій въ этомъ случаѣ не иначе, какъ на основаніи смѣты, а въ экстренныхъ случаяхъ съ разрѣшенія Совѣта*».

«Къ этимъ статьямъ добавлю еще сказанное г—мъ председателемъ въ засѣданіи Совѣта 21 Декабря, что директоръ, вводя систему счетоводства, какую онъ считаетъ *наибольше удобною для себя, принимаетъ на себя и всю ответственность*». Такимъ образомъ, изъ приведенныхъ мною статей инструкціи видно, что *наблюденіе* за правильнымъ расходомъ лежитъ на Попечительномъ Совѣтѣ, а *ответственность*—на одномъ *директорѣ*».

«При этомъ позволю себѣ указать Совѣту на то обстоятельство, что за время управленія гимназіей г. Н. Совѣтъ ничего не зналъ о томъ, что гимназія и пансіонъ живутъ на счетъ будущаго».

«Считаю нужнымъ указать и на тѣ два крупные факта, о которыхъ упоминалось въ засѣданіи 21 Дек.: заемъ въ 1000 р., сдѣланный С. С. Н. изъ суммъ гимназій, *которыхъ съ Іюня 1876 г. не всегда было достаточно для своевременной выдачи жилаванья служащимъ*, и залогъ въ банкѣ Ольгинскаго капитала. О томъ и другомъ впервые услышалъ Совѣтъ лишь въ засѣданіи 21 Дек. истекшаго года, а, между тѣмъ, ни то, ни другое, въ силу § 91 инструкціи 5 Мая 1874 г., *не могло состояться* помимо Совѣта. Такимъ образомъ очевидно, что суммы расходовались ни на основаніи смѣты, ни съ разрѣшенія Совѣта».

«Въ виду вышеизложеннаго позволю себѣ предложить Совѣту: по приведеніи въ ясность положенія дѣлъ въ гимназій и пансіонѣ въ тѣ три главные момента въ жизни этихъ заведеній, о которыхъ упоминается выше, опредѣлить: *справедливо-ли тратить будущими средствами гимназій настоящіе дефициты и долги, образовавшіеся безъ вѣдома и разрѣшенія Совѣта, благодаря системѣ счетоводства, которую бывший директоръ находилъ наибольше удобною для себя и за которую онъ и отвечаетъ, согласно объявленію г. председателя*». Я окончила чтеніе. Продолжительное гробовое молчаніе прерывается, наконецъ, Председателемъ.

— «Я не понимаю»...—перѣшительно начинаетъ онъ,— «зачѣмъ вы начинаете... Это дѣло конченное...» — «Я не вижу, что»

бы оно было окончено», — отвечаю я, — «въ послѣднемъ засѣданіи Попечительнаго Совѣта къ намъ обратились съ вопросомъ — и я на него отвечаю теперь». — «Что же вы желаете?» — Такого вопроса, признаюсь, я не ожидала, такъ какъ все мои желанія ясно и опредѣленно выражены въ моемъ заявленіи. Нечего дѣлать, приходится ставить вопросные пункты Предсѣдателю. Все отвѣты послѣдняго были уклончивые. — Попросту сказать, здѣсь кто-то себѣ прикарманилъ! — заговорилъ помощникъ директора, онъ же дѣлопроизводитель Совѣта и казначей. — Я. Я этого не говорю... — Ну, такъ вы хотите сказать, что есть злоупотребленія? — продолжаетъ тотъ же. Я. — И этого не говорю... (сосѣдка моя, начальница прогимназіи, кума бывшего директора, въ это время, какъ разъяренная тигрица, подпрыгивала на стулѣ и вертѣлась на все стороны; изъ устъ ея вылетали отдѣльные звуки). — Ну, такъ безпорядки? но и ихъ нѣтъ! — продолжаетъ помощникъ директора. — А безпорядки есть! воскликнула я. — Что это какъ не безпорядки, когда лѣтомъ — 76 г., никто изъ служащихъ въ гимназіи, кромѣ директора и меня, жалованья не получилъ? Когда за то же лѣто изъ 1700 р., которые должны были поступить въ осудо-сберегательную кассу, не поступило ни копейки, и поступали лишь по частямъ 25 сентября и 26 октября; затѣмъ была задержка въ выдачѣ жалованья въ октябрѣ, ноябрѣ и опять въ февралѣ, и такъ продолжалось до лѣта! — Пр. (весь красный). «Отчего же вы тогда не заявили объ этомъ». Я. «Очень просто по чему: заяви я тогда объ этомъ, деньги съ поба бы свалились въ гимназическую кассу, и мое заявленіе признано было бы клеветой. Теперь — другое дѣло: это совершившійся фактъ, его можно доказать... Наконецъ», (обращаясь къ предсѣдателю:) «я желаю знать, въ чемъ заключается отвѣтственность директора?» — «Директоръ имѣетъ право, онъ же и отвѣчаетъ!» — кричать одинъ. — Я. Въ чемъ же состоитъ его отвѣтственность? — Тотъ же отвѣтъ слышу отъ своей сосѣдки. Я снова повторяю свой вопросъ и получаю тотъ же отвѣтъ отъ окружного инспектора и, наконецъ, и отъ самого предсѣдателя. Такимъ образомъ, мы не выходили изъ заколдованнаго круга: я спрашивала: въ чемъ заключается отвѣтственность директора? а мнѣ отвѣчали: «онъ имѣетъ право, онъ же отвѣчаетъ!» а чѣмъ отвѣчаетъ, никто не объяснялъ, и оставалась отвѣтственною все та же гимназическая касса, какъ того желалъ предсѣдатель. Наконецъ, окружной инспекторъ обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «Да что вы принимаете это такъ близко къ сердцу? *Вѣдь, не изъ нашего кармана попомнятъ?*» — «Я думаю», — отвечаю я, — «что и помимо на-

шего кармана у насъ есть нравственные обязанности»...

Тутъ я окинула взглядомъ всѣхъ присутствующихъ и почувствовала глубокое омерзѣніе: «Фу! какъ тутъ гадко!» сказала я себѣ. Предсѣдатель обратился ко мнѣ: — «Что же вы желаете?... Можетъ быть, комиссію?» ... «Почему нѣтъ?» — отвѣчала я, но тутъ же сообразила, что меня, вѣдь, въ комиссію не назначать, — я бы знала, гдѣ порываться, — другіе же, очевидно, все покрѣютъ, и я же останусь виноватой въ клеветѣ, и потому прибавила: — «нѣтъ, не стоитъ!» — Засѣданіе закрылось.

Конечно, я была, по неопытности, такъ наивна, что ожидала отъ членовъ *беззастѣнчиваго коллегіальнаго учрежденія* добросовѣстнаго отношенія къ дѣлу. Коллегіальныя учрежденія на то и существуютъ, чтобы не было отвѣтственного лица. «Рука руку моетъ, и все сухи выходятъ». Все другъ за друга хоронятся: «не я, молъ, рѣшилъ, а Совѣтъ!» Съ того времени я въ этомъ убѣждалась все болѣе и болѣе и, признаюсь, никакого уваженія не питаю къ коллегіальнымъ учрежденіямъ.

На другой день послѣ только что описаннаго засѣданія, встрѣтившись съ директоромъ, я замѣтила ему: «Хороши принципы, высказанные вчера въ засѣданіи!» — «Я и самъ думаю. — сухо отвѣчалъ онъ, — что тамъ не было злоупотребленій. Еслибы я это думалъ, я-бы поступилъ иначе». — «А развѣ я говорю о злоупотребленіяхъ?» — Я хотѣла, было, прекратить разговоръ, но тутъ же сообразивъ, что до Великой Княгини дойдетъ о происшедшемъ въ Совѣтъ и, конечно, въ извращенномъ видѣ, я просила директора сказать мнѣ откровенно, что скажетъ онъ, если Великая Княгиня спроситъ его о томъ, что было въ Совѣтъ? — «Скажу, какъ было», — отвѣчалъ онъ. — «Не будете же вы передавать все въ лицахъ? Скажите мнѣ одно: права-ли я была или нѣтъ?» — «*Какъ членъ Совѣта, вы были въ своемъ правѣ*». — И я, о, наивность! повѣрила тому, что онъ такъ и скажетъ Великой Княгинѣ.

Въ тотъ же день вечеромъ я зашла къ своимъ друзьямъ М. и рассказала, что было въ засѣданіи Попеч. Совѣта. Признаться, Л. Л. М., зная о моемъ намѣреніи подать въ Совѣтъ заявленіе и ознакомившись съ нимъ, какъ человекъ опытный, не совѣтовалъ мнѣ поднимать это дѣло, но я не послушала его. «Ой, генеральша! (такъ называлъ онъ меня всегда). Смотрите! тройка уже готова для васъ. Т. громко говорить, что вы «безпокойная!» — «Что-жъ дѣлать?» — отвѣчала я, или входить въ компромиссы, или поступать по совѣсти. Вы знаете, что входить въ компромиссы я не умѣю, а потому будь, что будетъ, а совѣсть моя чиста.

Я *должна* была такъ поступить!..» — «Такъ-то такъ, — возразилъ опытный М., и не мнѣ васъ осуждать... но берегитесь!» —

Выждавъ два дня, я отправилась къ А. С. О. узнать, не слыхала-ли она чего? Великая Княгиня всегда говорила ей прямо то, что думала относительно меня. «Великая Княгиня ничего не говорила вамъ эти дни?» — спросила я. — «А что?» — Я рассказала въ чемъ дѣло. — «Нѣтъ, ничего!» — отвѣчала А. С. — Странно! подумала я. Неужели же они не успѣли еще доложить? А, между тѣмъ, въ этотъ же день Ихъ Высочества уѣзжали на нѣсколько мѣсяцевъ въ Петербургъ. Флагъ со дворца былъ уже снятъ; но на слѣдующій день флагъ опять взвился. Оказалось, что въ горахъ къ ночи поднялась буря, и высокіе путешественники возвратились въ Тифлисъ.

Между тѣмъ, дѣла въ гимназіи шли своимъ порядкомъ; но напрасно ждала я отъ директора замѣчанія или одобренія существующихъ порядковъ: но, вотъ, наконецъ, послѣ почти 5 мѣсячнаго молчанія, однажды — это было въ половинѣ февраля — онъ, въ разговорѣ со мной, сказалъ: «Я нахожу, что вы не щадите себя, а щадите классныхъ надзирательницъ. Однѣ изъ нихъ работаютъ, — въ томъ числѣ и ваша дочь, — а другія — нѣтъ. Вы должны *себя* пожалѣть, заставить ихъ больше работать!» — «Хорошо!» — отвѣчала я. Но на слѣдующій день, заговоривъ съ нимъ, я сказала: «С. И.! Я много думала о нашемъ вчерашнемъ разговорѣ и вотъ что я хочу вамъ сказать: дѣлать самому меньше и требовать отъ другихъ больше, конечно, можно, оно и удобнѣе для себя, но я нахожусь въ непріятномъ положеніи только *требовать, и никогда никакого поощренія*. Еслибы вы знали, какъ тяжело быть только тѣмъ, что называется «собакой»! Вотъ почему иной разъ по неволѣ берешь многое на себя!» — «Вы хотите этимъ сказать, что желали-бы имѣть право представлять классныхъ надзирательницъ къ наградамъ?» — «Да я и теперь имѣю это право, но было-бы наивно съ моей стороны представлять къ тому, чего не существуетъ»... «Затѣмъ, — продолжала я, — вы здѣсь уже почти пять мѣсяцевъ, и никто изъ насъ, въ томъ числѣ и я, ни слова не слышалъ о вашихъ взглядахъ и требованіяхъ. Было-бы крайне желательно, чтобы вы высказали ихъ въ конференціи».

— «Я боился вторгнуться въ чужую сферу»...

— «Это не было-бы вторженіемъ въ чужую сферу; вы — прежде всего нашъ руководитель по учебно-воспитательной части, а у всякаго руководителя могутъ быть свои взгляды на дѣло». — «Хорошо!» — заключилъ онъ, — «въ первомъ же засѣданіи я поговорю объ этомъ». Я передала этотъ разговоръ класснымъ над-

зирательницамъ, и онѣ всѣ съ нетерпѣніемъ стали ожидать конференции. Но прошелъ мѣсяцъ, засѣданія не было; родители оставались безъ свѣдѣній объ успѣхахъ дѣтей, и, конечно, роптали.

На другой же день послѣ неожиданнаго возвращенія съ пути Ихъ Высочествъ, — это было 20-го марта — въ большую перемѣну сидѣли мы за чаемъ въ дамской учительской, какъ вдругъ кто-то съ шумомъ раскрылъ дверь нашей комнаты и крикнулъ: «Ихъ Высочества!» Въ ту же минуту мы выскочили въ корридоръ, я бросилась встрѣчать высокихъ гостей и встрѣтила Ихъ на площадкѣ у входа въ садъ, чрезъ который Ихъ Высочества пришли.

Принимая протянутую мнѣ руку Великой Княгини, я почувствовала, что Ея Высочество дурно настроена. Рукопожатіе Великой Княгини было обыкновенно крѣпкое, на сей разъ оно было слабое; да оно замѣтно было и по лицу: у Великой Княгини каждая жилка въ лицѣ говорила. Поздоровавшись со мной, Великій Князь сказалъ мнѣ: «Пожалуйста, прикажите собраться всѣмъ въ саду и стать по классамъ». Я мигомъ взлетѣла на верхъ, объявивъ всѣмъ, попадавшимся мнѣ на пути, желаніе Великаго Князя, заглянула въ учительскую, никого не нашла, и также мигомъ вернулась въ садъ: каково же было мое удивленіе, когда я увидѣла уже всю гимназію (до 800 уч.) выстроившеюся въ саду по классамъ, и у cadaго класса стояла классная надзирательница. Признаюсь, я была поражена такой быстротой. Быстро окинувъ взглядомъ всю открытую площадь сада, я увидѣла Великую Княгиню стоящую у VII кл. и разговаривающую съ классной надзирательницей-учительницей Я. Я. Я подошла. Великая Княгиня, обратившись ко мнѣ, сказала тономъ нѣсколько повышеннымъ, для меня необычнымъ: «До моего свѣдѣнія дошло, что классныя надзирательницы не довольно строги къ дѣтямъ, и я сочла нужнымъ сдѣлать нѣкоторымъ изъ нихъ замѣчаніе». — «Да, Ваше Высочество, нужно быть строгимъ», — почтительно, но спокойно отвѣчала я, смекнувъ въ чемъ дѣло. О засѣданіи Попеч. Совѣта, конечно, говорить Великой Княгинѣ не приходилось, — пожалуй, я бы оказалась права; нужно было напасть съ другой стороны: педагогическая сфера легко доступна для всякаго нападенія, говори, что хочешь, письменныхъ доказательствъ нѣтъ: все свѣрное можно пайти прекраснымъ и въ порядкѣ видѣть безпорядокъ.

— «И вы будьте строги!» продолжала Великая Княгиня тѣмъ же тономъ. — «Я строга, Ваше Высочество!» — отвѣчала и я тѣмъ же спокойнымъ тономъ. — «Ничего не спускайте!» — «Я ничего не

спускаю». — «Да, — продолжала Великая Княгиня, — но уже тономъ ниже, — нынѣшнюю молодежь очень трудно вести» ... «Да, Ваше Высочество! тѣмъ болѣе, что начальство требуетъ одного, родители — другого, общество — третьяго, печать — четвертаго, — всѣмъ не угодишь! Я и то, какъ бывшая институтка, ввела въ гимназію нѣкоторые требованія институтскія, но ввести всѣ требованія институтскія невозможно!» — «О, конечно!» — Съ этими словами Ея Высочество двинулась дальше, останавливаясь предъ каждымъ классомъ. Подойдя къ 3-у отдѣленію V кл., я представила классъ, какъ отлично учащійся, но крайне шумливый. — «Ну, это ничего, — замѣтила Великая Княгиня, — только бы хорошо учились!» — Тутъ подошелъ Великій Князь, и Ея Высочество передала нашъ разговоръ о классѣ. Въ дальнѣйшей бесѣдѣ съ Ея Высочествомъ я заявила, что есть, несомнѣнно, между классными надзирательницами такія, которыя по молодости лѣтъ (были и 17 л.) и не могутъ еще имѣть должнаго авторитета, что послѣдній приобретается съ годами, но что вообще я жаловаться не могу, всѣ добросовѣстно исполняютъ свои обязанности. Въ такой бесѣдѣ мы дошли до воротъ сада; Великій Князь нѣсколько поотсталъ, и Ея Высочество остановилась со мною и милостиво распрашивала меня о томъ, какія вѣсти имѣю я изъ Петербурга о больной дочери. Подошелъ Великій Князь, Ихъ Высочества милостиво со мной простились и вышли изъ сада по направленію ко дворцу. Вся рѣшетка сада со стороны улицы была усеяна народомъ, которому хорошо было видно, что происходило въ саду. Вечеромъ того же дня Ихъ Высочества отбыли въ Петербургъ.

Когда высокіе посѣтители покинули нашъ садъ, я направилась къ группѣ классныхъ надзирательницъ, меня ожидавшихъ. — «Mes dames!» спросила я, — «кому изъ васъ Великая Княгиня сдѣлала замѣчаніе?» — «Мнѣ», — отвѣтила одна изъ молодыхъ дѣвушекъ. — Великая Княгиня сказала мнѣ: «До моего свѣдѣнія дошло, что вы не слушаетесь начальницы. Чтобы этого не было!» «Вотъ оно что! правды сказать нельзя, такъ идутъ на клевету... Но странно, что Великая Княгиня сказала мнѣ другое! Скажи мнѣ Ея Высочество то, что она сказала классной надзирательницѣ, я-бы вывела *тебѣ* на чистую воду. Я бы отвѣтила: «Какъ? Меня не слушаютъ? Да такого случая еще не было со мной. А еслибы случилось что нибудь подобное, то неужели же мы сами не справились бы, а нужно было содѣйствіе Вашего Высочества? А самъ директоръ на что-жь?» — Да, жаль, что Великая Княгиня не сказала мнѣ этого!

Классныя надзирательницы были глубоко оскорблены такимъ

предательствомъ директора. Я немедленно пошла въ канцелярію. — «Что это вы наговорили Великой Княгинѣ на классныхъ надзирательницъ?» — спросила я директора. — «А, вотъ, мы поговоримъ объ этомъ завтра въ канцелярію» — сухо отвѣтилъ онъ.

Съ этой минуты я знала, что мы враги.

Въ тотъ же день стало извѣстнымъ, что на завтра, 21 марта, созванъ соединенный Совѣтъ изъ персонала гимназій и прогимназій — вещь неслыханная! Ясно было, что директоръ приготовился къ чему-то необычайному. Я понимала, что будетъ бой, и бой не на животь, а на смерть. Я знала теперь, съ кѣмъ имѣю дѣло и была приготовлена ко всему. Конечно, я сознавала и то, что дни мои въ гимназій сочтены, такъ или иначе придется уходить, не служить же съ такими... Ожидать же немедленнаго торжества правды я при всей своей наивности не могла. На это требовалось время. Будь Ихъ Высочества въ Тифлисѣ, я бы испросила аудіенцію у Великаго Князя и рассказала бы все... И такъ, вечеромъ 21 марта въ залѣ гимназій собрался весь персоналъ гимназій и прогимназій. Предсѣдатель, директоръ, открылъ конференцію слѣдующимъ заявленіемъ:

«Начальница гимназій заявила мнѣ о неудовольствіи родителей на неудовлетворительныя занятія ученицъ въ теченіе истекающаго учебнаго года. Предлагаю Совѣту разъяснить причины такого явленія...» И, не ожидая мнѣній членовъ Совѣта, тотчасъ же продолжалъ, вопреки основному правилу коллегіальныхъ учрежденій, по которому предсѣдатель высказываетъ свое мнѣніе послѣднимъ: — «А я такъ думаю, что тамъ, гдѣ нѣтъ дисциплины, гдѣ полнѣйшая распушенность, тамъ, естественно, и учебная часть должна быть въ упадкѣ. Гдѣ собираются ученицы до перваго звонка?» — Въ хорошую погоду въ саду, въ дурную — въ корридорахъ, служащихъ имъ рекреационной залой, такъ какъ еще по распоряженію бывшаго директора дверь залы открывается только со звономъ къ общей молитвѣ, — отвѣчала я. — «А я замѣтила, — возразилъ предсѣдатель, — что ученицы собираются въ прихожей...» — Къ сожалѣнію, — возразила я, — ученицы, собираясь въ гимназій, не могутъ перелетѣть чрезъ прихожую и, неизбежно, наполняютъ ее безпрестанно съ той минуты, какъ начинаютъ собираться и до перваго звонка. А потому, не могу принять за признакъ распушенности неизбежное присутствіе ученицъ въ прихожей, гдѣ онѣ раздѣваются до перваго звонка». — Предсѣдатель порывается нѣсколько разъ прервать меня, но я довела свою рѣчь до конца. — «Всѣ-ли ученицы присутствуютъ на общей молитвѣ?» — продолжаетъ ставить вопросы предсѣдатель.

—Все, за исключеніемъ опоздавшихъ, которыя во время молитвы не могутъ быть допущены въ залъ, во избѣжаніе нарушенія благочинія, и находятся въ классахъ». — «А я замѣтилъ, что многія остаются въ классахъ». — «Да, тѣ, которыя опоздали». «Кто смотритъ за порядкомъ въ классѣ?» — «Дежурныя ученицы». — «А за ними кто смотритъ?» — «Классныя надзирательницы». — «А за классными надзирательницами?» — «Я». — (Мнѣ слѣдовало бы сказать: «а за мною — директоръ» — недогадалась!) «Такъ предлагаю болѣе добросовѣстное отношеніе къ своимъ обязанностямъ». На это замѣчаніе председателя я отвѣчала энергично: «Считаю долгомъ заявить Совѣту, что ровно мѣсяць тому назадъ г. директоръ замѣтилъ мнѣ: «я нахожу, что вы не щадите себя. Вы должны требовать болѣе отъ другихъ и жалѣть себя». Въ настоящую же минуту г. директоръ предлагаетъ мнѣ добросовѣтнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ. Г-ну директору, очевидно, не извѣстна моя дѣятельность, но она на глазахъ у всѣхъ моихъ сослуживцевъ, она извѣстна тифлисскому обществу, и, что еще важнѣе, она извѣстна Ихъ Императорскимъ Высочествамъ; такъ, въ одно изъ послѣднихъ посѣщеній, Ея Высочество изволила милостиво мнѣ замѣтить: «Однако, вы ихъ порядкомъ прибрали къ рукамъ: гимназія замѣтно измѣнилась къ лучшему». Такой отзывъ Ея Высочества опровергаетъ всякое другое замѣчаніе, противорѣчащее ему». — Пока я говорила, председатель безпрестанно прерывалъ меня, лицо его было искажено злобой. — «Я замѣтилъ еще, — началъ опять председатель, — что, въ ожиданіи преподавателей, ученицы не сидятъ молча и неподвижно на скамейкахъ, а разговариваютъ, и нѣкоторые стоятъ».

Преподаватель русскаго языка и словесности, А., человекъ безалаберный, запутанный въ долгахъ, заискивалъ въ директорѣ: подерживая мнѣніе председателя, онъ сталъ утверждать, что каждую субботу, когда бы онъ ни пришелъ на урокъ, въ 1 отдѣленіи V кл. всегда заставалъ шумъ и гамъ, при чемъ выразился такъ: «хоть палками разгоняй!» Такое заявленіе преподавателя А. возбудило всеобщее негодованіе; поднялся страшный шумъ: 1-е отдѣленіе V кл. было на отличномъ счету у всѣхъ, никогда еще отъ преподавателей не было жалобы на него, и самъ А. никогда не заявлялъ никому о своемъ неудовольствіи на этотъ классъ. При послѣднемъ же посѣщеніи Ихъ Высочествъ, два дня тому назадъ, я сочла своей обязанностью представить Великой Княгинѣ этотъ классъ, какъ отличный по поведенію, при чемъ, конечно, отдала должную справедливость и превосходной классной надзирательницѣ, г-жѣ Б. Все это я заявила тутъ же въ Совѣтѣ. Далѣе я заявила:

«Гулъ, а не шумъ въ классахъ въ ожиданіи преподавателей я также не могу считать явленіемъ, свидѣтельствующимъ о распушенности. Если же гулъ переходитъ въ шумъ, то единственно въ тѣхъ случаяхъ, когда преподаватель заставляетъ себя ждать до $1\frac{1}{2}$ часу, какъ то бываетъ съ г. М. (помощникомъ директора), о чемъ я неоднократно заявляла г. директору, но безуспѣшно, — и классная надзирательница принуждена оставить свой классъ и идти на свой урокъ. При этомъ считаю нужнымъ замѣтить, что и шумъ въ подобныхъ случаяхъ можетъ продолжаться не болѣе 2—3 секундъ, такъ какъ я немедленно являюсь не только на шумъ, но на одинъ громкій возгласъ, чѣмъ бы я ни была занята въ это время. Добиться же, согласно желанію г. директора, мертвой тишины и неподвижности даже въ отсутствіе надзора, мнѣ кажется даже нежелательнымъ, такъ какъ этого можно достигнуть лишь заботостью дѣтской натуры».

Далѣе я заявила, что на мнѣніе г. директора, что дурное поведеніе, или точнѣе, шумливость, идетъ рука объ руку съ плохимъ ученіемъ, я укажу, въ опроверженіе, тотъ фактъ, что по отзыву всѣхъ преподавателей лучше всѣхъ занимается изъ старшихъ классовъ, не считая VIII кл., 3 отдѣленіе V кл., а по моему личному наблюденію и по отзыву всѣхъ классныхъ надзирательницъ, этотъ классъ самый шумливый, — о чемъ мною было заявлено и Ея Высочеству при послѣднемъ посѣщеніи, при чемъ Великая Княгиня изволила громко сказать при дѣтяхъ: «Это ничего, если только онѣ хорошо учатся».

Обратное явленіе замѣчается въ 1 отд. V кл.: ведутъ себя отлично, учатся хуже, — и подобное явленіе встрѣчается во всѣхъ учебныхъ заведеніяхъ. «Къ сожалѣнію, — продолжала я, — г. председатель не упомянулъ о томъ, что я чуть не каждую недѣлю сообщала ему о неудовлетворительности занятій въ нѣкоторыхъ классахъ, на что постоянно получала одинъ отвѣтъ: «Разомъ ничего не сдѣлаешь». Также не упомянулъ онъ о томъ, что родители съ начала ноября по настоящій день оставались безъ свѣдѣній объ успѣхахъ дѣтей, такъ какъ, по неизвѣстной мнѣ причинѣ, памятные книжки не были розданы въ свое время, хотя я и напоминала объ этомъ г. директору за недѣлю до праздниковъ и всѣ книжки были готовы и въ сборѣ. — Забылъ г. председатель и о томъ, что, вопреки существующему правилу созывать педагогическій Совѣтъ ежемѣсячно, онъ созвалъ его въ теченіе 6 мѣсяцевъ разъ, въ концѣ декабря, и въ другой разъ сегодня, 21 марта, и, такимъ образомъ, не принялъ никакихъ мѣръ противъ неудовлетворительныхъ занятій и замѣченной имъ распушенности.

Съ своей стороны, могу сказать, что былъ, дѣйствительно, моментъ, когда я опасалась, что намъ угрожаетъ распушенность, — это было тогда, когда вслѣдствіе долгихъ бесѣдъ г. директора съ провинившимися въ ослушаніи преподавателей, бесѣдъ, занимавшихъ всякое взысканіе, непослушаніе повторилось нѣсколько дней сряду. Я тогда же обратила на это вниманіе и рѣшила немедленно вернуться къ своей прежней системѣ, состоявшей во временномъ удаленіи (на нѣсколько дней) серіозно провинившихся изъ заведенія и приглашеніи къ себѣ родителей. Возвращеніемъ къ этой системѣ разомъ положенъ конецъ подобнымъ явленіямъ. Далѣе должна сказать, что не только въ текущемъ учебномъ году, но и за все время службы моей здѣсь не было ни одного случая неповиновенія мнѣ или класснымъ надзирательницамъ. Относительно же преподавателей, если и были такіе случаи, то весьма рѣдко и только тогда, когда преподаватель *не умѣлъ быть хозяиномъ въ классѣ*. Что касается лично меня, то г. директоръ не разъ приписывалъ водвореніе полнѣйшей тишины одному моему появленію. Могу еще указать на то, что не взирая на многочисленность ученицъ (760) и тѣсноту помѣщенія, благодаря которой въ дурную погоду рекреационнымъ заломъ служатъ корридоры и даже лѣстницы, случаи паденія и ушибовъ чрезвычайно рѣдки, 2—3 въ году. Тоже можно сказать и по поводу дракъ, которые совсѣмъ вывелись въ гимназіи.

Упомяну также объ уменьшеніи $\%$ опаздывающихъ: въ отчетѣ за 1873 г. (когда меня еще не было здѣсь) говорится, что опаздываніе обратилось въ хроническую болѣзнь, а осенью — 75-го года я нашла, что $\%$ опаздывавшихъ доходилъ до 10. Къ декабрю 1876 г. я достигла того, что $\%$ этотъ уменьшился до 1, и въ настоящее время онъ колеблется между $\frac{1}{2}$ и 1. Наконецъ, знаменателенъ тотъ фактъ, что съ каждымъ годомъ увеличивается стремленіе семействъ, принадлежащихъ къ т. н. хорошему обществу, отдавать дѣтей въ гимназію. Принимая во вниманіе всѣ эти обстоятельства, — продолжала я, — позволяю себѣ не согласиться съ мнѣніемъ г. предсѣдателя на счетъ распушенности заведенія.

По поводу хаоса, о которомъ говоритъ г. предсѣдатель, считаю необходимымъ указать на слѣдующее: самую трудную задачей для надзирающаго персонала было прежде распредѣленіе по классамъ ученицъ, свободныхъ отъ занятій необязательными предметами, и назначеніе къ нимъ надзора. При распредѣленіи уроковъ никогда не принималось это въ соображеніе. Такимъ образомъ, бывали часы, когда свободныхъ собиралось отъ 8—9

отдѣленій, а свободныхъ помѣщеній было 1—2, въ которыя должна была вмѣститься вся масса. Въ декабрѣ позапрошаго года, съ разрѣшенія бывшаго директора, я составила расписаніе уроковъ для младшихъ классовъ, для чего имѣла въ виду всѣ необходимыя условія, какъ-то: 1) одновременно возможно меньшее число необязательныхъ предметовъ; 2) такое распредѣленіе уроковъ между учительницами, какое не мѣшало каждой изъ нихъ присутствовать въ своемъ классѣ у тѣхъ преподавателей, которые не умѣютъ быть хозяевами въ классѣ, и 3) чтобы надзоръ за свободными ученицами могъ быть порученъ преимущественно класснымъ надзирательницамъ того же класса. Всѣ эти условія были выполнены, и затѣмъ сдѣлано на всѣ часы недѣли распредѣленіе свободныхъ по классамъ съ указаніемъ и классныхъ надзирательницъ, подъ надзоромъ которыхъ должны были свободныя ученицы; не упущена была изъ виду и возможность отсутствія классныхъ надзирательницъ по болѣзни. Это распредѣленіе, по мнѣнію классныхъ надзирательницъ, окончательно утвердило порядокъ въ заведеніи. Мнѣніе это блистательно подтвердилось, когда въ нынѣшнемъ, тяжеломъ въ санитарномъ отношеніи, учебномъ году, было время, когда по болѣзни отсутствовало 5 классныхъ надзирательницъ-учительницъ, и это отсутствіе было замѣтно только для тѣхъ лицъ, на долю которыхъ доставался усиленный трудъ по надзору и преподаванію. Т. о. и заявленный г. предсѣдателемъ *хаосъ* ничѣмъ не подтверждается. Если же порядокъ иногда и нарушается, то единственно отъ того, что въ заведеніи является много распорядителей, ни за что не отвѣчающихъ. Въ подтвержденіе этого приведу слѣдующее: въ прежнее время существовало передвиженіе свободныхъ ученицъ изъ одного класса въ другой, т. е. свободныя ученицы присутствовали на урокахъ въ другихъ классахъ. Это вело не только къ нарушенію порядка, но и къ положительнымъ злоупотребленіямъ: бывали случаи, когда ученицы уходили съ обязательнаго урока и являлись въ другой классъ, преподаватель котораго не могъ удостовѣриться въ томъ, дѣйствительно-ли онѣ свободны, а классная надзирательница ихъ находилась въ другомъ классѣ на своемъ урокѣ. Я энергично возстала противъ этого, и, съ разрѣшенія бывшаго директора, запретила подобныя передвиженія. Это запрещеніе я подтвердила въ началѣ нынѣшняго года и заявила о немъ новому директору, который одобрилъ его. Но затѣмъ преподаватель г. А. сталъ самъ приводить къ себѣ на урокъ толпу ученицъ, и директоръ, по его просьбѣ, разрѣшилъ это. Противъ такого порядка вещей выступаетъ весь

надзирающий персоналъ, въ томъ числѣ и я, а, между тѣмъ, это не принимается во вниманіе, за нарушение же порядка въ заведеніи отвѣчаетъ надзирающий персоналъ. И я нахожу положительно невозможнымъ такой порядокъ вещей, при которомъ распоряженія, сдѣланныя одною властью и съ одобренія другой, отмѣняются за тѣмъ этою другою по просьбѣ третьяго лица. Вотъ, такой то порядокъ вещей долженъ вести не только къ хаосу, но къ положительной деморализаціи учащихся, ибо ученицы не будутъ знать, наконецъ, кого слушать.

Въ заключеніе позволяю себѣ спросить: почему г. директоръ молчалъ 6 мѣсяцевъ и не высказывалъ своего мнѣнія на счетъ замѣченныхъ имъ неурядицъ? Почему же онъ не принялъ никакихъ мѣръ противъ раснущенности заведенія, противъ отсутствія дисциплины, что лежитъ на прямой его обязанности? Почему, вопреки существующему правилу, онъ созвалъ педагогическій совѣтъ только два раза въ теченіе 6 мѣсяцевъ, — почему задержалъ онъ раздачу памятныхъ книжекъ, оставивъ родителей безъ всякихъ свѣдѣній объ уснѣхахъ дѣтей? Почему послѣ пяти-мѣсячнаго молчанія онъ счелъ нужнымъ сказать мнѣ только, что я не щажу себя, а щажу другихъ? а здѣсь предлагаетъ мнѣ принять болѣе дѣятельное участіе въ надзорѣ и совѣтуетъ мнѣ добросовѣстнѣе относиться къ своимъ обязанностямъ? И все это дѣлается при самыхъ оскорбительныхъ условіяхъ и въ самой оскорбительной формѣ! Считаю своимъ долгомъ заявить, что такого оскорбленія не заслужилъ никто изъ женскаго персонала, такъ всѣ относятся добросовѣстно къ своимъ обязанностямъ, о чемъ я заявила Его Высочеству при послѣднемъ посѣщеніи гимназіи.

Относительно принятія мною болѣе дѣятельнаго участія въ надзорѣ и болѣе добросовѣстнаго отношенія къ своимъ обязанностямъ ссылаюсь на всѣхъ моихъ сослуживцевъ: «всѣмъ извѣстно, что съ 8 ч. утра до 3 ч. дня я нахожусь постоянно на службѣ, не зная отдыха, чего, повидимому, не знаетъ одинъ г. директоръ».

Все это было сказано мною въ нѣсколько пріемовъ. Предсѣдатель безпрестанно прерывалъ меня, женскому персоналу не давая слова сказать; наконецъ, когда я кончила, онъ объявилъ: «Такъ какъ начальница гимназіи передала мнѣ просьбу классныхъ надзирательницъ высказать свой взглядъ, то я отнынѣ считаю у себя руки развязанными, и потому самъ буду дѣлать замѣчанія, порою, быть можетъ, и въ рѣзкой формѣ». — На это я сказала: «считаю долгомъ заявить, что передачей г. директору прось-

бы классныхъ надзирательницъ я не развязывала ему рукъ».

Нужно-ли говорить, что предсѣдатель Совѣта, по закрытіи засѣданія, поднялся съ своего мѣста зеленый отъ злости? Я вышла изъ зала, и за мной послѣдовалъ весь женскій персоналъ гимназіи, выражая мнѣ глубокое негодованіе по поводу происшедшаго «У насъ кулаки сжимались каждый разъ, что говорилъ К!» — говорили онѣ. Я старалась успокоить ихъ волненіе. Конечно, я ни одной минуты не задумывалась надъ тѣмъ, что мнѣ остается подать въ отставку, вопросъ былъ только въ томъ, когда? Сейчасъ же или послѣ экзаменовъ?

Въ тотъ же день меня посѣтилъ Попечитель учебнаго округа, почтенный Я. М. Н. Онъ слышалъ о происшедшемъ наганушѣ въ педагогическомъ засѣданіи и пожелалъ узнать все отъ меня лично. Онъ былъ глубоко потрясенъ случившимся и общалъ, по возвращеніи Ихъ Высочествъ, доложить Великому Князю Намѣстнику, что онъ всегда находилъ при мнѣ гимназію въ отличномъ порядкѣ въ дисциплинарномъ отношеніи. Я тутъ же заявила Я. М., что я уйду. Къ сожалѣнію, самъ Я. М. покинулъ неожиданно свой постъ до возвращенія Ихъ Высочествъ въ Тифлисъ.

Прошелъ день. Волненіе среди женскаго персонала усилилось, когда слышали, что М., помощникъ директора и другъ бывшего директора, будучи накануне въ прогимназіи, ходилъ между служащими дамами съ протянутой рукой, приговаривая: «Рублики, рублики, mes dames, за даровое представленіе!» Въ то же время мы узнали, что М. говорилъ прогимназическимъ учительницамъ, что онѣ *мнѣ* обязаны уменьшеніемъ поурочной платы. Это *мнѣ то*, которой сдѣланъ Ея Высочествомъ выговоръ за защиту интересовъ учительницъ! Я старалась успокоить дамъ, совѣтуя относиться съ презрѣніемъ къ тому, что заслуживаетъ только презрѣнія. Тяжелое, однако, время переживали мы. Женскій персоналъ ходилъ мрачный, молчаливый, избѣгалъ встрѣчи съ директоромъ. Мужской... держался нейтралитета. Впрочемъ, между ними были лица, видимо мнѣ сочувствовавшія: Ш., бывший впоследствии секретаремъ въ конторѣ В. К. Михаила Николаевича, нѣмецъ Г., художникъ К., батюшка о. С., обремененный семьей, не зналъ, на какой позѣ плясать: былъ всегда хорошъ со мной, и рисковать своимъ положеніемъ не хотѣлось... Бѣдный батюшка! Юлианъ А., которому также нужно было задобрить директора: вѣчно въ долгахъ, онъ нуждался въ подачкахъ. Явнымъ врагомъ былъ М., другъ и пріятель бывшего директора, которому онъ, въ качествѣ казначея, помогалъ запутываться въ денежныхъ дѣлахъ. *Безстрастными* были математикъ и физикъ. Я старалась

быть спокойной. Прошелъ Великій постъ, а на Пасхѣ я вышла въ отставку и стала собираться въ путь до начала занятій. Мнѣ необходимо было скорѣй уѣхать, слишкомъ тяжелы были для меня сцены, когда заходили ко мнѣ мои сослуживцы, все онѣ плакали у меня на груди. «Вы были для насъ матерью и другомъ» — говорила одна. «Мы прожили съ вами три года въ раю» — говорила другая. Перебывали у меня все ученицы старшихъ классовъ. Ученицы педагогическаго класса особенно горько плакали, къ нимъ я была ближе всехъ. Тифлисскій педагогическій міръ отнесся къ бывшему директору на одномъ пиру почти враждебно. Общество высказывало мнѣ искреннее сочувствіе. Да, нравственная побѣда была на моей сторонѣ!

Въ понедѣльникъ, на Фоминой, въ 8 ч. утра отходила почтовая карета. Проводить меня пришли: весь педагогическій классъ (40 уч.) и женскій персоналъ, не боясь поднасть немилости директора.

24 Апрѣля 1878 г. я оставила Тифлисъ. Я спѣшила въ Петербургъ, чтобы застать тамъ Великаго Князя. Мнѣ слишкомъ дорого было мнѣніе Ихъ Высочествъ, чтобы не раскрыть всего, что было. Я составила подробную записку, въ которой изложила все касательно защиты мною интересовъ учительницъ, — моего заявленія въ Попеч. Совѣтъ по поводу денежныхъ дѣлъ гимназій и наконецъ все происходившее въ послѣднемъ засѣданіи Педаг. Совѣта. Я ничего не скрыла. Мнѣ ничего не нужно было, какъ только сохраненія добраго мнѣнія Ихъ Высочествъ, которымъ я была безгранично предана. Кн. С. Н. Т., бывший директоромъ походной канцеляріи Великаго Князя, взялся вручить записку Его Высочеству.

Фрейлина А. С. О. лежала въ это время больная натуральной оспой.

Въ половинѣ мая Ихъ Высочества возвратились въ Тифлисъ. Первымъ распоряженіемъ Великой Княгини былъ отказъ отъ непосредственнаго завѣдыванія гимназіей и прогимназіей, которыя передавались на общемъ основаніи вѣдѣнію Попечителя Уч. Округа.

Т. сложилъ съ себя званіе Предсѣдателя Поп. Совѣта гимназій и прогимназій.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ: по первому льду Т. по дѣламъ службы поѣхалъ обзрѣвать свою часть: ледъ подъ нимъ провалился, его вытащили изъ воды, онъ схватилъ горячку и умеръ.

Прошелъ годъ. Директоръ К. вынужденъ былъ оставить не только гимназію, но и Тифлисъ. Положеніе его въ гимназій и обществѣ было нестерпимо. Онъ перешелъ въ гор. реальное училище преподавателемъ, но и оттуда ему пришлось скоро уйти. Бывшій директоръ получилъ уже третье назначеніе, но какія-то недоразумѣнія заставили его скорѣй выйти въ отставку, и онъ много лѣтъ прожилъ у себя въ деревнѣ, пока ему не посчастливилось снова поступить на службу въ Вѣдомство Учрежденій Императорицы Маріи.

Я... но обо мнѣ рѣчь впереди, въ слѣдующихъ частяхъ «Воспоминаній», а, пока, скажу только, что когда я въ Петербургѣ рассказывала своимъ знакомымъ, все честнымъ людямъ, почему я оставила Тифлисъ, все говорили мнѣ: «Ахъ, зачѣмъ вы!..» разумѣя подъ этимъ «шкурный» вопросъ. Наконецъ, я встрѣтила человѣка, который, выслушавъ мой рассказъ, сказалъ мнѣ просто: «Да, вы иначе поступить не могли».

Зимой 1878 г., въ одномъ домѣ въ Петербургѣ, я встрѣтилась на вечерѣ съ ген. С., бывшимъ въ то время начальникомъ гражданскаго управленія на Кавказѣ. Узнавъ меня, онъ попросилъ хозяина дома представить его мнѣ. Подойдя ко мнѣ, онъ низко-низко мнѣ поклонился и потомъ сказалъ хозяину, что онъ хотѣлъ выразить мнѣ свое глубокое уваженіе. Въ его лицѣ высказывалось общественное мнѣніе Тифлиса.

Ну, развѣ это не нравственная побѣда?

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.

ЧАСТЬ II.

Изъ воспоминаній начальницы гимназій.

Часть II.

г. К—а.

1885—1897 г. г.

Семь лѣтъ прошло со времени возвращенія моего изъ Тифлиса. За это время я схоронила обѣихъ, уже взрослыхъ, дочерей и осталась одна. Въ началѣ 1884 г. я познакомилась съ бар. Э. О. ф. Р., которой рекомендовалъ меня человекъ, хорошо знавшій меня и самъ предложившій мнѣ поговорить обо мнѣ съ баронессой, фрейлиной Ея Величества и довѣреннымъ лицомъ Государыни по управленію женскими учебными заведеніями Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи. При первомъ нашемъ свиданіи баронесса долго бесѣдовала со мною. Я откровенно рассказала ей о прошедшемъ со мною въ Тифлисѣ. Но она отнеслась къ этому разумно, какъ подобаетъ лицу умному, просвѣщенному и независимому по убѣжденіямъ, чѣмъ внушила мнѣ полное довѣріе и глубокое уваженіе къ себѣ. Въ скоромъ времени послѣ перваго свиданія баронесса еще разъ пригласила меня къ себѣ, и мы долго бесѣдовали о состояніи нашихъ женскихъ гимназій. Конечно, я могла говорить только о гимназіяхъ М—а Н. П., хорошо мнѣ извѣстныхъ, но такъ какъ воспитательная часть была поставлена въ одинаковыя условія во всѣхъ гимназіяхъ, то все, что говорилось въ этомъ отношеніи о гимназіяхъ одного вѣдомства, относилось одинаково до гимназій другого вѣдомства. Баронесса прямо высказывалась противъ оставленія женскихъ гимназій въ рукахъ мужскихъ, видя въ безобразномъ типѣ гимназистки, типѣ, образовавшемся въ первое 25-лѣтіе существованія жен. гимназій, продуктъ вліянія мужщины и преиму-

щественно влияніи бурсы, такъ какъ чаще всего начальниками и директорами женскихъ гимназій являлись поповичи.

Разставаясь со мною, баронесса подала мнѣ положительную надежду на полученіе мною мѣста, посоветовавъ мнѣ представиться Главноуправляющему, д. т. с. Гроту, къ которому она снабдила меня письмомъ. Д. т. с. Гротъ замышлялъ тогда капитальную реформу Вѣдомства, но встрѣтилъ энергичное противо-дѣйствіе со стороны опекунскаго Совѣта.

Нѣсколько дней спустя я явилась къ Главноуправляющему. Прочитавъ письмо баронессы ф. Р., д. т. с. Гротъ спросилъ меня: «Что же вы желаете, гимназію или институтъ?» — «Только не гимназію!» — откровенно отвѣчала я. — «Хорошо, будемъ имѣть васъ въ виду», — сказалъ Главноупр—щій.

Прошелъ годъ. Между тѣмъ, д. т. с. Гротъ оставилъ свой постъ, временно исправляющимъ должность Главноуправляющаго назначенъ былъ сенаторъ Н. Н. Г.

Наконецъ, въ ночь на Пасху 1885 г., это было 24-го марта, я получаю записку отъ І. Д. Я., въ которой была вложена записка Э. О. ф. Р. такого содержанія: «Будьте такъ добры сообщить мнѣ адресъ Е. И. В., мнѣ необходимо ее видѣть, въ К. открылась вакансія начальницы гимназій». Откровенно признаюсь: я заплакала. Опять гимназія, которой я такъ страшилась! Но, вспомнивъ, что я постоянно желала попасть туда, гдѣ я наибольшую пользу могу принести, я успокоилась: тамъ, въ Западномъ краѣ «русское дѣло» требуетъ дѣятелей, постараюсь и я послужить этому дѣлу.

Въ понедѣльникъ на Пасхѣ я отправилась къ Э. О. ф. Р., которая мнѣ сказала, чтобы я въ среду явилась къ н. д. Главноуправляющаго Н. Н. Г. и говорила бы съ нимъ откровенно по поводу бывающихъ столкновеній между начальникомъ и начальницей гимназій. Н. Н. Г. принялъ меня очень любезно, долго бесѣдовалъ со мной о предстоящей мнѣ службѣ; когда же я намекнула на столкновенія, Н. Н. замѣтилъ: «Но, вѣдь, въ Тифлисѣ, кажется, не это было причиной оставленія Вами службы?» — «Да, причиной моихъ неудовольствій была защита мною интересовъ гимназій», — отвѣчала я. — «Во всякомъ случаѣ», — продолжалъ Н. Н., — «при недоразумѣніяхъ на мѣстѣ есть попечитель гимназій, который, какъ посредникъ между Вами и начальникомъ, долженъ примирять несогласія; если же его вмѣшательство дѣлу не поможетъ, то обращаются къ намъ. И Вамъ, дамамъ, всегда легче говорить съ нами, вотъ Вы теперь разговариваете со мной совершенно просто, начальникъ же въ иныхъ условіяхъ». Тутъ же

при мнѣ Н. Н. послалъ курьера просить къ себѣ управляющаго дѣлами канцеляріи, Г. А. Т., — и когда Г. А. пришелъ, Н. Н. поручилъ ему приготовить къ слѣдующему дню докладъ Ея Величеству о назначеніи меня въ К—скую гимназію.

— А ходатайство губернатора? — спросилъ управляющій дѣлами. — Невозможно! — отвѣчалъ Главноуправляющій.

Затѣмъ Н. Н. спросилъ меня, не желаю ли я представиться Ея Величеству? — и на мой утвердительный отвѣтъ, замѣтилъ, что во всякомъ случаѣ это состоится не такъ скоро. За симъ я раскланялась.

На слѣдующій день, въ четвергъ, 28-го марта, состоялось мое назначеніе, о чемъ я получила увѣдомленіе на слѣдующій день. Въ это время въ Петербургѣ былъ попечитель К—ской гимназій, губернаторъ В. П. М. Нашъ общій знакомый и его пріятель, А. Э. П. говорилъ ему обо мнѣ, а тотъ, услышавъ похвалы мнѣ, замѣтилъ: «Къ сожалѣнію, такой умной и энергичной женщины нечего дѣлать на такомъ посту, все въ рукахъ начальника». Такое извѣстіе не много сулило мнѣ радостнаго, но съ другой стороны, не вездѣ ли, во всѣхъ женскихъ гимназіяхъ слышишь тоже, что все въ рукахъ начальника? а, между тѣмъ, если что неладно, если гимназія распущена, то обвиняютъ начальницу. А чего же смотрѣлъ начальникъ, хозяинъ всего, «все держащій въ своихъ рукахъ»? И такъ, нечего особенно тревожиться подобными заявленіями.

Съ баронессой ф. Р. я видѣлась еще раза два до отъѣзда въ К.; она высказывала мнѣ свои взгляды на воспитаніе женщинъ, — говорила, что въ Западномъ краѣ требуются особенныя заботы о женскихъ гимназіяхъ, что эти гимназіи должны быть поставлены особенно хорошо. Взгляды наши сходились, чему я, конечно, особенно радовалась, такъ какъ я могла рассчитывать на ея поддержку въ серьезныхъ дѣлахъ.

Наконецъ, 18-го апрѣля я должна была представиться Государынѣ. Дворъ былъ въ это время въ Гатчинѣ. Представленіе назначено было въ часъ. Съ 9-ти часовымъ поѣздомъ я отправилась въ Гатчину; при выходѣ изъ вагона, ко мнѣ подошелъ придворный лакей и спросилъ мою фамилію. На мой отвѣтъ онъ доложилъ: «Экипажъ ожидаетъ Ваше Пр—ство». Сѣвши въ придворную карету, я мигомъ доѣхала до дворца, гдѣ камеръ-лакей, встрѣтившій меня, провелъ меня въ назначенное для начальницъ помѣщеніе и спросилъ: «Что прикажете подать, кофе или чай?» — Минуту спустя мнѣ подали чай, а слѣдующимъ поѣздомъ ко мнѣ присоединилась моя коллега, м-е Э., назначенная въ А. М-е Э. оказалась тоже смолянкой, почему мы легко разговорились. Ровно

въ часть камеръ-лакей пришелъ доложить, что пора идти. Мы пошли за нимъ. Дойдя до внутреннихъ покоевъ Императрицы, камеръ-лакей передалъ насъ арапу, который привелъ насъ въ женскую гостиную, гдѣ насъ встрѣтили Гофмейстера и фрей-лина, графиня Г.—Е. Вскорѣ арапъ подошелъ къ намъ и спросилъ, которая изъ насъ м-е Э.? и доложилъ, что Государыня ожидаетъ ее въ сосѣдней комнатѣ. Съ возвращеніемъ м-е Э. настала моя очередь.

Войдя въ будуаръ Государыни (большая длинная и глубокая комната), я увидѣла Ея Величество стоящею посреди комнаты. Сдѣлавъ глубокой придворный реверансъ при входѣ въ комнату, я сдѣлала другой такой же приблизившись къ Ея Величеству. Государыня протянула мнѣ руку, которую я поцѣловала, затѣмъ направилась къ кушеткѣ, стоявшей въ глубинѣ комнаты, и указала мнѣ на кресло, стоявшее у кушетки, и затѣмъ стала спрашивать меня про мою службу на Кавказѣ. Пожелавъ мнѣ успѣха на новомъ мѣстѣ служенія, Ея Величество встала, протянувъ мнѣ руку, которую я снова поцѣловала, и проводила меня до середины комнаты, гдѣ остановилась. Я же, пятившись спиною къ дверямъ, наткнулась на маленькія ширмы, стоявшія у входа въ комнату. Государыня улыбнулась, продолжая стоять на мѣстѣ, пока я не дошла до дверей. Здѣсь я сдѣлала послѣдній реверансъ и скрылась за дверь.

Въ женской гостиной меня ожидала м-е Э. съ гр. Г.—Е., арапъ снова повелъ насъ по внутреннимъ покоямъ и сдалъ камеръ-лакею, который провелъ насъ до нашего помѣщенія. Здѣсь ожидалъ насъ накрытый столъ; едва успѣли мы сѣсть за столъ, какъ стали подавать кушанья, а лишь окончили мы завтракъ, какъ камеръ-лакей доложилъ, что экипажъ поданъ. Придворная карета довезла насъ до вокзала. Лишь только расположились мы въ вагонѣ I класса, какъ къ намъ вошелъ Н. Н. Г. Распросивъ насъ о представленіи Государынѣ, онъ сталъ говорить о предстоящей намъ дѣятельности. Въ приятной бесѣдѣ съ своимъ вышнимъ начальникомъ, мы доѣхали до Петербурга. Между прочимъ Н. Н. рассказалъ намъ, какое недоразумѣніе вышло съ нашими фамиліями. Въ придворную контору сообщены были фамиліи трехъ представляющихся начальницъ, но тамъ фамиліи Э. и Д-е В. соединили вмѣстѣ и вышло Э. де В., третья была Н., которая, предполагая, что дворъ въ Петербургѣ, отправилась въ Анничкинъ дворецъ. Въ Гатчину пріѣхали двѣ, стало извѣстнымъ, что Н. нѣтъ, одна Э. де-В., а другая кто? Съ помощью Н. Н. разобрались въ этой путаницѣ.

Послѣ представленія Государынѣ оставалось окончательно уложиться и отправиться къ мѣсту служенія. Передъ отъѣздомъ я еще разъ была у баронессы Э. О. ф. Р., которая, прощаясь со мною, поручила мнѣ, осмотрѣвшись въ гимназіи, составить записку о необходимыхъ реформахъ въ женскихъ гимназіяхъ.

26-го апрѣля я выѣхала изъ Петербурга, а 29-го утромъ я была въ К. Дорогой, припоминая службу свою на Кавказѣ, я давала себѣ слово ладить съ начальникомъ. Отправляясь на Кавказъ, я имѣла въ виду одно—всецѣло отдаться службѣ, и, положивъ руку на сердце, могу сказать, что я положила тамъ душу свою на служеніе гимназіи, у меня другихъ интересовъ не было, я жила исключительно интересами гимназіи, чѣмъ и можно объяснить ту горячность, съ которою я принимала близко къ сердцу все интересы гимназіи. Отправляясь въ К. на тоже дѣло, я уже знала по опыту, что для того, чтобы ладить съ начальникомъ, нужно не принимать близко къ сердцу интересы гимназіи, необходимо быть равнодушнѣе ко всему, а потому нужно найти себѣ интересы помимо гимназіи, которые могли бы отвлекать мысли отъ гимназіи внѣ службы. Русское дѣло въ краѣ было тѣмъ интересомъ, которое могло меня отвлекать отъ гимназіи въ свободное отъ службы время, и я рѣшилась заняться имъ.

Пріѣхавъ въ К., я остановилась въ гостиницѣ; переодѣвшись въ форменное платье, я направилась въ мужскую гимназію, предполагая, что директоръ ея есть вмѣстѣ съ тѣмъ и начальникъ женской гимназіи. Узнавши отъ директора о своей ошибкѣ, я отправилась въ женскую гимназію, которая въ это время помѣщалась въ частномъ домѣ, противъ мужской гимназіи. Войдя въ канцелярію, я очутилась лицомъ къ лицу съ человекомъ-тумбой: пожилой, маленькаго роста, съ блѣднымъ лицомъ и стеклянными глазами, онъ произвелъ на меня крайне непріятное впечатлѣніе,—это былъ типъ т. н. консисторской крысы. Неужели это мой начальникъ? пронеслось у меня въ мысляхъ, и, на мой вопросъ: «г. начальникъ?» получивъ въ отвѣтъ: — «это я» — отрекомендовалась новой главной надзирательницей. Н. О. С. предложилъ мнѣ пройти по классамъ, гдѣ онъ представилъ мнѣ сослуживцевъ. Помѣщеніе гимназіи было тѣсное, неудобное, но въ виду скорого перехода гимназіи въ свое собственное зданіе, я отнеслась къ тому, что видѣла, совершенно равнодушно. Познакомивъ меня со всѣми сослуживцами, начальникъ предоставилъ меня себѣ самой.

Я стала заглядывать во все углы и закоулки, которыхъ было очень много въ помѣщеніи гимназіи;—и вездѣ я натыка-

лась на ученицъ. Очевидно было, что въ такомъ помѣщеніи невозможно ввести надлежащій надзоръ за ученицами. Обходя зданіе, я отворила дверь еще незнакомой мнѣ комнаты и нашла тамъ пастора съ двумя ученицами. Пасторъ былъ человекъ еще совсѣмъ молодой; я поинтересовалась послушать урокъ и сѣла. Между тѣмъ пасторъ продолжалъ дѣлать вопросы одной изъ ученицъ, — урокъ происходилъ на нѣмецкомъ языкѣ, — а ученица молчала. Вопросы относились до главнѣйшихъ событій Евангельской исторіи, и потому я крайне удивилась упорному молчанію ученицы, бывшей уже въ III классѣ. Пасторъ, замѣтивъ мое недоумѣніе, обращаясь ко мнѣ, сказалъ:

— Г-жа В. ничего не понимаетъ по-нѣмецки. — Странно-же обращаться къ ученицѣ съ вопросами на непонятномъ для нея языкѣ! — подумала я и вышла.

Вскорѣ послѣдовало распоряженіе, чтобы лютеранскій Зак. Божій преподавался въ женскихъ гимназіяхъ Зап. края на русскомъ языкѣ. Б. была дочь бригаднаго командира, который, хотя и лютеранинъ и нѣмецъ по происхожденію, никогда не говорилъ по-нѣмецки, и въ домѣ у него вся семья его говорила по-русски.

Посидѣла я на урокъ православнаго Зак. Божія въ IV классѣ. Законоучителемъ въ гимназіи былъ уважаемый протоіерей о. П., который былъ туго на ухо, и ученицы, пользуясь этимъ, отвѣчали ему что попало, иногда и вовсе не относящееся до урока. Рассчитывая, вѣроятно, на то, что я не вслушаюсь въ ихъ отвѣты, — онѣ безъ церемоніи несли всякій вздоръ. О. П. уже выслуживалъ свою пенсію и къ слѣдующему учебному году выходилъ въ отставку.

Начались экзамены. Желая на порвыхъ порахъ показать и ученицамъ, и преподавателямъ, что я смыслю въ учебномъ дѣлѣ, я дѣлала вопросы экзаменующимся. Первое впечатлѣніе мое было неудовлетворительное. Очень страннымъ показалось мнѣ, что при выводѣ балловъ, начальникъ выпрашивалъ прибавку; ясно было стремленіе перетаскивать изъ класса въ классъ.

Начальникъ предложилъ мнѣ просмотрѣть письменныя работы, на что я охотно согласилась, такъ какъ по письменнымъ работамъ легче всего судить о развитіи ученицъ. И письменныя работы меня не удовлетворили: въ IV классѣ меня поразила безграмотность многихъ, и я, выставяя отмѣтки, сбавляла нѣсколько балловъ съ выставленныхъ преподавателями и ассистентами. Такимъ образомъ очень многимъ выходила передержка, на которой мнѣ и удалось настоять, такъ какъ я держусь того мнѣнія, что экзаменъ изъ IV въ III классъ долженъ быть осо-

бенно серіозенъ, потому что въ IV кл. заканчивается элементарный курсъ, который въ слѣдующихъ классахъ уже не повторяется, слѣдовательно, и пробѣлы не могутъ пополняться. Съ тѣхъ поръ начальникъ ежегодно предоставлялъ мнѣ просматривать письменныя работы, и чрезъ мои руки проходило ежегодно до 500 работъ.

Между тѣмъ, я представилась попечителю гимназіи, который вмѣстѣ съ женою, очень любезно меня приняли и стали знакомить меня съ обществомъ, для чего очень часто приглашали меня къ себѣ обѣдать. В. П. М. произвелъ на меня впечатлѣніе человека умнаго, интересующагося дѣломъ и доступнаго. Съ нимъ можно было спорить, онъ уважалъ чужое мнѣніе и выслушивалъ каждого. Въ засѣданіяхъ Совѣта братства, на который онъ приглашалъ меня, онъ стремился всегда точно формулировать постановленіе Совѣта по обсуждаемому вопросу. Вообще, я была рада встрѣтить въ своемъ главномъ мѣстномъ начальствѣ такого гуманнаго и разумнаго человека. Это обѣщало много хорошаго для дѣла. Жена губернатора, еще молодая, была добрая женщина. 21-го мая, въ день св. Елены, губернаторша была именинницей. Въ этотъ день одна изъ классныхъ надзирательницъ, А. А. К., извѣстила меня, что по болѣзни она не можетъ явиться на службу; когда же послѣ занятій въ гимназіи, я отправилась поздравить именинницу, то первымъ лицомъ, которое я тамъ встрѣтила, была эта самая К. Такое отношеніе къ службѣ, признаться, меня покорило. На другой день я замѣтила ей безтактность ея поступка; я, когда она мнѣ объяснила, что считала невозможнымъ не поздравить губернаторшу, которая бываетъ у нихъ въ домѣ, то я ей объяснила, что, если для нея было невозможно не быть у губернаторши, то она обязана была прійти на службу, хотя бы ей пришлось для этого приползти. Объ этомъ случаѣ я передала начальнику, который, выслушавъ меня, сказалъ: — «я также сдѣлаю ей замѣчаніе».

Эта К. была дочь чиновника, весьма уважаемаго губернаторомъ, и родственники его позаботились о томъ, чтобы молодая дѣвушка пристроена была къ гимназіи, такъ какъ она толкалась безъ всякаго дѣла. Отецъ ея былъ весьма почтенный человекъ, но домъ его былъ образцомъ безпорядка и распушенности. Молодая дѣвушка выросла безъ всякой дисциплины и по природѣ была склонна къ распушенности. И такую-то нашли нужнымъ пристроить къ гимназіи, гдѣ каждый долженъ быть дисциплинированъ! О, эти добрые родственники! Какое имъ дѣло до пользы учебнаго заведенія, имъ нужна польза родного человека.

И замѣчательно то, что эти самые сердобольные родственники, надѣляющіе учебныя заведенія никому ненужными особами, сами же судятъ и рядятъ о томъ, что гимназіи обращаются въ приюты и богодѣльни. Отъ этихъ родственниковъ много страдаютъ гимназіи, и много пришлось намъ повозиться съ безалаберной, хотя и доброй К.

Между тѣмъ, во исполненіе порученія бар. Э. О. ф. Р., я принялась за составленіе записки о реформѣ ж. гимназіи. Эта работа не представляла мнѣ никакихъ затрудненій, такъ какъ вопросъ о реформѣ давно уже былъ мною обдуманъ. О нежелательныхъ явленіяхъ въ женскихъ гимназіяхъ я писала въ 1884 г. въ «Руси» И. С. Аксакова, — статью мою я представила баронессѣ ф. Р., вскорѣ послѣ того, какъ мы познакомились. Ознакомившись съ моей статьей, баронесса и поручила мнѣ составить записку о реформѣ. Трехлѣтній опытъ въ Тифлисѣ и повсемѣстная борьба у насъ между начальствующими лицами въ гимназіяхъ убѣдили меня въ несостоятельности самаго врученія дѣла воспитанія дѣвочекъ мужчинамъ. Этому принципу нужно было приписать образованіе безобразнаго типа русской гимназистки, типа, знакомаго всей Россіи. Этому принципу обязаны были ж. гимназіи своей дурной репутаціей въ нравственномъ отношеніи въ первыя 25 лѣтъ своего существованія. Эта несчастнѣйшая мысль исключить воспитаніе изъ вновь созданныхъ всесловныхъ открытыхъ женскихъ учебныхъ заведеній принесла горькіе плоды: всѣ слои общества, преимущественно средніе, наводнились женщинами съ претензіями на образованіе, но безъ всякаго воспитанія. И когда спохватились и нашли необходимымъ и воспитаніе, тогда наткнулись на почти непреодолимые препятствія: общество, выросшее безъ воспитанія, уже не понимало требованія школы. Борьба двухъ началъ въ женскихъ гимназіяхъ обострилась. Въ запискѣ своей я съ этого и начинала, утверждая, что никакая реформа невозможна при оставленіи мужчины во главѣ женскихъ гимназій.

По окончаніи экзаменовъ я поѣхала въ Петербургъ, гдѣ и подала свою записку бар. Р. Баронесса, ознакомившись съ запиской, бесѣдовала со мной о ней и выразила намѣреніе передать ее Н. Н. Г., а мнѣ посоветовала представить другой экземпляръ Министру Нар. Пр. гр. И. Д. Д., въ виду образованія при Министерствѣ, по Высочайшему повелѣнію, комиссіи для разработки новаго устава для ж. гимназій.

Комиссія эта была подъ предсѣдательствомъ товарища Мин.—а Нар. Пр., князя Волконскаго; въ составъ ея входили члены отъ всѣхъ учрежденій, имѣющихъ женскія учебныя заве-

нія. Представителемъ отъ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи былъ И. Т. Осининъ, бывшій начальникъ, а въ то время попечитель женскихъ гимназій въ Петербургѣ и Почетный Опекунъ, представитель интересовъ ж. гимназій вѣдомства въ опек. Совѣтѣ. Согласно желанію баронессы, я подала свою записку гр. Д., и впослѣдствіи я слышала отъ И. Т. Осинина, что моя записка была передана въ комиссію въ двухъ экземплярахъ: одинъ экземпляръ былъ внесенъ и. д. Главноуправляющаго Н. Н. Г., а другой — Министромъ Н. П. При представленіи моемъ и. д. Главноуправляющаго, онъ спросилъ меня: «Какое впечатлѣніе произвелъ на васъ начальникъ?» Я промолчала. Не могла же я сказать какое, а лгать я не хотѣла. Въ жизни моей я ни разу никому не сказала: «Очень пріятно познакомиться» — если я этого не думала.

Н. Н. Г. долго со мною бесѣдовалъ, и въ заключеніи сказалъ: «Мнѣ очень пріятно слышать, что вы обратили вниманіе на такія стороны дѣла, которыя обыкновенно ускользаютъ отъ вниманія. Старайтесь проводить свои идеи, но пока вышшій уставъ остается въ своей силѣ, дѣйствуйте, не подрывая авторитета начальника».

Въ августѣ я возвратилась въ К. Новое зданіе гимназіи было уже готово, освященіе его назначено было на 17-е сентября. Осмотрѣвъ свою будущую квартиру, я убѣдилась въ сырости ея и, не желая осушать ее своими боками, я рѣшила на первый годъ не занимать ея и усиленно топить ее для осушки. Сама же я прискакала себѣ комнату въ семьѣ священника, съ которымъ я уже познакомилась. Семья его состояла изъ него и жены. Это былъ человѣкъ громаднаго ума, съ обширнымъ общимъ и глубокимъ богословскимъ образованіемъ. Онъ гремѣлъ своими проповѣдями и публичными лекціями. Общество такого человѣка въ незнакомомъ городѣ было для меня находкой, тѣмъ болѣе, что въ послѣдніе годы въ Петербургѣ я съ интересомъ слѣдила за дѣятельностью вновь возникшаго общества распространенія религіозно-нравственнаго просвѣщенія въ духѣ православія, посѣщала бесѣды и лекціи лучшихъ лекторовъ-проповѣдниковъ и интересовалась богословскими вопросами. Судьба поставила меня въ К. у самаго источника. Священникъ, у котораго я поселилась, могъ удовлетворять потребностямъ ума не только женскаго, но и философскаго.

Жизнь въ семьѣ этого священника сблизила меня съ приходомъ, для котораго онъ неустанно работалъ; я интересовалась нуждами прихода и вступила въ члены попечительства, въ кото-

ромъ вскорѣ я заняла сначала мѣсто члена Совѣта, потомъ члена-распорядителя вмѣстѣ съ церковнымъ старостой, а затѣмъ и попечительницы церковно-приходской двухклассной школы. Дѣламъ прихода я посвящала свободное отъ службы время: гимназія я принадлежала съ 8 ч. утра до 3-го пополудни, приходу—съ 3 ч. дня до ночи. Жизнь моя была наполнена служеніемъ интересамъ, которые въ моихъ глазахъ были наивысшіе. Обществу я отдавала только минуты.

Узнавъ, что дамы К—скаго общества всѣ перессорились, благодаря нѣсколькимъ сплетницамъ, я рѣшила воспользоваться тѣмъ, что живу не дома, чтобы не дѣлать визитовъ до поры до времени.

Наступило 17-е сентября, день освященія новаго зданія гимназіи. На это торжество приглашены были: Преосвященный А. Архіепископъ Л. и В., Генералъ-Губернаторъ И. С. К., К. губ. предводитель дворянства гр. З. и всѣ представители духовнаго, военнаго и гражданскаго вѣдомствъ въ К. Внизу одна изъ раздѣленъ была обращена въ гостиницу, гдѣ въ ожиданіи Архіепископа, собрались всѣ приглашенные. Съ прїѣздомъ Архіепископа всѣ поднялись на верхъ въ актовъ залъ, гдѣ долженъ былъ совершаться молебень. На торжествѣ освященія присутствовали всѣ ученицы, но въ виду православнаго богослуженія, соединеннаго съ водосвѣтіемъ и окропленіемъ присутствующихъ св. водою, признано было приличнымъ поставить православныхъ впереди, такъ какъ католички въ этомъ краѣ и еврейки, не только фанатичны, но къ окропленію св. водою православнымъ представителемъ религіи относятся просто неприлично. Послѣ торжества освященія всѣ приглашенные разѣхались, чтобы вновь собраться къ обѣду. Обѣдъ былъ въ 5 часовъ. Какъ и всѣ обѣды въ подобныхъ случаяхъ, обѣдъ былъ шуменъ и прерывался безчисленными тостами. На обѣдѣ былъ и католическій епископъ. Встрѣча его съ Архіепископомъ отличалась большимъ политическимъ тактомъ; епископы, при встрѣчѣ и прощаніи облобызались, а за обѣдомъ все время любезно разговаривали другъ съ другомъ.—Вечеромъ для ученицъ были устроены танцы.

На слѣдующій день, 18-го, начались занятія. Предварительно была конференція, которую начальникъ открылъ вопросомъ: «А что, по прежнему ли мы будемъ отдѣлять овецъ отъ козлищъ?»—Чтобы понять этотъ вопросъ, нужно знать условія развитія К—ской жен. гимназіи. Открытіе ея послѣдовало 1 января 1860 года. Первоначально гимназія предназначалась для дѣтей всѣхъ сословій христіанскаго вѣроисповѣданія, но

годъ спустя еврейское общество вошло съ ходатайствомъ о допущеніи въ гимназію и евреекъ, что и было разрѣшено. Но для принятія евреекъ пришлось открыть параллельные классы, которые и были предназначены имъ. Такимъ образомъ, нормальные классы оказались наполненные христіанками, параллельные же—однѣми еврейками. Такое дѣленіе оказалось чрезвычайно удобнымъ въ педагогическомъ отношеніи: такъ праздники еврейскіе, особенно осенніе (кучки) мѣшали бы правильности занятій въ смѣшанныхъ классахъ, приходилось бы неволѣ считаться преподавателямъ съ отсутствіемъ половины класса; занятія русскимъ языкомъ съ еврейками нѣсколько отличались отъ занятій съ христіанками; на выборъ статей для класснаго чтенія могло вліять присутствіе въ классѣ массы евреекъ; по субботамъ еврейки уклонялись отъ письменныхъ работъ и рукодѣлія, что чрезвычайно затруднило распредѣленіе недѣльных уроковъ; наконецъ, самая дисциплина требуется иная относительно евреекъ; гдѣ сходятся двѣ еврейки, уже гвалтъ. Все это вмѣстѣ взятое дѣлало раздѣленіе классовъ на еврейскіе и христіанскіе весьма желательнымъ. Вотъ къ такому-то дѣленію и относился вопросъ начальника. На этотъ вопросъ многіе въ одинъ голосъ отвѣтили, что тутъ нѣтъ никакого дѣленія на овецъ и козлищъ, а просто такое дѣленіе очень удобно въ педагогическомъ отношеніи. Тогда начальникъ предложилъ пустить этотъ вопросъ на голоса: за отміну такого дѣленія высказались, кромѣ начальника, еще двѣ преподавательницы.

Прошло нѣсколько дней; занятія шли своимъ порядкомъ. Зданіе выстроено чрезвычайно удобно для педагогическихъ и гигиеническихъ цѣлей: классы расположены въ двухъ этажахъ, среднемъ и верхнемъ, классы большіе и свѣтлые выходятъ дверями въ широкую галерею—корридоръ, окна которой располжены почти сплошь и обращены на югъ, лѣстница широкая, свѣтлая: масса свѣта и воздуха, и всѣ на виду, закоулковъ и темныхъ угловъ нѣдного; этому очень не радовались ученицы, привыкшія къ темнымъ угламъ въ прежнемъ зданіи,—но мы всѣ были чрезвычайно довольны зданіемъ гимназіи.

Не даромъ оно было дорогимъ дѣтищемъ В. П. М., который выхлопоталъ постройку его, самъ, какъ инженеръ, составилъ планъ, и при постройкѣ его только не ночевалъ тамъ.

И такъ, занятія начались; ученицы, привыкшія къ дѣленію классовъ, о которомъ сказано выше, не выражали ни недоумѣнія, ни неудовольствія, какъ вдругъ однажды начальникъ передаетъ мнѣ,

что въ Петербургской еврейской газетѣ «Восходъ» описано торжество освященія новаго зданія гимназіи, при чемъ, по поводу постройки гимназіи яко бы на счетъ мѣстнаго дворянства и еврейскаго общества (въ дѣйствительности, изъ 77 т. р., употребленныхъ на постройку гимназіи, только 10 т. было взято, по распоряженію губернатора, изъ суммъ коробочнаго сбора еврейскаго общества, т. е. на долю еврейскаго общества приходится только 13% съ общей суммы), статья «Восхода» говоритъ: «Каково же было удивленіе родителей евреевъ, когда съ переходомъ гимназіи изъ прежняго помѣщенія въ новое зданіе, дѣти ихъ оказались совершенно изолированными отъ христіанокъ, изолированіе это доходитъ до того, что даже верхнія платья ихъ висятъ отдѣльно».

Относительно послѣдняго замѣчанія можно только сказать, что вѣшалки для верхнихъ платьевъ отведены каждому классу отдѣльно, а потому, если еврейки составляютъ отдѣльный классъ, то и платья ихъ висятъ на отдѣльныхъ вѣшалкахъ.

Къ этой статьѣ «Восхода» я отнеслась совершенно равнодушно. Но нѣсколько дней спустя появилась и въ «Свѣтъ» корреспонденція, напечатанная, правда, петитомъ: корреспонденція эта снова затрогивала вопросъ о раздѣленіи классовъ, при чемъ говорилось, что наврядъ-ли высшее начальство одобрило бы подобный порядокъ. Эта корреспонденція уже разсердила меня: если же евреи желаютъ, чтобы высшее начальство узнало о нашихъ порядкахъ, то я позабочусь объ этомъ сама. Въ отвѣтъ на эти двѣ корреспонденціи еврейскія я написала отповѣдь евреямъ въ В. Вѣстникѣ, при чемъ, объяснивъ суть дѣла, я не пощадила евреевъ, указавъ на физическія особенности ихъ, какъ-то присущій евреямъ запахъ, дѣлающій совместное пребываніе въ классахъ евреевъ и христіанокъ нежелательнымъ.

Статья моя была подписана «Русскій». Никто въ К. не сомнѣвался въ томъ, кто былъ авторомъ статьи, но утверждать, что статья моя, никто не имѣлъ права. Евреи были вѣдь себя. Весь кагалъ былъ на ногахъ. Между тѣмъ, еще до появленія моей статьи, въ гимназіи заговорили о томъ, что евреи въ К. волнуются. Я обратилась къ нашему еврейскому законоучителю съ вопросомъ: «правда-ли, что среди К—скихъ евреевъ волненіе?» — «Правда» — отвѣчала онъ. — «По какому поводу?» — продолжала я. — «Да по поводу нынѣшняго дѣленія на классы христіанскіе и еврейскіе». — «Да, помилуйте», — возразила я, — «ничего новаго не введено, осталось все по прежнему. Не я же выдумала это дѣленіе!» — Почтенный раввинъ (дѣйствительно почтенный, мы всѣ его ува-

жали, онъ отличался замѣчательнымъ безпристрастіемъ къ ученицамъ-еврейкамъ) старался меня увѣрить, что это — нововведеніе, — но нельзя же было увѣрить меня, что я придумала весь этотъ еврейскій вопросъ.

Извѣстіе о волненіи среди К—скихъ евреевъ меня, однако, не смутило. Но вотъ, однажды приходитъ въ гимназію Попечитель нашъ, В. П. М. Обходя классы, зашелъ онъ, наконецъ, въ нормальное отдѣленіе V к., въ которомъ было 56 ученицъ. Обращаясь къ преподавательницѣ, В. П. спросилъ: «А что, не трудно заниматься съ такимъ большимъ числомъ ученицъ?» Преподавательница, понявъ цѣль этого вопроса, отвѣчала: «Нѣтъ, не трудно».

Въ параллельномъ, еврейскомъ отдѣленіи было 40 ученицъ; при уравниеніи ихъ оказалось бы въ обоихъ по 48 ученицъ. 48 и 56 — разница не настолько чувствительная, чтобы стоило ради этого нарушить принятый порядокъ.

Окончивъ обходъ классовъ, В. П. предложилъ зайти въ учительскую, чтобы побесѣдовать. «А то», сказалъ онъ, когда мы расположились въ учительской и В. П. закурилъ папиросу, — «хорошо-ли мы дѣлаемъ, что отдѣляемъ христіанокъ отъ евреекъ?» — Я привела ему всѣ доводы, приведенные уже выше, добавивъ еще доводъ о нежелательномъ вліяніи евреекъ на христіанокъ.

«Но, вѣдь, въ Западной Европѣ нигдѣ такъ не относятся къ евреямъ, какъ у насъ». — «Ну, и Западная Европа не особенно счастлива отъ уравниенія правъ евреевъ съ христіанами», — отвѣчала я, — «Западная Европа еще не сказала своего послѣдняго слова по этому вопросу».

Поговоривъ еще нѣсколько въ этомъ духѣ, В. П. съ нами простился, не сдѣлавъ никакого распоряженія по еврейскому вопросу. Послѣдній, такимъ образомъ, оставался въ прежнемъ положеніи.

Прошло нѣсколько дней. Однажды, послѣ утренней общей молитвы, начальникъ говоритъ мнѣ: — «А В. П. настаиваетъ на уравниеніи обоихъ отдѣленій V класса. Онъ хочетъ прислать намъ бумагу съ своимъ предложеніемъ. Не повидаетсяъ-ли вы съ нимъ?» — «Хорошо!» — отвѣчала я и въ тотъ же день отправилась къ попечителю. — «Н. О. передалъ мнѣ», — начала я, — «что вы намѣрены послать намъ бумагу съ предложеніемъ уравнивать V-е классы. Ради Бога, не дѣлайте этого! Ваше предложеніе равносильно приказанію, а оно подрываетъ авторитетъ педагогической конференціи. И если подрвать авторитетъ легко,

то возстановить его трудно». — «Ну, хорошо, хорошо!» — заговорил В. П. — «Вѣдь еврейское общество посылало ко мнѣ депутацию, но я имъ объявилъ, что не ихъ дѣло вмѣшиваться во внутренніе порядки гимназій. Но все таки нужно что-нибудь сдѣлать». — Опять возобновился споръ, ничѣмъ не конившійся, каждый остался при своемъ мнѣніи, я ушла, не получивъ никакого положительнаго приказанія. Прошло еще нѣсколько дней: опять говоритъ мнѣ начальникъ: — «А В. П. настаиваетъ таки на уравниніи V классовъ. Не повидаетесь-ли Вы съ нимъ опять?» — «Нѣтъ, это было бы пустымъ водотеченіемъ. Мы, вѣдь, ничего новаго другъ другу не скажемъ. Приходится исполнить его желаніе». — «Такъ вы переведите въ параллельное отдѣленіе такихъ ученицъ, родители которыхъ не будутъ кричать». — «Нѣтъ, возразила я, — я иначе не могу сдѣлать выбора, какъ посредствомъ жребія. Если же родители будутъ кричать, пусть кричатъ!»

Затѣмъ я отправилась въ нормальное отдѣленіе V кл. Объявивъ ученицамъ требованіе попечителя уравниять числомъ оба отдѣленія, я приказала тотчасъ же приступить къ метанію жребія. Выдѣливъ православныхъ пѣвчихъ, которыхъ нельзя было раздѣлять между двумя отдѣленіями, мы приступили къ дѣлу. Окончивъ выборы, я выдѣлила указанныхъ жребіемъ и повела ихъ сама въ параллельное отдѣленіе. Подойдя къ параллельному классу, всѣ попятились назадъ, съ одной сдѣлалась истерика. Тогда пришлось предложить всему нормальному отдѣленію, за исключеніемъ церковныхъ пѣвчихъ, выдѣлится изъ себя восьмерыхъ такихъ, которымъ безразлично быть въ томъ или другомъ отдѣленіи. Переговоры эти велись нѣсколько дней. Наконецъ, шестеро вмѣсто восьмерыхъ добровольно, хотя и скрѣпя сердце, согласились перейти въ параллельный классъ. То были католички и лютеранки.

На этомъ мы и покончили съ еврейскимъ вопросомъ. Вскорѣ послѣ этого появилась моя статья. Евреи обратились къ губернатору съ ходатайствомъ потребовать отъ редактора «В. вѣстника» имя автора статьи, — губернаторъ прогналъ ихъ; они обратились сами къ редактору, но тотъ объявилъ имъ, что онъ не имѣетъ права этого сдѣлать.

Евреи продолжали волноваться, не зная что придумать, чтобы мнѣ насолить. Нѣсколько дней спустя послѣ 6-го декабря начальникъ говоритъ мнѣ: «В. П. поручилъ мнѣ спросить васъ, правда-ли, что 6-го числа, когда ученицы собирались въ гимна-

зій для того, чтобы идти въ свои церкви, вы выгнали евреекъ во дворъ?»

Такой вопросъ попечителя вывести меня, наконецъ, изъ терпѣнія. Дѣло въ томъ, что въ табельные дни всѣ ученицы гимназій собирались въ гимназій и оттуда шли въ свои храмы, евреекъ велъ въ синагогу ихъ законоучитель. Всѣ онѣ дѣлились по вѣроисповѣданіямъ и становились въ пары въ корридорахъ и въ залѣ; было, конечно, мѣсто и для евреекъ. Такъ было и 6-го декабря; подтвердить это могъ раввинъ — законоучитель.

Я отправилась къ попечителю. — «Какъ могли вы, В. П., принять отъ евреевъ такую жалобу на меня и повѣрить ей? Я чувствую себя глубоко оскорбленной вами. На будущее время я буду просить васъ въ подобныхъ случаяхъ производить формальное слѣдствіе и клеветниковъ подвергать уголовному преслѣдованію».

— «Ну, извините меня, Е. И., на будущее время я буду гнать съ подобными жалобами».

Между тѣмъ, вопросъ еврейскій не могъ же отвлекать меня отъ дѣла вообще, а дѣла было много. Выше я сказала, что я была въ восторгѣ отъ помѣщенія гимназій. Но на этомъ и останавливался мой восторгъ. Личный составъ классныхъ надзирательницъ оставлялъ многого желать. Между ними не было согласія; одна изъ нихъ завѣдывала изъ года въ годъ двумя старшими классами, что было и неудобно, и несправедливо: такъ какъ хороши-ли, дурны-ли ея классы, не она въ этомъ виновата. Такой порядокъ я признала ненормальнымъ и съ слѣдующаго же учебнаго года я предложила измѣнить его, чѣмъ остальные классныя надзирательницы были очень довольны.

Другая, строго относясь къ своимъ обязанностямъ, съ презрѣніемъ относилась къ другимъ своимъ сослуживицамъ и держала себя вдали отъ всѣхъ. Боже сохрани, если кто нибудь задѣнетъ ея классъ.

Третья, пожилая, болѣзненная, раздражительная, заботящаяся о своемъ классѣ, но постоянно высматривающая недостатки въ другихъ. Между ею и второю часто бывали стычки.

Четвертая, молодая вдова, веселая трещотка и большая силетница, съ одною изъ дамъ она часто сдѣлывалась, разъ у нихъ дошло чуть не до рукопашной.

Пятая, извѣстная уже намъ Е., добрая и неглупая, но взбалмошная и недисциплинированная. Бывало, начнешь ей доказывать необходимость дисциплины, она отвѣтитъ, что согласна съ этимъ, а на завтра опять тоже. Въ церковь съ ученицами

она вѣчно опаздывала; однажды, когда она явилась къ Херувимской, я подошла къ ней и молча показала ей часы. Въ другой разъ, потерявъ терпѣніе и зная, что К. рассчитываетъ на поддержку попечителя, я обратилась къ нему съ жалобой на нее и просила сдѣлать ей выговоръ. Попечитель поручилъ начальнику сдѣлать ей отъ его имени выговоръ въ присутствіи служащихъ. Но ничто не помогало, она была неисправима. Начальникъ же говаривалъ мнѣ:— «я бы вамъ совѣтовалъ оставить К. въ покоѣ, кромѣ неудовольствій вы ничего не добьетесь».

Таковъ былъ личный составъ воспитательнаго персонала гимназіи, когда я вступила въ должность. Въ это время въ гимназіи было 6 классовъ общеобразовательныхъ и приготовительный классъ. Параллельные классы были въ приготовительномъ и трехъ младшихъ классахъ. Приготовительными классами завѣдывали учительницы, но преподаваніе въ нихъ было въ рукахъ нѣсколькихъ. Съ одною изъ завѣдующихъ приготовительнымъ классомъ у меня на первыхъ порахъ произошло столкновеніе: она, какъ учительница, не считала себя подчиненной мнѣ, я же признавала, что она, какъ завѣдующая классомъ, въ воспитательномъ отношеніи подчинена мнѣ. На этой почвѣ и произошло столкновеніе. Мною сдѣлано было распоряженіе по отношенію къ одной ученицѣ ея класса, о чемъ я съ ней говорила внѣ класса. Зайдя на другой день въ классъ, чтобы провѣрить, исполнено ли мое распоряженіе, я узнала, что оно не исполнено, и тутъ же, въ классѣ, при ученицахъ, эта учительница стала оспаривать основательность моего распоряженія. Я попросила ее замолчать, а начальникъ, по моему настоянію, объяснилъ ей подчиненность ея мнѣ. Она подчинилась, и съ тѣхъ поръ между нами уже не было никакихъ недоразумѣній. Съ глазами на выкатъ, она страдала болѣзнью сердца; очень добрая, ласковая къ дѣтямъ до слащавости, она отличалась крайне либеральнымъ направленіемъ и дружила съ К.

Между преподавательницами была одна съ трясущейся головой; про нее говорили, что она даетъ уроки своимъ ученицамъ, что строго запрещается. При мнѣ она оставалась только годъ, ей выхлопотали пенсію. Преподаваніе въ старшихъ классахъ было преимущественно въ рукахъ женщинъ, отъ чего дѣло, однако, нисколько не страдало. Въ рукахъ преподавателей были: Законъ Божій, географія, исторія, математика и рисованіе. Впослѣдствіи къ женщинамъ перешли математика и рисованіе.

Старожилы въ гимназіи говорили мнѣ, что въ гимназіи за послѣднія 15 лѣтъ не было дисциплины. Покойная предмѣстница

моя была болѣзненная и слабохарактерная,—будучи не въ ладахъ съ начальникомъ, который равнодушно относился къ воспитанію дѣвушекъ, она предоставила дѣла самимъ себѣ. Никакихъ традицій въ гимназіи не было, хотя она отпраздновала свой 25-лѣтній юбилей въ годъ моего назначенія. Гимназистки, какъ впрочемъ, вездѣ, пользовались дурной репутаціей; гулянье по улицамъ съ гимназистами и офицерами было обычнымъ явленіемъ. Зданіе, въ которомъ помѣщалась гимназія до перехода въ собственное зданіе, находилось противъ мужской гимназіи, что очень облегчало знакомство гимназистовъ съ гимназистками. Нерѣдко на улицѣ происходили между ними и драки.

На первыхъ же порахъ я обратилась къ директору мужской гимназіи съ просьбой оказать мнѣ свое содѣйствіе въ упорядоченіи поведенія молодого поколѣнія на улицахъ, и должна признать, что встрѣтила со стороны г. Ш. полное содѣйствіе. Чтобы отучить офицеровъ встрѣчать и провожать ученицъ при выходѣ ихъ изъ гимназіи, я сама выходила на встрѣчу офицерамъ. Мало по-малу цѣль была достигнута. Гимназисты оставили въ покоѣ гимназистокъ, къ тому же они были теперь дальше другъ отъ друга,—офицеры уже не выходили къ нимъ на встрѣчу.

Въ самой гимназіи былъ шумъ—гамъ невообразимый: голосъ М. П. (строго относящейся къ своимъ обязанностямъ дамы), унимавшей классъ, раздавался по всему зданію, но и голоса ея, какъ видно, было недостаточно, она стучала книгой по столу. Да и немудрено: у нея въ двухъ отдѣленіяхъ V класса было 96 ученицъ, изъ нихъ 40 крикливыхъ евреекъ. Только въ еврейскіе праздники можно было отдохнуть отъ шума; въ эти дни гимназія казалась пустою. Несмотря на обиліе воздуха, въ еврейскіе классы нельзя было войти безъ нѣкотораго брюзгливаго чувства, специфическій еврейскій запахъ ошеломлялъ свѣжаго человѣка, и безъ привычки нельзя было долго оставаться въ классѣ. Одѣты были ученицы большею частью въ форменныя коричневыя платья, но встрѣчались еще и розовыя, и голубыя. Прически были всевозможныя, гривки такъ и бросались въ глаза. Реверансы невозможныя: глаза обращены на васъ, а реверансъ къ печкѣ или къ стѣнѣ;—грубость манеръ, особенно у евреекъ.

Все это меня шокировало. Съ виѣшности и пришлось начать внутреннюю войну. Съ самаго начала учебнаго года я объявила объ обязательности форменныхъ платьевъ и о запрещеніи гривокъ. (И. д. Главноуправляющаго не любилъ гривокъ). Глубокое впечатлѣніе произвело на ученицъ, когда на актѣ я выска-

ла за гривку дочь жандармского полковника. Онѣ поняли, что гривки стали невозможны. Затѣмъ я принялась за искорененіе специфическаго еврейскаго запаха. Начала я съ запрещенія приносить съ собой на завтракъ колбасу съ чеснокомъ и отбирала ее, отдавая сторожамъ. Узнавъ отъ дамскаго персонала, что причиной запаха была не столько колбаса, сколько нижнія ватныя юбки, которыхъ еврейки никогда не снимаютъ, даже на ночь, я энергично выступила на борьбу съ этими юбками, рѣшившись во что бы то ни стало вывести ихъ изъ употребленія. Никто не вѣрилъ въ успѣхъ моего предпріятія, никто не оказывалъ мнѣ содѣйствія; дамы гимназическія съ любопытствомъ слѣдили за борьбой, начальникъ саркастически улыбался, но молчалъ, — учителя на сторонѣ меня осуждали, евреи волновались, но я смѣло шла впередъ къ своей цѣли: объяснивъ ученицамъ еврейкамъ весь вредъ и послѣдствія отъ ношенія ими ватныхъ юбокъ, я объявила имъ, что отнынѣ имъ запрещается приходить въ гимназію въ такихъ юбкахъ, предупреждая, что ихъ будутъ осматривать. Началась упорная борьба: каждый день сторожихи, дежурныя въ корридорахъ, должны были дѣлать осмотръ въ уборной. Никакой ропотъ меня не утешалъ — и, наконецъ, черезъ мѣсяць борьбы ватныя юбки исчезли, а съ ними исчезъ и запахъ изъ еврейскихъ классовъ. Пришлось также обратить вниманіе на чистоту шеи и рукъ. Класснымъ надзирательницамъ пришлось зашевелиться...

Такъ, шагъ за шагомъ, приходилось измѣнять виѣшность гимназистокъ, въ особенности евреекъ. Между тѣмъ, сначала еврейскій классный вопросъ, потомъ война съ юбками и грязными шеями внушили ученицамъ-еврейкамъ мысль, что я врагъ ихъ. Онѣ стали волноваться. Я велѣла собраться тремъ старшимъ классамъ, чтобы выслушать ихъ. Всѣ загалдѣли въ одинъ голосъ; я приказала имъ уполномочить одну изъ нихъ выйти впередъ и высказаться за всѣхъ. Вышла впередъ Роза К., милая, разумная дѣвушка изъ хорошей, интеллигентной семьи. Рѣчь ея вертѣлась на томъ, что я ихъ ненавижу и потому преслѣдую. Мнѣ было не трудно доказать нецѣлѣбность ихъ предположенія и успокоить ихъ. Страсти улеглись, и, въ послѣдствіи еврейки, по окончаніи курса, перѣдко обращались ко мнѣ за совѣтомъ. Не помню ни одного случая недовѣрія ихъ ко мнѣ. Пришлось и посчитаться съ религіознымъ фанатизмомъ. До моего свѣдѣнія дошло, что въ V классѣ еврейка задѣваютъ христіанокъ и смѣются надъ ихъ религіей, тоже позволяютъ себѣ и католички относительно православныхъ. Узнавъ фамиліи запре-

видѣ, я велѣла собраться V классу, объявила имъ, что мнѣ извѣстны стычки въ средѣ ихъ изъ-за религіи, затѣмъ, вызвавъ впередъ заиѣвалъ еврейку и католичку, я спросила ихъ, можно ли спорить о томъ, чего не знаешь? онѣ отвѣтили: нельзя. — А знакомы вы съ христіанскою религіей? спросила я еврейку. — Нѣтъ, незнакома. А вы знакомы-ли съ религіей православною? спросила я католичку. — Не знакома, — отвѣчала и та. Такъ какъ же вы спорите о томъ, чего не знаете? Вотъ, когда вы окончите курсъ и захотите вести споры о религіи, то и займитесь ихъ изученіемъ, вы — съ христіанскими религіями, а вы — съ православною, и тогда только, когда ознакомитесь съ ними, можете спорить о нихъ, а теперь, не зная ихъ, глупо спорить.

Споры прекратились навсегда. Разъ только былъ такой комичный случай: дѣло происходило въ VI классѣ. Одна католичка изъ завязанныхъ объявила классу, что Синаистель былъ католикъ. Обидно показалось это православнымъ, одна изъ нихъ и говоритъ другой: «Дуи ее!» та и виѣнялась въ волосы католички, и пошла потасовка. Я передала объ этомъ батюшкѣ, который и объяснилъ ретивымъ защитницамъ православія, что не такъ доказываются истины. Въ это время, по выходѣ въ отставку О. П., у насъ былъ молодой батюшка, магистръ, москвичъ, глубоко религіозный и церковный. Онъ принялся за свое дѣло съ искреннимъ желаніемъ поставить дѣло религіозно-правственнаго воспитанія на прочномъ основаніи; дѣти его полюбили; относились къ нему съ довѣріемъ и исполняли охотно его требованія. Во мнѣ онъ встрѣтилъ, конечно, дѣятельную помощницу. Мы шли съ нимъ рука объ руку. Чтобы показать ученицамъ, какъ я высоко ставлю Законъ Божій, я присутствовала на всѣхъ урокахъ у батюшки. Ксендзъ у насъ въ это время былъ также молодой магистръ, съ большимъ тактомъ. Я посѣщала и его уроки. Ксендзы обыкновенно очень строго относятся къ не посѣщенію костела, они относятъ это къ смертнымъ грѣхамъ и томъ основанія, что непосѣщающій костела лишается благодати. И дабы ученицы-католички усердно посѣщали костель, ксендзъ поручалъ нѣсколькимъ старшимъ надзоръ за другими, и каждая изъ нихъ должна была отдавать ксендзу отчетъ, всѣ-ли порученія ей были у обѣдин. Въ тотъ годъ поступила къ намъ въ IV классъ одна молодая дѣвушка, родомъ французенка, но выросшая въ православною семью. Съ поступленія ея въ гимназію стали говорить, что она по окончаніи курса приметъ православіе. Слухи эти дошли и до ксендза — законоучителя, и такъ какъ ему стало извѣстно, что она въ костель не ходитъ, а хо-

дять въ православную церковь, то для отвлеченія ея отъ послѣдней, онъ поручилъ и ей надзоръ за нѣсколькими католическими, но это ни къ чему не повело, шпионить она не стала, а ксендзу говорила, что всѣ ходятъ къ общинѣ. Дошло до меня, что подруги этой француженки, когда соберутся на урокъ Закона Божія, начинаютъ на нее нападать за ея склонность къ православію. Я стала незамѣтно для ученицъ прислушиваться къ этимъ нападкамъ и, убѣдившись въ томъ, что она сама умѣетъ справляться, предоставила ее собственнымъ силамъ. Впослѣдствіи, по выходѣ изъ гимназіи, она приняла православіе и вышла замужъ за православнаго. Встрѣтившись съ нею однажды въ интимномъ кругу, я спросила ее, что происходило у нея въ головѣ, когда, прослушавъ урокъ всеобщей исторіи, въ которой касались церковной исторіи, она потомъ слушала послѣднюю на урокахъ у ксендза?—Разумѣется, происходилъ сумбуръ въ головѣ,—отвѣчала она.

Законоучитель раввинъ былъ почтенный старикъ, человѣкъ развитой и разумный. Фанатизма въ немъ не было, но въ тоже время онъ признавалъ невозможнымъ нарушать еврейскіе обычаи, ради того, чтобы не разжигать фанатизма невѣжественной массы. Ученицы-еврейки не особенно его любили за его безпристрастіе къ нимъ, но мы, его сослуживцы, его искренно уважали.

На Рождественскіе праздники я отправилась въ Петербургъ и представила и. д. Главноуправляющаго газетную полемику по поводу еврейскаго класснаго вопроса. Н. Н. Г., прочитавъ газетныя статьи, одобрилъ мои дѣйствія. При этомъ свиданіи Н. Н. спросилъ мое мнѣніе на счетъ пользы приготовительныхъ классовъ въ гимназіяхъ. Я откровенно высказала, что считаю въ настоящее время эти классы лишними, такъ какъ женскія гимназіи, существуя уже 25 лѣтъ, дали обществу такой многочисленный контингентъ образованныхъ женщинъ, что каждая мать семейства, жена чиновника, офицера, священника и купца, въ состояніи подготовить своихъ дочерей въ низшій классъ гимназіи. Выслушавъ меня, Николай Николаевичъ сказалъ, что онъ самъ противъ приготовительныхъ классовъ, и что въ настоящее время этотъ вопросъ на очереди.

Продолжая нашу бесѣду, Н. Н. заговорилъ и о пересмотрѣ учебныхъ программъ. Я съ своей стороны, указала на необходимость считаться съ мѣстными условіями.—«Да, замѣтилъ Н. Н., мы, къ сожалѣнію, понятія не имѣемъ о мѣстныхъ условіяхъ, и коммиссія, занятая учебной реформой, не имѣетъ понятія. А потому прошу васъ повидаться съ И. Т. Осининымъ, предше-

лемъ этой коммиссіи, и подать ему записку, какъ относительно уничтоженія приготовительныхъ классовъ, такъ и относительно необходимости считаться съ мѣстными условіями при составленіи учебныхъ программъ. А я предупреджу его о васъ».

Нѣсколько дней спустя я увидѣлась съ И. Т. Осининымъ. Чрезвычайно пріятное впечатлѣніе произвело на меня это новое знакомство. Умный, благородный, гуманный, отзывчивый, этотъ педагогъ былъ краскою вѣдомства. Прочитавъ записку мою о приготовительныхъ классахъ, по поводу которыхъ я на словахъ указала ему на неправильную постановку дѣла, какъ, напримеръ, обученіе одновременно двумъ иностраннымъ языкамъ, при чемъ и самый русскій языкъ является для большинства поступающихъ языкомъ незнакомымъ, Ив. Т. согласился со мною, что плохо поставленный приготовительный классъ есть обуза для гимназій и въ тоже время посмѣялся тому, что ему предстоитъ нелегкая задача, въ одно и то же время отстаивать для однихъ гимназій приготовительный классъ, а для другихъ предлагать закрытіе таковыхъ. Относительно необходимости считаться съ мѣстными условіями при составленіи учебныхъ программъ, Ив. Т. поблагодарилъ меня за то, что я обратила вниманіе на это.

Въ моей запискѣ указано было на желательность усилить въ женскихъ гимназіяхъ Зап. края преподаваніе православнаго Зак. Божія, русской исторіи и русской словесности. Ив. Т. обѣщавшись заняться этимъ вопросомъ, при чемъ, конечно, потребуются мнѣніе мѣстныхъ педагогическихъ конференцій. Тутъ же И. Т. сказалъ мнѣ, что я знакома ему по запискѣ о реформѣ жен. гимназій, что эта записка внесена въ коммисію кн. Волконскаго въ двухъ экземплярахъ, что она обсуждалась въ коммиссіи и что въ принципѣ она принята. Заговорилъ И. Т. и о еврейскомъ вопросѣ и предложилъ мнѣ на досугѣ прочесть отпечатанную брошюру мнѣній различныхъ лицъ, преимущественно попечителей Учеб. Округовъ Зап. Краинъ, о вліяніи евреевъ въ русскихъ школахъ. Разстались мы, обстоятельно ознакомившись другъ съ другомъ.—Эд. О. ф. Р. я уже не застала въ живыхъ: безжалостная болѣзнь унесла ее и смерть ея на долго затормозила реформу жен. гимназій, реформу, за которую она такъ стояла. При ней реформа эта давно была бы осуществлена, и женскія гимназіи поставлены были бы на подобающую высоту: изъ пасынковъ онѣ сдѣлались бы родными дѣтьми государства.

Весною въ К—ской ж. гимназiи получено было изъ учебнаго комитета вѣдомства предложенiе рассмотреть вопросъ о закрытiи приготовительнаго класса, объ открытiи въ замѣкъ его VII кл. и объ усиленiи, на первый разъ, преподаванiя православнаго Закона Божiя. Всѣ эти предложенiя были приняты конференцiей и вошли въ силу съ слѣдующаго 1886—87 учебнаго года.

Въ этомъ году экзамены окончились въ концѣ мая и актъ состоялся 3-го iюня. По окончанiи акта В. П. М. собралъ вокругъ себя всѣхъ присутствовавшихъ на актѣ служащихъ въ гимназiи и обратился къ нимъ съ слѣдующими словами: «не могу не сказать вамъ, что за истекшiй учебный годъ гимназiя сильно измѣнилась къ лучшему, всѣ подтянулись... и этимъ мы обязаны новой начальницѣ». На послѣднемъ словѣ онъ сдѣлалъ сильное ударенiе. Такой отзывъ понечителя былъ, конечно, крайне прiятенъ мнѣ и придавалъ мнѣ новыя силы идти тѣмъ же путемъ впередъ.

Истекшiй годъ, первый моей дѣятельности въ К—ской гимназiи, былъ годомъ борьбы съ еврейскимъ кагаломъ, и побѣда осталась на моей сторонѣ, и побѣда тѣмъ болѣе полная, что она одержана была мною безъ всякаго содѣйствiя съ чьей бы то ни было стороны: мнѣ только не мѣшали, въ этомъ, пожалуй, было содѣйствiе.

За весь истекшiй годъ я не встрѣчала еще помѣхи со стороны начальника гимназiи, онъ какъ бы присматривался ко мнѣ, относясь нѣсколько саркастически къ моимъ новизнамъ. Когда на моихъ именинахъ 5-го сентября у меня собралась компанiя сослуживцевъ, то въ разговорѣ о томъ-о семъ, между прочимъ и объ истекшемъ учебномъ годѣ, Н. О. С., обращаясь ко мнѣ, сказалъ: «Сознайтесь, что на актѣ В. П. немножко подкурилъ вамъ». Эти слова показывали, что къ моимъ новизнамъ онъ относился болѣе, чѣмъ равнодушно, и что одобренiе моей дѣятельности попечителемъ ему пришлось не по сердцу. Да, все дѣло «въ рукахъ у начальника», а, между тѣмъ, какая-то дѣятельность начальницы отражается на дѣлѣ и даже признается начальствомъ полезною. Есть надъ чѣмъ задуматься...

Однажды, въ истекшемъ учебномъ году,—это было по окончанiи конференцiи, на которой обсуждалось предложенiе учебнаго комитета,—Н. О. С., батюшка и я, мы вмѣстѣ спускались съ лѣстницы; С. заговорилъ о бесполезности, или вѣрнѣе, о неудобствѣ усиленiя преподаванiя православнаго Зак. Божiя въ учебныхъ заведенiяхъ Зап. края, другими словами, онъ не на-

ходилъ пужнымъ въ Зап. русскомъ краѣ поднимать значенiе православiя. Съ такимъ диковиннымъ взглядомъ православнаго русскаго человека, воспитателя юношества, мы съ батюшкой никакъ не могли согласиться. Съ нимъ бы не согласилась и лютеранка, но русская по духу покойная бар. Э. Ф. Р. Съ какимъ негодованiемъ она отнеслась бы къ такому взгляду начальника ж. гимназiи съ Зап. краѣ!

С., однако, еще добавилъ: «Я очень сожалѣю, что тогда, на освещенiи гимназiи, я допустилъ, чтобы православныя ученицы стояли впереди иновѣрковъ». — «Какъ, возразила я, на православномъ богослуженiи съ водосвятiемъ и окропленiемъ св. водою, православныя должны были, по вашему, стоять позади евреекъ, которые чураются св. воды? Это невозможная вещь!» — «Да и я не допустилъ бы этого!» — твердо сказалъ батюшка. — «Да я, вѣдь, прислушиваюсь и къ общественному мнѣнiю», — продолжалъ С. — «Къ какому? къ еврейскому? Ибо трудно предположить, чтобы православное общество находило нормальнымъ на православномъ богослуженiи ставить евреекъ впереди православныхъ!» — воскликнула я.

Тутъ мы уже сошли съ лѣстницы и пошли каждый въ свою сторону. То былъ первый случай энергичнаго отпора мнѣнiю начальника съ моей стороны. Можетъ быть, слѣдовало бы промолчать? Это было-бы, конечно, практичнѣе.

Въ отношенiяхъ своихъ къ класснымъ надзирательницамъ, за нѣкоторымъ исключенiемъ, онъ былъ крайне рѣзокъ. Когда случалось мнѣ сообщать ему что нибудь, ссылаясь на слова которой-нибудь изъ классныхъ надзирательницъ, онъ всегда замѣчалъ: «Не вѣрьте имъ, онѣ все лгутъ!» — на что я возражала: — «не имѣю права не вѣрить имъ пока онѣ классныя надзирательницы». — На халатное отношенiе къ службѣ К. онъ смотрѣлъ сквозь пальцы, въ виду служебнаго положенiя отца ея.

Относительно меня онъ не умѣлъ быть вѣжливымъ, онъ никогда не пропускалъ меня впередъ. Глядя на него, были невѣжливый и учителя: при входѣ моемъ въ классъ, учителя не имѣли обыкновенiя встать.

На педагогическихъ конференцiяхъ вопросы рѣшались единолично председателемъ, изъ преподавателей имѣлъ голосъ учитель исторiи К. П. Г., имѣвшiй, повидимому, большое влiянiе на начальника. Влѣдствiи безгласiя членовъ конференцiи, на нихъ являлись немногiе. Случалось и такъ: какой-нибудь вопросъ рѣшенъ былъ конференцiей,—но это не мѣшало начальнику поступить по своему, вопреки рѣшенiю конференцiи. Вообще

надо признать, что наши педагогическія конференціи существуют на то, чтобы прикрывать произволъ начальника, такъ было въ Тифлисѣ, такъ было въ К., такъ оно вездѣ въ Россіи. А есть наивные люди, которые вѣрятъ въ коллегіальныя учрежденія, да еще такія, въ которыхъ предсѣдателемъ начальникъ, а члены его подчиненные. А сколько зла приносить эта ложь учебно-воспитательному дѣлу!

Хозяйственный комитетъ у насъ никогда не собирался; членамъ его присылался для подписи готовый протоколъ.

Между тѣмъ Главноуправляющимъ вѣдомства назначенъ былъ И. Н. Д. Начался новый 1886—87 учебный годъ, съ котораго начальникъ сталъ стремиться закрывать параллельные классы. Этимъ способомъ вопросъ еврейскій самъ собою разрѣшался: постепенно, съ закрытіемъ параллельнаго класса въ нормальномъ еврейки смѣшивались съ христіанками, при чемъ число евреекъ постепенно уменьшалось, съ 206, число, которое я застала, дошло, наконецъ, при С., до 90. Закрытие началось съ приготовительныхъ классовъ, — взамѣнъ которыхъ открытъ одинъ VII кл. I и II классы получили по отдѣльной классной надзирательницѣ, и постановлено было, что всѣ классныя надзирательницы идутъ съ своимъ классомъ отъ начала до конца.

Бонтингентъ классныхъ надзирательницъ увеличился на двѣ. Въ учебномъ персоналѣ произошли также перемѣны: въ теченіе года за отсутствіемъ болѣвшей учительницы географіи (съ трясущейся головой) ея обязанности исполняла завѣдывавшая до того однимъ изъ приготовительныхъ классовъ, окончившая Петерб. педагогическіе курсы. Ей обѣщаны были начальникомъ эти уроки съ выходомъ въ отставку учительницы, и она безвозмездно замѣщала послѣднюю въ теченіе почти года. Но когда отставка вышла, то начальникъ хотѣлъ было представить на открывшуюся вакансію другую, за которую кто-то просилъ. Но мнѣ удалось его убѣдить въ невозможности не исполнить обѣщанія, даннаго той, которая несла трудъ безвозмездно, и она была назначена.

Произошла перемѣна законоучителя. Нашъ молодой магистръ, бывшій законоучителемъ и въ мужской гимназіи, недовольный постановкой преподаванія Зак. Божія въ муж. гимназіи, оставилъ насъ и перешелъ въ В. ж. духовное училище. Къ намъ назначенъ былъ кандидатъ богословія, тоже великороссъ, еще не женатый, слѣдовательно и не священникъ. Но чрезъ два мѣсяца онъ женился, а на Рождество сдѣланъ священникомъ. Такъ же какъ и предшестникъ его, онъ всей душой отдался своему

дѣлу. Онъ много времени удѣлялъ толкованію священнаго писанія, и я съ большимъ интересомъ слѣдила за его уроками. Нечего говорить, что я оказывала ему всякое содѣйствіе.

Съ начала учебнаго года начались мои хлопоты о приведеніи въ порядокъ форменныхъ платьевъ. Отъ нѣкоторыхъ ученицъ, бывало, только и слышишь: «Мнѣ шьютъ новое платье» — на что я всегда отвѣчала: «Я не требую новаго, а требую, чтобы старое было починено, чтобы не было разорванныхъ локтей». Были у насъ три сестры — еврейки, Ш., платья у нихъ были уже никуда негодны, коричневый цвѣтъ обратился въ желтовато-зеленый. Узнавъ отъ ихъ законоучителя, что отецъ ихъ человекъ весьма состоятельный, я стала настойчиво требовать, чтобы имъ были сдѣланы новыя платья. Въ противномъ случаѣ, еслибы по справкамъ оказалось, что онѣ дѣти бѣдныхъ родителей, мы такъ или иначе пришли бы имъ на помощь. На мои требованія Ш. неизмѣнно отвѣчали: «намъ шьютъ новыя платья». — Наконецъ, потерявъ терпѣніе, я назначила имъ срокъ, предупредивъ, что если въ этотъ день онѣ явятся въ старыхъ платьяхъ, я вышлю ихъ изъ гимназіи. Наступилъ назначенный срокъ. Двѣ изъ Ш. въ гимназію не явились, третья пришла въ старомъ платьѣ. Увидѣвъ ее, я отправила ее домой. Послѣ уроковъ пришли мнѣ доложить, что отецъ Ш. въ канцеляріи и начальникъ проситъ меня. Прихожу, вижу жида-лавочника, съ мошенической, нахальной фізіономіей (Законоучитель — раввинъ говорилъ мнѣ, что этотъ субъектъ нажилъ состояніе темными путями и способенъ на всякую пакость), стоящаго посреди комнаты и рядомъ съ нимъ высланную въ тотъ день изъ гимназіи его дочь. — «Что вамъ угодно?» — спросила я. — «Вы выслали, madame, мою дочь изъ гимназіи за ея платье», — отвѣчалъ онъ, — «вы находите, что ея платье никуда не годно, а я нахожу, что оно еще хорошо!» — нахально воскликнулъ онъ. — «Если для васъ оно хорошо, то она можетъ донашивать его дома, для гимназіи же оно не годится», — возразила я. — «Такъ вы можете сами для нея сдѣлать платье!» — дерзко закончилъ онъ. Я повернулась и ушла.

Въ тотъ же день я обратилась частнымъ письмомъ къ И. Т. Осинину, прося его разъяснить мнѣ, имѣю-ли я право настаивать въ подобныхъ случаяхъ на исполненіи родителями моихъ требованій, и могу-ли я рассчитывать на поддержку въ Петербургѣ. Отвѣтъ не заставилъ себя ждать. И. Т. сообщалъ мнѣ, что мое письмо прочелъ Главноуправляющій, одобрилъ мои требованія и общалъ всегда поддержку въ законныхъ моихъ тре-

бованіяхъ. Въ ожиданіи же отвѣта я дѣлала видъ, что не замѣчаю сестеръ Ш.,—но полученіи же его, я тотчасъ призвала старшую изъ сестеръ и сказала ей, чтобы она передала отцу, что я обращалась за указаніями къ высшему начальству и получила разрѣшеніе дѣйствовать такъ, какъ я дѣйствую. На слѣдующій день всѣ три сестры явились въ новыхъ платьяхъ.

Возня съ форменными платьями продолжалась изъ года въ годъ; изъ дня въ день въ перемѣны между уроками, гуляя между дѣтьми, одной, бывало, замѣтишь:—платье длинно,—другой: платье коротко,—третьей:—перенить рукава, моды въ гимназій не полагается,—четвертой: починить рукава—и т. д. и т. д. Годы терпѣнія и настойчивости ни къ чему не приводили, пока я, наконецъ, не поручила этого дѣла учительницѣ рукодѣлія. Весь сентябрь посвящался ею на осмотръ платьевъ и передниковъ и передѣлкѣ ихъ по ея указанію. Определена была длина передниковъ и платьевъ, всѣмъ дана была выкройка рукавовъ платья и лифа передника, и тогда только добились я цѣли, но это случилось черезъ 10 лѣтъ службы въ К—ской гимназій. Этотъ опытъ доказываетъ, что въ такомъ дѣлѣ никакое терпѣніе не помогаетъ. Нужно сразу настоять. Затѣмъ началась возня со шляпами «à la diable m'empêcher». Изъ года въ годъ осматривала я шляпы, требуя скромныхъ шляпъ, и не могла добиться, пока съ разрѣшенія попечителя не введены были форменныя шляпы. Но и это лишь много лѣтъ спустя. А пока, приходилось имѣть столкновенія съ неразумными родителями.

Однажды, когда православныя ученицы становились въ пары, чтобы идти въ церковь на панихиду, я, осматривая ихъ костюмъ, замѣтила на одной изъ нихъ зеленую плюшевую шляпу, не то конфедератку, не то шутовскую. Я замѣтила ей:—«Нѣтъ, П., я васъ пустить въ церковь, да еще на панихиду, въ такой шляпѣ не могу»,—и велѣла ей остаться. Послѣ уроковъ прилетаетъ въ канцелярію м-е П. Эта особа была вдова акцизнаго ревизора, женщина, пользовавшаяся отвратительной репутаціей, страшная сплетница, не останавливавшаяся ни предъ чѣмъ, чтобы забросать грязью челоуѣка, который ей непріятенъ. Я застала ее еще членомъ К—скаго общества, но впоследствии, по мѣрѣ обновленія общества, а это случалось чрезъ каждые три-четыре года, т. е. губерскіе тузы не засиживались въ К., м-е П. мало-помалу исключалась изъ общества, пока, наконецъ, ее нигдѣ не стали принимать за-ея злой и грязный языкъ. Меня она возненавидѣла на первыхъ же порахъ, т. е. я, узнавъ, что оно такое, на отрѣзъ отказалась отъ знакомства съ нею, такъ таки

просила не знакомить меня съ нею, хотя случалось встрѣчаться съ нею. Этого она мнѣ простить не могла, но я предпочитала лучше понасть къ ней на языкъ, чѣмъ пачкаться знакомствомъ съ нею.

И вотъ, мы встрѣтились съ нею въ канцеляріи гимназій. Я застала ее въ слезахъ. (О, слезы, какъ онѣ дешевы!).—«Я буду жаловаться Генералъ Губернатору!»—кричала она.—«Сдѣлайте одолженіе!»—спокойно и сухо отвѣчала я.—«Нѣтъ, зачѣмъ же вамъ обращаться къ Ген. Губ.—у?»—вкрадчиво говорилъ ей начальникъ. Мнѣ извѣстно было, что она получала сверхъ хорошей пенсіи еще 200 р. на воспитаніе этой дочери; и я была того мнѣнія, что мать могла изъ этихъ денегъ прилично одѣвать свою дочь-гимназистку, не пользуясь отреньями замужней дочери, жены драгуна; а потому ни слезы, ни угрозы меня не трогали. Находя мое присутствіе лишнимъ, я ушла, но зеленая конфедератка болѣе не появлялась, что и требовалось. И такая-то особа, какъ эта м-е П. мѣтила въ начальницы гимназій: каждый разъ, какъ слухъ носился, что очищается вакансія въ К—ской гимназій, она лѣтъ въ Петербургъ хлопотать. Министръ А. С. Е., не зная ее лично, давалъ ей рекомендательное письмо къ Главноуправляющему, однако ей почему-то это не удавалось: впоследствии она попала въ кабачекъ по монополіи, на настоящее свое мѣстѣ.

Въ К. было много сплетницъ ко времени моего пріѣзда: жена председателя контрольной палаты М., жены губернскаго жандармскаго полковника и адъютанта его; эти двѣ барыни дошли до того, что стали писать доносы—одна на мужа другой; кончилось тѣмъ, что обоихъ мужей перевели, одного въ Петропавловскъ, другого, кажется, въ Вятскую губернію. Но м-е П. превосходила ихъ всѣхъ.

Ко времени моего переѣзда на свою квартиру въ гимназій, всѣ К—скія сплетницы разлетѣлись, м-е М. умерла, жандармскія дамы переѣхали въ другія мѣста, осталась одна м-е П. Одно-временно со мною въ К. прибылъ новый викарный епископъ Х. Онъ былъ переведенъ изъ Константинополя, гдѣ онъ былъ настоятелемъ посольской церкви и куда онъ попалъ изъ Вильны время Потанова. Онъ былъ смотрителемъ Виленскаго духовнаго училища; по какому-то случаю сказалъ проповѣдь весьма энергическую, съ патріотическимъ направленіемъ; на него донесли Генералъ-Губернатору Потанову, и его съ жандармами отправили въ Петербургъ. По счастью явились защитники, если не ошибаюсь, проф. Кояловичъ, отъ котораго я слышала, что по это-

му поводу у него было крупное столкновение съ Товарищем Об.-Прокурора Ю. В. Толстым—столкновение, настолько жаркое, что чуть не дошло до того, что Толстой былъ-бы имъ побить. На шумъ, который долеталъ изъ кабинета Товарища Об.-Прокурора до чиновниковъ, прибѣжалъ дежурный чиновникъ—и Толстой остался цѣль. Но какъ бы то ни было іеромонахъ Х. былъ назначенъ настоятелемъ посольской церкви въ Константинополь, и оттуда много лѣтъ спустя былъ назначенъ викарнымъ епископомъ въ К. Нелегко, однако, пережита была обида, нанесенная Генераль-Губернаторомъ; не смотря на южный климатъ, здоровье преосвященнаго Х. сильно пошатнулось, отразилось оно и на характерѣ его,—онъ былъ желчный, раздражительный, по слово его не утратило энергіи, и онъ былъ общительный настолько, что не отказался отъ приглашенія В. П. М. присутствовать у него на вечерѣ, на которомъ собралось все К—ское общество. Конечно, Преосвященный не долго оставался на вечерѣ, и въ его присутствіи не начинались танцы. Годъ спустя мы хоронили этого Преосвященнаго. Отпѣвать его пріѣзжалъ Архіепископъ А. Весь городъ, т. е. православные, были, конечно, на похоронахъ; войска шпалерами были выставлены вдоль шествія. Преосвященный А. былъ замѣчательнъ своей простотой. Посѣтивъ кладбищенскаго священника, того самого, у котораго я прожила годъ, Преосвященный пожелалъ пройти на могилу недавно умершаго соборнаго протоіерея О. П. Священникъ предложилъ отслужить на могилѣ литію, а Преосвященный былъ за псаломщика. Я присутствовала при этомъ. Умилятельное было зрѣлище. На мѣсто скончавшагося Преосвященнаго Х. въ К. назначенъ былъ Преосв. А. изъ Твери. По поводу этого назначенія рассказывали слѣдующее: послѣ похоронъ Преосвященнаго Х. и по возвращеніи Преосв. А. въ В. Генераль-Губернаторъ Ив. С. К. спросилъ Преосвященнаго: «А кого бы вы желали себѣ въ викарные?» — «Преосв. А.»,—отвѣчалъ Архіепископъ.—«Такъ просите, чтобы его назначили». — «У насъ это не водится». — «Ну, а у насъ такъ оно водится»,—возразилъ Генераль-Губернаторъ и написалъ Об.-Прокурору. Преосв. А. былъ назначенъ. Этотъ Преосвященный, олицетвореніе кротости и доброты, былъ также чрезвычайно общительный, его боготворили въ К. Онъ бывалъ не только у людей чиновныхъ; но отдавалъ визиты даже мелкимъ чиновникамъ.

Въ началѣ 1887 года В. П. М. вышелъ въ отставку. Его не любилъ Ген.-Губ. К., распускалъ о немъ слухъ, что онъ не здоровъ головой. Вѣрно то, что, вслѣдствіи контузіи въ голову,

полученной при Плевнѣ, В. П. страдалъ головными болями, и во время приступовъ боли онъ не могъ работать—но такъ бываетъ со всѣми при головной боли. Когда же боль проходила, голова его опять была свѣжая и свѣтлая.

В. П. не любилъ католиковъ и зорко слѣдилъ за ними. Онъ принималъ энергичныя мѣры противъ ксендзовъ, занимавшихся политикой и не исполнявшихъ предписаній Правительства. Между прочимъ было сдѣлано распоряженіе, чтобы ученики и ученицы католики сред.-учеб. заведеній и народныхъ школъ читали молитву «Спаси, Господи, люди Твоя», но ксендзы отъ этого уклонялись. Однажды заходить въ гимназію нашу В. П. и, зайдя въ учительскую, застаеъ тамъ ксендза. Въ это время ксендзъ нашъ былъ пожилой, не академикъ. В. П. его спрашиваетъ: «А у васъ ученицы читаютъ «Спаси, Господи, люди Твоя?» — «Я долженъ исполнять только предписанія своего епископа, Ваше Пр—о!»—отвѣчалъ тотъ. На другой же день онъ былъ смѣщенъ. Въ табельные дни В. П. объѣзжалъ кафедральный костелъ, лютеранскую кирку, синагогу—самъ удостовѣрился въ томъ, что вездѣ происходятъ молебствія. Одна была слабость у В. П.:—онъ полагалъ, что интеллигентный еврей—не еврей. Великая ошибка! Это худшій изъ евреевъ. И. С. К. искалъ случая, чтобы подставить ногу В. П. Случилось, что В. П. нашелъ нужнымъ закрыть въ губерніи какой-то костелъ. И за это ему данъ былъ совѣтъ подать въ отставку.

Сердечные проводы устраивалъ городъ и всѣ вѣдомства отъѣзжавшему губернатору, котораго всѣ любили. Много рѣчей было сказано за обѣдами. Пришелъ В. П. проститься съ гимназіей, прощаніе было сердечное: отъ лица всѣхъ ученицъ сказала прощальное слово любимому попечителю ученица С. Прощальный завтракъ былъ данъ въ гимназіи служебнымъ персоналомъ; и тутъ говорились рѣчи, я сказала послѣ всѣхъ: «Ко всему сказанному прибавлю только: мы знаемъ, что мы теряемъ, но не знаемъ, что приобретаемъ».

Болѣе сердечнаго и доступнаго для всѣхъ попечителя едва ли когда дождутся.

Весь городъ, и служащіе, и неслужащіе, и военные, и гражданскіе, и духовные, и евреи, всѣ собрались проводить В. П. Въ числѣ провожавшихъ были и гимназистки и дѣти изъ пріюта и братской школы, о которыхъ В. П. также сердечно заботился. Проводилъ отъѣзжавшаго своимъ архипастырскимъ благословеніемъ и владыка А.

Вскорѣ прибылъ новый губернаторъ, бывший С—скій Вице-Губернаторъ, Е. А. К. Сыгъ городничего одного изъ городовъ N—ской губерніи, онъ былъ женатъ на Е. М. Ф., принесшей ему въ приданное большой капиталъ и хорошее имѣніе въ одной изъ черноземныхъ губерній. Богатая жена и родство съ И. Н. Д., женатымъ на его сестрѣ, помогли сдѣлать карьеру красавому, но недѣловому чиновнику. Еще сравнительно молодой, по крайней мѣрѣ молодежавый, Е. А. былъ въ совершенно другомъ родѣ, чѣмъ В. П. М. Насколько послѣдній былъ доступенъ для всѣхъ и простъ въ обращеніи, настолько новый губернаторъ держалъ себя высокомерно съ чиновниками. Самъ происхожденія незнатнаго, онъ, однако, не особенно цѣнилъ чиновника-работника, вышедшаго изъ народа. Въ чиновникѣ онъ цѣнилъ свѣтскій лоскъ. Жена его, нѣсколько старше его, была серьезна и проста въ обращеніи. Дѣтей у нихъ не было, а былъ воспитанникъ (сынъ умершаго друга его, — такъ говорилъ онъ), котораго они боготворили и впоследствии усыновили. Мальчикъ былъ болѣзненный, и они дрожали надъ нимъ. Вмѣстѣ съ новымъ губернаторомъ явился въ К. и новый Вице-Губернаторъ, Н. М. К. Онъ былъ разведенный, и, какъ говорили, собирався жениться также на разведенкѣ, дочери Ген. Л., бывшей замужемъ за богатымъ польскимъ помѣщикомъ Б., промотавшимъ и свое, и женино состояніе и сосланнымъ въ Сибирь за подлоги. Н. М. К. юристъ, товарищъ прокурора, потомъ полицмейстеръ и теперь Вице-Губернаторъ, производилъ впечатлѣніе дѣльнаго чиновника — карьериста. Былъ также недуренъ собою. Такимъ онъ и оказался. Онъ умѣлъ работать съ утра до поздней ночи. Про него скоро заговорили, что онъ управляетъ губерніей. Е. А. очень милый человекъ въ обществѣ, заниматься дѣлами не любилъ и подписывалъ бумаги не читая. Какъ образецъ отношенія его къ дѣлу рассказывали такой случай: въ одной комисіи подъ председательствомъ Вице-Губернатора долго обсуждался одинъ вопросъ, и Вице-Губернаторъ, не рѣшаясь взять на себя рѣшеніе вопроса, послалъ дѣлопроизводителя доложить дѣло Губернатору и спросить его мнѣніе. Является чиновникъ къ Губернатору. — «Что вамъ?» — спрашиваетъ Его Пр—ство. Тотъ докладываетъ. — «Въ чемъ дѣло?» — Чиновникъ начинаетъ излагать дѣло. Вдругъ Его Пр—ство вскакиваетъ и, удаляясь отъ докладчика, говоритъ: «Да что вы ко мнѣ пристааете?» — «Такъ прикажете доложить Его Пр—ству, что Ваше Пр—ство согласны съ мнѣніемъ Его Пр—ства?» — «Согласенъ, согласенъ!» — проговорилъ губернаторъ, быстро скрываясь за дверь. Это не анекдотъ. Я слыша-

ла этотъ рассказъ отъ самаго чиновника, заслуживающаго довѣрія. Когда Е. А. объѣзжалъ губернію, то подъ его экипажъ доставлялись лучшія тройки отъ помѣщиковъ польскихъ. Несчастные исправники и становые скакали сломя голову и не одну тройку забѣдили они при немъ. Е. А. любилъ дѣлать 30 верстъ въ часъ. Конечно, при этомъ губернія, которую онъ объѣзжалъ, только мелькала передъ его глазами. При ревизіи дѣлъ у становыхъ старшій чиновникъ особыхъ порученій, производившій ревизію, долженъ былъ докладывать Его Пр—ству только о числѣ дѣлъ нерѣшенныхъ. Въ этомъ рѣзко отличался Е. А. отъ своего предшественника. В. П. М. на ревизіи, при докладѣ ревизовавшаго чиновника, говорилъ: «Да что вы мнѣ говорите о числѣ нерѣшенныхъ дѣлъ? Вы скажите, сколько дѣлъ рѣшено, и какія! Дѣло дѣлу розъ: иное дѣло стоитъ 20-ти дѣлъ». И когда оказывалось, что сотни дѣлъ рѣшены, и самыя серьезныя дѣла рѣшены, остались нерѣшенными пустышныя дѣла, тогда онъ замѣчалъ: «Ну вотъ, теперь я вижу, что здѣсь сдѣлано, вижу, что здѣсь работы было много, — а что я увижу изъ числа нерѣшенныхъ дѣлъ?» — Е. А. К. думалъ иначе. Правителемъ канцеляріи у него былъ Вл.—о, пріятель и ставленникъ вице-губ. К.: молва шла, что на всѣ мѣста назначена была такса. Нѣкоторыя услуги оплачивались индѣйками и гусями изъ имѣнія. Зналъ-ли объ этомъ его начальникъ — неизвѣстно.

Православію Е. А. намѣренъ былъ покровительствовать, и къ православному духовенству относился внимательно, въ церкви держался прилично.

Первое посѣщеніе свое гимназіи новый попечитель ознаменовалъ тѣмъ, что отпустилъ ученицъ на три дня. Новый попечитель — новыя требованія. Онъ сталъ обращать вниманіе на манеры ученицъ. Пришлось серьезно заняться этимъ. Въ переѣзду, гуляя между ученицами, приходилось на каждомъ шагѣ дѣлать замѣчанія: не такъ сидите, не такъ ходите, не такъ стоите, и т. п. Обращено было вниманіе и на вѣжливость учителей съ ученицами. Былъ у насъ преподаватель математики Б., онъ былъ невоспитанный человекъ, очень рѣзко обращался съ ученицами. Онъ говорилъ, что не видитъ надобности различно относиться къ гимназисткамъ и гимназистамъ. Не разъ доходили до меня жалобы родителей на его грубость, о чемъ я доводила до свѣдѣнія начальника, но тотъ молчалъ. Да и мудро было С. учить вѣжливости другихъ; кромѣ того онъ боялся, какъ видно, учителей, никогда не дѣлалъ имъ замѣчаній. Однажды, сидя въ V классѣ на урокѣ у Б., предъ которымъ у доски стояла

ученица, рѣшая задачу, слышу возгласъ учителя:—Т—ко!—Встаетъ Т—ко, громаднаго роста, и отвѣчаетъ на заданный вопросъ. Черезъ нѣсколько секундъ слышу опять:—Т—ко!—опять встаетъ Т—ко и отвѣчаетъ. И это повторилось разъ пять за урокъ. Передернуло меня всю отъ этого грубаго обращенія съ ученицами. Въ тотъ же день я передала это начальнику, но онъ только усмѣхнулся—грубости-ли учителя или тому, что я требую отъ учителей вѣжливости—не знаю. Вскорѣ послѣ того случилось мнѣ быть у губернатора; въ разговорѣ съ нимъ я передала ему о грубости Б., объяснивъ при этомъ, что я доводила это до свѣдѣнія начальника и не одинъ разъ. Е. А. вспыхнулъ:—«Это ни на что не похоже!» воскликнулъ онъ, — «я считаю, что тѣмъ, что я благовоспитанъ, я обязанъ моимъ воспитателямъ и учителямъ!» Сказавъ это, онъ схватилъ звонокъ и позвонилъ. Вошелъ лакей:—«Сейчасъ просить ко мнѣ правителя канцеляріи!»—Когда тотъ явился, Е. А. продиктовалъ ему письмо начальнику гимназіи, предписывая ему объявить учителямъ, чтобы они съ IV класса говорили ученицамъ: m-lle или г-жа. Нежелательнымъ же подчиниться этому требованію предложить оставить гимназію. На слѣдующій день является на уроки Б. и въ каждомъ классѣ передъ урокомъ объявляетъ: «Намъ приказано обращаться къ вамъ со словомъ m-lle или г-жа: ну-съ г-жа такая-то!»—Къ слѣдующему учебному году онъ оставилъ гимназію. Мы не плакали о немъ.—Уроки его перешли къ учителямъ-педагогичкѣ, и дѣло пошло прекрасно.

Между тѣмъ правы ученицъ мало по малу смягчались,—уже по гимназіи не раздавались крики удивившихъ шумъ классныхъ надзирательницъ. Но отъ времени до времени грубыя еврейки проявляли свой нравъ и отсутствіе воспитанія. Такъ, однажды, при раздачѣ четвертныхъ аттестаций, одна изъ ученицъ III класса, еврейка, получивъ изъ рукъ моихъ аттестацию, при чемъ я обратила ея вниманіе на сбавленный у нея баллъ за поведеніе, рекомендуя ей вести себя лучше, она тутъ же скомкала листъ и швырнула на полъ. Проходившій мимо отворенной двери класса начальникъ, увидя это, зашелъ въ классъ и приказалъ ей немедленно оставить гимназію. Другая еврейка, ученица V класса, грубо отвѣчала мнѣ. Я настояла на томъ, чтобы ей поставлена была 7-ка за поведеніе. Но при этомъ случилось вотъ что: когда на конференціи я настаивала на этомъ, учитель рисованія сталъ жаловаться на дерзость одной ученицы русской и начальникъ постановилъ и этой ученицѣ поставить 7-ку, за поведеніе. Какъ ни протестовали всѣ противъ этого, такъ какъ

разница между этими двумя ученицами была громадная,—одна—грубая, другая—съ душкомъ, но милая дѣвочка и изъ хорошей семьи, ничего не помогло: начальникъ сдѣлалъ по своему. Я только отстояла право исправить 7-ку на одиннадцать, если никакихъ новыхъ жалобъ не будетъ. Бѣдная дѣвочка М. съ рыданіемъ прибѣжала ко мнѣ и бросилась мнѣ на шею, умоляя защитить ее. Что мнѣ было дѣлать? Я могла только вмѣстѣ съ нею поплакать и утѣшить ее тѣмъ, что 7-ка будетъ впоследствии исправлена.

Бѣда была у меня съ начальникомъ по поводу отпускаемой свободныхъ ученицъ въ послѣдніе часы. Я находила, что имъ не зачѣмъ сидѣть въ гимназіи, когда у нихъ нѣтъ урока, и всегда отпускала ихъ. Встрѣтитъ уходящихъ ученицъ начальникъ и возвращаетъ ихъ. А у каждой есть дома дѣло, у кого по хозяйству,—многія, вѣдь, сами готовили обѣдъ,—у кого урокъ музыки или французскаго языка. Не разъ говорила я съ нимъ объ этомъ,—сегодня онъ согласенъ, на завтра опять тоже. Махнула я, наконецъ, на это рукой. Но вотъ, приходитъ однажды въ послѣдніе часы Е. А., заходитъ въ классъ, гдѣ сидѣли свободныя ученицы, и, обращаясь ко мнѣ, говоритъ:—«Е. И.! отпускайте свободныхъ всегда домой!»—«Слушаюсь»,—отвѣчала я.—«Я всегда отпускаю ихъ, Ваше Прев-о!»—послѣднимъ заявилъ начальникъ. Слышали это и ученицы. По уходѣ Е. А. я говорю класснымъ надзирательницамъ:—«Вы слышали, m-es, приказаніе попечителя? Мы обязаны исполнять его. Съ слѣдующаго же дня началось старое: я отпускаю ученицъ, начальникъ ихъ возвращаетъ. Тоже было по поводу несвоевременнаго прихода ученицъ на экзамены: я требовала, чтобы весь классъ былъ налицо къ началу экзамена, онъ допускалъ опаздываніе. Однажды я при немъ сдѣлала замѣчаніе опоздавшимъ; начальникъ вскакиваетъ и объявляетъ ученицамъ, что онѣ могутъ приходить неодновременно. На слѣдующій же день пришлось намъ, отэкзаменовавъ половину класса, прождать цѣлый часъ, пока собрались остальные.

Конференціи продолжали сохранять прежній характеръ единоличнаго рѣшенія; по прежнему не было засѣданій хозяйственнаго комитета. Однажды, возвратившись съ каникулярнаго отпуска, я отказалась подписать протоколъ, относившійся ко времени моего отсутствія: съ тѣхъ поръ перестали совсѣмъ приносить мнѣ для подписи протоколы. Такъ и было все время при С. Когда я говорила объ этомъ съ Попечителемъ, онъ замѣтилъ:—«Вотъ

вы недовольны, что васъ не собираютъ, а другіе, можетъ быть, очень довольны». — Что отвѣчать на такое замѣчаніе?

При представленіи къ денежнымъ наградамъ классныхъ надзирательницъ, въ первый годъ, когда я поступила въ гимназію, начальникъ спросилъ меня: — «Вы ничего не имѣете противъ того, чтобы я представилъ къ наградамъ Е. П.?» (имя любимицы). — «Я не могу еще имѣть никакого мнѣнія по этому вопросу, такъ какъ я никого изъ нихъ еще не знаю», — отвѣчала я. Но въ слѣдующіе годы, когда я могла уже имѣть мнѣніе, меня уже не спрашивали, и Е. П. ежегодно представлялась къ наградамъ. Когда по этому поводу спросила Управляющаго дѣлами канцеляріи, Г. А. Т., какой порядокъ долженъ существовать при представленіи къ наградамъ, объяснивъ ему, что мое мнѣніе не спрашивается, то Г. А. съ досадой сказалъ: — «Сколько разъ имъ объясняли, что это должно дѣлаться съ общаго согласія Попечителя, начальника и Главной Надзирательницы!» — Этотъ разговоръ остался, конечно, при мнѣ, и порядокъ представленія къ наградамъ не измѣнялся: любимица продолжала получать ежегодно награды. *Надо правду сказать, что нигдѣ несправедливость въ этомъ отношеніи не практикуется такъ, какъ въ женскихъ гимназіяхъ: одни могутъ ничего не дѣлать, все равно получаютъ награду, — такъ жалостное отношеніе въ службѣ Е. не лишало ея награды, — другія, какъ бы ни трудились, все равно награды не получаютъ.*

Когда я собиралась въ этотъ разъ на Рождество въ Петербургъ, Е. А. меня спросилъ: — «Вы, конечно, будете у И. Н.?» — «Конечно», — отвѣчала я. Въ кабинетъ у Главноуправляющаго, не зная, что сказать, я сказала: — «Насъ очень смущаетъ вашъ циркуляръ, объявляющій, что отнынѣ провинціальныя гимназіи не будутъ получать субсидій». — «Что же васъ смущаетъ?» — спросилъ И. Н. — «Да то, что мы собственно субсидіи отъ вѣдомства не получаемъ». — И. Н. обратился къ присутствовавшему при этомъ товарищу своему, И. А. З., указавъ ему на лежащую на столѣ справочную книгу. Товарищъ раскрылъ книгу и прочелъ: «К—ской гимназіи 3750 р.» — И. Н. вопросительно взглянулъ на меня. — «Это субсидія не вѣдомства, а изъ контрибуціонныхъ суммъ С. З. края, исходатайствованная намъ бывшимъ Генералъ-Губернаторомъ и нашимъ попечителемъ гр. Б.» — «Такъ если эта субсидія не изъ суммъ вѣдомства, то циркуляръ не касается ея», — продолжалъ И. Н., — «а чтобы васъ этотъ вопросъ не смущалъ, пусть попечитель вашъ обратится ко мнѣ за разъясненіемъ, и мы васъ успокоимъ. Передайте это Е. А.!» — Я не-

медля сообщила объ этомъ Е. А. и по возвращеніи въ Б. тотчасъ же явилась къ нему. — «Я получилъ ваше письмо», — сказалъ мнѣ Е. А., — «но я самъ нахожу, что не за чѣмъ поддерживать женскія гимназіи субсидіями». — «Можетъ быть, въ принципѣ вы правы», — возразила я, — «но въ дѣлѣ нашемъ край необходимо поддерживать русскія учебныя заведенія». — «По моему», — продолжалъ Е. А., — «нужно предоставлять дѣла естественному теченію». — На этомъ кончился нашъ разговоръ, и, т. о., наша субсидія не изъ суммъ вѣдомства была похерена, благодаря своеобразному взгляду на вещи попечителя гимназіи.

Въ это время не было въ живыхъ и И. Т. О., представителя интересовъ жен. гимназій вѣдомства въ опекуновскомъ Совѣтѣ. Потеря невознаградимая!

Наступилъ 1888 годъ; въ гимназіи произошли новыя перемѣны: одна изъ классныхъ надзирательницъ, самая молодая, не болѣе года прослужившая, вышла замужъ, на ея мѣсто поступила молодая вдова судебного чиновника, получившая образованіе въ В—скомъ Маріинскомъ высшемъ женскомъ училищѣ. Она была умная, развитая, честныхъ правилъ и очень симпатичная, но воспитывалась внѣ дисциплины. Приходилось много поработать и ей самой надъ собою и мнѣ надъ нею. Но мало по малу она втянулась въ дѣло и научилась дисциплинѣ. Часто говорила она: «теперь выплачиваютъ мнѣ то, что я продѣлывала съ классными дамами: я была несноснѣйшая дѣвчонка, а теперь и я мучусь съ такими-же». Отношенія классныхъ надзирательницъ между собою стали улучшаться, постепенно водворялся миръ между ними, наущиваніе у меня не существовало, только пристрастія начальника вызывали недружелюбныя чувства. Начальникъ любилъ наущиванье, всѣ сторожа были у него шпіонами.

Моя служба была таже, что и въ Т.: съ 8½ ч. утра до 2½ ч. дня, а иногда и до 3½ ч., если урокъ пѣнія былъ 6-тые часы — въ гимназіи, на службѣ. Каждый часъ я была гдѣ-нибудь на урокъ, въ перемѣны гуляла между ученицами, обращая вниманіе на манеры ихъ и на туалетъ. Къ себѣ я заходила только позавтракать. Отношенія мои къ сослуживцамъ были ровныя. Я всѣми силами старалась поднять авторитетъ классныхъ надзирательницъ въ глазахъ ученицъ, авторитетъ, постоянно подрываемый начальникомъ. Нельзя сказать, чтобы и Е. А. К. смотрѣлъ на классныхъ надзирательницъ, какъ подобаетъ смотрѣть на воспитательницъ. Однажды я обратилась къ нему съ намѣреніемъ предупредить его, что особа, обратившаяся къ нему

съ хохотомъ предоставить ей уроки пѣнія въ гимназiи, пользуется дурной репутацiей,—на что онъ мнѣ замѣтилъ:—«А вы думаете, что ваши *сторожихи* лучше ея?»—Я въ первую минуту не поняла, какое отношенiе имѣеть нашъ разговоръ къ сторожикамъ, но потомъ поняла, что подъ этимъ именемъ Попечитель нашъ разумѣеть классныхъ надзирательницъ. Краска стыда, стыда за Попечителя, покрыла мои щеки, и глубокое негодование заговорило во мнѣ. Какое право имѣеть онъ выражаться такъ, бросать грязью въ женщинъ, которыя, хотя и съ недостатками человѣческими, но поведенiя безупречнаго! По крайней мѣрѣ, я никогда ничего дурного ни о комъ изъ нихъ не слышала.

Начальникъ мало обращалъ вниманiя на неаккуратность учителей: они долго просиживали въ канцелярiи, болтая съ начальникомъ. Не разъ говорила я съ нимъ о неудобствѣ опаздыванiя учителей, но результата отъ этихъ разговоровъ моихъ не было. Самъ начальникъ рѣдко присутствовалъ на урокахъ, а больше ходилъ по лѣстницамъ и корридорамъ или сидѣлъ въ канцелярiи и болталъ съ кѣмъ-нибудь. У попечителя онъ бывалъ съ докладомъ одинъ разъ въ недѣлю въ извѣстный день. Отношенiя наши были ни хороши, ни дурны: не чувствовала я къ нему ни симпатiи, ни уваженiя; авторитета онъ не имѣлъ ни въ чьихъ глазахъ, это онъ чувствовалъ и думалъ, что авторитетъ его подрывается моимъ авторитетомъ: ему хотѣлось, чтобы я обратилась въ нуль, но для этого нужно было ничего не дѣлать, а дѣлая дѣло невозможно быть нулемъ. И странное дѣло: вѣчно начальники или директора женскихъ гимназiй боятся авторитета начальницъ. Какъ будто не можетъ уживаться рядомъ авторитетъ обоихъ! если же онъ не уживается, то вина не въ начальницѣ. Почему я не боюсь авторитета классныхъ надзирательницъ въ своемъ классѣ, а напротивъ, дорожу имъ? Классная надзирательница съ авторитетомъ нравственнымъ есть великая нравственная сила, съ помощью которой можно чудеса дѣлать, и начальница одна безъ содѣйствiя этой силы не можетъ достигнуть цѣли, какъ бы она совершенна ни была. Тоже самое и начальникъ гимназiи не можетъ ничего сдѣлать безъ содѣйствiя начальницы. И этого ни какъ не могутъ уразумѣть эти господа и вѣчно борются съ авторитетомъ женскимъ. Однажды, это было въ концѣ марта 1888 года, придти ко мнѣ одна изъ старшихъ классныхъ надзирательницъ съ жалобой на ученицу П., которая позволила себѣ относительно нея большую дерзость. Ученица эта не отличалась умомъ, взаимнѣ

этого была очень строптива, не оставляя ни одного замѣчанiя безъ возраженiя. На этотъ разъ выходка ея была чересчуръ дерзкая и притомъ на глазахъ у всѣхъ. Я тотчасъ же отправилась вмѣстѣ съ классной дамой въ тотъ классъ, гдѣ находилась П. Обратившись къ ней, я сдѣлала ей выговоръ за ея дерзость и потребовала, чтобы она немедленно попросила прощенiя у классной надзирательницы. Не отвергая обвиненiя, П., тѣмъ не менѣе, упорно отказывалась просить прощенiя. Тогда я ей объявила:—«Уходите домой и на досугѣ обдумайте свой поступокъ. Въ гимназiю же не являйтесь безъ того, чтобы не попросить прощенiя у оскорбленной вами классной надзирательницы».—Она вышла, а я отправилась въ канцелярiю къ начальнику сообщить о случившемся.—«Ахъ, зачѣмъ вы?»... проговорилъ онъ, видимо боясь криковъ *м-ше* П. Но я была къ нимъ равнодушна. Часъ спустя, стоя внизу въ корридорѣ вмѣстѣ съ двумя классными надзирательницами, я говорила съ ними о П. Выходить изъ канцелярiи начальникъ, подходитъ къ намъ, слушаетъ нашъ разговоръ, снова переспрашиваетъ подробности дѣла и, наконецъ, обращаясь ко мнѣ, говоритъ:—«Да такъ-ли оно было, какъ вы говорите?»—«Этого еще не доставало!»—говорю я и, поворачиваясь, чтобы уйти, прибавляю: «я тотчасъ напишу попечителю».—«Зачѣмъ же вамъ обращаться къ попечителю?»—заговорилъ мнѣ въ слѣдъ начальникъ, но я уже не слушала его и направилась къ себѣ. На ходу я рѣшила самой идти къ попечителю немедленно. И вотъ, вхожу и говорю: «На этотъ разъ я пришла къ Вамъ, Е. А., съ формальной жалобой на начальника»,—и рассказала ему все подробно.—«Я требую, чтобы онъ извинился предо мной при свидѣтеляхъ».—Попечителю видимо было непрiятно, и онъ обѣщалъ уладить дѣло. На слѣдующiй день получаю отъ начальника бумагу, въ которой онъ проситъ меня подробно объяснить, въ чемъ заключается его оскорбленiе. Таковую же бумагу получили и свидѣтельницы этого оскорбленiя. Всѣ подтвердили слова его. Меня крайне удивило то, что разслѣдованiе производитъ то лицо, на которое принесена жалоба. Пропустивъ день, я отправилась къ попечителю.—«Ну что,—спрашиваетъ Е. А.,—какъ ваше дѣло?»—«Да очень скверно,—отвѣчаю,—начальникъ не извиняется».—«Какъ хотите вы, чтобы я заставилъ его извиниться, когда онъ увѣряетъ, что онъ не думалъ васъ оскорблять, а хотѣлъ этимъ сказать:—можетъ-ли быть, чтобы васъ, которую такъ любятъ и уважаютъ ученицы, которая-нибудь изъ нихъ не послушалась?»—«Допустимъ,—отвѣчала я,—что я этому повѣрю, но нужно, чтобы

это слышали и тѣ, при которыхъ были сказаны тѣ слова — При этомъ я высказала Е. А. удивленіе, что разслѣдованіе производило то лицо, на которое принесена жалоба. На это попечитель отвѣчалъ: — «Это я ему поручилъ». — Что было возражать на это? но про себя я рѣшила: гдѣ нѣтъ суда, есть самосудъ. Изъ христіанскаго чувства я могла бы простить оскорбленіе ближнему, но начальникъ, какъ начальникъ, не есть ближній, тутъ счеты другіе. Къ тому же это произошло при свидѣтеляхъ, моихъ подчиненныхъ. Здѣсь дѣло идетъ объ авторитетѣ, подрываемомъ въ глазахъ подчиненныхъ: этого допустить немислимо. И я твердо рѣшила выиграть случая для отплаты при свидѣтеляхъ же. Нѣсколько дней спустя ученица П. явилась просить прощенія, и ей дозволено было возвратиться въ гимназію.

Между тѣмъ, стало официально извѣстно о прибытіи въ К. въ предстоящемъ іюнѣ Ихъ Высочествъ В. К. В. А. и В. К. М. П. Намъ было сообщено, что въ маршрутъ Ихъ Высочествъ входитъ и наша гимназія. Начались приготовленія. Рѣшено было отложить актъ къ пріѣзду Ихъ Высочествъ. Начальникъ созвалъ конференцію для выработки проекта торжества. Открывъ конференцію, С. сталъ плакаться на то, что мы нищія (это ихъ общій обычный припѣвъ), что намъ не угнаться за мужской гимназіей, которая располагаетъ большими средствами.. гдѣ намъ?... и пр. и пр. — «Возьмемъ внѣшностью самого зданія», — отвѣчала я. «Въ этомъ не сравнятся съ нами мужской гимназіи!» — И въ самомъ дѣлѣ, я была увѣрена, что мы представимся хорошо, что нечего плакаться. Рѣшено было: enfee, всю лѣстницу и корридоры убрать гирляндами изъ зелени. Попечитель командировалъ въ наше распоряженіе губернскаго архитектора А. Ему въ помощь отдали себя нѣкоторые изъ гимназическихъ дамъ, другія съ десигномъ искусствѣйшихъ ученицъ и сторожками нѣсколько дней съ утра до вечера плели гирлянды. Всѣ вѣшалки были вынесены изъ раздѣвалень и перенесены въ нижній залъ, на право отъ прихожей, — раздѣвальня на лѣво была убрана роскошными растеніями. Когда все было декорировано, можно было окинуть все съ спокойнымъ сердцемъ: все было эффектно и со вкусомъ. Гимназія отличается своей, хотя и деревянной, лѣстницей и свѣтлыми корридорами. Масса свѣта и воздуха окружаетъ васъ, и этотъ просторъ представляетъ много удобствъ для декорацій. Начались репетиціи акта. Нужно было подготовить наградныхъ, упражненія въ реверансахъ происходили ежедневно; гимнъ акомпанировался военнымъ оркестромъ, необходимо было сдѣлать нѣсколько репетицій; на послѣднія являлся самъ попечитель, самъ

расставлялъ ученицъ колоннами, *поротно*, какъ онъ говорилъ. Все это продѣлывалось нѣсколько дней. Наконецъ, насталъ день 16-го іюня, въ который ожидался пріѣздъ Ихъ Высочествъ. Дѣлая распредѣленіе мѣстамъ для почетнѣйшихъ лицъ въ первомъ ряду креселъ, попечитель, незнакомый съ такого рода торжественными приѣмами, предназначилъ мнѣ кресло черезъ три кресла отъ кресла Великой Княгини. Съ дѣтства освоившись съ приѣмомъ особъ Императорской фамиліи въ Смольномъ, я находила, что мѣсто мое рядомъ съ Ея Высочествомъ, но Попечитель, убѣжденный въ томъ, что онъ лучше знаетъ, не совѣтовался ни съ кѣмъ. Я, конечно, молчала. И такъ, настало 16-е іюня. Ихъ Высочества ожидалась въ гимназію около 11 часовъ. Залъ актовъ, удлиненный съ обѣихъ сторонъ, чрезъ посредство подвижныхъ стѣнъ, двумя большими классными комнатами, декорированъ былъ гирляндами и флагами, царскіе портреты убраны зеленью и цвѣтами, въ глубинѣ сосѣдней съ заломъ комнаты стояли колоннами ученицы при своихъ классныхъ надзирательницахъ; впереди, на лѣво, въ самомъ залѣ, стояли пѣвчія, на право — группа наградныхъ. Отъ этой группы, вдоль оконъ, на нѣкоторомъ разстояніи отъ нихъ, на одинъ шагъ отъ перваго ряда креселъ, стоялъ длинный столъ, покрытый краснымъ сукномъ, на которомъ разложены были награды, рисунки и работы. Первый рядъ креселъ начинался у входа въ залъ на право. Оркестръ стоялъ въ корридорѣ за драпировкой, заставленной растеніями. Къ 10½ часамъ всѣ приглашенные были уже на мѣстахъ, собралось блестящее общество и заняло всѣ мѣста, кромѣ перваго ряда. Внизу, въ раздѣвальной, убранной растеніями, я ожидала высокихъ гостей, при мнѣ находились двѣ ученицы изъ маленькихъ, изъ нихъ одна съ букетомъ въ рукахъ. Начальникъ ожидалъ на крыльцѣ съ почетнымъ рапортомъ. Ровно въ 11 часовъ прибыли высокіе гости, въ сопровожденіи блестящей свиты. Глубокимъ реверансомъ привѣтствовала я высокихъ гостей. Ея Высочество изволила милостиво принять букетъ изъ рукъ дѣтей, — Его Высочество, замѣтивъ на мнѣ институтскій шифръ, обратился ко мнѣ съ вопросомъ, изъ какого я института, и затѣмъ шествіе двинулось къ лѣстницѣ. Въ первой парѣ шла Ея Высочество со мною, Великій Князь шелъ во второй парѣ съ Генералъ Губернаторомъ, далѣе попечитель гимназіи съ гофмейстериною Великой Княгини. Такъ какъ Его Высочество продолжалъ разговоръ со мной, то образовался полукругъ изъ трехъ: Великой Княгини, Великаго Князя и меня. Я шла въ полуоборотъ къ Его Высочеству. Такъ поднялись мы

въ верхній этажъ; вдругъ вижу я, попечитель дѣлаетъ мнѣ знаки, какъ бы желая задержать меня, и самъ, обойдя вторую пару, становится на мое мѣсто, чтобы идти рядомъ съ Великой Княгиней. Оставалось шаговъ 30 до входа въ залъ. Несмотря на этотъ странный маневръ попечителя, Ихъ Высочества продолжали разговаривать со мною. При входѣ въ залъ, высокихъ гостей встрѣтили пѣніемъ «Коль славенъ», которое прослушали стоя. Попечитель всталъ въ это время рядомъ съ Ея Высочествомъ. Кончилось пѣніе, Великая княгиня снова обратилась ко мнѣ чрезъ раздѣлявшаго насъ попечителя, которому поневолѣ пришлось отступить шагъ назадъ. Ея Высочество пригласила меня сѣсть рядомъ съ нею. Началась раздача наградъ: Великой Княгинѣ подавала награды я, Великому Князю—попечитель. Сердце билось у меня какъ на экзаменѣ, въ ожиданіи выхода каждой изъ награжденных. Шутка ли непривыкшимъ къ подобнымъ торжествамъ, въ присутствіи такихъ высокихъ гостей, дѣтямъ выступать впередъ мѣрнымъ шагомъ, во-время останавливаться, дѣлая глубокіе реверансы, и это подъ огнемъ сотенъ любопытныхъ, нерѣдко готовыхъ критиковать, глазъ. Наконецъ, послѣднія подходятъ... слава Богу, все прошло прекрасно, ни одного неловкаго движенія. Грянулъ гимнъ, всѣ встали, оборотясь лицомъ къ портретамъ Ихъ Величествъ, висящимъ на лѣво отъ рядовъ креселъ, между окнами. Пропѣли хорошо. Ну, слава Богу, все кончено!

Рядомъ съ Великой Княгиней очутился опять попечитель, Великій Князь пошелъ со мною, всѣ направились къ рисункамъ и работамъ ученицъ,—но прежде чѣмъ двинуться, одна ученица изъ выпускныхъ поднесла Ея Высочеству изящную работу—кружевной антимакасаръ на диванъ, вышитый сипелью, другая—Его Высочеству подушку, вышитую шелками по атласу. Работы эти исполнялись ученицами подъ моимъ наблюденіемъ, чтобы не говорили, что работы куплены готовыми. Милостиво приняли Ихъ Высочества работы дѣтей. Затѣмъ настала очередь моя. Съ разрѣшенія г. Главноуправляющаго мною поднесены Ихъ Высочествамъ два экземпляра составленнаго мною ко дню приближавшагося 900-лѣтія крещенія Руси очерка «Владиміръ святой». Милостиво принявъ и это скромное приношеніе, Ихъ Высочества направились къ рисункамъ и работамъ ученицъ, Ея Высочество—руководимая попечителемъ, Его Высочество—мною, по лѣвую руку Великаго Князя пошелъ начальникъ. Его Высочество обратился ко мнѣ съ вопросомъ: «опредѣляютъ-ли мѣстные дворяне своихъ дѣтей въ гимназію?» Не успѣла я раскрыть ротъ, какъ съ другой стороны начальникъ, перебивая меня, отвѣтилъ.

Не слушая его, Великій Князь обратился ко мнѣ съ новымъ вопросомъ, начальникъ снова перебилъ меня. И такъ все время обхода работъ.

По лѣвую сторону зала выстроены были служащіе въ гимназіи, которые и были тутъ же представлены попечителемъ Ихъ Высочествамъ.

Наконецъ, шествіе направилось къ дверямъ, Великая Княгиня шла съ попечителемъ, Великій Князь—со мною; но едва дошли мы до поворота на лѣстницу, какъ Ея Высочество круто повернулась ко мнѣ и этимъ движеніемъ заставила попечителя отступить назадъ, уступая мѣсто мнѣ. Великій Князь пошелъ рядомъ.

Тутъ Ихъ Высочества, съ улыбкой, въ одинъ голосъ сказали мнѣ слѣдующія высокознаменательныя слова: «Ваша гимназія производитъ впечатлѣніе петербургскаго института». Глубоко тронутая этими милостивыми и лестными словами, я сдѣлала Ихъ Высочествамъ глубокой реверансъ, и мы стали спускаться съ лѣстницы.

Поблагодаривъ гимназію въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ, Ихъ Высочества, простившись съ нами на крыльцѣ, сѣли въ открытый экипажъ.

Изъ гимназіи Ихъ Высочества поѣхали въ братскую школу, попечителемъ которой былъ С. Увидѣвъ его, Великая Княгиня обратилась къ нему съ словами:—«Какъ хорошо у васъ въ гимназіи!»—«Хе, хе, Ваше Высочество, это Вамъ такъ показалось, она совсѣмъ не такъ хороша!»—отвѣчалъ на милостивыя слова Великой Княгини удивительный начальникъ гимназіи. Ея Высочество улыбнулась такому оригинальному отвѣту.

Между тѣмъ, въ гимназіи всѣ дамы въ восторгѣ обнимались и цѣловались; я объявила ученицамъ о милостивыхъ словахъ Ихъ Высочествъ, поздравила ихъ съ блестящимъ успѣхомъ и благодарила ихъ за стараніе; нечего говорить, что я сердечно благодарила всѣхъ своихъ сотрудницъ. Бывшій въ числѣ приглашенныхъ Попечитель Виленскаго Учебнаго Округа Т. С. С. поздравилъ меня съ успѣхомъ:—«Это, конечно, плоды рукъ вашихъ»,—сказалъ онъ, привѣтствуя меня. Попечитель нашъ былъ очень доволенъ успѣхомъ, превзошедшимъ всякія ожиданія. При встрѣчѣ со мной на улицѣ всѣ знакомые поздравляли меня съ блестящимъ успѣхомъ. Я была невыразимо счастлива.

Въ тотъ же день Великаго Князя угощало обѣдомъ К—ское дворянство въ имѣніи гр. Т. на Красной мызѣ. Но къ удивленію русскихъ, гр. отвелъ для этого торжества не залы своего

замка, а свои копияши. За обѣдомъ, говорили потомъ, кругомъ. Высокихъ гостей раздавалась польская рѣчь, что однако не прошло даромъ представителямъ дворянства: по возвращеніи Ихъ Высочествъ въ Петербургъ, по Высочайшему повелѣнію всѣ проводители поляки были замѣнены русскими. Ихъ Высочества также посѣтили князя В. въ имѣніи его въ Ю.

На обратномъ пути Ихъ Высочествъ въ К. все населеніе города высыпало на улицу и проводило высокихъ гостей на вокзалъ. Здѣсь собрались: весь генералитетъ, дворянство, духовенство, начальники отдѣльных частей и постороннія лица. Прощаясь со всѣми и благодари всѣхъ за блестящее состояніе всего видѣннаго, Великій Князь въ заключеніе сказалъ:— «А больше всѣхъ благодарю женскую гимназію».

Торжество наше было полное. Одинъ С. не принималъ участія въ нашей общей радости. Онъ казался даже недовольнымъ, и, когда при немъ повторили прощальныя слова Великаго Князя, онъ говорилъ:— «Великій Князь сказалъ это *изъ любезности*». —И долго еще послѣ того, при всякомъ воспоминаніи о посѣщеніи Ихъ Высочествъ, онъ саркастически отзывался о нашей радости.

Вскорѣ послѣ отбытія Ихъ Высочествъ я поѣхала въ Петербургъ. При свиданіи съ управляющимъ дѣлами Г. А. Т. я услышала отъ него, что донесеніе попечителя о посѣщеніи Ихъ Высочествъ К—ской женской гимназіи и о лестномъ отзывѣ Ихъ Высочествъ будетъ доложено Ихъ Величествамъ. Когда же Великій Князь, по возвращеніи въ Петербургъ, посѣтилъ Главноуправляющаго, И. Н. Д. дня два спустя удостоилъ меня своимъ визитомъ, а 22-го іюля я получила приглашеніе на праздники всѣхъ учебныхъ заведеній.

Ожидались награды... всѣ въ нихъ были увѣрены,—и мы получили... Классныя дамы по 50 р.,—я сто рублей!..... цифры небывалыя еще въ лѣтописяхъ гимназіи по своей микроскопичности. Гора родила мышь. И мы, сознаюсь въ этомъ откровенно, стыдились признаться въ этихъ наградахъ и умолчали о нихъ. Конечно, эту насмѣшку сыгралъ С., попечитель же подписалъ представленіе къ наградамъ, не читая. Я, впрочемъ, скорѣ забыла объ этой насмѣлкѣ, награжденная вполнѣ милостивыми словами Ихъ Высочествъ и полнымъ удовольствіемъ Главноуправляющаго. Не могъ переварить послѣднихъ С.

Начался новый 1888—89 учебный годъ. Уже съ самаго начала его начальникъ сталъ поговаривать о необходимости ввести дежурство двойное, т. о., чтобы ежедневно дежурили двѣ дамы. Осно-

вательныхъ доводовъ у него къ тому не было, я же находила, что классныя надзирательницы и безъ того достаточно устаютъ на дежурствѣ, чтобы возложить на нихъ еще болѣе частое дежурство. Къ тому же и положеніе дѣла вовсе не требовало усиленнаго дежурства: одной дежурной дамѣ, при моемъ общемъ надзорѣ, на семь классовъ было вполнѣ достаточно.

Въ одинъ изъ дней первой недѣли новаго учебнаго года, во время большой перемѣны начальникъ созвалъ классныхъ надзирательницъ на частную конференцію,—пришла и я, хотя безъ зова. Начальникъ объявилъ о своемъ желаніи, чтобы классныя надзирательницы дежурили по двѣ. Я стала возражать. На это онъ рѣзко мнѣ замѣтилъ:— «Я зналъ, что вы придете сюда съ намѣреніемъ говорить мнѣ непріятности!» — «Почему вы это знали? Такого желанія моего и *подслушать за дверью* никто не могъ, чтобы передать вамъ, т. к. я никому его не высказывала. Да и вообще,—продолжала я,—я бы васъ просила быть вѣжливыми со мною, да не только со мною, но и со всѣмъ женскимъ персоналомъ!» — «Я вѣжливъ!» — «Нѣтъ, невѣжливъ!» — и затѣмъ я стала пересчитывать всѣ виды его невѣжливости. Позеленѣвъ, начальникъ всталъ и поспѣшилъ уйти.

Самосудъ совершился, и это безъ всякой подготовки. Теперь счеты сведены, можно и забыть его оскорбленіе. При этомъ нельзя не вспомнить слова адмирала Нахимова, сказанныя имъ одному лейтенанту, котораго онъ оскорбилъ на службѣ и тотъ сдалъ ему сдачу. Нахимовъ замѣтилъ, что еслибы оскорбленный снесъ оскорбленіе, онъ, Нахимовъ, не захотѣлъ бы служить съ офицеромъ, не имѣющимъ самолюбія. А Нахимовъ, конечно, понималъ значеніе дисциплины, и притомъ военной.

Дѣла пошли обычнымъ порядкомъ. Одна изъ учительницъ вышла въ отставку; классная надзирательница вдова - трещотка собиралась выходить замужъ послѣ Рождества. Передъ праздниками зашелъ какъ-то въ гимназію попечитель и спросилъ меня:— «Не предвидится ли вакансія классной надзирательницы?» — «Предвидится» — отвѣчала я. — «Не общайте никому этой вакансии,—продолжалъ онъ,—главноуправляющій просить приберечь таковую для его протѣжѣ». — «Я не имѣю обыкновенія общать». — Къ новому году вакансія открывалась. Въ одинъ изъ праздничныхъ дней возвращалась я домой изъ церкви. Меня обогналъ губернатроръ въ открытомъ экипажѣ. Замѣтивъ меня, онъ приказалъ гучеру остановить лошадей, вышелъ изъ экипажа и пошелъ мнѣ на встрѣчу. — «Не сидите ли вы со мной въ экипажѣ? Я повезу васъ къ себѣ. Жена забѣжала къ вамъ два раза. Приѣхала гра-

финя А., родственница И. Н., которая поступает къ вамъ въ классныя надзирательницы.

«Графиня А., родственница Главноуправляющаго—это значить, что должность классной надзирательницы для нея только ступень» — подумала я про себя. Е. М. К., любезно встрѣтивъ меня, представила мнѣ молодую стройную брюнетку, съ большими черными выразительными глазами: — «Гр. А.—ваша будущая сослуживица». —

Графиня произвела на меня пріятное впечатлѣніе. Вслѣдъ за мною вошелъ Е. А. и тутъ же предложилъ мнѣ подписать приготовленную уже для подписи бумагу о согласіи моемъ на назначеніе гр. А. классной надзирательницей на открывающуюся вакансію.

По совершеніи этой формальности, графиня стала спрашивать меня о предстоящихъ ей обязанностяхъ. Объясняя ей, что въ какихъ случаяхъ она должна обращаться ко мнѣ, я заговорила о начальникѣ. — «Да развѣ кроме васъ есть еще кто-нибудь?» — «Есть С.» — перебила меня Е. М. смѣясь. — Поговоривъ еще нѣсколько, мы разстались.

Съ возобновленіемъ классныхъ занятій графиня вступила въ свою скромную должность. На всѣхъ сослуживцевъ она произвела хорошее впечатлѣніе. Надо отдать ей справедливость: она съ большимъ тактомъ заняла свое положеніе и съ такимъ же тактомъ установила свои отношенія къ сослуживцамъ.

Въ отношеніи къ ученицамъ она проявила замѣчательный педагогическій тактъ, и дѣти скоро полюбили ее. Классъ былъ распущенъ и она съумѣла его подтянуть. Къ начальнику она ни за чѣмъ не обращалась, а онъ, видимо, боялся ея, т. к. она поселилась у попечителя и была племянницей его и главноуправляющаго. С. не слыхать было и не видать, онъ совсѣмъ ступался, а когда появлялся, то былъ вѣжливъ со всѣми. Мнѣ онъ также не подавалъ никакого повода къ неудовольствію, всѣ чувствовали себя легко.

Такъ прошли январь и февраль. Наступило 1-е марта. Въ этотъ день хоронили всѣми уважаемую м-е. Ф., и я накануне предупредила начальника, что не буду въ церкви съ ученицами. 2-го марта въ гимназической церкви происходило торжественное богослуженіе, на которое собирався весь чиновный людъ. Церковь эта называлась гимназической, п. ч. туда ходили ученики и ученицы гимназій и находится она рядомъ съ мужской гимназіей. Замѣтивъ во время пѣнія херувимской въ первыхъ рядахъ нѣсколько ученицъ стоящими въ то время, когда

всѣ другія опустились на колѣна, я шепнула стоящей подлѣ классной надзирательницы: «Шепните имъ, чтобы онѣ опустились на колѣна». Она мнѣ отвѣчала шепотомъ-же: «это католички». — «А зачѣмъ онѣ тутъ?» — «Ихъ здѣсь нѣсколько».

Признаться, я ничего не понимала въ этомъ присутствіи католичекъ на православной обѣднѣ. У насъ въ обычаѣ гимназій было въ табельные дни приводить католичекъ въ нашу церковь только къ молебну. Обѣдню же онѣ слушали въ костелѣ. И вдругъ онѣ у насъ на обѣднѣ.

Вечеромъ того-же дня въ домѣ друзей моихъ, Л., я услышала отъ него самого такое замѣчаніе. — «Вотъ вы не знаете, что у васъ дѣлается: ученицъ католичекъ повели сегодня къ обѣднѣ въ гимназическую церковь, а онѣ разбѣжались». — «Что за вздоръ!» — воскликнула я. Но тутъ я вспомнила, что замѣтила въ церкви нѣсколько католичекъ. Здѣсь мнѣ толкомъ не могли объяснить дѣла, но было очевидно, что случилось что-то необычное. На слѣдующій день, придя въ гимназію, я спросила классныхъ надзирательницъ, кто водилъ вчера ученицъ въ церковь? — «Графиня», — отвѣчали мнѣ. — «Н. Θ.» — обратилась я къ последней: — объясните мнѣ, по какому случаю были вчера католички за обѣдней?» — «По распоряженію Е. А.» — «Когда было оно сдѣлано?» — «Когда я ставила ученицъ въ пары, то получила приказаніе поставить съ православными и католичекъ и, не говоря ни слова, вести ихъ въ гимназическую церковь и посмотреть, что изъ этого выйдетъ». Дорогой, католички, ничего не подозревая, разсуждали такъ: — «Мы, значить, сами будемъ заворачивать въ костелъ, поровнявшись съ нимъ?» На это имъ никто ничего не замѣчалъ, и нѣсколько паръ изъ нихъ, поровнявшись съ костеломъ, завернули туда, другія пошли дальше и вмѣстѣ съ православными вошли въ церковь».

Такъ было дѣло. Въ городѣ же стали говорить, что католичекъ повели въ православную церковь, а онѣ выразили протестъ и разбѣжались. Никакого протеста не было, а было одно недоразумѣніе, вызванное страннымъ распоряженіемъ.

Отъ С. я узнала, что всѣ учебныя заведенія въ краѣ получили отъ министра Вн. Д. гр. Д. А. Т. циркулярное сообщеніе—копію съ увѣдомленія католическаго епископа, что Высочайшее повелѣніе о посѣщеніи учениками католиками въ табельные дни *православнаго богослуженія* отмѣнено не будетъ. Въ этомъ циркулярномъ сообщеніи слово «богослуженіе» было неправильно понято губернаторомъ. Разумѣлся обычный торжественный молебенъ, губернаторъ же понялъ обѣдню. — «Вы также получи-

ли такое сообщеніе?» — спросила я С. — «Е. А. оставилъ его у себя и не захотѣлъ отдать его мнѣ».

Страннымъ и нелактичнымъ показалось мнѣ распоряженіе Е. А. Нужно замѣтить, что до этого времени въ нашей гимназіи никогда не было католическихъ исторій, какъ то бывало въ мужской гимназіи, гдѣ безпрестанно происходили скандалы, производимые учениками-католиками.

Приближалось 6-е мая, табельный день. Передъ тѣмъ нѣсколько матерей католичекъ приходили къ начальнику гимназіи заявить, что онѣ своихъ дочерей въ православную церковь не пустятъ. Между тѣмъ, рѣчь шла на этотъ разъ только о томъ, чтобы вести ихъ въ церковь только къ молебну, что практиковалось безъ всякаго протеста уже 28 лѣтъ. Но теперь фанатизмъ католичекъ полекъ проснулся, и онѣ уже и слышать не хотѣли о молебнѣ. Какъ ни убѣждалъ ихъ С., онѣ упорствовали. Наканунѣ 6-го графиня А., завѣдывавшая I классомъ, убѣждала своихъ воспитанницъ, чтобы онѣ шли въ церковь. Тѣ обѣщали. Ко времени сбора католичекъ на дворъ собора, гдѣ онѣ становились въ пары, чтобы идти въ православную церковь съ дежурной классной надзирательницей, пришла туда и графиня и тутъ была свидѣтельницей того, какъ двѣ матери, выхвативъ изъ паръ своихъ дочерей, увели ихъ. Скандалъ полный!

На слѣдующій день пришелъ въ гимназію на экзаменъ попечитель. Была большая перемѣна, и онъ, пользуясь этимъ, предложилъ начальнику и мнѣ зайти въ свободный классъ. Здѣсь мы расположились, чтобы побесѣдовать. Е. А. заговорилъ о вчерашнемъ скандалѣ во дворѣ католическаго собора, о чемъ онъ узналъ отъ графини. — «Это невозможный скандалъ!» — сказалъ онъ: — «Вы объявите, Н. О. этимъ матерямъ, чтобы онѣ взяли своихъ дочерей изъ гимназіи, потому, что такой скандалъ не можетъ быть терпимъ». — «Желательно было бы имѣть точныя указанія», — замѣтила я, — «вѣдь мы не знаемъ, что дѣлать». — «Да, мы ничего не знаемъ», — возразилъ попечитель.

Вотъ такъ положеніе администраціи! — подумала я: самъ заварилъ кашу и не знаетъ, что дѣлать. Кому же знать? — «Нельзя ли помягче поступить съ виновными?» — нерѣшительно заговорилъ С. — «Посоветуйтесь съ Е. И.» — отвѣчалъ попечитель, — «и завтра сообщите мнѣ ваше мнѣніе. Я буду просить главноуправляющаго разрѣшить на будущее время совершать молебень въ табельные дни въ помѣщеніи гимназіи. Это отниметъ у нихъ поводъ къ протесту. Мое же мнѣніе теперь, что виновныхъ нуж-

но уволить», — рѣшительно сказалъ онъ, вставая. Съ этимъ отправились мы на экзаменъ.

На слѣдующее утро, 8-го, послѣ общей молитвы, на которой всегда присутствовали католички, С. обратился ко мнѣ съ вопросомъ: — «Скажите, зачѣмъ намъ обсуждать этотъ вопросъ?» — «Да если вы согласны съ мнѣніемъ Е. А., то не о чемъ намъ и совѣщаться», — отвѣчала я. — «Я согласенъ, согласенъ!» — поспѣшно отвѣчалъ онъ. — «Ну, такъ и скажите ему, что вы согласны съ нимъ». — Такимъ образомъ, ученицы-католички, матери которыхъ произвели скандалъ, исключены были изъ гимназіи. Осенью онѣ перешли въ Варшаву.

15-го мая опять табельный день. На этотъ разъ скандала не было, но многія ученицы — католички совсѣмъ не пришли.

По окончаніи экзаменовъ начальникъ давалъ традиціонный завтракъ сослуживцамъ, на которомъ присутствовалъ и попечитель. Не имѣя въ это время повода быть недовольной С., я не могла не быть на завтракъ и позже узнала, что С. былъ несказанно радъ этому. Казалось, миръ между нами водворился. Присутствіе мое на завтракъ всѣхъ оживило и завтракъ прошелъ оживленно. Здѣсь мы обмѣнялись карточками съ попечителемъ.

Не лишнимъ считаю упомянуть здѣсь одинъ случай. На одномъ изъ экзаменовъ выпускнаго класса, я, указывая Е. А. на трехъ евреекъ, которыя представляли собою рѣзкій типъ, уже исчезавшій въ гимназіи, дерзкихъ, нахальныхъ, съ грубыми манерами, сказала: «За этихъ я не поручусь, что онѣ впослѣдствіи не попадутся». — При постановкѣ отмѣтокъ на аттестатахъ, конференціей рѣшено было поставить этимъ тремъ еврейкамъ по 11 за поведеніе. Попечитель, подписывая аттестаты, случайно обратилъ вниманіе на это и немедленно пришелъ въ гимназію, чтобы повидаться съ начальникомъ и мною и упросить насъ исправить 11. Что было дѣлать? Просьба попечителя есть приказаніе. Еврейки получили 12. Ровно годъ спустя всѣ три попали подъ надзоръ полиціи. Чаше всего гимназистки-еврейки подпадаютъ влиянію братьевъ-студентовъ, которые, за рѣдкимъ исключеніемъ, всѣ социалисты, или точнѣе, люди *свободомыслящіе* относительно всего.

Съ началомъ учебнаго 1889-90 учебнаго года мы узнали о назначеніи гр. А. главной воспитательницей малолѣтняго отдѣленія II — каго Н. — ского сиротскаго института. На ея мѣсто классной надзирательницей назначена падчерица вышедшей изъ гимназіи вдовы, вышедшей за-мужъ. Воспитанница Павловскаго института, молодая дѣвушка была скромная и серьезная, и впо-

сдѣлать изъ нея выработалась хорошая классная надзирательница. — Съ уходомъ гр. А. С. вернулся къ прежнимъ привычкамъ. Между тѣмъ я, дорожа установившимся миромъ, бережно охраняла его.

Въ концѣ 1890 года выбылъ нашъ законоучитель О. С., получившій должность смотрителя духовнаго училища, въ П., куда его перетянулъ бывший К—кій, въ это время В—скій и Ц—цкій епископъ А. На мѣсто О. С. назначенъ былъ О. Н., хорошій проповѣдникъ, но рѣдко говорящій проповѣди, хорошій законоучитель, но безъ серьезной подкладки. Наружность его симпатична и ученицы за нимъ бѣгали.

На мѣсто Преосв. А. назначенъ былъ Преосв. К., аскетъ и больной человекъ, умершій къ концу года. Въ это время умеръ и В—скій Архіепископъ А. и на его мѣсто назначенъ Преосв. Д., очень добрый, но безхарактерный, попавшій всецѣло въ руки консисторіи, состоявшей исключительно изъ «тутѣйшихъ», т. е. изъ мѣстныхъ уроженцевъ, ненавидящихъ всею душою москалей. Высокопреосв. А. считалъ полезнымъ вызывать на нѣкоторые священническія мѣста молодыхъ кандидатовъ и магистровъ богословія изъ внутреннихъ губерній, чтобы нѣсколько освѣжить составъ «тутѣйшихъ поповъ», жены которыхъ не позволяли называть себя «матушками», и сами они надменно относились къ паствѣ, будучи вполнѣ обеспечены арендными статьями. При слабомъ же Преосв. Д. тутѣйшіе консисторіалы стали всячески тѣснить собратьевъ-москалей. Кто могъ, уходилъ.

На мѣсто скончавшагося преосв. К. назначенъ былъ еп. Г., умный, энергическій, дѣятельный, общительный, но горячій, вспыльчивый; про него покойный московскій митрополитъ Филаретъ написалъ въ своихъ запискахъ (о Г. былъ въ то время при К—ской дух. академіи): «зѣло ругательный». Преосв. Г. часто посѣщалъ нашу гимназію и дѣлалъ на урокахъ много вопросовъ. На экзаменахъ онъ больше самъ говорилъ, чѣмъ слушалъ, требовалъ точной передачи текстовъ на славянскомъ языкѣ, и ученицы при немъ отялались этимъ, такъ и сыпали текстами.

Я часто посѣщала преосв. Г., любила бесѣдовать съ нимъ обо всемъ. Одно время ему очень хотѣлось сманить меня въ игуменьи вновь проектируемаго монастыря: прямо онъ мнѣ не говорилъ этого, но то и дѣло заговаривалъ объ этомъ будущемъ монастырѣ, о томъ, что онъ долженъ служить просвѣтительнымъ дѣламъ въ краѣ. Но я при всемъ желаніи служить этимъ высокимъ дѣламъ, нисколько не соблазнялась ролью матушки-игуменьи. Я бы могла уйти въ монастырь только для совершеннаго удаленія отъ міра и людей, — но никакого желанія не имѣю

быть въ зависимости отъ консисторіи, въ особенности консисторіи тутѣйшихъ, которой я порядкомъ мѣшала, вырывая изъ ея цѣпкихъ рукъ, съ помощью товарища Оберъ-Прокурора, гуманнѣйшаго В. К. С., несчастныхъ батюшекъ-москалей.

Между тѣмъ, попечитель получилъ разрѣшеніе на совершеніе молебна въ табельные дни въ помѣщеніи гимназіи. Я была увѣрена, что эта мѣра сочтется за уступку, сдѣланную католикамъ, а всякая уступка имъ ведетъ къ тому, что они требуютъ новыхъ уступокъ, видя въ первой уступкѣ признакъ слабости власти. Ожиданія мои оправдались. На первый же молебенъ 17-го октября половина католическъ не явилась. На молебенъ пришелъ попечитель, чтобы видѣть результатъ своей идеи. — «Не удалось?» — спросилъ онъ, поднимаясь по лѣстницѣ въ залъ. — «Не удалось», — отвѣчала я. Убѣдившись самолично въ неудачѣ, онъ спросилъ меня: — «Какой у васъ самый низкій баллъ за поведеніе?» — «Поставили какъ-то 7-ку двумъ ученицамъ». — «Ну, такъ поставьте всѣмъ отсутствующимъ католичкамъ по 6-кѣ и потомъ прибавляйте по одному баллу за каждое посѣщеніе молебна». — Но и эта мѣра ни къ чему не привела. Всегда были «законныя» основанія для отсутствія. Только одна ученица-католичка поплатилась: первая ученица выпускнаго класса, Б., лишена была награды за постоянное уклоненіе отъ посѣщенія молебна: то бабушка у нея умирала, то сестра выходила замужъ. Конференція постановила дать ей серебряную медаль вмѣсто золотой, а начальникъ рѣшилъ совсѣмъ не дать ей награды. Въ столкновеніяхъ съ католиками С., укрывался за мою спину. Онъ все сваливалъ на меня, а родители-католики всегда говорили про меня: — «это все она!» — когда я была непричемъ. С. всегда всего и всѣхъ боялся. Когда на чью-либо угрозу я отвѣчала: «сдѣлайте одолженіе!» — С. говорилъ: «Ахъ, зачѣмъ»...

Зиму 1889—90 года Е. А. провелъ за границей, поговаривали, что онъ уходитъ. Въ это время И. Н. Д. былъ уже Министромъ Вн. Дѣлъ. Послѣ него временно исправлялъ должность Главноуправляющаго Н. А. З., бывший С—скій губернаторъ. Е. А. былъ съ нимъ пріятель и не скрывалъ, что если Н. А. будетъ утвержденъ Главноуправляющимъ, то онъ, Е. А., будетъ Товарищемъ его. Наконецъ, въ маѣ 1890 года онъ, дѣйствительно, ушелъ, получивъ переводъ въ В. Проводовъ мы ему не дѣлали въ гимназіи, онъ заходилъ проститься, прося не помнить его лихомъ. Городъ проводилъ его обѣдомъ, на которомъ прославляя его, какъ человека, о губернаторской дѣятельности его не сказано было ни слова, что не помѣшало назвать одну

изъ новыхъ улицъ города К—скою, въ честь родственника новаго Министра Ви. Дѣл. На мѣсто Е. А. назначенъ былъ губернаторомъ Вице-Губернаторъ Н. М. К., слышій за дѣльного человѣка. Всѣ серьезные люди въ К. радовались его назначенію. Радовалась и я: мы были хорошо знакомы (онъ былъ уже женатъ въ это время), онъ выказывалъ мнѣ замѣтно аттенцію, уважалъ во мнѣ энергичный и независимый характеръ и откомендовалъ меня женѣ своей съ самой лучшей стороны.

На первыхъ же порахъ губернаторствованія Н. М. я узнала отъ него, что новый Главноуправляющій гр. Н. А. П.-Б. справлялся объ отношеніяхъ моихъ съ начальникомъ, такъ какъ до его свѣдѣнія дошло о бывшихъ между нами столкновеніяхъ. Оказывалось, что по настоянію С. Е. А. писалъ въ Петербургъ. Очень можетъ быть, что самъ Е. А. и не зналъ этого: правитель канцеляріи, въ благодарность за откормленных индѣекъ и гусей, которые онъ получалъ изъ имѣнія С., могъ смѣло ему поднести для подписи все, что угодно. Иначе приходилось бы заподозрить Е. А. въ двуличности, такъ какъ онъ всегда относился ко мнѣ сердечно, и я при немъ ежегодно получала и награду, и пособіе: такъ однажды, получивъ сто пятьдесятъ рублей, я пошла благодарить Попечителя: «Мало!» замѣтилъ онъ, на что мнѣ нечего было отвѣчать, а черезъ недѣлю онъ пригласилъ меня къ себѣ и вручилъ мнѣ чекъ на полученіе изъ отд. гос. банка 250 р., которые онъ исходатайствовалъ мнѣ у Главноуправляющаго. Т. о. я получила въ два пріема, въ теченіе двухъ недѣль, 400 р.

Конечно, странно, что годъ спустя, онъ не нашелъ «мало» сто руб., полученныхъ мною за блестящій успѣхъ представленія гимназій Ихъ Высочествамъ, но, быть можетъ, онъ не зналъ объ этомъ.

На запросъ изъ Петербурга Н. М. К. отвѣчалъ, по его словамъ, что теперь всѣ недоразумѣнія улажены. Намъ же обоемъ написалъ официальное письмо о томъ, что до Главноуправляющаго доходило о нашихъ столкновеніяхъ, и что такъ какъ эти столкновенія, главнымъ образомъ, происходятъ отъ того, что распоряженія по гимназій дѣлаются не по обоюдному соглашенію, и что каждый изъ насъ не знаетъ о распоряженіи другого, а потому онъ проситъ на будущее время дѣлать таковыя по обоюдному соглашенію. Я была довольна этимъ письмомъ и высказала это Н. М.

На первыхъ порахъ я говорила ему, что желательно было бы, чтобы онъ ближе ознакомился съ нашими порядками, ска-

зала ему также, что у насъ никогда не бываетъ засѣданій хозяйственнаго комитета.

Вскорѣ послѣ этого разговора Н. М. пригласилъ къ себѣ начальника и меня для обсужденія гимназическихъ правилъ. Желая внести въ существующія правила статью о посѣщеніи молебновъ въ табельные дни, Н. М. для отвода глазъ, рѣшилъ пересмотрѣть вообще правила. Когда обсужденіе окончилось, онъ, обращаясь къ С., спросилъ: «Скажите, Н. О., вотъ тутъ въ положеніи о гимназіяхъ говорится о хозяйственномъ комитетѣ, что это такое? я совсѣмъ не знакомъ съ этимъ. Бываютъ засѣданія у васъ?» — «Какъ же, Ваше Превосходительство, ежемесячно бываютъ». —

Понятно, что мнѣ пришлось промолчать. Не могла же я обличить начальника во лжи! Но, во всякомъ случаѣ, ложь была: или я солгала, сказавъ попечителю, что засѣданій не бываетъ, или солгалъ начальникъ, утверждая, что засѣданія бываютъ ежемесячно. Какое заключеніе сдѣлалъ Попечитель — не знаю. Думаю, что онъ примирился и съ мыслью, что начальникъ гимназій лжетъ и съ фактомъ несуществованія на дѣлѣ хозяйственнаго комитета.

Когда мы раскланивались съ попечителемъ послѣ засѣданія, онъ сказалъ мнѣ: «Жена моя проситъ васъ зайти къ ней». Онъ просидѣлъ съ нами весь вечеръ, мы говорили о многомъ, и онъ ни слова не сказалъ по поводу хозяйственнаго комитета. Допустимъ, что неудобно говорить о лжи начальника его подчиненному, но провѣрить фактъ слѣдовало бы, хотя бы для того, чтобы знать, съ кѣмъ имѣешь дѣло: стоило лишь просмотрѣть протоколы хозяйственнаго комитета за нѣсколько лѣтъ, моей подписи нигдѣ не было. Эта ложь начальника не помѣшала попечителю впослѣдствіи вѣрить начальнику, когда онъ лгалъ и въ другихъ случаяхъ. А засѣданій хозяйственнаго комитета по прежнему не бывало и впредь.

Этотъ случай убѣдилъ меня въ томъ, что серьезнаго отношенія къ дѣлу у новаго попечителя не будетъ и я уже ничего полезнаго не стала ожидать отъ него для гимназій. Это убѣжденіе мое повліяло на отношенія мои къ Н. М. Разъ дѣло ничего не выиграетъ отъ близкаго знакомства съ попечителемъ и его женой, то что мнѣ дѣлать у нихъ? И я стала ограничиваться визитами: я ихъ отдавала губернаторшѣ.

Лѣтомъ 1890 года мнѣ предложено было чрезъ посредство совѣта Петербургскаго славянскаго общества отъ имени королевны Сербской Наталии основать институтъ въ Бѣлградѣ. Мнѣ предоста-

влялось назначить условия и определить размер суммы, необходимой на учреждение института. Но для этого необходимо было побывать на месте, ознакомиться с местными условиями. У меня уже был заграничный отпуск и паспорт в кармане, и деньги на мою поездку в Вену и Белград были ассигнованы слав. обществом, — королева нетерпеливо ожидала меня, бомбардируя письмами своего уполномоченного и родственника, офицера Л.-гв. павловскаго полка.

Между тем, председатель слав. общ. гр. Н. П. Игнатьев посоветовал мне списаться с сербским митрополитом Михаилом, чтобы узнать его взгляд на планы королевы — предполагалось, что он, как сторонник королевы, посвящен в них. В виду того, что покойный святитель был в подозрении у своего правительства, нужно было написать письмо к нему так, чтобы оно было понятно только лицу посвященному в дело.

Письмо мое было едва отправлено, как является в слав. общество уполномоченный королевы и пристаёт, чтобы я скорейехала. Ему говорят, что я жду ответа от митрополита Михаила. «Да он ничего не знает!» восклицает тот. Вот тебе и на! Что же поймет из моего письма митрополит Михаил? Однако, в ответ его я нашла все, что мне нужно было знать.

Но судьба решила иначе. Пока я собиралась в Сербия, там произошел переворот, королева должна была покинуть королевство, а с нею рушились и ее планы. Для меня все случилось к лучшему. Судя по письмам королевы, она была большая фантазерка, и Бог знает, угодила ли бы я ей. И так, я осталась дома с перспективой тянуть лягу, имея дело с Н. М. Б. и С. Невеселая перспектива!

Между тем, мало по малу выяснялся характер деятельности нового губернатора. Но увы! можно быть отличным Вице-Губернатором — делным чиновником, и не быть хорошим администратором. Можно уважать вообще самостоятельный характер и не любить подчиненных с таким характером. Я же остаюсь все та же, с кем бы я не имела дела, не умю я подделываться под характер начальства.

Бывало, получаю такого рода официальное письмо от попечителя Н. М. Б.: «До моего сведения дошло, что ученицы гимназии позволяют себе то-то и то-то...» По расследованию оказывалось, что эти сведения доставлены «сорокой на хвост», а Н. М. и Е. И. любили слушать этих сорок. И я всегда отвечала

официальным же письмом: «По сделанному мною расследованию, сведения, полученное Вашим Превосходительством, оказалось неимющим основания». Ему, кажется, не нравилось это. Ему приятно было бы иметь основание сделать замечание. Когда он приходил в гимназию, то видно было, что он полицейским глазом выматривает недостатки. Старая привычка полицейскаго сказывалась. Ни хвалить, ни благодарить он не любил. В конце концов это становилось тяжело.

В это время в К. существовал артистический кружок, в котором по воскресеньям давались спектакли. В субботу же бывали генеральные репетиции, на которые постоянно присылались билеты ученицам гимназии. Билеты присылались на имя начальника, который передавал их для раздачи воспитанницам классным надзирательницам, за спиною у меня. Я делала вид, что не замечая этого.

Но вот, однажды наткнулась я на одну из классных надзирательниц с пачкой таких билетов в руках. — «Вот опять билеты в спектакль», — говорить она, показывая мне их. — «Не нравится мне это!» — заметила я и прошла в запасный класс, где сидели свободные ученицы. — «Есть тут православные?» — спросила я. — «Есть». — «Так вот что, дети!» — обращаюсь к православным, говорю я, — «вам известно, что католики строго исполняют требования своей церкви, — еврейки еще строже исполняют требование своей религии, — одни православные легко относятся к требованиям церкви. Вот вам опять прислали билеты в театр на субботу. Хорошо ли вам идти в театр в то время, как ваши единоверцы идут ко всенощной? Я вам не запрещаю, но советую обратиться к батюшке за разрешением».

Встретив потом батюшку, я передала ему разговор мой с ученицами.

Когда батюшка пришел на урок в старший класс, ученицы к нему обратились с вопросом могут ли они идти в театр в субботу? — «Я вам не запрещаю», — отвечал он им, — «но даю только совет: лучше будет, если вы не пойдете».

Узнав об этом, начальник страшно рассердился и приказал отобрать билеты и у евреев. Но кто же виноват, что он за спиною у меня раздавал билеты? Было бы прямее передавать билеты мне для раздачи, и я бы ему объяснила, что неудобно воспитывать детей так, что в одной классной комнате они слышат одно от священника, а когда выходят из нея,

то отъ насъ слышать другое, и именно, предложеніе не слушать сгнщеника. Онъ не счелъ нужнымъ переговорить со мной, я не сочла нужнымъ переговорить съ нимъ. Это совершенно естественно.

Въ тотъ же день я написала въ дирекцію артистическаго кружка, что православнымъ ученицамъ нельзя бывать въ театрѣ въ кануны праздниковъ, а потому, если они желаютъ видѣть ихъ у себя, то не угодно-ли имъ будетъ назначать представленія по пятницамъ? Такъ они и сдѣлали. Не обходи меня С., давно-бы это устроилось такъ.

Вскорѣ послѣ этого случилось мнѣ быть у Н. М. Онъ мнѣ и говорить:— «Вотъ вы сами отмѣнили распоряженіе начальника». — «Какое? когда?» — «Въ вопросѣ о посѣщеніи театра по субботамъ». — «Я никакого распоряженія не отмѣняла». — «Да, но вы поставили вопросъ такъ, что иного рѣшенія не могло быть. Священникъ не могъ рѣшить иначе». — «Я должна была поступить такъ, когда увидѣла присланные билеты. Мы, стоящіе во главѣ учебнаго заведенія, не имѣемъ права предлагать учащимся нарушать постановленія церкви. Родители могутъ поступать, какъ хотятъ, но мы не имѣемъ права дѣлать это».

Въ дальнѣйшемъ разговорѣ Н. М. высказалъ мнѣ:— «Вы строги къ себѣ, а потому строги и къ другимъ». — «Я стараюсь,—отвѣчала, я,—чтобы слово не расходилось у меня съ дѣломъ: positon oblige! Какъ могу я требовать отъ другихъ исполненія того, чего я сама не исполняю?» —

Несомнѣнно, независимость моего характера, столь нравившаяся ему во мнѣ, когда я не была ему подчинена, перестала ему нравиться, когда я стала ему подчинена. Но что дѣлать! женщины еще не научились становиться чиновниками, дѣлаясь педагогами, и это-то ставитъ ихъ неизмѣримо выше всякихъ С. И женскія гимназіи выиграли бы несомнѣнно въ нравственномъ отношеніи, еслибы онѣ перешли изъ рукъ чиновниковъ, именуемыхъ педагогами, въ руки педагоговъ-женщинъ. Удушливая атмосфера, которой дышетъ молодое поколѣніе, очистилась бы. Само собою разумѣется, что я не считаю *всякую* женщину лучше С., нуженъ сознательный выборъ вмѣсто практикуемаго нерѣдко теперь. Нужно, чтобы тѣ, у кого въ рукахъ это дѣло, думали о пользѣ *дѣла*, а не объ интересахъ лицъ.

На масляной 1891 года удалось устроить въ гимназіи музыкально-вокально-литературный вечеръ. Уже давно ученицы просили меня устроить такой вечеръ, но я все находила, что онѣ въ пѣніи не готовы; за послѣднее же время онѣ сдѣла-

ли съ преподавательницей А. А. З. громадныя успѣхи, и я нашла, наконецъ, возможнымъ устроить вечеръ. Декламация у насъ всегда процвѣтала, были и хорошія музыкантши между еврейками.

Былъ передъ тѣмъ вечеръ такой въ мужской гимназіи, гдѣ очень хорошо поставлено было хоровое пѣніе, былъ и свой оркестръ. Я сидѣла на вечерѣ рядомъ съ Н. М. К. По окончаніи вечера я спросила его:— «А вы ничего не будете имѣть противъ устройства такого вечера у насъ?» — «А можно устроить?» — «Можно». — «Ну такъ устраивайте!»

Переговоривъ съ начальникомъ, я принялась за дѣло, и на масляной вечеръ состоялся. Успѣхъ превзошелъ ожиданія, такъ что даже Н. М. К. остался очень доволенъ и благодарилъ А. А. З. — Одна изъ ученицъ старшаго класса, С. Б. сказала стихотвореніе Никитина «Бурлакъ» и сказала его такъ, что рецензентъ «Прибавленій Б.—скихъ вѣдомостей» призналъ ея декламацию выше декламации гостившаго въ то время въ К. артиста Х.

Эта Б., даровитая дѣвушка, дочь служанки моей (шляхетки и вдовы мелкаго чиновника), была моей воспитанницей. Она окончила курсъ съ первой золотой медалью. По окончаніи курса, на первый годъ я опредѣлила ее въ Петербургъ на курсы Лохвицкой-Скалонъ, для занятія музыкой и языками, а на слѣдующій годъ она поступила на высшіе педагогическіе курсы и съ перваго же года обратила вниманіе профессоровъ своими сочиненіями какъ на русскомъ, такъ и на французскомъ языкѣ. Къ сожалѣнію, раннее, безразсудное замужество помѣшало ей окончить курсъ. Она вышла замужъ за студента—поляка (сама она была православной), который увлекъ ее громкой фразой: «вмѣстѣ будемъ работать на пользу общую» — и, женившись, началъ съ того, что самъ ничего не хотѣлъ дѣлать и навалилъ на юную жену свою всю тягость заботъ о дѣтяхъ и мужѣ.

Итакъ, вечеръ нашъ вполне удался; и съ тѣхъ поръ ежегодно устраивался вечеръ, впоследствии даже съ танцами. Общество очень любило наши вечера.

Весной 1891 г. я узнала отъ Н. М., что Е. А., бывший губ.—ръ наговорилъ таки на меня въ Петербургѣ, и совѣтовалъ мнѣ съѣздить туда, представиться новому Главному управляющему и объясниться. Приѣхавъ въ іюнѣ въ Петербургъ и явись въ канцелярію вѣдомства, я представилась новому Управляющему дѣлами, Н. М. К. и вручила ему записку, въ которой излагала всѣ обстоятельства, при которыхъ у меня бывали столновенія

и недоразумѣнія съ начальникомъ. Прочитавъ записку, Н. М. сказалъ мнѣ: — «Я вамъ совѣтовалъ-бы записки не подавать, чтобы не оставлять слѣдовъ. Вы лучше просите графа побывать въ К., чтобы онъ самъ могъ составить себѣ понятіе о состояніи гимназій». — «Хорошо», — отвѣчала я.

Затѣмъ графу доложили обо мнѣ. Управляющій дѣлами, видимо, желалъ поддержать меня, — съ нимъ предварительно говорилъ обо мнѣ К. П. П. (К. П. мнѣ самъ говорилъ объ этомъ), который хорошо зналъ меня по дѣятельности моей въ церковно-приходскомъ попечительствѣ. Предварительно Н. М. переговорилъ обо мнѣ съ графомъ, и графъ принялъ меня въ кабинетъ своемъ. Тутъ же присутствовалъ и Управляющій дѣлами. Я сдѣлала такъ, какъ совѣтовалъ послѣдній; и графъ обѣщалъ посѣтить К.—скую гимназію; вмѣстѣ съ тѣмъ желая побесѣдовать со мною обстоятельно, графъ пригласилъ меня на слѣдующій день къ себѣ на завтракъ. Пріемомъ графа я осталась очень довольна.

На слѣдующій день бесѣда моя съ графомъ, частью глазъ на глазъ, частью въ присутствіи управляющаго дѣлами, продолжалась два часа. Графъ началъ съ вопроса: бывали-ли у меня столкновенія съ начальникомъ? — «Бывали» — отвѣчала я. — «Я никогда не ссорюсь изъ за власти», — добавила я, — «но если власть валяется на полу, я ее поднимаю, такъ какъ ни одно учрежденіе, а тѣмъ болѣе школа не можетъ оставаться безъ власти».

Разсказывая о столкновеніи вслѣдствіи оскорбленія меня начальникомъ, я сказала: — «Гдѣ нѣтъ суда, есть самосудъ. Я не добилась правосудія и ждала случая сдать сдачи, — случай представился, и я сдала сдачи».

«Дѣлалъ-ли когда-нибудь К. какія-нибудь замѣчанія Вамъ?» — «Никогда! Когда же на вопросъ его въ разное время: какъ идутъ дѣла? я отвѣчала почему-либо: «не хорошо» — К. неизмѣнно мнѣ замѣчалъ: — Полноте, Е. И., все идетъ у васъ прекрасно!»

Когда всѣ недоразумѣнія были выяснены, графъ сталъ излагать мнѣ свои собственныя воззрѣнія на воспитаніе дѣвушекъ, говорилъ также о своихъ планахъ и предположеніяхъ, между прочимъ, объ улучшеніи положенія классныхъ дамъ, трудъ которыхъ графъ высоко цѣнилъ. Я разсталась съ графомъ совершенно очарованная его простотой и сердечностью, и успокоенная.

Между тѣмъ до меня доходили слухи, что С. говорилъ: «или я, или она». — Бывая на докладахъ у попечителя, онъ дѣлалъ свое дѣло, наговаривая на меня. Замѣтивъ въ м-е К. перемѣну къ себѣ, правда, едва уловимую, я стала все рѣже и рѣже бы-

вать у нея, ограничиваясь неизбежными визитами. Къ нему же я ходила только тогда, когда С. самъ желалъ отдѣлаться отъ объясненій и просилъ меня идти. Не разъ близкіе семьѣ К. говорили мнѣ: — «Почему бы вамъ не забвѣгать иногда къ К.? Они любятъ это». — «Ни за что не стану забвѣгать!» — отвѣчала я, — «если случится, что до К. дойдетъ что-нибудь и помимо меня, С. напишетъ это мнѣ, я же дорожу тѣмъ миромъ, который у насъ во дворѣ. Хотя миръ этотъ, я знаю, только наружный».

Наступилъ 1892-й годъ. Дѣла въ гимназій шли прежнимъ порядкомъ. Разница была только въ томъ, что Н. М. обращалъ особенное вниманіе на реверансы, — пришлось учительницѣ танцевъ специально заниматься ими, и мы довели эту отрасль искусства до совершенства. Впрочемъ, была еще одна перемѣна: на первомъ-же экзаменѣ Н. М., наткнувшись на опоздавшихъ ученицъ, обратился въ мою сторону съ вопросительнымъ взглядомъ. Я отвѣчала: — «Н. О. разрѣшаетъ опаздывать». — Попечитель обратился къ нему съ требованіемъ, чтобы этого не было. Съ тѣхъ поръ я могла уже требовать, чтобы ученицы приходили своевременно на экзаменъ.

Въ это время городъ былъ раздѣленъ на два враждебныхъ лагеря — военный и гражданскій. Городъ К., обращенный въ перовоклассную крѣпость, получалъ своего коменданта. Первымъ назначенъ былъ ген. К. Энергичный, подвижный, онъ обратилъ серьезное вниманіе на гигиеническое состояніе города, такъ какъ въ его вѣдѣніи состоялъ гарнизонъ города крѣпости, гарнизонъ многочисленный, постепенно доведенный до одной пѣхотной дивизіи, одного кавалерійскаго полка, артиллерійской бригады, крѣпостной артиллеріи, сапернаго баталіона, военныхъ инженеровъ и вполнѣдствіи двухъ крѣпостныхъ полковъ. Было о комъ позаботиться коменданту. И вотъ, ген. К. на первыхъ же порахъ наткнулся на такое недоразумѣніе: онъ потребовалъ къ себѣ полиціймейстера города, — губернаторъ (въ то время еще Е. А. К.) обидѣлся: какое право имѣетъ комендантъ требовать къ себѣ полиціймейстера, подчиненнаго ему, губернатору?

Здравый смыслъ говорить, что имѣетъ, т. е. городъ весь входитъ въ районъ крѣпости, и комендантъ отвѣчаетъ за санитарное состояніе гарнизона, квартирующаго въ городѣ. Съ этого начались пререканія между комендантомъ и губернаторомъ, и дошли наконецъ до споровъ о томъ, кто имѣетъ право первымъ подходить ко кресту на богослуженіи, комендантъ или губернаторъ, — кто первый долженъ дѣлать визитъ другому? Всѣ эти вопросы возбуждались губернаторомъ.

Наконецъ, о пререканіяхъ дошло до самаго престола: вышло положеніе, Высочайше утвержденное, о взаимныхъ отношеніяхъ комендантовъ и губернаторовъ. Но и это положеніе не привело къ миру. Чтобы положить конецъ пререканіямъ между этими двумя властями, единственнымъ выходомъ представляется изыятіе города-крѣпости изъ вѣдѣнія губернатора и подчиненіе его вмѣстѣ съ полиціей коменданту, однимъ словомъ, примѣненіе къ городамъ-крѣпостямъ положенія городовъ, въ которыхъ имѣется градоначальникъ. Губернаторъ остается при этомъ начальникомъ губерніи.

Ген. К. не долго оставался комендантомъ К., онъ былъ назначенъ помощникомъ командующаго войсками В—скаго военного округа и вскорѣ умеръ. На мѣсто его комендантомъ былъ назначенъ арт. ген. К. Мелочной формалистъ, онъ вскорѣ сдѣлался нелюбимъ всѣми. Въ пререканіяхъ съ губернаторомъ не было конца. Онъ былъ назначенъ уже при Н. М. К. и пробылъ комендантомъ не болѣе двухъ лѣтъ, — былъ произведенъ въ генералъ отъ-артиллеріи съ увольненіемъ отъ службы. По поводу его увольненія, я слышала отъ начальника дивизіи слѣдующее: прѣзжаетъ послѣдній какъ-то въ Вильну и видится съ командующимъ войсками Ген. Г. Тотъ спрашиваетъ его: — «Скажите по совѣсти, можно-ли поручить коменданту К. командованіе войсками въ полѣ?» — «Ему нельзя поручить и двухъ поросятъ», — отвѣчаетъ начальникъ дивизіи. Нѣсколько дней спустя генералъ, состоявшій въ распоряженіи командующаго войсками, посланъ былъ въ К. шепнуть коменданту, чтобы онъ подавалъ въ отставку. Это было лѣтомъ 1892 г.

Комендантомъ назначенъ инженерный генералъ А. Я. Ч. Живой, вспыльчивый, не податливый, онъ не могъ ладить съ К. Да и надо правду сказать, К. неспособенъ былъ ладить ни съ какимъ комендантомъ. Казалось бы, губернатору слѣдовало оказывать свое содѣйствіе коменданту всегда, когда представлялась къ тому малѣйшая возможность, и отказывать въ немъ только при совершенной невозможности, при чемъ объясниться слѣдовало лично. Нѣтъ, К., не задумываясь, всегда во всемъ отказывалъ. Онъ ставилъ коменданта въ невозможность исполнять высшія распоряженія. Такъ, напримѣръ, комендантъ долженъ былъ ежедневно доносить командующему войсками о санитарномъ состояніи города, — онъ могъ имѣть необходимыя свѣдѣнія только отъ губернатора, — а губернаторъ ихъ не давалъ. Командующій войсками просилъ распоряженія Ген.-Губернатора, а послѣдній держалъ сторону губернатора, изъ принципа. Пришлось

жаловаться военному министру, послѣдній жаловался Мин—у внутреннихъ дѣлъ. Только такимъ путемъ можно было добиться, чтобы К. давалъ нужныя свѣдѣнія коменданту. И въ какой же формѣ онъ это дѣлалъ? въ конвертъ на имя А. Я. Ч. владыкался клочекъ бумажки съ цифрами, написанными карандашомъ. Вотъ до какой степени доходила безтактность К.! Вражда между властями дошла до крайней степени напряженности: они громко, не стѣсняясь, ругали другъ друга.

Не весело жилось К.—скому обществу! Никакое общественное удовольствіе не было мыслимо: устраивалъ что-нибудь губернаторъ, военные не принимали участія, устраивалъ комендантъ — отсутствовалъ чиновничій міръ.

Между тѣмъ лѣтомъ 1892 г., будучи въ Петербургѣ, я явилась къ Главноуправляющему: — «У васъ попались двѣ», — сказала мнѣ графъ, подсаживаясь ко мнѣ. — «Кто такіе, графъ?» — спросила я. Графъ прошелъ въ свой кабинетъ и вернулся съ бумагой, которую подаль мнѣ. Письмо было отъ К. Въ верху была надпись «конфиденціально». Н. М. К. писалъ: «К—ское губернское жандармское управленіе нашло нужнымъ сдѣлать обыскъ у учительницы гимназіи Н. и класной надзирательницы К., вслѣдствіи чего, хотя у нихъ ничего не найдено, я предложилъ имъ подать въ отставку».

Графъ сталъ меня спрашивать, гдѣ жили эти дамы, въ зданіи-ли гимназіи или на частныхъ квартирахъ, что онѣ за личности и пр. пр. Я сообщила графу все, что мнѣ было извѣстно. Жили онѣ на частныхъ квартирахъ, обѣ были съ либеральнымъ оттѣнкомъ, у К. былъ всегда вѣтеръ въ головѣ, обѣ отношенія ея къ службѣ я умолчала. Выслушавъ меня, графъ не выразилъ никакого мнѣнія на счетъ чьей-бы то ни было отвѣтственности со стороны начальствующихъ лицъ.

Когда я послѣ каникулъ возвратилась домой, то слышала, конечно, разные разговоры въ городѣ по поводу обыска у двухъ служащихъ въ ж. гимназіи Н., оказалось, подъ влияніемъ безсознательнаго страха бѣжала, К. же осталась въ К. Присутствіе ея только вызывало лишніе разговоры, а потому я послала ей сказать, что я требую, чтобы она уѣхала изъ К. Требованію моему она подчинилась и уѣхала въ Петербургъ.

О поводахъ къ обыску рассказывали слѣдующее: вскрывая письма нѣкоторыхъ лицъ, находившихся подъ присмотромъ полиціи, жандармское управленіе обратило вниманіе на то, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ писемъ упоминались имена Екат. Ник. и

Александры Александровны. Долго не могли напасть на слѣдъ этихъ двухъ дамъ, наконецъ узнали, что въ гимназiи между служащими есть дамы съ такими именами. Вотъ тогда-то и сдѣланъ обыскъ.

Съ отъѣздомъ Е. изъ Е. всякіе разговоры прекратились. Объ этомъ происшествiи не говорилъ со мной ни пачальникъ, ни попечитель. Ясно было, что, по ихъ мнѣнію, это до меня совсѣмъ не касается.

Въ началѣ сентября заѣхалъ къ намъ В. И. Л., председатель учебнаго комитета вѣдомства. Ему хотѣлось на мѣстѣ выяснитъ нѣкоторые вопросы касательно пересмотра положенiя о женскихъ гимназiяхъ. В. И. посѣтилъ классы, при чемъ примѣромъ своимъ преподавъ урокъ вѣжливости пачальнику и учителямъ. Случилось такъ, что В. И. сидѣлъ въ одномъ классѣ, когда меня вызвали изъ класса; когда я вернулась, то при входѣ моемъ В. И. всталъ, — учитель-же продолжалъ сидѣть.

В. И. провелъ у меня вечеръ, и мы съ нимъ обсуждали много вопросовъ по предмету, его интересовавшему. Между прочимъ, помня содержаніе моего проекта реформы, онъ спросилъ: «Думаете-ли вы, что женщина съумѣетъ председательствовать на конференціяхъ?» — «А вы думаете, что всѣ директора умѣютъ председательствовать?» — сказала я ему въ отвѣтъ. — «Вотъ, я имѣю дѣло съ 3-мъ пачальникомъ за десять лѣтъ службы въ двухъ гимназiяхъ, и только одинъ изъ нихъ умѣлъ руководить преніями, когда хотѣлъ допустить ихъ, и ни одинъ изъ нихъ не уважалъ правъ конференціи. Допустимъ, что такой же 0/0 придется на долю женщинъ, съумѣющихъ председательствовать; дѣло, значитъ, не проиграетъ въ этомъ отношенiи, но за то выиграетъ отъ того, что не будетъ двоевластiя». — В. И. задумался.

На слѣдующій день онъ зашелъ ко мнѣ во время большой перемѣны, и мы еще побесѣдовали. Н. М. К. былъ въ отсутствiи, но В. И. рѣшилъ не ждать его, т. к. для него все выяснилось изъ нашихъ бесѣдъ. Съ С. онъ не считалъ нужнымъ говорить. «Мнѣ извѣстны его взгляды», — сказалъ онъ. Взгляды же С. заключались въ томъ, что въ ж. гимназiяхъ слѣдуетъ уничтожить должность главн. надзирательницы. Такихъ взглядовъ держалось большинство пачальниковъ ж. гимназiй: мнѣніе же главныхъ надзирательницъ было то, что не нужны пачальники.

Разсказалъ мнѣ В. И., какъ нашъ графъ, при недавнемъ посѣщенiи Варшавскаго института, пришелъ въ восторгъ отъ орловъ, вышитыхъ по красному сукну, украшающихъ окна и двери актовaго зала; какъ графъ выразилъ желаніе, чтобы и въ

другихъ институтахъ сдѣлано было тоже, но «т-жи пачальницы наши, что воспитанницамъ некогда заниматься такой работой». — «А почему бы намъ не сдѣлать этого?» — подумала я.

И вотъ, когда В. И. покинулъ насъ, я принялась за дѣло. Прежде всего нужно было найти узоръ для орловъ. Всѣ классныя надзирательницы и учительница руководiя были поставлены на ноги, и узоръ найденъ. Получивъ согласіе пачальника на расходъ по этому предмету, я обратилась къ губерискому архитектору съ просьбой сдѣлать рисунокъ для драпировки оконъ и дверей актовaй залы. Получивъ рисунокъ и запасшись матеріаломъ, я раздѣлила работу между ученицами, которыя должны были исполнять ее подъ руководствомъ учительницы руководiя, — классными надзирательницами и мною! Ученицы чередовались: каждый урокъ руководiя работа переходила изъ одного класса въ другой, — но дамы и я, мы двѣ недѣли не разгибали сины. Я торопилась потому, что мы ожидали пріѣзда графа, который въ концѣ сентября собирался въ отъѣздъ. Въ двѣ недѣли работа была окончена, и какая работа! Въ варшавскомъ институтѣ, по сдѣланнымъ мною справкамъ, вышиты были только орлы, у насъ же была сплошная вышивка по всей драпировкѣ. Последняя вышла очень эффектная. Къ сожалѣнію, графъ не пріѣхалъ.

Пришелъ къ концу 1892-й годъ. Новаго онъ принесъ во внутренней жизни гимназiи то, что въ виду ожидаемой холеры, С. разрѣшилъ, наконецъ, по общей просьбѣ, ввести въ гимназiи чаепитіе для ученицъ. Происходило это частью въ нижнемъ залѣ, частью въ корридорахъ-галлерейхъ, для чего разставлялись маленькіе столики, въ углу же галлерей ставился большой столъ, на которомъ помѣщался огромный самоваръ и кружки, которыя приносились ученицами съ собою. Тоже было и въ залѣ. Ученицы и родители ихъ были очень довольны этимъ нововведеніемъ. Я же во время чаепитiя расхаживала по корридорамъ и залу и наблюдала за тѣмъ, чтобы ученицы не бросали на полъ остатковъ завтрака, не проливали чая на полъ и не сорили. Помимо меня дежурили поочередно классныя надзирательницы въ залѣ и корридорахъ.

Проявилась новая черта въ характерѣ С.: учителя стали замѣчать, что когда кто-либо изъ нихъ со мною бесѣдовалъ и это видѣлъ С., то начинались всякія придирки къ этому учителю. Доставалось въ особенности молодому учителю словесности, который нерѣдко совѣтовался со мною.

Однажды я замѣтила ему: — «Вы бы посовѣтовались съ пачальникомъ!» — «Что могу я отъ него услышать», — отвѣчалъ онъ,

—когда однажды, зайдя ко мнѣ на урокъ въ I классъ и услышавъ, что я говорю о значеніи Шиллера для романтической школы, онъ мнѣ замѣтилъ послѣ урока:— «Къ чему говорите вы имъ о Шиллере? Достаточно съ нихъ, если онѣ будутъ знать, что онъ былъ нѣмецъ». Послѣ этого мнѣ не о чемъ съ нимъ совѣтоваться».

Доставалось за меня и юношѣ—учителю рисованія, который поступилъ къ намъ изъ Строгоновскаго училища прямо со школьной скамьи. Энергичный, даровитый и преданный своему дѣлу юноша искалъ во мнѣ поддержку, такъ какъ до него рисованіе у насъ хромало.

До него у насъ перебивало при мнѣ за семь лѣтъ пять преподавателей и преподавательницъ. Лучшими были преподавательницы, но одна изъ нихъ сошла съ ума, другая поступила въ академію. Самымъ неудачнымъ былъ послѣдній преподаватель: помощникъ губернскаго архитектора, онъ совсѣмъ не умѣлъ преподавать и проводилъ урокъ за чтеніемъ газеты. При такой постановкѣ дѣла, всѣ относились къ рисованію, какъ къ ненужному предмету обученія въ гимназій.

Заинтересовавшись новой постановкой у насъ этого искусства, я, поневолѣ часто бесѣдовала съ учителемъ рисованія. И вотъ, этихъ-то бесѣдъ со мною учителя С. не могъ переварить.

Наступилъ 1893-й годъ. Однажды, это было 15 января, возвратившись домой въ 11 часовъ вечера, я нашла телеграмму: вскрываю, вижу подпись: «гр. П.-Б.», —читаю: «Необходимы личныя объясненія; покорнѣйше прошу немедленно прибыть въ Петербургъ». Я тотчасъ же принялась за сборы въ дорогу, написала Попечителю и начальнику о моемъ вызовѣ и немедленномъ отъѣздѣ и съ утреннимъ поѣздомъ выѣхала.

Я ѣхала съ спокойнымъ духомъ: ничего особеннаго въ гимназій не случилось, все было тихо и спокойно, ни столкновений, ни даже недоразумѣній съ начальникомъ не было за послѣдніе два года,—во всякомъ случаѣ, если на меня наговорили, то важно то, что могу объясниться. Во главѣ же вѣдомства стояли благороднѣйшіе люди. Бояться мнѣ было нечего.

По приѣздѣ въ Петербургъ я тотчасъ же явилась въ канцелярію, но графъ въ тотъ день не былъ, и т. к. я представилась управляющему дѣлами, П. М. ф.-К. и оставила свой адресъ курьеру, то стала ожидать извѣщенія о приѣмѣ. Прошло дня три. Рождественницы, у которыхъ я остановилась, удивлялись моему спокойствію.— «А почему мнѣ беспокоиться?» —отвѣчала я.— Наконецъ, я опять отправилась въ канцелярію; швейцаръ меня

встрѣтилъ словами: «А графъ васъ ждали вчера». —Я отправилась въ приемную. Вскорѣ вышелъ графъ. Поздоровавшись со мною, графъ сѣлъ подлѣ меня и началъ:— «На васъ нареканія»... — «Чьи?» — «Губернаторъ пишетъ, что Архіепископъ жалуется на васъ, что вы вмѣшиваетесь въ дѣла...» — «Въ какія?» — «Въ духовныя». — «Вмѣшивалась по праву попечительницы церк.-прих. школы». — «Такъ вы состоите попечительницей церк.-прих. школы?» — «Состояла, графъ, но уже съ полгода какъ вышла». — «Такъ я васъ попрошу пожаловать ко мнѣ на квартиру завтра въ 12 часовъ, а теперь у меня времени нѣтъ бесѣдовать съ вами». —Заговоривъ о нареканіяхъ, графъ замѣтилъ, что предполагается мой переводъ въ Астрахань.

И такъ, губернаторъ писалъ, что на меня жалуется Архіепископъ Л.—скій Д. Дѣло въ томъ, что я, какъ сказано въ началѣ этихъ воспоминаній, имѣя свободнаго времени полдня, отдавалась приходскимъ дѣламъ при церкви, въ которой настоятелемъ былъ упомянутый мною священникъ. Дѣла эти меня крайне заинтересовали; церковнымъ старостой былъ человѣкъ глубоко-религіозный и церковный: онъ вмѣстѣ съ женою своею много добра дѣлалъ; съ ними сблизилась я и мы вмѣстѣ стали работать на пользу прихода и бѣдныхъ православныхъ въ городѣ. Скоро дѣла прихода, сосредоточенныя въ попечительство, перешли совсѣмъ въ наши руки, священникъ только намѣчалъ цѣли, къ которымъ нужно было стремиться. Будучи уже членомъ совѣта попечительства, я была избрана въ попечительницы церк.-прих. школы. Годъ передъ тѣмъ епархіальная власть вздумала помѣнять нашего священника съ другимъ, тоже академикомъ. При самомъ вступленіи послѣдняго въ должность настоятеля нашего прихода, по поводу внезапной болѣзни его въ ночь приѣзда его въ К., на него взвели разныя небылицы, онъ былъ оклеветанъ предъ епархіальною властью, и консисторія опредѣлила отрѣшить его отъ должности и отправить въ монастырь. Между тѣмъ, этотъ священникъ успѣлъ внушить симпатіи приходу, всѣ имъ были довольны, и вотъ, когда стало извѣстнымъ опредѣленіе консисторіи, весь приходъ всталъ, какъ одинъ человѣкъ, на защиту своего священника. Церковный староста А. М. Л. съ прошеніемъ отъ прихожанъ отправился въ В. къ Архіепископу, и ему удалось на время отстоять невинно осужденнаго. Я не разъ видѣлась по этому дѣлу съ нашимъ Преосв. Г., который самъ, наконецъ, принялъ участіе въ судьбѣ нашего священника, общая его отстоять, если онъ оправдаетъ возлагаемыя на него надежды прихода. Дѣломъ этимъ заинтересовалось,

наконецъ, все православное К. общество, въ судьбѣ священника принявъ участіе и комендантъ Ген.-Лейт. К.; самъ же священникъ, между тѣмъ, все болѣе и болѣе привлекалъ къ себѣ общія симпатіи. Дѣло это тянулось шесть мѣсяцевъ и, въ концѣ концовъ, насъ кругомъ обманули, не смотря на увѣренія Преосв. Г., что намъ оставить этого священника. Консисторія изъ тутѣшнихъ настояла на своемъ, чтобы отдѣлаться отъ москаля. Несмотря даже на ходатайство товарища Об.-Прокурора В. К. С., Архіепископъ, весь въ рукахъ тутѣшнихъ, уволилъ нашего священника и на его мѣсто назначилъ бывшаго у насъ прежде псаломщикомъ, мало образованнаго, тупицу и сребролюбца, готоваго за деньги продать отца родного. Церковный староста и я, разумѣется, не захотѣли работать съ такимъ священникомъ и порѣшили уйти. А. М. Л. отказался отъ должности церковнаго старосты, и—отъ должности попечительницы школы, и оба мы вышли совсѣмъ изъ Попечительства. Когда протоколъ, составленный по этому поводу, подали къ подписи предсѣдателя Попечительства (управ. акциз. А. Ф. И.), то онъ спросилъ:—«А нельзя ли и мнѣ отказаться?»—«Сдѣлайте одолженіе!»—сказали ему. Послали протоколъ для подписи остальнымъ членамъ Совѣта; и каждый изъ нихъ спросилъ:—«Нельзя ли и мнѣ уйти?»—(Членами были все люди, занимавшіе извѣстное положеніе въ обществѣ). Такъ распался весь Совѣтъ попечительства. Составленъ былъ отчетъ о дѣятельности попечительства и напечатанъ въ прибавленіяхъ къ К—скимъ вѣдомостяхъ, причемъ объявлено было о выходѣ всѣхъ членовъ совѣта съ предсѣдателемъ во главѣ; затѣмъ донесено объ этомъ Архіепископу Д., а суммы Попечительства пересланы въ хозяйственный департаментъ Св. Синода. Дѣятельность попечительства прекратилась. Обо всемъ этомъ было извѣстно Н. М. К. (губернатору); онъ даже принималъ нѣкоторое участіе въ защитѣ нашего священника. О моей дѣятельности въ Попечествѣ онъ зналъ давно, былъ даже самъ почетнымъ членомъ его и, когда сталъ губернаторомъ и попечителемъ гимназій, ни по какому поводу не высказывался противъ моей дѣятельности въ попечествѣ. Вся эта исторія (ликвидация попечительства) разыгралась въ маѣ 1892 года. Съ тѣхъ поръ мы не разъ встрѣчались съ нимъ, и онъ ничего не говорилъ по поводу случившагося. Спрашивала я А. М. Л.—(бывшаго церковнаго старосту), бывшаго въ хорошихъ отношеніяхъ съ Н. М., не говорилъ ли онъ съ нимъ о нашей исторіи? Нѣтъ, не говорилъ. Въ декабрѣ я была у Н. М. по дѣлу; онъ задержалъ меня для того, чтобы поговорить о томъ, о семъ и сталъ

распространяться о плачевномъ состояніи общественной благотворительности въ К., при чемъ, между прочимъ, замѣтилъ:—«В—ское попечительство прекратило свою дѣятельность...»—но не спросилъ, отчего и почему это случилось. Вскорѣ послѣ нашего разговора онъ ѣздилъ въ Петербургъ. Что же такое случилось за это время, что онъ счелъ нужнымъ писать о жалобѣ Архіепископа на меня? и почему онъ мнѣ ничего не сказалъ объ этомъ? Проще всего, кажется, было-бы сказать мнѣ:—«Повидайтесь вы съ Архіепископомъ, объяснитесь съ нимъ!»—такова его прямая обязанность, какъ попечителя гимназій. Да и на что могъ жаловаться Архіепископъ? Развѣ на то, что я ушла изъ Попечительства и перестала вмѣшиваться въ дѣла его, а не на вмѣшательство мое въ дѣла духовныя. Слышала я отъ одного знакомаго, что Архіепископъ Д. говорилъ ему, по поводу прекращенія дѣятельности В—скаго Попечительства: «И что они надѣлали, разбѣжались все и дѣло бросили!» Это же могъ слышать отъ него и К—скій губернаторъ, но не могъ Архіепископъ, восемь мѣсяцевъ ступая, жаловаться ему на это официально. Нѣтъ, тутъ что-нибудь другое. Не наговорилъ-ли на меня опять С.? Или не насилетничалъ-ли на меня кто: Е. И. сказала то-то или то-то. Сорокъ любятъ К...

И такъ, графъ пригласилъ меня къ себѣ. Являюсь. Графъ принялъ меня у себя въ кабинетѣ.—«Вы изволили сказать маѣ,—началъ графъ,—что состоите попечительницей церковно-приходской школы?»—«Состояла, графъ!»—отвѣчала я: «Позвольте, графъ, рассказать Вамъ все сначала?»—«Извольте!»—И тогда я передала графу все вышеизложенное, добавивъ, что я все свои гроши не сла на попечительство.—«А съ Архіепископомъ вы не имѣли столкновения?»—«Я видѣлась съ Архіепископомъ одинъ разъ, когда представлялась по поводу утвержденія меня попечительницей школы. Письменно обращалась къ нему два раза: въ первый разъ я, по праву попечительницы школы, удостовѣряла полезную дѣятельность бывшаго священника, какъ законоучителя школы; въ послѣдній разъ извѣщала Архіепископа о сложении съ себя званія попечительницы школы, что было почти девять мѣсяцевъ тому назадъ. Съ тѣхъ поръ я никакихъ сношеній съ Архіепископомъ не имѣла.»—«Значитъ,—замѣтилъ графъ,—жалуются теперь заднимъ числомъ?»—«Да».—«А К. никогда ничего Вамъ не говорилъ по поводу вашей дѣятельности въ попечествѣ?»—«Никогда ничего не говорилъ, хотя ему было все хорошо извѣстно.»—«Нужно вамъ сказать,—продолжалъ графъ,—что К. былъ здѣсь съ мѣсяцъ тому назадъ и говорилъ мнѣ о жалобѣ Архіепископа. Потому мы здѣсь

крайне удивились, когда я получилъ отъ него письменное сообще-
ніе о томъ, что уже было сказано на словахъ. Въ заключеніе
графъ сказалъ:— «Теперь остается условиться съ П. М. (управляю-
щимъ дѣлами) на счетъ отвѣта К. Я попрошу васъ пожаловать
завтра къ двумъ часамъ къ П. М. на квартиру». — Съ этимъ графъ
меня отпустилъ. На другой день, это было въ воскресенье, явля-
юсь я на квартиру къ П. М., который приглашаетъ меня въ ка-
бинетъ, спрашиваетъ о дѣлѣ и говоритъ: «Жалоба Архіепископа
несколько не смущаетъ насъ, но мы не знаемъ, какую роль иг-
раетъ въ этой исторіи К., насколько онъ самъ заинтересованъ
въ ней. Онъ намъ не подчиненъ, а потому мы не можемъ имѣть
вліянія на него. Кто его знаетъ, онъ могъ донести Генераль-Губер-
натору, что вы мѣшате ему. Генераль-Губернаторъ можетъ со-
общить объ этомъ Министру Вн. Д., а такъ какъ Главноуправля-
ющій, не находя васъ виновной, обязанъ васъ защитить, то яв-
ляется конфликтъ между министромъ и главноуправляющимъ, и то-
гда объ этомъ докладывается Государю. Вотъ этого желательно
избѣжать». — «Что К. имѣетъ нѣчто противъ меня, въ этомъ нѣтъ
никакого сомнѣнія,—замѣтила я,—но въ чемъ могу я ему мѣ-
шать?» — Помолчавъ немного, П. М. продолжалъ:— «Я никакъ не мо-
гу согласиться съ мнѣніемъ К., что не подобаетъ начальницѣ гимна-
зій заниматься благотворительною дѣятельностью. Кому-же этимъ
заниматься въ западномъ графѣ, какъ не интеллигенціи? И безъ
того ихъ горсточка тамъ,—что бы это было, еслибы каждый на-
чальникъ части вздумалъ своимъ подчиненнымъ запрещать за-
ниматься дѣлами благотворительности.

Тутъ пришелъ графъ.— «Переговорили?» — спросилъ онъ.—
«Переговорили». — «Ну,—продолжалъ графъ,—теперь наше дѣло
окончено, мы выяснили роль Е. И. въ этомъ дѣлѣ, убѣдились въ
томъ, что она невиновата. Теперь остается еще переговорить съ
П. В. О. и просить его уладить дѣло съ Архіепископомъ». П. В.
О. былъ вновь назначенный Ген.-Губернаторъ въ В.— «А нельзя
и мнѣ повидаться съ П. В.?» — спросила я.— «Можно», — от-
вѣчалъ графъ.— «Я увижу его сегодня-же на балу во дворцѣ и
устрою вамъ это». — Затѣмъ я откланялась, обвороченная П. М.
Счастливо то вѣдомство, которое имѣетъ такое начальство!

На слѣдующее утро получаю съ курьеромъ карточку графа
съ надписью: «П. В. О. покорнѣйше проситъ Васъ пожаловать
къ нему въ 12 часовъ». Являюсь. Генераль-Адъютантъ О. встрѣ-
чаетъ меня въ залѣ и приглашаетъ въ кабинетъ.— «Чѣмъ могу я
вамъ служить?» — «Ваше Превосходительство, вѣроятно, уже слы-
шали отъ графа?» — «Да, графъ П. А. говорилъ мнѣ. Скажите,

какъ относятся къ этому дѣлу К. П. и В. К.?» — «К. П., кажется,
ничего не знаетъ о жалобѣ Архіепископа, что же касается В. К., то
онъ не вѣритъ въ дѣйствительность жалобы Архіепископа. Оба
же они всегда крайне сочувственно относились къ моей дѣятель-
ности въ попечительствѣ и очень сожалѣли объ оставленіи мною
этой дѣятельности». — «А губернаторъ говорилъ вамъ что-нибудь
раньше?» — «Никогда ничего не говорилъ». — «Значитъ, онъ дѣй-
ствовалъ подпольнымъ путемъ?» — «Значитъ, такъ». — «Желаете
вы оставаться въ К.?» — «Въ настоящее время безусловно,—а въ
будущемъ не думаю, чтобы я желала остаться,—наврядъ ли ока-
жется возможнымъ служить мнѣ съ Н. М.» — «Чѣмъ же я могу
теперь быть полезенъ Вамъ?» — «Я прошу Ваше Пр-ство защи-
тить меня».—

На этомъ мы разстались. Генераль проводилъ меня до вы-
хода въ прихожую. Отсюда я отправилась въ канцелярію вѣдом-
ства, такъ какъ было условлено съ графомъ, что я передамъ
ему разговоръ мой съ Ген.-Ад. О.

Графа еще не было, меня принялъ у себя въ кабинетѣ П.
М. Разспросивъ меня обо всемъ, П. М. сказалъ: «Нѣтъ, я прин-
ципально расхожусь во взглядахъ съ К. Вѣдь, прочитавъ его
письмо, я представилъ себѣ васъ, правда, энергичной, но *само-
любивой, честолюбивой, властолюбивой*, а вмѣсто того вижу
женщину, желающую только служить дѣлу. Интересно знать, ка-
кое впечатлѣніе вы произвели на Генераль-Губернатора... Если
такое, какъ на меня...» и П. М. обворожительно улыбнулся.

Вошелъ курьеръ доложить, что пріѣхалъ графъ и проситъ
насъ обоихъ въ кабинетъ. Выслушавъ мой рассказъ о свиданіи
съ Ген.-Ад. О., графъ сказалъ:— «Удивительное дѣло, какую
странную роль играютъ наши попечители гимназій! Вмѣсто того,
чтобы быть посредниками и улаживать возникающія недоразу-
мѣнія и столкновенія, они служатъ только передаточной инстан-
ціей. Теперь дѣло стоитъ такъ, что еслибы мы въ настоящее вре-
мя могли предложить Е. И. даже Смольный институтъ, то этого
не слѣдовало бы дѣлать, чтобы они не добились своего. А те-
перь подумаемъ о томъ, что намъ отвѣчать К.».

Я раскланялась, поблагодаривъ графа за такое отноше-
ніе ко мнѣ.

Пробывъ еще нѣсколько дней въ Петербургѣ, я отправилась
обратно въ К., вполне удовлетворенная и исполненная чувствомъ
глубокой благодарности къ графу и П. М.

Въ день моего возвращенія въ К., вечеромъ я встрѣтила у
Л-хъ пасынка К., недоросля и шелопаю, и въ его присутствіи

нарочно рассказывала о своемъ пребываніи въ Петербургѣ, о свиданіи съ графомъ и Ген.-Ад. О. Я говорила веселая, довольная. Конечно, молодой человекъ передалъ дома о слышанномъ.

На слѣдующій день утромъ я явилась къ попечителю. — «Объяснились?» — спросилъ онъ. — «Объяснилась». — «Я не могъ иначе! Архіепископъ не давалъ мнѣ покою!» — «А что нужно Архіепископу отъ меня?» — спокойно спросила я. — «Согласитесь, что прекращеніе дѣятельности попечительства крайне прискорбная вещь!» — «На столько прискорбная, — отвѣчала я все такъ же спокойно, — что мы съ А. М. до сихъ поръ плачемъ, когда сходимся. Но согласитесь также, что мы не крѣпостные и имѣемъ право отказаться отъ дѣла, когда считаемъ невозможнымъ ему служить? Да, наконецъ, что же мѣшаетъ нынѣшнему священнику собрать новый совѣтъ и вновь открыть дѣятельность попечительства?» — «Да, но вѣдь это не такъ легко сдѣлать!» ... — «Не легко? такъ не слѣдовало плевать на насъ, а уважить наше ходатайство...» — отвѣчала я уже болѣе энергичнымъ тономъ. — «Ну, ну, воюйте съ ними! — продолжалъ Н. М., — но я долженъ васъ предупредить, что въ настоящее время почти невозможно бороться съ православнымъ духовенствомъ. Они всегда остаются правыми». — «Ну, на этотъ разъ это можетъ быть и не такъ», — замѣтила я, улыбаясь. — «Можетъ быть отъ того, что здѣсь замѣшанъ Преосв. Д.?» — «Да, именно, потому, что Преосв. Д.» — отвѣчала я.

Преосв. Д., какъ я уже говорила въ другомъ мѣстѣ, въ угоду тутѣйшимъ консисторіаламъ, не уважилъ ходатайства товарища об.-прокурора В. К. С. относительно оставленія въ К. нашего священника, — а подобныя вещи не забываются. Слѣдовательно борьба съ Преосв. Д., еслибы таковая предвидѣлась, окончилась бы его пораженіемъ, тѣмъ болѣе, что я была права.

На этомъ нашъ разговоръ съ Н. М. окончился.

Вечеромъ того же дня я поѣхала къ своей пріятельницѣ теще Н., женѣ начальника дивизіи. Она встрѣтила меня словами: «Ну, слава Богу, душечка, что все окончилось благополучно!» — «А почему вы знаете, что все благополучно?» — «Н. М. мнѣ сказалъ. Онъ былъ сегодня у меня и вошелъ съ словами: — «Е. И. возвратилась довольная, счастливая, что побѣдила поповскую партію!» — «Поповскую партію? не его ли самого? это вѣрно... А былъ онъ у васъ въ мое отсутствіе?» — «Ни разу!»

Это характеристично: къ Н—мъ К. приходилъ обыкновенно раза два въ недѣлю, — тутъ же ни разу не пришелъ въ двѣ недѣли моего отсутствія. Ясно, что онъ не зналъ, что сказать о

моемъ вызовѣ въ Петербургъ. Я была очень благодарна тѣмъ, кто стѣнтриговалъ противъ меня: я осталась только въ выигрышѣ: во-первыхъ, узнала свое высшее начальство и оно меня узнало; во-вторыхъ, получила на проѣздъ двѣсти рублей, что было очень кстати, т. к. я за три года при К. ничего не получала — ни наградныхъ, ни пособій, когда получала даже извѣстная К—ская, что служить, конечно, подтвержденіемъ того, что награды и усердная и полезная служба никакого отношенія между собою не имѣютъ. Нужна не служба, а что-то другое, чего я не знаю и не умѣю обнаруживать. Если я и получала ежегодно награды при Е. А. К., то это совершенно случайно. При Н. М. К. я даже не имѣла столкновенія съ начальникомъ, а при Е. А. К. имѣла. Вотъ и разберите, при какихъ условіяхъ начальницы гимназій получаютъ награды: одно только вѣрно — не за заслуги. Можно ровно ничего не дѣлать и получать ежегодно и награды, и пособія, — можно работать, какъ волъ, — и ничего не получать.

Опять пошли дни за днями. На масляной былъ у насъ въ гимназій музыкально-вокально-литературный вечеръ. Н. М. К. былъ необыкновенно любезенъ со мной, такъ и разсыпался. Глядя на насъ, трудно было повѣрить, что мы такъ недавно еще сразились, и что побѣда осталась за мною. Я, конечно, не принимала его любезности за чистую монету: цѣна имъ была грошъ.

С. продолжалъ свою подпольную работу; я продолжала поддерживать наружный миръ. Дѣла въ гимназій шли себѣ тихо, спокойно, никакихъ столкновеній ни у кого не было; гимназія давно уже преобразилась, гимназистки вели себя вездѣ прилично, нахальные типы между еврейками исчезли, — классныя дамы жили между собою въ ладу. Составъ ихъ улучшился.

Въ началѣ августа 1893 года, возвращаясь изъ Петербурга и направляясь въ Г—скую губернію къ Л—мъ, я случайно заѣхала домой: дорогой я слышала, будто въ К. ожидается Государь.

На другой день моего приѣзда, рано утромъ горничная докладывала мнѣ, что она слышала отъ городского, что въ К. приѣхалъ гр. Пр.-Б. С. былъ въ это время у себя въ деревнѣ; въ гимназій производился ремонтъ. Быстро одѣвшись, я взбѣжала на верхъ; удостовѣрившись, что залъ отремонтированъ, я приказала привести его въ порядокъ и навѣсить къ окнамъ и дверямъ драпировки съ орлами (вѣдь, для графа же онъ вышивались!)

Въ 12 часовъ явился графъ. Оказалось, что графъ былъ на освященіи новаго зданія гимназіи въ Г., въ это время былъ въ В. археологическій съездъ, и Ген. Губернаторъ П. В. О. просилъ графа быть у него на обѣдѣ, который будетъ данъ съѣзду; и вотъ, въ ожиданіи этого обѣда, графъ заѣхалъ къ намъ, не рассчитывая, конечно, застать кого-нибудь, и менѣе всего меня, т. е. мы только что видѣлись передъ тѣмъ въ Петербургѣ. Осмотрѣвъ зданіе гимназіи, графъ зашелъ ко мнѣ, и просидѣлъ съ часъ.

Слухъ о пріѣздѣ Государя не подтвердился. Наступилъ 1893—94 учебный годъ. Все шло тихо и мирно. Въ концѣ ноября заболѣлъ С. воспаленіемъ легкихъ. Въ виду страданія его сердцемъ, опасались осложненія болѣзни.

Какъ вдругъ 27-го вечеромъ получаю конфиденціальное собственноручное письмо отъ П. М. ф.-К., въ которомъ онъ крайне деликатнымъ образомъ пристунаетъ къ тому, чтобы сообщить мнѣ, что графъ ожидаетъ отъ меня прошенія объ отставкѣ, такъ какъ по *известному* мнѣ дѣлу, собранныя свѣдѣнія оказались не въ мою пользу.

Какъ громомъ поразила меня эта вѣсть. Что такое опять? Что оказалось не въ мою пользу? Такъ какъ мнѣ не было показано конфиденціальное письмо К., то я, при объясненіяхъ съ графомъ и съ П. М., могла упустить что-нибудь, но во всякомъ случаѣ я не чувствовала за собою ничего такого, что могло вызвать увольненіе мое.

Прежде всего я поспѣшила къ Л—мъ, чтобы посоветоваться. Прочитавъ письмо П. М., Алекс. Мих. спросилъ: — «Что это значитъ?» — «Не знаю». — «Вамъ нужно ѣхать немедленно въ Петербургъ». — «Да какъ поѣхать?» — «Придумайте что-нибудь!»

Придумавъ опасную болѣзнь сестры, я, по возвращеніи домой, написала К., прося недѣльнаго отпуска въ Петербургъ. К. немедленно отвѣчалъ, что разрѣшаетъ мнѣ оставаться въ Петербургѣ, сколько понадобится.

Въ тотъ же вечеръ я написала П. М. ф.-К., прося, сначала, какъ милости, разрѣшенія мнѣ остаться до новаго года, но, затѣмъ, чѣмъ болѣе я думала, тѣмъ больше приходила къ сознанію, что тутъ что-то не такъ, что я опять имѣю дѣло съ подставленіемъ мнѣ ноги, и въ тоже время зная уже по опыту, что при наличномъ составѣ нашего высшаго начальства, можно добиться правды, я писала П. М., что я *не милости прошу, а требую правды*, а, если понадобится, то требую и формальнаго слѣдствія, чтобы разоблачить интригу. Написала я къ В. К. С.,

указывая ему на возможность ложныхъ показаній со стороны духовныхъ лицъ.

На слѣдующее утро я выѣхала въ Петербургъ, спокойная сознаніемъ своей правоты и увѣренная въ безпристрастности моихъ судей.

Не могу не упомянуть здѣсь довольно замѣчательнаго сна, видѣннаго мною подъ тотъ день, когда я получила письмо отъ П. М. Вижу я, что съ крутого берега схожу я въ лодку; ступивъ въ лодку, я вижу на днѣ ея большое отверстіе и, обращаясь къ лодочнику, повернувшася ко мнѣ спиной, я говорю ему: — «Ты, кажется, хочешь потопить меня?» — и, не дожидаясь его отвѣта, быстро выскакиваю на берегъ и удаляюсь.

Дорогой припоминая этотъ сонъ, и, обликая его съ настоящимъ, я увѣренно себя сказала: «Высочу! не потопятъ меня!» Лица лодочника я не видѣла, но замѣтила, что волосы у него черные. Кстати замѣтить, что у К. волосы черные. Не онъ-ли былъ лодочникомъ?

Пріѣзжаю въ Петербургъ. Въ тотъ же день я предупредила П. М. о своемъ пріѣздѣ, а вечеромъ я свидѣлась съ В. К. С. Онъ стоялъ на томъ, что невозможно, чтобы тутъ замѣшано было духовенство, но добавилъ, что въ случаѣ, если мои предположенія оправдаются, пусть мое начальство обратится за свѣдѣніями къ нимъ, а они уже покончатъ съ этимъ дѣломъ раз навсегда.

На слѣдующій день я отправилась въ канцелярію вѣдомства. Оказалось, что графъ боленъ инфлуэнціей, а П. М. ожидаютъ. Наконецъ, явился П. М. и тотчасъ же меня принялъ. — «Да совсѣмъ не то! — началъ онъ, поздоровавшись со мною, — васъ обвиняютъ въ недосмотрѣ за служащими по известному вамъ дѣлу объ обыскѣ учительницы и классной надзирательницы. Рядомъ съ самими лучшими отзывами о васъ, какъ о личности, Генералъ-Губернаторъ доноситъ, что «въ то время, какъ вы занимались дѣломъ, безспорно прекраснымъ, *дѣломъ утвержденія православія въ кратъ*, вы не видѣли, что дѣлается въ гимназіи».

Гора съ плечъ у меня свалилась: — «Я буду отвѣчать за К—скую и Н—кую? — воскликнула я, — да никогда! О К—ской, какъ классной надзирательницы, мы еще поговоримъ, а о Н—кой, какъ учительницы, я и говорить не стану. Мнѣ до нея никакого дѣла нѣтъ, она мнѣ не подчинена». — «Развѣ не подчинена?» — П. М., позвонилъ, велѣлъ курьеру принести положеніе о жен. гимназіяхъ. Убѣдившись въ томъ, что учительницы не подчинены главной надзирательницы, и что за всѣхъ вообще служащихъ въ жен. гимназіяхъ,

зи отвѣчаетъ только начальникъ, П. М. продолжалъ начатый со мною разговоръ; я же стала ему рассказывать, какъ я, съ перваго дня моей службы въ К., воевала съ К—кой, какъ С. постоянно удерживалъ меня, говоря, что кромѣ непріятностей я ничего не дожусь отъ войны съ К—кой, — какъ всѣ попечители знали, что она такое, Е. А. К. лично дѣлалъ ей замѣчанія, а Н. М. К. каждую осень меня спрашивалъ: — «А что К—кая не выходитъ замужъ?» — и на мой отрицательный отвѣтъ замѣчалъ: — «Очень жаль!» — тѣмъ не менѣе ее терпѣли, она даже награды получала наравнѣ съ другими. И теперь я должна отвѣчать за нее! Да вся гимназія взбунтуется!» ...

Долго говорила я, а П. М. слушалъ со вниманіемъ. Наконецъ, сказавъ, что онъ передастъ обо всемъ графу и съ словами «Ступайте съ Богомъ!» отпустилъ меня.

Дѣло, несомнѣнно, было выиграно. На слѣдующій день курьеръ графа привезъ мнѣ приглашеніе быть на другой день у Его Сіятельства. Являюсь. Графъ былъ у себя въ кабинетѣ. Заслышавъ мои шаги, графъ еще издали привѣтствовалъ меня словами: — «Здравствуйте, Е. И.!» — а, когда я вошла въ кабинетъ, то, протягивая мнѣ руку, сказалъ: — «Я долженъ вамъ сказать, что П. М. защитникъ вашъ и въ глаза и за глаза. И въ самомъ дѣлѣ, вы не можете быть виноваты, вы ни начальникъ, который отвѣчаетъ за всѣхъ служащихъ въ гимназіи, ни губернаторъ, который имѣетъ всѣ средства къ тому, чтобы знать, что дѣлается у него въ городѣ. Я не стану писать П. В. О., — на бумагѣ правда всегда рѣзка, а я скажу ему на словахъ, — онъ долженъ скоро быть здѣсь, — что вы не можете быть виноваты».

Долго еще бесѣдовалъ со мной графъ, какъ всегда привѣтливый, доброжелательный, и, наконецъ, отпустилъ меня, проводивъ меня до лѣстницы.

На слѣдующее утро я получила изъ К. телеграмму съ извѣщеніемъ о смерти С. «Перстъ Божій!» — вотъ что вырвалось у меня изъ груди. «Я или она», — говорилъ онъ въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, подпольная работа шла безостановочно, — а Промыслъ Божій рѣшилъ иначе: онъ, а не я, сошелъ со сцены.

Я переждала въ Петербургѣ его похороны, чтобы не быть вынужденной играть недостойную комедію и не слышать обычныхъ льстивыхъ надгробныхъ словъ, въ которыя никто не вѣритъ. Наконецъ, все было окончено и я возвратилась въ К.

На сей разъ крайне интересно было мнѣ, съ какимъ вопросомъ обратится ко мнѣ К—гъ, когда я къ нему явлюсь, такъ какъ я поѣхала въ Петербургъ «по болѣзни сестры».

«А въ В. прошелъ слухъ, что вы не вернетесь», — началъ онъ. — «Откуда взялся такой слухъ?» — спросила я. — «Правитель канцеляріи Генераль-Губернатора — Г. говорилъ мнѣ». — «А откуда взялъ это Г.?» — «Нужно вамъ сказать, что или сестра его, или сестра жены его хлопочетъ о мѣстѣ главной надзирательницы, и потому они слѣдятъ за вакансіями. Г. же сообщили объ этомъ изъ Петербурга». — «Положимъ, — замѣтила я, — я не прочь оставить К., но это не такъ легко». — «А вы заявили о своемъ желаніи?» — «Давно!» — «А у меня къ вамъ большая просьба», — продолжалъ К. — «Какая?» — съ удивленіемъ спросила я. — «Моя заветная мечта устроить церковь въ гимназіи. Помогите мнѣ своимъ содѣйствіемъ!» — «Съ удовольствіемъ готова сдѣлать все, что могу», — отвѣчала я. — «Такъ ужъ не уходите прежде, чѣмъ не будетъ готова церковь, — и я не уйду!» — «Ну, ужъ это, какъ Богъ дастъ, — замѣтила я, — если представится случай, непременно уйду». — На этомъ мы и покончили.

Удивительная заветная мысль! Три года губернаторъ и попечитель гимназіи, и ни разу не проговорился о своей мечтѣ. А какъ было не подѣлиться со мной этой мечтой, со мной, хлопотавшей *объ утвержденіи православія въ краѣ*, какъ выразился Ген-Ад. О., несомнѣнно, словами К.? Какъ было не сказать мнѣ давно: «Вотъ вы такъ интересуетесь успѣхами православія въ здѣшнемъ краѣ, вы такъ заботитесь объ интересахъ В—ской церкви, вотъ-бы вамъ чѣмъ заняться!» Особенно своевременно было привлечь меня къ этому дѣлу полтора года тому назадъ, когда я вышла изъ В—скаго Попечительства и осталась безъ общественнаго дѣла.

Нѣтъ, видно, *заветной* сдѣлалась эта мечта внезапно; вслѣдствіи Кр—аго дѣла. Нужно было привлечь къ себѣ симпатіи К. П. П. Кто не слыхалъ о К—мъ дѣлѣ, надѣлавшемъ столько шума въ Россіи и за границей? Всѣ газеты, особенно заграничныя трубили о немъ. Имя К., героя К—го дѣла, стало извѣстнымъ всему міру. Рядомъ съ былью рассказывались, какъ всегда, и небывлицы. Настоящей, всей правды, кажется, не добился и судъ.

Мѣстечко К—и Р—скаго уѣзда имѣло женскій монастырь и при немъ небольшую ветхую церковь, и большой камен. приходск. костелъ. По распоряженію администраціи жен. монастырь былъ закрытъ, т. к. по существующимъ въ западномъ краѣ правиламъ, если въ католическомъ монастырѣ менѣе десяти монаховъ или монахинь, то монастырь закрывался, монашествующіе же переводились въ другой монастырь. Состоявшія на лицѣ въ К. мо-

настырь восемь монахинь переведены были въ К—скій монастырь. Произошло это безъ всякихъ инцидентовъ, тихо спокойно.

Но вотъ возникаетъ вопросъ: который изъ имѣющихся въ Кр. костеловъ закрыть:—малый, ветхій монастырскій или большой каменный приходскій? Казалось бы такой вопросъ не долженъ бы и возникнуть: закрыть монастырь, за ненадобностью; подлечь закрытію, по ненадобности, и его ветхій костелъ. Съ какой стати закрывать приходскій костелъ, необходимый для пастырей въ три тысячи человекъ, притомъ, костелъ каменный, следовательно, прочный? Кому понадобится такой вопросъ? Казалось бы, разъ возникъ этотъ вопросъ, слѣдовало бы предоставить его рѣшеніе приходу,—но и тутъ поступлено было не такъ, спросили мѣстные ксендзы. Послѣдній же, какъ говорили, облюбовалъ большіе огороды, прилегающіе къ монастырю и высказался за сохраненіе монастырскаго костела и закрытіе приходскаго. Такъ рѣшила и администрація.

Узнали прихожане о такой обидѣ своей и послали прошеніе объ оставленіи имъ костела ихъ на имя Генераль-Губернатора. Прошеніе осталось безъ отвѣта; послали прошеніе на Высочайшее имя, и это прошеніе осталось безъ отвѣта, должно быть, не дошло по назначенію.

Между тѣмъ, вѣсть о закрытіи Кр. приходскаго костела разнеслась по всей губерніи, къ костелу стали стекаться толпы, подѣлали себѣ землянки вокругъ костела и цѣлые дни проводили въ немъ. Пища доставлялась имъ сосѣдними помѣщиками, которые снабжали ихъ и дреколіями. И не день и не два собиралась толпа и проживала на мѣстѣ, а цѣлый мѣсяцъ, и губернаторъ объ этомъ ничего не зналъ, хотя на судѣ исправникъ показалъ, что онъ своевременно доносилъ Его Превосходительству.

Такъ дѣло стояло, пока ксендзъ, явившись въ костелъ за тѣмъ, чтобы вынести священные сосуды и святые дары, не былъ задержанъ толпой и побитъ, а священные сосуды и св. дары возвращены на престолъ.

Съ этого момента начинается дѣятельность администраціи, губернаторъ самъ отправляется къ мѣсту дѣйствія въ полной увѣренности, что тотчасъ же донесетъ своему начальству: *veni, vidi, vici*. Но вышло иначе.

Ночью, пріѣхавъ въ мѣстечко Кр., губернаторъ тотчасъ же отправился къ костелу; тамъ уже находились до 50 урядниковъ, всѣ станové уѣзда и исправникъ. Прибывъ къ костелу, губер-

наторъ приказываетъ полиціи очистить его; толпа не трогается; наконецъ, послѣ многихъ увѣщаній, при помощи нагаекъ, стали выходить изъ костела, послѣдними вышли женщины, которыя несли впереди большой царскій портретъ, въ огражденіе себя отъ насятія полиціи, какъ онѣ говорили.

Губернаторъ приступилъ къ чтенію Высочайшаго указа. Толпа зашумѣла, слышались голоса: «Какой ты губернаторъ? Развѣ такіе губернаторы бываютъ? гдѣ твой орденъ? (у К. былъ въ то время только орд. Станислава 2-й ст.). Толпа стала напирать на него. Кто говоритъ, что слышенъ былъ даже выстрѣлъ—но съ чьей стороны онъ раздался—изъ толпы-ли, изъ среды-ли полиціи—неизвѣстно. Полиція старалась окружить губернатора, толпа же старалась оттереть его отъ полиціи.

Наконецъ, съ большимъ трудомъ губернаторъ и часть полиціи пробившись сквозь толпу въ костелъ и пробравшись на хоры, гдѣ наскоро баррикадировались. Толпа ворвалась въ костелъ, одинъ отставной солдатъ пытался кривою стащить съ хоръ губернатора: его хотѣли убить и требовали отъ него росписки, въ которой онъ долженъ былъ обвинить себя во всемъ.

Тѣмъ временемъ исправникъ В., оборванный, какъ говорятъ, въ одной сорочкѣ, съ опасностью жизни, пробившись сквозь толпу, спѣшилъ на телеграфную станцію, чтобы вызвать телеграммой изъ ближайшаго мѣста сотню казаковъ. К. нужно было выиграть время: и вотъ, онъ бракуетъ то бумагу, то перо, то чернила, нужные ему для написанія росписки. Положеніе его становилось весьма критическимъ, когда раздался крикъ: «казаки!» Толпа очистила костелъ и бросилась во всѣ стороны. Губернаторъ былъ спасенъ—онъ немедленно послалъ телеграмму въ К. съ вызовомъ прокурора.

А между тѣмъ, налетѣвшая на толпу сотня казаковъ пошла въ нагайки,—говорить, масса народа погибла въ озерѣ, находящемся недалеко отъ костела. Насталъ день и началась расправа К.: онъ теперь могъ показать толпѣ, какой онъ губернаторъ. Расправу свою онъ не прекратилъ даже тогда, когда явился прокурорскій надзоръ, и дѣло администраціи окончилось.—Вотъ то, что можно было извлечь изъ рассказовъ очевидцевъ.

Съ той минуты дѣло Кр. и имя К. стало достояніемъ всемирной печати. Его положеніе было незавидное,—поговаривали о его увольненіи, но Ген. Губ. О. защищалъ и отстаивалъ его. Ему необходима была, однако, поддержка со стороны, и вотъ, у него явилась новорожденная «завѣтная мечта» построить цер-

ковъ въ женской гимназіи. Строитель православной церкви долженъ былъ пріобрѣсть симпатіи К. П. П. Такъ объясняю я себѣ появленіе «завѣтной мечты». Можетъ быть, я и ошибаюсь.

Послѣ смерти С., (7 дек. 1893 г.) исправленіе должности начальника гимназіи возложено было на одного изъ преподавателей, изъ молодых, А. Н. С. Съ первыхъ же дней нашей совместной дѣятельности, въ хозяйственной части мы очутились въ лѣсу. Мы ровно ничего не знали и не понимали. Бывало, спросить меня С—скій: «Не знаете ли, какъ въ такомъ-то случаѣ поступать?» — «Ничего не знаю», — отвѣчаю я.

Гдѣ тутъ знать, когда С., велъ хозяйственные дѣла одинъ, не посвящая въ эти дѣла никого. И такъ велось лѣтъ десять, — я лѣтъ шесть не подписывала протоколовъ хозяйственного комитета, и, повидимому, никому до этого дѣла не было. По крайней мѣрѣ, попечители относились къ этому дѣлу равнодушно: Е. А. К. находилъ, что другіе члены хозяйственного комитета могутъ быть довольны тѣмъ, что ихъ не тревожатъ; Н. М. К. этого не сказалъ, но удовольствовался отвѣтомъ С., что комитетъ собирается ежемѣсячно, хотя зналъ отъ меня, что засѣданій комитета никогда не бываетъ. Интереснѣе всего то, что С. считалъ себя въ правѣ не посылать мнѣ для подписи протоколы, — и не ошибался въ этомъ: онъ могъ дѣлать все, что ему угодно было, безъ всякой помѣхи. Никто не протестовалъ, ибо протесты ни къ чему не ведутъ. Кто подписывалъ протоколы несуществовавшихъ засѣданій, тотъ бралъ на себя, конечно, и отвѣтственность, — я же, не подписывая протоколовъ, оставалась въ сторонѣ.

Медленно, шагъ за шагомъ приходилось намъ съ С—скимъ разбираться въ дѣлахъ, знакомясь съ ними.

Между тѣмъ, мысль, кого-то назначать къ намъ въ начальники, крѣпко занимала всѣхъ насъ. Одинъ изъ преподавателей, постарше, просилъ попечителя представить его въ начальники, но попечитель почему-то не согласился. Онъ предлагалъ это мѣсто инспектору мужской гимназіи, но тому не было расчета мѣнять свою службу на эту и, слава Богу! Это былъ пилла, которая бы извела всѣхъ насъ. Да и не годится для руководства женской гимназіей человѣкъ, привыкшій имѣть дѣло съ мальчиками. Такія назначенія всегда неудачны, но, къ сожалѣнію, никто объ этомъ не думаетъ.

Другихъ кандидатовъ у К. не было. Скажу и тутъ: «слава Богу!» — потому что онъ не отличался умѣніемъ выбирать людей.

Между тѣмъ, мы съ С—скимъ вели дѣло мирно и согласно; мы старались завести порядки, съ нашей точки зрѣнія необходимые, чтобы къ пріѣзду новаго начальника все было по нашему.

Прежде всего мы рѣшили отпускать домой ученицъ свободныхъ въ послѣдніе часы; ученицъ, незанятыхъ необязательными предметами, вмѣсто того, чтобы держать въ небольшихъ запасныхъ классахъ и постоянно унимать, чтобы онѣ не мѣшали занятіямъ въ сосѣднихъ классахъ, мы отводили въ нижній залъ, гдѣ онѣ, никому не мѣшая, могли играть, пѣть, танцевать; приказали подрядчику гимназіи закрасить и замазать всѣ испачканные карандашомъ стѣны и подоконники и прочія мѣста, излюбленные для ученицъ, — и съ этихъ поръ эту часть я забрала въ свое вѣдѣніе. Ни одна черточка не ускользала отъ моего глаза; изо дня въ день, обходя зданіе гимназіи по нѣсколько разъ, я высматривала черточки и подписи и, завидя таковыя, тотчасъ по окончаніи урока вызывала изъ ближайшаго класса дежурную съ резинкой и заставляла вытирать написанное или намазанное.

Первымъ результатомъ этой погоня за черточками было то, что лѣтомъ того же года пріѣзжавшій къ намъ архитекторъ вѣдомства г. М. обратилъ вниманіе на замѣчательную чистоту въ гимназіи, о чемъ былъ составленъ протоколъ.

Но борьба съ черточками была упорная, неустанная: въ праздники красятъ намарапанное тушью, не поддававшейся ни резинкѣ, ни водѣ, — какъ на слѣдующее утро появляется опять черта или подпись на самомъ видномъ мѣстѣ. Чуть не до изступленія доводили онѣ меня этими выходками, пока, наконецъ, сами ученицы, выведенныя изъ терпѣнія, не выдали виновницъ: выдалъ чужой классъ. Призвавъ виновныхъ, я объявила имъ, что за всякую черточку будутъ отвѣчать онѣ. Это были еврейки старшаго класса. Пачкотня прекратилась. Но на борьбу эту ушло болѣе года.

Между тѣмъ, въ Мартѣ я получила официальное письмо отъ Н. М. К., призывавшаго меня къ участию въ созиданіи домовой церкви при гимназіи. При письмѣ былъ приложенъ подписной листъ для сбора пожертвованій. Откровенно сознаюсь, что я никогда не отличалась особымъ умѣніемъ зализать въ чужой карманъ, все, что я могла сдѣлать, это обратиться письменно къ представителямъ всѣхъ вѣдомствъ въ городѣ съ приглашеніемъ участвовать въ подпискѣ; при выдачѣ жалованья, подписной листъ лежалъ на видномъ мѣстѣ въ нашей канцеляріи, — ученицамъ не предлагалось участіе въ подпискѣ, но очень многія са-

ми пожелали внести свою лепту. Словомъ, насилія ни надъ кѣмъ не совершалось,—и мнѣ удалось, однако, собрать въ К. болѣе 700 р., да самъ губернаторъ собралъ до 1200 р.—были иногородныя пожертвованія,—остальную сумму добавило вѣдомство. Сборы и самая постройка церкви продолжалась два года.

Въ концѣ Апрѣля (1894 г.) узнали мы о назначеніи къ намъ начальникомъ Н. Е. Т., бывшего директора учительской семинаріи въ О. Тотчасъ полетѣли въ О. письма къ знакомымъ за справками о личности новаго начальника. Полученныя свѣдѣнія были не особенно утѣшительны.

Въ концѣ мая новый начальникъ прибылъ къ намъ. На другой день своего пріѣзда онъ былъ у меня съ визитомъ. Прежде всего онъ поинтересовался хозяйственной частью. Я откровенно объяснила ему, что хозяйство велось однимъ начальникомъ, и члены хозяйственнаго комитета ничего не знали. Первое впечатлѣніе, произведенное имъ на всѣхъ, было хорошее: онъ былъ серьезенъ и чрезвычайно вѣжливъ. Онъ былъ старый холостякъ и жилъ съ старухой теткой и двоюродной сестрой, молодой дѣвушкой, дочерью тетки. Онъ былъ, повидимому, влюбленъ въ молодую дѣвушку.

Онъ засталъ у насъ экзамены уже на исходѣ; на конференціяхъ, слѣдовавшихъ за экзаменами, онъ строго держался устава, чѣмъ мы были пріятно поражены: мы къ этому не привыкли. Вообще, первые шаги новаго начальника общали намъ много хорошаго.

Въ началѣ 1894—95 учебнаго года К. посѣтилъ новый Л—скій архіепископъ І. Въ ожиданіи посѣщенія его гимназій приказано было всѣмъ ученицамъ, безъ различія вѣроисповѣданія (приказаніе попечителя), собраться въ актовомъ залѣ; педагогическій персоналъ, за исключеніемъ классныхъ надзирательницъ, мѣсто которыхъ было при ученицахъ,—долженъ былъ встрѣтить архіепископа внизу.

Когда ученицы должны были уже быть на мѣстахъ, я направилась на верхъ, и встрѣтилась съ дежурной классной надзирательницей, завѣдывавшей І кл. Она сообщила мнѣ, что три католички ея класса не захотѣли присоединиться къ прочимъ и укрылись въ одномъ изъ классовъ. Я направилась туда. По корридору ходилъ начальникъ съ однимъ изъ преподавателей. Войдя въ указанный мнѣ классъ, я увидѣла трехъ ученицъ, скрывшихся за доской.—«Что вы тутъ дѣлаете?»—спросила я. Онѣ вышли впередъ, но молчали. Я повторила свой вопросъ.

Одна изъ нихъ заговорила:—«Мы не можемъ итти въ залъ, религія наша намъ запрещаетъ это».—«Кто вамъ сказалъ, что религія запрещаетъ вамъ привѣтствовать нашего архіепископа въ стѣнахъ гимназій, какъ нашего гостя?»—Она повторила свою фразу. Въ это время начальникъ проходилъ мимо,—я попросила его зайти. Онъ повторилъ мой вопросъ и получилъ тотъ-же отвѣтъ. На это онъ объявилъ имъ, что предлагаетъ имъ, или тотчасъ-же присоединиться къ подругамъ, или, забравъ свои книги, уйти совсѣмъ домой. Тѣ двѣ, которыя все время молчали и, очевидно, были увлечены тою, которая говорила, исполнили тотчасъ-же требованія начальника, третья же забрала свои книги и ушла. У нея было трое дядей ксендзовъ, отецъ-же ея былъ отставной чиновникъ, въ свое время посѣщавшій православныя молебны въ табельные дни.

Когда попечитель прибылъ въ гимназію, для встрѣчи архіепископа, начальникъ тотчасъ-же доложилъ ему о случившемся, высказывая убѣжденіе свое въ необходимости немедленно уволить упрямую фанатичку. Повидимому, Н. М. К. не соглашался съ мнѣніемъ начальника, но послѣдній настаивалъ.—«Такъзовите конференцію!»—сказалъ попечитель.

Наконецъ, прибылъ Архіепископъ. Преподавъ благословеніе встрѣтившимъ его, Преосвященный поднялся на верхъ въ актовъ залъ. Здѣсь онъ сказалъ краткое, но сердечное слово ученицамъ, убѣждая ихъ съ особенною любовью относиться къ своимъ ближайшимъ воспитательницамъ, класснымъ надзирательницамъ, которыя, въ заботахъ о нихъ, несутъ тяжелый трудъ, который можетъ быть вознагражденъ только признательною любовью.

Эти слова Архипастыря произвели глубокое впечатлѣніе на тѣхъ, къ кому они относились. Наши классныя надзирательницы гимназій не привыкли къ тому, чтобы о нихъ говорили съ уваженіемъ. Начальники гимназій, мало знакомые съ ихъ трудомъ, обыкновенно смотрятъ на нихъ или враждебно, или пренебрежительно, и недовольны, если начальницы съ ними въ хорошихъ отношеніяхъ и видятъ въ нихъ своихъ помощницъ. Е. А. К. называлъ ихъ «сторожиками», Н. М. К., хотя и подавалъ имъ руку, но не придавалъ имъ особеннаго значенія. А потому, слова Архипастыря подняли ихъ въ собственныхъ ихъ глазахъ.

Преподавъ всѣмъ благословеніе, Преосвященный пожелалъ посѣтить урокъ Закона Божія, гдѣ и пробылъ съ полчаса, и затѣмъ простился съ нами.

Вскорѣ наступили тѣ ужасные дни, когда мы ни о чемъ другомъ не могли думать, какъ о державномъ страдальцѣ, Импе-

раторъ Александръ III. Мы жили только мыслью и молитвой о немъ. Страшно тяжелые, мучительные дни переживали мы. Съ жадностью бросались мы на каждую телеграмму. Надежда смѣнялась уныніемъ, и наоборотъ.

Наконецъ, роковая мысль пронеслась... Потрясенные горемъ, постигшимъ Россію, всѣ устремились въ храмы молиться за усопшаго Царя-Миротворца, котораго оплакивалъ весь міръ. Дѣти также были глубоко потрясены. Отъ гимназіи была послана телеграмма на имя Главноуправляющаго съ просьбой повергнуть къ стопамъ Августѣйшей покровительницы нашей чувства глубочайшей преданности, любви и соболѣзнованія.

Въ это время ярко выступила наружу вражда между гражданскою и военною властью. Губернаторъ донесъ Генералъ-Губернатору, что въ то время, какъ гражданское вѣдомство присутствуетъ на панихидахъ, военное—служить молебны (по случаю восшествія на престолъ Императора Николая II): одни, моля, плачутъ, другіе радуются.—К. не сообразилъ того, что въ войскахъ все дѣлается по командѣ, исходящей свыше. Доносъ его препровожденъ былъ командующему войсками, а симъ послѣднимъ коменданту ген. Ч., который, въ свою очередь препроводилъ его къ начальнику дивизіи ген. Н. Этотъ послѣдній показывалъ мнѣ бумагу, когда я была у нихъ.

Этотъ доносъ, конечно, послужилъ къ усиленію вражды между губернаторомъ и комендантомъ. Долго поддерживалъ ген. Н. добрыя отношенія съ К., но, наконецъ, и они разошлись. Случилось, что въ одномъ баталіонѣ, квартировавшемъ въ городѣ, появился тифъ. По осмотру помѣщенія, врачи признали его негоднымъ; баталіонъ былъ выведенъ за городъ впредь до прекращенія эпидеміи. Въ свое время начальникъ дивизіи обратился въ городскую думу съ просьбой отвести баталіону другое помѣщеніе, такъ какъ, согласно Высочайшему повелѣнію, вся дивизія должна быть расквартирована въ городѣ. Ни отвѣта, ни распоряженія не сдѣлано. Продавъ нѣкоторое время, начальникъ дивизіи обратился къ губернатору, проси содѣйствія: отвѣта не послѣдовало. Трижды обращался генералъ Н. къ Н. М. К.,—отвѣта не было. Убѣдившись въ нежеланіи губернатора отвѣтить ему, начальнику дивизіи, по дѣлу, вытекающему изъ Высочайшаго повелѣнія, ген. Н. сообщилъ объ этомъ корпусному командиру. Началась переписка по начальству, восходившая, наконецъ, до министровъ Военнаго и Внутр. Дѣлъ. Результатъ былъ достигнутъ, но К. оставался безнаказаннымъ.

Конечно, ген. Н. порвалъ всякое знакомство съ губернаторомъ, и К. окончательно раздѣлилась на два враждебныхъ лагеря. Если до этого времени гражданская власть была постоянно виновата въ отношеніяхъ своихъ къ военной, то съ той поры и ген. Ч., самъ пѣтухъ, нахохлился и не разъ былъ причиной столкновенія.—

Торжественнаго акта въ нашей гимназіи въ 1894 году не было. Актъ давно уже перенесенъ былъ на осень; они всегда обставлялись большою торжественностью, но на этотъ разъ, по случаю всеобщаго горя, актъ былъ домашній.

Между тѣмъ, прошли дни унынія, наступили дни новыхъ надеждъ, устремившихся къ вѣнценосному Юношѣ. Всѣ взоры устремлялись теперь къ Тому, Который объявилъ Свою твердую волю идти по стопамъ Своего незабвеннаго державнаго Отца.

День бракосочетанія молодого Государя былъ днемъ величайшей радости всеобщей. Дни сомнѣнія и страха смѣнились днями тихаго спокойствія.

Наконецъ, все вошло въ свою колею. Исторія съ фанатичкой-католичкой кончилась тѣмъ, что конференція значительнымъ большинствомъ голосовъ постановила исключить ее изъ гимназіи. Прежде созванія конференціи, начальникъ, согласно волѣ Попечителя, приглашалъ къ себѣ отца молодой дѣвушки, чтобы предложить ему подать прошеніе объ увольненіи дочери изъ гимназіи.—Охъ, ужъ эти повстанцы, сбиваютъ съ толку горячія головы!—плакался отецъ, обѣщалъ подать прошеніе, но прошло двѣ недѣли, а прошеніе подано не было. Тогда созвана была конференція.

Относительно двухъ другихъ, которыя, подъ влияніемъ первой, пытались ослушаться, но кончили тѣмъ, что подчинились начальству по первому требованію его. Было много споровъ. Большинство стояло на томъ, чтобы ограничиться выговоромъ объявленнымъ отъ имени конференціи,—и я склонялась въ эту сторону,—но начальникъ настоялъ на томъ, чтобы имъ былъ сбавленъ баллъ за поведеніе. Однако, большинство настояло на томъ, что годовой баллъ будетъ исправленъ, если провинившіяся будутъ вести себя безукоризненно. Такое условіе было особенно важно для одной изъ нихъ, такъ какъ она была первой ученицей. Когда въ концѣ года, послѣ экзаменовъ, конференція присудила награды, начальникъ хотѣлъ было обойти эту первую ученицу, рѣшительно всѣ, безъ исключенія, вступили за нее, напоминая, что сбавка балла была сдѣлана условно,—и начальникъ уступилъ съ тѣмъ, чтобы представить это постановленіе

конференции на решение попечителя. Последний, однако, согласился с мнением конференции, и ученица эта получила золотую медаль.

В течение первого учебного года при новом начальнике, мы почти его не видели. Все распоряжения по гимназии он делал через меня, и мало по малу все привыкли по всем делам обращаться ко мне. Мы были как-бы без начальника. Он же все время проводил в канцелярии. Прежде, при С., учителя во время перемены сидели в канцелярии, теперь канцелярия для них была закрыта.

Когда решено было поручить кому-нибудь из педагогического персонала возложить венок на гроб Александра III, и начальник в конференции предложил выбрать такое лицо, то все в один голос заговорили «Е. И.! Е. И.!» Начальник объявил: «Мы не можем одновременно отлучаться, я же должен обязательно ехать (т. е. быть депутатом), и потому Е. И. не может ехать, нужно выбрать другое лицо». Признаться, никто не понимал, почему он обязан ехать депутатом, и почему мы одновременно не можем отлучаться. Решено было, что в таком случае пусть едет один начальник.

Узнавая, начальник передал исправление должности начальника гимназии мне, как его помощнику, по уставу. Это была новинка, не мало удивившая всех нас и разъяснившая причину невозможности отлучаться одновременно начальнику и мне. С тех пор всегда в отсутствие Н. Е. Т. и во время его болезни я исправляла должность начальника гимназии, председательствовала на конференциях и подписывала бумаги «и. д. начальника». Откровенно признаюсь, я чувствовала себя отлично в этой новой роли.

Весь первый при Н. Е. учебный год (1894-95) проходил благополучно. Н. Е. был всегда внимателен и деликатен со всеми, на конференциях выслушивал мнения. Все были довольны. Один только преподаватель словесности А. И. К. говорил всем: «Вы не знаете его! Это невозможный человек». К. завывал письмоводством канцелярии гимназии и был потому ближе к начальнику.

Отношения К. М. К. ко мне видимо улучшились, или потому, что никто ему не наговаривал на меня за смертью С., или потому, что он убедился в бесполезности подставлять мне ногу.

Между тем, в начале 1895 года случилось так, что м-ше К., устраивая спектакль с благотворительною целью, при-

слала мне билеты для раздачи между ученицами. Забрав билеты и афишу, я показала их первой попавшейся мне на встречу классной надзирательнице; мы сели с ней на скамейку в галлерею и стали читать афишу. «Да, ведь, это «la dame aux camélias» Дюма!» — заметила Ек. П. Ск.—а. Признаюсь, посещая редко театр, я так поотстала от театральной литературы, и потому, в пьесе «Как поживется, так и откликнется» — не подозревала известной пьесы Дюма. Но тут, на афише, под русским названием пьесы было напечатано мелким шрифтом «la dame aux camélias» Дюма. Сомнения не было. Но как же вести детей на такую пьесу? Этого сделать я никак не могла, а потому прошла к Н. Е. в канцелярию посоветоваться, как выйти из этого затруднительного положения. Но он ничего не мог мне посоветовать. И вот, я пишу м-е К. такое письмо: «Если это известная пьеса Дюма, то я сомневаюсь в возможности вести детей в театр на эту пьесу». — В ответ на это получаю следующее: «Да, это «Traviata» без пения. Н. М. говорит, что в этой пьесе нет ничего безнравственного». Да, безнравственного нет, но кто же будет объяснять детям нравственную сторону пьесы? И я опять пишу: «Конечно, безнравственного ничего нет, иначе Вы бы не предложили вести детей в театр. Но тем не менее, зная взгляды петербургские и мое мнение некоторых родителей, я не решаюсь вести детей на эту пьесу. Возвращая присланные мне билеты, прошу принять прилагаемую при сем ленту мою (10 р.)».

Затем, опасаясь какой-нибудь каверзы с этой стороны, я препроводила эту переписку П. М. фон-К., от которого в скором времени получила сообщение, что граф прочел переписку по поводу «Traviata» без пения и одобряет меня. Инцидент был исчерпан.

Дело о постройке гимназической церкви быстро двигалось вперед. Граф сочувственно отнесся к этому проекту и общался содействием; подписка шла успешно. План и рисунок иконостаса исполнен был нашим даровитым учителем рисования Н. Л. Л., на Пасху ездили мы оба в Москву и там осмотрели несколько домовых церквей, виделись с художником иконостасом, который высылал нам в К. образцы своей живописи; мы с ним написали проект условия на поставку всех икон для иконостаса и в алтарь.

По возвращении нашем из Москвы, начались заседания строительной комиссии под председательством Губернатора. В этих заседаниях Н. М. К. отличал меня своим вниманием.

емъ, постоянно обращаясь ко мнѣ, желая знать мое мнѣніе, и, наоборотъ, крайне невнимательно относился къ начальнику гимназіи, просто не обращалъ на него никакого вниманія. Тотъ, видимо, ему не нравился.

Осенью 1895 года иконостасъ былъ готовъ и установленъ на мѣстѣ, что происходило на глазахъ К.; послѣдній чуть не ежедневно сталъ приходить, по окончаніи уроковъ, чтобы обдумывать, что и гдѣ поставить или повѣсить въ олтарѣ. Затѣмъ началось расписываніе стѣнъ и потолка въ церкви: опять безконечныя обдумыванія. Всю осень и зиму мы ежедневно собирались на мѣстѣ строящейся церкви и часа по три топтались на мѣстѣ. Измучилъ насъ совсѣмъ К.! При этомъ онъ обращался только ко мнѣ за совѣтомъ. Т. какъ будто-бы и не было тутъ. Мнѣ за него становилось неловко. Признаться, я начинала думать, не хочетъ ли К. посорить меня съ начальникомъ. Я старалась, какъ могла, сглаживать невниманіе къ нему губернатора.

Въ началѣ этого учебнаго года произошло у меня маленькое столкновеніе съ начальникомъ. Обративъ вниманіе на недостаточную чистоту въ классахъ, я сдѣлала замѣчаніе сторожамъ, что они недостаточно часто стираютъ пыль, — что они объяснили мнѣ недостаткомъ въ полотенцахъ, а такъ какъ холстъ на полотенца покупается по распоряженію начальника и имъ самимъ распределяется между сторожами; то я и сказала послѣднимъ, что ихъ дѣло доложить начальнику, что у нихъ недостаточно полотенецъ. — «Мы уже докладывали», — отвѣчали они. — «Доложите еще разъ!» — Въ это время проходилъ начальникъ, который слышалъ этотъ разговоръ. Онъ остановился и рѣзко замѣтилъ: — «Я не нахожу пужнымъ увеличить число полотенецъ!» (ихъ было по 2 на классъ). — «А я нахожу необходимымъ содержать классы въ чистотѣ, и если нельзя купить холста на казенныя деньги, то я куплю на свой счетъ», — сказала я, по возможности, сдержанно.

Т. попросилъ меня въ кабинетъ и съ неудовольствіемъ мнѣ замѣтилъ, какъ могла я сказать сторожамъ: «Доложите еще разъ начальнику!» Не желая ссориться, я отвѣчала ему, какъ можно мягче, что я обязана требовать отъ сторожей чистоту въ классахъ, а какъ полотенцами распоряжается онъ, помимо меня, то сторожа и должны обращаться къ нему, когда они не могутъ исполнить моихъ законныхъ требованій. Кое-какъ сошло это первое объясненіе между нами.

Между тѣмъ, въ то время, какъ я и всѣ служащіе въ гимназіи еще довольны были начальникомъ, преподавателемъ, завѣдывавшій письмоводствомъ въ гимназіи, терялъ всякое терпѣніе съ нимъ; онъ не разъ говорилъ всѣмъ: — «Вы увидите, какое это сокровище!» и кончилъ тѣмъ, что не только отказался отъ письмоводства, но совсѣмъ ушелъ изъ гимназіи. Письмоводство взялъ начальникъ на себя. Онъ началъ съ того, что вознагражденіе письмоводителя увеличилъ съ 15 на 20 р., а работу свою довѣлъ до минимума. Все, что можно было отпечатать, отпечаталъ; письмоводство по хозяйственному комитету возложилъ на одного изъ членовъ его, многое возложилъ на классныхъ надзирательницъ.

Этотъ первый шагъ его на этомъ пути положилъ начало той антипатіи, которая въ послѣдствіи развилась у всѣхъ. Но начало этой антипатіи какъ бы безсознательно сказалось въ ученицахъ. Послѣ окончательныхъ экзаменовъ выпускной классъ обыкновенно устраиваетъ маювку, на которую приглашаетъ начальство, свою классную надзирательницу и всѣхъ преподавательницъ и преподавателей класса. По окончаніи перваго учебнаго года при Т. устроилась прогулка на пароходѣ. Когда всѣ уже были въ сборѣ, я замѣтила отсутствіе начальника. — «А начальникъ?» — спросила я классную надзирательницу. — «Его не пригласили», — отвѣчала она. — «Да, вѣдь, это-же не ловко!» — замѣтила я. — «Чтожъ мнѣ было дѣлать! Я убѣждала ихъ пригласить Н. Е., но онъ ни за что не хотѣли». — «Почему?» — «Не знаю. По-видимому, не взлюбили его».

И это было въ то время, когда мы всѣ, за исключеніемъ преподавателя, завѣдывавшаго письмоводствомъ, скорѣе расположены были къ нему! Можно это объяснить, пожалуй, тѣмъ, что онъ совсѣмъ не знали его, т. е. онъ никогда не выходилъ изъ канцеляріи. Онъ, просто, игнорировали его.

Второй учебный годъ (1895-96) Н. Е. продолжалъ сидѣть въ канцеляріи, къ тому же онъ началъ страдать воспаленіемъ уха, и мнѣ не разъ и по-долгу приходилось исполнять должностъ начальника.

Между тѣмъ, онъ взялъ на себя преподаваніе ариѳметики въ парал. отд. V и IV классовъ. Въ слѣдствіи болѣзни онъ пропускалъ много уроковъ, да и преподаваніе у него шло неудачно, ученицы не понимали его объясненій, онъ никогда не задавалъ письменной работы, и ученицы его перешли въ слѣдующій классъ, не зная курса ариѳметики. Родители роптали.

Съ перваго же года онъ сталъ открывать параллельные классы и началъ съ V и IV классовъ. Для наполненія ихъ онъ открылъ настежь двери еврейскому элементу, стали появляться еврейки изъ Вильны, Гродна, Минска и Могилева, составъ классовъ сталъ видимо портиться въ нравственномъ отношеніи, снова появились типы, давно исчезнувшіе изъ гимназіи; въ параллельные классы не назначались классныя надзирательницы, приходилось одной классной надзирательницѣ завѣдывать двумя отдѣленіями съ 80 ученицами, дисциплина стала расшатываться. Приѣмъ ученицъ продолжался весь годъ, что отвлекало преподавателей отъ уроковъ, — приѣмъ ученицъ со стороны начальника былъ крайне снисходителенъ. Однажды экзаменовавшаяся еврейка получила отъ экзаменовавшей ее учительницы 6-ку по ариметикѣ, тѣмъ не менѣе начальникъ ее принялъ. Когда пришлось экзаменовать другую, эта самая учительница отказалась экзаменовать. Начальникъ призвалъ ее къ себѣ и объявилъ ей: «Вѣдь, здѣсь вопросъ идетъ о томъ—я или вы».

Въ силу принципа «сила соломѣ ломить» пришлось подчиниться и продѣлывать формальность. Экзаменаторы изгнали 6-ку изъ употребленія и замѣнили ее 5-й, предполагая, что если можно 6-ку обратить въ 7-ку, то сдѣлать это съ 5-й—невозможно.

Но и это не всегда помогало. На экзаменахъ, начальникъ, не стѣсняясь, накидывалъ баллы на средній выводъ, а на конференціяхъ, на которыхъ выводились четвертные отмѣтки, онъ самъ выставялъ средній баллъ, по своему усмотрѣнію. Голосъ преподавателей потерялъ всякое значеніе, начальникъ переводилъ изъ класса въ классъ, какъ хотѣлъ. Переэкзаменовки давались по 4-мъ и болѣе предметамъ, при двухъ главныхъ предметахъ (рус. яз. и матем.). Произволъ начальника началъ царить въ учебномъ дѣлѣ и вызывать неудовольствіе въ служащихъ.

Въ коронаціонный годъ натяжка балловъ дошла до издѣвательства надъ экзаменомъ. У одной ученицы VI кл. по русскому языку были двѣ 5-ки по устному и письменному экзаменамъ на переэкзаменовкѣ. На конференціи начальникъ присталъ къ преподавательницѣ: «Ради коронаціи поставьте 7-ку!» — «Не могу!» — отвѣчала преподавательница. — «Ну, я прошу вась!» — «Никакъ не могу!» — Но начальникъ не переставалъ упрашивать, пока учительница не уступила: и 5-ки обратились въ 7-ки.

Неудовольствіе между служащими росло. Къ этому присоединялись еще рассказы о его скаредности, а эта послѣдняя стала внушать омерзѣніе. Къ концу втораго учебнаго года Т. уже не поль-

зовался ничѣмъ расположеніемъ въ гимназіи,—общество отпосилосъ къ нему недружелюбно. Мы еще ладили.

Весной 1896 г., въ Вербную субботу совершилось, наконецъ, освященіе гимназической церкви, которая вышла чрезвычайно изящной: не даромъ замучилъ насъ К., обдумывая мѣсто для каждаго гвоздя.

Золотой фонъ иконъ на черномъ иконостасѣ производилъ необычайный эффектъ, въ особенности вечеромъ. Тонкая рѣзба иконостаса, въ особенности царскихъ вратъ, обращала на себя вниманіе знатоковъ. Прекрасная живопись иконъ, вся утварь, расписанный художественно потолокъ—все гармонировало между собой: мы, строители церкви имѣли право быть довольными. Наша церковь была красивѣйшею въ городѣ послѣ недавно выстроеннаго военнаго собора.

Торжество освященія совершилъ епископъ К.—скій Х. Попечитель гимназіи угостилъ завтракомъ православныхъ ученицъ и приглашенныхъ. Съ этого дня началось правильное служеніе въ каждый воскресный и праздничный день, хотя причтъ еще не былъ назначенъ. К. откладывалъ ходатайство о причтѣ, боясь затормозить самое дѣло постройки церкви.

Лѣтомъ 96 года состоялся переводъ Н. М. К. въ В., а въ К. переведенъ былъ изъ Ж. С. П. С.—й. Н. М. оставилъ К., не простившись ни съ обществомъ, ни съ гимназіей. Проводовъ ему не дѣлали. Передъ отъѣздомъ его я встрѣтилась съ нимъ у знакомыхъ въ деревнѣ, и онъ простился со мной очень сердечно. На вокзалѣ при его отъѣздѣ было только нѣсколько человѣкъ изъ губернаторской канцеляріи; изъ ж. гимназіи было человѣка три да я четвертая. Даже начальникъ не явился. Не былъ и вице-губернаторъ П. П. Н., который не скрывалъ своей радости по поводу отъѣзда К.

Между тѣмъ, по городу пошли слухи о новомъ губернаторѣ. Рассказывали, что въ неофіціальнѣйшій пріѣздъ свой еще до отъѣзда К., онъ спросилъ послѣдняго: «Какой слогъ у здѣшнихъ чиновниковъ?» — К. не понялъ этого вопроса. — «Я спрашиваю, какъ они пишутъ?» — «Да большей частью я самъ писалъ бумаги», — отвѣчалъ К. — Нужно замѣтить, что К. большой охотникъ до писанія: ему непременно нужно передѣлать бумагу, хоть слова переставить и раставить запятые, на что у него много времени уходило. — На его объясненіе С. П. С. замѣтилъ: — «Ну, я писать бумаги не буду, это не дѣло губернатора!» — «Да что-же дѣлать, если бумага не хорошо написана?» — «А я заставляю ее переписать, пока она хорошо не написана».

Наступилъ 1896—97 учебный годъ. На первыхъ же порахъ между Н. Е. Т. и мною вышло недоразумѣніе. Нужно замѣтить, что до введенія чаепитія для ученицъ завелись горячіе завтраки, но отъ этого происходилъ только безпорядокъ: въ первой раздѣльной скопilasа прислуга ученицъ, приносящая завтракъ, надзоръ за нею былъ невозможенъ, такъ какъ всѣ сторожа заняты были разливаніемъ чая и разноской завтраковъ,—случались пропажи верхняго платья, и вотъ, въ виду этого, съ начала учебного 1896—97 г. классныя надзирательницы обратились ко мнѣ съ просьбой запретить горячіе завтраки.

Эта часть всегда и вездѣ въ ж. гимназіяхъ находится всецѣло въ распоряженіи начальницы: она разрѣшаетъ или запрещаетъ ту или другую вѣду. Другое дѣло, введеніе чаепитія, тутъ потребовалось и помѣщеніе и привлеченіе сторожей съ сторожиками, на это необходимо было разрѣшеніе начальника. Относительно же горячаго или холоднаго завтрака вмѣшательство начальника совершенно излишне,—да онъ и не знаетъ, что ѣдятъ ученицы. Согласившись съ мнѣніемъ классныхъ надзирательницъ, я поручила имъ объявить ученицамъ, что отнынѣ горячіе завтраки не разрѣшаются, объяснивъ причину этого.

Не прошло еще недѣли со времени этого распоряженія, какъ однажды въ большую переѣзную сажу я на площадкѣ въ корридорѣ. Подлѣ меня стояли двѣ классныя надзирательницы и разговаривали со мной. Вдругъ передъ нами является Т.—«Что это вы, Е. И., сдѣлали распоряженіе на счетъ горячихъ завтраковъ помимо меня?»—довольно рѣзко сказалъ онъ.—«Это всегда зависѣло отъ меня, я разрѣшила, я и запретила, и не безъ причины»,—спокойно отвѣчала я.—«Ко мнѣ обратился одинъ отецъ,—продолжалъ Т.,—и я разрѣшилъ присылать горячіе завтраки его дочери». —«Ахъ, дѣлайте, какъ хотите!»—уже съ досадою замѣтила я, разсерженная и тономъ его, и тѣмъ, что онъ, вмѣсто того, чтобы направить ко мнѣ просителя-отца, объяснивъ ему, что это мое дѣло, самъ разрѣшилъ, не узнавъ даже причины запрещенія горячихъ завтраковъ.—«Конечно, я сдѣлаю такъ, какъ я хочу!»—отвѣчалъ онъ рѣзкимъ тономъ.—«И почему нельзя разрѣшить имъ горячаго завтрака, бифштекса, напимѣръ? Конечно, не нужно приносить тарелокъ, вилокъ и ножей!».....

Я ничего не отвѣтила на это, но не могла не улыбнуться при мысли о томъ, какъ горячій бифштексъ приносится безъ тарелокъ и съѣдается безъ помощи вилки и ножа. При этомъ заслуживаютъ вниманія слова: «конечно, я сдѣлаю такъ, какъ я

хочу!»—въ нихъ вся сила. Дѣлать не то, что *должно* или *нужно*, а то, что *хочу я*, начальникъ!

Не могу не замѣтить при этомъ, что на этой-то почвѣ и просходятъ всѣ столкновенія начальниковъ и начальницъ гимназій. Если бы дѣло шло только о *пользѣ дѣла*, никогда бы не было столкновений; но польза дѣла на послѣднемъ планѣ, споръ идетъ всегда о томъ, кто сдѣлалъ распоряженіе. Въ глазахъ начальниковъ гимназій лучше, чтобы дѣло совсѣмъ не дѣлалось, чѣмъ сдѣлано было по распоряженію начальницы. Здѣсь ничто иное, какъ антагонизмъ мущины и женщины. Постоянный страхъ со стороны начальника передъ тѣмъ, чтобы не сказали, что дѣло идетъ хорошо, благодаря начальницѣ,—а между тѣмъ, когда гимназія распушена, начальники сваливаютъ вину на начальницъ; если-же все въ порядкѣ, то все хорошее приписываютъ себѣ. При этомъ не могу не рассказать, какъ однажды въ одной изъ гимназій нѣсколько мѣсяцевъ оставались безъ начальницы, наконецъ, явилась вновь назначенная, начальникъ при первомъ же знакомствѣ съ нею говорить:—«Вамъ придется подтянуть гимназію, нѣсколько мѣсяцевъ гимназія была безъ начальницы и распустилась». —«А вы же сами гдѣ были?»—наивно спросила она.

Да, въ самомъ дѣлѣ, гдѣ бываютъ они, эти начальники, которые зорко оберегаютъ свой авторитетъ, не желая ничѣмъ поступиться въ пользу своихъ ближайшихъ помощницъ, когда они временно остаются безъ этихъ помощницъ, или когда эти помощницы слабохарактерны? Забываютъ или упускаютъ изъ виду начальники еще и то, что авторитетъ лица зависитъ не отъ того, что онъ будетъ говорить: «я хочу!», «я начальникъ!», а отъ служенія дѣлу. Кто дѣлаетъ дѣло, тотъ и пользуется авторитетомъ. Начальники гимназій хотѣли бы, чтобы ихъ помощницы и работали за нихъ, и были бы въ тоже время нулемъ. Но это рѣшительно невозможно. Чтобы быть нулемъ, нужно ничего не дѣлать.

Такъ и тутъ: два года Т. не выѣзжалъ изъ канцеляріи, приучивъ всѣхъ по всѣмъ дѣламъ обращаться ко мнѣ. На чьей же сторонѣ могъ быть авторитетъ? Онъ проявлялъ свой авторитетъ только на конференціяхъ, когда онъ самовольно выводилъ средніе баллы и обращалъ 6-ки и 5-ки въ 7-ки.

Затѣмъ слѣдуетъ замѣтить, что если начальники хотятъ, чтобы начальницы никогда ихъ не обходили въ распоряженіяхъ, пусть они первые покажутъ примѣръ соблюденія устава и уваженія правъ чужихъ: зачѣмъ они нарушаютъ права конференцій?

И гдѣ тотъ начальникъ гимназіи, который бы ихъ не нарушалъ? Они то и главные виновники того, что служащіе и учащіеся воспитываются въ духѣ неуваженія закона. Произволь начальника гимназіи служить краеугольнымъ камнемъ, на которомъ зиждется воспитаніе дѣвушекъ, потомъ удивляются тому, что для женщины законъ не писанъ. Да кто же ее приучаетъ къ законности? Гимназія приучаетъ только къ тому, какъ обходить законъ.

Горячіе завтраки, однако, прекратились.

Въ сентябрѣ 1896 г. прибылъ въ К. новый губернаторъ С. П. С. На приемѣ служащихъ онъ особенно внушительную рѣчь сказалъ полиціи, всѣхъ же собравшихся у него для представленія онъ просилъ помогать ему въ служеніи общему, русскому дѣлу. Впечатлѣніе, произведенное на всѣхъ новымъ губернаторомъ, было хорошее. На другой день новый попечитель посѣтилъ гимназію. Всѣ ученицы были собраны въ залѣ, служащіе встрѣтили Попечителя въ корридорѣ. Сказавъ нѣсколько теплыхъ словъ ученицамъ, С. П. С. отпустилъ всѣхъ, пожелавъ остаться съ начальникомъ и мною.

Въ бесѣдѣ съ нами онъ спросилъ, какъ ведутъ себя ученицы внѣ гимназіи? Я отвѣчала: что вообще онѣ ведутъ себя прилично, но бываютъ случаи, когда приходится прибѣгать къ строгимъ мѣрамъ. На это С. П. замѣтилъ, что крайне важно, чтобы ученицы гимназіи вели себя хорошо вездѣ, и общалъ содѣйствія съ своей стороны.

Въ октябрѣ состоялся у насъ торжественный актъ. Это былъ первый за время управленія гимназіей Т.: въ первый годъ при немъ былъ трауръ по только что скончавшемуся Императорѣ, а во второй годъ актовый залъ былъ заваленъ разнымъ матеріаломъ для строящейся церкви. Не смотря на то, что до Т. въ этомъ залѣ уже девять разъ происходилъ торжественный актъ и всѣ привыкли къ извѣстному порядку,—наши же акты всегда отличались торжественностью и эффектомъ,—я, во избѣжаніе недоразумѣній, дня за два до акта предложила начальнику осмотрѣть актовый залъ и высказать свое мнѣніе на счетъ того, какъ онъ думаетъ устроить все. Я ожидала, что онъ спроситъ меня, какъ бывало до него? Но онъ не спросилъ этого, а сталъ указывать, какъ онъ думаетъ поставить стулья для публики, гдѣ поставить ученицъ, пѣвчихъ, наградныхъ и пр. Выходило что-то крайне некрасивое и неудобное. Столъ, съ попечителемъ, начальствомъ и педагогическимъ персоналомъ вокругъ, онъ думалъ поставить лицомъ къ публикѣ и задомъ къ церкви,—уче-

ницъ и пѣвчихъ—за спиной у публики. Такимъ образомъ, публикѣ предстояло разсматривать только педагогическій персоналъ и начальство и смотрѣть на спины наградныхъ, которыя подходили бы къ столу спиной къ публикѣ. Я пришла въ ужасъ отъ такого плана, но прямо забраковать его нельзя было, нужно было приступить къ дѣлу осторожно. Я начала съ того, что стала доказывать, что неудобно ставить пѣвчихъ за спиной у публики. Начальникъ сталъ оспаривать это, ссылаясь на то, какъ бывало у него въ О—кой учительской семинаріи. Ясно было, что онъ, независимо отъ различія, существовавшего между обоими залами, думалъ пригнать обстановку нашего акта къ обстановкѣ, ему знакомой. Повидимому, актовый залъ О—ской учительской семинаріи не представлялъ тѣхъ удобствъ, которыя представлялъ нашъ залъ, и потому незачѣмъ намъ копировать съ нея.

Я рѣшила призвать на помощь учителя пѣнія, голосъ котораго долженъ былъ быть авторитетнымъ при выборѣ мѣста для пѣвчихъ, а потому я просила учителя пѣнія зайти на слѣдующій день утромъ для этой цѣли. Въ этомъ случаѣ я имѣла въ виду еще и то, что мнѣніе учителя пѣнія, въ глазахъ начальника, не подрываетъ авторитета его, начальника, тогда какъ мнѣніе мое, съ точки зрѣнія начальника, можетъ подорвать его авторитетъ. Кромѣ учителя пѣнія я просила еще одну изъ классныхъ надзирательницъ также зайти въ актовый залъ при окончательномъ выборѣ мѣста для всѣхъ участниковъ акта. Я призывала на помощь эту классную надзирательницу потому, что она очень ловкая и умѣетъ наговорить съ три короба, чтобы убѣдить въ томъ, въ чемъ хочетъ.

Подготовивъ себѣ, такимъ образомъ, помощниковъ, я предложила на слѣдующій день начальнику еще разъ сообразить распределеніе мѣстъ въ актовомъ залѣ, на что онъ согласился; явились и учитель пѣнія и приглашенная мною классная надзирательница, которая зашла, какъ бы невзначай. Опять сталъ начальникъ развивать свой планъ, выступивъ учитель пѣнія съ своимъ мнѣніемъ на счетъ мѣста для пѣвчихъ, долго оспаривалъ его начальникъ,—я, наконецъ, не выдержала и сказала: «Публикѣ предстоитъ только одно—разсматривать каждую нашу морщанку, а самого-то интереснаго для нея, ученицъ, она и не увидитъ». — «Публика болѣе всего интересуется отчетомъ!» — выпалилъ начальникъ. — «Отчетъ-то вовсе ее не занимаетъ», — возразила я, — отчетъ слушаютъ только лица, стоящіе во главѣ учебныхъ заведеній, да и тѣ, по личномъ опыту, не вѣрятъ цифрамъ отчета, — а публика интересуется только ученицами. Да и почему не

хотите вы устроить такъ, какъ всегда бывало?» — «А какъ было?» — спросилъ, наконецъ, Т. — «А вотъ какъ», — отвѣчала я и показала. Задумался Т. Тутъ затрепала классная назирательница... Наконецъ, Т. сдался, предоставивъ мнѣ распорядиться.

Такъ какъ учитель пѣнія настаивалъ на томъ, чтобы пѣвчія, которыхъ было не менѣе 60, заняли вмѣстѣ съ роялемъ классъ, сосѣдній съ заломъ, отдѣляемымъ отъ него подвижной стѣной, и чтобы кромѣ пѣвчихъ никто тамъ не стоялъ, пришлось ограничить число присутствующихъ на актѣ ученицъ только наградными, пѣвчими и выборными изъ всѣхъ классовъ. Да и тѣхъ набралось такъ много, что, когда въ тотъ же день послѣ уроковъ нужно было сдѣлать ренетицію акта, то я испугалась при видѣ той массы, которую нужно было помѣстить на небольшомъ пространствѣ. Однако, съ этой задачей удалось справиться, всѣмъ досталось мѣсто, и вышло очень эффектно. На актѣ же публика замѣтила, что никогда еще такъ эффектно и такого порядка не было.

Тутъ, на актѣ, произошелъ маленькій, смѣшной инцидентъ. Т., назначая мѣста для почетныхъ лицъ, назначилъ среднія кресла — правое попечителю и рядомъ съ нимъ себѣ, — лѣвое — Преосвященному и рядомъ съ нимъ мнѣ. Попечитель, явившись гораздо раньше Преосвященного, занялъ мѣсто, предназначенное Т. — мнѣ Преосвященному, я заняла мѣсто, предназначенное мнѣ. Т. же все время былъ на ногахъ, въ ожиданіи Преосвященного. Когда же явился Преосвященный, Попечитель предложилъ ему сѣсть на право отъ себя. К. смутился и испуналъ Попечителю, что мѣсто Преосвященного на лѣво, а его, Попечителя, на право, — но Попечитель, равнодушно выслушавъ его, остался на занятомъ имъ мѣстѣ. Я осталась на предназначенномъ мнѣ Т. — вымъ мѣстѣ, на лѣво отъ лѣваго средняго кресла, только не рядомъ съ Преосвященнымъ, а съ Попечителемъ, — мѣсто же, предназначенное Т. — вымъ себѣ, занялъ какой-то генералъ, — Т. остался безъ мѣста, но такъ какъ рядомъ со мною слѣва было свободное мѣсто, я и указала на него начальнику. Такимъ образомъ заботы Т. о томъ, чтобы сидѣть рядомъ съ Попечителемъ, не увѣнчались успѣхомъ: я крѣпко держалась указаннаго мнѣ мѣста.

Сидя рядомъ съ Попечителемъ, впервые видѣвшимъ ученицъ при такой обстановкѣ, я рѣшила обратить его вниманіе на реверансы награжденных. Не даромъ же мы билась съ реверансами столько лѣтъ! И Попечитель, внимательно слѣдя за ученицами, подходившими за наградой, все приговаривалъ: «Прекрас-

но, прекрасно!» И, дѣйствительно, было прекрасно, мы довели это искусство до совершенства. Была и неудача съ одной изъ награжденных: новенькая, впервые явившаяся предъ такимъ торжественнымъ собраніемъ, подходя къ Преосвященному, смутилась и растерялась до того, что не знала, что дѣлать съ рукой Преосвященного, благословившаго ее. Попечитель видѣлъ это, но никакого значенія не придавалъ этому случаю. Послѣ акта онъ въ самыхъ лестныхъ выраженіяхъ отозвался о видѣнномъ имъ. Н. М. К. поступилъ бы не такъ, онъ никакого вниманія не обратилъ бы на весь порядокъ и на изысканные реверансы, а замѣтилъ бы только неудачный случай и вспоминалъ бы его постоянно.

Послѣ акта Попечитель пожелалъ, чтобы устроились танцы; бывшій на актѣ начальникъ крѣпостного штаба Ген.-м. К. — кій, дочери котораго учились въ гимназіи, предложилъ даровую музыку, и спустя немного времени явился оркестръ военной музыки. Ученицы были въ восторгѣ отъ импровизированнаго бала, Вице-Губернаторъ сталъ дирижировать танцами и все закружилось.

Попечитель все время наблюдалъ за танцами. Уходя, С. П. выразилъ намѣреніе устроить балъ для ученицъ 14 ноября, въ день рожденія нашей Августѣйшей покровительницы. Узнали объ этомъ ученицы. Съ той минуты онъ буквально съ ума сошелъ. Какъ было выше сказано, со времени бывшаго у насъ междоусобицы, со смерти начальника С. до вступленія въ должность Т., свободнымъ отъ урока ученицамъ предоставлялся нижній залъ. Тамъ онѣ могли, подъ наблюденіемъ классной надзирательницы, дѣлать что хотятъ — пѣть, играть на фортепiano, бѣгать, въ игры играть, только безъ ущерба урокамъ. Тамъ, вдали отъ классовъ, онѣ никому мѣшать не могли.

И вотъ, съ того дня, какъ онѣ узнали о предстоящемъ балѣ, каждую свободную минуту онѣ упражнялись въ танцахъ, танцевали онѣ въ свободные часы, танцевали и въ перемѣны.

За нѣсколько дней до 14-го ноября начались приготовленія къ убранству зала, корридора, лѣстницы и гостиной. Учитель рисованія Н. Л. Л. взялъ на себя обязанности декоратора. Начальникъ крѣпостного штаба далъ ему въ распоряженіе солдатъ, которые должны были наносить вѣтви елокъ и вязать изъ нихъ гирлянды; ученицы добровольно наносили цвѣтной напирсной бумаги и послѣ обѣда искуснѣйшія изъ нихъ собирались подъ наблюденіемъ учительницы руководя дѣлать цвѣты, къ нимъ

присоединялись и некоторые классныя надзирательницы, мастерицы въ работахъ.

Наконецъ, насталъ день 14-го ноября. Утромъ, въ гимназической церкви было торжественное богослуженіе, на которомъ присутствовалъ губернаторъ и начальники отдѣльных частей гражданского вѣдомства. На этотъ разъ собрались все до одной православныя ученицы, даже и тѣ, которыя обыкновенно свое отсутствіе оправдывали дальнимъ разстояніемъ отъ дома. Дѣло въ томъ, что я заблаговременно объявила, что кому далеко ходить въ гимназическую церковь, тому какъ же далеко возвращаться ночью съ бала домой, и разъ навсегда установила это для баловъ и театра. Приходилось выбирать одно изъ двухъ: или не приходить въ гимназическую церковь и не бывать на гимназическихъ балахъ и даровыхъ представленіяхъ въ театрѣ, или приходить въ церковь и пользоваться удовольствіями. Конечно, избрано было второе.

Уже къ обѣду все было убрано, какъ къ балу. Перила лѣстницы были обвиты гирляндами еловой зелени, въ гирляндахъ разсыяны искусственные цвѣты, перила были обвиты краснымъ и синимъ кумачомъ, вдоль перилъ висѣли цвѣтные фонарики. Площадки лѣстницы были убраны зеленью, на одной изъ нихъ на стѣнѣ былъ прибитъ громадныхъ размѣровъ золотой щитъ съ вензелемъ Августѣйшей покровительницы. Щитъ окруженъ былъ разныхъ размѣровъ флагами. Вверху надъ щитомъ воздвигнутъ былъ русскій гербъ. Передъ щитомъ въ зелени портреты царскіе и бюсты Государыни. Въ залѣ окна были убраны гирляндами и флагами. Гостинная утопала въ зелени, полъ былъ сплошь покрытъ коврами.

Начало бала назначено было въ 7 часовъ. Въ ожиданіи пріѣзда Попечителя и его супруги, М. П., на площадкѣ, надъ которой былъ устроенъ щитъ, стояли ученицы по одной отъ класса, съ букетами,—съ ними была и я. Ровно въ 7 часовъ звуки церемоніальнаго марша возвѣстили пріѣздъ Попечителя. Принявъ букеты изъ рукъ воспитанницъ, Ихъ Превосходительства поднялись на верхъ. Лишь только вошли они въ залъ, заиграли вальсъ и балъ начался. Старшіе четыре класса танцевали на верху въ залѣ и прилегающихъ классахъ; въ одномъ изъ классовъ устроена была гостинная, въ другомъ буфетъ для гостей. Въ среднемъ корридорѣ былъ буфетъ для ученицъ, а въ нижнемъ залѣ танцевали три младшіе класса. Было 2 военныхъ оркестра, одинъ для верхняго этажа, другой—для нижняго. Кавалерами были гимназисты, которыхъ было приглашено 50, и офи-

церы, представленные начальникомъ крѣпостного штаба. Оживленіе было всеобщее. По больше всѣхъ веселились маленькія, которыя танцевали шерочка съ машерочкой, плясали малыши кто во что гораздъ: играютъ вальсъ,—однѣ танцуютъ вальсъ, другія—польку, третьи—галошъ, кто что умѣетъ или любитъ. Попечитель все время наблюдалъ за танцующими,—было видимо, что его интересуетъ это. Угощенія было много. Наконецъ, натапцовавшись въволю, маленькія въ 10 часовъ, а старшія въ часъ отпущены были по домамъ, съ впечатлѣніями на цѣлый годъ. Двѣ недѣли послѣ того не было у ученицъ другого разговора, какъ о балѣ 14 ноября.

На другой день бала попечитель былъ у меня, благодарилъ за хлопоты (все устройство бала по просьбѣ попечителя лежало на мнѣ) и выразилъ свое полное удовольствіе. «Я весь вечеръ наблюдалъ за ученицами,—сказалъ онъ,—и онѣ произвели на меня впечатлѣніе вполне воспитанныхъ дѣвушекъ. Это очень отрадно». Я была, конечно, въ восторгѣ и не могла не высказать попечителю того, что мнѣ тѣмъ пріятнѣе это слышать, что я ничего подобнаго не слышала отъ предшественника. Да, отъ К. нельзя было дожидаться этого!

Такой отзывъ попечителя придалъ мнѣ новую энергію. Хотя хлопотень не изъ-за наградъ и похвалъ, но безъ одобренія тяжело обходиться,—а одобренія я уже не слышала шесть лѣтъ. Много значить и то, что С. П. С. зналъ другую гимназію, слѣдовательно, могъ дѣлать сравненія. К. впервые имѣлъ дѣло съ гимназіей у насъ, и, привыкшій къ Петербургскимъ институтамъ, онъ отъ каждой «хайки» съ базара требовалъ манеръ институтки.

Вообще, С. П. С. поступалъ иначе, чѣмъ К. При назначеніи новой классной надзирательницы К., бывало, самъ сдѣлаетъ выборъ и назначить, а потомъ спрашиваетъ меня при случаѣ: «Вы ничего не имѣете противъ этого назначенія?» Только за мѣсяць до своего перевода въ В. онъ пригласилъ меня къ себѣ и, вынувъ изъ портфеля все прошенія, поданныя ему въ разное время, о предоставленіи должности классной надзирательницы, онъ сталъ спрашивать мое мнѣніе, и тутъ же рвалъ прошенія тѣхъ, назначеніе которыхъ я не одобряла. С. П. С. началъ съ того, что пригласилъ меня къ себѣ для обсужденія списка кандидатовъ на должность классныхъ надзирательницъ, и, когда открылась вакансія, назначилъ ту, за которую я просила.

1896—97 учебн. годъ отличался у насъ особенными порядками: первая четвертная конференція состоялась лишь въ декабрѣ, а, между тѣмъ, отѣтки ставились за сентябрь и октябрь;

часть отмыток совсѣмъ не соответствовала времени, когда были спрошены ученицы. Особенно неудобно было выставять отмытки за поведение: провинилась ученица въ ноябрѣ, а на декабрьской конференціи нельзя было обсуждать ея поведенія, — это дѣло будущей конференціи, которая состоялась только въ мартѣ. И, такимъ образомъ, ученицы отдѣлывались отъ взысканія за поведеніе. Не наказывать же въ мартѣ за то, что сдѣлано въ началѣ ноября! Для дѣтей это совершенно неудобно.

Много возни было съ одной ученицей III класса, еврейкой В. Уже съ V класса съ ней была возня: въ V кл. классная надзирательница еще не обращалась ко мнѣ за содѣйствіемъ, рассчитывая на свои собственные силы; въ IV она стала обращаться ко мнѣ, а въ III пришлось уже обратиться и мнѣ за содѣйствіемъ къ начальнику. Тутъ, собственно, содѣйствіе начальника нужно было въ томъ, чтобы онъ предложилъ конференціи вопросъ, не исключить-ли В. изъ гимназіи, такъ какъ всѣ дисциплинарныя мѣры уже приняты были въ теченіе двухъ лѣтъ. Но начальникъ былъ того мнѣнія, что мы всегда успѣемъ исключить ее изъ гимназіи, самъ же онъ читалъ ей внушенія въ продолженіи часа, что, конечно, никакого вліянія на нее не имѣло: она давала слово исправиться и на другой же день принималась за старое. Дерзкая, своенвольная, непримиримого поведенія, она возмущала своимъ поведеніемъ ученицъ, и всѣ онѣ недоумѣвали, какъ можетъ быть терпима въ гимназіи такая ученица? На мнѣніе Т., что мы всегда успѣемъ ее исключить, можно было только одно сказать: «да, когда она успѣетъ испортить полкласса». Кромѣ личныхъ ея качествъ, дѣлавшихъ ее нетерпимой въ гимназіи, В. отличалась еще тѣмъ, что родители ея извѣстны были, какъ факторы самаго низкаго разбора. Этого одного, казалось бы, достаточно было, чтобы не терпѣть ея въ гимназіи, такъ какъ она могла внести въ гимназію только развращающія начала. Все это извѣстно было Т., но онъ продолжалъ отстаивать В. Наконецъ, В. позволила себѣ дерзкую выходку противъ одной изъ классныхъ надзирательницъ, — я сообщила объ этомъ начальнику, но и этого оказалось недостаточно для рѣшенія судьбы В. А, между тѣмъ, случилось такъ, что въ одномъ классѣ съ В., ученица А., тоже еврейка, но изъ хорошей семьи, дѣвочка хорошая, но шаловливая и рѣзвая, которая не могла спокойно просидѣть на мѣстѣ цѣлый часъ, — однажды на урокъ начальника два раза заслужила его замѣчаніе за неспокойное сидѣніе. По выходѣ изъ класса начальникъ сказалъ классной надзирательницѣ: «Поставьте А. за эту четверть 8-гу за

поведеніе и предупредите ее, что она можетъ быть исключена». Глубоко возмутило всѣхъ такое различіе въ отношеніи къ двумъ ученицамъ: одна, по общему мнѣнію, терпима въ гимназіи, и начальникъ ее терпѣть и даже отстаиваетъ, — другая провинилась только въ томъ, что неспокойно сидѣла на урокъ начальника, — и ей угрожаютъ онъ исключеніемъ, предварительно сразу сбавивъ ей четыре балла за поведеніе. Это объяснялось тѣмъ, что А. провинилась противъ него самого, В. же — противъ другихъ. Свой авторитетъ онъ считалъ нужнымъ поддерживать и въ мелочахъ, авторитетъ другихъ онъ подрывалъ и въ серьезныхъ случаяхъ. Когда на первой за тѣмъ конференціи начальникъ приказалъ поставить А. 8-гу, то всѣ въ одинъ голосъ потребовали, чтобы В. поставлена была 6-ка. Т.—ву пришлось уступить.

Къ этому времени нерасположеніе общее къ Т. превратилось уже въ ненависть съ окраской омерзѣнія. Въ началѣ 97-го года у меня было съ нимъ столкновение. Мы готовились къ музыкально-литературному вечеру, оставалась всего недѣля до вечера, а Т. никакихъ распоряженій не дѣлалъ на счетъ спѣвоковъ. Онъ вообще никогда ни о чемъ не думалъ. Такъ какъ заботы по устройству такихъ вечеровъ всегда лежали на мнѣ, то и на этотъ разъ, не ожидая распоряженій начальника, я написала учителю пѣнія, прося его зайти въ гимназію, чтобы условиться на счетъ спѣвоковъ. Въмѣсто отвѣта, онъ самъ пришелъ. Это было въ большую перемену. «И свободенъ слѣдующій часъ, — сказалъ онъ, — и могу сдѣлать спѣвку». Въ слѣдующій часъ былъ урокъ церковнаго пѣнія, и я предложила о. діакону, учителю церковнаго пѣнія, помѣняться урокомъ съ учителемъ свѣтскаго пѣнія, на что тотъ и согласился. Подобныя мѣны совершались иногда безъ особеннаго разрѣшенія начальника, и на этотъ разъ я не считала нужнымъ ждать разрѣшенія его, тѣмъ болѣе, что его не было въ гимназіи. На слѣдующій день, свободный часъ былъ предоставленъ уроку церковнаго пѣнія взаменъ уступленнаго наканунѣ урока. Начальникъ изъ канцеляріи слышитъ церковное пѣніе не въ урочный часъ, — бѣжитъ въ сосѣдній залъ, откуда слышно было пѣніе, и спрашиваетъ: «По чьему распоряженію теперь урокъ церковнаго пѣнія?» — «Конечно, по распоряженію начальства!» — отвѣчаетъ о. діаконъ. Т. бѣжитъ въ классы и по дорогѣ встрѣчаетъ меня. «Прошу васъ, Е. И., на минуту въ канцелярію!» — Прихожу вмѣстѣ съ нимъ. Садимся. — «Я не понимаю, — начинаетъ Т., — какую роль вы играете въ гимназіи?» — «Никакой особенной роли, — отвѣчаю я спокойно и мягко, — вы сами меня уполномочили въ подобныхъ случаяхъ дѣлать распоряженія, не ожидая вашего разрѣшенія». —

Тѣмъ не менѣе Т. считъ нужнымъ распространиться на счетъ того, что она начальникъ. Я молча выслушала его разглагольствованія до конца и ушла, убѣдившись въ сотый разъ, что Т., С. и пр. нужна только роль начальника, объ этомъ только они и заботятся. Скажу откровенно, что съ этой минуты Т. сталъ мнѣ окончательно противенъ.

Въ этомъ учебномъ году Т. взялъ на себя преподаваніе математики въ параллельныхъ отдѣленіяхъ II и III кл. и въ I кл. И вотъ, въ теченіе учебнаго года слышны были жалобы родителей на неудовлетворительное преподаваніе начальника. М-ше К—кая, жена начальника крѣпостного штаба, громко выражала свое неудовольствіе, такъ какъ старшая дочь ея была ученицей начальника. Я не разъ слышала отъ классныхъ надзирательницъ, что ученицы ничего не знаютъ у начальника, въ особенности слышала я это отъ классной надзирательницы III кл.

Великій постъ былъ уже на исходѣ, когда на послѣднемъ своемъ урокѣ въ III кл. начальникъ объявилъ, что экзамена математики у нихъ не будетъ, но вскорѣ за тѣмъ, получивъ официальное увѣдомленіе о пріѣздѣ на экзамены ревизора учебно-воспитательной части, начальникъ сдѣлалъ распоряженіе о сообщеніи ученицамъ III кл., что экзаменъ ариметики у нихъ будетъ, не будетъ только экзамена геометріи. Оказывалось, что у него въ паралл. отдѣленіи III кл. пройдено только по геометріи введеніе, въ то время, какъ въ норм. отдѣленіи, гдѣ преподавала учительница, курсъ III кл. былъ пройденъ. Чѣмъ объяснить такія неудачныя занятія, не знаю, такъ какъ въ теченіе истекшаго учебнаго года Т. совсѣмъ не болѣлъ. Отъ классной надзирательницы я знала, что у начальника выставлено только по одной отмѣткѣ за всѣ четыре четверти, и только у нѣсколькихъ ученицъ по двѣ отмѣтки. Ему не откуда было и взять отмѣтокъ, онъ совсѣмъ не спрашивалъ и письменныхъ задачъ не задавалъ.

Начались у Т. приготовленія къ пріѣзду ревизора. Цѣлыми днями до глубокой ночи просиживалъ онъ въ канцеляріи. Захотѣлось мнѣ провѣрить слова классной надзирательницы III кл. и на Святой, это было въ четвергъ, я зашла въ канцелярію и попросила начальника дать мнѣ балловую книгу для провѣрки списка ученицъ. Онъ далъ, проси возвратить въ тотъ же день. И вотъ, просматривая списокъ ученицъ III кл., я убѣдилась въ томъ, что у начальника выставлено по одной отмѣткѣ, и только у нѣсколькихъ, генеральскихъ дочекъ, было по двѣ отмѣтки. У преподавателя педагогики было по двѣ и по три отмѣтки. Вечеромъ

того же дня я отнесла книгу въ канцелярію. День спустя я снова взяла ее, и, о удивленіе! у начальника оказались проставленными всѣ четыре отмѣтки. Не надо забывать того, что въ аттестаціяхъ проставлено было по одной отмѣткѣ. Я съ своей стороны готовила къ пріѣзду ревизора характеристику каждой изъ ученицъ выпускнаго класса.

Между тѣмъ, я собиралась оставить К. Еще въ концѣ марта я получила отъ товарища главноуправляющаго, П. М. фонъ-К. частное письмо, въ которомъ онъ предлагалъ мнѣ перейти въ С. гимназію и даже совѣтовалъ принять ее. Его совѣтъ былъ для меня закономъ, и я отвѣтила, что не могу не послѣдовать его совѣту. Письмо П. М. принесъ мнѣ утромъ одинъ изъ сторожей. Прочитавъ на адресѣ письма: «отъ товарища Главноуправляющаго С. Е. В. канцеляріи» и пр., сторожъ, проходя съ письмомъ мимо нашихъ дамъ, говорилъ, указывая на письмо: «отъ товарища Главноуправляющаго». Я вскрыла письмо въ присутствіи одной изъ дамъ. На лицѣ моемъ, должно быть, выразилось удивленіе, и классная надзирательница поспѣшила спросить меня: «не предлагаютъ-ли вамъ другое мѣсто?» — «Нѣтъ!» — спокойно отвѣчала я. На другой день, разговаривая съ своими дамами, я имъ сказала: «Васъ ожидаетъ сюрпризъ». — «Какой? какой?» — слышалось на меня со всѣхъ сторонъ. — «Не скажу!» — отвѣчала я. Прошелъ еще день. Собравшись въ гимназію, дамы приступили ко мнѣ: — «Мы вчера много думали о сюрпризѣ, который вы намъ обѣщали, и ничего не могли придумать, какъ, или вы получаете другое назначеніе, или начальникъ». — «Ничего не скажу вамъ на это», — отвѣчала я. Между тѣмъ, разговоры пошли по городу о томъ, что я получаю другое назначеніе. Наши дамы стали говорить мнѣ: — «Всѣ въ городѣ говорятъ, что вы получаете другое назначеніе». — «Немудрено», — отвѣчала я имъ, — «этотъ слухъ отъ васъ же пошелъ, mesdames!» — Такъ прошелъ мѣсяцъ. Никакихъ свѣдѣній о своемъ переводѣ въ Саратовъ я больше не получала. Возможно было, что изъ этого ничего не выйдетъ; какъ вдругъ, 24-го апрѣля, вечеромъ, подають мнѣ телеграмму, вскрываю: «Телеграфируйте, согласны ли принять К. Ф. гимназію съ состоящимъ при ней пансіономъ. К.» Радость моя была безмѣрная. Если я радовалась промѣнѣ К. на С., то тѣмъ болѣе могла я радоваться назначенію въ К. Къ тому же въ К. меня ожидала болѣе интересная дѣятельность въ интернатѣ. Телеграмма за подписью управляющаго дѣлами канцеляріи вѣдомства была уже официальная. Я тотчасъ же отвѣтила: «согласна». Случилось такъ, что навстрѣчу телеграфисту, шедшему ко мнѣ съ телеграммой, шли

двѣ наши дамы. Онѣ видѣли, какъ телеграфистъ зашелъ ко мнѣ. На слѣдующій же день онѣ сказали мнѣ: «Мы видѣли, какъ къ вамъ вчера несли телеграмму; нѣтъ-ли извѣстій о прїѣздѣ ревизора?» — Съ чистой совѣстью я могла имъ отвѣчать: — «нѣтъ, телеграмма никакого отношенія до ревизора не имѣетъ».

1 мая начались экзамены. Шелъ экзаменъ педагогики въ I классѣ, какъ вдругъ неожиданно явился ревизоръ, А. Г. В. Передъ нимъ положенъ былъ списокъ ученицъ съ средними годовыми отмѣтками, рядомъ лежала балловая книга. По поводу списковъ ученицъ не лишенъ интереса слѣдующій случай. Передъ наступленіемъ экзаменовъ Т., озабоченный приготовленіемъ списковъ ученицъ къ каждому экзамену, предлагалъ класснымъ надзирательницамъ трехъ старшихъ классовъ заказать въ типографіи на свой счетъ списки ученицъ по числу экзаменовъ и ассистентовъ. Одна изъ классныхъ надзирательницъ, молоденькая, недавно назначенная, исполнила это предложеніе начальника безъ всякаго возраженія, — но двѣ другія энергично возстали противъ него.

«Ну, такъ грѣхъ пополамъ: половина на вашъ счетъ и половина на счетъ суммъ канцелярскихъ», — предложилъ начальникъ. — «Съ какой стати на нашъ счетъ?» — возстали энергичныя дамы. Тутъ подошла я и поддержала ихъ. Начальнику пришлось отказаться отъ такого страннаго пововеденія. Я настояла на томъ, чтобы классной надзирательницѣ, послушно исполнявшей фантазію Т., были возвращены истраченные ею деньги.

Возвращаюсь къ экзамену, на который неожиданно явился ревизоръ. Имѣя передъ собою балловую книгу и списокъ ученицъ съ среднимъ годовымъ выводомъ, онъ, видимо, свѣрилъ отмѣтки обоимъ спискамъ. Когда экзаменъ кончился и ученицы вышли изъ зала, а классн. надзирательница, взявъ стулъ, сѣла къ столу, за которымъ сидѣли экзаменаторы, А. Г. обратился къ ней съ вопросомъ: — «Скажите, пожалуйста, почему ваши средніе выводы не сходятся съ выводами въ балловой книгѣ?» — «Отмѣтки въ балловой книгѣ были выставлены позже, я не успѣла внести ихъ въ аттестацію и сдѣлать новый выводъ», — отвѣчала по простотѣ сердечной молоденькая классная надзирательница, Е. А. И. А. Г. ничего не сказалъ, только, когда послѣ экзамена онъ зашелъ ко мнѣ, то спросилъ: — «Вотъ и попалъ на такой фактъ: какъ же ставятся отмѣтки — по наитію?» — «Должно быть такъ», — отвѣчала я. Для меня было очевидно, что начальникъ проставилъ въ балловую книгу всѣ недостающія отмѣтки по всѣмъ предметамъ, такъ, чтобы было вездѣ по четыре отмѣтки. Тутъ, въ разговоръ со мною А. Г. передалъ мнѣ, что ему извѣстны всѣ свѣдѣнія,

дошедшія до высшаго начальства, о разныхъ непорядкахъ въ гимназій, и сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ. Я подтвердила ему, что отмѣтки, выставленные на конференціяхъ, не соответствовали времени, когда ученицы были спрошены. А. Г. высказалъ свое мнѣніе, что нѣтъ надобности выставять отмѣтки за четыре четверти, если въ каждую четверть не были спрошены всѣ ученицы, но необходимо, чтобы отмѣтки соответствовали тому времени, когда ученица спрошена. Нельзя ставить отмѣтку за 1-ю четверть (сент. и окт.), если ученица спрошена лишь въ декабрѣ.

Пошли экзамены. А. Г. присутствовалъ на всѣхъ экзаменахъ I кл., и въ другихъ классахъ тогда, когда въ I кл. не было экзамена. Съ перваго же экзамена стало ясно, что мы имѣемъ передъ собою доку: ничто не ускользало отъ глаза и уха ревизора. Онъ видѣлъ все и слышалъ все. Манера его была обворожительна; онъ не только не хотѣлъ срѣзывать, а, напротивъ, всячески приходилъ на помощь экзаменуемымъ. Ученицы были въ восторгѣ отъ ревизора. Педагогическій персоналъ замѣтилъ, что отъ ревизора ничего не ускользаетъ, всѣ радовались тому, что непорядки исчезнутъ. Съ напряженнымъ вниманіемъ прислушивались родители къ разсказамъ о ревизорѣ, въ городѣ повторялись слова его, сказанныя тому или другому изъ старшихъ знакомыхъ, найденныхъ имъ въ К. Надо полагать, что и все то, что разсказывалось, дѣйствительно говорилось А. Г. — мнѣ Наврядъ-ли онъ громко высказывалъ правду. Но какъ бы то ни было, весь городъ жилъ однимъ интересомъ, сосредоточеннымъ на ревизорѣ. Всѣ ждали улучшеній въ гимназій, и всѣ, по меньшей мѣрѣ, были увѣрены, что начальнику запретятъ преподавать.

Между прочимъ, А. Г. преподавалъ начальнику нѣсколько уроковъ вѣжливости. Послѣ одного экзамена, начальникъ, захотѣвъ закурить, обратился къ А. Г. съ словами: «Разрѣшите, Ваше Превосходительство?» — «Я не дама», — отвѣчалъ А. Г. Начальникъ, однако, закурилъ, не обратившись за разрѣшеніемъ къ дамамъ. Въ другой разъ, послѣ экзамена же, одинъ изъ преподавателей, вынувъ папироску, тихонько спросилъ у меня разрѣшенія закурить, а затѣмъ обратился съ тѣмъ же къ А. Г. — «Вы, кажется, принимаете меня за даму», — отвѣчалъ онъ. — «Мы потому не обращаемся за разрѣшеніемъ къ Е. И., — выпалилъ Т., — что увѣрены въ томъ, что она разрѣшитъ». — Рублемъ подарилъ!

Не говоря уже объ отношеніи А. Г. ко мнѣ, но каждая учительница и классная надзирательница испытывала на себѣ

его деликатность и тонкую вѣжливость. Съ самаго появленія его ученицы замѣтили эту черту его, рѣзко выдѣлявшую его среди другихъ и особенно отличавшую его отъ начальника. Последний, вѣдь, никогда не уступалъ мнѣ шага впередъ, въ церкви онъ подходилъ первый ко кресту. А. Г. пропускалъ дамъ впередъ и принуждалъ къ тому же Т.

Насталъ, наконецъ, экзаменъ математики въ паралл. отдѣленіи III класса, гдѣ преподавалъ начальникъ особенно неудачно. Всѣ съ нетерпѣніемъ ожидали этого экзамена. Въ этомъ классѣ долженъ былъ быть пройденъ курсъ десятичныхъ дробей. Извѣстно было, что ученицы къ концу учебнаго года ничего не знали изъ курса, но онѣ могли за Страстную и Святую недѣли подготовиться, не Богъ вѣсть что за курсъ! Но вотъ, начинается экзаменъ. Вызываютъ ученицу А—дть, въ общемъ довольно хорошую ученицу. Начинаетъ А—дть рѣшать задачу на доскѣ. Въ это время вызвали начальника и онъ возвратился, когда экзаменовалась уже 4-я. Слѣдовательно, онъ не слышалъ первыхъ трехъ.

Путала А—дть, путала, всячески приходилъ къ ней на помощь А. Г. наводящими вопросами,—такъ она и ушла, не распутавши задачи. Я поставила ей 3-ку, ассистентка—5-ку. Слѣдующія за тѣмъ двѣ получили отмѣтки въ этомъ же родѣ. Возвращается начальникъ и безъ церемоніи беретъ списокъ ученицъ, лежащій передо мною, смотритъ отмѣтки и возвращаетъ мнѣ списокъ. Экзаменъ продолжается. Боже мой, что это былъ за скандальный экзаменъ! По поводу одной изъ ученицъ, экзаменованной въ отсутствіи начальника и обнаружившей отсутствіе всякаго представленія о десятичныхъ дробяхъ, я обратилась съ вопросительнымъ взглядомъ въ сторону балловой книги, лежавшей передъ А. Г.—«Вы желаете знать ея годовую отмѣтку?»—спросилъ онъ:—«8-ка!»—пронически замѣтилъ онъ. Изъ 40 экзаменованныхъ ученицъ только двѣ выдержали экзаменъ, очевидно много работали дома.

Отличныя ученицы провалились. Скандаль былъ полный и очевидный. Пришло время ставить отмѣтки. Письменные работы начальникъ рѣшилъ игнорировать. Начинается выводъ отмѣтокъ. До этого экзамена въ нашей гимназій всегда, также и при Т., выводъ экзаменаціоннаго балла дѣлался обыкновеннымъ способомъ: выводился средній баллъ изъ суммы всѣхъ полученныхъ на экзаменѣ отмѣтокъ. Такъ поступалъ Т. и на предыдущихъ экзаменахъ. Но теперь, на своемъ экзаменѣ, онъ вдругъ отступаетъ отъ укоренившагося обычая, и, сдѣлавъ выводъ средняго

балла изъ отмѣтокъ ассистентовъ, онъ складываетъ этотъ выводъ съ своей отмѣткой и дѣлаетъ новый выводъ. Не ускользнуло это отъ вниманія А. Г. «Какъ дѣлаете вы выводъ?»—остановилъ онъ его.—«А я даю перевѣсъ преподавательской отмѣткѣ»,—не смущаясь отвѣчалъ Т. А. Г. промолчалъ. И вотъ получились замѣчательные выводы: А—дть, получившая, какъ извѣстно, у меня 3-ку, у ассистентки 5-ку, у начальника-преподавателя, не присутствовавшего на ея отвѣтахъ,—11! И получилось: $\frac{3+5}{2} = \frac{8}{2} = 4$, $\frac{4+11}{2} = \frac{15}{2} = 7\frac{1}{2}$, въ результатѣ 8. При обыкновенномъ способѣ: $\frac{3+5+11}{3} = \frac{19}{3} = 6\frac{1}{3}$ въ результатѣ 6. Ловкій маневръ!

Такимъ образомъ, всѣ 38 провалившихся получили не меньше 8-ки. На слѣдующемъ экзаменѣ меня очень интересовало, какъ станетъ дѣлать выводъ начальникъ послѣ того, какъ ревизоромъ былъ замѣченъ его маневръ? И вотъ, начальникъ, не смущаясь присутствіемъ А. Г., возвращается къ прежнему способу опредѣленія средняго вывода. Но А. Г. не дремалъ:—«Вы не такъ дѣлаете выводъ!»—остановилъ онъ мазурика-начальника, и тотъ вынужденъ былъ продѣлывать и на этомъ экзаменѣ и на слѣдующихъ то, что онъ сдѣлалъ на своемъ экзаменѣ. Не знаю, какое впечатлѣніе произвело это плутовство начальника на ревизора, но намъ, присутствовавшимъ, было стыдно за начальника.

Вообще же экзамены или при ревизорѣ ни шатко, ни валко,—бывали и блестящіе отвѣты. Про одну ученицу-еврейку во II кл. А. Г. замѣтилъ: «Эта была бы первой вездѣ». На экзаменѣ русскаго языка А. Г. настоялъ на томъ, чтобы одной ученицѣ за письменную работу былъ поставленъ неудовлетворительный баллъ, слишкомъ ужъ безграмотно было написано. Экзаменъ Т. въ I кл. также былъ жалкій. Помню, бился А. Г. съ одной ученицей, которая не въ состояніи была отвѣтить на самые простые вопросы по ариѳметикѣ,—наконецъ, обратившись ко мнѣ (начальника не было), онъ замѣтилъ: «Ну, какъ теперь рѣшить, кто виноватъ, ученица или преподаватель?»

Между тѣмъ, А. Г., ознакомившись съ аттестаціей выпускныхъ ученицъ, составленной мною съ помощью классныхъ надзирательницъ, спросилъ меня, не могу-ли я сдѣлать такую же аттестацію всѣмъ ученицамъ? На это я отвѣтила, что могу составить только общую характеристику классамъ съ выдѣленіемъ лучшихъ и худшихъ ученицъ. И такъ какъ А. Г. пожелалъ получить такую характеристику, то я исполнила его желаніе. Къ характеристикѣ классовъ я присоединила и характеристику каж-

дой классной надзирательницы. Вмѣстѣ съ этимъ я подала А. Г. записку, въ которой указала всѣ слабыя стороны гимназіи и желательное улучшеніе. Однажды шли мы съ нимъ отъ всенощной изъ военного собора. Дорогой онъ сталъ говорить о моей запискѣ и спросилъ: — «Скажите, Е. И., заявляли вы когданибудь попечителямъ о томъ, что вы высказали въ своей запискѣ?» — «Нѣтъ, не заявляла». — «А почему?» — «Очень просто почему: я знаю по опыту, что такія заявленія ни къ чему не ведутъ, какъ только къ неприятностямъ тому, кто дѣлаетъ такія заявленія. Дѣло отъ этого не выигрываетъ, а только подставляетъ свою спину. Жертвовать собою для пользы дѣла можно и даже должно, но жертвовать собою безъ всякой пользы для дѣла — наивно. И если я теперь говорю вамъ, такъ это потому, что вы пріѣхали сюда для того, чтобы все видѣть, все узнать; следовательно, и результатъ долженъ быть иной; и затѣмъ еще и потому, что я теперь могу смѣло говорить, такъ какъ получаю другое назначеніе, которое я ожидаю на дняхъ». — «Вы получаете Ф. гимназію?» — спросилъ онъ, — я объ этомъ узналъ только здѣсь». — «Да, мнѣ предложена Ф. гимназія». — «Здѣсь я не замѣчаю того, что я нашелъ въ Г. гимназіи, — продолжалъ А. Г. Тамъ весь персоналъ былъ раздѣленъ на двѣ враждебныя партіи: на одной сторонѣ были женщины, на другой мужчины. Здѣсь, кажется, такого дѣленія нѣтъ?» — «Здѣсь — иное дѣленіе, — отвѣчала я: на одной сторонѣ начальникъ, на другой весь персоналъ безраздѣльно. Начальникъ ненавидимъ буквально всѣми, начиная съ ученицъ, продолжая нами и кончая сторожами. Родители и общество также возбуждены противъ него. Вы, конечно, не могли ничего замѣтить, кромѣ самыхъ лучшихъ отношеній между всѣми служащими и ими и мною, и совершенно официальныхъ отношеній подчиненныхъ къ начальнику. Другихъ отношеній никто съ нимъ не имѣетъ». — «А, вотъ что!» — замѣтилъ А. Г.

Поговоривъ еще нѣсколько, мы разстались.

Кончились экзамены, начались конференціи. А. Г. торопился въ Петербургъ и потому присутствовалъ только на конференціи, на которой выводились среднія отбѣтки выпускного класса. По окончаніи обсужденій А. Г. заявилъ намъ, что считаетъ долгомъ дать нѣсколько совѣтовъ. И тутъ онъ чрезвычайно деликатно высказалъ нѣсколько замѣчаній по поводу преподаванія русскаго языка и словесности. Про математику онъ не сказалъ ни слова.

Затѣмъ онъ простился съ нами, чтобы съ утреннимъ поѣздомъ уѣхать въ Петербургъ послѣ почти мѣсячнаго пребыванія

въ К., оставивъ всѣмъ самое пріятное впечатлѣніе и всѣмъ, кромѣ Т. конечно, надежду на лучшее будущее для гимназіи. Всѣ были увѣрены и въ гимназіи, и въ городѣ, что Т.—у будетъ за-прещено преподавать: это было наименьшее, что ожидали отъ ревизіи. Когда мы расходились послѣ конференціи, всѣ говорили другъ другу: — «Ну, кажется, отъ ревизора ничто не ускользнуло. Посмотримъ, что будетъ!» ...

Наконецъ, окончились и конференціи; на одной изъ нихъ я поставила ребромъ вопросъ: можетъ-ли оставаться въ гимназіи ученица съ 6-й за поведеніе? Этотъ вопросъ касался все той же В. А. Г., который зналъ все до нея касающееся, съ интересомъ слѣдилъ за ней на экзаменахъ и, повидимому, говорилъ о ней съ Т. Это можно заключить изъ того, что онъ не возражалъ мнѣ, вса же конференція единогласно поддержала мое мнѣніе, и послѣдній протоколъ, мною подписанный въ К.—ской гимназіи, былъ тотъ, которымъ ученица Ш кл. В. исключалась изъ гимназіи.

Къ 1-му іюня всѣ протоколы были подписаны, и я поспѣшила въ Петербургъ, чтобы узнать о своей судьбѣ. 5-го, въ четвергъ, я явилась въ канцелярію вѣдомства и узнала отъ управляющаго дѣлами, что въ этотъ день дѣлается докладъ Ея Величеству о моемъ переводѣ въ К. — «Довольны вы этимъ назначеніемъ», — спросилъ меня Н. А. В. — «Чрезвычайно!» — отвѣчала я, — и самый К. привлекателенъ, да и дѣла столько, что можно съ головой погрузиться въ него». — Н. А. В. посмотрѣлъ на меня пристально.

Въ понедѣльникъ, 9-го, подписаны были графомъ извѣщенія всѣмъ, получившимъ назначеніе въ одинъ день со мною. Я явилась для представленія графу и представилась только мимоходомъ. Предположивъ, что графъ въ этотъ день не имѣетъ времени меня принять, я уѣхала. Часъ спустя меня хватились, но меня уже не было. Посланный за мною курьеръ не засталъ меня дома, и только на слѣдующій день я вновь представилась графу и была принята имъ въ кабинетъ въ присутствіи Управляющаго дѣлами. Графъ началъ съ того, что объявилъ мнѣ, что А. Г. В. нашелъ въ К. гимназіи *все прекраснымъ!* Съ большимъ интересомъ графъ отнесся къ моей запискѣ и характеристикѣ ученицъ и классовъ, переданныхъ графу А. Г.—мъ, и просилъ меня снабдить однимъ экземпляромъ характеристики мою преемницу, съ которой я познакомилась наканунѣ въ общей пріемной. Затѣмъ мы перешли къ разговору о Ф. гимназіи. — «Вы получаете маленькій институтикъ», — сказалъ графъ: — прошу васъ особенно наблюдать за нищей!» — «Въ какихъ отношеніяхъ стоитъ начальникъ

гимназіи къ пансіону?» — спросила я. — «Въ воспитательномъ отношеніи, — отвѣчалъ мнѣ управляющій дѣлами, — вы полная хозяйка, въ хозяйствѣ — онъ владыка. Относительно воспитательной части этотъ самый начальникъ частнымъ образомъ справлялся у насъ; имѣть-ли онъ право вмѣшиваться; и ему сообщили, что этотъ вопросъ уже возбуждался однажды въ Опекунскомъ Совѣтѣ, и Совѣтъ постановилъ, что въ женскомъ интернатѣ воспитательная часть должна всецѣло быть въ рукахъ женщины».

Далѣе Н. А. В. замѣтилъ: — «Ф. гимназія единственная изъ всѣхъ гимназій, откуда къ намъ не поступало жалобъ». — Я подумала про себя: — «Значить, попечители на мѣстѣ разъясняли недоразумѣнія и сора изъ избы не выносили: ибо не можетъ быть, чтобы за 40 л. существованія Ф. гимназіи не было столкновеній между начальствующими лицами, уставъ вездѣ одинъ и тотъ же, и люди вездѣ одни и тѣ-же, съ ложнымъ самолюбіемъ и заботой о *роли*, которую они играютъ».

Пожелавъ мнѣ успѣха въ предстоящей мнѣ дѣятельности, графъ отпустилъ меня.

Пробывъ еще недѣли двѣ въ Петербургѣ, я возвратилась въ К., чтобы уложиться и ѣхать въ К. Въ К. я уже почти никого не застала изъ бывшихъ сослуживцевъ, такъ что пришлось проститься съ немногими. Я явилась къ попечителю, чтобы откланяться. Онъ сказалъ мнѣ чрезвычайно мягко: — «Вы были недовольны здѣшними порядками, я это знаю». — «Да, это правда!» — отвѣчала я. Затѣмъ, выслушавъ всякія пожеланія всего хорошаго на новомъ мѣстѣ службы, я откланялась.

8-го іюля я была въ К.

Къ 5-му сентября, дню моихъ именинъ, я получила изъ К. альбомъ съ карточками моихъ бывшихъ сослуживцевъ, фотографіей гимназіи и гимназической церкви. Фотографіи начальника въ альбомѣ не было: я вздохнула съ облегченнымъ сердцемъ.

Не могу не сказать, что, разставаясь съ К., я искренне сожалѣла о своихъ бывшихъ сослуживцахъ. 12 лѣтъ прожили мы въ ладу и мирѣ, и если и были сначала такіе, которые недружелюбно ко мнѣ относились, то въ послѣдніе годы я имѣла въ гимназіи только друзей.

Не могу того же сказать о начальникахъ.

4.12.53

Къ исторіи женскихъ гимназій въ Россіи.

4.12 $\frac{3}{59}$

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ

Начальницы женской гимназіи.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

ТОМЪ II.

ч. III.

Г. К**ъ.

1897—1904 г.

Е. В.

почаевъ, Волын. губ.

Типографія Почаево-Успенской Лавры.

1908.

4.12.3
412 53
Къ исторіи женскихъ гимназій въ Россіи.

ИЗЪ ВОСПОМИНАНІЙ
НАЧАЛЬНИЦЫ ЖЕНСКОЙ ГИМНАЗІИ.

ВЪ ТРЕХЪ ЧАСТЯХЪ.

Т. II.

ч. III.

Г. К**ъ.

1897—1904 г.

Е. В.

454
ПОЧАЕВЪ Вол. губ.
Типографія Почаево-Успенской Лавры.
1908 г.

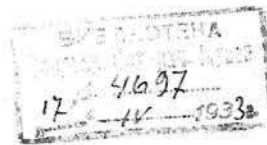

Изъ воспоминаній начальницы гимназіи.

Ч. III.

г. К**ъ. (1897—1904).

Цензурою печатать разрѣшается.

Я пріѣхала въ К**ъ съ утреннимъ поѣздомъ. На вокзалѣ встрѣтила меня исполнявшая обязанности начальницы А. С. К. При входѣ въ пансіонъ, я была встрѣчена оставшимися на ка-никулы воспитанницами и наличнымъ персоналомъ пансіона съ хлѣбомъ-солью. Отдохнувши и переодѣвшись, я отправилась къ начальнику гимназіи. Онъ принялъ меня чрезвычайно любезно и сказалъ, что онъ имѣетъ много о чемъ поговорить со мной. Бесѣду свою онъ началъ съ того, что передалъ слышанные обо мнѣ самые лестные отзывы бывшего передъ тѣмъ въ К. ревизора по хозяйственной части, старого моего знакомого по прежнему мѣсту служенія моего,—за тѣмъ продолжалъ: «Меня замучили пансіонъ и гимназія. Ваша предшественница ничего не хотѣла дѣлать... Хозяйства она совсѣмъ не хотѣла знать. «Мнѣ дѣла нѣтъ до хозяйства»! говорила она. Я долженъ вамъ сказать—продолжалъ онъ—что я никогда не спорю о власти—вы будете полной хозяйкой! Прошу васъ только относиться ко мнѣ съ полнымъ довѣріемъ, такъ же какъ и я буду относиться къ вамъ. Отношенія предѣстницы вашей ко мнѣ были не возможны: она прямо оскорбляла меня своимъ невниманіемъ. Я не разъ со слезами обращался къ ней, прося ее хоть передъ другими соблюдать приличіе и оказывать мнѣ уваженіе, какъ начальнику гимназіи».

Все слышанное мною здѣсь отъ начальника о моей предѣстницѣ меня крайне поразило, я знала ее еще по предшествовавшей службѣ. Она начала свою службу въ качествѣ клас. надзирательницы въ К*ской гимназіи, гдѣ она, прослуживъ 6 мѣсяцевъ, оставила по себѣ хорошую память, какъ весьма

тактичная и воспитанная особа. Что же сдѣлалось съ ней въ К**?... Можетъ быть, причиной этому нервы, которыми она страдала?...

Однако, не могу при этомъ не остановить вниманія читателя на то замѣчаніе, которое сдѣлалъ управляющій дѣлами, при моей бесѣдѣ съ нимъ по случаю назначенія моего въ К**, что К**ская гимназія единственная, откуда никогда не приходило жалобъ на столкновенія. Выходить, однако, что столкновенія были, да еще какія! Но, повидимому, всѣ бывшіе попечители гимназій не выносили сора изъ избы. Мало этого: моя предмѣстница, которая, по словамъ начальника, ничего не хотѣла дѣлать и оскорбляла его—получала ежегодно и награду, и пособіе (всего по 800 р. въ годъ) и получила, наконецъ, хорошій институтъ. Это объясняется тѣмъ, что она была родной племянницей одного изъ министровъ.

Послѣ продолжительной бесѣды съ начальникомъ, мы разстались. Я вынесла изъ этой бесѣды такое впечатлѣніе, что, можетъ быть, съ нимъ можно будетъ ладить. Отъ него я отправилась къ попечителю гимназій, губернатору Л. П. Т., который произвелъ на меня впечатлѣніе умнаго и благовоспитаннаго человѣка. Я заявила ему, что черезъ два дня уѣзжаю на Волынь въ деревню, такъ какъ я еще не отдыхала послѣ экзаменовъ въ К**ской гимназій. Въ тотъ же день попечитель сдѣлалъ мнѣ визитъ. Въ этотъ же день зашелъ ко мнѣ начальникъ гимназій. Онъ предложилъ мнѣ осмотрѣть все зданіе пансіона. Въ это время производился ремонтъ, даже въ моей квартирѣ; однако, мы прошли по всему зданію, прошли и въ подвальный этажъ, гдѣ помѣщались: кухня, прачешная и людская. Боже, что за ужасное помѣщеніе увидѣла я! Отсутствие свѣта, сырость, скученность и близкое сосѣдство прислуги женской и мужской. „Это наше больное мѣсто!“ замѣтилъ мнѣ начальникъ. — „Но почему же не передѣлаютъ этого помѣщенія?“—спросила я. „Денегъ нѣтъ, мы „нищіе“. Говоря о гардеробной и бѣлковой частяхъ, начальникъ повторилъ фразу: „Мы нищіе, у насъ ничего нѣтъ!“ Эти слова „мы нищіе“ меня поразили: я знала, что вѣдомство считается самымъ богатымъ вѣдомствомъ, владѣющимъ болѣе чѣмъ стомилліоннымъ капиталомъ—и вдругъ—„мы нищіе“! Какъ это не связывалось одно съ другимъ.

На слѣдующій день я съѣздила къ Генералъ-Губернатору, гр. А. П. И., но, узнавъ, что у него засѣданіе съ „генералами“, я спросила въ пріемной книгу, чтобы расписаться, но дежурный чиновникъ мнѣ объявилъ, что дамы никогда не расписываются,

а оставляютъ карточку. Я объявила, что представляюсь графу по службѣ. „Все равно“—оствѣчалъ онъ. „Такъ примите это на вашу отвѣтственность!“—сказала я ему, разсмѣявшись, подавая карточку. На другой же день начальникъ края сдѣлалъ мнѣ визитъ. Послѣ я узнала, что графъ очень жалѣлъ, что не зналъ, что я буду у него,—онъ отдалъ и приказаніе доложить ему обо мнѣ.

Въ пансіонѣ осталось на лѣто только пять воспитанницъ, и при нихъ по очереди дежурили двѣ классныя дамы,—третья пользовалась всѣми капибулами, а четвертая только что была уволена отъ службы. Начальникъ сообщилъ мнѣ, что уволенная была назначена „по рекомендаціи изъ Петербурга“, но оказалась особой, которой не нужно въ учебномъ заведеніи,—но тѣмъ не менѣе она терпѣлась, пока предмѣстница моя не узнала, что она вооружаетъ дѣтей противъ нея. Тогда судьба ея была рѣшена, и она немедленно была уволена. Удивительно странно относятся интеллигентные люди къ дѣлу воспитанія. Нѣкто, *хорошій знакомый* этой дамы, желая разстаться съ нею, вздумалъ ее пристроить и ничего лучшаго не нашелъ, какъ сдѣлать ее воспитательницей юношества, и обратился съ просьбой къ одному изъ вліятельныхъ лицъ вѣдомства за содѣйствіемъ, а тотъ написалъ Л. П. Т. и она получила мѣсто классной дамы въ пансіонѣ. Какъ все это просто дѣлается! И не окажись она личностью извѣстной нѣкоторымъ изъ служащихъ гимназій, все бы осталось шито и крыто. Къ несчастью, этотъ случай не исключительный. Пристроить свою пріятельницу всего проще въ воспитательницы и даже выше. „Вѣдь она такая „душка!“—говорятъ при этомъ. И эти „душки“ свободно деморализуютъ юношество.

Узнавъ объ имѣющейся въ пансіонѣ вакансіи, я немедленно послала телеграмму одной изъ бывшихъ моихъ сослуживицъ въ К**ской гимназій, дѣвушкѣ съ высшимъ педагогическимъ образованіемъ, и предложила ей имѣющуюся вакансію. Она согласилась, а мнѣ было съ руки имѣть у себя, на новомъ мѣстѣ, личность хорошо мнѣ извѣстную и знающую меня хорошо. Это значительно мнѣ облегчало первые шаги на новомъ мѣстѣ.

Слегка ознакомившись съ порядками заведенія, я уѣхала на мѣсяцъ въ деревню на Волынь къ своимъ друзьямъ. Тамъ я вполне отдохнула, набралась новыхъ силъ и съ новыми надеждами въ третій разъ вступила въ старую должность на новомъ мѣстѣ. Это относилось, конечно, къ гимназій,—въ пан-

сіонъ же все это для меня ново, хотя и старо по институтскимъ воспоминаніямъ.

Съ 16-го августа я уже вступила въ должность, и такъ какъ начальникъ жаловался мнѣ на мою предвѣстницу, что она не хотѣла знать хозяйства, то я заключила изъ этого, что онъ желаетъ, чтобы я вмѣшивалась въ хозяйство. Съ перваго же дня ко мнѣ посыпались жалобы на экономку: что лѣтомъ голодомъ морили, что мясо давали нехорошее—и я стала ходить на кухню въ 7 ч. утра, чтобы видѣть мясо и взвѣшивать его. При этомъ я удостовѣрилась въ томъ, что экономка поздно встаетъ и не бываетъ въ кухнѣ при приѣмѣ мяса. Узнавъ, что я хожу на кухню, начальникъ «въ пожки мнѣ поклонился». Стороной я слышала, что онъ потиралъ себѣ руки, говоря: «Теперь я могу ничего не дѣлать!» Значитъ, первые шаги мои были удачны. По другимъ дѣламъ въ пансіонѣ я очутилась какъ въ лѣсу: штатное число воспитанницъ было сто, казенно-коштныхъ пансіонерокъ—четыре, классныхъ дамъ—четыре, лазаретная надзирательница, одна гардеробная и бѣловая дама, спальная дама, укладывающая спать воспитанницъ и наблюдающая за ними во время сна,—экономка и швея, подъ руководствомъ которой воспитанницы шьютъ себѣ бѣлье—и никакого руководства по администраціи.

Но что такое этотъ пансіонъ? Чтобы отвѣтить на этотъ вопросъ, воспользуюсь частью «исторической запиской», сост. по поводу 25-л. юбилея жен. гимназіи въ 1885 г., частью личными воспоминаніями лица, прослужившаго въ пансіонѣ 40 л. и заслуживающаго полного довѣрія.

«Училище NN. основано въ 1833 г. при К**скомъ обществѣ для помощи бѣднымъ, какъ скромное учебное заведеніе 3-го разряда, подъ именемъ «училища бѣдныхъ дѣвицъ» NN., супруги бывшаго въ то время К**скаго Генераль-Губернатора. Первоначально училище учреждено было съ цѣлю призрѣнія и воспитанія круглыхъ сиротъ всѣхъ сословій, и до изданія новаго устава его 1840 года, не была ясно опредѣлена ни цѣль этого заведенія, ни объемъ преподаваемыхъ въ немъ наукъ.

Комплектъ дѣвочекъ не превышалъ 30. Больше всего обучали рукодѣлію. Русская грамота и начальная арифметика составляли весь курсъ научнаго обученія. Что же касается состава и средствъ училища, то въ немъ вовсе не было своекоштныхъ пансіонерокъ, а случайныя средства его, составлявшіяся то изъ мелкихъ пожертвованій, то изъ доходовъ отъ лотерей, были

такъ незначительны, что въ 1839 г. для содержанія заведенія оставалось только 33 р. ассигнаціями!

Уставомъ 1840 г. училище включено въ 3-й разрядъ женскихъ учебныхъ заведеній вѣдом—а Учр. Имп—ы Маріи и цѣлю его поставлено—приготовленіе грамотныхъ экономокъ и нянекъ, а также призрѣніе бѣдныхъ дѣвицъ, особенно сиротъ, всѣхъ свободныхъ сословій и доставленіе имъ содержанія и нѣкотораго образованія до того времени ихъ возраста, когда онѣ сами будутъ въ состояніи собственнымъ трудомъ «честно и благородно» снискивать себѣ пропитаніе; особенно имѣлось въ виду, чтобы воспитанницы этого заведенія, по выходѣ изъ онаго, могли поступать въ частныя дома для надзора за домашнимъ хозяйствомъ, для занятія разными рукодѣліями и для наблюденія за физическимъ воспитаніемъ дѣтей и даже для первоначальнаго обученія ихъ грамотѣ. Сообразно съ такою цѣлю, установленъ былъ и кругъ предметовъ преподаванія и объемъ онаго; для увеличенія же и упроченія средствъ заведенія—въ него допущены своекоштыя пансіонерки съ ежегодною платою по 100 р. сер.

Спустя два-три года послѣ введенія этого устава, въ училищѣ является уже отступленіе отъ него, вызванное тѣмъ обстоятельствомъ, что заведеніе, въ томъ видѣ, какой оно получило по уставу 1840 г., не соответствовало потребностямъ мѣстнаго общества, вслѣдствіе чего въ него и не поступало своекоштныхъ пансіонерокъ. Это отступленіе заключалось главнымъ образомъ въ присоединеніи къ предметамъ преподаванія новыхъ языковъ: франц. и нѣм. Въ связи съ этимъ измѣнилась и цѣль училища: воспитанницы его, какъ знакомыя съ иностранными языками, начали замѣнять въ мѣстномъ обществѣ классъ такъ назыв. боннѣ, которыя до того времени выписывались изъ Швейцаріи. Число своекоштныхъ пансіонерокъ стало увеличиваться: 1847 г. оно дошло до 20, а въ 1852 г. возросло до 35. Вмѣстѣ съ тѣмъ это отступленіе повліяло самымъ положительнымъ образомъ на средства заведенія, которыя не только увеличились, но приобрѣли болѣе прочности. Наибольшая заслуга въ этомъ отношеніи принадлежитъ тогдашнему генераль-губернатору Б., который, пользуясь своимъ положеніемъ, направилъ на училище частную благотворительность. Благодаря этому, училище получило возможность переселиться изъ отдаленной части города, гдѣ оно было разбросано въ двухъ наемныхъ домахъ, въ собственное помѣщеніе въ центрѣ города, подъ которое городомъ было пожертвовано около десятины земли, и обеспечено основ-

нымъ капиталомъ до 150 т. р. с., пожертвованнымъ дворянствомъ К** губ., городомъ и частными лицами.

Такимъ образомъ, благодаря уклоненію отъ устава 1840 г., дѣло получило прочную почву. Но вслѣдъ за посѣщеніемъ училища Государемъ Николаемъ Павловичемъ, выразившимъ неудовольствіе по поводу уклоненія отъ устава, съ окт. 1852 г. преподаваніе въ немъ новыхъ языковъ было прекращено. Быстрое и значительное уменьшеніе числа своекоштныхъ пансіонеровъ, вызванное этимъ, нагляднымъ и убѣдительнымъ образомъ показало, что училище такого устройства и характера не соответствуетъ мѣстнымъ потребностямъ общества и пуждается въ преобразованіи. По этому, по ходатайству Совѣта К** Инст-а благородныхъ дѣвицъ, въ вѣдѣніи коего оно состояло, и К** каго Генералъ-Губернатора, въ 1854 г. 10 апр. по Высочайшему повелѣнію, оно снова преобразовано на слѣдующихъ началахъ. Училище назначено для воспитанія дочерей лицъ благороднаго званія, съ цѣлью приготовленія домашнихъ учительницъ. Воспитанницы раздѣлены на казенно-коштныхъ и своекоштныхъ; къ приему въ казеннокоштныхъ допускаются исключительно дочери недостаточныхъ чиновниковъ одной К** губ. По программѣ преподаванія училище отнесено къ второ-разряднымъ жен. учеб. завед. съ присоединеніемъ педагогики и дидактики и раздѣленіемъ на два трехъ-годичные классы, съ особымъ приготовительнымъ классомъ. Сначала число воспитанницъ определено 80-ю, а затѣмъ ограничено 63-мя.

Новый порядокъ придавъ училищу фیزیономію маленькаго института, а институтскія традиции и привычки, привитыя здѣсь начальницею и клас. дамами, упрочили въ обществѣ понятіе объ училищѣ, какъ о заведеніи, въ которомъ воспитаніе и внѣшняя сторона жизни соответствуютъ институтскимъ. Вѣра въ институты создала въ обществѣ расположеніе и къ училищу NN.

Въ таковомъ видѣ училище существовало до 1865 г. Въ этомъ году оно, по Высочайшему повелѣнію, подверглось новому, коренному преобразованію, положившему конецъ его самостоятельности: оно въ учебномъ отношеніи присоединено къ К**ой гимназіи. Новая реформа выразилась въ томъ, что преподаваніе наукъ въ училищѣ прекращено, и заведеніе преобразовано въ чисто-воспитательное учрежденіе, подъ именемъ пансіона NN при К**ской женской гимназіи. Воспитанницы его посѣщаютъ гимназію; число ихъ увеличено съ 63 до 100: изъ нихъ 25 казеннокоштныхъ и 75 своекоштныхъ. Плата и содержаніе

возвышается со 100 до 130 р. въ годъ. Но рядомъ съ полнымъ подчиненіемъ пансіона гимназіи въ учебномъ отношеніи, оставлена прежняя система управленія хозяйственною и воспитательною частями: первая оставлена въ вѣдѣніи члена по хозяйственной части института, а вторая—подъ управленіемъ своей отдѣльной начальницы. При этомъ въ виду опасенія, изъясненнаго Государынею, «чтобы чрезъ такое сліяніе двухъ заведеній и двухъ администрацій не произошло въ нихъ какого-либо нестройства», проектъ штата пансіона NN удостоился Высочайшаго утвержденія Государя Императора лишь, въ видѣ опыта, на два года, дабы въ это время польза или неудобства допущеннаго порядка управленія могли выясниться на дѣлѣ*).

«Опасеніе это сбылось: нестройства не замедлили обнаружиться. Поэтому, желая положить конецъ имъ, попечитель N. гим. остановился на мысли—присоединить окончательно пансіонъ во всѣхъ отношеніяхъ къ гимназіи. Обстоятельства сложились такъ, что желаніе его получило возможность осуществиться на дѣлѣ. Во первыхъ, въ 1868 г. вслѣдствіе преобразованія Совѣта Института, попечитель пересталъ быть его членомъ, и чрезъ то пансіонъ лишился единства управленія: въ экономическомъ отношеніи онъ очутился въ зависимости отъ Институтскаго Совѣта, въ воспитательномъ—отъ своей начальницы, въ учебномъ—отъ начальства К**ой ж. гимназіи; положеніе сдѣлалось невозможнымъ. Во вторыхъ со смертію начальницы пансіона, г-жи С., которая, стремясь возвратитъ своему заведенію потерянный институтскій режимъ и самостоятельность, несочувственно относилась къ новому порядку вещей, само собою устранилось послѣднее препятствіе къ полному соединенію NN пансіона съ гимназіей. Попечитель, Ген.-Губ. Б. вошелъ въ Главный Совѣтъ жен. учеб. заведеній съ проектомъ преобразованія пансіона въ указанномъ выше смыслѣ, ходатайство его было уважено и 18 апр. 1868 г. совершилось послѣднее преобразование, въ силу котораго пансіонъ изъятъ изъ вѣдѣнія Совѣта К**аго Института; хозяйственная часть его перешла въ вѣдѣніе хозяйств. комитета N гимназіи; должность особой начальницы пансіона упразднена, завѣдываніе воспитательною частью возложено на главную надзирательницу К**ой гимназіи. Плата за содержаніе своекоштныхъ пансіонеровъ возвышена до 200 р. и за тѣмъ постепенно сравнилась съ платой губернскихъ Институтствъ т. е. 350 р.»

*) Такое сліяніе двухъ заведеній и двухъ администрацій существуетъ въ Петербургскихъ завед., Коломенской ж. гим. и Ивановскаго

Вотъ что мы узнаемъ изъ официальной записки. Пополнимъ же ее свѣдѣніями лица, пережившаго почти всѣ преобразования, которымъ подвергся N N. пансіонъ въ продолженіе нѣсколькихъ десятковъ лѣтъ. Когда въ 1854 г., по предложенію Ген-Губ-а Б., рѣшено было преобразовать училище N N. во второ-разрядное учебное заведеніе, то преобразование это, по просьбѣ Ген. Б., поручено было начальницѣ К. образцоваго пансіона, г-жѣ З. По происхожденію изъ высшего польскаго общества, г-жа З. пользовалась симпатіями и поддержкой этого общества, и образованная, воспитанная и энергичная, она сумѣла поставить свой пансіонъ на такую высоту, что мѣстное общество отдавало ему предпочтеніе передъ институтомъ. Нечего говорить о томъ, что польскіе аристократы отдавали своихъ дочерей въ этотъ пансіонъ. Но г-жа З., всецѣло занятая своимъ пансіономъ, не могла удѣлять достаточно времени N N. пансіону и, по окончаніи его преобразования, она поручила наблюденіе за пансіономъ своей племянницѣ, m-lle O., оставляя за собой руководство дѣломъ. Но m-lle O. вела дѣло вполне самостоятельно въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, пока не обратили вниманія на ея безцеремонное хозяйничанье: въ городѣ заговорили о разныхъ злоупотребленіяхъ въ NN. пансіонѣ. Между тѣмъ, Ген. Б. оставилъ постъ К**скаго Генераль-Губернатора, и его мѣсто занялъ князь В. Новый Генераль-Губернаторъ обратилъ большое вниманіе на NN. пансіонъ, который при немъ сталъ болѣе самостоятельнымъ. Назначена была самостоятельной начальницей пансіона начальница Ж—скаго образцоваго пансіона, Л. И. С., смолянка. Князь В. зналъ ее хорошо, такъ какъ самъ былъ до того губернаторомъ въ Ж. Особа весьма образованная и энергичная, Л. И., съ помощью классной дамы, М. Д. Л., съ перваго же года своего управленія, поставила отлично NN. пансіонъ, пользовавшійся большимъ вниманіемъ княгини В. и княжны Sophie, которая часто посѣщала пансіонъ, проводя иногда цѣлые вечера въ квартирѣ начальницы и читая вслухъ пепиньеркамъ В. Гюго и др. французскихъ писателей. Учебныя занятія шли прекрасно, приглашались лучшіе учителя. Иностранные языки, руководіе и музыка поставлены были прекрасно. Устраивались музыкальные вечера, спектакли на франц. языкѣ; блестящіе елки на пожертвованія частныхъ лицъ: присылали пудами всякихъ лакомствъ, и даже деньги. Въ числѣ жертвователей были предводители дворянства, губерскій и уѣздный, и богатые помѣщики, и всѣ они пріѣзжали. училища, интерната. Первая—вѣдом. Учр. Им. Маріи, второе Человѣкъ. Обще—а. Между обоими завед. существуетъ полный ладъ.

ли на елку. Всѣ любили и уважали начальницу и хвалили пансіонъ. Это было небогатое, небольшое, въ семейномъ духѣ веденное воспитательное заведеніе, вполне удовлетворявшее потребности той среды, изъ которой воспитывались здѣсь дѣти. Родители были довольны получаемымъ здѣсь воспитаніемъ и многіе стремились отдавать сюда своихъ дѣтей. Такъ продолжалось нѣсколько лѣтъ. Это было счастливѣйшее и блистательнѣйшее время для NN. пансіона. Но съ открытіемъ N. гимназіи всѣ невзгоды обрушились на NN. пансіонъ. Инспекторъ классовъ пансіона, опъ же инспекторъ въ Институтѣ, г. Ш., за рѣзкое столкновеніе съ начальницей пансіона будучи смѣненъ, сталъ во враждебныя отношенія къ послѣдней. На его мѣсто былъ назначенъ инспекторомъ въ NN. пансіонъ, директоръ К**кой гимназіи Л. И, вотъ, эти два врага Л. И. С-ой стали упорно добиваться присоединенія NN. училища къ К**кой гимназіи, представляя всѣ выгоды матеріальныя для училища; и какъ ни отстаивала начальница самостоятельность NN. пансіона, судьба его была рѣшена, какъ сказано выше,—въ 1865 г. NN. пансіонъ былъ присоединенъ къ гимназіи подъ именемъ пансіона NN., начальницей котораго оставалась Л. И. С. до своей смерти въ 1867 г. Послѣ нея назначена была Главная надзирательница К**кой гимназіи, Н. И. П., тоже смолянка, и съ тѣхъ поръ эти двѣ должности слились въ одномъ лицѣ. Матеріальная часть пансіона оставалась, однако, еще въ рукахъ института. Пансіонъ, при безконтрольномъ веденіи дѣла, началъ бѣдствовать и доведенъ былъ до нищеты: на двѣ ученицы было три сорочки, пансіонъ одѣвался въ обноски институтокъ, пища стала хуже чѣмъ въ пріютахъ. Такое положеніе началось еще при жизни Л. И. С., и только въ апрѣлѣ 1868 г. и хозяйственная часть пансіона передана въ завѣдываніе хозяйственнаго комитета. К**кой гим. и полнымъ распорядителемъ этой части въ пансіонѣ явился начальникъ гимназіи, въ то время А. И. Л. При немъ пансіонъ продолжалъ бѣдствовать, и отношенія между нимъ и Н. И. П. сначала хорошія, постепенно стали ухудшаться; наконецъ, А. И. Л. былъ, замѣненъ г—мъ Г. Еще при управленіи Л. возникла мысль объ устройствѣ церкви при NN. пансіонѣ. Его Высочество принцъ П. Г. Ольденбургскій сочувственно отнесся къ этому дѣлу, обѣщалъ свою помощь, и служащія въ пансіонѣ стали устраивать лотери для сбора денегъ. Однако, со вступленіемъ въ должность начальника гимназіи Г. мечты о церкви были оставлены, между начальствующими лицами пошли преребанія, и въ 1888 г. Н. И. П. вышла въ отстав-

ку, и ее мѣсто заняла М. Н. В., племянница министра финансовъ. При ней снова возникла мысль объ устройствѣ церкви въ NN. пансіонѣ, и супруга министра финансовъ, тетка М. Н. В., прислала для этой цѣли 1000 р. Но увы! наперекоръ желаніямъ всѣхъ и даже здравого смысла, «въ никуда» М. Н. В., съ которой Г. былъ въ дурныхъ отношеніяхъ (мы слышали отъ многихъ служащихъ въ К** кой гимназіи, что М. Н. часто плакала отъ Г., человека умнаго и энергичнаго, но въ тоже время деспота)—церковь устроена не при пансіонѣ, а при гимназіи. Въ 1893 г. М. Н. В. назначена была начальницей Б. института, а на ее мѣсто—гр. Н. О. А., начавшая службу при мнѣ въ К* кой гимназіи въ должности классной надзирательницы;—она была родной племянницей министра М. Н. Д. и оставалась Глав. Надз. К** кой ж. г. и пансіона NN. до 5 июня 1897 г., когда была назначена начальницей П. института, а на ее мѣсто назначена была я.

Таковъ краткій очеркъ исторіи пансіона N N. И такъ, на первыхъ порахъ я очутилась какъ въ лѣсу, тѣмъ болѣе, что и начальникъ, какъ оказывалось, былъ плохой администраторъ и хозяинъ, не любившій никакихъ правилъ ни въ чемъ. Приходилось дѣйствовать ощупью: больше всего я боялась, чтобы мнѣ не свазали, что я не имѣю права распоряжаться. Между тѣмъ, со всѣхъ сторонъ въ пансіонѣ я слышала: «Вы—полная хозяйка». Правда и начальникъ, при первомъ свиданіи, сказалъ мнѣ: «Вы будете полной хозяйкой, я никогда не спорю о власти»—но 15-ти лѣтній опытъ внушалъ мнѣ осторожность.

Мало по малу я входила въ свою роль, распранивая каждую завѣдующую отдѣльной частью о томъ, какъ велось дѣло до меня, придерживаясь того, что новое вводить слѣдуетъ только постепенно, исправляя недостатки, а не переворачивая все вверхъ дномъ, какъ дѣлаютъ это люди неопытные и воображающіе о себѣ слишкомъ много. Скорѣе всего я освоилась, конечно, съ воспитательной частью, наиболее мнѣ знакомою, но тутъ мнѣ прежде всего пришлось убѣдиться въ страшной распушенности воспитанницъ. Авторитетъ классныхъ дамъ былъ совершенно подорванъ, по всякому дѣлу воспитанницы обращались къ начальницѣ помимо классныхъ дамъ, распоряженія дѣлались также помимо послѣднихъ; распоряженія классныхъ дамъ отмѣнялись, имъ дѣлались замѣчанія въ присутствіи воспитанницъ... Исходя изъ того, что одна начальница безъ хорошихъ помощницъ ничего не можетъ сдѣлать, и что дѣйствительными воспитательницами являются классныя дамы, неотлучно находящіяся

при воспитанницахъ, а не начальница, которая постоянно отвлекается другими дѣлами и можетъ только руководить классными дамами и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ имѣть прямые сношенія съ воспитанницами, когда авторитетъ и вліяніе классной дамы оказывается недостаточнымъ—я рѣшила прежде всего возстановить авторитетъ классныхъ дамъ, для чего объявила, что ни по какому дѣлу воспитанницы не должны обращаться ко мнѣ *безъ видома* классной дамы. Затѣмъ, ознакомившись вполне съ дѣломъ, я пригласила къ себѣ нѣсколько разъ классныхъ дамъ и вмѣстѣ съ ними составила правила для воспитанницъ. Эти правила развѣшены были по спальнямъ и классамъ. Этимъ правиламъ подчинялась и я, и, въ случаѣ надобности измѣнить что-либо или отступить отъ правила, я дѣлала это только по обсужденіи даннаго случая съ классными дамами. Больше всего я избѣгала произвола и моего личнаго «хотѣнія». Терпѣть не могу фразы «я такъ хочу!» и я убѣждена, что правила, составляемыя не въ канцеляріи, а на мѣстѣ, сообща съ исполнителями, лучше и дружнѣе исполняются.

Между тѣмъ, съ половины августа стали съѣзжаться воспитанницы и поступать новенькія. Это самое безпокойное время,—то и дѣло докладываетъ мнѣ швейцаръ, что такой-то или такая-то желаютъ меня видѣть: не успѣешь отпустить одного и вернуться въ кабинетъ, является другой, третій и т. д. Къ концу дня сбиваешься съ ногъ. Начали являться преподаватели и преподавательницы музыки. Эта часть была хорошо поставлена. Начальникъ объявилъ мнѣ, что предоставляет мнѣ всецѣло приглашеніе и увольненіе преподающихъ музыку и распредѣленіе ученицъ между ними. И первый шагъ, какой пришлось сдѣлать въ этомъ дѣлѣ, былъ тяжелый. Приходилось объявить одному изъ преподавателей, что намъ надо разстаться, такъ какъ у него не осталось ни одной ученицы. Произошло это отъ того, что онъ часто пропускалъ уроки. Объясненіе мое съ нимъ было крайне тяжелое.

Въ числѣ преподавательницъ музыки была одна весьма почтенная личность, опытная учительница и старослужащая въ пансіонѣ г-жа Л., которая брала на себя распредѣленіе занятій ученицъ музыкой (упражненій) по роялямъ. Всѣхъ музыкальных инструментовъ въ пансіонѣ было 8, которые размѣщались по спальнямъ, въ залѣ, въ музыкальной и въ гостинной начальницы. (Я сама предложила свою гостинную, когда не оказалось мѣста для 8-го рояля); необходимо, чтобы каждая изъ обучающихся музыкѣ (а такихъ около 75) знала не только свои часы для уроковъ, но и часы для упражненія и свой инструментъ. Сдѣлать

такое распределение—дѣло весьма не легкое, но г-жа Л. справлялась съ нимъ уже не одинъ десятокъ лѣтъ. Она же мнѣ предложила ввести для каждой воспитанницы, обучающейся музыкѣ, тетрадь для отмѣтокъ и замѣтокъ преподающихъ, что и было введено, и отъ времени до времени я рассматривала эти тетради и вписывала свои замѣчанія.

Наконецъ, къ 1 сентября всѣ въ пансіонѣ и гимназій собрались, и въ этотъ день былъ молебенъ въ гимназической церкви. Когда священникъ вышелъ съ крестомъ, я, по старой привычкѣ, приобѣтенной въ К* кой гимназій, гдѣ начальникъ всегда первымъ подходилъ ко кресту—ждала того же и здѣсь, однако, начальникъ сдѣлалъ мнѣ знакъ рукой подойти первой, а послѣ сказалъ мнѣ: «Знайте, что я никогда первымъ не подхожу ко кресту,—здѣсь привыкли къ такому порядку». Такое заявленіе начальника произвело на меня хорошее впечатлѣніе.

Начались занятія. Классныхъ надзирательницъ въ гимназій, вмѣстѣ съ 4-я пансіонскими, дежурившими въ гимназій по двѣ черезъ день, было 18. Изъ нихъ большая часть были молодыя. Всѣхъ классовъ было: 7 общеобразовательныхъ съ параллельными, одинъ приготовительный и одинъ педагогическій. Число ученицъ, вмѣстѣ съ пансіонерками, было свыше 800; всѣ классы были переполнены, не было ни мѣста для всѣхъ, ни достаточно воздуха для дыханья. Вентиляція была только естественная, посредствомъ оконъ, что, конечно, представляетъ неудобство зимой. Особенно тѣсно было въ педагогическомъ классѣ: мѣстъ было всего для 50, при томъ, что свободный проходъ былъ только отъ двери до стола преподавателя, а принятыхъ въ классъ было 68.

Въ случаѣ, если всѣ окажутся на лицо, 18 останутся безъ мѣста. О серьезныхъ занятіяхъ не думали ни ученицы, ни родители. Когда я одной изъ маменекъ, умолавшей принять ея дочь въ педагогическій классъ, отвѣчала: «негдѣ сѣсть, нечѣмъ дышать, и какія же занятія могутъ быть при этомъ? Никакихъ знаній не вынесетъ ваша дочь при такихъ условіяхъ»...—«Да это и ненужно,—отвѣчала маменька,—нуженъ только дипломъ».—И такъ думаютъ нынѣ всѣ родители. Какое же значеніе можетъ имѣть дипломъ женской гимназій для людей, серьезно смотрящихъ на дѣло? Ровно никакого. Всѣ гоняются за дипломомъ, а не за знаніемъ, всѣ кончающія гимназію получаютъ дипломъ, ничего не зная. Къ этому убѣжденію пришла я, ознакомившись съ составомъ каждаго класса. Вездѣ масса ученицъ, перетаскиваемыхъ изъ класса въ классъ, то изъ *милосердія*, подрывающаго только

авторитетъ учебнаго заведенія и приносящаго вредъ тѣмъ, которымъ оказывается это неумѣстное милосердіе,—то изъ *снисхожденія*, какъ слѣдствія безхарактерности.

Между тѣмъ я со всѣхъ сторонъ стала слышать, что К**ая гимназія издавна извѣстна своей распущенностью. Начальникъ говорилъ мнѣ, что въ бытность его преподавателемъ здѣсь (лѣтъ 25-30 тому назадъ) ученицы въ стѣнахъ гимназій были такъ нахальны, что, когда преподаватели проходили мимо нихъ, то онѣ стѣной становились и, оглядывая ихъ съ головы до ногъ, громко дѣлали свои замѣчанія. Оставляю это сообщеніе на ответственности начальника. Впрочемъ, принимая въ соображеніе то, какъ поставлены были жен. гимназій въ воспитательномъ отношеніи съ начала ихъ возникновенія, и ту разнузданность, которая царила тогда среди молодежи, направляемой тогдашней «либеральной» прессой и на родителей, и на школу, прессой, смѣшивавшей свободу съ своеволіемъ и разнузданностью,—когда авторитеты лежали во прахѣ, и воспитаніе совершенно отвергнуто было жен. гимназіями—можно повѣрить рассказамъ начальника. Не даромъ долгое время во многихъ городахъ слово «гимназистка» было бранимымъ словомъ. Къ сожалѣнію, и до сихъ поръ еще невозможно высказать печатно правдиваго слова о жен. гимназіяхъ,—и виновата въ этомъ не цензура, а редакторы журналовъ и газетъ,—до сихъ поръ принято ихъ хвалить въ печати, хотя общество, напротивъ, часто бранить ихъ за то, въ чемъ онѣ, собственно, не виноваты, а виноваты родители. Такъ, обвиняють гимназій въ поведеніи ученицъ внѣ стѣнъ гимназій,—но какъ можетъ гимназія отвѣчать за поведеніе ученицъ на улицахъ, въ общественныхъ мѣстахъ и въ частныхъ домахъ? Если родители даютъ полную свободу своимъ дѣтямъ, то что можетъ сдѣлать школа? Давать совѣты, предъявлять требованія,—но если эти совѣты и требованія идутъ въ разрѣзъ со взглядами родителей, не получившихъ никакого воспитанія, то они или остаются втунѣ, или является рознь между дѣтьми и семьей. Рознь эта, впрочемъ, существуетъ съ первыхъ дней возникновенія жен. гимназій. Много ли осталось семей, въ которыхъ дочери—гимназистки уважають авторитетъ старшихъ? Много ли такихъ, въ которыхъ дочь—гимназистка не бѣжитъ вонъ изъ семьи, находя, что семья ея не пара ей, что она, гимназистка, выше ея по образованію? Этотъ вопросъ ждетъ еще своего безпристрастнаго изслѣдователя, какъ и вопросъ, дѣйствительно ли институты отдаляли дѣтей отъ семьи? Я сама, какъ институтка и какъ мать институтокъ, могу засвидѣтельствовать, что институты не сбили

розни между родителями и дѣтьми, а какъ членъ общества, могу сказать, что институтки, въ большинствѣ, выше гимназистокъ, какъ члены семьи.

И такъ, К**ая гимназія не избѣгла участи тѣхъ гимназій, о которыхъ плохо говорятъ, т. е. говорятъ, что ученицы дурно себя ведутъ внѣ гимназій,—конечно, только нѣкоторыя, а не всѣ.

Еще до начала занятій, въ концѣ августа, начальникъ заговорилъ о необходимости составить новыя правила для ученицъ гимназій, такъ какъ прежнія устарѣли,—съ чѣмъ я вполне согласилась. Была назначена коммиссія, въ составъ которой вошли: одинъ изъ законоучителей, нѣсколько классныхъ надзирательницъ, наиболѣе опытныхъ, два преподавателя и я—подъ председательствомъ начальника. Коммиссія собиралась нѣсколько разъ, были выработаны правила поведенія ученицъ въ общественныхъ мѣстахъ и на улицѣ, точно опредѣлена форменная одежда, опредѣлены обязанности ученицъ по отношенію къ гимназій. Особенно долго обсуждался вопросъ, дозволить ли ученицамъ посѣщать соборы безъ старшихъ. При этихъ обсужденіяхъ выяснилось, что молодежь безобразничаетъ въ соборахъ, въ особенности въ темныхъ углахъ С—скаго собора. Вопросъ этотъ рѣшенъ былъ въ отрицательномъ смыслѣ. По разработкѣ правилъ, они были утверждены попечителемъ гимназій.

Прежде всего приходилось мнѣ, какъ всегда, приниматься за приведеніе къ единообразію одежды. Со стороны обыкновенно считаютъ это пустяками, но это—не пустяки. Форменное платье устанавливаетъ равенство, столь необходимое въ учебномъ заведеніи; оно ограничиваетъ преждевременное стремленіе молодыхъ дѣвушекъ въ школьномъ возрастѣ одѣваться по модѣ, оно приучаетъ ихъ къ скромности.

Я знала уже по опыту, что къ этому необходимо приступить сразу энергично, не полагаясь на вѣчный отвѣтъ ученицъ: «Мнѣ шьютъ новое платье». Обратитъ модные рукава съ буфами въ прямые можно было сейчасъ же, не ожидая шитья новаго платья,—укоротить шлейфы—тоже, удлинить же платье, когда нечего выпустить—мудрено, приходится ждать новаго платья. Съ бѣлыхъ, праздничныхъ передниковъ необходимо было снять оборки и широкія кружева съ бретелей. И то, и другое красиво, когда выглажено или сплюснено, но снятое оно безобразно. И наконецъ, красота форменныхъ платьевъ заключается въ простотѣ, оборки же и кружева обнаруживаютъ претензію, и достигнуть единообразія въ этомъ рѣшительно невозможно. Преведеніе въ

порядокъ платьевъ и передниковъ не обошлось безъ борьбы: особенно любятъ маменьки для подростковъ—платья по колѣна и даже выше колѣнъ, для старшихъ—шлейфы, которыми подмется пыль въ гимназій и подбирается грязь на улицахъ. Однажды, сидя на урокѣ танцевъ, я долго смотрѣла на одну дѣвочку съ ногами, какъ палочки и платьемъ выше колѣнъ: глядѣла я, глядѣла и, наконецъ, отвернувшись, меня чуть не стошнило. Какъ бы я охотно привела мамеице, любительницѣ такихъ короткихъ платьевъ, и поставила ихъ противъ этой дѣвочки!

Мѣсяца два прошло на возможное упорядоченіе платьевъ и передниковъ. Въ началѣ сентября, когда я принялась за форму ученицъ, классныя надзирательницы спросили меня, не будутъ-ли введены форменныя шляпы? Подумавъ, я отвѣчала, что можно ввести, предоставивъ донашивать скромныя шляпы, ни въ какомъ случаѣ не допуская перьевъ, яркихъ лентъ и цвѣтовъ. Я уже успѣла замѣтить, что у многихъ ученицъ шляпы прямо неприличныя для ученицъ гимназій. Узнала я также, что есть ученицы, за которыхъ родители не могутъ внести плату за ученіе, а шляпы у нихъ въ 15 р. Это чистое безобразіе! Если родители настолько безвольны, что не могутъ ни въ чемъ отказать дѣтямъ, то на помощь имъ должна прійти школа. Были, напримѣръ, съ такими шляпами три сестры, дѣти недостаточныхъ родителей. Каково же отцу платить сразу 45 р. за одиѣ шляпы дочерей—гимназистокъ! Вопросъ о форменныхъ шляпахъ требовалъ, по этому, немедленнаго рѣшенія, но онъ же и встрѣтилъ наиболѣе противодѣйствія и неудовольствія со стороны родителей, бывшихъ въ повиновеніи у своихъ дочекъ. Рѣшивъ немедленную реформу шляпъ, я поручила класснымъ надзирательницамъ объявить ученицамъ о введеніи форм. шляпъ извѣстнаго образца (цѣною въ 1 р. 75 к.—2 р.), что дается мѣсяцъ на ихъ приобрѣтеніе, что дозволяется донашивать тѣ, которыя признаны будутъ скромными, для чего классн. надзирательницы должны сдѣлать осмотръ шляпъ. Въ концѣ мѣсяца я объявила, что буду осматривать шляпы въ назначенный мною день. Наконецъ, въ день осмотра, я спустилась въ раздѣвальню и стала осматривать каждую пару проходившую мимо меня. Громадное большинство было уже въ форменныхъ шляпахъ, но были еще такія, у которыхъ были модныя съ перьями и яркими лентами. Обладательницамъ послѣднихъ я объявила, что на слѣдующій день я снова осмотрю шляпы и буду снимать «пѣтухи». На слѣдующій день, по окончаніи уроковъ, я опять въ раздѣвальной осматриваю шляпы, опять вижу «пѣтухи», но на этотъ разъ снимаю такую шляпу, вынимаю перо или снимаю

яркій бантъ и отдаю ихъ обладательницѣ шляпы, если же перо или бантъ не поддается моимъ усиліямъ, предлагаю самой ученицѣ справиться съ ними, для чего предлагаю и ножницы. И вотъ, по городу пошло, яко-бы я *срывала* шляпы съ головы, бросаю ихъ на полъ и топтала ихъ ногами. Сплетня эта, или точнѣе клевета исходила изъ среды самихъ ученицъ, что, конечно, не говорило въ пользу нравственныхъ качествъ ихъ. Впоследствии я узнала, что нѣсколько лѣтъ тому назадъ такая же клевета была пущена на счетъ начальницы Министерской гимназіи въ К—Ѣ. Такимъ образомъ, такая клевета оказывается какъ бы формулой, изобрѣтенной гимназистками.—Въ началѣ борьбы со шляпами одинъ изъ напенокъ, близко къ сердцу принимавшихъ «пѣтухи» на шляпахъ дочекъ, явился съ жалобой на меня къ начальнику,—но тотъ объявилъ ему, что такія шляпы запрещены, а по моей просьбѣ, начальникъ предупредилъ попечителя гимназіи о сплетнѣ на мой счетъ и о жалобѣ напеньки, полицмейстера г. К. «А зачѣмъ позволяетъ онъ своей дочери носить такія шляпы?» замѣтилъ попечитель. Въ мѣстной печати появились намеки на войну съ платьями и шляпами гимназистокъ, но меня трудно испугать. Разъ я требую то, что имѣю право требовать, я никакихъ и ничьихъ криковъ не испугаюсь. Но начальникъ боялся доносовъ, говоря, что есть такія личности, которыя на все способны, и совѣтовалъ мнѣ частнымъ письмомъ въ Петербургъ предупредить доносъ. Въ это время за Главнуправляющаго былъ П. М. фонъ К.; я и написала ему обо всемъ. Въ отвѣтъ на свое письмо я получила официальное письмо, въ которомъ заключались указанія, какъ поступать при введеніи новой формы, и затѣмъ, рукою самаго П. М. сдѣлана приписка, имѣвшая частный характеръ. Въ заключеніе П. М. писалъ: «Совѣтуйтесь съ Л. П. Т., онъ умный человѣкъ». Я немедленно же сообщила П. М. уже официальнымъ письмомъ, что все было предварительно исполнено такъ, какъ указано въ его письмѣ, и что форма утверждена попечителемъ. На это я получила слѣдующіи строки отъ П. М. «Очень радъ былъ получить ваши письма. Я вамъ вѣрю и потому спокоенъ».

Наконецъ, всѣ успокоились, хотя я и получила нѣсколько глупыхъ ругательныхъ, анонимныхъ писемъ по адресу шляпъ и платьевъ. Впоследствии я узнала отъ управляющаго дѣлами канцеляріи Вѣдомства, что на меня былъ доносъ. Покончивъ съ войной изъ-за реформы одежды, и приведя гимназистокъ въ скромный видъ, я принялась за утвержденіе дисциплины. Тутъ я замѣтила обычное явленіе въ жен. гимназіяхъ. Какъ только

является новая начальница, такъ всѣ классныя надзирательницы считаютъ своимъ долгомъ выжидать новыхъ распоряженій, предоставляя, пока, ученицамъ дѣлать, что онѣ хотятъ. Не свѣдѣтельствуешь-ли это о томъ, что все, что относится до дисциплины и поведенія ученицъ, дѣлается не по убѣжденію въ необходимости извѣстныхъ требованій, а только по указкѣ, какъ бы изъ—подъ палки? Виною тому, главнымъ образомъ, отношеніе начальства гимназіи къ воспитательному персоналу. «Не вѣрьте имъ, онѣ все лгутъ!» говорилъ одинъ начальникъ.—«Ваши сторожики»—говоритъ одинъ изъ попечителей. «Классныя надзирательницы не должны смѣть пикнуть!» говоритъ начальникъ К. гимназіи. «Да замолчите-ли вы?» такой окрикъ слышитъ классная надзирательница въ конференціи отъ председателя, когда она пытается защитить свое мнѣніе. Такія отношенія, конечно, не способны образовать воспитательницъ, стоящихъ на высотѣ своего назначенія.—Часто же это происходитъ отъ того, что новое лицо любитъ показывать себя «новой метлой», независимо отъ того, нужно-ли что выметать или нѣтъ. Что-жъ мудренаго, что съ появленіемъ новаго начальства онѣ ждутъ новыхъ указаній, полагая, что все прежнее будетъ отмѣнено и замѣнено новымъ? Мое же правило такое: присмотрѣвшись къ старымъ порядкамъ, хорошее оставить, пробѣлы пополнить, недостатки исправить, и потому, по вступленіи въ должность, я всегда говорю класснымъ надзирательницамъ: «Пожалуйста, ведите дѣло, какъ оно велось!» Замѣчается еще одинъ недостатокъ въ классныхъ надзирательницахъ: приходится ежегодно повторять одни и тѣ же требованія, какъ будто-бы они были сдѣланы на одинъ годъ. Это можно объяснить тѣмъ, что онѣ привыкли къ «ordres et contr, ordres», практикуемые начальствомъ слабымъ и безпринципнымъ.

И такъ, общій видъ ученицъ сталъ приличнымъ, но приходилось постоянно воевать съ прической, на которую не всѣ классныя надзирательницы обращаютъ должное вниманіе, или не умѣютъ настоять на исполненіи ученицами предъявляемыхъ имъ требованій. Два старшихъ класса были особенно распушены, не могли съ ними справиться ихъ классныя надзирательницы. Въ одномъ изъ этихъ классовъ было нѣсколько ученицъ, о которыхъ дурно говорили, двѣ изъ нихъ видимо бѣлились и румянились, но невозможно было уличить ихъ въ этомъ, краска не смывалась. Изъ дня въ день приходилось слышать въ нашей средѣ, что такая-то ученица I класса неприлично держитъ себя на улицѣ. Приглашались родители, но изъ этого не выходило никакого толку: по словамъ родителей, дочки ихъ прекрасно

воспитаны, и все это напраслина на нихъ. Приходилось ждать случая. Нужно замѣтить, что въ гимназіи никакихъ наказаній нѣтъ, кромѣ сбавки балла за поведеніе, но это не распространяется на ученицъ двухъ старшихъ классовъ, *чтобы не портить ихъ аттестата*. Остается исключеніе изъ гимназіи, что сопряжено съ большими затрудненіями. Всегда найдутся сердобольные, которымъ жалъ нравственно испорченной ученицы и не жалъ цѣлаго класса или всей гимназіи, репутація которой страдаетъ отъ двухъ-трехъ ученицъ. Вообще надо признать, что у нашихъ педагоговъ, у большинства изъ нихъ педагогическіе взгляды по отношенію къ дѣвушкамъ весьма шатки, въ особенности у тѣхъ, которые любятъ говорить о «педагогическихъ принципахъ». У такихъ обыкновенно нѣтъ никакихъ педагогическихъ принциповъ, или существуетъ одинъ принципъ: предоставить дѣтямъ расти, какъ трава въ полѣ, на всей широкой Божьей волѣ, т. е. безъ всякаго воспитанія, согласно принципу проповѣдуемому гр. Л. Толстымъ, отвергающимъ, какъ извѣстно, воспитаніе.

Евреевъ въ гимназіи не болѣе 10%, и среди нихъ не замѣтно тѣхъ типовъ, которые встрѣчаются въ К*: здѣсь онѣ болѣе шлифованы,—въ К** ой гимназіи еврейки почти исключительно изъ интеллигентной среды.

Изъ учебныхъ предметовъ особенно заинтересовала меня постановка иностр. языковъ и руководлія. Первые поставлены хорошо, въ томъ отношеніи, что съ VII кл. (съ младшаго) учительницы объясняются съ ученицами на языкѣ, которому учатъ, но результатъ все таки не отвѣчаетъ затратѣ труда, и это отъ того, по моему мнѣнію, что за двумя зайцами гонятся. Начальство и родители хотятъ, чтобы ученицы научились говорить хотя-бы по французски, не отдавая себѣ яснаго отчета въ томъ, чего можно достигнуть въ открытомъ учебномъ заведеніи при трехъ недѣльных урокахъ съ 50-60 ученицами въ классѣ. Все ссылаются на успѣхи, дѣлаемые дома съ гувернантками. Такая ссылка до того безсмысленна, что и опровергаютъ ее излишне. По моему убѣжденію, открытое обще-образовательное учебное заведеніе при настоящихъ условіяхъ (три урока въ недѣлю и многолюдный классъ) можетъ дать знаніе теоріи и пониманіе читаемаго. Если оканчивающая курсъ гимназіи можетъ безъ словаря прочесть доступную ей пониманію (по содержанію) книгу, можетъ, не коверкая языка пересказать прочитанное и безъ ошибокъ написать записку—то гимназія дала все, что могла дать и что главнѣе всего. Въдѣ, иностранный языкъ для боль-

шинства учащихся въ среднихъ и высшихъ школахъ главнымъ образомъ нуженъ для непосредственнаго пользованія литературой, практическое же пользованіе имъ не во всемъ нужно, и оно легко пріобрѣтается, когда человекъ съ знаніемъ теоріи попадаетъ въ среду, гдѣ говорятъ на иностранномъ языкѣ. Если же въ гимназіи будутъ гнаться за разговорнымъ языкомъ, пренебрегая теоріей, то гимназистка, научившись нѣсколькимъ сотнямъ фразъ, владѣть языкомъ не будетъ ни практически, ни теоретически, и иностранная литература въ оригиналахъ будетъ для нея недоступна.

Попадетъ она въ среду, гдѣ на иностранномъ языкѣ не говорятъ, она забудетъ и заученныя ею фразы. Въ западныхъ школахъ уже пришли къ этому сознанію, и увлеченіе т. н. «естественнымъ» методомъ прошло, и этотъ методъ брошенъ. Въ этомъ я лично убѣдилась за границей, при посѣщеніи школъ.

Нѣмецкій языкъ, при моемъ вступленіи въ должность, былъ въ К—ой гимназіи въ особенно хорошихъ рукахъ, и тѣмъ не менѣе успѣхи не отвѣчали ожиданіямъ,—но это можетъ объясняться нерасположеніемъ вообще учащихся къ этому языку. Это нерасположеніе замѣтно во всѣхъ русскихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Руководліе поставлено было хорошо, выработана система, но это дѣло требуетъ не только искусства учительницы и умѣнья обучать ему, но и содѣйствія ей со стороны классныхъ надзирательницъ и начальства. Я застала дѣло въ такомъ положеніи, что въ старшихъ классахъ занимались руководліемъ только немногія. Я рѣшила оказывать всячески содѣйствіе учительницѣ, напоминая постоянно ученицамъ необходимость для женщины умѣть шить. Два раза въ годъ я стала провѣрять по классамъ, что сдѣлано каждой ученицей въ теченіе полугода и года учебного, и результаты скоро сказались—теперь уже нѣтъ такого класса, въ которомъ бы ученицы не работали.

Пѣніе поставлено было слабо въ гимназіи. На однѣхъ пансіонеркахъ только и выѣзжали, онѣ однѣ составляли церковный хоръ. Въ пансіонѣ дѣло поставлено было хорошо. Кромѣ церковнаго пѣнія, пансіонерки обучались и свѣтскому и проходили школу пѣнія у прекрасной преподавательницы, въ молодости пѣвшей съ успѣхомъ на Миланской сценѣ знаменитаго театра «Scala», прошедшей старую итальянскую школу, съ серьезными требованіями къ ученицамъ,—то была г-жа П. М. Составъ преподавателей и преподавательницъ въ гимназіи въ общемъ былъ хорошій. Учительницы преподавали только въ двухъ младшихъ

классахъ, за исключеніемъ преподавательницъ иностр. языковъ, преподававшихъ во всѣхъ классахъ. Танцамъ обучались только до II класса. Въ младшихъ классахъ преподавала учительница изъ института и преподавала отлично; она же преподавала гимнастику въ приготовительномъ классѣ. Это былъ самый веселый урокъ, такъ какъ гимнастика разнообразилась играми. Въ среднихъ классахъ (IV и III) танцы преподавалъ чахоточный учитель, обучавшій граціи, но, окончивая курсъ, гимназистка танцовать не умѣла и граціей не отличалась.

Рисованіе стояло хорошо. Лучшія ученицы писали масляными красками.

Учитель чистописанія, чехъ, влюбленный въ свое дѣло и результаты у него блестящіе.

Возвратимся къ пансіону. Знакомясь съ хозяйствомъ, я пришла къ убѣжденію, что экономка или ничего не понимаетъ въ хозяйствѣ, или... такъ какъ она принимала отъ поставщиковъ всякую провизію, — и я заявила въ хозяйственномъ комитетѣ, что намъ необходимо смѣнить экономку. И начальникъ, и члены согласились со мной, заявивъ, что они давно того же мнѣнія, но не имѣли никого въ виду на ея мѣсто. «Не возьмете-ли вы на себя прискать другую?» сказали они мнѣ. Я согласилась на это.

Думала я, думала, перебирая всѣхъ знакомыхъ, изъ которыхъ возможенъ былъ выборъ, и остановилась, наконецъ, на С. М. Г., уже немолодой дѣвушкѣ изъ духовнаго званія, которую я хорошо знала уже лѣтъ 25, какъ честную, смѣтливую и энергичную особу. Одно останавливало меня — ея неуживчивый характеръ. Однако, я написала ей и предложила ей мѣсто экономки въ пансіонѣ и, въ случаѣ ея согласія, совѣтовала побывать въ одномъ большомъ интернатѣ, въ которомъ дѣло велось прекрасно на скромныя средства, и начальница котораго подруга мнѣ по институту, и нѣсколько ознакомиться съ большимъ хозяйствомъ въ казенномъ интернатѣ. Предложеніе мое было принято, и въ концѣ сентября новая экономка явилась къ намъ.

Объявить прежней экономкѣ объ ея увольненіи нельзя было ранѣе пріѣзда новой, такъ какъ она могла надѣлать намъ по хозяйству разныхъ пакостей, — на улицѣ она не выбрасывалась, такъ какъ у нея былъ мужъ на службѣ, который давно ее звалъ домой. Но не такъ-то легко было отдѣлаться отъ нея.

Прежде всего она явилась ко мнѣ за объясненіями. Такъ какъ я не признаю извѣстнаго 3 п., въ силу котораго начальство можетъ увольнять подчиненнаго безъ объясненія причины, пункта, за которымъ укрывается только произволъ — я объясни-

ла ей, что она намъ не годится, ибо, какъ видно, плохо знаетъ дѣло, такъ какъ принимаетъ отъ поставщиковъ всякую провизію и, чтобы ей ни говорили, продолжаетъ дѣлать по своему. Мнѣ же исполнять за нее обязанности экономки не приходится.

Пошла она къ начальнику, — онъ сказалъ ей тоже. Тогда она обратилась къ попечителю, которому начальникъ почему-то не доложилъ о смѣнѣ экономки въ пансіонѣ. Попечитель очень удивился тому, что онъ ничего не знаетъ объ этомъ, и просилъ меня съѣздить къ нему и объяснить дѣло. Конечно, съѣздить мнѣ было нетрудно, объяснить попечителю причину смѣны экономки было также нетрудно, но чѣмъ объяснить, почему начальникъ не доложилъ ему объ этомъ? — Побѣхала я. Попечитель принялъ меня весьма любезно, выслушалъ меня и сказалъ, что онъ, конечно, предоставляет намъ рѣшеніе такого дѣла, только желалъ-бы, чтобы его не обходили. На это что могла я ему отвѣтить? Конечно, признать, что съ *нашей* стороны это былъ промахъ, который, конечно, не повторится. Въ сущности, это былъ промахъ не *нашъ*, ибо причѣмъ же я тутъ? Вѣдь, я не имѣю докладовъ у попечителя. Впрочемъ, для меня это не было новостью, — въ К* начальникъ не разъ укрывался за моей спиной, прося меня идти за него то къ губ-ру В. П. М., то къ Н. М. К. Начальникъ остался очень доволенъ, что я объяснилась за него.

Однако, этимъ дѣло не кончилось: уволенная экономка просила, чтобы ей позволено было оставаться на квартирѣ мѣсяцъ и на полномъ довольствѣ. Такъ какъ при ней была взрослая дочь и другая гимназистка, то ея просьбу невозможно было удовлетворить, ибо новой экономкѣ негдѣ было помѣститься. Мы разрѣшили ей оставаться недѣлю, а пока, С. М. Г. пріютилась въ комнатѣ спальной дамы. Проходитъ недѣля, та не убѣжаетъ; проходитъ другая, третья, а она все сидитъ. Кончилось дѣло тѣмъ, что, прождавъ не одинъ, а два мѣсяца, мы обратились за содѣйствіемъ къ полиціи, и она была выселена.

Между тѣмъ, новая экономка давно уже вступила въ должность. На первыхъ порахъ ей приходилось постоянно совѣтоваться со мной, въ особенности относительно разныхъ записей. Надо признаться, что въ NN пансіонѣ на экономку возложена непосильная работа: все то, что въ институтахъ, даже въ самомъ маленькомъ изъ нихъ — лежитъ на экономѣ, экономкѣ, бухгалтерѣ и вахтерѣ — въ NN пансіонѣ, при 105 воспитанницахъ, 10 служащихъ и 22 ч. прислуги, лежитъ на одной экономкѣ, съ жалованіемъ въ 15 р: она составляетъ смѣту на заготовку проду-

ктовъ на зиму, она принимаетъ провизію отъ поставщиковъ и на базаръ ходитъ, она должна быть на кухнѣ при отпускѣ завтрака и обѣда (бываетъ такое начальство, которое требуетъ, чтобы она и въ столовой присутствовала за обѣдомъ), она же заведуетъ дровами, топкой и освѣщеніемъ зданія, она же наблюдаетъ за порядкомъ и чистотой въ зданіи и во дворѣ, ей подчинена прислуга, лѣтомъ и осенью она заготовляетъ на зиму запасы, и сверхъ всего этого все письмоводство по хозяйству въ пансіонѣ лежитъ на ней. Одно это занимаетъ ежедневно время около трехъ часовъ—очевидно, что всѣ эти обязанности невозможно выполнять одному лицу, физически невозможно,—которая нибудь изъ частей будетъ запущена.

На первомъ планѣ, конечно, стоитъ бухгалтерская часть, ибо она подлежитъ постоянному контролю, и мѣстному, и центральному, и потому эта часть сосредоточиваетъ на себѣ главную заботу экономки. Несомнѣнно такой порядокъ вещей ненормаленъ: письмоводство должно всецѣло лежать на бухгалтерѣ, для надзора за прислугой и порядкомъ и чистотой долженъ быть вахтеръ или старшій, и затѣмъ на экономкѣ будетъ лежать одна хозяйственная часть (въ томъ числѣ и дрова, и топка и освѣщеніе), съ которой она при руководствѣ начальницы и подъ контролемъ хозяйственного комитета, председателемъ котораго начальникъ гимназіи—можетъ легко справиться.

О непосильной работѣ экономки я возбуждала вопросъ уже въ началѣ перваго года моей службы здѣсь, но начальникъ находилъ, что дѣла вовсе не такъ много у экономки. «Какое у нея дѣло?» въ недоумѣніи говорилъ онъ, не желая ближе ознакомиться съ дѣломъ. Такъ-же относился онъ къ труду прислуги. «Ничего они не дѣлаютъ!» вѣчно говорилъ онъ, а когда я, ходатайствуя о прибавкѣ жалованья прислугѣ въ пансіонѣ, представила подробную записку о томъ, какія обязанности лежатъ на служанкахъ, то оказалось, что онѣ за работой съ 6 ч. утра до 9 вечера, и не работаютъ только тогда, когда ѣдятъ.

Вернемся къ новой экономкѣ. Не прошло и недѣли по вступленіи ея въ должность, какъ является она ко мнѣ и говоритъ: «Отпустите меня домой! Я вижу, что не поладить мнѣ съ начальникомъ.»

Дѣло въ томъ, что, по укоренившемуся обычаю, экономка получаетъ авансы на расходы по базару изъ рукъ начальника, при чемъ представляетъ счетъ расхода за подписью начальницы. Начальникъ, просматривая счетъ, останавливается иногда на какомъ нибудь расходѣ, который покажется ему чрезвычайнымъ,

и спрашиваетъ: «почему такой расходъ?» И, вотъ, случилось, что въ счетѣ, представленномъ новой экономкой, оказалась копа или двѣ яицъ (не покупать-же яйца по десятку ежедневно?). Начальникъ и набросился на эту статью расхода: «Зачѣмъ такъ много яицъ?»—воскликнулъ онъ.—«А вы какъ бы полагали, сколько нужно?»—спросила С. М.—«А я по чемъ знаю?»—съ досадой возразилъ начальникъ.

И, вотъ, такія столкновенія предвидѣлись экономкой, тѣмъ болѣе, что при этомъ всегда присутствовала жена начальника и вмѣшивалась въ разговоръ—и С. М. хотѣла уже отказаться отъ своей должности.

Перспектива приискивать новую экономку пугала меня, и я обѣщала С. М. уладить дѣло. При свиданіи съ начальникомъ я и говорю ему: «Вы знаете, что у каждаго человѣка свой характеръ и свои слабыя стороны: вы любите покричать, С. М. немного обидчива,—нельзя ли уладить дѣло такъ: вы будете выдавать авансы на хозяйство мнѣ и всѣ ваши распоряженія по хозяйству дѣлать чрезъ меня, экономка-же будетъ имѣть дѣло только со мной?»

Такой порядокъ былъ и естественнѣе уже потому, что я подѣ рукой у экономки, къ начальнику-же не набѣгается она, онъ-же къ тому вѣчно въ бѣгахъ, а я всегда дома.

«Хорошо!»—отвѣчалъ начальникъ на мое предложеніе. Такъ дѣло и пошло.

Новая экономка начала стремиться къ тому, чтобы выяснить, сколько необходимо провизіи на каждое кушанье. Но этотъ вопросъ оказался совершенно неразработаннымъ. Существовавшее съ 18 вѣка «Положеніе», въ которомъ, напр. курица дѣлилась на семь частей—было непригодно.

Взялась я за порціонную книжку за истекшій годъ и, вотъ, оказывалось, что на одно и тоже мясное блюдо, при одномъ и томъ же количествѣ порцій—напр. на голубцы, одинъ разъ записано пудъ мяса, въ другой разъ 30 ф., а иногда и 25 ф.—Это происходило отъ того, что, если начальникъ, не понимая хозяйства, отмѣчалъ по порціонномъ листѣ: «излишній расходъ», то экономка въ слѣдующій разъ записывала меньше, хотя выдавала повару тоже самое количество. Такъ было и во всемъ. Очевидно, что руководствоваться порціонной книжкой невозможно было. Приходилось изучать это дѣло на опытѣ.

Должна сознаться, что я никогда хозяйкой не была въ смыслѣ пониманія кухоннаго хозяйства, но я всегда отличалась умѣньемъ сводить концы съ концами и жила всегда по буже-

ту. Въ маленькомъ домашнемъ хозяйствѣ можно было ограничиться этимъ, но при большомъ хозяйствѣ требовалось знаніе, принялась за изученіе части, въ которой «владыкой» былъ начальникъ, ничего не смыслившій въ этомъ,—и прежде всего я принялась за вычисленіе порцій и стоимости ихъ, и это дѣло поглощало все мое время. Цѣлый мѣсяць сидѣла я за вычисленіемъ порцій, я видѣла ихъ во снѣ и, наконецъ, одолѣла эту премудрость.

Одного еще я не одолѣла, это—количества масла, требуемаго на каждое кушанье. Никто не могъ мнѣ съ точностью опредѣлить это: обращалась я въ разные интернаты, получала отъ нихъ самыя подробныя свѣдѣнія о расходахъ по столу, но вопросъ, меня интересовавшій, оставался не рѣшеннымъ,—тамъ, гдѣ мы употребляли масло, во многихъ интернатахъ употребляли сало. И у насъ начальникъ домогался замѣнить масло саломъ, но и я, и экономка отстаивали масло, и члены хозяйств. комитета насъ поддерживали. Нерѣшенный вопросъ я отложила до поѣздки въ Петербургъ на Рождество.

Между тѣмъ, уже съ конца сентября, т. е. со вступленія въ должность новой экономки, я провѣряла ежедневныя порціонныя листы, которые велись уже безъ обмана, и въ концѣ мѣсяца сводила счета,—ни за сентябрь, ни за октябрь, (самый дорогой мѣсяць по числу праздниковъ и табельныхъ дней, въ которые расходъ значительно) передержки не было; отъ начальника же я слышала, что за первые 8 мѣсяцевъ (до меня) были даже остатки.

Какъ вдругъ получаю въ половинѣ ноября отъ начальника записку такого содержанія: «Только что получилъ отъ бухгалтера, сводящаго счета, записку такого рода: «Будьте осторожны въ расходахъ на пищу воспитанницъ и распорядитесь, чтобы кое-что осталось на прислугу, такъ какъ боюсь, чтобы не было передержки по этой статьѣ». Такого рода предостереженіе требуетъ, чтобы не увеличивать расходы на 14 ноября. Горе наше! Вездѣ при нашей тонинѣ все способно оборваться: то на пищу, то на прислугу. Когда мы не знали порцій, не было такого страха. При этой системѣ *) ничего нельзя проявить въ дѣятельности, кромѣ неровности, безобразія и противорѣчія. *Благодареніе Господу, что Вы теперь въ пансіонѣ, есть у кого просить помощи и содѣйствія*». —

Въ отвѣтъ на это я написала начальнику, что мнѣ необходимо знать сумму оставшагося кредита на пищу, чтобы знать,

* Система порціонная состоитъ въ расходованіи по наличному числу порцій.

что можно расходовать. Въ отвѣтъ получаю справку: «1200 р».

Опять засѣла я за вычисленіе порцій и убѣдилась въ томъ, что можно обойтись безъ передержки.

Проходятъ двѣ недѣли, и я снова получаю записку отъ начальника: «У насъ неизбѣжная передержка, пишетъ онъ,—кредиту всего осталось около 200 р., необходимо опредѣлить, сколько именно потребуется дополнительнаго кредита». Пораженная такимъ извѣстіемъ, я иду въ канцелярію за разъясненіемъ такой крупной ошибки. Оказывалось, что вынырнули старые неуплоченные счета за первые 8 мѣсяцевъ текущаго года; кромѣ того оказалось, что еще осенью предъидущаго года, булочникъ поставщикъ представилъ въ хозяйственный комитетъ заявленіе, что съ января цѣна порціонныхъ булокъ будетъ на $1\frac{1}{2}$ к. выше, что составитъ въ день лишнюю копейку на человѣка, въ мѣсяць всего до 35 р., а въ 10 мѣс.—до 350 р. лишнихъ; также и поставщикъ муки заявилъ, что мука 1-го сорта будетъ на 40 к. съ пуда дороже, что составитъ лишнихъ 50 р. за 10 мѣсяцевъ. Вотъ уже 400 р. лишнихъ.

Между тѣмъ эти заявленія затерялись въ канцеляріи, хозяйственный комитетъ ничего не зналъ объ этомъ увеличившемся расходѣ. въ порціонныхъ листахъ выводилась прежняя цѣна продуктамъ, а мы были убѣждены, что передержки нѣтъ. И, вотъ, какъ вынырнули неуплоченные счета, такъ и оказалась передержка неизбѣжною.

Кромѣ того еще оказались у насъ съ августа двѣ сверхкомплектныя воспитанницы: гдѣ намъ стали поступать стипендіатки военнаго министерства, которыя, несомнѣнно, должны были занимать вакансіи своекоштныхъ и входить въ комплектъ, начальникъ же былъ того мнѣнія, что онѣ должны быть сверхкомплектными.

Къ концу года выяснилась эта ошибка и, т. о., до 80 р. было истрачено на лишнія порціи; еще было истрачено болѣе, чѣмъ асигновано, на молоко для малокровныхъ. Т. о., оказалось передержки противъ смѣты около 700 р.

Для меня эта передержка была совершенно ясна, но начальникъ, не влюбившій С. М., которая укрывалась отъ его крика за мою спину, утверждалъ, что передержка произошла отъ чрезвычайнаго расхода масла при новой экономкѣ. Какъ я ни доказывала ему, что перерасходовать на одномъ маслѣ въ три мѣсяца 700 р., т. е. до 8 р. въ день, что составитъ до 27 ф. въ день—рѣшительно невозможно, онъ стоялъ на своемъ. Я предлагала ему услуги, провѣрить всѣ счета за весь годъ—но онъ не согласился.

ся «меня утруждать», продолжая утверждать, что въ передержкѣ виновата новая экономка.

На этомъ онъ стоитъ и до сихъ поръ. Удивительно, что контроль не обратилъ вниманія на такой расходъ масла. Что было написано контролю вѣдомства въ оправданіе передержки— не знаю, но наврядъ-ли объяснялась она расходомъ масла.

Между тѣмъ, въ серединѣ ноября случился у насъ въ пансіонѣ казусъ. Между пепиньерками была одна сирота, Ш—на, оставленная всѣми родственниками, былъ у нея братъ, студентъ К**аго университета, который никогда ея не навѣщалъ; была тетка, бывшая ея опекуницей до ея совершеннолѣтія, жившая въ Кременчугѣ и, повидимому, забывшая о ней; былъ дядя въ Казани, въ кои вѣки вспоминавшій о племянницѣ и высылавшій ей тогда 5 р.—вотъ и все родство, да и то не заботящееся о ней. Дѣвушка была она скромная, работящая, и мы всѣ въ пансіонѣ принимали въ ней живѣйшіе участіе и были озабочены устройствомъ ея судьбы по окончаніи ею курса въ педагогическомъ классѣ. Какъ вдругъ, однажды, приходитъ она ко мнѣ вечеромъ съ письмомъ въ рукахъ и радостно объявляетъ: «Ко мнѣ пріѣхали дядя и тетя изъ Казани!»

Можно себѣ легко представить и мою радость: заброшенная молодая дѣвушка, не знающая гдѣ голову приклонить послѣ выпуска, и вдругъ являются къ ней родственники. Быть можетъ, они рѣшили взять ее къ себѣ послѣ выпуска... «Вотъ письмо тети» — продолжала Ш., — «она проситъ отпустить меня къ ней на одинъ день, такъ какъ она съ дороги устала и не совсѣмъ здорова. Дядя-же по пути остановился на день у знакомыхъ и скоро будетъ».

Я пробѣжала письмо. — Когда же вы хотите итти къ тетѣ? — «Завтра (въ субботу) въ 12 ч.» — Хорошо! Я велю Марѣ проводить васъ. —

На радости я и забыла, что у насъ было рѣшено не отпускать воспитанницъ съ прислугой. Марѣа была старая женщина, служившая въ пансіонѣ болѣе 15 лѣтъ.

Пріѣздъ дяди и тетки Ш. изъ Казани сталъ у насъ событіемъ дня, всѣ мы искренне радовались ея радости.

На слѣдующій день Ш., въ сопровожденіи Марѣы, отпушена была къ теткѣ. Вечеромъ того же дня подаетъ мнѣ швейцаръ письмо, принесенное посыльнымъ, который тотчасъ же ушелъ. Это оказалось письмомъ отъ тетки Ш., которая извинялась, что задержала у себя племянницу, но дѣло въ томъ, что она съ мужемъ думаютъ о томъ, не взять ли имъ теперь же

совсѣмъ племянницу, — а на слѣдующій день получаю письмо уже по городской почтѣ отъ той-же тетки, которая объявляетъ мнѣ объ окончательномъ рѣшеніи взять племянницу къ себѣ немедленно, такъ какъ ей не за чѣмъ оставаться здѣсь одной, вдали отъ родственниковъ. Далѣе сообщалось, что они ѣдутъ теперь вмѣстѣ въ Черниговъ, поклониться мощамъ святителя Оеодосія, оттуда вернуться въ К., заѣдутъ ко мнѣ поблагодарить за заботы, и затѣмъ уѣдутъ обратно въ Казань.

Удивительнымъ показалось намъ всѣмъ такое рѣшеніе: за 6 мѣсяцевъ до окончанія педагогическаго курса взять съ собою молодую дѣвушку, прожившую безъ заботъ о ней родственниковъ 8 лѣтъ... Однако, приходилось мириться съ такимъ безразсудствомъ.

Проходитъ еще день, получаю телеграмму отъ дяди Ш. только содержанія: — «Племянница съ нами, не беспокойтесь, прошеніе объ увольненіи ея высылаю». Приходитъ, наконецъ, и самое прошеніе отъ имени дяди.

Между тѣмъ мы, въ пансіонѣ, т. е. я и классныя дамы, разсуждая объ этомъ происшествіи, остановились, наконецъ, на мысли, справиться, гдѣ пріѣзжіе останавливались въ К** — Да Марѣа можетъ намъ объяснить это! — вспомнили мы.

Призывается Марѣа. «Куда свела ты барышню Ш.?» — Пошли мы, говорить, — съ барышней по В. улицѣ, и какъ прошли З. ворота, барышня и говоритъ: «Теперь не далеко, я сама дойду». — Нѣтъ, — говорю, — мнѣ ужъ разъ влетѣло за то, что не довела до мѣста, такъ я ужъ васъ доведу, барышня! Пришли мы въ Ж—скую, барышня и говоритъ: «А вотъ и домъ, гдѣ остановились дядя и тетя». — Тутъ я ихъ и оставила.

Подумали мы о томъ, что если тутъ обманъ, то должны быть и подставныя лица. Вѣдь, не могла же Ш. рассчитывать на то, что ея не сдадутъ съ рукъ на руки, и въ настоящемъ случаѣ, еслибы Ш. отвела одна изъ классныхъ дамъ или даже я сама и сдала ее съ рукъ на руки, ничего бы мы не выиграли: вѣдь, никто изъ насъ не видѣлъ никогда ни дядю, ни тетку изъ Казани. Слѣдовательно, съ Марѣы нечего взыскивать, что она довела Ш. только до дома.

Послали мы за братомъ студентомъ, просили его содѣйствія въ отысканіи слѣдовъ сестры. Искали мы по гостиницамъ и ничего не нашли. Обо всемъ этомъ зналъ, конечно, начальникъ. Прошло нѣсколько дней въ безплодныхъ поискахъ, какъ та же Марѣа спрашиваетъ одну изъ классныхъ дамъ: «А что, барышня, не слыхать гдѣ барышня Ш.?» — У дяди — отвѣчаетъ та.

— «А дѣти говорятъ между собой, что она уѣхала съ Щ—овыми». — Съ Щ—ковыми?

Дѣло въ томъ, что въ августѣ поступила въ пансіонъ дѣвочка Щ—кова, дочь акцизнаго чиновника изъ Р., М—ской губерніи, —единственный у нихъ, избалованный ребенокъ, но премилый ребенокъ. 11-го октября были ея именины и къ этому дню пріѣхала ея мать (полька) на недѣлю.

Въ пансіонѣ существуетъ правило, по которому, если кто изъ родителей пріѣзжаетъ въ К** не болѣе какъ на недѣлю, то они могутъ видѣться съ дочерью ежедневно отъ 5—6 ч. в., если же на болѣе продолжительное время, то для нихъ существуетъ обычный пріемъ, два раза въ недѣлю.

Мать Щ—ковой пріѣхала, по словамъ ея, на недѣлю, —слѣдовательно, имѣла право видѣться съ дочерью ежедневно; но проходитъ недѣля, она все тутъ и продолжаетъ навѣщать дочь ежедневно, все увѣряя, что она приходитъ въ послѣдній разъ, а дѣвочку она отвлекать отъ занятій. Проходятъ двѣ недѣли, а она все тутъ. Надоѣла она мнѣ до нелзя, и я отдала приказаніе швейцару, что для г-жи Щ—ковой отдѣльные пріемы прекращаются.

Прошелъ мѣсяцъ, а она все тутъ.

Наконецъ, пріѣзжаетъ и отецъ и обращается ко мнѣ съ просьбой отпустить дочь до весны, по болѣзни (вымышленной), а въ маѣ допустить ее до экзамена. Видитъ меня ш. Щ., беретъ меня за обѣ руки и говоритъ: «Я вамъ, должно быть, ужасно надоѣла?» —Дѣйствительно! —отвѣчаю я, улыбаясь.

Начальникъ согласился на просьбу Щ—ковыхъ, и они увезли дочь.

Отъѣздъ ихъ, дѣйствительно, совпалъ съ исчезновеніемъ пенингерки Ш. Тутъ вспомнили, что не разъ видѣли Ш. въ обществѣ Щ.

Очень возможно, что они, желая взять дочь свою изъ пансіона, сманили пенингерку—сироту къ себѣ въ гувернантки. Непонятнымъ оставалось, для чего нуженъ былъ обманъ? Совершеннолѣтняя сирота Ш. могла располагать собою, и мы задерживать ея не могли насильно. Все, что могли мы сдѣлать, это дать ей совѣтъ не бросать ученія за 6 мѣс. до окончанія курса. Она же вольна была принять или не принять совѣта. Имѣя, однако, эти данныя въ рукахъ, мы могли уже приступить къ разысканію Ш.

Мое мнѣніе было такое, что начальнику слѣдуетъ обратиться официально къ Р—скому исправнику съ просьбой удостовѣ-

риться, проживаетъ-ли такая-то дѣвица Ш. въ семьѣ акцизнаго чиновника Щ. Начальникъ такъ и поступилъ.

Спустя нѣсколько дней получается отвѣтъ исправника: «Дѣвицы Ш. нѣтъ въ домѣ акцизнаго чиновника Щ., она у дяди своего въ Казани».

Вотъ такъ отличился исправникъ! А почему онъ или Щ. знаютъ, что дѣвица Ш. у своего дяди въ Казани? Ясно, что она тамъ, въ Р—вѣ, —но необходимо официальное удостовѣреніе въ томъ.

По моему же совѣту, начальникъ обратился къ М—ому губерн—ру съ ходатайствомъ о справкѣ, при чемъ сообщилъ и отвѣтъ исправника. Въ непродолжительномъ времени получился отвѣтъ губернатора съ извѣщеніемъ о томъ, что дѣвица Ш. находится въ Р—вѣ, въ семьѣ акцизнаго чиновника Щ., въ качествѣ гувернантки дочери.

Между тѣмъ, пока шла эта переписка, получено было въ пансіонѣ открытое письмо на имя Ш. отъ тетки ея изъ К—га.

Тетка писала племянницѣ. «Сначала получаю я отъ тебя письмо, что ты ѣдешь съ дядей въ Казань, просишь съѣздить въ К. и благодарить начальство, —за что? Вчера получаю отъ тебя телеграмму изъ Р., сообщаешь, что тебѣ угрожаетъ опасность, —какая? —и просишь съѣздить въ К. и извиниться передъ начальствомъ, —въ чемъ? Пока я не получу отъ тебя объясненія, я съ мѣста не сдвинусь».

Вслѣдъ за тѣмъ начальникъ получаетъ изъ Казани отъ настоящаго дяди Ш. письмо со вложеніемъ двухъ писемъ, одного — за подписью яко-бы подруги его племянницы, другого —отъ самой племянницы, одинаковаго содержанія, сообщающихъ о томъ, что племянница, не желая упустить выгоднаго мѣста на нѣсколько лѣтъ, обманула начальство пансіона и уѣхала безъ разрѣшенія на мѣсто.

Въ обоихъ письмахъ просятъ дядю, въ случаѣ, если начальство пансіона обратится къ нему за справками, отвѣтить, что племянница у него.

Въ письмѣ своемъ дядя пишетъ: «Послѣ этого я, конечно, и знать не хочу племянницы».

И такъ, чиновникъ, состоящій на службѣ, не мальчишка, а отецъ семейства, вмѣсто того, чтобы открыто просить начальство пансіона отпустить къ нему въ домъ пенингерку, въ качествѣ гувернантки, идетъ на обманъ и такъ запутываетъ молодую дѣвушку, что навсегда отрѣзываетъ ее отъ пансіона, въ которомъ она прожила почти 8 лѣтъ и гдѣ пользовалась заботами

и самымъ нѣжнымъ участіемъ,—и отъ единственной родственной семьи, которая могла бы когда нибудь приютить ее у себя, такъ какъ дядя и тетка Ш. бездѣтны.

Между тѣмъ, по К** пошли самые нелѣпые слухи по случаю исчезновенія пепиньерки Ш. Я совѣтовала начальнику имѣть всегда при себѣ письмо могилевскаго губернатора, чтобы показывать его сомнѣвающимся.

Такъ кончилась эта исторія, надѣлавшая намъ столько хлопотъ.

Попечитель отнесся къ дѣлу спокойно, сказавъ только: «Хорошо сдѣлали, что сказали мнѣ».

Несомнѣнно, я поступила неосторожно, отпустивъ воспитанницу къ незнакомымъ лицамъ, но это объясняется неожиданной радостью,—она-то и была причиной затменія. Отнынѣ мы, въ пансіонѣ, постановили отпускать воспитанницу только къ известнымъ намъ лицамъ по письму родителей или опекуновъ, почеркъ и мѣсто жительства которыхъ намъ известны. Въ случаяхъ же подобныхъ, какъ случай съ Ш., не отпускать воспитанницу изъ пансіона.

Въ послѣднихъ числахъ ноябрю прибылъ въ К. Главноуправляющій, гр. Н. А. П.-Б. въ сопровожденіи управляющаго дѣлами канцеляріи, Н. А. В. Сначала графъ посѣтилъ гимназію, обошелъ всѣ классы, въ нѣкоторыхъ останавливался на нѣкоторое время, дѣлая вопросы по тому предмету, урокъ котораго шелъ въ это время.

При этомъ графъ обнаруживалъ необыкновенную память по исторіи, географіи и закону Божію. Во время большой перемены ученицы, отдѣльно по классамъ, пропѣли по пѣсни; присутствовалъ графъ и на урокъ танцевъ (граціи).

Во время пѣнія ученицъ, графъ, наклонясь ко мнѣ, тихо замѣтилъ: «Здѣсь вамъ не приходится имѣть дѣло съ запахомъ евреекъ!» Это былъ намекъ на известную читателямъ нашимъ борьбу мою съ этимъ запахомъ въ К*ской гимназій.

Всѣмъ графъ остался очень доволенъ. Впрочемъ, при такихъ посѣщеніяхъ принято быть довольнымъ. Неудовольствіе выражается только въ исключительныхъ случаяхъ, когда пріѣздъ такого лица въ связи съ предшествовавшимъ неудовольствіемъ. Такое посѣщеніе не есть ревизія,—для этого существуютъ спеціальныя ревизоры,—это—простое посѣщеніе, чтобы сдѣлать удовольствіе учащимся. При этомъ иногда выясняются нужды учебнаго заведенія, о которыхъ потомъ представляются ходатайства.

На слѣдующій день графъ посѣтилъ пансіонъ. Онъ явился сначала одинъ за часъ до обѣда и посѣтилъ меня. Тутъ-же былъ и начальникъ. Рѣчь зашла о моей предмѣстницѣ.

Должна сознаться, что мнѣ крайне непріятно было слышать жалобы заднимъ числомъ на мою предмѣстницу, на которую никто не жаловался, пока она была здѣсь,—которая ежегодно получала награду и пособіе, въ большемъ противъ обыкновеннаго размѣра, и которая, наконецъ, отсюда получила повышеніе. Позже я узнала, что начальникъ обязанъ былъ именно ей своимъ настоящимъ мѣстомъ начальника К**ой жен. гимназій; она хлопотала о немъ чрезъ своего дядю, Министра И.

Странно и просто противно было слышать, какъ начальникъ говорилъ Главноуправляющему, что онъ не разъ плакалъ передъ нею, умоляя обращаться съ нимъ приличнѣе (она поворачивала ему спину). Вѣдь, если онъ не хотѣлъ жаловаться высшему начальству, то на лицо всегда былъ попечитель, который сдѣлалъ-бы, конечно, урегулировать взаимныя отношенія начальствующихъ лицъ. Къ чему теперь эти позднія жалобы?...

Еще непріятнѣе было мнѣ слышать въ лицо похвалы мнѣ,—неловко было мнѣ отъ нихъ. Выслушавъ все, графъ высказалъ увѣренность, что теперь дѣло пойдетъ прекрасно при совместной «дружной» работѣ. Потомъ пріѣхалъ попечитель, который засталъ графа еще у меня.

Въ четыре часа по звонку мы всѣ поднялись въ столовую. Графу подано было два кушанья, бульонъ и котлетка, приготовленные воспитанницами старшаго класса. Онъ выразилъ свое полное удовольствіе введенію у насъ обученія воспитанницъ поваренному искусству. Инициатива этого принадлежала мнѣ.

Еще въ первое мое свиданіе съ графомъ, вскорѣ по его назначеніи на постъ Главноуправляющаго, онъ говорилъ мнѣ, какъ хотѣлось-бы ему ввести въ институтахъ обученіе воспитанницъ поваренному искусству, но что, къ сожалѣнію, «г-жи начальницы затрудняются въ этомъ». Я тогда же рѣшила, что если когда либо случай представится для меня осуществить желаніе графа, я непременно сдѣлаю опытъ.

И вотъ, когда поступила въ пансіонъ экономкой С. М. П., которая могла взять на себя руководство этимъ дѣломъ, я возбудила этотъ вопросъ: поговорила съ начальникомъ, онъ съ радостью откликнулся на это, доложилъ Попечителю, который также одобрилъ этотъ проектъ,—куплена была керосиновая кухня приличныхъ размѣровъ, и обученіе началось.

Я имѣла въ виду ежегодно обучать выпускаемыхъ воспитанницъ самымъ основамъ повареннаго искусства: приготовить хорошій бульонъ, приготовить и сжарить котлетку, сжарить и сварить кусокъ мяса, приготовить тѣсто и спечь пирогъ или пирожокъ. На это никакихъ затратъ не дѣлалось. Провизія отпускалась въ количествѣ 1½ ф. мяса изъ общаго количества мяса, отпускаемаго на обѣдъ воспитанницъ, также и овощи и масло, обѣдъ готовился на двухъ воспитанницъ, которыя уже изъ общаго котла ничего не получали.

На обученіе одной воспитанницы употреблялось время послѣ завтрака въ теченіе недѣли, т. е. затрачивалось на каждую двѣнадцать часовъ. Принимая въ соображеніе, что приходящія ученицы теряютъ не 12 часовъ въ году, а иногда сотни часовъ, и что эти 12 часовъ затрачиваютъ производительно, нельзя было считать эти часы потерянными. И никто изъ преподавателей не возвысилъ голоса противъ этого. Дѣти же и родители были въ восторгѣ отъ этого нововведенія, и, какъ мы видѣли выше, графъ выразилъ свое полное удовольствіе.

Послѣ обѣда графъ съ попечителемъ, въ сопровожденіи начальствующихъ лицъ, членовъ хозяйств. комитета и всего личнаго персонала пансіона, поднялись на верхъ въ залъ, гдѣ были собраны воспитанницы, которыя пропѣли нѣсколько М.М. Похваливъ пѣніе и поблагодаривъ всѣхъ, графъ простился, вручивъ мнѣ сто рублей на устройство танцевальнаго вечера въ пансіонѣ. «Шерочка съ машерочкой» — сказалъ графъ.

На слѣдующій день графъ присутствовалъ въ гимназической церкви за литургіей и остался чрезвычайно доволенъ пѣніемъ воспитанницъ пансіона, замѣтивъ: «такой хоръ можно показать кому угодно». Затѣмъ графъ послалъ за конфетками для пѣвчихъ, а самъ обратился съ рѣчью къ собравшемуся въ залъ педагогическому персоналу К** ой гимназій. Между прочимъ, графъ выразилъ желаніе, чтобы на понедѣльникъ не давались уроки.

Отсюда графъ прошелъ на квартиру начальника, гдѣ приготовленъ былъ завтракъ. Здѣсь, сяди рядомъ съ графомъ и пользуясь его простымъ обращеніемъ, я обратилась къ нему съ просьбой разъяснить мнѣ вопросъ о цензурѣ получаемыхъ воспитанницами пансіона и ученицами гимназій (въ стѣнахъ гимназій) писемъ. Выслушавъ меня, графъ мнѣ сказалъ: «Въ институтахъ не разъ возбуждался этотъ вопросъ, и т. к. опытъ показалъ, что цензура необходима въ виду полученія воспитанницами

такихъ писемъ, которыя имъ нельзя въ руки дать *), то и рѣшено возложить эту цензуру на начальницъ, но не на классныхъ дамъ, которыя, какъ болѣе близкія къ воспитанницамъ, подъ вліяніемъ возбужденія, могутъ иногда высказать воспитанницамъ что нибудь неумѣстное.

Бесѣда за завтракомъ приняла совершенно непринужденную форму, — это былъ кружокъ добрыхъ знакомыхъ, а не

*) Здѣсь нелѣпнымъ будетъ познакомить читателей съ письмами, какія получаютъ иногда воспитанницами пансіона и гимназій, чтобы показать необходимость цензуры. Однажды заходитъ ко мнѣ мать одной пансіонерки, дѣвочки лѣтъ 12—13, и, показывая мнѣ письмо, спрашиваетъ: «Видѣли вы это письмо?» Взглянувъ на письмо въ полъ строки я отвѣтила: — нѣтъ не видѣла. Письмо это, писанное, повидимому, гимназистомъ жито. гимназій, заключало въ себѣ безнравственное предложеніе. Дѣвочка, ничего не понявъ, показала письмо матери. По разслѣдованію, оказалось, что швейцаръ, прочитавъ адресъ воспитанницы, бывшей въ лазаретѣ, и увидѣвъ въ дверяхъ послѣдняго лазаретную надзирательницу, отдалъ ей письмо. — она же, не имѣя права вскрыть письма, передала его воспитанницѣ.

Въ другой разъ, вскрывъ письмо, адресованное воспитанницѣ, я увидѣла изъ него, что завязывается переписка съ молодымъ человекомъ. Я препроводила письмо къ отцу воспитанницы и получила такой отвѣтъ: «Считаю долгомъ принести Вамъ искреннюю благодарность за сообщеніе мнѣ недозволенной переписки моей дочери. Я постараюсь выяснитъ это дѣло и приму всѣ мѣры къ тому, чтобы впредь не допустить столь нежелательнаго явленія, и пр. пр.»

А вотъ напр. фразы изъ одного письма: «Еслибы ты знала, какъ мнѣ хочется снова увидать тебя, снова заключить тебя въ свои объятія» (изъ письма гимназиста).

Изъ большинства же писемъ видно, что завязывается переписка. Эти письма всегда препровождались къ родителямъ воспитанницъ. Не всегда и родительскія письма удобны для чтенія дѣтьми. Такъ одинъ отецъ подвергалъ подробной критикѣ одного преподавателя; другой входитъ съ дочерью въ соглашеніе, какъ обманутъ начальство пансіона. Письма родителей вскрывались много въ рѣдкихъ случаяхъ.

А вотъ и письма къ ученицамъ гимназій. Получено письмо на мое имя съ передачей такой-то ученицѣ. Вскрываю — и краска стыда бросается въ лицо. Въ конвертѣ вложена ужасная картинка, нарисованная карандашомъ..

Другое письмо на имя ученицы. Въ конвертѣ листикъ съ надписью: «Лимонной мордѣ» — а на оборотѣ: «Не увлекайтесь военнымъ». Еще письмо: «Умоляю Васъ, придите въ субботу въ соборъ и стойте около тѣхъ мѣстъ, гдѣ сидятъ псаломщики. Я съ нетерпѣніемъ буду Васъ ждать». — Письмо къ той же ученицѣ, которой посылалась картинка: «Въ силу искренней любви и уваженія къ Вамъ, я умоляю Васъ не быть на вечерѣ, въ купеческомъ собраніи 9 дек. 1900 г., т. к. товарищи мои хотятъ устроить Вамъ огромный скандалъ, находя, что поведеніе ваше недостойно званія гимназистки Ф. гимназій. Исполните мою просьбу.

начальства и подчиненных. Н. А. В. замѣтилъ мнѣ: «какъ мило поють ваши воспитанницы и какъ мило себя держатъ, въ особенности та, что стояла у ящика свѣчного!»

Наконецъ, и завтракъ и бесѣда окончились, и графъ, простившись съ нами, уѣхалъ, а вечеромъ, въ то время, какъ въ пансіонѣ начинались танцы, графъ уѣхалъ съ курьерскимъ поѣздомъ въ Петербургъ, оставивъ по себѣ самое отрадное воспоминаніе.

На Рождество я отправилась въ Петербургъ. При первой встрѣчѣ съ П. М. ф. К., я спросила его: «Довольны вы мною?» — Я то всегда былъ доволенъ, — весело отвѣчалъ онъ, — а теперь я доволенъ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое вы произвели на нашихъ воротахъ! —

Такой отвѣтъ чловѣка, котораго я глубоко уважаю и люблю, и которому я такъ много обязана, мнѣ былъ чрезвычайно пріятенъ и я могла спокойно и радостно возвратиться къ своимъ нелегкимъ обязанностямъ.

Въ канцеляріи вѣдомства я узнала, что всѣ мои ходатайства уважены. Я просила отпустить сумму на содержаніе при пансіонѣ французенки для практическихъ занятій съ воспитан-

Въ этотъ же день вечеръ въ корпусѣ. Быть можетъ тамъ встрѣтятъ Васъ радушиѣе, т. е. я слышала, что Вы пользуетесь большой симпатіей кадетъ и со многими изъ нихъ были въ хорошихъ отношеніяхъ. Изъ большой симпатіи къ Вамъ я рѣшаюсь писать Вамъ въ вашу пользу. Къ той-же: «Я Васъ буду ожидать въ субботу на Фун. ул. волеѣ гостиницы Петрополь около 2 1/2 часовъ. Если же меня не будетъ, или же я Васъ не увижу, то приходите на наше всегданнее мѣсто въ С. соборъ».

Вотъ еще письмо на имя ученицы V кл. гимназіи: *Милостивая государыня Л. О!* При всемъ моемъ желаніи утилизировать извѣстную Вамъ особу и усиленнымъ стараніемъ, о которой вы такъ распространялись, дѣло вышло что называется въ сухомъ ятку. Ergo наружность бываетъ обманчива. Она не пожелала послѣдовать Вашему примѣру, спрѣчь итти по Вашимъ драгоценнымъ стопамъ. Совѣтую Вамъ взять у нея нѣсколько уроковъ. Наконецъ, еще письмо, въ которомъ на трехъ страницахъ описывается «дивный образъ, вѣчно сіяющій, вѣчно окруженный ореоломъ золотистыхъ локоновъ», чудный бюстъ, съ которымъ не сравнится ни одно изъ произведеній древне-классическихъ скульпторовъ, «божественная ножка, которая искусно показывается плѣнному взору наблюдателя» и пр. пр. А вотъ и отецъ семейства, который посвящаетъ дочь свою во всѣ тайны своей семейной жизни и называетъ мать ея «публичной женщиной». Таковы письма, которыя получаютъ воспитанницами пансіона и ученицами гимназіи. Полезно-ли и желательно-ли давать ихъ имъ въ руки? Предоставляемъ это на размышленіе родителей.

ницами, и просила разрѣшенія ввести для воспитанницъ пансіона черные передники для классныхъ занятій.

Въ Петербургъ я занялась вопросомъ объ опредѣленіи количества провизіи на каждое кушанье. Послѣ многихъ бесплодныхъ разговоровъ съ экономками разныхъ институтовъ, я обратилась, наконецъ, къ одной родственницѣ, хорошей хозяйкѣ, изучившей кулинарное искусство въ кулинарной школѣ, и вмѣстѣ съ нею мы подробно разработали занимавшій меня вопросъ. По возвращеніи же домой, я призвала повара пансіона, который былъ и хорошимъ, и честнымъ поваромъ, и проча ему составленный мною расчетъ провизіи; онъ одобрилъ его, сказавъ: «съ такимъ матеріаломъ можно готовить хорошій обѣдъ». Тогда я составила таблицу, по которой можно опредѣлять количество провизіи для каждого кушанья, даже количество овощей и кореньевъ — дала переписать, и одинъ экземпляръ повѣшенъ на стѣнѣ въ кухнѣ, другой данъ экономкѣ.

Т. о. покончено было съ этимъ вопросомъ, — оставалось еще рѣшить вопросъ о количествѣ костей на пудъ мяса. Но съ рѣшеніемъ этого вопроса приходилось повременить, т. е. никто не могъ мнѣ его рѣшить, къ кому бы я не обращалась. Онъ былъ рѣшенъ лишь годъ спустя.

По возвращеніи домой я была непріятно поражена сообщеніемъ классной дамы, остававшейся за меня, что воспитанница, оставленная безъ отпуска по опредѣленію педагогической конференціи пансіона, состоявшей изъ меня и классныхъ дамъ пансіона, отпущена была начальникомъ. Я вспомнила объясненіе Н. А. В.: «въ воспитательномъ дѣлѣ въ пансіонѣ вы — полная хозяйка, т. е. вы отвѣчаете за нихъ», вспомнила и фразу начальника при первомъ нашемъ свиданіи: «вы — полная хозяйка» — и хотя начальникъ и объяснилъ мнѣ «несостоятельность» такого наказанія, однако повсемѣстно существующаго и у насъ, и на Западѣ — я все таки осталась при мнѣніи, что онъ не имѣлъ права отмѣнять моего распоряженія, — онъ могъ телеграммой спросить моего разрѣшенія. Такое безтактное вмѣшательство внушало мнѣ опасеніе за будущее, — но я не желая ссориться, промолчала, но стала на чеку.

Здѣсь кстати сообщить то, что я не разъ слышала въ гимназіи: «Вы очарованы начальникомъ, погодите разочаруетесь!» говорили мнѣ со всѣхъ сторонъ. — Я не очарована — возражала я, — но не могу же я быть противъ чловѣка, который хорошъ ко мнѣ. Онъ предупредителенъ, внимателенъ, поддерживаетъ меня

во всѣхъ моихъ начинаніяхъ—что же я могу сказать дурного о немъ?—

Правда, я убѣдилась въ отсутствіи въ немъ твердыхъ педагогическихъ принциповъ: чтó говорилось—не проводилось въ жизнь учебнаго заведенія; не могла я совѣтоваться съ нимъ, т. е. онъ безпрестанно мѣнялъ свои мнѣнія; затѣмъ, я могла подозрѣвать въ немъ привычку къ наущничанью: когда я на первыхъ же порахъ, желая довѣрчиво относиться къ нему, стала говорить ему о томъ, что дѣлается въ пансіонѣ, онъ всякій разъ мнѣ замѣчалъ: «Я все знаю, что у васъ дѣлается». Признаться, мнѣ это не понравилось: значить, есть кто-то, кто ему доноситъ обо всемъ; притомъ же, сказать мнѣ, что онъ и помимо меня все знаетъ, было безтактно,—пусть знаетъ, но пусть узнаетъ и отъ меня; этимъ же замѣчаніемъ онъ отводилъ меня отъ довѣрливой бесѣды съ нимъ, и я перестала говорить съ нимъ о томъ, что дѣлается въ пансіонѣ, приходилось ему прибавляться сплетнями, до которыхъ онъ былъ большой охотникъ.

Позже я узнала, что каждую вновь поступающую классную надзирательницу онъ старался склонить къ наущничанью, подъ добрымъ предлогомъ *довѣрчиваго отношенія къ нему*. Иныя поддаются соблазну, другія—нѣтъ. Такіе «педагогическіе» приемы создавали въ гимназій нравственную атмосферу не совсѣмъ чистую, чувствовалось недоувѣріе другъ къ другу. Въ отношеніи къ педагогическому персоналу онъ руководствовался принципомъ: «*divide et impera*» и даже не скрывалъ своихъ убѣжденій насчетъ этого.

Въ концѣ января 1898 г. лазаретная дама пансіона вышла замужъ, и на ея мѣсто стала проситься экономка С. И. Г., знакомая съ дѣломъ ухода за больными, такъ какъ въ теченіе двухъ лѣтъ ухаживала за больною. Убѣдившись въ томъ, что начальникъ не переноситъ ея, какъ экономку, я оказала ей свое содѣйствіе въ полученіи ею мѣста лазаретной надзирательницы, а на ея мѣсто приглашена была, по рекомендаціи знакомаго одной изъ классныхъ дамъ, особа, исполнявшая не разъ должность экономки въ черниговскомъ духовномъ училищѣ, и притомъ честная, хорошая женщина.

Послали телеграмму въ Ч. Пріѣзжаетъ новая экономка, женщина пожилая и большая говорунья. По ея словамъ, она умѣетъ изготовить сама всякій обѣдъ; въ случаѣ, если придется разсчитать повара, она и сама приготовитъ обѣдъ. При первомъ свиданіи нашемъ, она совсѣмъ заговорила меня: успѣла разсказать и о томъ, что отецъ ея былъ ученикомъ Пирогова,

и что профессоръ ее зналъ и пр. пр. Объяснила я ей ея обязанности и наши порядки, дала ей таблицу расчета провизіи и недѣльное росписаніе блюдъ,—сказала ей, чтобы она приходила ко мнѣ за указаніями и предоставила ей вести дѣло.

Но, Боже мой, что она надѣлала въ первые же дни! Во 1-хъ она была страшно экономна и отпускала провизіи меньше чѣмъ слѣдовало; каждый день кто-нибудь оставался то безъ завтрака, то безъ обѣда,—я сама два раза осталась безъ завтрака. Однажды она совсѣмъ не взяла мяса на жаркое. Какъ увидѣла я ея хозяйничанье, я въ ужасѣ пришла отъ такой хозяйки. При этомъ памяти у нея никакой. Недѣльное росписаніе блюдъ одинъ экземпляръ у нея, другой на кухнѣ,—можно справляться ежеминутно, нѣтъ—она все забывала—приходилось по пятамъ за ней слѣдить, не забыла-ли она чего. Придетъ за приказаніями—цѣлый часъ говорить и каждый разъ свернуть на Пирогова; скажешь ей такъ и такъ, запишешь ей все для памяти—записку она потеряетъ, все поперемѣшаетъ.

Однажды заказана была рисовая каша на молоко,—пришла она спросить, сколько взять молока. «Полтора ведра»—говорю я. «А не мало будетъ»?—«На супъ молочный нужно 3 ведра, на густую кашу полтора» объясняю я ей. Два часа билась я съ ней—и кончилось тѣмъ, что она приказала повару варить молочный рисовый супъ, взявъ на него полтора ведра молока. Хорошъ былъ супъ, разбавленный наполовину водой. Во всю жизнь мою я столько не сердилась, какъ при этой экономкѣ: я ложилась сердитая и съ утра была сердитая, хозяйство поглощало все мое время и все вверхъ дномъ шло.

Шесть недѣль я такъ промучилась съ ней, наконецъ, ни силъ моихъ, ни терпѣнья больше не хватало, призвала я ее и сказала: «Какъ мнѣ ни жалъ васъ, но намъ приходится разстаться, я измучилась съ вами». «Да вы предоставили бы мнѣ вести дѣло самостоятельно!» отвѣчала она мнѣ. «Благодарю покорно! Не съ этого-ли я начала, и что изъ этого вышло? Каждый день кто-нибудь оставался безъ завтрака или обѣда. Нѣтъ, вы не въ состояніи вести такое большое хозяйство. Уходите съ Богомъ, а мы вамъ на первыхъ порахъ поможемъ».

Ушла она, оставивъ хозяйство въ полномъ безпорядкѣ, въ порціонную книжку не внесла ни одной записи. Была половинна марта, а отъ зимнихъ запасовъ не осталось ничего. Отопмнетъ замокъ отъ кладовой,—и каждый беретъ что хочетъ. И можно-же рекомендовать такую шальную въ экономки!

На ея мѣсто назначена была молодая еще женщина, вдова, по рекомендаціи самого начальника. Эта новая экономка также мало понимала въ большомъ хозяйствѣ, года два пришлось вести ее на помочахъ, пока она сама стала соображать. Наступили, наконецъ, экзамены. Въ это время Л. П. Т. уже оставилъ К**, будучи сдѣланъ сенаторомъ. Я искренне пожалѣла о немъ: это былъ спокойный, тактичный попечитель, — всегда оказывающій содѣйствіе во всѣхъ нашихъ начинаніяхъ. На его мѣсто переведенъ былъ изъ Ж. О. Т. О немъ говорили много хорошаго, о супругѣ же его, Е. С., говорили, что она женщина обворожительная.

Ко времени экзаменовъ они пріѣхали уже въ К**. Послѣ перваго же свиданія съ новымъ попечителемъ начальникъ привезъ намъ новость: О. О. сообщилъ ему о желаніи Е. С. быть почетной блюстительницей обѣихъ гимназій. Вскорѣ попечитель посѣтилъ гимназію и пансіонъ, а Е. С. сдѣлала мнѣ визитъ. Изъ разговора съ ней я видѣла, что она уже слышала о борьбѣ, которую мнѣ пришлось вести при приведеніи гимназистокъ въ приличный видъ, и одобряла ее, такъ какъ она, какъ старая К**нка, имѣла понятіе о прежней К**ской гимназіи. На первый разъ я была обворожена будущей почетной блюстительницей гимназіи и пансіона.

Теперь время заговорить объ одномъ обстоятельстве, о которомъ впервые я услышала отъ начальника. Не помню по какому случаю, однажды, говоря о пансіонеркахъ нашихъ, онъ сказалъ: «Да, вѣдь, ихъ тутъ *) ненавидятъ!» — «Кто ненавидитъ?» — съ удивленіемъ спросила я. — «Да всѣ!» — «За что же?» — «Изъ зависти, что о нихъ заботятся». — Это сообщеніе глубокаго меня поразило и возмутило: за что ненавидѣть тѣхъ, которымъ мы замѣняемъ родителей? И я стала присматриваться и прислушиваться, а при случаѣ выпрашивать, за что ненавидятъ нашихъ пансіонерокъ. И, вотъ, что я узнала. При моихъ предмѣстницахъ на экзаменахъ *выпрашивались* отмѣтки пансіонеркамъ, такъ что всѣхъ ихъ перетаскивали изъ класса въ классъ, оставлять ихъ на второй годъ въ классѣ не полагалось. Такое-то къ нимъ сношеніе, основанное на ложномъ пониманіи заботъ о нихъ, возбуждало противъ нихъ. Тоже бывало и на пріемныхъ экзаменахъ. Бывало-ли то, чтобы награда, заслуженная гимназисткой, доставалась пансіонеркѣ — объ этомъ не говорилось, — должно быть, не бывало.

*) Т. е. въ гимназіи.

Я рѣшила наблюдать и никому отмѣтокъ не выпрашивать. Другое дѣло, если слишкомъ низкая оцѣнка несправедлива — въ такомъ случаѣ, можно обратиться на это вниманіе преподавателя.

Послѣ перваго же экзамена Закона Божія, законоучитель, А. И. К. замѣтилъ: «Въ первый разъ встрѣчаю начальницу, которая не выпрашиваетъ отмѣтокъ».

Посмотримъ, измѣнятся-ли это отношенія служащихъ гимназіи къ пансіонеркамъ? Относительно выпрашивания отмѣтокъ я замѣтила, что начальникъ выпрашивалъ ихъ вообще для всѣхъ безразлично, какъ для пансіонерокъ, такъ и для гимназистокъ. Онъ стремился перетаскивать ихъ изъ класса въ классъ всѣхъ, но я рѣшила во что-бы то ни стало настоять на оставленіи въ классѣ тѣхъ пансіонерокъ, которыя этого заслуживали и кому это было безусловно полезно, и настояла на своемъ. Когда меня спрашивала учительница: «что мнѣ дѣлать съ такою то?» — «Ставить ей отмѣтку, какую она заслуживаетъ». — «Да, вѣдь, это пансіонерка!» — «Ну, такъ что-жъ?» — «Прежде всѣмъ ставили переводныя?» — «А теперь ставьте то, что заслуживаетъ.» — И такъ, главный поводъ къ враждѣ уничтоженъ.

Былъ май. Предстояло нѣсколько табельныхъ дней. Ученицамъ было объявлено, что быть на молебнѣ въ гимназической церкви для всѣхъ обязательно. Однако 6-го никто изъ трехъ старшихъ классовъ въ церковь не явился, подъ предлогомъ экзаменовъ. Почему-же пансіонерки и во время экзаменовъ, какъ и въ учебное время, ни одной службы не пропускаютъ, что нисколько не отражается на экзаменахъ, а приходящимъ мѣшаютъ экзамены явиться на молебенъ въ табельный день? Здѣсь неравенство уже не въ пользу пансіонерокъ въ смыслѣ выигрыша времени для приготовленія къ экзаменамъ. Имъ и ночи не позволяютъ сидѣть, и ложиться должны онѣ не позже 11, и только вставать разрѣшается часомъ раньше.

Передъ 14-мъ мая я объявила, что кто не явится на молебенъ, тому будетъ сдана отмѣтка за поведеніе. Изъ III кл. 2-го отд. никто не пришелъ. Я велѣла сдвать отмѣтку. Начальникъ былъ внѣ себя отъ отсутствія старшихъ ученицъ, слѣдовательно, я могла рассчитывать на его поддержку.

Но, вотъ, настаетъ конференція для выставленія отмѣтокъ. Классная надзирательница III кл., читая отмѣтки за поведеніе, объявляетъ 11. Начальникъ останавливаетъ ее: «что это значитъ?» — Мнѣ приказано г-жой Главной надзирательницей, я не имѣю права ослушаться. Отмѣтка сдана за то, что не явились въ табельные дни на молебенъ. — Я не могу позволить, чтобы

цѣлому классу сбавили отмѣтку за поведеніе!» вскипятился начальникъ. — «Такъ нужно-же придумать другое средство, чтобы заставить ихъ подчиняться нашимъ требованіямъ!» замѣтила я. — «Господа!» — обратился начальникъ, по обыкновенію, въ сторону учителей — «какого вы мнѣнія?» — Одинъ изъ нихъ, П., сталъ доказывать невозможность отрывать ученицъ для молебна отъ приготовленія къ экзаменамъ, и, въ подтвержденіе своихъ доводовъ привелъ въ примѣръ себя: «признаюсь — сказалъ онъ — я самъ не пускаю свою племянницу». — «А почему пансіонерки во время экзаменовъ могутъ не пропускать ни одной службы, безъ ущерба дѣлу?» — возразила я.

На это объясненія не послѣдовало, но защита гимназистокъ, не являющихся на молебенъ въ табельные дни, что не мѣшаетъ гулять имъ по Крещатику — продолжалась. Больше всѣхъ кипятился начальникъ, въ свое время кипятившійся и по поводу отсутствія ученицъ на молебнѣ. Здѣсь ярко обнаружилось его шатанье въ мнѣніяхъ. Тогда, обращаясь въ сторону учителей, я воскликнула: «Теперь я вижу, что напрасно обвиняютъ мою предмѣстницу въ распущенности гимназій, — вы всѣ, господа, этому послужили!». Это обвиненіе, брошенное имъ въ лицо, вполне было заслуженное.

Дѣйствительно, на какомъ основаніи, въ случаѣ распущенности, всегда обвинять одну начальницу? Какъ будто бы она полновластная хозяйка! Сколько энергіи и борьбы требуется отъ нея, чтобы отстоять какую-нибудь мѣру для поддержки дисциплины! Со стороны учителей рѣдко бываетъ поддержка: учатся хорошо — а тамъ — дерзкая ли она, своевольная ли — имъ до этого дѣла нѣтъ.

Сколько споровъ бываетъ между классными надзирательницами и учителями: одна утверждаетъ, что ученица не подчиняется требованіямъ гимназій, что она дерзка, груба — учителя защищаютъ ее. Рѣдко классная надзирательница одержитъ верхъ, а отвѣчаетъ за классъ она. Почему-же, если начальница слаба и нетребовательна, начальникъ не пользуется своимъ правомъ и не подтягиваетъ ученицъ? Почему преподаватели не выступаютъ въ конференціяхъ на защиту дисциплины, если ея не поддерживаетъ слабая начальница? Нѣтъ, по совѣсти должно признать, что если гимназія подтянута, то этимъ она обязана начальницѣ, которая борется съ мужскимъ персоналомъ, и прежде всего съ начальникомъ, — но не всегда борьба оказывается возможною. Если же гимназія распущена, то виноваты всѣ: значить, или

всѣ халатно относятся къ дѣлу, или начальницѣ не по силамъ борьба.

Немалая доля отвѣтственности падаетъ и на классныхъ надзирательницъ; въ ихъ власти поддерживать дисциплину въ классѣ, но необходимо также, чтобы онѣ пользовались должнымъ авторитетомъ.. По моему, онѣ должны быть разумными помощницами начальницы съ извѣстной долей самостоятельности, а не безгласными машинами, какими хотятъ ихъ видѣть начальники. Если попадаютъ между ними недостойныя, зачѣмъ терпѣть ихъ? но авторитетомъ онѣ должны пользоваться.

И думается мнѣ, что это должно быть положено въ основу гимназическаго (и институтскаго) воспитанія. Безъ этого, мы будемъ воду толочь. Одна начальница не можетъ выносить на своихъ плечахъ такого дѣла, когда въ гимназій нѣсколько сотъ ученицъ, иногда свыше 800. Между тѣмъ, для того, чтобы добиться чего, начальницѣ приходится часто вступать въ компромиссы.

И, вотъ, тому примѣръ. Въ августѣ 1897 г. записывается въ число ученицъ педагогическаго класса нѣкая С., дочь богатаго купца. Весь учебный годъ она отсутствуетъ, даже совсѣмъ не является въ гимназію, — но къ экзаменамъ она неожиданно является. Тутъ выясняется, что она начала учебный годъ съ принятія участія *въ конкурсѣ на премію за туалетъ на костюмированномъ балу*, а затѣмъ, безъ разрѣшенія начальства гимназій, уѣхала съ матерью въ Парижъ, гдѣ и пробыла весь учебный годъ.

Спрашивается: можно-ли было ее допустить до экзаменовъ, и кто долженъ былъ рѣшать этотъ вопросъ? Несомнѣнно, вопросъ этотъ должна была рѣшать конференція, и наврядъ-ли можно было допустить до выпускнаго экзамена изъ педагогическаго класса ученицу, не посѣщавшую классовъ въ теченіе всего учебнаго года. Вѣдь отъ ученицы педагогическаго класса требуются и практическія занятія. Однако, С. была допущена до экзамена: рѣшенъ былъ этотъ вопросъ келейно между начальникомъ и двумя преподавателями, А. и Р. Я и нѣкоторые другіе громко протестовали противъ этого.

Кончились экзамены, приносятъ ко мнѣ на домъ аттестаты ученицъ педагогическаго класса для подписи. Попадается мнѣ аттестатъ С. Я откладываю его въ сторону и возвращаю неподписаннымъ. Приносятъ его во второй разъ — я опять возвращаю его неподписаннымъ, — приносятъ въ третій разъ — дѣлаю тоже.

Но тутъ мнѣ стало ясно, что начальнику необходимо добиться моей подписи, и что онъ придетъ ко мнѣ упрашивать

подписать аттестатъ С. Имѣя въ виду, что мнѣ, въ свою очередь, необходимо добиться увольненія двухъ ученицъ, переходящихъ въ старшій классъ, которыя срамятъ своимъ поведеніемъ гимназію, я рѣшила сдѣлать уступку относительно С., иначе я не добьюсь увольненія тѣхъ двухъ. «Я не могу допустить чтобы увольняли ученицъ I класса!» будетъ раздаваться въ конференціи. И, дѣйствительно, начальникъ пришелъ ко мнѣ и сталъ убѣждать подписать аттестатъ С. Я подписала, и тѣ двѣ ученицы были уволены изъ гимназіи.

Это исключеніе произвело громадное впечатлѣніе на всю гимназію. Последняя была очищена въ теченіе одного учебнаго года отъ трехъ ученицъ, позорившихъ ее. И уже лѣтомъ стали говорить въ городѣ, что я подняла гимназію. Это проникло и во всѣ углы К** генераль-губернаторства. Отнынѣ К** общество не могло уже говорить, что К** гимназисткамъ все дозволяется. Но никто не зналъ, что успѣхъ мой купленъ кампримисомъ. Честно-ли ведется дѣло воспитанія тамъ, гдѣ нужны такіе кампримисы?

По окончаніи экзаменовъ были устроены маевки: одна—для педагогическаго класса, другая—для выпускнаго I класса. Съ педагогичками мы поѣхали въ В. монастырь, къ благодущному и гостепріимному О. Архимандриту Е.

Мы отправились туда на пароходѣ. День былъ чудный. Сначала мы пошли въ церковь, гдѣ о. Архимандритомъ отслуженъ молебенъ, затѣмъ пригласилъ онъ насъ въ садъ, гдѣ на лужайкѣ, въ тѣни, накрытъ былъ столъ и поданъ чай и молочные продукты.

Подкрѣпивши силы, мы раздѣлились на двѣ группы. Молодежь съ преподавателями спустились къ лодкамъ на рѣку, старшіе же—о. Архимандритъ, начальникъ гимназіи, г-жа М., завѣдующая педагогическимъ классомъ, и я—мы, по предложенію хозяина, отправились осматривать «владѣнія монастыря». Не забуду я этой прогулки! Хозяинъ повелъ насъ по самой окраинѣ горы, по которой раскинутъ садъ и лѣсъ. Приходилось то спускаться, то подниматься по узенькой тропинкѣ, настоящей козьей тропинкѣ. О. Архимандритъ, не смотря на свои 70 лѣтъ, легкою поступью спускался и поднимался на крутизны, ему привычныя, ведя меня за руку,—въ одномъ мѣстѣ мнѣ пришлось упираться рукой въ его спину. Не успѣемъ мы спуститься внизъ, какъ передъ нами вырастаетъ крутизна, на которую нужно карабкаться, и такъ въ продолженіе нѣсколькихъ часовъ, пока, наконецъ, мы не возвратились на мѣсто, откуда вышли.

Проголодавшаяся молодежь, въ волю накатавшаяся по рѣкѣ, была уже въ сборѣ, и мы снова принялись за чай и усердно уничтожали бутерброды и закуски, привезенныя съ собою. Наконецъ, время было думать о возвращеніи домой. О. Архимандритъ каждого благословилъ иконою, и мы, простившись съ радушнымъ хозяиномъ, поспѣшили на пароходъ и поплыли домой.

На слѣдующій день была очередь выпускнаго I кл. Собрались ученицы обѣихъ гимназій къ 8 ч. на пристань и оттуда на пароходѣ отправились вверхъ по рѣкѣ. Погода также благопріятствовала прогулкѣ. Угощенія было приготовлено масса на средства одного изъ почетныхъ блюстителей, и все время пути мы только и знали, что угощались. Наконецъ, причалили къ мѣсту назначенія, вышли на берегъ и разбрелись по лѣсу, побывавъ сначала въ древней монастырской церкви. Нагулявшись вволю въ чудномъ сосновомъ лѣсу, широко раскинувшемся по берегу рѣки, мы только къ вечеру собрались у пристани, куда созвалъ всѣхъ свистокъ парохода, напомнившій намъ о возвращеніи. На обратномъ пути на палубѣ устроились танцы подъ звуки сопровождавшаго насъ оркестра, и въ 9 ч. в. веселая, довольная проведеннымъ днемъ, молодежь возвратилась домой.

Оставался еще традиціонный прощальный вечеръ въ пансіонѣ для выпускныхъ пансіонерокъ. На этотъ вечеръ обыкновенно приглашаются только свои, т. е. педагогическій персоналъ гимназіи, но собираются обыкновенно самые близкіе пансіону, и вечеръ проходитъ въ своей семьѣ. Танцы смѣняются играми и угощеніемъ и затѣмъ дружеской бесѣдой заканчивается вечеръ.

Наконецъ, еще послѣдній день, и молебенъ въ гимназической церкви. На этотъ разъ, кромѣ нашихъ, собрались и ученицы другой гимназіи нашего же вѣдомства, и послѣ молебна начальникъ объявилъ, что въ первый разъ, какъ существуютъ обѣ гимназіи, онѣ дружно соединились вмѣстѣ. Мнѣ, конечно, было чрезвычайно пріятно слышать, что такое соединеніе совершилось при мнѣ, подъ моимъ, какъ-бы, вліяніемъ. Сознаюсь откровенно, что съ моей стороны дѣлалось все, дабы не было розни. Такъ, на первомъ при мнѣ годовомъ актѣ на которомъ обѣ гимназіи соединялись въ актовомъ залѣ, N. гимназіи, первыя мѣста были отведены мною ученицамъ другой гимназіи какъ гостямъ. Причину изстари существовавшей розни я объясняла отчасти тѣмъ антагонизмомъ, который поддерживался нерѣдко самимъ начальникомъ и общими преподавателями. Постоянная указка одной гимназіи на другую, вмѣсто соревнованія,

сбѣтъ вражду между ними, и начальство гимназій поступило-бы «педагогичнѣе», если-бы не прибѣгло къ этой указкѣ.

Наконецъ, наступили каникулы. Поработавъ, не покладая рукъ, безъ отдыха, не имѣя и праздниковъ, изо дня въ день съ 8 ч. утра по 9 ч. вечера *)—я взяла отпускъ и отправилась на Волынѣ, въ деревню, къ друзьямъ; лѣто же я закончила въ деревнѣ въ Воронежской губерніи. Проѣздомъ черезъ К** я остановилась на сутки у себя въ пансіонѣ. И тутъ я услышала жалобы на то, что голодомъ морять. Уѣзжая въ отпускъ, я сдѣлала распоряженіе по хозяйству, опредѣливъ на каждаго по 1 ф. мяса на обѣдъ, назначила молоко, яйца, овощи, ягоды и хлѣба вволю, но начальникъ, изо дня въ день приходившій въ пансіонъ въ мое отсутствіе, каждый день убавлялъ порціи, говоря: «Завтракъ на то, чтобы перекусить, а обѣдъ—чтобы заморить червячка». Хлѣба убавлено было до 8 золотниковъ на порцію, молоко отмѣнено. Призвала я экономку и потребовала объясненія. «Начальникъ требуетъ, чтобы меньше выходило, самъ назначилъ и количество провизіи. Я ничего не могу подѣлать»—говорила экономка. Будучи въ К**—только проѣздомъ, я ничего не могла сдѣлать, приходилось отложить переговоры съ начальникомъ до возвращенія своего изъ отпуска. Въ пансіонѣ замѣчали, что новая экономка пришла по душѣ начальнику. Приходя въ пансіонъ, онъ кричалъ на все зданіе: «Кто посмѣетъ тронуть мою экономку, тотъ первый вылетитъ!» Не совсѣмъ тактичны были такіе рѣчи, раздававшіяся на весь пансіонъ: неудивительно, что онъ подали поводъ къ разнымъ заключеніямъ.

Служанка моя, литвинка, пріѣхавшая со мной изъ К*, отличная повариха и хозяйка, помогавшая мнѣ въ изученіи хозяйства,—новая экономка также у нея училась,—сдѣлалась бѣльмою на глазѣ у всѣхъ на кухнѣ, такъ какъ она понимала всѣ плутни поваровъ (покойный мужъ ея былъ поварь). Бывало говоритъ она мнѣ: «Виновата-ли я, что я только повернусь на кухнѣ и все увижу?» На кухню же она ходила только за моимъ

*) Здѣсь кстати привести примѣръ того, какъ начальникъ оцѣниваетъ труды другихъ. Однажды возвращался мы съ нимъ пѣшкомъ изъ университета съ публичной лекціи, на которую я повела пепиньерокъ,—заговоривъ о прослушанной лекціи, начальникъ говоритъ мнѣ: «не хотите-ли, я вамъ дамъ первую половину этихъ лекцій?»—«Благодарю!»—отвѣчала я,—но мнѣ рѣшительно некогда читать».—А я то думала—замѣтилъ С.—что у васъ уйма свободнаго времени!—Такъ-то онъ знаетъ, что дѣлается въ пансіонѣ—а, вѣдь, онъ оцѣниваетъ трудъ служащихъ въ пансіонѣ. Впоследствии я убѣдилась въ томъ, что онъ даже не знаетъ, что дѣлаютъ классныя надзирательницы въ гимназій.

завтракомъ и обѣдомъ. Остальное время она сидѣла у себя въ комнатѣ въ моей квартирѣ. Всѣ на кухнѣ знали, что она дѣло понимаетъ и видѣли въ ней моего шпиона, хотя ни разу не вышло еще несправости ни для кого изъ нея яко-бы доносовъ. Всѣмъ на кухнѣ она мѣшала *только своимъ существованіемъ у меня*; по характеру же она была общительна, вѣжлива, къ повару иначе не обращалась, какъ съ словами: «г. поваръ!»—но не позволяла *никому* себѣ на ногу наступать, всегда сдачи сдать, —гоноръ былъ у нея большой, такъ какъ происхожденія она была шляхетскаго. Да и у меня она привыкла къ тому, что я признавала въ ней «человѣка» и цѣнила ея хорошія качества и ея преданность мнѣ. Она стояла горой не только за мною, но и за казенную копейку,—и возмущалась хищеніями на кухнѣ. Кухня въ то время была, такъ сказать, на большой дорогѣ: всякій, кто проходилъ—а проходило много,—урывалъ себѣ кусокъ. Дѣтвора въ подвалѣ было много, и вся она лѣзла къ нашему котлу; все это служанка моя видѣла и возмущалась.

И вотъ, на кухнѣ стали говорить: «Францевна вмѣшивается во все, Францевна мѣшаетъ всему!»—А чему мѣшала она?.. И, странное дѣло: начальникъ, вмѣсто того, чтобы находить полезнымъ присутствіе такого «ока», самъ сталъ на сторону ея враговъ, которые, чтобы отдѣлаться отъ этого «ока», не останавливались ни передъ чѣмъ, не стѣсняясь даже тѣмъ, что она *моя* служанка. Не разъ обращался ко мнѣ начальникъ съ такимъ вопросомъ: «Не вмѣшивается-ли она не въ свое дѣло?» На это я отвѣчала: «она ходитъ на кухню только за моимъ обѣдомъ и завтракомъ, и доказательствомъ того, что она беретъ только то, что ей даетъ поваръ или экономка, служить то, что я нѣсколько разъ оставалась безъ завтрака при той шальной экономкѣ. Если-бы она распоряжалась на кухнѣ, то этого бы не было. Кромѣ того я посылаю ее съ записками къ экономкѣ и класснымъ дамамъ, чтобы не отрывать казенной прислуги отъ дѣла». Съ февраля, когда поступала къ намъ шальная экономка, я поручила обученіе воспитанницъ поваренному искусству моей служанкѣ, такъ какъ она умѣла готовить изъ масла, что весьма важно при обученіи. Происходило это у меня въ столовой. Воспитанницы были очень довольны ея обученіемъ и нерѣдко покупали на свой счетъ провизію, чтобы научиться приготовить какое нибудь кушаніе по своему выбору. Я платила ей за этотъ трудъ изъ своего кармана по 1 р. за каждую обученную. Такъ цѣлый выпускъ изъ 13 воспитанницъ она научила главному основанію кулинарнаго искусства.

На лѣто служанка моя оставалась при моей квартирѣ. Когда я проѣздомъ черезъ К** останавливалась у себя, она сказала мнѣ, что начальникъ рѣдкій день не заходилъ къ ней, запиралъ за собой дверь и вступалъ съ ней въ долгій разговоръ. Все выпытывалъ у нея, что дѣлается на кухнѣ, въ подвалѣ и вообще въ пансіонѣ; но не могъ онъ ничего добиться отъ нея; должно быть, пытался онъ выпытывать у нея на мой счетъ, какъ увидимъ дальше, и не добившись ничего, сильно не любилъ ея.

Когда я возвратилась послѣ каникулъ домой, то я въ тотъ же день получила отъ начальника письмо такого содержанія: «Въ эти каникулы я строго слѣдилъ за вашей служанкой и убѣдился, что она, дѣйствительно, пушкинская баба и желаетъ быть повелительницей. Я неоднократно присутствовалъ при дѣлежѣ порцій и видѣлъ, что ей *давалось* три порціи, и, когда я отмѣнилъ это, она выразила недовольство и объявила, что ей ничего не нужно. Когда я узналъ отъ постороннихъ лицъ, что она властвуетъ надъ всѣми, когда я узналъ, что она продолжаетъ грозить и прислугѣ, и служащимъ (?) своею властью и силою своихъ желаній, и сдѣлалъ ей внушеніе, чтобы она знала только свой шестокъ. Я не желаю, чтобы съ именемъ прислуги соединилось какое-бы то ни было распоряженіе или измѣненіе въ порядкахъ жизни. Все хозяйство въ моихъ рукахъ, и я буду давать ежедневно распоряженія и этимъ только я избавлю себя отъ вмѣшательства того лица, которое каникулами *лишало меня сна*, мучило и тревожило. Я объ одномъ только покорнѣйше прошу васъ, искренне молю, *не заговаривать со мной по вопросу о вашей горничной никогда*. Я не буду и не могу съ вами о ней говорить ничего. Значить, вымучила она меня каникулами. Я долженъ сказать, что *она предана вамъ всей душой и верная вамъ слуга* (da ist der Hund begraben! — не такъ-ли?), но пусть она ограничитъ сферу своей дѣятельности вашими комнатами и пусть своимъ вмѣшательствомъ въ дѣла пансіонской жизни не оскорбляетъ ни меня, ни васъ, пусть не говорятъ посторонніе, не говоря уже о живущихъ въ пансіонѣ, что она сдѣлаетъ все, что захочетъ. О порціяхъ (служащимъ послѣднее время, по распоряженію начальства, давалось по 2 порціи) мы поговоримъ съ вами, но все это должно быть съ вѣдома и согласія моего, и *чтобы лишнія порціи были не правомъ, а... не знаю, какъ сказать*. Вѣдь налетитъ ревизія, и меня теперь будутъ упрекать въ неисполненіи обязанностей и крайней снисходительности».

Разберемъ это замѣчательное письмо.

1. *Служанка моя*, по наблюденіямъ начальника, *давалось три порціи*, — «давалось», а не сама она брала, зачѣмъ же давалось? Кто просилъ? она никогда не съѣдала даже и того, что оставалось отъ моего стола и отдавала эти остатки кому-либо изъ казенной прислуги, кто попадался подъ руку, — это я сама видѣла. Слѣдовательно, она не нуждалась въ 3-хъ порціяхъ. Зачѣмъ-же онъ ей давались? Не для того-ли, чтобы *она молчала* обо всемъ, что увидитъ?

2. «Узналъ отъ постороннихъ лицъ» — кто эти посторонніе лица и какъ могутъ они знать, что дѣлается на кухнѣ?

3. «Грозить своею властью» и пр. — интересно было-бы знать, въ чемъ на дѣлѣ проявлялась эта власть въ теченіе года? Какова была ея власть, видно изъ того, что при той шальной экономкѣ, которая «знала Пирогова», я два раза осталась безъ завтрака. Слѣдовательно, не распоряжалась служанка моя на кухнѣ, а ждала распоряженій.

4. Что значитъ фраза «чтобы лишнія порціи были не правомъ, а... не знаю, какъ сказать?» Это значитъ не что иное, какъ «хочу дамъ, хочу — не дамъ» — но противъ этого-то «хочу» или «не хочу» — я всегда и протестовала: начальникъ *долженъ* давать то, что опредѣлено закономъ или распоряженіемъ высшей власти, и *не имѣетъ права* давать то, что неопредѣлено.

5. Служанка моя «предана мнѣ всей душой и вѣрная мнѣ слуга» — изъ какихъ наблюденій сдѣланъ этотъ выводъ? — изъ наблюденій на кухнѣ? Конечно, не на кухнѣ, а у меня на квартирѣ, гдѣ начальникъ каникулами запирался съ моей служанкой и старался выпытать у нея всю подноготную о томъ, что дѣлается на кухнѣ, и обо мнѣ.

Указаніемъ на ея вѣрность мнѣ, начальникъ себя выдалъ, и въ этомъ-то вся ея вина передъ нимъ. Добейся онъ отъ нея шпионства и наушничанья — она была бы «золотымъ человѣкомъ». На кухнѣ, конечно, ея не любили, потому что видѣли въ ней «мое око», которое могло мѣшать ихъ хищничеству. Все это совершенно естественно.

На письмо начальника я отвѣчала, что очень рада, что онъ будетъ вести хозяйство, — у меня будетъ больше времени на другое. Въ тотъ же день обѣдъ былъ такъ плохъ, что я послала за экономкой. «Сколько мяса взяли вы сегодня на всѣхъ?» — Двадцать фунтовъ. — «Это на два кушанья на 40 человѣкъ?» — Да я не знаю, что мнѣ дѣлать: — начальникъ говорилъ, чтобы меньше выходило, и масла я стараюсь отпускать какъ можно

меньше.— «*Не какъ можно меньше, а столько, сколько нужно* должны вы выдавать повару провизіи. Вамъ должно быть извѣстно, сколько нужно, расчетъ провизіи виситъ на стѣнѣ въ кухнѣ».

На слѣдующій день говоритъ мнѣ начальник:—Вы вчера сдѣлали замѣчаніе экономкѣ насчетъ мяса и масла. Пожалуйста, когда вы будете недовольны по хозяйству, то сообщайте это мнѣ, экономкѣ же не дѣлайте замѣчаній.— «Хорошо!»—отвѣчала я.

Не было-ли это отместкой мнѣ за бывшую экономку С. М. Г., которую я оградаила отъ криковъ начальника? Похоже на то. Но тутъ была маленькая разница: когда, при С. М., я имѣла лично съ нимъ дѣло по хозяйству, оно выходило естественно: онъ, какъ начальникъ, дѣлалъ распоряженія чрезъ меня,—если что было не такъ, говорилъ мнѣ,—и это не могло быть обиднымъ мнѣ. Въ отношеніи же экономки, его ставленицы, дѣло было иное: приказанія онъ давалъ *экономкѣ*, а я должна была высказать ему свое неудовольствіе, т. е. начальнику, какъ бы контролировать его, одобрять и не одобрять его распоряженій. Онъ такимъ образомъ ставитъ себя въ невозможное положеніе, это скоро и сказалось.

Сказавъ ему «хорошо!», я добавила: «Такъ для начала скажу вамъ, что нельзя отпускатъ на обѣдъ такъ мало мяса и масла».

На слѣдующій день онъ говоритъ мнѣ:—Я велѣлъ отпустить больше мяса и масла прибавить фунта два.

Что значитъ «больше мяса» и «масла прибавить фунта два»? Какъ будто бы въ большомъ хозяйствѣ можно распоряжаться безъ точнаго опредѣленія количества провизіи! Начальникъ не имѣлъ, какъ видно, понятія о томъ, что количество масла зависитъ отъ количества мяса и отъ того, на какое кушанье оно выдается.

Въ началѣ сентября, въ засѣданіи хозяйственного комитета выяснилось, что къ 1 сентября осталось кредиту до января на пищевое довольство воспитанницъ и служащихъ 4000 р., т. е. на каждый мѣсяцъ по 100 р. больше, чѣмъ полагается по смѣтѣ. «Это прекрасно!» замѣтили мы, члены комитета,—«можно будетъ прекрасно кормить».

Въ это время, по настоянію новаго попечителя, въ подвальномъ этажѣ производилась капитальная передѣлка: выводилась прачешная, разводившая сырость, пробивались большія окна, чтобы свѣтъ больше проходилъ,—устраивалось хорошее помѣще-

ніе для прислуги и, главное, кухня устроена была въ сторонѣ отъ большой дороги. Отнынѣ можно было оградить наши котлы отъ общаго хищенія, если только самъ поваръ не хищникъ.

Началось хозяйничанье начальника, или точнѣе, продолжалось его хозяйничанье, ничѣмъ не отличавшееся отъ его лѣтняго хозяйничанья. Каждый день я слышала жалобы то на маленькія порціи, то на дурное приготовленіе обѣда. Отъ времени до времени я писала объ этомъ начальнику,—наконецъ, однажды, потерявъ терпѣніе, я взяла микроскопическую порцію пирожного, которую мнѣ представили, накрыла тарелку съ пирожнымъ другою и послала ее, при запискѣ, къ начальнику. Посланный возвратился съ докладомъ, что начальникъ послалъ его «къ чорту».

Вечеромъ этого дня было засѣданіе хозяйственного комитета. Я старалась дѣлать видъ, какъ будто ничего не случилось,—по лицу же начальника видно было, что у него кипитъ. Наконецъ, когда было покончено съ текущими дѣлами, начальникъ заговорилъ: «Я бы желалъ выяснитъ одно обстоятельство: сегодня мнѣ принесли изъ пансіона на показъ порцію пирожного,—мое-ли это дѣло?»—Вы сами выразили мнѣ желаніе, чтобы я не дѣлала замѣчаній экономкѣ, а сообщала вамъ обо всемъ,—отвѣчала я совершенно спокойно.—«Да что она за недотрога такая, чортъ ее побори! Пожалуйста, возьмите это на себя, это не мое дѣло!»—Слушаю!—отвѣчала я.

Итакъ, я могу дѣлать замѣчанія экономкѣ, но отъ этого дѣло не шло лучше: у экономки былъ одинъ отвѣтъ: «Начальникъ приказалъ такъ!»

Между тѣмъ, прошелъ сентябрь, а обученіе воспитанницъ поваренному дѣлу еще не начиналось. Дѣти съ нетерпѣніемъ спрашивались, когда начнется обученіе? 1-го октября, въ храмовой праздникъ общины N N., я встрѣтилась тамъ съ С. А. Д., супругой генералъ-губ-ра и команд. войсками. «Я видѣлась нынче лѣтомъ въ Пет-гѣ съ гр. П. и онъ просилъ меня передать вамъ, что онъ въ восторгѣ отъ введенія вами въ пансіонъ обученія кулинарному дѣлу».

Услышавъ это, я рѣшила немедленно же приступить къ этому на прежнихъ основаніяхъ, возложивъ опять обученіе на мою служанку, такъ какъ экономка не бралась за это. Служанка моя пыталась отказаться, ссылаясь на начальника, который сталъ дурно къ ней относиться послѣ постигшей его неудачи,—говорила, что будетъ имѣть только неспрiятности,—но я настояла на своемъ, т. е., кромѣ нея, никому было поручить это дѣло,

тѣмъ болѣе, что средствъ на это не отпускалось. Началось обученіе.

Я, конечно, не считала нужнымъ снова испрашивать разрѣшенія, такъ какъ годъ тому назадъ получено было разрѣшеніе начальника, одобреніе попечителя, и выражено полное удовольствіе главноуправляющимъ. Четыре воспитанницы выпускного класса были уже обучены,—какъ вдругъ получаю я официальную бумагу отъ начальника слѣдующаго содержания: «Въ виду того, что всякая провизія для приготовленія завтрака и обѣда выдается для опредѣленнаго числа воспитанницъ и служащихъ, я нахожу неудобнымъ, чтобы воспитанницы пансіона и на будущее время занимались приготовленіемъ обѣдовъ, выдѣляя для этого часть изъ общаго матеріала, на 3 и даже на 4 порціи, т. е. циркулярами Вѣдомства отъ 29 сент. 1885 г. № 15,299 и 24 фев. 1898 г. № 16—воспрещается содержать сверхъ комплекта даже одну воспитанницу на счетъ всего комплекта существующихъ воспитанницъ» (31 окт. 1898 г. № 3628).

Признаюсь, бумага эта меня взбѣсила. Какъ сказано выше, дѣло это было введено съ разрѣшенія и одобренія начальства, вызвало со стороны Главноуправляющаго выраженіе особаго удовольствія,—въ первый годъ его введенія оно не возбуждало никакого недоразумѣнія относительно провизіи, отпускавшейся на пробныя порціи, т. е. воспитанницы, пользовавшіяся обѣдомъ, приготовленнымъ воспитанницами, другой порціи изъ общаго котла не получали, слѣдовательно, никто не страдалъ; при томъ мяса бралось всего 1½ ф., и обѣдъ готовился на двухъ; дѣло происходитъ при тѣхъ-же условіяхъ—и вдругъ протестъ со стороны того же начальника, который за годъ передъ тѣмъ его одобрилъ; при этомъ, вмѣсто того, чтобы лично со мной переговорить, онъ прямо обращается ко мнѣ официальной бумагой. На официальное предписаніе можно отвѣчать официальной же жалобой, и я написала официальное письмо попечителю, въ которомъ изложила весь ходъ дѣла и опровергла ссылку начальника на циркуляры Вѣдомства, никакого отношенія къ данному вопросу не имѣющихъ.

На слѣдующій же день назначено было засѣданіе хозяйственнаго комитета, въ которомъ начальникъ объявилъ о полученіи имъ бумаги отъ попечителя, который предписываетъ разсмотрѣть въ хоз. комитетѣ вопросъ, вызвавшій недоразумѣніе между начальникомъ и главной надзирательницей: «Это предписаніе попечителя вызвано, не знаю какъ назвать—жалобой или чѣмъ другимъ»—продолжалъ начальникъ.

—Можетъ быть, намъ лучше уйти?—спросилъ одинъ изъ членовъ.

—«Да, намъ будетъ удобнѣе однимъ объясниться»... сказалъ начальникъ. Члены вышли.

—«Я не понимаю, Е. И., почему вы не пожелали объяснить со мною лично, а обратились къ попечителю?»

—А потому, что для меня было ясно, что вы не желаете личного со мною объясненія,—иначе бы вы, вмѣсто официального предписанія, обратились ко мнѣ лично.

—«Ну, я сознаюсь, что сдѣлалъ промахъ, но вы можете догадаться, что подкладка этого дѣла другая, что здѣсь главной причиной служить личность, о которой вы не хотите допустить разсужденія»... (напоминаемъ читателю, что въ письмѣ его ко мнѣ о моей служанкѣ, онъ же просилъ меня никогда не говорить съ нею о ней,—теперь же оказывалось, что не онъ, а я не хочу допустить разсужденія о ней).

—Да, я очень понимаю, что все затѣянное вами только предлогъ, а главной причиной здѣсь Францевна.

—«Согласитесь—продолжалъ начальникъ—что неудобно поручать такое дѣло лицу, постороннему пансіону, и при томъ служанкѣ». Я ничего неудобнаго въ этомъ не нахожу—возразила я—всякое лицо, приглашенное для этого дѣла, было-бы постороннимъ для пансіона; что же касается того, что лицо это—служанка, то на всѣхъ кулинарныхъ курсахъ обученіе ведется поварами, которые по своему воспитанію стоятъ не выше служанки. Въ настоящее время это дѣло вводится во всѣхъ институтахъ, и даже ассигнуются суммы на это.

—«Такъ не возбудить-ли и намъ ходатайство объ отпускѣ суммъ на уплату лицу обучающему и на провизію?»—спросилъ начальникъ.

—Конечно, это слѣдовало-бы—отвѣчала я.—«Удобно-ли говорить о томъ, что въ настоящее время обученіе ведется служанкой?»

—Ничего неудобнаго въ этомъ не нахожу, и я не имѣю обыкновенія скрывать то, что дѣлаю въ учебномъ заведеніи.

Тѣмъ кончилось наше объясненіе, притомъ самымъ миролюбивымъ образомъ.

Между тѣмъ, попечитель, заинтересовавшись этимъ дѣломъ, говорилъ о немъ у Д-ыхъ и ставилъ вопросъ: какъ бы поставить это дѣло основательно? и выразилъ готовность найти и средства для этого. Ген. Д. предложилъ пригласить проф. гігіены и кулин. искусства, О., для прочтенія въ гимназіи курса,

какъ это происходитъ въ общинѣ Краснаго Креста. Попечитель предписалъ начальнику обсудить этотъ вопросъ въ хоз. комитетѣ.

Наши естественники (члены хоз. комитета) заговорили о «научной» постановкѣ дѣла: чего-чего только не наговорили они! —я молчала, убѣжденная въ томъ, что дѣло, поставленное на научную почву, при существующихъ условіяхъ, провалится. Нужно было научить воспитанницъ сварить хорошій бульонъ, приготовить и сжарить котлетку, приготовить тѣсто и испечь пирожокъ, и т. п. —а вовсе не обучать ихъ наукѣ о томъ, какъ варится бульонъ и пр. Я создавала маленькое, скромное дѣло, и уже до 20 молодыхъ дѣвушекъ вернулись домой, вооруженныя любовію къ хозяйству и правильнымъ взглядомъ на кухню, наученныя изъ малаго готовить скромный, но вкусный обѣдъ, и стоило это грошъ —для меня, для казны же ничего. Теперь затѣваютъ нѣчто съ большими претензіями, и ничего изъ этого не выйдетъ.

27 ноября получаю снова официальную бумагу отъ начальника: «Честъ имѣю увѣдомить Васъ, что со стороны Его Прев-а г. Попечителя послѣдовало 24 сего ноября такое распоряженіе: Впредь до разрѣшенія этого вопроса Его Сіятельствомъ г. Главнo-управляющимъ, приостановиться приготовленіемъ кушаній воспитанницами пансіона» (№ 3727).

Рѣшено было сначала пригласить проф. О. для чтенія лекцій о поваренномъ искусствѣ, а потомъ —специалистку для практическаго обученія дѣлу. Такъ стояло дѣло въ концѣ ноября, но еще за мѣсяцъ передъ тѣмъ, въ концѣ октября, потерявъ надежду на измѣненіе системы хозяйства, я рѣшилась повидаться съ Е. С. Т., чтобы поговорить съ ней о нашихъ хозяйственныхъ дѣлахъ. Дѣла же наши были въ такомъ положеніи: кормили насъ скверно, хотя денегъ было довольно; кромѣ того на кухнѣ происходило нѣчто невѣроятное: является начальникъ и, находя на плитѣ чайники и кофейники служащихъ, сбрасываетъ ихъ на полъ, крича: «Я здѣсь хозяйинъ! Не смѣть ставить ничего на плиту, кромѣ кастрюлей!»

Заставая въ комнатѣ, гдѣ находится бакъ, какуюнибудь служанку, моющую бѣлье, —выгоняетъ ее оттуда съ крикомъ: «я здѣсь хозяйинъ!» —И эти набѣги повторялись чуть-ли не каждый день. Классныя дамы всполошились: неужь-то имъ нельзя ставить чайникъ на плиту? неужь-то имъ нельзя вымыть платокъ носовой и воротничокъ дома?

Дѣло было въ томъ, что штукатурка вновь отдѣланныхъ комнатъ въ подвальномъ этажѣ еще не просохла, нужно было избѣгать излишней сырости. Но, вѣдь, можно было объяснить это разумно класснымъ дамамъ, а не сбрасывать ихъ чайники съ плиты и не выгонять служанокъ съ бѣльемъ. Слова: «я здѣсь хозяйинъ!» никого не убѣждали, никто не сомнѣвался въ томъ, что начальникъ хозяйинъ въ хозяйствѣ, но нужно было доказать это инымъ способомъ, а не крикомъ и кулакомъ. Но, къ крайнему сожалѣнію, куда-бы я ни сунулась, нигдѣ не находила хозяина. Казалось мнѣ также, что прямѣе всего было-бы сказать мнѣ, что требуется имъ, чтобы я могла объяснить и другимъ это и затѣмъ наблюдать за исполненіемъ этихъ требованій, если они исполнимы. Между тѣмъ, до меня и другихъ служащихъ распоряженія начальника доходили изъ кухни, быть можетъ, въ искаженномъ видѣ. Кто-жъ былъ виноватъ въ этомъ?

Непорядокъ былъ и въ канцеляріи. О томъ, что затеривались заявленія поставщиковъ о повышеніи цѣнъ на продукты, уже говорено было выше; но тоже случалось и со счетами поставщиковъ: такъ въ апрѣлѣ того (1898 г.) года присланъ былъ въ пансіонъ изъ рижской фабрики камлотъ на платья воспитанницъ. Я немедленно представила присланный счетъ фабрики, за моей подписью, въ канцелярію. Въ августѣ поручаю завѣдующей матеріаломъ классной дамѣ справиться въ канцеляріи, на какую сумму располагаемъ мы еще кредитомъ. Она возвращается съ отвѣтомъ: «до 1.500 р.» (Весь кредитъ 3.500 р.). «Не можетъ этого быть! Должно быть менѣе 1000 р.» —говорю я. Какъ вдругъ дня черезъ два получаю я изъ фабрики увѣдомленіе, что деньги за камлотъ до сихъ поръ не получены. Какъ не получены? еще въ апрѣлѣ представленъ счетъ къ уплатѣ. Справляюсь: одинъ изъ членовъ хозяйственнаго комитета говоритъ, что помнитъ этотъ счетъ, что онъ его подписалъ еще весною. Итакъ, счетъ на сумму ок. 600 р. затерялся въ канцеляріи. Хорошъ порядокъ! И вотъ, однажды, это было въ сентябрѣ, на другой день одного засѣданія хозяйственнаго комитета, на которомъ одинъ изъ членовъ съ большимъ интересомъ слушалъ объясненія бухгалтера мѣсячной отчетности, въ которой все въ одну кучу свалено: жалованье, керосинъ, пособіе, мыло, щетки, книги, бѣлье и т. д. и т. д. Членъ этотъ отчего-то въ восторгъ приходилъ отъ такого сумбура, я же находила, что намъ гораздо важнѣе знать, что по каждой статьѣ израсходовано и на что, и сколько кредиту осталось по каждой статьѣ. Тогда немыслима была-бы задержка въ уплатѣ счета:

подписывая каждый счет по пансіону, я бы сейчас видѣла, все ли уплачено. На слѣдующій день послѣ того засѣданія въ хоз. ком., придя въ гимназію и вспоминая вчерашніе восторги члена П., направилась въ учительскую съ намѣреніемъ высказать ему свои взгляды на этотъ предметъ. Вхожу въ учительскую, вижу П., подхожу къ нему и начинаю говорить. Вдругъ подходитъ къ намъ начальникъ, котораго я не замѣтила при входѣ въ комнату: «Что такое? о какихъ безпорядкахъ говорите вы?» сердито спросилъ онъ. По настоящему, не его дѣло было вмѣшиваться въ разговоръ мой съ П., я говорила съ нимъ не на всю комнату, и т. к. П. былъ членъ хоз. ком., то я могла говорить съ нимъ о такихъ вопросахъ. Но не сказать-же мнѣ начальнику: «я не съ вами говорю!» — я довольно рѣзко ему отвѣтила: «А это не безпорядки?» и стала перечислять всѣ затерянные въ канцеляріи бумаги и счета. «Какъ можно это говорить?» сердито вскричалъ онъ. — Не только можно, но и должно, коли оно такъ! — Всѣ присутствующіе, которые до вмѣшательства начальника никакого вниманія не обратили на разговоръ мой съ П., всѣ заняты были своими разговорами, при послѣднихъ фразахъ начальника и моей, невольно обратили голову въ нашу сторону. Съ словами «здѣсь не мѣсто спорить о такихъ вещахъ, и вы же сами запросились на такой отвѣтъ!» я быстро вышла изъ учительской. Не вмѣшайся онъ въ разговоръ мой съ П., который очень спокойно старался убѣдить меня въ томъ, что отвѣтственность сама по себѣ, и непорядки сами по себѣ, — никто-бы не обратилъ вниманія на нашъ споръ, но безтактное вмѣшательство начальника вызвало всеобщее вниманіе: всѣ узнали, что въ нашей канцеляріи безпорядки.

Отношенія мои къ начальнику потеряли уже прежнюю довѣрчивость. Онъ, повидимому, сталъ видѣть во мнѣ своего врага, но я была только врагомъ тѣхъ непорядковъ, на которые я безпрестанно наталкивалась, врагомъ безтолковаго веденія хозяйства, врагомъ тѣхъ выходовъ безтактныхъ, которыми отличалось всякое появленіе его на кухнѣ пансіона. Это — «я здѣсь хозяйинъ!» невольно напоминало мнѣ нашу первую бесѣду: «я никогда не спору о власти, — пожалуйста, будьте хозяйкой!» — Да, знаемъ мы эти пѣсни: поютъ онъ до тѣхъ поръ, пока начальница не начинаетъ выдѣляться своей энергіей, своей инициативой, пока не заговариваютъ о ней, какъ о дѣйствующемъ лицѣ въ гимназіи. Обо мнѣ заговорили, какъ о начальницѣ, поднявшей гимназію — и этого довольно было, чтобы начальнику стать на лыбы: страхъ за свой авторитетъ обуялъ его. «я здѣсь хозяйинъ!» этими сло-

вами онъ думалъ укрѣпить свой авторитетъ. Но увы! на однихъ словахъ далеко не уѣдешь.

Было у насъ столкновеніе по поводу распоряженія его мыть полъ мыломъ въ спальняхъ пансіона и въ лазаретѣ разъ въ двѣ недѣли. Я старалась убѣдить его въ томъ, что этого недостаточно — но напрасно, сдѣлала расположеніе, чтобы мыло покупалось на мой счетъ; тогда только онъ отмѣнилъ свое распоряженіе. И дѣлалъ-то онъ свои распоряженія по хозяйству, никогда не справившись о суммѣ расхода.

Не смотря, однако, на наши столкновенія, я и виду не показывала, что что-нибудь измѣнилось въ нашихъ отношеніяхъ: въ глазахъ всѣхъ я относилась къ нему съ уваженіемъ, должнымъ начальнику заведенія.

Не говорила я еще объ одной чертѣ, рисующей его личность: онъ былъ страшный циникъ. Во всю жизнь свою я того не слышала, что я за годъ услышала отъ него. Онъ не стѣснялся присутствіемъ молодыхъ дѣвушекъ, чтобы рассказывать скабрзные вещи. Однажды получаю я анонимное письмо, въ которомъ обвиняютъ начальство гимназіи въ томъ, что уплачиваютъ изъ суммъ общества вспомошествованія бѣднымъ ученицамъ за дочь публичной женщины, и называютъ ее. Я передала письмо начальнику.

Пробѣжавъ его, онъ замѣтилъ: «нужно будетъ навести справки». Спустя нѣсколько дней, онъ говоритъ: «Получилъ справки: эта дама не только сама ведетъ непотребную жизнь, но по вечерамъ собираетъ своихъ подругъ, офицеровъ и другую молодежь, и за тѣмъ они всѣ вповалку спятъ». Конечно, и мнѣ говорить эти подробности было лишнее, но я женщина пожилая и вдова, съ этимъ разговоромъ можно еще примириться — но онъ идетъ къ классной дамѣ этой ученицы, дочери этой нравственной маменьки, молодой дѣвушкѣ, воспитанной въ строгихъ нравахъ — и повторяетъ ей то же; не довольствуясь этимъ, онъ рассказываетъ это въ учительской, гдѣ находились и классныя дамы, и учительницы, между которыми есть очень молодыя дѣвушки. По поводу этого рассказа начальника въ гимназіи громко передавалось, въ примѣръ его безцеремонныхъ выраженій, слѣдующее. Изъ желѣзнодорожнаго управленія поступило какъ-то требованіе доплаты по льготнымъ билетамъ, выданнымъ ученицамъ гимназіи. Это произошло отъ того, что ученицы представляли неправильный расчетъ по верстнаго разстоянія, классныя же надзирательницы не имѣли возможности провѣрять по путеводителю каждый расчетъ. Требованіе желѣзнодорожнаго управленія наса-

лось общей суммы недоплаты, взыскивать было не съ кого, приходилось доплачивать начальнику из своего кармана. Какъ ни ничтожна была эта сумма (3 р.), но все же это было неприятно. И вотъ, заходить къ начальнику одинъ изъ преподавателей въ то самое время, когда начальникъ получилъ это требованіе. «Чортъ знаетъ что такое—говоритъ начальникъ—«эти чортовы куклы (т. е. клас. надз—цы) напутаютъ, а я за нихъ плати!» Преподаватель рассказалъ это первой попавшейся ему клас. надз-цѣ: «Съ новымъ титуломъ поздравляю!» сказалъ онъ ей. Случилось такъ, что эта же самая клас. надз-ца на другой же день заходить въ учительскую послѣ перваго звонка для преподавателей и застаётъ тамъ одного изъ нихъ. Дверь отворяетъ начальникъ, видитъ только одного преподавателя и громко замѣчаетъ: «Чортъ знаетъ, что такое! Первый звонокъ, и только одна учительская морда!» — «Поздравляю съ новымъ титуломъ!» говоритъ слышавшая это, при встрѣчѣ, тому преподавателю, который ее поздравилъ раньше съ новымъ титуломъ «чортовой куклы». Надъ этимъ можно было, конечно, посмѣяться, но, во всякомъ случаѣ, пріучать слухъ воспитательницъ къ такимъ выраженіямъ, употребляемымъ начальникомъ, по крайней мѣрѣ, не педагогично. Сегодня слышишь, завтра слышишь, а затѣмъ заговоришь такимъ же языкомъ. Но другой рассказъ еще типичнѣе; дѣло было при моей предмѣстницѣ. Кто-то прислалъ въ гимназію 50 билетовъ въ циркъ; начальника въ тотъ день не было въ гимназіи, да и разрѣшеніе на посѣщеніе театровъ, цирковъ и т. п. дается начальницей,—она и дала свое разрѣшеніе. На другой день приходитъ въ гимназію начальникъ, узнаетъ, что ученицы были въ циркѣ, выходитъ изъ себя, собираетъ III классъ, бывший въ циркѣ, и держитъ имъ такую рѣчь: «Мужчины ходятъ въ циркъ смотрѣть на женскія формы, а вы зачѣмъ пошли? Смотрѣть на мужскія формы?»

Рассказъ этотъ громко передавался въ гимназіи, и никто не опровергалъ его. Но нельзя не сдѣлать вопроса: «что же родители ученицъ, къ которымъ обращена была такая рѣчь?... Когда вводились форменныя шляпы для ученицъ, среди родителей были протесты и даже доносы,—а къ такимъ рѣчамъ они относятся равнодушно. Какъ видно, по сенькѣ шапка!»

Возвращаясь къ моему рѣшенію поговорить съ Е. С. Т., услышать ся мнѣніе о нашихъ дѣлахъ и узнать мнѣніе попечителя. Въ назначенный ею часъ пріѣзжаю. «Вы такъ интересуетесь всѣмъ, что касается гимназіи и пансіона, не поинтересуетесь-ли вы узнать о состояніи нашего хозяйства?» — спрашиваю я

Е. С., поздоровавшись съ нею. — О, да, конечно, это очень интересно!—отвѣчаетъ она. «Только пожалуйста»,—продолжаю я,—не считайте моихъ словъ за жалобу, я не жалуюсь, а желала бы только узнать мнѣніе ваше и Ѳ. Ѳ. о нѣкоторыхъ вопросахъ. За тѣмъ я передала ей исторію веденія хозяйства со времени моего вступленія въ должность по тотъ день. «Мое мнѣніе такое, что непосредственно вести хозяйство по пансіону должна начальница,—это дѣло женское,—контроль-же долженъ сосредоточиваться въ рукахъ начальника,—общіе, принципиальные вопросы должны рѣшаться хозяйственнымъ комитетомъ, но ежедневныя, мелкія распоряженія должны дѣлаться начальницей, которая всегда на лицо,—а за тѣмъ всѣ распоряженія начальника по пансіону должны дѣлаться чрезъ начальницу—не узнавать же ей о нихъ отъ подвального этажа!» — Совершенно съ вами согласна—отвѣчала Е. С.—и думаю, что мужъ мой такого же мнѣнія. Я поговорю съ нимъ, и это дѣло, вѣроятно, уладится согласно вашему желанію. —

На другой же день въ хозяйственномъ комитетѣ (это было въ концѣ октября, еще до поднятія вопроса объ обученіи кулинарному дѣлу) начальникъ совершенно благодушно объявилъ: «Отнынѣ хозяйствомъ въ пансіонѣ будетъ завѣдывать Е. И. (т. е. я). Такого желаніе попечителя». — При этомъ выяснилось, что изъ 4000 р. остававшагося къ 1 сентября кредита на пищу воспитанницъ, за сентябрь (самые дешевые мѣсяцы по стоимости продуктовъ, покупаемыхъ на базарѣ), когда такъ скверно кормили насъ, израсходовано 2.500 р., и на два остальные мѣсяцы оставалось всего 1.500 р. Но это открытіе меня не смутило,—я знала на чемъ дѣлать экономію, не сокращая опредѣленнаго количества провизіи: главную роль тутъ играло пирожное,—стоило только ограничиваться кондитерскими пирожными, которыя обходятся значительно дешевле домашнихъ. Остальное же нисколько не пострадаетъ, напротивъ, можно хорошо кормить, не увлекаясь только фантазіями.

Итакъ, хозяйство перешло въ мои руки, а затѣмъ и возникъ вопросъ, поднятый начальникомъ, объ обученіи кулинарному дѣлу. Это было, конечно, отместкой мнѣ. Въ исходѣ ноября, въ самый разгаръ этого спора, получено было извѣстіе о пріѣздѣ главноуправляющаго: онъ возвращался изъ поѣздки своей въ Иркутскъ по только что открытому великому сибирскому пути и, проѣздомъ въ Одессу, намѣренъ былъ остановиться въ К. дня на два. Въ планахъ графа не было посѣщеніе гимназій,

т. к. онъ видѣлъ ихъ годъ тому назадъ, но его упросили $\Theta.$ $\Theta.$ и $E. C. T.$

Въ день пріѣзда графа въ К., захожу я къ начальнику и, не входя въ квартиру, остановившись въ дверяхъ, говорю съ нимъ. — «Я получилъ сегодня по городской почтѣ письмо» — говорить онъ — «меня предупреждаютъ, что будутъ жаловаться на своеобразное распредѣленіе мною поурочной платы. Я очень радъ, — по крайней мѣрѣ, выяснится дѣло» — Дѣло вотъ въ чемъ: преподавательницы, преподававшія въ младшихъ классахъ, получали 40 р. за годовой урокъ; преподавательницы же иностран. языковъ за уроки въ трехъ старшихъ классахъ получали 65 р. за годовой урокъ, наравнѣ съ преподавателями, но дѣй изъ нихъ, француженка и пѣмка, за нѣсколько уроковъ, вмѣсто 65 р., получали по 50 р. Начальникъ объяснялъ это неимѣніемъ денегъ; но страшно слышать о неимѣніи денегъ на плату за преподаваніе, гдѣ ежегодно представляется остатковъ, за выполненіемъ смѣты, до 10 т. р.! Конечно, весьма естественно, обиженные преподавательницы выражали неудовольствіе, тѣмъ болѣе, что при приглашеніи ихъ въ гимназію, имъ было обѣщано 65 р. за уроки въ трехъ старшихъ классахъ. Вотъ объ этомъ-то «своеобразномъ» распредѣленіи поурочной платы писали ему. Однако, признаюсь, я усумнилась въ томъ, чтобы начальникъ былъ радъ жалобѣ на него. И я не ошиблась. На слѣдующій же день, при встрѣчѣ со мной въ гимназій, начальникъ говоритъ мнѣ: «А я все-таки думаю сдѣлать каверзу относительно уроковъ пѣвня въ пансіонѣ: нужно-же мнѣ откуда-нибудь взять деньги, чтобы заткнуть глотку недовольнымъ! Да и справедливо ли, чтобы гимназія платила за такую горсточку поющихъ?» — А справедливо гимназія выѣзжать на пансіонеркахъ круглый годъ? Кто поетъ постоянно въ церкви и при каждомъ случаѣ, какъ не одиѣ пансіонерки? — «Такъ что-жъ мнѣ дѣлать?» — Просить у Вѣдомства денегъ на уроки пѣвня въ пансіонѣ. — Этотъ вопросъ объ уничтоженіи уроковъ пѣвня въ пансіонѣ занималъ начальника уже нѣкоторое время, но къ этому относились несочувственно члены хозяйств. комитета. Какъ-то, еще въ началѣ 1898—99 учебного года учительница пѣвня говоритъ мнѣ, что необходимо было-бы прибавить одинъ урокъ въ недѣлю на IV классъ, а то въ одинъ урокъ немного сдѣлаешь. «Я ничего на имѣю противъ этого» — отвѣчала я, — «но это зависитъ не отъ меня, а отъ начальника, обратитесь къ нему!» Въ слѣдующій жъ разъ она сообщила мнѣ, что начальникъ сказалъ ей, что это зависитъ отъ меня. «Могу васъ увѣрить — сказала я ей въ отвѣтъ, смѣясь уловивъ

начальника» — что это зависитъ только отъ начальника. Но уже по этому отвѣту его вамъ можно заключить, что онъ противъ этого».

Итакъ, начальникомъ дѣлался рѣшительный шагъ къ уничтоженію уроковъ пѣвня въ пансіонѣ. Но такъ какъ онъ согласился возбудить ходатайство объ ассигнованіи суммъ на этотъ предметъ, то, дабы онъ не могъ отстунить, я написала $E. C. T.$, прося содѣйствія ея и $\Theta. \Theta.$ На слѣдующій день, въ засѣданіи хозяйств. комитета, начальникъ спрашиваетъ меня: «Вы говорили $\Theta. \Theta.$ объ урокахъ пѣвня?» — Ему нѣтъ, а $E. C.$ — да — «Зачѣмъ вы это сдѣлали? это наше домашнее дѣло» — Вотъ именно для того, чтобы оно не было нашимъ домашнимъ дѣломъ — сегодня — хочу, завтра — не хочу, а чтобы поставить его на законную почву, я обратилась за содѣйствіемъ къ попечителю чрезъ $E. C.$ —

На слѣдующій день мы ожидали графа въ гимназію. Утромъ еще я замѣтила въ рукахъ у начальника какой-то свертокъ бумаги. И, вотъ, онъ мнѣ говоритъ: «я только сегодня узналъ, что ученица Б. написала пріѣзду графу въ стихахъ, что вы ей разрѣшили говорить; но я нахожу это неудобнымъ, — графу можетъ показаться это лестью. И что-же ему конфеты за это дать ей?» — Прежде всего — возразила я — я разрѣшила ей *представить* намъ свое стихотвореніе, разрѣшить же или не разрѣшить ей говорить — это ужъ ваше дѣло. —

Послѣ большой перемѣны, или вѣрнѣе, въ большую перемѣну пріѣхалъ главноуправляющій въ сопровожденіи управляющаго дѣлами, Н. А. В. Попечитель съ супругой были уже въ гимназій. Сдѣлано было распоряженіе, чтобы всѣ собрались въ залъ, но графъ пожелалъ, чтобы всѣ разошлись по классамъ. Графъ началъ свой обходъ съ старшихъ классовъ. Въ I кл. послѣ нѣсколькихъ вопросовъ по исторіи и географіи Россіи, графъ обратился къ одной изъ ученицъ съ вопросомъ: «Кто у насъ покровительница женскихъ учебныхъ заведеній?» Отвѣтъ последовалъ: «Императрица Марія Феодоровна». — Слѣдуетъ говорить: «Ея И. В. Государыня Императрица Марія Феодоровна» — поправилъ графъ. Въ другомъ классѣ повторилось то же самое. Тогда $E. C.$ съ одной стороны, я — съ другой, обѣжали всѣ классы, предупредивъ, чтобы ученицы были готовы отвѣчать, какъ слѣдуетъ. Послѣ всѣхъ классовъ входитъ въ приготовительный: графъ обращается съ тѣмъ же вопросомъ къ одной маленькой пансіонеркѣ, но та болѣе занята была разсматриваніемъ орденовъ, коими увѣшена была вся грудь графа, чѣмъ вопросомъ: его она ничего не отвѣ-

тила. Е. С. едва сдерживалась, но Н. А. В. успокаивал ее, говоря: «напрасно васъ это волнуетъ: въ такихъ случаяхъ забываютъ свою собственную фамилію».

Передъ оставленіемъ гимназіи, Н. А. предупредилъ меня, что онъ будетъ у меня по порученію графа. Въ тотъ же день онъ навѣстилъ меня. Н. А. началъ съ того, что ему предстоитъ щекотливая бѣда. «Попечитель доложилъ главноуправляющему, что у васъ съ начальникомъ обостренныя отношенія, что было графу чрезвычайно непріятно слышать, и, повидимому, вы сами превисили власть» ... Именно?—спросила я.—Вы сдѣлали распоряженіе о болѣе частой мѣнѣ постельнаго бѣлья въ пансіонѣ,—вы разрѣшили одной ученицѣ гимназіи сказать графу привѣтствіе.

—Ни то, ни другое невѣрно—возразила я,—насчетъ болѣе частой мѣны постельнаго бѣлья я говорила съ завѣдующей бѣльемъ не въ формѣ дѣлаемаго мною распоряженія, а въ формѣ желанія осуществить это, когда окажется возможнымъ; или бѣльевая дама меня не поняла, или начальникъ не понялъ ее. Во всякомъ случаѣ, я такого распоряженія не дѣлала, и объяснила это Д. А. въ засѣданіи хоз. комитета. Относительно разрѣшенія ученицѣ сказать привѣтствіе графу, я также объяснила Д. А., что мною было дано только разрѣшеніе представить намъ написанное ею стихотвореніе, а что разрѣшить или не разрѣшить сказать привѣтствіе, конечно, его дѣло». Во всякомъ случаѣ—добавила я—эти двѣ жалобы, будь онѣ даже справедливы, выдѣннаго яйца не стоятъ.—«Вы ввели обученіе поваренному дѣлу своею собственною властью» ... продолжалъ Н. А.—Что я ввела это дѣло—это правда!—живо возразила я,—но это было сдѣлано еще въ прошломъ году *съ согласія и одобренія начальника и бывшаго попечителя*, и, какъ вамъ извѣстно, *самъ графъ выразилъ свое удовольствіе по этому поводу*. И вводилось это не на одинъ годъ. Могла-ли я думать, что я снова должна спрашивать разрѣшенія?—«И вы привлекали къ этому дѣлу личность, постороннюю пансіону: личность, нравственность которой сомнительна» ...—Вотъ ужъ это послѣднее—клевета!—съ негодованіемъ воскликнула я. Эта личность служить мнѣ уже нѣсколько лѣтъ, я ее слишкомъ хорошо знаю, чтобы позволить клеветать на нее. Она нигуда не ходитъ, никто у нея не бываетъ, она постоянно у меня на квартирѣ и полдня у меня на глазахъ. (Оказалось, что начальникъ не остановился передъ клеветой, утверждая, что Францевна пьетъ, она, которая въ ротъ ничего спиртнаго не беретъ; въ вси вѣки стаканъ пива выпьетъ, когда отъ меня

останется, а я пью пиво очень рѣдко, вина совсѣмъ не пью. Вотъ дочего дошло преслѣдованіе моей служанки, «всей душой мнѣ преданной, вѣрной слуги моей!»)

«А если на меня жалуются,—продолжала я,—такъ и я могу пожаловаться: грубыя отношенія къ педагогическому персоналу, цинизмъ... Я во всю жизнь свою того не слышала, что здѣсь пришлось услышать за годъ!» ... «Прошу васъ, факты» перебилъ меня Н. А.—«Признаюсь, я затрудняюсь повторять» ... «Нѣтъ ужъ, прошу васъ!»—«Извольте!» и я передала ему всѣ тѣ факты, о которыхъ уже сказано выше: о безнравственной матери, о «чортовыхъ куклахъ», о «преподавательскихъ мордахъ», о «женскихъ и мужскихъ формахъ» ... Пытался Н. А. ослабить значеніе этихъ выраженій,—наконецъ, въ заключеніе сказалъ: «Графъ глубоко уважаетъ Д. А. и желаетъ, чтобы между вами возстановились добрыя отношенія, а то, какъ бы ни было прискорбно, васъ пришлось-бы разлучить» ... «Передайте графу—отвѣчала я—что я употребляю всѣ старанія на возстановленіе добрыхъ отношеній, да и, признаться, до сихъ поръ могла быть рѣчь только о *недоразумѣніяхъ*, но никакъ не *объ обостренныхъ отношеніяхъ*. Это значительно преувеличено... Но необходимо, чтобы такое стремленіе къ поддержанію добрыхъ отношеній было обоюдно... Чтобы былъ миръ, нужно, чтобы его желали *обѣ* стороны». Это послѣднее было мною повторено нѣсколько разъ, такъ что замѣтно было даже нѣкоторое нетерпѣніе въ моемъ собесѣдникѣ, который съ своей стороны добавилъ: *«И вамъ будетъ лучше!»* Говорила я и о желательности того, чтобы всѣ распоряженія начальника по пансіону дѣлались чрезъ меня, чтобы я не узнавала о нихъ изъ подвального этажа; объяснила, что всѣ столкновенія происходили отъ того, что я указывала на бывшіе непорядки въ канцеляріи, и это-то начальникомъ считалось за оскорбленіе его; говорила, что нельзя такъ кормить, какъ кормили лѣтомъ и осенью,—и это считалось оскорбленіемъ начальника.

«Вѣдь, вотъ,—замѣтилъ Н. А.—А. Θ. (начальница другой гимн.) ладитъ съ начальникомъ» ... «А. Θ. сидитъ на мѣстѣ 25 лѣтъ, она приучила всѣхъ къ своему режиму и дѣлаетъ, что хочетъ. Начальникъ и не пробуетъ ей перечить» ... —«Я думаю, и вы могли-бы дѣлать, что хотите»—замѣтилъ Н. А.—«Трудно!»—отвѣчала я,—у Д. А. семь пятницъ на недѣлю; съ нимъ совѣтоваться невозможно,—приходится выжидать моментъ, когда нужно дѣло дѣлать,—не всегда это удобно. А если заблаговременно получишь его согласіе, то нельзя поручиться за то, что онъ не сдѣлаетъ обратно тому, что рѣшено было. И наконецъ дѣла по

гимназіи и дѣла по пансіону не одно и тоже, — неизвестно еще, какъ бы оно было, имѣй А. О. пансіонъ». — «Я никогда не спорю о власти — заключила я — но если власть валяется на полу, я непременно ее подниму! Ни одно учрежденіе не можетъ обходиться безъ власти, тѣмъ менѣе школа».

Наконецъ, бесѣда наша окончилась, и мы разстались. Къ обѣду въ пансіонъ пріѣхалъ графъ, зашелъ ко мнѣ, былъ, какъ всегда, привѣтливъ. Въ это время Н. А. обходилъ передѣланный подвальный этажъ и затѣмъ продолжительное время ходилъ съ начальникомъ по саду. Можно предположить, что рѣчь шла о нашей бесѣдѣ.

За обѣдомъ графъ сидѣлъ за столомъ I класса и велъ оживленную бесѣду съ воспитанницами. Е. С. принимала участіе въ разливаніи супа. Послѣ обѣда, которымъ графъ остался очень доволенъ, всѣ поднялись въ залъ, гдѣ исполнено было нѣсколько NN музыкальных пьесъ и пѣнія, сыграна сцена изъ «Les femmes savantes» Мольера, — все исполнено было удачно, во время пѣнія обратили вниманіе на пѣвицу solo воспитанницу III класса Букарецуку, — наконецъ, послѣ гимна, графъ пожелалъ, чтобы всѣ воспитанницы собрались въ залъ, и когда это было исполнено, графъ подошелъ къ одной группѣ и обратился съ вопросомъ: «Вы каждый день читаете Евангеліе на утренней молитвѣ?» — Каждый день, — былъ отвѣтъ. «А какое Евангеліе читалось сегодня?» — Евангеліе отъ Луки, гл. 12, — бойко отвѣчала воспитанница III класса, Катя С. — «А вы, можетъ быть, ошибаетесь, — продолжалъ графъ, — не 12-ая, а, можетъ быть, 20 я глава?» — Нѣтъ, 12-ая! — съ увѣренностью отвѣчала та. «А какое содержаніе Евангелія?» С. бойко пересказала содержаніе Евангелія. «Прекрасно!» замѣтилъ графъ, очевидно вполне довольный такимъ отвѣтомъ. Поблагодаривъ всѣхъ за прекрасное состояніе пансіона, графъ уѣхалъ. На слѣдующій день С. Е. передала мнѣ оставленные грофомъ сто рублей на удовольствіе воспитанницъ пансіона. По желанію воспитанницъ, изъ ста руб. двадцать пять р. были израсходованы 6-го декабря на тортъ и шоколадъ, а остальные были употреблены на танцевальный вечеръ на масляницѣ. При свиданіи съ Е. С. я передала ей о бывшей у меня бесѣдѣ съ Н. А. «Ну, отлично, такъ какъ вы съ начальникомъ поговорились, теперь все пойдетъ на ладъ!» — сказала она, смѣясь.

Во время исполненія музыкальных пьесъ въ присутствіи графа, въ пансіонѣ, я замѣтила, что начальникъ былъ, какъ говорится «не солоно хлѣбавши». Очевидно, Н. А. передалъ ему

мою жалобу. Что Н. А. сообщилъ ему о условіи, поставленномъ мною для восстановленія между нами добрыхъ отношеній, ясно было изъ того, что по отѣздѣ графа онъ измѣнилъ свои привычки, стараясь, повидимому, избѣгать недоразумѣній. На кухнѣ не раздавалось болѣе «я хозяйинъ!» и, хотя на конференціяхъ онъ утверждалъ, что хотя и жаловались на него, но нашли естественнымъ, что онъ докладываетъ конференціи объ «извѣстныхъ вещахъ» — тѣмъ не менѣе, онъ сдерживалъ публично свой цинизмъ. На Рождество онъ собрался въ Петербургъ уладить вопросъ о предлагаемой имъ передержкѣ по имущественному довольству. И тутъ опять поступилъ неосмотрительно: ни меня не спросивъ, ни справившись у бухгалтера о состояніи кассы, онъ прямо рѣшилъ, что будетъ передержка рублей въ 500, и отправился въ Петербургъ просить о сложеніи ея. Передъ отѣздомъ своимъ онъ имѣлъ со мной разговоръ по поводу моихъ жалобъ на него. Я прямо ему объявила, что мои жалобы вызваны были его жалобами, — объяснила ему, что нельзя дѣлать распоряженія въ подвальномъ этажѣ пансіона, игнорируя меня, и пр. пр. Онъ обѣщалъ впредь поступать иначе. По поводу предполагаемой имъ передержки, онъ сталъ утверждать, что всѣ эти непорядки по хозяйству происходятъ отъ частой мѣны экономки, упуская изъ виду, что послѣдняя мѣна была въ мартѣ, а передержка сдѣлана въ сентябрѣ и октябрѣ, когда онъ самъ хозяйничалъ. Повторялась его ошибка — нежеланіе выяснить дѣйствительную причину передержки, — отсюда утверждалась явная несообразность.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, онъ сталъ хлопотать о сложеніи 500 р-й передержки. «Нѣтъ, — сказали ему въ контролѣ, — 500 р. мы вамъ не дадимъ, довольствуйтесь 300-ми».

Возвратился онъ изъ Петербурга, и, вотъ, на первомъ засѣданіи хоз. комитета, бухгалтеръ, читая годовой отчетъ, произнесъ: «по имущественному довольству остатокъ 8 р». — «Какъ остатокъ? скандалъ!» — завопилъ начальникъ, — а я заявилъ въ Петербургъ о передержкѣ въ 500!» —

Да, скандалъ полный! и все отъ неосмотрительности и поспѣшности. Онъ никакъ не могъ себѣ представить, чтобы я справилась съ 1. 500 р. за такое же время, въ какое онъ истратилъ 2.500, причемъ пища была улучшена.

Вскорѣ хозяйственный его талантъ обнаружился комично: въ томъ же засѣданіи хозяйственного комитета заявлены были бухгалтеромъ остатки по разнымъ статьямъ, въ томъ числѣ по движимости 140 р. Мнѣ предложено было записать суммы

всѣхъ остатковъ, чтобы сдѣлать распоряженіе объ израсходованіи ихъ въ теченіе т. н. «льготнаго» мѣсяца января. Зная уже по опыту, что нельзя полагаться на свѣдѣнія, сообщаемыя бухгалтеромъ, что могутъ неожиданно вынырнуть неуплоченные счета, я не торопилась расходовать указанные остатки, какъ вдругъ, не дѣлю спуста, получаю отъ начальника записку такого содержания: «изъ суммы, остающейся на приобрѣтеніе движимости, нельзя тратить ни копейки: эти деньги—остатокъ тѣхъ 500 р. на фортепіано, что не получены отъ Д., и должны быть возвращены въ Вѣдомство». Прочитавъ это, я покатила со смѣху и долго хохотала: вотъ такъ фактъ! Недавно умершій почетный блюститель Д., жертвовавшій ежегодно 500 р. на фортепіано, умеръ, не внесши денегъ за 1898 г. Мы, не получивъ этихъ денегъ, очевидно, не могли тратить ихъ, если бы истратили, то не остатокъ бы былъ отъ нихъ, а чистая передержка. Неслыханная вещь: остатокъ отъ неполученныхъ денегъ, да еще остатокъ этотъ долженъ быть возвращенъ Вѣдомству. Въ то же утро зашелъ ко мнѣ одинъ изъ членовъ хозяйств. комитета, и мы вмѣстѣ посмѣялись надъ этой запиской, а днемъ зашелъ ко мнѣ начальникъ и сталъ мнѣ объяснять, но, признаюсь, я ничего не поняла изъ его объясненій. Такъ это и осталось для меня загадкой; я же не стала добиваться смысла записки,—пожалуй, обидно покажется начальнику, а въ оправданіе отнынѣ у меня одинъ аргументъ: я обязана во что бы то ни стало ладить, до поступковъ начальника мнѣ дѣла нѣтъ, пусть каждый отвѣчаетъ за себя.

Между тѣмъ, уже съ 3-го дек. проф. началъ читать въ гимназій лекціи о гигиенѣ и кулинарномъ искусствѣ: постановлено было привлечь на лекціи ученицъ I кл. На первую лекцію собрались всѣ, а затѣмъ съ каждой лекціей число слушательницъ убывало и, наконецъ, остались однѣ пансіонерки. Неуспѣхъ лекцій объясняется тѣмъ, что къ слушанію лекціи нужна извѣстная подготовка и привычка, которыхъ у гимназистокъ не было; пансіонерки заинтересованы были предметомъ, но сознавались, что немного изъ лекціи остается у нихъ въ памяти. Въ воскресные дни профессоръ приглашалъ своихъ слушательницъ въ свою лабораторію и показывалъ имъ все, что относилось до предмета лекцій. Наконецъ, 15 ой лекціей чтеніе ихъ было закончено,—начиналась практика, для которой приглашена была специалистка, нѣкая г-жа С. Предъ началомъ занятій она явилась ко мнѣ; мы уговорились съ ней, что занятія будутъ три раза въ недѣлю отъ 3-хъ часовъ, т. е. начальникъ объявилъ, что мы не имѣ-

емъ права, помимо законодательной власти, отвлекать ученицъ отъ уроковъ: это было еще сказано тогда, когда шелъ споръ объ обученіи воспитанницъ кулинарному дѣлу,—хотя въ первый годъ, когда воспитанницы приготовляли обѣдъ отъ 12 ч до 4-хъ, разговора этого не было. Я общала г-жѣ С. сдѣлать распоряженіе, чтобы ей отпускался тотъ матеріалъ, который она потребуетъ. Въ первые два дня занятій я просидѣла все время на кухнѣ. (Дѣло происходило въ людской кухнѣ). Г-жа С. раздѣлила 14 воспитанницъ на три группы: одна готовила супъ и пироги, другая—жаркое, третья—пирожное. Воспитанницы принялись за дѣло со рвеніемъ, но въ группахъ, видимо, выдѣлялись нѣкоторые интересомъ къ дѣлу, другія ограничивались наблюденіемъ. Обѣдъ былъ готовъ къ 6-и ч. и даже позже, т. е. воспитанницы, готовившія *себѣ* обѣдъ, долго оставались безъ дѣды. Провизіи расходовалось масса, много портилось и бросалось, чего никогда не бывало при первоначальномъ способѣ обученія: порцій приготовлялось не на 14 ч. а, пожалуй, на 25,—напр., пироговъ дѣлали большое блюдо верхомъ; словомъ, приучали не экономично готовить обѣдъ на среднюю семью, а къ непомѣрной и непроизводительной тратѣ провизіи. Прошелъ мѣсяцъ такого дорогого обходившагося обученія, начальникъ схватился за голову, когда узналъ, во что обходится обученіе кулинарному искусству *на научно основаніи*—и занятія были прекращены. А въ это время сдѣлано было въ Петербургѣ представленіе объ ассигнованіи суммъ на обученіе кулинарному искусству воспитанницъ пансіона и ученицъ гимназій.

Начальникъ находилъ, что нельзя выдѣлять послѣднихъ. Прошелъ мѣсяцъ, пришелъ отвѣтъ изъ учебнаго комитета: обученіе *ученицъ гимназій* кулинарному искусству признано ненужнымъ, въ интернатѣ же предлагалось удѣлять на это время каникулярное, когда въ пансіонѣ оставалось 5—6 воспитанницъ младшихъ классовъ, для такихъ занятій еще непригодныхъ. Начальникъ предлагалъ употреблять на это воскресные и праздничные дни, на что я не могла согласиться.

Чистое несчастье это—тѣсная связь пансіона съ гимназіей. Никакихъ улучшеній нельзя сдѣлать для его внутренней жизни, связь съ гимназіей ему во всемъ помѣхой, причемъ забывается, что интернатъ не былъ созданъ для гимназій, онъ существовалъ самостоятельно, и это было его лучшее время. Но во всякомъ случаѣ, пансіонъ NN. не есть интернатъ N. гимназій, а пользуется лишь обученіемъ въ гимназій. Я уже говорила выше о враждѣ, существующей въ гимназій къ пансіону.

Старожилы пансіона говорятъ, что вражда недавняя, но кѣмъ она посѣяна—трудно изслѣдовать. Не тѣмъ-ли, который руководится правиломъ «управлять раздѣленіемъ?» («divide et impera»). Но вотъ проявленіе этой вражды: въ страстную пятницу, при выносѣ плащаницы, въ процессіи дѣятельное участіе принимаютъ пансіонерки: «съ какой стати идутъ съ большими свѣчами пансіонерки, а не гимназистки?» раздается одинъ голосъ.— «А съ такой стати, что прихожанками гимназической церкви состоятъ только пансіонерки, въ теченіе учебнаго года ни одной службы въ церкви не пропускающія, а не гимназистки, которыя въ табельные дни не всѣ-то бываютъ въ нашей церкви, а воскресные и праздничные дни разъ или два въ годъ, а нѣкоторые никогда не бываютъ» — вотъ отвѣтъ на этотъ вопросъ. Вѣдь не спросятъ-же: «съ какой стати поютъ въ церкви одиѣ пансіонерки, а не гимназистки?» Напротивъ, именно и находятъ, что пѣть должны пансіонерки, а не гимназистки. Такъ справедливость требуетъ, что кто исполняетъ свой долгъ относительно своего храма, тому подобаешь и честь въ немъ. «Не могу переварить того, что всѣ заботы относятся къ пансіонеркамъ!» раздается другой голосъ. Но не странно-ли требовать отъ насъ, чтобы мы одинаково заботились какъ о пансіонеркахъ, такъ и о гимназисткахъ? Пансіонъ кормить, одѣваетъ, лѣчитъ, воспитываетъ порученныхъ ему дѣтей, замѣняетъ имъ родителей; гимназія только учитъ и отчасти воспитываетъ, она принимаетъ на себя обязанности наставниковъ, но не родителей. /Какъ же уравнивать эти заботы? Нелѣпая претензія, вызываемая безпричинной враждой! «Съ какой стати пансіонерки должны лучше знать французскій языкъ, чѣмъ гимназистки?» замѣчаетъ одинъ педагогъ, членъ хоз. комитета. Это высказывалось по поводу метода для практическихъ занятій иностраннымъ языкомъ, для чего, по моему ходатайству, приглашена французженка. Тутъ кстати разсказать слѣдующее: въ первый годъ введенія этихъ практическихъ занятій (съ фев. 1898 г.) были приглашены двѣ французженки: одна—для приготовленія заданныхъ въ гимназіи уроковъ, другая—для разговоровъ; но послѣ перваго полугодія я убѣдилась въ неумѣлости послѣдней и предложила соединить эти занятія въ однихъ рукахъ, и дѣло поручено было той французженкѣ, которая первоначально готовила съ воспитанницами уроки. Дѣло пошло прекрасно, успѣхи пансіонерокъ были замѣчены въ гимназіи. «Съ какой стати съ пансіонерками готовить уроки французженка, поневолѣ онѣ будутъ идти во франц. языкъ впереди гимназистокъ!» сказалъ кто-то въ гимназіи, забывая, что у многихъ гимназистокъ

есть гувернантки—французженки,—но слова эти пали на восприимчивую почву, и начальникъ запретилъ французженкѣ готовить уроки съ пансіонерками.

«Мне Т. только и обращала вниманіе на пансіонерокъ во время экзамена!»—говоритъ одна классная надзирательница съ нескрываемою досадой. «Съ какой стати всѣ пансіонерки моего класса освобождены отъ экзамена географіи?» (въ Ш кл.) говоритъ мнѣ другая клас. надзирательница. «Покажите списокъ класса!» говорю я ей. «А потому, очевидно, что ни у одной изъ нихъ нѣтъ меньше 10-ки» замѣчаю, просмотрѣвъ списокъ.— «Да, въ самомъ дѣлѣ» сознается та.

Такихъ-то «съ какой стати», сказанныхъ по адресу пансіонерокъ, не перечесть. Нѣкоторое время я думала, что вражда эта поддерживалась только женскимъ персоналомъ, но скоро убѣдилась въ томъ, что и мужской персоналъ ее питаетъ. Я слышала отъ одного изъ вновь поступившихъ въ гимназію преподавателей, что его склоняли на сторону враждебную. Между ученицами же и пансіонерками этой вражды нѣтъ, но послѣднія сознаютъ питаемую къ нимъ вражду. Долго молчали онѣ, но, наконецъ, одна изъ дѣвочекъ, изъ лучшихъ, высказала это одной изъ классныхъ дамъ пансіона. «Насъ всѣ ненавидятъ въ гимназіи» сказала она однажды съ чувствомъ глубокой обиды. И поневолѣ онѣ, эти обиженные дѣти, стали дороже мнѣ: чѣмъ хуже имъ въ гимназіи, тѣмъ лучше должно быть имъ въ пансіонѣ.

Каковы дѣйствительныя чувства начальника къ пансіонеркамъ, я не берусь опредѣлить. «Намъ нужно любить ихъ!» говорилъ онъ мнѣ не разъ, но нѣсколько разъ въ то же время слышала я отъ другихъ, какъ онъ подчасъ отзывается о нихъ. «Это ангелы!» говоритъ онъ мнѣ. «Дѣточки! дѣточки!» говоритъ онъ имъ. Но, Боже, что говоритъ онъ другимъ! Поневолѣ начинаешь сомнѣваться въ его искренности. тѣмъ болѣе, что онъ не скрываетъ своей ненависти къ интернатамъ. И, если бы онъ не дѣйствительно любилъ пансіонерокъ, развѣ бы онъ не могъ повліять, по кр. м. на мужской персоналъ? Вѣдь начальникъ, какой бы онъ ни былъ, даетъ тонъ гимназіи, если только весь персоналъ явно не враждебенъ ему, какъ это было въ К* по отношенію къ Т. Здѣсь же, хотя большинство его не любитъ и не уважаетъ, но лебезитъ передъ нимъ изъ расчета. Только немногіе, лучшіе, держатъ себя независимо. При такомъ условіи, его вліяніе большое. Почему же онъ молча терпитъ эту нескрываемую вражду къ пансіонеркамъ?

Начало 1899 г. было опять хлопотливо для меня по хозяй-

ству. На Рожд. праздникахъ запынствовалъ поваръ, пришлось его уволить, нѣсколько поваровъ смѣнилось, пока не попалъ свосный. Цѣлый мѣсяцъ мучилъ насъ (меня и экономку) поставщикъ мяса—еврей: дня два—три доставляетъ хорошее мясо, а тамъ пойдетъ доставлять молодое, тощее: билась—билась мы съ нимъ, пока я не пастовала, наконецъ, на его смѣнѣ. Поваръ оказался хищникомъ: молодой, холостой, онъ ухаживалъ за женскимъ персоналомъ подвального этажа, и, какъ только отпустить обѣдъ всѣмъ, такъ накрываетъ столъ въ кухнѣ и угощаетъ «дамъ». Каждый день говорить мнѣ экономка: «Поваръ говорить, что мяса мало». — «А почему прежній, хорошій поваръ находилъ, что довольно? Ни фунта не прибавлю!» — отвѣчала я, — «ваше дѣло его проверять». Однажды, — въ этотъ день были у насъ щи, и были они водянисты, — призываю я повара и спрашиваю, почему щи водянисты? — «Мало мяса» — отвѣчаетъ поваръ. И вотъ, когда поваръ, убравъ кухню, ушелъ, и остался одинъ кострюльничъ, я спустилась въ кухню, потребовала ключи отъ кладовки при кухнѣ, отпираю и вхожу. Прежде всего мнѣ бросилась въ глаза громадная кость, которая должна была попасть въ котелъ для щей, — затѣмъ увидѣла я кусокъ въ нѣсколько фунтовъ филе и 6 котлетъ, приготовленныхъ на завтра.

Не говори постоянно поваръ, что мяса мало, не объясни онъ водянистость щей недостаткомъ мяса, я бы посмотрѣла на найденное мною въ кладовкѣ, какъ на остатки, — но, если мяса мало, то остатковъ не можетъ быть, не можетъ оставаться и кость безъ употребленія. Заперевъ кладовку и взявъ ключъ съ собою, я послала просить къ себѣ одного изъ членовъ хоз. комитета и предложила ему удостовѣриться въ фактѣ, а на утро написала начальнику и просила его прійти, объяснивъ въ чемъ дѣло. Ключъ отъ кладовки оставался у меня. Является начальникъ и прямо на кухню. Что тамъ ему говорилось — не знаю, но приходять онъ ко мнѣ и говорить: «Я рѣшительно не понимаю, въ чемъ вы нашли грабежъ?» — Въ томъ, — отвѣчаю я, — что оказался порядочный остатокъ мяса, а я каждый день слышу отъ повара, что мяса мало, что ему ничего не остается и необходимо прибавить. Вчера щи были водянисты, а цѣлая кость осталась безъ употребленія». — Кажется ясно? тѣмъ не менѣе начальникъ продолжалъ стоять на томъ, что онъ не понимаетъ, чего я хочу. Оставалось махнуть рукой и предоставить повару красть. И какая охота мнѣ ломать копы изъ за казеннаго интереса и интереса пансіона? Опять будутъ столкновения, а вѣдь, миръ и ладъ долженъ быть во что бы то ни стало. Я пострадаю,

а дѣло все таки не выиграстъ. Однако, въ тотъ же день, мы съ начальникомъ просидѣли нѣсколько часовъ на кухнѣ, пока готовился обѣдъ, и въ нашемъ присутствіи поваръ нарезалъ мясо изъ супа и жаркое — телятину на требуемое количество порцій и, т. о. было доказано повару, что мяса выдаютъ ему достаточно, и что на его дѣло остается довольно. Такимъ же образомъ опредѣлялось мною количество провизіи на каждое кушанье — все личнымъ опытомъ.

Повара этого я, однако, смутила въ первый день В. поста онъ сготовилъ и завтракъ, и обѣдъ на такомъ подсолнечномъ маслѣ, что ничего нельзя было взять въ ротъ. А такъ какъ поваръ поставленъ у насъ такъ, что имѣетъ право и даже обязанъ браковать провизію, то онъ и отвѣчаетъ за доброкачественность принятой имъ провизіи. Въ тотъ же день поваръ-хищникъ былъ расчитанъ, и съ подвального горизонта исчезъ *le coq du village*, и хищеніе на кухнѣ прекратилось.

На масляной состоялся танцевальный вечеръ въ пансіонѣ на деньги, выданныя графомъ при его послѣднемъ посѣщеніи. Собрались все служащія въ пансіонѣ и гимназін, пріѣхали О. О. Т. и Е. С. и нѣсколько почетныхъ блюстителей, были приглашены нѣсколько кадетъ — братьевъ воспитанницъ. Во время танцевъ О. О. и Е. С. съ интересомъ слѣдили за танцующими парами, замѣтивъ при этомъ, что пансіонерки танцуютъ гораздо лучше гимназистокъ. Оно и понятно: въ двухъ старшихъ классахъ гимназій нѣтъ уроковъ танцевъ, такъ что тѣ ученицы, которыя не имѣютъ случая посѣщать танцевальные семейные вечера, разучиваются танцевать, а тѣ изъ нихъ, которыя поступаютъ въ старшіе классы, такъ и выходятъ изъ гимназій, не умѣя и ступить. Это и обнаружилось на вечерѣ въ гимназій, устроенномъ на средства, данныя попечителемъ, 14 ноября — 98 года. Приглашены были ученицы I кл. обѣихъ гимназій, и VIII классъ, въ общемъ 205 ученицъ, явилось же на вечеръ всего не болѣе 60, и изъ нихъ нѣкоторыя не танцовали, хотя кавалеровъ было много, а изъ танцующихъ большинство танцовало неизящно. Пансіонерки въ праздничные дни танцуютъ въ пансіонѣ другъ съ другомъ и учатся новымъ танцамъ одиѣ отъ другихъ. Это взаимное обученіе обнаружилось на вечерѣ въ пансіонѣ, когда Е. С. заинтересовалась взглянуть на танцы малышей, которымъ предоставлена была отдѣльная классная комната. Сначала дѣти смутились, но сердечное отношеніе къ нимъ Е. С. ободрило ихъ, и онѣ съ увлеченіемъ пустились въ плясъ: оказались танцующими и даже ловко танцующими меленькія приго-

товишки, которые не начинали еще обучаться танцамъ въ гимназіи. Между танцующими въ большой залѣ выдѣлялись граціей маленькая ростомъ болгарка. Невяна Т. и сербка, Мироснова Ц. Когда онѣ танцевали, все шли любоваться. Изъ старшихъ недурно танцевала II кл. М.

Наблюдения, сдѣланные Е. С. и О. О. надъ танцами ученицъ гимназіи, убѣдили ихъ въ необходимости устроить уроки танцевъ для двухъ старшихъ классовъ. Тутъ же бывшіе на вечерѣ почетные блюстители предложили платить за эти уроки. Рѣшено было, что съ будущаго учебнаго 1899—1900 года начнутся эти уроки.

При этомъ начальникъ, подойдя къ Е. С., и приложивъ руку къ сердцу, прочувственнымъ голосомъ проговорилъ: «Вы оказываете большое благодѣяніе!» и низко поклонился.

Посѣтила какъ-то Е. С. гимназію и зашла въ I кл. на урокъ исторіи. Просидѣвъ весь урокъ, она замѣтила, что нѣкоторые ученицы не отвѣтили на вопросы преподавателя. Когда урокъ кончился и преподаватель вышелъ изъ класса, Е. С. обратилась къ ученицамъ съ нѣсколькими сердечными словами и советомъ учиться больше для себя, нежели для отмытокъ. Когда она окончила, начальникъ подошелъ къ ней и, приложивъ руку къ сердцу, такъ же прочувственнымъ голосомъ проговорилъ: «Большое вамъ спасибо!» Я случайно взглянула на ученицъ и подмѣтила у нѣкоторыхъ едва замѣтную, улыбку, относившуюся, несомнѣнно, къ прочувственному голосу начальника. Дѣтей и молодежь не проведешь».

Въ началѣ этого 1899 г. проникъ въ К** изъ И. слухъ, что на мѣсто выходящей въ отставку начальницы мѣстнаго института назначаюсь я. Этотъ слухъ привозился лицами, пріѣзжавшими изъ И. въ К**, но я сама отъ главноуправляющаго, при свиданіи съ нимъ въ его пріѣздъ въ К** ничего не слышала, потому и не придавала значенія этому слуху. Между тѣмъ, слухъ прошелъ по К., попалъ даже въ мѣстную газету, такъ что я вынуждена была печатно опровергнуть этотъ слухъ. Но слухъ упорно держался. Однажды начальникъ замѣтилъ мнѣ, что и попечителю извѣстно о предположеніи назначить меня въ И. Наконецъ, и Е. С. спросила меня однажды: «Когда же вы насъ оставляете, Е. И.?—Я ничего не знаю,—отвѣчала я,—это только Ир—скіе разговоры. Нѣтъ, не ир—ское—возразила Е. С.,—а разговоры серьезные. Но мнѣ очень жаль будетъ разстаться съ вами».—Итакъ, казалось, разговоры эти имѣли основаніе.

Между тѣмъ, случилось таки у меня столкновеніе съ на-

чальникомъ по дѣлу, по которому промолчать, ради мира, было бы нечестно съ моей стороны. Однажды, въ V к. (изъ младш.) въ I отд. классная надзирательница увидѣла, какъ одна ученица съ послѣдней лавки встала и, сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, подошла къ другой ученицѣ и передала ей бумажку. Немедленно классная надзирательница направилась въ ту сторону и, подойдя къ той ученицѣ, которой была передана бумажка, удостовѣрилась въ томъ, что то была записка, въ которой первая ученица объясняется въ любви къ подругѣ. На такую безцеремонную выходку ученицы нельзя было иначе взглянуть, какъ на нахальство, требовавшее немедленнаго взысканія, и классная надзирательница наказала провинившуюся оставленіемъ ея на 5-ый урокъ, бывшій свободнымъ и, записавъ въ дневникъ ученицъ ея проступокъ, доложила мнѣ обо всемъ. Я одобрила ея распоряженіе. Отпустивъ классъ, классная надзирательница осталась на 5-ые часы съ тѣми ученицами, которыя оставались въ ожиданіи сестеръ или лицъ, приходившихъ за ними, и съ наказанной. Съ послѣднимъ звонкомъ, она объявила наказанной: «теперь вы можете идти» и проводила ученицъ въ раздѣвальню.

На другой-же день начальникъ говоритъ мнѣ, что наканунѣ, войдя въ гимназію въ то время, когда по окончаніи уроковъ убрали классы, нашелъ въ I отд. V кл. двухъ ученицъ, «которые выметали вмѣстѣ съ соромъ», и на его вопросъ, зачѣмъ онѣ здѣсь, тѣ отвѣчали, что наказаны. Я объяснила ему въ чемъ дѣло и удивилась тому, что онъ на 6-мъ часу нашелъ еще въ классѣ ученицъ, отпущенныхъ со звонкомъ послѣ 5-ыхъ часовъ. Тѣмъ не менѣе онъ выходилъ изъ себя, называя поступокъ классной надзирательницы безобразнымъ, говоря, что она не имѣла права наказывать, а должна была доложить о проступкѣ ученицы конференціи, т. е. тогда, когда все будетъ забыто. Напрасно я объяснила, что проступокъ требовалъ немедленнаго взысканія, конференція же будетъ не скоро, и съ того времени и дѣти забудутъ о своемъ проступкѣ, и классная надзирательница можетъ забыть, онъ стоялъ на своемъ. Проходить нѣсколько недѣль. Конференція. И вдругъ начальникъ догадывается объ этомъ «происшествіи», причемъ наираетъ на безобразіе, какое позволила себѣ классная надзирательница и требуетъ внесенія этого факта въ протоколъ. Тогда я заговорила: я рассказала, какъ было дѣло и просила занести въ протоколъ и мое объясненіе и, затѣмъ, подписывая протоколъ, приписала: «при семъ прилагаю объясненіе по такому то-пункту». Я не считала себя въ правѣ молчать, отдавая на «сѣденіе» классную надзирательницу, кото-

рая поступила съ провинившимися съ моего вѣдома. Когда начальникъ увидѣлъ мою приписку въ протоколѣ, онъ, при свиданіи со мною, попросилъ меня на пару словъ и заговорилъ такъ: «Зачѣмъ намъ ссориться на послѣдяхъ», (то былъ намекъ на предполагаемое назначеніе мое въ И). — «Я не думаю ссориться» — отвѣчала я, — «но я не могу оставить безъ объясненія ваше заявленіе, занесеннаго въ протоколъ. Я должна его дать!» — «Такъ напишите все, что вы хотите сказать, а я внесу это въ протоколъ отъ себя». — «Извольте!» — Тѣмъ дѣло и кончилось. Этотъ случай показываетъ, какъ съ одной стороны подрывается авторитетъ воспитательнаго персонала, и какъ съ другой содѣйствуютъ распушенности гимназистовъ. Никакихъ взысканій въ гимназіи, и гимназистки безнаказанно дѣлаютъ, что имъ угодно; они прямо издѣваются надъ требованіями гимназіи. И это называется на языкѣ такихъ педагоговъ, какъ этотъ начальникъ, *воспитывать строго педагогическимъ методомъ*. На дѣлѣ же, въ этомъ — отсутствіе всякаго воспитанія, ведущее къ одичанію общества, что мы и видимъ кругомъ.

Взглядъ начальника на роль классныхъ надзирательницъ выражается въ словахъ, не разъ мною отъ него слышанныхъ: «классныя надзирательницы не должны смѣть пикнуть!» — «Нѣтъ, онѣ должны смѣть пикнуть!» — всегда отвѣчала я ему на это: — «мнѣ нужны разумныя помощницы, а не безгласныя машины». — Наконецъ, онъ убѣдился, что говорить мнѣ это — все равно, что воду толочь, и говорилъ при случаѣ: «Мы съ вами должны быть за одно, а вы всегда защищаете классныхъ надзирательницъ». — «Да, я считаю необходимымъ не подрывать, а поддерживать ихъ авторитетъ. Вѣдь, безъ нихъ мы ничего не можемъ достигнуть, все ими держится». —

Конечно, всѣ эти заявленія мои въ защиту моихъ помощницъ ставились мнѣ на счетъ, чтобы въ послѣдствіи по этому счету со мной расплатиться.

Но вернемся къ нашему разсказу.

Въ Страстной вторникъ, по окончаніи богослуженія въ нашей церкви, подходитъ ко мнѣ начальникъ и говоритъ: «Наша О—а арестована, я сейчасъ же уволилъ ее». —

Передъ тѣмъ слышно было, что въ К—* наѣхало изъ Петербурга много сыщиковъ по поводу бывшихъ студенческихъ безпорядковъ и уличныхъ демонстрацій. Пошли аресты, и, вотъ, арестована была и наша учительница арифметики. Поводомъ къ ея аресту, какъ слышно было, послужилъ списокъ лицъ, найденный у одного изъ арестованныхъ участниковъ южно-русскаго

революціоннаго комитета. О—а была несимпатична: ея сладкія слова: «дѣтки, дѣтки!» съ которыми она обращалась къ ученицамъ въ время урока, никого не убѣждали въ ея любви къ дѣтямъ. Ни какими доводами нельзя было ее убѣдить не задавать маленькимъ письменныхъ задачъ на понедѣльники. Неизмѣнно задавались три задачи, и съ этого нельзя было ее сбить.

Кажется, изъ сослуживицъ никто съ ней не сближался. Это было — несчастнѣйшее существо. Въ послѣдній годъ своего ученія въ 2-й К. гимназіи она была свидѣтельницей убійства ея матери. Гимназическое начальство и весь педагогическій персоналъ приняли въ ней сердечное участіе, и, по окончаніи ея курса въ педагогическомъ классѣ, она была назначена преподавательницей арифметики въ К—* гим. Но чѣмъ-же она отплатила за такое участіе въ ней? Послѣ первыхъ уличныхъ демонстрацій студентовъ, когда одинъ изъ коноводовъ студентовъ попалъ въ тюрьму, О—а занялась собираніемъ денегъ въ гимназіи въ пользу этого студента. Ее хотѣлъ тогда же уволить бывший въ то время попечитель, Л. П. Т. но въ ней опять приняло участіе начальство, и ее оставили. Однако, и это ее не тронуло, и, какъ видно, она принадлежала къ «кружку» революціонеровъ. Какъ велико было ея участіе въ «кружкѣ» — намъ осталось неизвѣстнымъ. Въ страстную среду начальникъ говорилъ мнѣ: «Θ. Θ., ужасно неприятна исторія съ О—й; я предложилъ уволить ее заднимъ числомъ когда она не была еще арестована; т. о. арестована просто О—а, а не учительница Н. гимназіи». И Θ. Θ. согласился на этотъ подлогъ! Когда лѣтомъ Вѣдомство узнало объ этомъ арестѣ отъ Департамента Государственной полиціи и сдѣлало запросъ попечителю К—* гим., Θ. Θ. Т., почему не было сообщено въ канцелярію Вѣдомства объ этомъ арестѣ, то послѣдовалъ отвѣтъ, что арестованная была уволена еще до ея ареста. И для чего это дѣлалось? Чтобы въ глазахъ высшаго начальства облечь себя. Но въ К—* въ гимназіи очень хорошо знали, что О—а была еще учительницей, когда ее арестовали.

Нельзя, однако, не удивляться тому, какъ такой человекъ, какъ Θ. Θ., могъ согласиться на подлогъ. Въ августѣ ген.-губ. М. И. Д., при посѣщеніи имъ городской тюрьмы, узнавъ, что еще не сдѣланъ допросъ арестованнымъ весной, приказалъ ихъ освободить; въ числѣ освобожденныхъ была и О—а. Ее видѣли нѣсколько разъ въ гимназіи. Зачѣмъ приходила она, — мы не знаемъ, но, не прійди къ ней на помощь друзья, которые помогли ей уѣхать за границу и поступить въ Берлинскій уни-

верситетъ, — подлогъ, сдѣланный относительно ея увольненія, могъ открыться. Но счастье не оставляетъ начальника.

9 мая въ К** гимназій положено начало юбилейнымъ торжествамъ въ честь А. С. Пушкина. Праздникъ начался въ младшихъ классахъ (Пригот.—IV кл.), гдѣ уже окончились репетиціи. Торжество началось въ 1 ч. дня. Присутствовалъ весь педагогическій персоналъ и родители тѣхъ ученицъ, которые принимали участіе въ исполненіи литературной части программы.

Торжество открылось рѣчью преподавателя словесности, А., который говорилъ о значеніи поэзіи. Затѣмъ произносились ученицами стихотворенія чествуемаго поэта и хоръ гимназистокъ младшихъ классовъ пропѣлъ нѣсколько кантовъ и въ заключеніе — народный гимнъ. Стихотворенія сопровождались туманными картинами. Всѣмъ присутствовавшимъ розданы были программы торжества съ портретомъ А. С. Пушкина.

22 мая воспитанницы пансіона (избранныя) присутствовали въ театрѣ на юбилейномъ торжествѣ, устроенномъ К—скимъ артистическимъ обществомъ. Въ пансіонѣ присланы были три ложи. Между прочими сказалъ блестящую рѣчь о значеніи А. С. Пушкина преподаватель русскаго языка и словесности въ К** гимн., В. С. Р.

23-го, въ воскресенье, послѣ обѣдни въ гимназической церкви, отслужена была панихида по А. С. Пушкинѣ, на которой присутствовали всѣ воспитанницы пансіона и ученицы старшихъ классовъ гимназій. Передъ панихидой священникъ о. І. Т. сказалъ слово о поэтѣ, какъ человѣкѣ и христіанинѣ.

25-го мая въ К**ой гимназій, послѣ ранней обѣдни въ домово́й церкви, стали готовиться старшіе классы къ юбилейному торжеству. Въ 1 ч. дня всѣ уже были на своихъ мѣстахъ, публики собралось очень много, и, наконецъ, съ прибытіемъ почетной бюстительницы, Е. С. Т., началось торжество. Въ глубинѣ зала, на возвышеніи, стоялъ бюстъ поэта, утопавшій въ зелени. По одну сторону бюста стояли два рояля, вокругъ которыхъ размѣстился хоръ пѣвчихъ пансіона, а впереди ихъ — участницы въ литературной части программы. Торжество открылось рѣчью преподав. В. С. Р., затѣмъ слѣдовали попеременно: стихотворенія поэта, хоровое пѣніе, музыкальныя пьесы, исполненныя воспитанницами пансіона, три стихотворенія, авторами которыхъ были 2 ученицы гимназій и одна воспи-ца І в. пансіона М. Б.

Наконецъ, гимнъ и апофеозъ.

Приводимъ здѣсь лучшее изъ стихотвореній ученицъ.

«Памяти А. С. Пушкина»

М. Б—ой.

«Онъ былъ поэтъ!... Поэтъ какихъ доселѣ
Не знала русская пространная земля;
Его поэзія въ себѣ запечатлѣла
Плоды великаго таланта и огня.

* * *

«Онъ въ ней открылъ такъ просто и такъ живо
Широкій вольный духъ родной своей земли,
Народный міръ, народные картины
И бытность первую народной старины.

* * *

«Въ немъ умъ былъ видѣнъ чистый и высокій,
И мысль глубокая талантливой души,
И взглядъ на жизнь свободный и широкий,
И духъ поэзіи, любви и красоты.

* * *

«И стихъ его торжественный и звучный
О чемъ-то новомъ, дивномъ говоритъ;
Онъ вольной жизни ходъ и строй могучій
Въ одной гармоніи словесной согласилъ.

* * *

«И этотъ стихъ «любезенъ» былъ народу;
Онъ чувства добрыя въ ихъ сердца пробудилъ,
Онъ намъ про свѣтъ, про счастье и свободу говорилъ,
И мракъ жестокости и злобы разгонялъ.

* * *

«Прошло сто лѣтъ, какъ, полный вдохновенья,
Явился въ міръ великій человѣкъ,
Но памяти о немъ изъ сердца поколѣнья
Изъять и погасить не могъ суровый вѣкъ.

* * *

«Онъ живъ, поэтъ! Доколь безсмертна въ мірѣ
Любовь къ прекрасному, свободѣ и красѣ,
И внемлетъ всякъ его священной лирѣ
Съ невольнымъ трепетомъ въ восторженной душѣ.

«То не рокочутъ звуки дивной лиры,
То не гудятъ вечерній, мѣрный звонъ,—
То гласъ поэта будитъ жизни силы,
И сонъ бездѣйствія съ души уноситъ онъ.

* * *

«Вотъ почему онъ въ сердцѣ поколѣнья
Свой памятникъ воздвигъ на много лѣтъ,
И потому всякъ молвить въ умиленіи:
«Въ бессмертной славѣ вѣченъ будь, поэтъ!»

По окончаніи торжества всѣ разошлись по домамъ. Но не прошелъ этотъ день безъ инцидента для пансіонерокъ выпускнаго класса. Еще наканунѣ воспитанницы I класса просили у меня разрѣшенія пригласить къ себѣ на чай двухъ преподавателей, А. и П. Оба члена хоз. комитета пансіона, имѣли свободный доступъ въ пансіонъ и безъ всякаго разрѣшенія, а потому я, конечно, ничего не могла имѣть противъ такого приглашенія ихъ воспитанницами. Разрѣшеніе было дано. Одинъ изъ нихъ П., по собственному почину, привелъ съ собою третьяго, преподавателя словесности Р. Вечеръ былъ прекрасный, и чай былъ приготовленъ въ саду. Я въ этотъ день побѣжала къ знакомымъ, въ пансіонѣ оставались двѣ дежурныя классныя дамы.

Садъ на виду у всѣхъ. Въ 9 часовъ гости ушли, и, вотъ, на слѣдующій день, послѣ обѣдни въ гимназической церкви, подходитъ ко мнѣ начальникъ и спрашиваетъ, что это за безобразіе, учиненное наканунѣ воспитанницами въ пансіонѣ? Сначала я не поняла, въ чемъ дѣло, не видя никакого безобразія въ томъ, что воспитанницы пригласили на чай двухъ преподавателей своихъ, съ моего разрѣшенія, но начальникъ былъ страшно возбужденъ и наговорилъ массу обидныхъ предположеній по адресу воспитанницъ. Онъ былъ, несомнѣнно, недоволенъ тѣмъ, что его не пригласили. По моему совѣту, воспитанницы отправились къ нему вмѣстѣ съ классной дамой объяснить, какъ было дѣло, что онъ никого не желали обидѣть, что приглашенные, какъ члены хозяйств. комитета, къ нимъ ближе другихъ изъ преподавательскаго персонала, и, наконецъ, что все произошло съ моего согласія. Напрасно,—онъ продолжалъ выражать самыя циничныя предположенія на ихъ счетъ. Воспитанницы, конечно, чувствовали себя глубоко оскорбленными. Таковы «педагогическіе приемы» этого начальника для воспитанія юношества.

По окончаніи экзаменовъ, въ засѣданіи хозяйственнаго комитета начальникъ предложилъ рѣшить вопросъ: уничтожить-ли уроки пѣнія въ пансіонѣ и деньги отъ этихъ уроковъ (180 р.) распределить между преподавательницами нѣм. и фран. языковъ, которые не получаютъ полностью поурочную плату, или оставить все попрежнему? Спрашиваютъ мое мнѣніе. «Рѣшать этотъ вопросъ въ томъ или другомъ смыслѣ для меня крайне щекотливо» отвѣчаю я,—«я не могу не сочувствовать справедливымъ претензіямъ учительницъ, но не могу и сочувствовать уничтоженію уроковъ пѣнія въ пансіонѣ: нельзя ли подождать рѣшенія вопроса объ урокахъ пѣнія Вѣдомствомъ?» Такъ и было рѣшено, а такъ какъ я ѣхала въ Петербургъ, то начальникъ просилъ меня сдѣлать надлежащую справку о томъ.

Въ это самое время произошло недоразумѣніе съ французенкой, занимавшейся въ пансіонѣ. Когда нужно было прислать такую, то начальникъ просилъ меня взять на себя этотъ трудъ. Рѣчь была о томъ, чтобы французенка занималась съ каждымъ классомъ нѣсколько часовъ въ недѣлю за вознагражденіе въ 500 р. въ годъ, съ вычетомъ 6% въ пенсіонную кассу. Я спрашивала начальника, какъ будетъ выдаваться вознагражденіе, въ теченіе-ли всего года, какъ всѣмъ служащимъ въ пансіонѣ, или же въ теченіе 9 мѣс. учебнаго года, считая началомъ занятія 1 Сент. и конецъ 1 Іюня. Онъ рѣшилъ, что вознагражденіе должно выдаваться на общемъ основаніи въ теченіе всего года. При этомъ никакой рѣчи не было о занятіяхъ въ каникулярное время и въ праздничные дни. И вдругъ, когда предъ каникулами французенка явилась въ канцелярію за полученіемъ жалованья за лѣтніе мѣсяцы, по примѣру другихъ, получающихъ впередъ за Іюнь и Іюль,—ей объявили, по приказанію начальника, что она жалованья впередъ не получитъ, т. к. она должна заниматься лѣтомъ съ воспитанницами, оставшимися въ пансіонѣ (всего 5 ч.). Возмущенная такимъ неожиданнымъ распоряженіемъ, она отправилась объясниться къ начальнику, но услышала отъ него то же самое. Тогда она обратилась ко мнѣ. Я, конечно, подтвердила ей тѣ условія, на которыхъ она была приглашена мною съ согласія и вѣдома начальника и выдала ей удостовѣреніе въ этомъ. Французенка настаивала на своемъ правѣ и грозила судомъ,—начальникъ упорствовалъ; однако въ концѣ каникулъ выдалъ ей всѣ слѣдующія ей деньги, хотя она лѣтомъ и не занималась. На новыя условія, заниматься каникулами и въ праздничные дни, она не согласилась, и

только, по моему приглашенію, на мой счетъ, она занималась въ теченіе года съ пепиньерками, три раза въ недѣлю.

Собираясь въ Петербургъ, я явилась къ Попечителю гимназіи: «Ну, какъ съ вашимъ назначеніемъ въ И.?» спросилъ Ѳ. Ѳ.— «Я ничего не знаю» — отвѣчала я, — «я знаю объ этомъ только по слухамъ, приходящимъ изъ И; самъ графъ мнѣ ничего не говорилъ». «Нѣтъ это вѣрно» — возразилъ Ѳ. Ѳ.— графъ говорилъ мнѣ, когда былъ здѣсь, это было дѣло рѣшенное». — «Я ѣду теперь въ Петербургъ, узнаю» — отвѣчала я. Поговоривши еще нѣсколько по поводу этого назначенія, Ѳ. Ѳ. сказалъ: «Чрезвычайно пріятно со всѣхъ сторонъ слышать самые лучшіе отзывы о N N. пансіонѣ — теперь и кормятъ хорошо, и всѣ части хорошо поставлены. Необходимо еще обратить вниманіе на франц. языкъ». — «Это требуетъ времени», — отвѣчала я, — «уже теперь замѣтны успѣхи» *).

Пріѣхавъ въ Петербургъ, я на другой же день отпавилась въ канцелярію Вѣдомства. Я знала уже, что начальница И — каго института выѣхала въ Петербургъ, чтобы подать въ отставку. Оказалось, что она уже пріѣхала, и при первой же встрѣчѣ въ канцеляріи, мы познакомились. Она подтвердила свое намѣреніе подать въ отставку. На слѣдующій день мы опять встрѣтились, но тутъ она объявила мнѣ, что она узнала, что аренда, исходатайствованная ей, еще не вошла въ очередь, — а безъ нея она въ отставку не выйдетъ.

Съ графомъ мнѣ не удалось видѣться, онъ выѣхалъ на Кавказъ, — но съ П. М. ф. К. я видѣлась. Я заговорила съ нимъ объ И-скомъ Институтѣ, но П. М. мнѣ замѣтилъ: «Это еще не горитъ». имѣя въ виду, что еще не выяснилось положеніе начальницы, и дѣло о выходѣ ея въ отставку затянется еще на долго. Однако разговоры о моемъ назначеніи пошли и въ петербургской педагогической средѣ, о чемъ я узнала изъ письма одной начальницы. Но вскорѣ затѣмъ вышла отставка И-ской начальницы, и на ея мѣсто назначена была начальница М-ой гимназіи, безъ года недѣлю служившая и ничѣмъ себя не проявившая, но... у нея оказалась покровительница, у этой же связи при дворѣ... Оно иначе и быть не могло: въ начальницы института можно пролѣзть только бочкомъ, держась за «тетенькинъ хвостикъ» или за фалды дяденьки, — у меня же нѣтъ ни тетеньки, ни дяденьки вліятельныхъ, и пролѣзть бочкомъ я не умѣю. Если прямымъ путемъ достать чего нельзя, то ничего не

*) Просимъ читателя замѣтить этотъ отзывъ Ѳ. Ѳ. о N N. пансіонѣ въ концѣ мая 1899 года.

достану. Удивительно еще, что я попала въ К**, вѣроятно, объ этой вакансіи не знали тетенькины и дяденькины племянницы. Хорошо я дѣлала, что упорно опровергала слухи о моемъ назначеніи въ И. Объ этомъ послѣднемъ я въ концѣ концовъ не жалѣла, но, признаюсь, трудно примириться съ тѣмъ, что никакими трудами ничего не добьешься, что вѣчно остаешься на положеніи несовершеннотѣтней, что не имѣешь возможности приложить къ дѣлу всей своей опытности и всѣхъ своихъ способностей, и приходится постоянно вынимать для другихъ каштаны изъ огня, а тѣмъ другимъ — загребать жаръ чужими руками. Тутъ встаетъ остановиться на вѣчно волнующемъ и раздражающемъ вопросѣ о *протекціи*. Мнѣ кажется, въ этомъ вопросѣ слѣдуетъ различать двѣ стороны: *рекомендацію* и *протекцію*. *Безъ рекомендаціи* мы не возьмемъ къ себѣ и прислуги, если мы не желаемъ подвергаться риску, хотя-бы, напримѣръ, быть обворованнымъ, — тѣмъ болѣе мы не можемъ принять на службу государственную или общественную лицо, совершенно намъ неизвѣстное, безъ рекомендаціи лица, заслуживающаго довѣрія, — но только лица намъ *неизвѣстнаго*, дальнѣйшая же судьба его, если мы имѣемъ въ виду исключительно пользу дѣла, а не какія либо другія соображенія, — должно зависѣть исключительно отъ его трудовъ и заслугъ, а не отъ новой рекомендаціи, которая была-бы уже протекціей, ничего общаго съ пользой дѣла не имѣющей. На самомъ же дѣлѣ бываетъ такъ: не *необходимая рекомендація* лица, заслуживающаго довѣрія, а *протекція* лицъ съ извѣстнымъ положеніемъ, вліяніемъ, близостью къ верхамъ. Очень часто протекція оказывается «своему человѣку», который совсѣмъ не годенъ для того мѣста, на которое его рекомендуютъ; но нѣтъ хуже того, какъ если на мѣста избираетъ не начальство, а разные приближенные, о пользѣ дѣла никакого понятія не имѣющія. Мы можемъ мяться съ такимъ положеніемъ дѣла только потому, что такъ ведется это дѣло вездѣ, даже въ свободнѣйшей, демократичнѣйшей странѣ въ мірѣ, въ Америкѣ, не говоря уже о европейскомъ Западѣ. Тамъ *проводятъ* на тепленькія мѣста депутаты своихъ избирателей и ихъ родственниковъ. Но тамъ нѣтъ *блага общаго*, есть только благо *своей партіи*. Въ поѣздки мои за границу я много слышала на мѣстѣ о назначеніяхъ на спеціальныя должности неспеціалистовъ, протекже депутатовъ. Такъ напр., во Флоренціи директоромъ сельско-хоз. школы недавно назначенъ человѣкъ, не имѣющій понятія о сельскомъ хозяйствѣ. Но это, конечно, не доказываетъ невозможности избѣгнуть этого, а только то, что вездѣ люди съ

ихъ мелкими личными интересами преобладаютъ надъ людьми, для которыхъ благо общее стоитъ на первомъ планѣ. Но это не мѣшаетъ намъ желать, чтобы у насъ все болѣе и болѣе распространялась идея общаго блага, и чтобы личный интересъ свой и своихъ людей отступалъ на второй планъ. Для этого, конечно, нужно больше всего любить свою родину, тогда интересы ея и будутъ выше своихъ личныхъ интересовъ; кто любитъ свою родину, тотъ не можетъ продавать ея интересы, и, если онъ стоитъ у власти,—покровительствовать пролазамъ и тянуть за собой *своихъ людей*. А пока, мало еще у насъ любви къ родинѣ, такой любви, которая бы проявлялась не только въ минуту опасности, грозящей родинѣ, а постоянно,—и въ этомъ, несомнѣнно, виновата школа, которая говоритъ о любви къ родинѣ только на урокахъ словесности при разборѣ изв. трактата Карамзина «о любви къ отечеству». Мы, такъ рабски подражающіе Западу, почемуто не хотимъ подражать Германіи, гдѣ школьникъ ежедневно слышитъ призывъ: «Deutschland über Alles!» а предпочитаемъ подражать Франціи, гдѣ жидовство сътыю охватило все и любовь къ родинѣ замѣняется космополитизмомъ. Жидамъ, несомнѣнно, выгоденъ чужой космополитизмъ, но сами они ревниво охраняютъ свою національность. Недавно возникшій «сионизмъ» служитъ тому доказательствомъ. И, вотъ, благодаря этому-то космополитизму «тетенькинъ хвостикъ» играетъ великую роль у насъ и у многихъ другихъ народовъ. Благодаря этому «хвостигу» я не получила и назначенія въ И.

Помимо «тетенькинова хвостика» для полученія мѣста начальницы института играетъ еще роль наружность. Много значить, если претендентка на такое мѣсто «душка». Я вышла также изъ возраста «душекъ»—слѣдовательно,—и тутъ недочетъ. И такъ, остается въ удѣлъ намъ, «не-душамъ» и безъ «тетенькинова хвостика»,—вѣчно лямку тянуть, всунуть въ компромиссы для сохраненія своей шкуры и даже для возможности посильную пользу приносить, и верхомъ блаженства считать отставку съ полной пенсіей. Однако, довольно объ этомъ.

Въ это же лѣто (1899) познакомилась я съ управляющимъ контролемъ Вѣдомства. Милѣйшій, симпатичѣйшій О. О. А. обворожилъ меня. Я познакомила его съ своей дѣятельностью по всемъ хозяйственнымъ частямъ,—разсказала ему, какъ я изучала порціонное дѣло, какъ намучилась съ экономками, поставщиками мяса и поварами, и, наконецъ, посвятила его въ тайну упорядоченія мною гардеробной части, учебниковъ и письменныхъ принадлежностей.

Въ первый годъ я только знакомилась съ этими частями и предоставила дѣла обычному теченію. Въ первый прїездъ графа осенью 1897 г., начальникъ говорилъ съ Н. А. В., (управляющимъ дѣлами канцеляріи Вѣдомства) о крайней необходимости прибавить намъ на бѣлье и гардеробъ, принимая въ соображеніе то, что въ институтахъ верхняя одежда и калоши употребляютъ только на прогулку и потому сохраняются болѣе, чѣмъ у насъ, т. к. наши воспитанницы ходятъ въ гимназію ежедневно, не взирая ни на какую погоду. Н. А. сказалъ, что можно возбудить ходатайство. Я и думала, что ходатайство возбуждено. Годъ цѣлый я ждала, не дѣлая никакого измѣненія въ смѣтѣ по гардеробу и бѣлью, но въ концѣ 1898 г. я поинтересовалась узнать о томъ, въ какомъ положеніи находится вопросъ о прибавкѣ къ суммѣ, отпускаемой на одежду, бѣлье, обувь и т. п. для воспитанницъ, и узнала, что ходатайство и не было возбуждено. Это были только одни разговоры. Тогда, поставивъ крестъ на этомъ, я взяла дѣло въ свои руки, уже изучивши его вдоль и поперекъ. Оказывалось, что въ тѣ годы, когда шьется верхняя одежда—зимнія или осеннія пальто—не шьются платья и приостанавливается пополненіе или возобновленіе бѣлья. Платьевъ полагается три смѣны: праздничная, классная и домашняя; платья шились обыкновенно къ Рождеству. Такимъ образомъ, въ тотъ годъ, когда платья не шились, каждая смѣна должна была служить дважды, и третья смѣна на второй годъ становилась уже совсѣмъ негодной, и вмѣсто трехъ смѣнъ оставалось двѣ. Такъ было и въ годъ моего назначенія въ К**. Исходя изъ того соображенія, что камлотовое платье можетъ и должно служить полный годъ, а не девять мѣсяцевъ (за вычетомъ каникулярнаго времени и Рож. и Пасх. праздниковъ даже менѣе 9 мѣс.),—я приступила къ такому расчету: чтобы платье, сшитое къ Рождеству, проносилося, какъ праздничная смѣна, годъ, оно должно носиться не только до слѣдующаго Рождества, но и до Пасхи слѣдующаго года, слѣдовательно, шить новое платье нужно уже не къ слѣдующему Рождеству, а только къ слѣдующей за тѣмъ Пасхѣ; сшитое къ Пасхѣ платье должно носиться въ качествѣ первой смѣны, до Рождества слѣдующаго года, и т. д. Такимъ образомъ, платья должны носиться попеременно, то къ Рождеству, то къ Пасхѣ, три платья въ четыре года. При этомъ каждое платье будетъ служить полностью годъ, и всегда будутъ на лицо три смѣны. Затѣмъ, я перешла къ верхней одеждѣ: задерживать возобновленіе бѣлья изъ за верхней одежды я считала непрактичнымъ, а потому я остановилась на

необходимости дѣлить шитье верхней одежды на три года. Въ результатѣ получилось: въ слѣдующіе же три года, сверхъ всего того, что обыкновенно шилось, сшито было шесть смѣнъ ночныхъ сорочекъ, которыхъ прежде совсѣмъ не было, число денныхъ сорочекъ съ 8 доведено до 11, заведены три смѣны домашнихъ холстинковыхъ блузъ къ третьей смѣнѣ платьевъ, чего не было прежде; сверхъ обычнаго количества бѣлыхъ передниковъ съ пелеринами и рукавами, сшито: ежегодно одна смѣна черныхъ шерстяныхъ передниковъ для классныхъ занятій (это было разрѣшено Августѣйшей покровительницей, по моему ходатайству), а въ два года—шесть полу-смѣнъ къ этимъ передникамъ, т. е. пелерины и рукава, чего прежде не было. За это же время сшиты новыя осеннія пальто. И такъ, мой расчетъ оказался вѣрнымъ: ни въ чемъ остановки нѣтъ, и мы всегда при деньгахъ. Теперь мы не только не нищія, какъ говорилъ начальникъ, когда я пріѣхала, мы почти богаты. Расходъ на письменныя принадлежности и на учебныя пособія былъ также неупорядоченъ ко времени вступленія моего въ должность: съ 97 года перешелъ значительный долгъ на 98-й годъ, при чемъ оказалось много хламу въ учебникахъ, и не было достаточнаго числа экземпляровъ каждаго учебника. Присмотрѣвшись къ этому дѣлу, я увидѣла, что хозяйскаго глаза тутъ нѣтъ; хозяевъ было много: и классная надзирательница, и начальникъ, и члены хоз. комитета—кому вздумается, тотъ и распоряжается. Я рѣшила, не говоря ни слова, взять это дѣло въ свои руки. Прежде всего нужно было упорядочить расходъ на письменныя принадлежности. Увидѣвшись какъ то съ инспекторомъ Института, я спросила его, какъ ведетъ онъ это дѣло, т. к. эта часть въ Институтахъ находится въ рукахъ инспектора, у насъ же каждой отдѣльною частью—библіотекой, учебниками и письменными принадлежностями завѣдуетъ отдѣльная классная надзирательница. Инспекторъ мнѣ отвѣтилъ: «что требуетъ классная дама, то я и выдаю».—Ну, это меня не удовлетворяетъ! рѣшила я про себя, и затѣмъ поступила такъ: для опредѣленія средняго годового расхода на письменныя принадлежности, я просила каждую классную надзирательницу гимназіи поручить одной изъ ученицъ ея класса, аккуратной, небогатой и прилежной, представить списокъ тетрадямъ, карандашамъ и пр. письменнымъ принадлежностямъ, которыя потребовались въ теченіе года, и, на основаніи этого матеріала, я составила смѣту на слѣдующій годъ: оказалось, что эта часть требуетъ въ среднемъ расходу р. 350, или 3 р. 50 к. на каждую воспитанницу; опре-

дѣливъ такимъ путемъ расходъ на этотъ предметъ, оставалось распределить остальную сумму, отпускаемую Вѣдомствомъ (все-го на всѣ три части по 9 р. на воспитанницу) между учебниками и учебными пособіями и библіотекой. Изъ этихъ двухъ статей первая важнѣе, необходимо опредѣлить сумму потребную на нее: для этого сосчитана была стоимость всѣхъ учебниковъ, предполагая, на каждую воспитанницу по отдѣльному экземпляру каждаго учебника,—дорогія хрестоматіи предполагая по нѣсколь-ко на классъ, словари—по экземпляру на классъ, атласы же на каждую воспитанницу,—стѣнныхъ картъ достаточное количество—получилась сумма въ 1200 р. Исходя изъ того, что каждый учебникъ, при бережномъ обращеніи съ нимъ, (а къ этому воспитанницы должны пріучаться), можетъ хорошо прослужить 4 года,—хрестоматіи, словари и атласы и далѣе, я опредѣлила на учебники и учеб. пособія 300 р. въ годъ и 50 р. на переплеты на старые учебники (раза два въ четыре года возобновляются переплеты). При такой системѣ комплектованія, въ три года эта часть приведена въ отличное состояніе. На библіотеку расходовалось ежегодно 200 руб. Въ 99-мъ г. я только приступила къ новой системѣ комплектованія всѣхъ частей,—слѣдовательно, я могла знакомить управляющаго контролемъ только съ выработкой системы съ ожидаемымъ результатомъ. Считаю нужнымъ здѣсь упомянуть, что о своихъ «системахъ» я ничего не говорила ни начальнику, ни членамъ хоз. комитета: скажи я слово—и все пошло бы прахомъ. Съ большимъ вниманіемъ слушалъ меня О. О. А. и, когда я окончила, онъ сказалъ: «Да, вамъ много пришлось поработать... но»—продолжалъ онъ, улынувшись—«мы, (т. е. контроль), къ сожалѣнію, только судьи, а не учителя... Впрочемъ, трудъ вашъ не пропадетъ».

Да, только судьи! Съ этимъ я давно знакома: всегда только судьи, и никогда дѣятели. Спасибо, однако, О. О. А., и за его доброе слово, дорогъ и такой судья. Хорошо и то, что онъ зналъ, что вся матеріальная часть пансіона требовала упорядоченія, такъ какъ предъ самимъ пріѣздомъ моимъ въ К** окончена была ревизія всего хозяйства пансіона самимъ управляющимъ контролемъ.

Передъ отъѣздомъ моимъ изъ Петербурга, я справилась также относительно опредѣленія суммы на уроки пѣнія въ пансіонѣ, и мнѣ сказали, что наше ходатайство поступило въ общую комиссію для пересмотра программы пѣнія во всѣхъ учеб. заведеніяхъ Вѣдомства, слѣдовательно, отвѣта долго придетъ.

ся ждать. Но не успѣла я возвратиться въ К**, скоро по полученіи мною этой справки, какъ пришелъ ко мнѣ начальникъ съ бумагой въ рукахъ и прочелъ мнѣ отношеніе учебнаго комитета, сообщавшаго, что учебнымъ комитетомъ признано, что женскія гимназіи имѣютъ достаточно уроковъ пѣнія (съ V кл. по одному уроку въ недѣлю), а потому излишни отдѣльные уроки въ пансіонѣ. Это отношеніе учеб. комитета начальникъ прочелъ мнѣ, не давая мнѣ въ руки бумаги. Крайне неприятно было для меня это извѣстіе. «А если на мой счетъ будетъ обучаться хоръ?» спросила я. — «Неудобно, т. к. учебный комитетъ находитъ уроки пѣнія въ пансіонѣ излишними». — «А если будутъ обучаться солистки?» продолжала я. — «Это возможно, какъ частные уроки». — И я рѣшила на свой счетъ обучать солистокъ и, когда преподавательница пѣнія въ первый разъ пришла въ пансіонъ и зашла ко мнѣ, я объявила ей рѣшеніе учебнаго комитета и предложила ей давать уроки солисткамъ. Избраны были четыре воспитанницы, изъ пепиньерокъ двѣ и изъ I кл. двѣ, и мы условились въ 200-хъ р. за два часа въ недѣлю. Г-жа П. М. просила меня освободить солистокъ отъ хорового пѣнія по кр. мѣрѣ на три мѣсяца, пока голоса не будутъ поставлены. Какъ извѣстно, это обычное требованіе, предъявляемое преподавателями пѣнія солистамъ. Я обратилась за согласіемъ на это къ начальнику, и онъ отвѣтилъ: «Да, конечно». Но въ первую же субботу передъ всенощной, преподаватель церковнаго пѣнія человекъ крайне строптивый и упрямый, на мое заявленіе о временномъ освобожденіи четырехъ воспитанницъ отъ участія въ хорѣ, т. к. онѣ обучаются сольному пѣнію, рѣзко отвѣтилъ, что въ такомъ случаѣ хоръ совсѣмъ не будетъ пѣть, и, дѣйствительно, во всю всенощную хоръ промолчалъ. На вопросъ начальника: «что это значитъ?» я объяснила ему въ чемъ дѣло, и просила его поддержки. Выходка преподавателя пѣнія не могла, конечно, никому понравиться, и т. к. онъ не уступалъ, то вынужденъ былъ оставить свои уроки въ гимназій. На его мѣсто назначенъ былъ совершенный юнецъ, совершенно неопытный въ дѣлѣ обученія хора пѣнію, — ученицы, конечно, смѣялись надъ нимъ, и дѣло не двигалось съ мѣста. У прежняго преподавателя сверхъ двухъ уроковъ церковнаго пѣнія были двѣ спѣвки: одна передъ всенощной, другая — передъ обѣдней. Этотъ же новый преподаватель (родственникъ начальника) являлся нѣсколько разъ въ недѣлю въ пансіонъ, яко-бы на спѣвки. Однажды я выразила начальнику свое удивленіе по поводу такого рвенія молодого преподавателя. «Да, вѣдь, онъ это дѣлаетъ не даромъ, — онъ полу-

чаетъ за это»... отвѣчалъ онъ. Но т. к. платы за «спѣвки» не полагается, то значитъ, опять введены уроки пѣнія въ пансіонѣ. Куда же дѣвалось распоряженіе учебнаго комитета объ отменѣ уроковъ пѣнія въ пансіонѣ? На повѣрку выходитъ только то, что опытная и искусная преподавательница замѣнена неучемъ. Цѣлый годъ промучились мы съ нимъ безъ толку, пока его не замѣнили другимъ, болѣе опытнымъ. Этотъ новый оказался очень капризнымъ, но при немъ уже не было «спѣвокъ» въ пансіонѣ, а форменные уроки. Но что же случилось съ отношеніемъ учеб. комитета? Ужъ не прочелъ-ли мнѣ начальникъ свою «импровизацію» какъ отношеніе учеб. комитета? Справиться объ этомъ въ нашей канцеляріи — было неудобно, — въ Вѣдомствѣ — безцѣльно, т. к. не могла же я его обличить? Вышла бы странная исторія, въ которой, конечно, пострадала бы я, а начальникъ вышелъ бы сухимъ изъ воды.

Теперь время познакомить читателя съ внутренней жизнью пансіона. *)

Обычныя прогулки по улицамъ города поздней осенью и зимой, (дѣти очень любятъ «улицу») и въ теплую погоду пребываніе въ пансіонскомъ саду, въ свободное отъ занятій время, — музыка (уроки и упражненія), французскій языкъ (три часа въ недѣлю на каждый классъ), шитье бѣлья, а съ 6—8 ч. приготовленіе уроковъ — вотъ что наполняетъ въ будни время воспитанницъ отъ возвращенія ихъ изъ гимназій. Время прогулки определено отъ 3 до 4¹/₄ ч., для чего воспитанницы дѣлятся на 2 группы, каждая изъ нихъ гуляетъ около 40 м., не считая получаса, употребляемаго на хожденіе въ гимназію и возвращеніе изъ гимназій. Разстояніе отъ пансіона до гимназій можно пройти меньше чѣмъ въ 10 м., но воспитанницы пансіона «плывутъ», а не ходятъ, почему и употребляютъ на этотъ переходъ не менѣе ¹/₄ часа. Пока одна группа гуляетъ, воспитанницы другой группы занимаются — кто музыкой, кто франц. языкомъ, кто шитьемъ или чтеніемъ. Въ это же время происходитъ примѣрка всякой одежды и раздача книгъ изъ библіотеки пансіона — и все это должно дѣлаться такъ, чтобы одному другому не мѣшало. Въ 4¹/₄ ч. — обѣдь (изъ 3 блюдъ), продол-

*) Это, конечно, относится къ времени моего начальствованія съ 1897—1904 г. г. Каждая начальница ведетъ дѣло по своему, смотря потому, въ чемъ она полагаетъ задачу воспитанія, бываютъ и такія, которыя считаютъ, что юношеству нужно дѣлать полдня между отдыхомъ и танцами, и при такой начальницѣ дѣти то отдыхаютъ, то танцуютъ.

жающийся до 5 ч. съ небольшимъ. За каждымъ столомъ дежурная воспитанница разливать супъ и накладываетъ кушанья на тарелки. Послѣ обѣда до 6-и ч.—однѣ гуляютъ по корридорю или залу, другія заняты франц. языкомъ или музыкой, нѣкоторые—чтеніемъ. Съ 6-ти часовъ начинаются занятія по приготовленію уроковъ подъ руководствомъ 2-хъ классныхъ дамъ и пепиньерокъ; послѣднія распределяются—по энергіи—между 4-ми классами отъ VII до IV включительно; если классъ многочисленный, то лучшимъ воспитанницамъ поручается 1—2 изъ болѣе слабыхъ подругъ, и онѣ вмѣстѣ готовятъ уроки. Приготовительный классъ и III кл. берутъ себѣ классныя дамы. Два старшіе класса готовятъ уроки самостоятельно и обращаются за помощью къ класснымъ дамамъ, или ко мнѣ въ затруднительныхъ случаяхъ, при переводахъ на иностран. языки. Воспитанницы, справляющіяся съ уроками ранѣе 8 ч., принимаются за чтеніе. Все это время не прерываются занятія музыкой (уроки и упражненія).

Одно время, для облегченія занятій по приготовленію уроковъ, мною было сдѣлано распоряженіе, чтобы группы воспитанницъ, порученныхъ пепиньеркамъ, занимались въ столовой, единственномъ помѣщеніи, служащемъ намъ подспорьемъ при нашей скученности; эти занятія происходили подъ моимъ наблюденіемъ, но не долго пользовались мы столовой для этой цѣли; начальникъ призналъ, что за 1½ часа занятій въ столовой, расходуется слишкомъ много электрическаго освѣщенія, даже при неполномъ освѣщеніи.

Въ 7 часовъ веч. ежедневно является врачъ для осмотра всѣхъ пуждающихся въ этомъ. Въ 8 ч. чай; но тутъ приходится, обыкновенно, долго ждать, пока водворится тишина «въ нарахъ». Если случится, что въ это время я поднимаюсь по лѣстницѣ и меня замѣтятъ воспитанницы, то немедленно шопотъ «Ел. Ив.» пробѣгаетъ по парамъ, и тишина водворяется моментально. Въ столовой, за чаемъ и обѣдомъ, шумъ поднимается невообразимый, каждой непременно нужно кричать во все горло, даже при разговорѣ съ сосѣдкой; много труда требуется отъ классныхъ дамъ, чтобы добиться того, чтобы воспитанницы разговаривали между собой, не надрывая горла. Послѣ чая и общей молитвы въ залѣ, воспитанницы расходятся по спальнямъ. Трѣмъ старшимъ классамъ разрѣшается сидѣть до 10 часовъ въ одномъ изъ классныхъ помѣщеній для приготовленія уроковъ и для чтенія. Передъ тѣмъ, какъ ложиться спать, всѣ воспитанницы умываются.

Раздѣванье, умыванье, одѣванье утромъ происходитъ подъ наблюденіемъ «спальной» дамы, на обязанности которой лежить и наблюденіе за тѣмъ, какъ воспитанницы спятъ, и чтобы каминъ въ большой спальнѣ (на 45 кроватей) затапливался въ 11 ч. ночи и передъ вставаньемъ. Она же наблюдаетъ за тѣмъ, чтобы въ спальняхъ была нормальная температура. Если спальная дама добросовѣстно исполняетъ свои обязанности и «видитъ все»,—то ее обыкновенно не любятъ воспитанницы,—чтобы быть въ этой должности любимой ими, нужно халатно относиться къ дѣлу, ничего не видѣть и покрывать всѣ шалости. Въ 12 ч. ночи спальная дама имѣетъ право ложиться,—спитъ она въ большой спальнѣ,—встать же она должна не позже 6-и часовъ. Пепиньерки послѣ общей молитвы уходятъ къ себѣ и должны ложиться не позже 11 ч.; снять онѣ вмѣстѣ съ воспитанницами младшихъ классовъ. Всѣ встаютъ по звонку въ 6½ ч., въ праздники же въ 7 ч.; нѣкоторымъ слабымъ, съ острымъ малокровіемъ, разрѣшалось спать дольше,—такія снять обыкновенно въ лазаретъ, если есть свободныя мѣста. Одно время у меня было предположеніе, выдѣливъ самыхъ слабыхъ физически, отвести имъ маленькую спальню на 12 кроватей, но изъ этого ничего не вышло: выбранныя воспитанницы сама того не пожелали, поднявъ такой вопль, что ихъ лишаютъ удовольствія спать вмѣстѣ съ подругами своего класса,—невозможно было убѣдить въ пользѣ этого,—пришлось отказаться отъ такого намѣренія. Вообще надо сказать, что чрезвычайно трудно устроить что-нибудь на пользу здоровья ученицъ,—или сами онѣ противятся этому, или помѣха является со стороны. Будь я полная хозяйка въ пансіонѣ, думаю, что и бы всего достигла. Такъ задумала я ввести, вмѣсто утренняго чая, жженый кофе съ кипиченымъ молокомъ,—полгода пила, ничего не говоря, но, вотъ кому то изъ старшихъ воспитанницъ надоѣло, и, въ силу стадного чувства, оказалось, что надоѣло всѣмъ. Пришлось отмѣнить кофе. А, несомнѣнно, жженый кофе очень цитателенъ; при томъ же всегда наблюдалось за тѣмъ, чтобы молоко подавалось горькимъ. Замѣтивъ, что мясо въ супѣ остается нетронутымъ, только немногія изъ старшихъ отрѣжутъ 2—3 куса и съѣдятъ съ горчицей, я предложила подавать это мясо холоднымъ къ вечернему чаю. Чего-же лучше? Съѣсть съ булкой кусокъ холоднаго мяса—это прекрасно; подаютъ его и въ достаточныхъ доляхъ на ужинъ или къ чаю. Не такъ разсуждаютъ воспитанницы казенныхъ учебныхъ заведеній, въ особенности тѣ изъ нихъ, которымъ дома подѣ—часъ и ѣсть нечего,—въ этомъ случаѣ

слово «фи!» сказанное одною, заражаетъ всѣхъ стаднымъ чувствомъ. Въ первый разъ поданное холодное мясо къ чаю было съѣдено все до-чиста, а со второго раза пошли разговоры среди старшихъ, которые привыкли съѣдать куска 2—3 съ горчицей послѣ супа—и стадное чувство восторжествовало: все мясо, чудное мясо, нарязанное на ровныя порціи—возвращалось нетронутымъ. Конечно, это доказываетъ, несомнѣнно, что онѣ не голодны. Послѣ этого, придумывайте что нибудь для ихъ здоровья! Эти помѣхи являлись со стороны самихъ воспитанницъ, но вотъ и образчикъ помѣхи со стороны.

Садъ при пансіонѣ—довольно обширный по числу воспитанницъ, и весной и осенью представляетъ много удобствъ для гулянья и игръ. Въ виду того, что движеніе на воздухѣ особенно полезно дѣтямъ и юношеству, я предложила воспитанницамъ, осенью, когда листва уже опала и дворниками собрана въ кучи,—располагать эти кучи по аллеямъ, въ извѣстномъ разстояніи другъ отъ друга, и устроить скачку черезъ эти кучки листвы. Дѣтямъ это очень полюбилось, и, несомнѣнно, было полезно для ихъ здоровья. Я обыкновенно при этомъ присутствовала. Но, увы! начальникъ, узнавъ объ этой «скачкѣ», нашелъ, что *прыгать нужно по строго определеннымъ правиламъ подъ руководствомъ специалиста*, и скачка черезъ кучки листвы была отменена. Такъ-то постепенно отваживали меня отъ всякой думы о здоровьи воспитанницъ. Приходилось идти по проторенной дорожкѣ. Спасибо еще, что я не встрѣтила помѣхи въ веденіи длинныхъ ночныхъ сорочекъ и блузокъ для домашняго обихода.

По моему предложенію, преподаватель словесности,—онъ же членъ хозяйств. комитета, г. А., съ осени 1898 г. завелъ въ пансіонѣ воскресныя литературныя бесѣды съ старшимъ классомъ. Цѣль этихъ бесѣдъ—общее развитіе воспитанницъ; вмѣстѣ съ тѣмъ преподаватель задался мыслью, научить воспитанницъ сознательному, толковому чтенію литературныхъ произведеній отечественной словесности. Повидимому, воспитанницы съ радостью встрѣтили это нововведеніе. Я присутствовала на всѣхъ этихъ бесѣдахъ. Для начала избранъ былъ «Обломовъ» Гончарова; преподаватель задавалъ воспитанницамъ прочесть за недѣлю извѣстную часть романа, а въ слѣдующее за тѣмъ воскресенье шла бесѣда о прочитанномъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ болѣе увлекали эти бесѣды воспитанницъ. Къ Рождеству «Обломовъ» былъ разобранъ. Г. А. зашелъ ко мнѣ и спросилъ меня, не имѣю-ли я чего противъ подобнаго же разбора произведенія Тургенева «Отцы

и дѣти?» На это я ему отвѣтила, что разрѣшеніе или запрещеніе чтенія романа «Отцы и дѣти» зависитъ всецѣло отъ того, какія идеи захочетъ проводить руководитель чтенія. Я, лично, противъ всякой натяжки въ разборѣ литературнаго произведенія, но и «правда» бываетъ *всякая* и *всячески* высказывается. Правильно освѣщенные «Отцы и дѣти» могутъ принести большую пользу воспитанницамъ, оградивъ ихъ отъ ложнаго пониманія типовъ. Узнавъ отъ Г. А. его взглядъ на эти типы, я нашла, что, кромѣ пользы отъ бесѣдъ объ «Отцахъ и дѣтяхъ» — воспитанницы ничего не вынесутъ. Бесѣды должны были возобновиться послѣ Рождественскихъ каникулъ, но почему-то онѣ не возобновились. Можетъ быть ключъ къ этому найдемъ въ слѣдующемъ: Въ 1899—1900 учебномъ году, другой преподаватель словесности, г. Р. завелъ такія же классныя бесѣды въ I кл. гимназіи. Однажды классная надзирательница этого класса говоритъ мнѣ: «что бы вамъ Е. И., зайти къ намъ на одну изъ такихъ бесѣдъ,—онѣ бываютъ по четвергамъ». —Хорошо!—отвѣтила я и въ первый же четвергъ пришла на бесѣду. Мнѣ очень понравилась она. И дернуло-же классную надзирательницу, приглашая начальника посѣтить классъ ея въ часъ бесѣды, сказать: «Е. И.-ѣ бесѣда очень понравилась». И чтоже? Бесѣды были прекращены—потому, какъ видно, что онѣ *мнѣ* понравились. Съ того времени, когда мнѣ что нравилось, я всегда предупреждала, чтобы не говорили начальнику, что мнѣ понравилось то или другое. Польза дѣла требовала такого умолчанія.

Удовольствія, которыми пользовались воспитанницы были слѣдующія: по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, кто хотѣлъ танцевалъ; содержатели театровъ присылали въ праздничные дни логи въ драматическій театръ или оперу. Е. С. Т. также баловала воспитанницъ присылая имъ свою ложу въ оперу. Сами воспитанницы брали иногда логи на свой счетъ. Театромъ пользовались только три старшіе класса, иногда и IV. Подъ праздникъ, послѣ всенощной, я безусловно недопускала посѣщенія театра, не считая педагогичнымъ подрывать авторитетъ Церкви. Вообще же, я была противъ всякихъ развлеченій въ будни, чтобы не развлекаться отъ занятій,—довольно развлеченія и въ праздникъ. Надо сознаться, что у насъ слишкомъ легкомысленно относятся къ посѣщенію театра дѣтьми; иная мать тащитъ своего ребенка въ театръ, потому что ей не на кого оставить его дома, и ребенокъ сидитъ въ театрѣ до 12 и долѣе часовъ ночи, а матери и въ голову не приходитъ, что,

если не на кого оставить ребенка дома, то она должна сама остаться дома. И на какія пьесы ведутъ дѣтей! «Власть тьмы», «Ванюшины дѣти» — на все тащутъ дѣтей и подростковъ истинныя глупыя матери. Онѣ, молъ, «развиваютъ» дѣтей своихъ, а, въ дѣйствительности, развращаютъ.

Случилось мнѣ быть въ прошломъ году на Рожд. праздникахъ въ Бернѣ моравскомъ (Брюннѣ) и посѣтить театръ, разъ — драматическій и разъ — оперу. И чтоже? Я не замѣтила ни одной дѣтской головки. Были въ театрѣ только взрослые, — а театръ въ городахъ Запада кончается къ 10 часамъ веч. Драматическая пьеса была преглупая, и на такую-то пьесу наши умныя маменьки и привели бы своихъ дѣтокъ. Надо правду сказать, что и между воспитателями и воспитательницами встрѣчаются такія же разумныя головы.

На масленой воспитанницы сами устраивали театръ; тогда, по какому нибудь особенному случаю, устраивался вечеръ въ пансіонѣ, танцевальный или музыкальный, передъ выпускномъ окончившихъ курсъ бывалъ вечеръ для выпускныхъ, на который собирались служащіе въ пансіонѣ и гимназіи; устраивалась прогулка на пароходѣ для VIII и I кл. Въ теченіе года бывали научныя экскурсіи старшихъ ученицъ гимназіи по городу, по церквамъ, заводамъ, лабораторіямъ; ходили на художественныя выставки; въ гимназіи устраивались иногда музыкально-вокально-литературныя утра; бывали концерты пріѣзжихъ артистовъ, — лекціи общественныя, словомъ, — для юношества нашего было довольно здоровыхъ развлеченій.

Взысканія практиковались въ пансіонѣ такія: незнавшія урока и получившія плохую отмѣтку должны были въ праздникъ выучить уроки, которые не знали на недѣлѣ, и лишались театра (старшія); за дерзость сбавлялся баллъ за поведеніе по опредѣленію конференціи и лишали удовольствія; строптивыхъ и призывала къ себѣ и увѣщавала ихъ: нѣкоторые поддавались увѣщанію, другія — нѣтъ, это такія, для которыхъ всегда всѣ другіе виноваты, только не онѣ. Была одна такая, весьма неглупая дѣвушка, съ которой класснымъ дамамъ приходилось много возиться. Призоветъ ее къ себѣ, начнетъ расспрашивать ее, — а она такимъ сладкимъ голосомъ рассказываетъ — и никогда, по ея словамъ, не оказывается виноватой. Чрезмѣрная и несвоевременная шутливость и громкіе разговоры на улицѣ, не прекращавшіеся ни по какимъ увѣщаніямъ — наказывались или лишеніемъ пріема, или въ сезонъ театровъ — лишеніемъ послѣднихъ. Опоздавшія изъ отпуска и не представившія письма

родителей съ объясненіемъ причины опозданія — задерживались на такое же время въ слѣдующій отпускъ. Была одна такая, которая постоянно опаздывала и всегда наперстывала то, что было у нея сокращено, такъ что, наконецъ, пришлось ее лишить отпуска на всѣ праздники. Это та самая, папенька которой сговорился съ дочкой письменно, какъ насъ провести. Было много возни съ прическами. Взбить коки и сдѣлать себя на 10 лѣтъ старше на видъ — это самое любезное дѣло. Сначала всѣ, у кого только волосы были достаточно длинные, заплетали ихъ въ косу и укладывали на головѣ; но тогда оказалось, что у многихъ голова болитъ, если коса уложена на головѣ, — коса у нихъ должна была висѣть на спинѣ; но вотъ я сдѣлала распоряженіе, чтобы у всѣхъ косы висѣли, — тогда старшія пришли просить, чтобы имъ разрѣшено было укладывать косу на головѣ, — оказывалось, что ни у кого голова не болитъ. Вотъ идетъ съ взбитымъ кокомъ, — заставишь ее перечесть; смотришь нѣсколько времени спустя опять взбиты коки. Особенно это практиковалось въ пріемъ: нужно же было явиться передъ «кавалерами» (гимназистами, кадетами, студентами) во всей красѣ (часто воображаемой *). Можетъ быть кое-кто и скажетъ, читая эти строки: «и зачѣмъ мѣшать этому? это позволительное кокетство». На это отвѣтъ одинъ: воспитывая юношество, нужно развивать въ немъ скромность, и на школьной скамьѣ не давать воли хотя-бы и «позволительному» кокетству. Отъ позволительного, но преждевременнаго кокетства немного шаговъ къ непозволительному. Какъ то недавно довелось мнѣ прочесть очень разумную статью одного врача, о томъ, какъ у мальчиковъ кокетство начинается съ прямого прибора и кончается развратомъ.

Думаю, что и тѣ мѣры, къ которымъ приходилось прибѣгать, какъ къ взысканіямъ, были бы въ концѣ концовъ излишни, если бы не постоянный подрывъ авторитета клас. дамъ. Нѣкоторые родители, знакомые съ начальникомъ, забѣгаютъ къ нему, и тутъ-то онъ возстановляетъ ихъ противъ «порядковъ» въ пансіонѣ, противъ имъ сочиняемаго «формализма», противъ всякихъ взысканій. Разговоры эти передаются родителями дѣтямъ. Иногда такъ и слышатся въ рѣчахъ родителей излюбленные рѣчи начальника. Результатомъ такихъ рѣчей — неповиновеніе. Или, напримѣръ, приходитъ онъ въ пансіонъ къ обѣду или вечерне-

*) Еще считается «шикомъ» у воспитанницъ подкладывать подъ самый подбородокъ воротъ пелеринки, какъ имъ не объясненъ вредъ отъ стянутого горла. Ничего не подѣлаешь!

му чаю,—видить, воспитанницы стоятъ въ парахъ; «Что значить эта «стойка?» спрашиваетъ. Милое выраженіе! Самъ онъ не стѣсняется ругать воспитанницъ и ученицъ гимназій,—такъ, однажды, назвалъ онъ ученицъ I го класса «плюхами» (это было въ 1899—1900 учеб. году), классъ этотъ былъ мнѣ особенно симпатиченъ,—мы же, если только серьезно поговоримъ съ воспитанницами, выразимъ свое негодование по поводу какого нибудь, некрасиваго поступка, не употребивъ при этомъ ни одного оскорбительнаго слова,—мы совершаемъ преступленіе. Я говорила всегда кратко съ воспитанницами пансіона и ученицами гимназій,—онъ—нескончаемыя, часто непонятныя дѣтскими рѣчи. А какъ сходятся рѣчи его съ дѣломъ доказываетъ слѣдующій эпизодъ: любитъ онъ на урокъ педагогики, или просто въ обращеніи къ ученицамъ педагогическаго класса упираться на то, что нужно нѣжно обращаться съ дѣтьми, каждое слово взвѣшивать,—и вотъ, послѣ одной такой рѣчи, является онъ однажды въ практическій классъ, въ которомъ педагогички занимались съ дѣтьми, набранными съ улицы, мальчиками и дѣвочками. Входитъ въ классъ и видитъ мальчика, который бѣзаетъ по лавкѣ. Онъ схватываетъ его не то за ухо, не то за шыворотъ и выбрасываетъ за дверь, сопровождая это движеніе чисто русскими выраженіями. И вотъ, когда на слѣдующій день онъ зашелъ въ педагогическій классъ, одна ученица изъ первыхъ Р. (нынѣ уже покойная), подойдя къ нему, сказала дрожащимъ отъ волненія голосомъ: «Д. А.! Считаю долгомъ Вамъ сказать, что вчерашняя сцена въ практическомъ классѣ произвела на насъ удручающее впечатлѣніе». Онъ былъ внѣ себя. «Что онѣ вздумали меня учить?»—говорилъ онъ мнѣ потомъ. Да, учить, если никто другой, кому это подобаетъ, не учить его. А вотъ и другой случай. Однажды въ хозяйственномъ комитетѣ, за разговорами, одинъ изъ членовъ, преподаватель Р., нынѣ умершій, рассказалъ, что ежедневно, утромъ направляясь въ трамвай къ гимназій, онъ замѣчаетъ ученицу Г., ходящую взадъ и впередъ въ одномъ и томъ же мѣстѣ, и однажды увидѣлъ, что къ ней навстрѣчу вышелъ молодой человѣкъ, сынъ хозяина магазина. На другое же утро начальникъ отправился къ родителямъ Г. и въ тотъ же день въ гимназій узнали, что Г. отравилась, только, къ счастью, была спасена. Что произошло между родителями молодой дѣвушки и начальникомъ—не знаемъ, но прошелъ слухъ, что онъ выразился родителямъ на счетъ ихъ дочери *по своему*, дѣвушка же подслушала разговоръ и была глубоко оскорблена, оскорблены были и родители,—но, во избѣжаніе скандала,

промолчали. Г. осталась въ гимназій и прекрасно окончила курсъ.

Мой день проходитъ такъ: еще до ухода моего утромъ въ гимназій, ко мнѣ являлись то экономка со счетами, которые я должна была подписать, или съ просьбой написать требованіе къ поставщику тому или другому,—то гардеробная дама за какимъ нибудь разъясненіемъ, то лазаретная дама съ докладомъ о серьезномъ заболѣваніи какой нибудь воспитанницы,—то спальная дама съ какимъ нибудь докладомъ,—послѣ чего я шла въ гимназій. Первые годы я ходила по урокамъ, но впоследствии начальникъ возложилъ на меня *свою* обязанность принимать отъ классныхъ надзирательницъ деньги за право ученія, и такъ какъ у насъ разрѣшалось недостаточнымъ родителямъ вносить плату въ разсрочку (этимъ правомъ пользовались и богатые евреи), то взносъ платы происходилъ почти ежедневно, что мѣшало мнѣ ходить по урокамъ. Да, впрочемъ, это было почти лишнимъ. Я уже была знакома съ преподаваніемъ каждаго преподавателя и преподавательницы; если же, бывало, скажешь начальнику: «Вы-бы зашли на урокъ такого-то!»—«Ну его! я боюсь его»—отвѣтитъ начальникъ. И идетъ только на особенно интересный урокъ или по просьбѣ какой-нибудь учительницы. Нѣкоторые преподаватели такъ прямо не любятъ, чтобы ихъ уроки посѣщало начальство.

Каждую перемену я проводила на площадкѣ (между заломъ и корридормъ) въ верхнемъ этажѣ, среди классныхъ надзирательницъ и учительницъ; въ двухъ шагахъ, въ открытую дверь въ залъ, видно, какъ гуляютъ и бѣгаютъ ученицы; иногда постоншь въ дверяхъ залы, или пройдемся по корридору среди ученицъ. И залъ, и корридоръ биткомъ набиты. Въ корридорѣ воздухъ невозможный, не смотря на электрическій вентиляторъ, устроенный недавно больше на показъ гостямъ. Однажды я приказала старшему сторожу открывать вентиляторъ въ каждую перемену; прихожу на слѣдующій день въ гимназій, иду по корридору и, остановившись подъ вентиляторомъ, смотрю на него. Слышу позади голосъ: «Запертъ, запертъ!» Это говорила одна клас. надзирательница. «Какъ запертъ?» спрашиваю.—«Да такъ, запертъ». Проходитъ старшій сторожъ. «Платонъ! Почему вентиляторъ запертъ?»—«Начальникъ приказалъ».—Очевидно, вентиляторъ устроенъ не для вентиляціи. Объясняетъ это начальникъ тѣмъ, что денегъ не отпускаютъ намъ на этотъ предметъ. А почему не отпускаютъ? Да потому, что не требуютъ. Прежде вентиляторъ не было, и расходъ на него въ смѣту не входилъ; устроенъ

вентиляторъ, требующій расхода, а смѣта остается та-же. Конечно, я этому не сочувствовала и при случаѣ высказывала свое мнѣніе.

Въ большую перемѣну всѣ завтракають, а кто и чай пьеть. Въ послѣдніе годы заведенъ самоваръ въ нижнемъ залѣ, и кто хочетъ, можетъ получить кружку чаю съ сахаромъ за 2 коп., тутъ же и буфетъ съ тартинками, фруктами и молокомъ. Въ моей комнатѣ, въ верхнемъ этажѣ завтракають и пьютъ чай за самоваромъ нѣкоторыя клас. надзирательницы и преподавательницы, и я съ ними. И тутъ, за самоваромъ идетъ (такъ было при мнѣ) оживленная бесѣда—или о событіяхъ въ гимназій, или о городскихъ и иныхъ событіяхъ,—часто я читала вслухъ какую нибудь интересную газетную статью, вызывавшую потомъ обильнѣе мыслей или споръ. Чудныя были эти бесѣды за самоваромъ! Внизу въ учительской пьеть чай и завтракаетъ остальной педагогическій персоналъ; тамъ стоитъ дымъ столбомъ отъ папирсъ,—у меня никто не курить, и воздухъ всегда былъ чистъ, что и было обязательно, такъ какъ въ эту комнату приводятъ ученицъ, съ которыми бываетъ дурно, и онѣ тутъ отдыхаютъ—на кушеткѣ.—Въ теченіе учебнаго дня не одна, такъ другая класная надзирательница заходитъ ко мнѣ побесѣдовать объ ученицахъ, посоветоваться со мной. Иногда я собирала всѣхъ класныхъ надзирательницъ, чтобы выслушать мнѣніе каждой по какому нибудь серіозному вопросу, что было необходимо, такъ какъ на общихъ педагогическихъ конференціяхъ рѣдко предоставляли слово класной надзирательницѣ. Окрикъ: «Да замолчите-ли вы?», или какое другое замѣчаніе останавливало разсужденія ея.

Приходили просители,—спустись въ внизъ, выслушаешь, и часто оказывается, что просьба до меня не касается; приходили родители, шли по вызову для объясненія, шли сами по себѣ; иногда зайдетъ начальникъ поговорить, чаще всего о сплетняхъ о гимназій или пансіонѣ. Такъ проходитъ мой день въ гимназій. Къ тремъ часамъ я была дома, въ пансіонѣ. Иногда поднимаешься на верхъ, заглянешь въ спальни все ли въ порядкѣ и нѣтъ-ли тамъ воспитанницъ, что имъ запрещается,—пройдешься по класнымъ помѣщеніямъ, вернешься внизъ, пройдеши въ лазаретъ, а затѣмъ начинается докладъ швейцара: «Такой-то, или такая то желаютъ видѣть васъ». И приходятъ то иногородные родители, то просители, то за справками, то музыкальныя дамы и пр. пр. Иногда приляжешь отдохнуть, но не до отдыха—десять разъ поднимутъ,—пообщаешь, опять тоже. Первыхъ 5 лѣтъ я поднима-

хась въ 6 ч. на верхъ и помогала въ занятіяхъ ученицамъ до 8 час. На 6-омъ году я брала къ себѣ внизъ одну болгарку, которой было очень трудно учиться, и занималась съ нею; когда же нужна была моя помощь старшимъ воспитанницамъ, онѣ приходили ко мнѣ: и тутъ то опять поминутно является швейцаръ съ докладомъ: «Воспитанницы такого-то класса желаютъ видѣть васъ». Однѣ являлись съ просьбой помочь имъ въ переводѣ, другія—съ какой либо другой просьбой, чаще всего съ просьбой разрѣшить взять ложу въ театръ. Въ перемѣжку съ этимъ, когда шились платья воспитанницамъ, швея приводила ихъ ко мнѣ партіями, платье каждой я осматривала и затѣмъ надписывала свою фамилію на подкладкѣ, въ знакъ того, что платье мною осмотрѣно. А тамъ, за дверью, въ залѣ, раздаются звуки фортепіана или скрипки (одна воспитанница брала уроки на скрипкѣ), или пѣнія,—звуки всякіе—и гармоничные и не гармоничные,—и это—не день, не два въ недѣлю, а изо дня въ день, съ 3 до 8 ч. веч., а иногда и позже, и въ будни, и въ праздникъ. И были же такіе, которые осуждали меня за то, что я бѣжала на отдыхъ въ Рождественскіе и Пасхальные каникулы! Хорошо говорить тѣмъ, которые имѣютъ отдыхъ ежедневно, или черезъ день,—а развѣ можно выносить такую жизнь безъ передышки въ теченіе 9 мѣсяцевъ? Вѣдь только я одна изъ 60 чел. служащихъ въ гимназій и пансіонѣ выносила такую жизнь,—ежедневно 12 часовъ службы и въ будни, и въ праздникъ. А въ это время начальникъ, «знающій все, что дѣлается въ пансіонѣ», думаетъ, что у меня «уйма» свободного времени. Базалось-бы, что съ такимъ знаніемъ дѣла онъ долженъ бы признавать за мной право заниматься литературой въ свободное время—не ходить же мнѣ гулять по Крещатику,—а, между тѣмъ, какъ я слышала, онъ находить, что на этомъ мѣстѣ нельзя заниматься литературой. А почему? Неужели я невольна была заниматься литературой послѣ 9 ч. вечера и въ каникулярное время? Странная претензія! И какой литературой занималась я? Небольшимъ историческимъ изслѣдованіемъ для доклада рефератовъ въ историч. общ.—ѣ Нестора—лѣтописца, а въ послѣдніе годы я ѣздила по Славянскимъ землямъ и издавала свои «Путевыя впечатлѣнія», между прочимъ, о Буковинѣ и Галичинѣ, при чемъ я изложила очеркъ исторіи и настоящей дѣятельности украинофиловъ. Вотъ эта то послѣдняя работа, вѣроятно, не пришлась по вкусу «хохлу», и такой литературой мнѣ не подобало заниматься.

Писала я также настоящія записки—и это, несомнѣнно,

былъ для меня запретный плод», но, какъ бы то ни было, никакая власть не могла мнѣ запретить заниматься литературой въ свободное отъ службы время, литературой «незапрещенной».

Тяжелое время наступало для пансіона, когда появлялась какая нибудь эпидемія. Такова была зима 1899-1900 учебнаго года.

Въ началѣ ноября появился въ пансіонѣ дифтеритъ, заболѣла воспитанница III кл., новенькая. При первомъ подозрѣніи, больная переведена была въ т. н. «заразную» комнату; былъ приглашенъ докторъ—консультантъ, профессоръ Т. Послѣдній не взялъ на себя точнаго опредѣленія болѣзни и предложилъ послать въ лабораторію плеву больной для анализа. На слѣдующее утро изъ лабораторіи сообщили, что анализъ плевы обнаружилъ дифтеритъ, вслѣдствіе чего врачомъ пансіона было немедленно сдѣлано распоряженіе о переводѣ больной въ городскую больницу, такъ какъ въ пансіонѣ нѣтъ отдѣльнаго лазарета для заразныхъ больныхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ были уведоменны телеграммой родители больной. Черезъ нѣсколько дней явился въ пансіонъ отецъ больной съ заявленіемъ, что черезъ часъ онъ привезетъ дочь свою обратно изъ больницы, такъ какъ обстановка тамъ невозможная, хотя уходъ за больными хорошій. Нужно замѣтить, что мы всегда предупреждаемъ родителей, желающихъ помѣстить своихъ дѣтей въ NN. пансіонъ, что, въ случаѣ заболѣванія заразной болѣзью, заболѣвшая воспитанница помѣщается въ городской больницѣ; и родители всегда одобряютъ это, предполагая, вѣроятно, что заболѣетъ не ихъ дочь, а другая, ихъ-же дочь будетъ ограждена отъ заразы.

Въ это время всѣ больницы въ городѣ были переполнены заразными больными, въ особенности свирѣпствовали дифтеритъ и скарлатина. Дѣлая свое заявленіе лазаретной надзирательницѣ, отецъ больной дифтеритомъ, г. Ф. предъявилъ записку начальника, который выражалъ свое согласіе на переводъ дочери г. Ф. изъ городской больницы въ лазаретъ пансіона, «если на то изъяснить свое согласіе врачъ пансіона». Послѣдній былъ въ это время въ пансіонѣ; онъ былъ безусловно противъ немедленнаго привоза больной, такъ какъ съ недѣлю «заразная» комната оставалась нетопленною, съ открытыми окнами, нужно было время на то, чтобы согрѣть комнату. Я думаю, что врачъ долженъ былъ съѣздить въ больницу, гдѣ находилась больная воспитанница, и объявить администраціи больницы, что онъ не можетъ принять въ пансіонъ больной дифтеритомъ, въ виду опасности распространенія заразы.

Я въ это время уѣзжала на $1\frac{1}{2}$ часа. Возвратившись домой, я узнала о намѣреніи г. Ф., но его уже не застала. Что дѣлать? Я приказала лазаретной дамѣ распорядиться, чтобы немедленно были замазаны окна въ заразной, чтобы печь въ ней была затоплена и—чтобы въ каминѣ огонь поддерживался всю ночь; своей служанкѣ-же я приказала оставаться при больной до утра, пока не будетъ нанята сидѣлка. Въ 11 ч. ночи привезли больную. Въ то время въ лазаретѣ пансіона были двѣ больныхъ горломъ. На слѣдующій же день къ вечеру врачъ пансіона сталъ опасаться, что у одной изъ нихъ можетъ быть дифтеритъ. Я тотчасъ сообщила объ этомъ начальнику, а онъ посоветовалъ немедленно пригласить, не откладывая до утра, проф. П., специалиста по лѣченію дифтеритныхъ сывороткой. Въ 12 ч. ночи явился профессоръ, захвативъ съ собою и сыворотку. Дифтеритъ былъ констатированъ и немедленно сдѣлана прививка. Требовалось изолировать лазаретъ, который сообщался съ пансіономъ чрезъ сосѣднюю комнату, пріемную, дверь которой выходила въ прихожую. Немедленно же, ночью, дверь эта была забита и заклеена. Прислугѣ лазарета и заразной приказано было не имѣть никакого сообщенія съ другими въ пансіонѣ; все, что нужно было для лазарета и заразной, должно было выставляться на крыльцѣ лазарета. Въ тоже время нужно было выдѣлить комнату подъ временный лазаретъ; пришлось выдѣлить 2 спальни въ среднемъ этажѣ, съ двумя выходами и въ сторонѣ отъ другихъ спаленъ; для замѣны же этихъ спаленъ пришлось отвести подъ спальню самую большую классную комнату въ верхнемъ этажѣ, скамейки-же и столы перенесены въ залъ. Едва успѣли мы это сдѣлать, какъ появились двѣ больныя съ повышенной температурой; ихъ уложили въ постель въ одной изъ комнатъ временнаго лазарета,—другая-же комната, рядомъ, была предоставлена тѣмъ, которыя не выходили. Черезъ два дня у больныхъ съ повышенной температурой обнаружился брюшной тифъ, къ нимъ присоединилась еще третья съ плевритомъ. Пришлось очистить вторую комнату временнаго лазарета, чтобы доставить больнымъ полный покой; требовалось отвести комнату подъ заболѣвающихъ; отведена была маленькая классная въ верхнемъ этажѣ.

Въ тоже время нужно было выдѣлить самую теплую спальню въ среднемъ этажѣ для заболѣвшихъ золотушнымъ припуханіемъ гландъ... Становилось крайне тѣсно здоровымъ: и спальни, и классныя были переполнены; зала не было; больныя же были помѣщены роскошно: 2 дифтеритныя въ двухъ большихъ комнатахъ лазарета; двѣ тифозныя и одна съ плевритомъ—въ двухъ

большихъ комнатахъ, спальняхъ; заболѣвающія — въ отдѣльной комнатѣ и съ опухшими гландами — въ другой отдѣльной комнатѣ. Такъ прошло десять дней, въ теченіе которыхъ новыхъ заболѣваній не было. Наступило 1 декабря. Наканунѣ у двухъ воспитаницъ обнаружилась повышенная температура; я весь вечеръ просидѣла съ ними; на утро врачъ замѣтилъ у нихъ налетъ въ горлѣ и выразилъ желаніе пригласить проф. П., который взялъ на себя лѣченіе дифтеритныхъ. Я осталась съ вновь заболѣвающими, въ ожиданіи рѣшенія ихъ участи. Между тѣмъ, къ одной изъ нихъ пришла мать; она рѣшила прислать своего сына — врача, занимающагося у проф. П. Братъ другой привелъ ассистента профессора; осмотрѣвъ горло у обѣихъ, оба врача взяли плеву ихъ и отправились въ лабораторію. Черезъ часа два они возвратились, заявляя, что у одной изъ нихъ, именно у сестры врача, обнаружены подозрительныя «палочки»; услышавъ это, я попросила ихъ сдѣлать немедленно прививку, что и было сдѣлано. Отъ насъ врачи отправились къ профессору, а черезъ часъ пришелъ къ намъ и самъ профессоръ и сообщилъ, что у обѣихъ дифтеритъ, и что ихъ нужно перенести въ заразную комнату, въ которой онѣ провели два дня, немедленно заперли, открывъ въ ней окна. Теперь уже стало яснымъ, что необходимо распустить пансіонерокъ, такъ какъ зараза появилась уже въ самомъ центрѣ помѣщенія пансіона, и тѣснота стала невозможною, — приходилось, вѣдь, выдѣлять еще одну комнату. Я не ходила въ гимназію со времени появленія въ пансіонѣ дифтеритныхъ; мое присутствіе было ежеминутно необходимо для немедленныхъ распоряженій по отводу комнатъ подъ заболѣвающихъ, и другихъ распоряженій; часть ночи я проводила на ногахъ. Попечитель телеграммой извѣстилъ главноуправляющаго о появленіи и распространеніи дифтерита среди пансіонерокъ и испрашивалъ разрѣшенія прекратить занятія въ гимназій, въ виду большого числа больныхъ среди приходящихъ ученицъ, и распустить пансіонерокъ. Отвѣтъ на телеграмму еще не былъ полученъ, какъ утромъ, 6-го дек., мнѣ пришли сказать, что у одной воспитаницы старшаго класса появился въ горлѣ налетъ и температура у нея очень высокая. Оказалось, что наканунѣ эта воспитанница скрыла отъ всѣхъ горловую боль, знала о ней только ея пріятельница, которая, по глупости, общалась никому не говорить объ этомъ.

Заболѣвшая была немедленно отведена въ заразную, а профессоръ П. потребовалъ, чтобы мы всѣ, служащія въ пансіонѣ, съ здоровыми воспитанницами выселились изъ пансіона. Не оста-

валось ничего болѣе, какъ немедленно распустить пансіонерокъ, прекратить занятія въ гимназій, не ожидая разрѣшенія изъ Петербурга, и всѣмъ живущимъ въ пансіонѣ перебраться въ зданіе гимназій. День спустя мы уже переехали въ гимназію, а въ пансіонѣ начали съ того, что всѣ окна раскрыли и прекратили топку съ цѣлью выморозить дифтеритныя палочки. 18-го дек. уѣхала домой послѣдняя дифтеритная, и на слѣдующій же день приступлено было къ дезинфекціи всего зданія пансіона. 24-го мы возвратились въ пансіонъ. Болѣзнь была побѣждена. Она вообще была въ легкой формѣ, не смотря на большую смертность въ городѣ. Тяжелую форму приняла болѣзнь только у той, которая скрывала свое заболѣваніе. Послѣ этого случая, врачъ ежедневно осматривалъ горло у всѣхъ. Между тѣмъ, попечитель гимназій, О. О. Т. поѣхалъ въ Петербургъ съ намѣреніемъ настоять на постройкѣ отдѣльнаго лазарета для заразныхъ. Но оказалось, что главноуправляющій безусловно противъ этого, такъ какъ всѣ институты, которые имѣютъ такіе лазареты, нисколько не ограждены отъ распространенія заразы. Но нужно же было что нибудь сдѣлать, чтобы оградить пансіонъ отъ распространенія эпидемій, и я высказывала мнѣніе, что слѣдовало бы при одной изъ городскихъ больницъ въ К** устроить отдѣленіе для заразныхъ больныхъ всѣхъ женскихъ учебныхъ заведеній въ городѣ.

Въ слѣдующую осень 1900—1901 учебнаго года въ пансіонѣ появилась корь, но ограничилась однимъ случаемъ. Въ это время, по случаю свирѣпствовавшей въ городѣ оспы, всѣмъ воспитанницамъ пансіона была привита оспа. Вскорѣ по выздоровленіи коревой, заболѣла одна новенькая изъ маленькихъ брюшнымъ тифомъ и двѣ воспитанницы — скарлатиной. Одна изъ нихъ, едва появился у ней подозрительный жаръ, была взята матерью домой, другая отправлена въ городскую больницу; заболѣвшая же брюшнымъ тифомъ помѣщена была въ заразную. Много хлопотъ доставила она намъ. Отецъ ея непремѣнно хотѣлъ ночевать при больной дочери, когда она еще лежала въ общемъ лазаретѣ, — на что мы никакъ не могли согласиться, а предложили ему вызвать свою жену, что онъ и сдѣлалъ; съ пріѣздомъ матери больная переведена была въ заразную, и мать поселилась съ ней. Измучила же она всѣхъ! Ничѣмъ не была она довольна, хотя дѣлалось все, что требовалось для больной. Она обходила пансіону до 3-хъ р. въ сутки, проболѣвъ три мѣсяца: послѣ тифа у нея сдѣлалось воспаленіе легкихъ, затѣмъ снова тифъ, новое воспаленіе легкихъ; наконецъ, у нея появи-

лось нагноение въ разныхъ мѣстахъ тѣла—и, тѣмъ не менѣе, она выздоровѣла. Когда оказалось возможнымъ ее перевезти, мы предложили родителямъ взять ее совсѣмъ: съ такими претензіями, какія они проявляли, нужно воспитывать дѣтей дома.

Къ Рождеству болѣзни въ пансіонѣ прекратились. Замѣчено вообще, что на праздникахъ никогда нѣтъ больныхъ въ пансіонѣ, хотя воспитанницъ остается до 30 и болѣе.

На масляной появилась свинка разомъ у 15. Онѣ были изолированы въ лазаретъ,—какъ, вдругъ, среди нихъ заболѣваетъ одна скарлатиной; ее отвозятъ въ городскую больницу, остальныхъ больныхъ свинкой подвергаютъ карантину на 2 недѣли. Въ непродолжительномъ времени заболѣваютъ скарлатиной еще трое; изъ нихъ одна, страшно боявшаяся скарлатины, на 3-й день по заболѣваніи скончалась. Страшно жаль было дѣвочку! Немедленно по заболѣваніи ея вызвана была ея мачиха, которая любила ее, какъ родную дочь,—она же отвезла больную въ городскую больницу, и на ея рукахъ скончалась бѣдная дѣвочка. Всѣ ее жалѣли въ пансіонѣ,—милая была дѣвушка. Быстрое распространение болѣзни и, въ особенности, смерть одной изъ подругъ навели на дѣтей панику, хотя были приняты всѣ предупредительныя мѣры: приглашенъ былъ врачъ—специалистъ, который являлся каждое утро и вечеръ въ пансіонѣ для осмотра горла у всѣхъ. Наконецъ, пригласили нѣсколько врачей для обсуждения вопроса, не слѣдуетъ-ли распустить пансіонерокъ? Вопросъ былъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ, и, въ ожиданіи отвѣта на телеграмму, посланную попечителемъ главноуправляющему, мы стали понемногу отпускать воспитанницъ домой, и въ два—три дня въ пансіонѣ осталось всего 25 воспитанницъ. Нервы у всѣхъ успокоились, заболѣванія прекратились.

Въ виду того, что во время эпидемій въ пансіонѣ вся работа о размѣщеніи больныхъ, заболѣвающихъ и здоровыхъ лежала на мнѣ, и мнѣ приходилось разрѣшать всѣ затрудненія, то я стала обдумывать, что сдѣлать, чтобы имѣть возможность, при появленіи инфекціонныхъ заболѣваній, поступать по военному: т. е. выводить всѣхъ изъ той спальни, гдѣ появилось заболѣваніе, подвергнувъ ихъ обязательному карантину, а въ спальнѣ произвести дезинфекцію.

И я остановилась на мысли уничтожить большую спальню на 45 кроватей, такъ какъ, въ случаѣ заболѣванія въ ней, нѣкуда вывести всю эту массу воспитанницъ, ибо всѣ прочія спальни, залъ и классныя помѣщенія каждое—не болѣе какъ на 20 кроватей. И я составила планъ переустройства спаленъ.

Мысль свою я предложила на обсужденіе комиссіи врачей; она была вполне одобрена, и начальникъ просилъ меня представить ему записку съ подробнымъ изложеніемъ моего проекта. Проектъ былъ представленъ, но прошло 4 года и никакого результата еще нѣтъ.

Это былъ послѣдній годъ при мнѣ, что эпидемія посѣтила пансіонъ; съ тѣхъ поръ мы отдыхали четыре года.

Въ гимназіи также много заботъ для предупрежденія инфекціонныхъ заболѣваній. О каждомъ заболѣваніи среди ученицъ немедленно извѣщалась мною состоящая при гимназіи женщина—врачъ, г-жа Б. и ею безотлагательно производилась дезинфекція того класснаго помѣщенія, гдѣ появилось заболѣваніе, а ученицы того класса освобождались на день—два отъ занятій.

Вмѣстѣ съ тѣмъ г-жа Б. посѣщаетъ квартиру заболѣвшей и требуетъ ея изолированія, если у нея есть сестра—ученица гимназіи. Всѣмъ ученицамъ объявляется, что онѣ не должны навѣщать заболѣвшую подругу; свѣдѣнія о задаваемыхъ урокахъ сообщаются родителямъ по почтѣ; по выздоровленіи болѣвшая не должна явиться въ гимназію, не получивъ на то разрѣшенія отъ г-жи Б. Независимо отъ инфекціоннаго заболѣванія, г-жа Б. всячески заботится о здоровьѣ ученицъ гимназіи.

Въ началѣ каждого учебнаго года всѣ вновь поступившія въ гимназію взвѣшиваются и подробно осматриваются г-жею Б., которая ведетъ списокъ всѣмъ ученицамъ гимназіи съ подробнымъ перечнемъ всѣхъ уклоненій отъ нормальнаго состоянія организма; и затѣмъ, въ теченіе всего учебнаго года, особенное вниманіе обращается на здоровье ученицъ, требующихъ спеціальнаго лѣченія и гигіеническихъ мѣръ.

Въ тоже время классныя надзирательницы представляютъ ежемѣсячно г-жѣ Б. всѣ свѣдѣнія о болѣвшихъ въ теченіе мѣсяца не менѣе трехъ дней. Къ сожалѣнію, свѣдѣнія эти, основанныя на запискахъ родителей и лицъ, ихъ замѣняющихъ, не могутъ признаваться безусловно достоверными: вѣдь, ничего не значить написать: «у моей дочери болѣла голова» или «зубы». Такой обманъ практикуется часто. Надо отдать справедливость г-жѣ Б., она всецѣло отдается своему дѣлу: 13 лѣтъ она трудилась для нашей гимназіи безвозмездно, и только недавно Вѣдомство опредѣлило врачамъ при жен. гимназіяхъ небольшое вознагражденіе. Два раза въ недѣлю, въ теченіе всего учебнаго года, г-жа Б. является въ гимназію отъ 10—12 ч., выслушиваетъ и осматриваетъ всѣхъ являющихся къ ней ученицъ гимназіи, а въ началѣ

учебнаго года она жертвуетъ цѣлымъ мѣсяцемъ на осмотръ вновь поступившихъ.

Рѣдкій день г-жа Б. не обращалась ко мнѣ съ указаніемъ на какой-нибудь недостатокъ въ гигиеническомъ отношеніи.

Едва наступаетъ май, какъ г-жа Б. уже входитъ къ началству гимназіи съ ходатайствомъ объ освобожденіи отъ занятій тѣхъ изъ ученицъ, которыя страдаютъ острымъ малокровіемъ.

Нельзя не одобрить того, что врачи при женскихъ гимназіяхъ Вѣдомства Учрежденій Императрицы Маріи поставлены въ хорошія условія: они представляютъ свои годовые отчеты непосредственно главному врачебному инспектору Вѣдомства и, такимъ образомъ, могутъ писать правду. Особенно женщины—врачи могутъ не входить въ компромиссы, такъ какъ онѣ не получаютъ ни чиновъ, ни орденовъ, и потому могутъ держать себя независимо. Счастливое положеніе!

Благодарность родителей къ г-жѣ Б. должна бы быть безграничной,—однако, что-то не слышать о ней. Судить, ридить, бранить учебное заведеніе—это въ порядкѣ вещей, но благодарить—это не полагается. И съ такимъ чувствомъ неблагодарности растетъ большинство дѣтей, глядя на своихъ родителей.

За послѣдніе годы практикуется осмотръ глазъ всѣхъ ученицъ глазнымъ врачомъ; появился въ гимназіи и зубной врачъ,—и всѣмъ этимъ ученицы пользуются безвозмездно.

Въ пансіонѣ зубной врачъ г. И. въ теченіе 9 лѣтъ практиковалъ безвозмездно, даже пломбировалъ зубы воспитанницамъ *на свой счетъ*—и никакой благодарности ни съ какой стороны.

Поистинѣ можно удивляться самоотверженной дѣятельности г. И.

Возвращаясь ко второму полугодію 1899—1900 учебнаго года. Въ концѣ мая, по окончаніи экзаменовъ, въ пансіонѣ былъ традиціонный прощальный вечеръ. Собрались служащіе въ пансіонѣ и гимназіи, пріѣхала и Е. С. Т.,—О. О. не могъ быть по причинѣ болѣзни. Солистни наши впервые выступали передъ нашей публикой: исполнено было нѣсколько N N solo, дуэта и trio, двѣ воспитанницы играли на фортепіанахъ. Голоса солистокъ произвели впечатлѣніе; за семь мѣсяцевъ онѣ сдѣлали громадныя успѣхи. Е. С. спросила меня: «Преподавательница та же, что даетъ уроки хорового пѣнія?»—Уроки хорового пѣнія въ пансіонѣ отмѣнены—отвѣчала я,—а я на свой счетъ пригласила г-жу П. М. для солистокъ.—«Какъ на свой счетъ?» спросила Е. С.—«Да такъ!»—Разговоръ этотъ шелъ во время антракта, когда

намъ подали чай. Тутъ же сидѣлъ и начальникъ. Е. С. обратилась къ нему: «Но, я думаю, Вѣдомство могло-бы ассигновать сумму на уроки пѣнія?»—Я просилъ, усердно просилъ—отвѣчалъ начальникъ,—но ничего не добился (?). Я могъ бы, конечно, привлечь жертвователей, но у насъ еще болѣе настоятельныя пужды... Намъ пужны шкафы... (на шкафы и всякую недвижимость Вѣдомство отпускаетъ ежегодно известную сумму по смѣтѣ, и потому нечего выпрашивать деньги на шкафы у разныхъ «благодѣтелей», со всякимъ униженіемъ для себя и для Вѣдомства. «Побираться» вошло въ обычай начальника.—Быть меценатомъ куда какъ почетнѣе для почетнаго блюстителя!)

На этомъ разговоръ кончился. Не лишнимъ здѣсь упомянуть, что начальникъ игнорировалъ эти уроки пѣнія, которые оплачивались мною изъ зарабатываемыхъ мною денегъ. Когда ему пришлось заплатить 70 р. за бакъ, заказанный имъ для пансіона съ расчетомъ на подрядчика—еврея, производившаго капитальный ремонтъ подвального этажа, но отказавшагося принять этотъ расходъ на себя,—то онъ, т. е. начальникъ, доложилъ объ этомъ невольномъ расходѣ своему попечителю и послѣдній предложилъ хозяйств. комитету пансіона благодарить начальника за сдѣланное имъ пожертвованіе. Мною въ теченіе 2½ лѣтъ было израсходовано на уроки солистокъ 500 р., за уроки франц. языка пепиньеркамъ 100 р., и на швейную машину—45 р., и того—645 р.—и объ этомъ начальникъ никому не докладывалъ. Это говорится здѣсь только для того, чтобы показать отношенія ко мнѣ начальника. Конечно, объ урокахъ солистокъ попечитель, несомнѣнно, слышалъ отъ своей супруги,—мудрено допустить, чтобы Е. С., возвратившись домой съ нашего вечера, не сказала ничего объ этомъ О. О.,—однако, и онъ молчалъ...

За 1899—1900 учебный годъ сдѣланъ былъ опытъ измененія въ дежурствѣ классныхъ дамъ N N пансіона въ гимназіи. Опытъ этотъ и поводъ къ нему представляетъ не малый интересъ. Уже съ самаго вступленія моего въ должность, начальникъ не оставлялъ меня въ покоѣ, утверждая, что попеременное дежурство двухъ классныхъ дамъ пансіона въ одномъ классѣ, т. е. завѣдываніе двумя однимъ классомъ представляетъ большое неудобство, ибо классъ яко-бы подвергается постоянной ломкѣ (что же тогда сказать о 10—12 хозяевахъ въ классѣ, т. е. каждый преподаватель признается хозяиномъ въ классѣ во время урока, при чемъ, что одинъ требуетъ, то другимъ отвергается: одинъ, напримѣръ, запрещаетъ держать предъ собой книги открытыми

въ то время, когда отвѣчают урокъ, другой разрѣшаетъ это; одинъ требуетъ порядка, дисциплины,—другой отвергаетъ всякую дисциплину, и т. д. Согласовать двухъ классныхъ дамъ легче, чѣмъ 10—12 преподавателей и преподавательницъ.

Оспаривая утвержденіе начальника, я ссылаюсь на институты, гдѣ существуетъ такая же система дежурства классныхъ дамъ, и если она и можетъ представлять нѣкоторое неудобство, то приходится мириться съ этимъ, ибо иначе нельзя устроить дежурства,—наше же дѣло согласовать классныхъ дамъ, чтобы въ требованіяхъ ихъ къ ученицамъ не встрѣчалось противорѣчій.

Въ такихъ разговорахъ прошли 1897—98 и 1898—99-ый учебные годы; но, вотъ, въ августѣ 1899 года, еще до начала занятій и сѣзда воспитанницъ, заходитъ ко мнѣ начальникъ и вновь поднимаетъ тотъ же вопросъ, настаивая на измѣненіи порядка въ дежурствѣ. Онъ предлагалъ поручать пансіонскимъ дамамъ завѣдываніе двумя старшими классами, «дабы не могло происходить ломки характеровъ», другими словами, дабы вліяніе ихъ на классъ было парализовано возрастомъ ученицъ.

Противъ этого я безусловно возстала. Я знала уже по опыту въ К* гимназій, какое неудобство представляетъ завѣдываніе классной дамой однимъ только старшимъ классомъ. При этомъ, одні классныя надз—цы не доводятъ дѣла до конца, трудясь для другихъ,—другія пользуются трудомъ первыхъ или отвѣчаютъ за нихъ. Словомъ, пожиная не тотъ, кто сѣялъ. Это порождаетъ враждебныя отношенія между тѣми и другими; и можно себя представить, чтобы это было въ К** гимназій, гдѣ отношенія классныхъ надзирательницъ гимназій и классныхъ дамъ пансіона въ то время оставляли еще многого желать, да еще при томъ условіи, что начальникъ руководствовался принципомъ «divide et impera?»

Убѣдившись, однако, въ томъ, что начальникъ никакъ не хочетъ примириться съ существующимъ порядкомъ и не оставить меня въ покоѣ, пока онъ не будетъ измѣненъ, я сказала ему, что подумаю объ этомъ и сообщу ему свое мнѣніе. Нѣсколько дней думала я объ этомъ и день, и ночь,—наконецъ, мнѣ пришла на умъ такая комбинація: предложить класснымъ дамамъ пансіона раздѣлиться на 3 группы—одна будетъ дежурить въ гимназій съ 9—2¹/₂ ч., другая въ пансіонѣ съ 2¹/₂—10 часовъ в., въ праздники же и каникулы остается прежній порядокъ дежурства. Остановившись на такой комбинаціи, я пригласила къ себѣ классныхъ дамъ пансіона и познакомила ихъ съ пред-

ложеніемъ начальника и съ моимъ проектомъ. Предложеніе начальника повергло ихъ въ ужасъ, но разъ невозможно остаться при прежнемъ порядкѣ дежурства, въ виду упорства начальника, то онѣ мирились съ моимъ проектомъ.

Порѣшивъ такъ, я предложила двумъ старшимъ по службѣ въ пансіонѣ дамамъ избрать то или другое дежурство: одна изъ нихъ избрала дежурство въ пансіонѣ, другая—въ гимназій; третья, по старшинству службы, избрала дежурство въ гимназій, младшей по службѣ досталось, такъ обр. дежурство въ пансіонѣ. Такое раздѣленіе соответствовало взаимнымъ отношеніямъ классныхъ дамъ: каждая изъ паръ была дружна между собою.

Покончивъ съ этимъ вопросомъ, я сообщила о своемъ проектѣ начальнику и получила отъ него письмо, въ которомъ онъ горячо меня благодарилъ. Начался новый порядокъ дежурства: та пара, которая дежурила въ гимназій, была очень довольна своей судьбой, имѣя вторую половину дня свободной и будучи избавлена отъ занятій съ воспитанницами; вторая же пара чрезвычайно утомлялась, ежедневно занимаясь съ воспитанницами и не имѣя ни одного свободного вечера на недѣлѣ.

Такимъ образомъ,—трудъ классныхъ дамъ пансіона оказывался неравномернымъ между обѣими парами. Но что было дѣлать?

Надо еще замѣтить, что и отношенія между этими двумя парами начали становиться недружелюбными на подобіе отношеній, существовавшихъ между классными надзирательницами гимназій и классными дамами пансіона: пара, дежурившая въ гимназій, считала себя ближе къ гимназій, чѣмъ къ пансіону. Порождался нежелательный антагонизмъ.

Такъ проходилъ мѣсяцъ за мѣсяцемъ 1899-1900 уч. года, какъ вдругъ, однажды, сидя у меня въ комнатѣ въ гимназій, обратился ко мнѣ начальникъ съ такимъ вопросомъ. «Что значить, что я совсѣмъ не вижу здѣсь Анну Степановну?» (т. е. старослужащую классн. даму пансіона, избравшую себя дежурство въ пансіонѣ). Я пристально взглянула на него.—«Да вы же сами настаивали на измѣненіи порядка въ дежурствѣ пансіонскихъ дамъ, и это сдѣлано согласно вашему желанію»,—отвѣчала я. Онъ, видимо, старался припомнить что-то. «Да, Анна Степановна этого хотѣла»... неожиданно для меня замѣтилъ онъ наконецъ. Я продолжала вглядываться въ него. Да, видимо, онъ ничего не помнитъ, какъ было дѣло... Онъ даже забылъ, что былъ противъ прежняго порядка дежурства. А, между тѣмъ, въ теченіе двухъ лѣтъ онъ настаивалъ на измѣненіи этого порядка—и

вдругъ, все забылъ! У него въ это время обнаружилась сахарная болѣзнь и, какъ видно, отшибала у него память. Случалось, что онъ забывалъ то, что сдѣлалъ или сказалъ наканунѣ. Всѣ въ гимназіи замѣчали это, но, къ несчастью, не замѣчалъ того попечитель гимназіи. Но можно легко себѣ представить, какой безпорядокъ былъ въ администраціи!

Воспользовавшись тѣмъ, что начальникъ все забылъ и даже отвергалъ свое вмѣшательство въ это дѣло, сваливая съ больной головы да на здоровую, я объявила классн. дамамъ пансіона, что съ будущаго учебнаго года мы возвращаемся къ прежнему порядку дежурства, чему крайне обрадовались тѣ, которыя постоянно дежурили въ пансіонѣ.

Остановимся еще на забывчивости начальника. Онъ забывалъ то, что имъ сказано за 5 минутъ передъ тѣмъ. Отсюда постоянные *ordres et contr, ordres*. Сегодня онъ объявляетъ французенкѣ, занимающейся съ воспитанницами пансіона, что она должна *готовить уроки* съ воспитанницами, а завтра, узнавъ, что французенка *готовитъ уроки, кричитъ и дѣлаетъ распоряженіе не готовить уроковъ, а заниматься только практически*, проходить мѣсяць—другой, и опять возвращается къ требованію готовить уроки.

Такъ по хозяйству: сегодня получаю я официальную бумагу изъ хозяйственнаго комитета, въ которой меня покорнѣйше просятъ наблюдать за тѣмъ, чтобы расходы по пищевому довольству производились правильно и новые расходы не дѣлались помимо хозяйств. комитета,—а завтра экономка получаетъ записку отъ начальника, приказывающаго сдѣлать такой-то расходъ помимо хозяйств. комитета. Протестовать я не могла: распоряженіе начальника должно быть исполнено. Великолѣпенъ слѣдующій эпизодъ: по праву начальницы пансіона, я дѣлала выборъ пепиньерокъ (4), для чего уже въ старшемъ классѣ намѣчала кандидатокъ и въ теченіе года слѣдила за ними, чтобы убѣдиться въ томъ, оправдываютъ ли онѣ хорошее о нихъ мнѣніе мое.

Въ одинъ изъ годовъ приходилось дѣлать выборъ изъ двухъ воспитанницъ: обѣ онѣ были отличныя ученицы, одна изъ нихъ Х., однако, была по ученію, выше другой Б., но она была дочь достаточныхъ родителей, другая же была очень бѣдной дѣвушкой. Весь годъ занималъ меня вопросъ, кого изъ нихъ оставить пепиньеркой? Но, вотъ, почти уже въ концѣ учебнаго года, узнаю я, что Х. не имѣетъ намѣренія остаться пепиньеркой, такъ какъ мать ея не желаетъ этого.

Такимъ образомъ, вопросъ этотъ рѣшался въ Б. Обыкновенно начальникъ меня спрашивалъ, кого я имѣю ввиду для пепиньерокъ. На этотъ разъ, когда я позвала ему всѣхъ 4-х., онъ спросилъ: «А почему вы не избрали Х.?» — Да потому, что мать ея не желаетъ ее оставлять. «Жаль!» замѣтилъ онъ.

Наступаютъ экзамены. Х. держитъ ихъ прекрасно, начальникъ повторяетъ: «Жаль, что она не остается пепиньеркой!» — Но, вотъ, однажды, уже предъ самымъ окончаніемъ экзаменовъ, начальникъ говоритъ мнѣ: «Мать Х. была у меня, умоляетъ оставить дочь ея пепиньеркой». — Я удивилась. Призываю къ себѣ Х. и говорю ей: — «Гдѣ вы были, что до сихъ поръ не говорили о желаніи вашей матушки оставить васъ пепиньеркой?» — «Это не мамаша желаетъ, а Д. А. уговариваетъ ее оставить меня», — отвѣчаетъ мнѣ Х. — Ну, конечно, этотъ маневръ начальника ни къ чему не послужилъ, — пепиньеркой осталась Б.

Для чего было прибѣгать къ такому маневру? Развѣ нельзя прямо сказать: «Я попробую уговорить мать Х.»

Наступилъ 1900-1901 учебный годъ. Это былъ тяжелый годъ для воспитательнаго персонала и начальства гимназіи.

Уже въ предшествовавшемъ году мы много терпѣли отъ разныхъ сплетенъ, сыпавшихся на пансіонъ. Была бы только охота слушать ихъ, и сплетники явятся со всѣхъ сторонъ. Напрасно только обвиняютъ въ этомъ только женщинъ, — есть сплетники — мужчины, еще почище сплетницъ — женщинъ.

Б** богатъ и тѣми, и другими. Рѣдкій день начальникъ не сообщалъ мнѣ какойнибудь сплетни, слышанной имъ въ кабинетѣ попечителя гимназіи и, затѣмъ, разносимой имъ повсюду.

Такъ, напр., полковникъ генер. штаба N утверждалъ, что стоитъ ему захотѣть и къ нему приведутъ любую гимназистку. Ему, этому полковнику, и въ голову не приходитъ, что жидъ приведетъ ему *кого—угодно*, выдавая за ту, которая *заказана*: жидъ беретъ прямо съ улицы дѣвицу, одѣваетъ ее гимназически и послѣдняя готова. Въ этомъ, однажды, убѣдились два преподавателя гимназіи, задержавши вечеромъ на Ф. ул., на которой находится гимназія, двухъ дѣвушекъ, одѣтыхъ въ гимназическую форму. Вѣдь такъ можно привести и любую институтку *по заказу*.

И чего только не рассказывали про гимназистокъ! Меня всегда сердило то, что обыкновенно въ такихъ случаяхъ говорятъ: «гимназистка». Не гимназистка ведетъ себя такъ на улицѣ или въ какомънибудь публичномъ мѣстѣ, а дочь такихъ-то родите-

лей. Въдѣ, не гимназія располагаетъ ихъ къ такой жизни, а среда, въ которой онѣ растутъ, и отвѣчать за ихъ поведение внѣ стѣнъ гимназіи должна не гимназія, а родители, или опекуны. Чѣмъ виновата гимназія, что родители не знаютъ, съ кѣмъ водить знакомство ихъ дочь? Чѣмъ виновата гимназія, что не дѣти въ повиновеніи у родителей, а родители у дѣтей? Чѣмъ виновата гимназія, что есть родители, которые сами развращаютъ и продаютъ своихъ дѣтей.

Вотъ, напр., взгляды одного папеньки, которому классная надзирательница стала говорить о легкомысленномъ поведеніи его дочери:... «Вамъ не нравится это, а мнѣ нравится: у меня ихъ трое, мнѣ нужно скорѣе сбыть ихъ съ рукъ». И такъ думаютъ очень и очень многіе папеньки и маменьки. При чемъ тутъ гимназія? Последняя имѣетъ въ рукахъ одно только оружіе—исключеніе изъ гимназіи тѣхъ ученицъ, про которыхъ говорятъ дурно, и она прибѣгаетъ къ этому оружію.

Есть всякіе родители: есть прекрасные, которые серіозно относятся къ дѣлу воспитанія своихъ дѣтей и не состоятъ въ повиновеніи у своихъ дѣтей, и на оборотъ. Большинство находится въ полномъ повиновеніи у своихъ дѣтей, какъ только они выходятъ изъ отроческаго возраста. А кто виноватъ въ этомъ, слѣдуетъ искать въ періодической печати 61-хъ и 70-хъ годовъ, когда велась настоящая травля и школы, и родителей и въ результатѣ получилось то, что уже давно переживаютъ и общество, и школа. Въ этомъ и слѣдуетъ искать объясненія розни между школой и семьей. Въ теченіе 22 лѣтъ службы въ трехъ гимназіяхъ въ должности начальницы гимназіи, я имѣла дѣло не менѣе какъ съ 2-тыс. родителей и дѣтей; и опытъ говорить мнѣ, что тамъ, гдѣ въ семьѣ уважается власть родительская, розни между семьей и школой нѣтъ,—тамъ же, гдѣ отсутствуетъ авторитетъ родителей—тамъ полная рознь между семьей и школой. Рознь эта начинается именно съ того момента, когда дѣти выходятъ изъ повиновенія родителей,—это совпадаетъ съ тѣмъ временемъ, когда они поступаютъ въ IV классъ, когда они становятся подростками. До тѣхъ поръ семья оказываетъ свое содѣйствіе школѣ, не идетъ въ разрѣзъ съ нею, но, какъ только дѣти становятся въ семьѣ самостоятельными, родители не въ состояніи помогать школѣ, такъ какъ не имѣютъ никакого вліянія на дѣтей, послѣднія перестаютъ слушаться родителей, не слушаютъ и школы, если послѣдняя не умѣетъ заставить себя слушать.

За послѣднее время подъ выраженіемъ «сердечное отношеніе» стали понимать распущенность и рабобѣнное заискиваніе у учащихся. Дѣло стало еще хуже. Такимъ образомъ, чтобы возстановить связь между семьей и школой никакія педагогическія бесѣды съ родителями не помогутъ, онѣ только обнаружатъ родительскую несостоятельность. Необходимо возстановить связь родителей и дѣтей. Что можетъ сдѣлать въ этомъ отношеніи школа? У меня былъ такой случай: узнала я, что двѣ сестры гимназистки, отецъ которыхъ женился вторично, не хотѣтъ называть мачиху «мамой» и тѣмъ огорчаютъ отца. Призвала я старшую изъ нихъ, ученицу III кл. (=V), долго бесѣдовала съ нею, убѣждая примириться съ фактомъ вторичной женитьбы отца, доказывая ей, что дѣти никакого права не имѣютъ требовать такой жертвы отъ отца, которому не могутъ замѣнить жены,—напротивъ, должны всячески содѣйствовать счастью его, для чего необходимо полное согласіе въ семьѣ. Въ концѣ концовъ дѣвочка убѣдилась моими доводами, и согласіе въ семьѣ водворилось.

И такъ, школа обязана воспитывать дѣтей въ духѣ любви и повиновенія родителямъ, знакомить ихъ съ обязанностями ихъ, и разъяснять имъ, что тамъ, гдѣ есть права, есть и обязанности, и что безъ обязанностей нѣтъ правъ. Дѣлаетъ ли это школа? Если нѣтъ, она виновата. Но виновата не меньше школы, а иногда и больше печать, которая постоянно травитъ школу. Виноваты родители, которые, не стѣсняясь присутствіемъ дѣтей, бранятъ школу и всякую власть.

Что-бы сказали родители, еслибы школа при дѣтяхъ бранила родителей? Несомнѣнно, это считалось-бы преступленіемъ; но почему же родители считаютъ себя въ правѣ при дѣтяхъ бранить школу, и печать не клеймитъ ихъ за это? А, между тѣмъ, преступленіе здѣсь одинаково.

Какъ преступно вооружать дѣтей противъ родителей, такъ преступно вооружать ихъ и противъ школы. Обыкновенно это дѣлаютъ тѣ родители, которые находятся въ повиновеніи у дѣтей своихъ, и дѣлаютъ это въ угоду дѣтямъ своимъ. Безумные родители! На сколько родители бываютъ въ повиновеніи у своихъ дѣтей, приведу одинъ случай.

Мать одной пансіонерки, оставляя дочь свою на праздники въ пансіонѣ, просила не отпускать ее ни къ кому въ отпускъ въ городъ, и при этомъ сказала. «Но, ради Бога, вы не говорите дочери мсей, что я васъ просила объ этомъ!» Какое же содѣйствіе можетъ имѣть школа отъ такой матери?

И такъ, 1899-1900 учебный годъ былъ богатъ сплетнями про ученицъ гимназій,—такимъ же былъ и наступившій 1900-1901 годъ. Потерявъ, наконецъ, всякое терпѣніе, я предложила начальнику созвать родителей, конечно, наиболѣе интеллигентныхъ, и поговорить съ ними объ этихъ сплетняхъ, можетъ быть, и придемъ къ чему нибудь, хотя бы къ тому, чтобы убѣдить родителей въ ихъ обязанности заботиться о чести той школы, въ которой учатся ихъ дѣти и бороться со сплетнями, а не содѣйствовать ихъ распространенію. Но начальникъ не нашелъ это цѣлесообразнымъ.

Тогда я собрала три старшіе класса гимназій и сказала имъ приблизительно слѣдующее: «До насъ постоянно доходятъ сплетни про ученицъ, вѣроятно, о нихъ слышите и вы. Какъ вы думаете: кто больше всего распространяетъ эти сплетни по городу?» — Да мы сами! — послышался голосъ въ толпѣ ученицъ. «Совершенно вѣрно!» замѣтила я и стала объяснить, какъ нужно дорожить честью своего заведенія, а не плести на него всякій вздоръ и распространять его всюду. Сдѣлавъ имъ это внушеніе, я отпустила ихъ.

На сколько сами ученицы бываютъ творцами всякихъ сказокъ о себѣ, въ доказательство приведу слѣдующее. Одна изъ пансіонерокъ, и не изъ глупыхъ, стала рассказывать въ пансіонѣ разныя сказки о томъ, что она дѣлаетъ дома. При проверкѣ оказалось, что все было сочинено ею. Такимъ-же образомъ онѣ рассказываютъ сказки и про свое учебное заведеніе. Имъ хочется похвастать: «Вотъ, — молъ, какова я, или каковы мы! Я, или мы дѣлаемъ, или дѣлали все, что хотѣли».

А потому, нужно очень критически относиться къ рассказамъ ученицъ о томъ, что у нихъ дѣлалось или дѣлается. Иногда онѣ просто вообразить себѣ что нибудь и рассказываютъ объ этомъ, какъ о фактѣ. Напримѣръ, швейцаръ пансіона докладывалъ мнѣ, что такіе то родители пріѣхали просить отпустить ихъ дочь, или такая то воспитанница просить позволенія придти ко мнѣ, — вотъ его обязанность. Воспитанницы же вообразили, что швейцаръ можетъ выпрашивать у меня отпускъ для нихъ, и утверждали это. Между тѣмъ, просить объ отпускѣ могли родители, сами дѣти и классныя дамы. Иногда просить начальника. Швейцаръ, конечно, и не посмѣлъ бы заговорить объ этомъ. Однажды я поймала воспитанницу на томъ, что она умоляла швейцара попросить за нее. А затѣмъ слышишь такую фразу: «Всѣ говорятъ»... — «Кто говоритъ?» — Это воспитанницы рассказываютъ сказки.

Однажды пепиньерки обратились къ одной изъ классныхъ дамъ съ просьбой выйти съ ними на улицу вечеромъ наканунѣ Андреева дня (30 ноябр. гадаютъ молодыя дѣвушки и парни). «Вы, кажется, съ ума сошли!» — отвѣтила имъ та. — Да, вѣдь, вы, А. Г., въ прошломъ году ходили съ пепиньерками. — «Я?» — «Да». — Кто-то поднултилъ надъ ними, и онѣ повѣрили. Что удивительнаго, если такая сказка пойдетъ потомъ гулять! И такихъ сказокъ, сочиняемыхъ воспитанницами, не оберешься, и есть люди и даже педагоги, которые берутъ на вѣру эти сказки.

Въ началѣ 1900-1901 учебнаго года пріѣхалъ въ К** А. Г. В., тотъ самый, который передъ отъѣздомъ моимъ изъ К* ревьювалъ тамъ жен. гимназію. Я порадовалась его пріѣзду. А. Г. побывалъ у насъ на урокахъ въ гимназій, сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній; посѣтилъ меня, спрашивалъ, какъ живетъ мнѣ тутъ, и гдѣ лучше — здѣсь-ли, или въ К* гимназій; заговорилъ о произведенной имъ ревизіи въ К* гимн. въ 97 году, объяснилъ свой докладъ главному управляющему такъ: «я представилъ главному управляющему, что можно, конечно, смѣнить начальника, но кѣмъ же замѣнить его? При томъ жалкомъ содержаніи, которое они получаютъ (въ провинціи — 800 р. безъ квартиры, только К.—скій по двумъ гимназіямъ получаетъ 2.600 р. при квартирѣ), трудно найти порядочнаго. Но я оградилъ Т. отъ подозрѣнія во взяточничествѣ!» — «Да мы и не высказывали такого подозрѣнія!» — замѣтила я.

Припомню читателю, что главному управляющій, при представленіи моемъ въ іюнѣ 1897 г., послѣ ревизіи А. Г. В. сказалъ мнѣ: «А. Г. доложилъ мнѣ, что онъ нашелъ въ К*. гимн. все въ прекрасномъ видѣ. а я ему вѣрю». Меня крайне это удивило: неужели А. Г. нашелъ прекраснымъ мазурничанье Т. на экзаменахъ, фиктивные отмѣтки, преподаваніе Т., у котораго цѣлый классъ провалился на экзаменѣ? То, что сказалъ мнѣ теперь А. Г., успокоило меня.

А. Г. посѣтилъ два раза пансіонъ: одинъ разъ обѣдалъ съ воспитанницами, другой разъ пришелъ вечеромъ, провелъ съ нами часа два во время вечернихъ занятій; завѣдующая библиотеккой классная дама предложила ему ознакомиться съ каталогомъ, а завѣдующая учебниками и учебными пособиями — со спискомъ тѣхъ и другихъ; потомъ А. Г. пилъ съ нами чай; былъ разъ въ нашей церкви у обѣдни, начальникъ созвалъ для него педагогическую конференцію какъ бы для того, чтобы показать А. Г., какъ у насъ ведется дѣло. Предсѣдателемъ былъ внесенъ на обсужденіе вопросъ о дисциплинѣ въ классѣ. Говорили пре-

подаватели В. и П., особенно «краснорѣчиво» говорить В. противъ необходимости дисциплины въ классѣ. Онъ придерживается педагогическихъ взглядовъ гр. Л. Н. Толстого предоставлять дѣтямъ полную свободу. А. Г. долго слушалъ оратора, не прерывая его; сидя рядомъ съ нимъ, я по временамъ взглядывала на него и замѣчала въ глазахъ его огонекъ. Я знала, что онъ скажетъ въ отвѣтъ оратору. Наконецъ В. высказался вполне. Тогда заговорилъ А. Г. Онъ говорилъ просто, ясно, спокойно, безъ всякихъ громкихъ фразъ. Допуская, что все сказанное В. и ново, и прекрасно, «но тѣмъ не менѣе» заключилъ онъ, «дисциплина въ классѣ необходима; безъ нея былъ-бы не классъ, а простое сборище». Замѣчательна была поза и выраженіе лица С., онъ всѣмъ корпусомъ повернулся къ А. Г., когда тотъ заговорилъ, и лицо его какъ бы говорило: «вотъ каковы мы!» Но по мѣрѣ того, какъ говорилъ А. Г., лицо С. принимало растерянный видъ. Нечего говорить, что женскій персоналъ весь раздѣлялъ взгляды опытнаго и мудраго педагога; мнѣнія же мужского персонала разбились. Дней черезъ десять А. Г. уѣхалъ. Зачѣмъ онъ пріѣзжалъ? никто у насъ не зналъ; но то не была ревизія. О цѣли его пріѣзда я узнала только по выходѣ моемъ въ отставку, и читатель узнаетъ объ этомъ въ своемъ мѣстѣ.

Въ ноябрѣ умеръ молодой преподаватель русскаго языка и словесности Р., даровитый и много общавшійся лекторъ. Мы справили ему похорны на славу, — вся гимназія провожала его, — заупокойную литургію служилъ викарный епископъ во В—скомъ соборѣ. На мѣсто умершаго назначенъ былъ со школьной скамьи Ч., о которомъ будетъ не разъ рѣчь впереди.

Уже съ годъ, какъ задуманъ былъ проектъ постройки новаго зданія К-ской гимназіи на землѣ NN. пансіона, при чемъ подъ это зданіе должна была отойти небольшая часть пансіонскаго сада. Проектъ этотъ родился такъ: однажды подрядчикъ—еврей Г. говоритъ начальнику: «зачѣмъ у васъ пропадаетъ съ садомъ такое большое пространство? Его можно-бы утилизировать». Конечно, еврею гешефтвахеру можно было-бы объяснить, что это мѣсто не *пропадаетъ*, и садомъ (въ $1\frac{1}{2}$ десят.) пользуются 105 пансіонеровъ. Но предложеніе еврея (выстроить въ саду пансіона гимназію, а нынѣшнее зданіе К** гимназіи устроить подъ магазины) упало на воспримчивую почву и работа закипѣла.

Къ началу 1901 г. планъ былъ готовъ и проектъ разработанъ. Наконецъ, начальникъ показалъ мнѣ планъ проектируемаго зданія. Оно должно было охватить съ трехъ сторонъ зданіе пансіона и задушить его, такъ сказать, въ своихъ объятіяхъ,

лишая его свѣта и воздуха. Теперь изъ каждаго окна пансіона видны небо и деревья, съ постройкой зданія гимназіи будутъ видны одиѣ стѣны гимназіи.

Рассмотрѣвъ планъ, я раскритиковала и его: внутри коридоръ идетъ зигзагами, что крайне неудобно для надзора. Еще при приспособленіи какого-либо зданія къ учебному заведенію приходится мириться съ разными неудобствами, но при постройкѣ зданія специально для учебнаго заведенія эти неудобства не должны быть допускаемы. Надзоръ долженъ облегчаться, а не затрудняться. Не въ томъ задача учебнаго заведенія, чтобы воспитателямъ было какъ можно труднѣе, а, напротивъ, слѣдуетъ, по возможности, облегчать и безъ того тяжелый трудъ ихъ. Къ сожалѣнію, никогда объ этомъ не думаютъ. Я откровенно высказала свой взглядъ начальнику Е. С. Т. какъ на планъ зданія, такъ и на самый проектъ постройки зданія. Я не скрывала своего взгляда и отъ высшаго начальства. Я прямо говорила, что это будетъ гибель пансіона.

Наконецъ, назначено и засѣданіе строительной комиссіи. Пригласили и меня въ засѣданіе. Стали читать записку—проектъ постройки зданія К**—кой гимназіи на Л. землѣ пансіона. Слушаю со вниманіемъ, и вдругъ слышу утвержденіе, что гигиеническія условія отъ этой постройки не только не ухудшатся для пансіона, а, напротивъ, улучшатся. Я попросила разрѣшенія высказать свое мнѣніе: я высказала, что къ первый разъ въ жизни слышу, что гигиеническія условія улучшаются при уменьшеніи свѣта и воздуха. Это замѣчаніе мое вызвало горячіе споры: всѣ присутствовавшіе утверждали, что пансіонъ, окруженный съ трехъ сторонъ (на разстояніи отъ 12 арш. до 24 арш.), высокимъ зданіемъ, не пострадаетъ въ гигиеническомъ отношеніи, а одинъ педагогъ на мое заявленіе, что въ спальняхъ будетъ слишкомъ мало свѣта, замѣтилъ: «да, вѣдь, воспитанницы только спать въ спальняхъ, зачѣмъ же спальнямъ солнце?» — Я была одна защитницей здоровья воспитанницъ.

Всѣхъ увлекала мысль сдѣлать блестящій гешефтъ обращеніемъ зданія К** гимназіи подъ магазины на такомъ бойкомъ мѣстѣ. Увлекался и попечитель гимназіи, увлекалось и высшее начальство. И ради этого приносили въ жертву интернатъ, на нужды котораго и была отведена земля городомъ. Этого никто не хотѣлъ признавать. Были и такіе, которые радовались гибели пансіона. Я же твердо рѣшила съ постройкой зданія уйти, не желая видѣть гибели пансіона. Но прошло три года, постройка не возводилась, а въ концѣ 1903 г. главноуправляющій при *

посѣщеніи своемъ, объявилъ намъ, что нынѣшнее зданіе N. гимн. не можетъ быть обращено ни во что другое, какъ гимназію, согласно завѣщателью; новое же зданіе рѣшено воздвигнуть на мѣстѣ нынѣшняго зданія гимназіи. Я несказанно обрадовалась этому. Но каково же было мое удивленіе, когда тоже удовольствіе высказалъ начальникъ въ моемъ же присутствіи. «Пансіонъ погибъ-бы отъ постройки зданія въ пансіонскомъ саду» — сказалъ онъ. А не онъ-ли чуть не съ пѣной у рта отстаивалъ свой проектъ противъ меня? Я промолчала. Не все-ли равно, что онъ говорить теперь? Благо, пансіонъ спасенъ *).

Въ своемъ мѣстѣ я упомянула, что С. любитъ наушничество. И вотъ примѣръ. На открывшуюся въ пансіонѣ вакансію сторожа начальникъ поставилъ своего человѣка, нѣкоего Михайла. Это былъ ловкій,мышленный на всѣ руки человѣкъ, и въ этомъ отношеніи онъ былъ кладъ для пансіона. Но начальникъ сдѣлалъ изъ него шпиона. Каждое утро Михайло, являясь къ нему, докладывалъ обо всемъ, что произошло за день въ пансіонѣ. Можно себя представить, что при этомъ говорилось! Мы всѣ въ пансіонѣ чувствовали себя подъ надзоромъ своей тайной полиціи. Стоило мнѣ открыть дверь изъ моей квартиры въ корридоръ, какъ мнѣ бросалась въ глаза его фигура, стоящая со скрещенными на груди руками, въ маленькомъ корридорчикѣ противъ моихъ дверей.

Этотъ человѣкъ сталъ намъ всѣмъ, наконецъ, невыносимъ, а начальникъ собирался сдѣлать его вахтеромъ. Противъ этого, однако, я энергично возстала и предложила на эту должность швейцара, человѣка вполне порядочнаго. Но его не захотѣлъ начальникъ: «сколько разъ я поручалъ ему наблюденіе за прислугой, никогда ничего онъ мнѣ не говорилъ», — сказалъ онъ мнѣ. Другими словами, швейцаръ не годился въ шпионы.

Полгода терпѣла я шпиона Михайла, онъ самъ, наконецъ, далъ мнѣ оружіе въ руки противъ себя. Въ злобѣ на повара и его помощницу повариху, которые не соглашались снабжать его обѣдомъ со стола воспитанницъ, онъ взвелъ на нихъ страшную клевету, которая была раскрыта, и, вооружившись этимъ, я объявила въ хозяйственномъ комитетѣ, что такой человѣкъ не можетъ быть терпимъ въ учебномъ заведеніи, что для него нѣтъ ничего святого, что онъ способенъ опозорить пансіонъ, и, не смотря на защиту его членами хозяйственного комитета, я на-

*) Теперь появился новый проектъ постройки зданія гимназіи въ пансіонскомъ саду.

стояла на немедленномъ его увольненіи. Въ пансіонѣ всѣ вздохнули свободно. Съ тѣхъ поръ при мнѣ уже не было въ пансіонѣ спеціальнаго шпиона.

Въ концѣ мая 1901 г. на прощальномъ вечерѣ въ пансіонѣ солистки наши вторично выступили передъ нашей публикой; на этотъ разъ ихъ было три съ выдающимися голосами. Всѣ поздравляли меня съ успѣхомъ, говоря: «это вамъ онѣ обязаны!» — Молчала по прежнему одинъ начальникъ. Его какъ будто и не было. Онъ продолжалъ игнорировать эти уроки пѣнія, а я продолжала тратить на нихъ свои деньги. Къ сожалѣнію, на вечерѣ не были ни Е. С., ни О. О., ихъ не было въ городѣ. Но это былъ послѣдній вечеръ съ солистками. Весной слѣдующаго 1902 г. умерла учительница ихъ, а съ нею прекратились и эти уроки; да и не было новыхъ выдающихся голосовъ; съ прекращеніемъ уроковъ пѣнія г-жи П. М. въ пансіонѣ прекратилась правильная подготовка голосовъ.

Въ августѣ 1901 г., по возвращеніи моемъ изъ - за границы, мнѣ понадобилось съѣздить въ Петербургъ на нѣсколько дней. Передъ отъѣздомъ моимъ зашелъ ко мнѣ начальникъ и просилъ меня повидаться въ Петербургѣ съ председателемъ учебнаго комитета Вѣдомства и просить его о скорѣйшемъ разрѣшеніи вопроса объ открытіи при Б** гимназіи, взаимнѣ существующаго нѣсколько лѣтъ практическаго класса, «дѣтскаго сада». Цѣлый часъ развивалъ передо мной свою мысль начальникъ. И. Боже мой, какое образцовое, еще невиданное, учрежденіе рисовалось въ его воображеніи при осуществленіи этого проектируемаго «дѣтскаго сада». Молча слушала я, думая про себя: «и ничего изъ этого я не скажу въ Петербургѣ, — такъ какъ все это только фразы и фразы». Въ Петербургѣ я председателя учебнаго комитета не видѣла, такъ какъ канікулярное время для комитета еще не окончилось. Такъ я избавлена была отъ исполненія порученія начальника.

Начинался 1901-1902 учебный годъ. Я упомянула уже въ своемъ мѣстѣ о смерти г. Р., преподавателя русскаго языка и словесности, и о назначеніи на его мѣсто Ч. Когда прошелъ слухъ о приглашеніи Ч., то нѣкоторые лица, знавшія его еще студентомъ, говорили, что онъ не годится для женскаго учебнаго заведенія. Такъ и случилось. Съ первыхъ же его уроковъ пошли разговоры о немъ, какъ о совершенно неопытномъ преподавателѣ, говорили, что онъ не знаетъ грамматики, — очень часто то одна, то другая классная надзирательница обращалась ко мнѣ за разрѣшеніемъ какого-нибудь грамматическаго вопроса, такъ

какъ Ч. сбивалъ всѣхъ съ толку. Классная надз—ца 2 отд. I кл. г-жа Г. дѣлала настоящія представленія, копируя Ч. и вышучивая его. Начальникъ все это слышалъ, но не руководилъ имъ, предоставляя его самому себѣ. Въ то же время нѣкоторыя клас. надзирательницы говорили, что его уроки словесности интересны. Ученицы относились къ нему различно, нѣкоторыя стали за нимъ бѣгать, противъ чего скоро были приняты мѣры. Осенью 1901 года вышучиванье Г. продолжалось. Говорили, что Г. безпрестранно забѣгаетъ къ начальнику и настаиваетъ на смѣнѣ въ ея классѣ Ч. Какъ вдругъ, однажды, начальникъ говоритъ мнѣ: «Ч. отказывается отъ 2-го отд. I кл.» Что же тамъ случилось? Вѣроятно, Г. не сдержалась и произошло столкновение. Весною Г. болѣла, ея нервы были сильно разстроены, немудрено, что она сказала что нибудь лишнее Ч. Въ тотъ же день начальникъ говоритъ мнѣ: «мнѣ извѣстно, что ученицы 2-го отд. I кл. бѣжали въ 1-е отд. и говорили тамъ ученицамъ: «мы его прогнали, прогоните и вы!» Я усумнилась въ истинѣ этого и, отыскавъ классную надзирательницу 1-го отд., спросила у нея, правда-ли это?—«Нѣтъ, неправда!»—отвѣчала мнѣ г-жа Л.—ученицы 2-го отд. прибѣгали узнать, довольны-ли ученицы 1-го отд. отмѣтками Ч. за сочиненіе? Вотъ и все». —Показанія г-жи Л. я передала начальнику, замѣтивъ при этомъ, что г-жа Л. можно безусловно вѣрить, такъ какъ она находится постоянно при классѣ и знаетъ его, какъ свои пять пальцевъ.

Проходить дня два, какъ вдругъ прѣзжаетъ ко мнѣ О. О. Т. и проситъ рассказать, какъ было дѣло Г. съ Ч. и правда-ли, что ученицы 2-го отд. прибѣгали въ 1-е отд. и говорили имъ то-то? «Вы знаете,—говорилъ мнѣ О. О.,—у насъ, въ К** такъ развиты доносы, могутъ донести въ Петербургъ, меня спросятъ, и я, конечно, напишу то, что вы мнѣ скажете!» *)

Меня крайне удивили и визитъ О. О. и, видимо, проверка доклада начальника, который, какъ оказывалось, доложилъ неправду, не смотря на то, что зналъ отъ меня правду,—и, наконецъ, и *заявленіе* О. О. Я рассказала ему, что я знала, и свои предположенія на счетъ неопытности Ч. и нервности Г. «Такъ вы думаете, что Ч. можно оставить?»—спросилъ О. О., выслушавъ меня.—«Думаю, что можно»—отвѣчала я.—«А не перевести-ли Г. въ одинъ изъ младшихъ классовъ?»—продолжалъ спрашивать О. О. «О, нѣтъ, это неудобно!»—отвѣчала я.—«А я зай-

*) Прошу читателя приобщить эти слова О. О. къ словамъ, сказаннымъ имъ мнѣ въ май 1899 г. по поводу NN пансіона.

мусь этимъ дѣломъ». — «Пожалуйста, сдѣлайте это, и если вы что—нибудь замѣтите, сообщите мнѣ». «А какъ относятся ученицы другихъ классовъ къ Ч?» — «Различно»—отвѣчала я,—есть и такія, которыя обожаютъ его». — «Ну, вотъ!» замѣтилъ О. О. и мы разстались. Итакъ, было ясно, что О. О. не вполне довѣряетъ С., что счелъ нужнымъ проверить его докладъ. Давно-бы такъ! Слѣдовало бы по настоящему, чтобы доклады начальниковъ попечителю дѣлались въ присутствіи начальницъ. Тогда бы подпольная работа рушилась.

На слѣдующій день я пригласила къ себѣ Г. и съ глазу на глазъ побесѣдовала съ ней и просила ее оставить въ покоѣ Ч. Она мнѣ передала, что Ч. увѣряетъ, что она будто-бы смѣется надъ нимъ въ классѣ, что она какъ вздохнетъ, такъ ученицы улыбаются. А, между тѣмъ, она весной сильно болѣла и, еще не оправившись, отъ времени до времени тяжело дышала. И вотъ всякій вздохъ ея принимался имъ на свой счетъ, и одинъ изъ такихъ вздоховъ и былъ причиною, что онъ отказался отъ ея класса.

Между тѣмъ, педагогическій персоналъ по дѣлу Г. съ Ч. раскололся на-двое: мужской персоналъ сталъ на сторону Ч.; женскій—на сторону Г.; есть основаніе предполагать, что среди мужскаго персонала, не любившаго Г., были люди, заражавшіе Ч. противъ Г., и они то и были виноваты въ выходѣ Ч. Съ того же дня я начала посѣщать уроки Ч. во всѣхъ классахъ и пришла къ такому выводу: неопытность его въ преподаваніи несо-мнѣнна и имъ необходимо руководить, что лежитъ, конечно, на обязанности начальни-ка,—что грамматику онъ забылъ и ему необходимо заняться ею и готовиться къ каждому уроку,—что уроки его по словесности интересны, но не достаетъ системы,—но такъ какъ, повидимому, онъ не безъ дарованій, изъ него можетъ выработаться хорошій преподаватель словесности, при условіи, что имъ въ первое время будетъ руководить опытная рука. Посѣщенія мои уроковъ Ч. смущали его, но я постаралась его успокоить, увѣряя его, что мои посѣщенія имѣютъ цѣлью поддержать его, а не топить. Между тѣмъ, возбужденіе, вызванное исторіей Ч. и Г., понемногу улеглось. Въ классахъ же ученицы оставались совершенно спокойными.

Въ предыдущую зиму усердно занимались у насъ комиссіи по составленію новыхъ программъ. Имѣя право участвовать во всѣхъ комиссіяхъ, я, однако, уклонилась отъ этого, такъ какъ была увѣрена, что работа эта напрасна. Кто насъ просилъ или кто поручилъ намъ составленіе новыхъ программъ? спраши-

вала я. Программы обыкновенно разрабатываются въ учебномъ комитетѣ Вѣдомства и оттуда рассылаются по гимназіямъ,—самимъ же гимназіямъ не поручается составленіе ихъ. А тутъ вдругъ начальникъ вздумалъ образоватъ спеціальныя коммисіи и поручилъ каждой заняться этимъ дѣломъ.

Окончили коммисіи свою работу; казалось бы, эту работу нужно было-бы обсудить въ общей конференціи, чтобы согласовать программы, выработанныя для каждаго предмета,—ни чуть не бывало: разработанныя отдѣльными коммисіями программы такъ и были соединены вмѣстѣ и издапы въ видѣ одной общей программы. И, такимъ образомъ, мы не только самовольно составили новую программу, но и ввели ее, не согласивъ между собою программы по отдѣльнымъ предметамъ. И, вотъ, сию я однажды (это было уже зимой 1901—1902 г.) на площадкѣ, идеть начальникъ и садится подлѣ меня. Я заговорила о новой программѣ... «И кто это выдумалъ эти программы?» неожиданно выпалилъ онъ, повидимому искренне удивляясь появленію новой программы. «Къ чорту ихъ!»—Съ этимъ послѣднимъ пожеланіемъ я вполне согласилась. Эта исторія съ новыми программами какъ нельзя лучше рисуетъ начальника: «по папѣ» за что нибудь берется, увлекается имъ, а затѣмъ забывается, что онъ хотѣлъ и къ чему стремился.

Въ Январѣ 1902 г. пришло разрѣшеніе открыть младшій приготовительный классъ съ платою за право ученія общей для всѣхъ классовъ (65 р.)—плата неимовѣрная для класса, въ который должны были принимать совершенно неграмотныхъ дѣтей, которыхъ педагогики должны были обучать чтенію и письму и началамъ ариметики. Занятія—3 часа въ день—и за это 65 р. въ годъ. Но что же вышло изъ этого класса? Вмѣсто неграмотныхъ стали поступать въ этотъ классъ не попавшія по конкуренціи въ старшій приготовительный, т. е., дѣти съ извѣстной подготовкой; такимъ образомъ, цѣль открытія этого класса совершенно не достигается. Куда дѣвались блестящіе планы начальника? И онъ уже ругаетъ этотъ классъ, а педагогики ходятъ по городскимъ школамъ, присутствуютъ тамъ на урокахъ, чтобы обучиться приемамъ начальнаго обученія,—и дѣлается это безъ всякаго толку и системы.

Въ началѣ же 1902 г. случился инцидентъ въ гимназіи. Къ новому году въ нашихъ гимназіяхъ обыкновенно выходятъ денежные награды служащимъ. Полагается представлять каждаго къ награждѣ черезъ три года, при чемъ соблюдается очередь. На денежные награды отпускалось Вѣдомствомъ не много болѣе

2,500 р. въ годъ. Изъ этой же суммы выдаются и пособія. Такъ какъ штатъ К** гимназіи чрезвычайно многочисленъ (до 54 ч.), то недостаточно суммъ на то, чтобы каждый получалъ награду чрезъ каждые три года. Но во всякомъ случаѣ, очередь должна соблюдаться,—однако, случается, что кто-нибудь обойденъ, а другой не въ очередь получаетъ награду, при чемъ никакой роли не играетъ заслуга.

Такъ случилось и къ новому 1902 году. Собираясь на Рождественскіе каникулы въ Петербургъ, я узнала, что одна изъ классныхъ дамъ пансіона, ожидавшая по очереди награду, обойдена, а вмѣсто нея получаетъ другая второй годъ сряду. Мени взорвало. Хотя я лично отношусь къ наградамъ совершенно равнодушно, не придавая имъ никакого нравственнаго значенія, (я сама не получала наградъ съ 1889 г.: припомню читателю заявленіе О. О. Т., сдѣланное имъ мнѣ въ Маѣ 1899 г. по поводу блестящаго состоянія N.N. пансіона и его доброй славы,—и это не послужило мнѣ на пользу—я продолжала не получать награды. Конечно, это доказывало полное невниманіе попечителя къ моей работѣ,—но это самое и приучило меня къ пренебреженію наградами), но несправедливое отношеніе къ моимъ ближайшимъ помощницамъ не могло не затронуть меня за живое. И такъ какъ начальникъ никогда не говорилъ со мной о наградахъ служащимъ, то я и написала Е. С., прося ее обратить вниманіе О. О. на практикуемый у насъ порядокъ раздачи денежныхъ наградъ и пособій.

Послѣ возвращенія изъ Петербурга я посѣтила Е. С. и услышала отъ нея: «говорено!» А нѣсколько дней спустя, начальникъ, вернувшись отъ попечителя, вошелъ въ учительскую сердитый: «Чортъ знаетъ, что такое! Губернаторъ второй разъ спрашиваетъ меня, какъ раздаются у насъ денежные награды и пособія! Я созову конференцію, предложу избрать коммисію, которая будетъ разбирать прошенія о пособіяхъ»—объявилъ онъ. Зашелъ онъ ко мнѣ и говорить: «Отчего вы со мной не переговаривали объ этомъ?» — «Да оттого, что вы не имѣете обыкновенія говорить со мной объ этомъ» — отвѣчала я.

Созвана была конференція. Начальникъ объявилъ, что Попечителю жаловались на него, что онъ неправильно опредѣляетъ награды и раздаетъ пособія, и что онъ предлагаетъ образовать коммисію для разбора прошеній о пособіяхъ, а предварительно онъ желаетъ познакомить всѣхъ съ исторіей пособій. Изъ его доклада конференціи выяснилось, что изъ суммы, опредѣляемой на награды и пособія, десять лѣтъ тому назадъ, еще

при предмѣстникѣ С., выдавалось на пособія не болѣе 300 р. въ годъ; со времени же вступленія въ должность настоящаго начальника, т. е., съ 1894 г., сумма, выдававшаяся на пособія, ежегодно увеличивалась и дошла, наконецъ, до 1,300 р. въ годъ, и въ тоже время, въ той же пропорціи, сокращалась сумма наградъ, почему и оказывалось невозможнымъ давать награды каждому черезъ три года. Это было понятно, но не естественнъ былъ ежегодный ростъ суммы выдаваемыхъ пособій; тутъ уже сказывалось умѣнье «подъѣхать». Этимъ также не объяснялось получение одними награды не въ очередь и обходъ другихъ. С. объяснилъ это «недоразумѣніемъ» и ошибкой секретари канцеляріи.

Предложеніе избрать комиссію встрѣчено было съ сочувствіемъ и тутъ же было приступлено къ избранію членовъ комиссіи. Предсѣдателемъ долженъ былъ быть начальникъ, въ члены избраны: я, одна преподавательница и три преподавателя. Предложеніе же начальника возложить на ту же комиссію и опредѣленіе наградъ отвергнуто, хотя можно было бы поручить комиссіи провѣрять списки, составленные секретаремъ, во избѣжаніе недоразумѣній. Начальникъ предложилъ также вопросъ, какой системы держаться при назначеніи размѣра денежныхъ наградъ.

Тутъ мнѣнія раздѣлились: одни были за дѣленіе наградныхъ суммъ поровну, другіе — за то, чтобы тѣ, которые получаютъ меньше жалованья, получали бы больше наградныхъ, — наконецъ, третьи — то были тѣ преподаватели, которые имѣли наибольшее число уроковъ, слѣдовательно, получали болѣе другихъ — стояли за то, что размѣръ наградныхъ долженъ быть пропорціоналенъ суммѣ получаемого жалованья. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что награды въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ крайне неравномѣрны: мужской персоналъ, получая ордена и чины, получаетъ еще и денежные награды и, при томъ, въ большемъ размѣрѣ противъ получаемого женскимъ персоналомъ; послѣдній получаетъ только денежные награды и въ меньшемъ размѣрѣ, — а трудъ одинаковъ. Споры о наградахъ ничѣмъ не кончились, — всё остались при своемъ мнѣніи. Итакъ, къ общему удовольствію служащихъ, вопросъ о пособіяхъ долженъ былъ быть урегулированъ дѣйствіями комиссіи. Но каково было наше удивленіе, когда мы узнали на другой день, что С. страшно недоволенъ учрежденіемъ комиссіи! Да не онъ-ли самъ ее придумалъ? Или онъ рассчитывалъ, что на его предложеніе избрать комиссію всё въ одинъ голосъ заявятъ: «Мы всё довольны существую-

щимъ порядкомъ, не нужно комиссіи!» Похоже на то, — но, увы! взмѣнить этого уже нельзя было.

Дѣятельность комиссіи оказалась весьма полезной: въ первый же годъ ея функционированія всего прошеній о пособіи поступило три и выдано таковыхъ на 300 р. — Такимъ образомъ, осталась на награды значительно большая сумма.

Читатели, можетъ быть, помнятъ, какъ на одномъ вечерѣ въ N N. пансіонѣ одинъ изъ почетныхъ блюстителей пансіона предложилъ вносить ежегодно извѣстную сумму на уроки танцевъ въ двухъ старшихъ классахъ гимназіи. Это случилось среди учебнаго года; наша учительница танцевъ г-жа А. не могла перенести свои уроки въ Институтъ и другихъ учебныхъ заведеній на другіе часы и потому не могла принять на этотъ годъ и эти новые уроки. Пришлось искать другую учительницу. Кто-то рекомендовалъ молодую учительницу министерской жен. гимназіи. Назначены были на эти уроки 6-ые часы. Имѣя всегда дѣло въ пансіонѣ съ 3-хъ часовъ, т. е., по окончаніи обычныхъ занятій въ гимназіи, я не могла присутствовать на урокахъ танцевъ новой учительницы, но, по просьбѣ класныхъ надзирательницъ старшихъ классовъ, я осталась на одинъ такой урокъ. Я нашла, что учительница, какъ молодая особа, дѣлаетъ всё движенія очень быстро и высоко поднимаетъ платье, чтобы вся нога ея была видна, но учить танцевать она умѣетъ. Между тѣмъ, на имя Е. С. посыпались анонимныя письма родителей: писали, что новая учительница танцевъ учить канкану. Письма возымѣли свое дѣйствіе, и къ новому учебному году начальникъ сталъ искать другую учительницу.

Въ это время кто-то изъ чиновниковъ Вѣдомства, кому начальникъ хотѣлъ угодить, просилъ его пристроить какъ-нибудь жену бывшаго институтскаго эконома. И онъ не нашелъ ничего лучшаго, какъ предложить ей уроки танцевъ въ двухъ старшихъ классахъ. Является на урокъ новая учительница. Извѣстно, что туалетъ учительницы танцевъ долженъ быть хотя простъ, но изященъ, особенно обувь и нижнее платье должны быть безукоризненны. Но этимъ то и не отличался туалетъ новой учительницы, такъ что съ перваго урока наружность ея произвела невыгодное впечатлѣніе на всѣхъ; что же касается преподаванія, она за него и взяться не умѣла и не сходила съ мѣста: она нашла, что ученицы танцуютъ хорошо. Всѣ были недовольны такой учительницей и передъ Рождествомъ 1901 г. начальникъ объявилъ мнѣ, что онъ ее рассчитываетъ къ новому году; однако возобновились уроки послѣ праздни-

ровъ и уроки танцевъ остались въ тѣхъ же рукахъ. Однажды прѣзжаетъ въ гимназію Е. С. и спрашиваетъ меня: «Кто такая новая учительница танцевъ—жидовка?»—Я не знаю ея происхожденія—отвѣчаю я,—знаю только, что она жена бывшаго институтскаго эконома.—«А каковы ея уроки?» продолжаетъ спрашивать Е. С.—«Она умѣетъ смотрѣть, какъ танцуютъ»—отвѣчаю я. Проходитъ нѣсколько дней,—входитъ ко мнѣ начальникъ, крайне сердитый, и говоритъ: «Чортъ поberi ихъ всѣхъ! Вздумали учить меня... я самъ педагогъ и могу поучить другихъ!... Я уничтожу танцы въ старшихъ классахъ, на что они? Для молодыхъ дѣвушекъ они даже вредны въ гигиеническомъ отношеніи...»). Я объявляю это Е. С., она хотѣла прѣхать на урокъ, можетъ быть, прѣдетъ сегодня».

Дѣйствительно, въ тотъ же день прѣзжаетъ Е. С. на урокъ танцевъ. Сидимъ мы такъ: Е. С. посреди, начальникъ—по правую руку, я—по лѣвую. Рядомъ со мной стоятъ двѣ классныя надзирательницы. Я не вслушиваюсь въ разговоръ, завязавшійся между Е. С. и начальникомъ и обращаюсь въ ихъ сторону только тогда, когда голоса ихъ становятся громче... и вдругъ начальникъ вскакиваетъ и быстро уходитъ изъ зала. Съ удивительнымъ самообладаніемъ Е. С. обращается ко мнѣ со словами: «Это только можетъ такъ думать невоспитанный поповичъ! Находить танцы вредными для молодыхъ дѣвушекъ болѣе чѣмъ странно»... «Тѣмъ болѣе—замѣтила я—что это единственное средство ихъ сколько нибудь шлифовать». «Единственное!» подтвердила Е. С. Тутъ раздался звонокъ и мы съ Е. С. вышли изъ зала. На площадкѣ стоялъ начальникъ. Мнѣ показалось, что съ минуту въ Е. С. происходила внутренняя борьба—подать-ли ему руку или нѣтъ? Наконецъ, она подала ему руку, онъ приложился къ ней и проводилъ Е. С. внизъ. На слѣдующій день прѣзжаетъ опять въ гимназію Е. С., но на этотъ разъ она по классамъ не пошла, а только посидѣла со мной на площадкѣ. «Онъ былъ у меня вчера—же и валялся у меня въ ногахъ»—сказала она о начальникѣ. «Дѣлайте со мной, что хотите! униженно просилъ онъ меня. Конечно, мнѣ стоитъ сказать слово, и въ 24 часа его не будетъ здѣсь!»—продолжала Е. С., «но я никогда никому зла не дѣлала». Такъ кончился этотъ инцидентъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ послѣ исторіи г-жи Г. и Ч. Исторія эта была забыта. На мѣсто Ч. во 2 отд. 1 кл. былъ

*) Напоминаю читателю фразу, сказанную С. Е. С.-ѣ: «Вы оказываете истинное благодѣяніе!»

назначенъ К., тоже молодой человекъ, но въ преподаваніи болѣе опытный. Онъ былъ красивъ, строенъ, любилъ рисоваться и «кокетничать» и Г. не совсѣмъ была довольна имъ. Однажды она попросила меня прійти на его урокъ въ ея отсутствіи. Я пришла. Предметомъ чтенія его были «женскіе типы въ русской литературѣ», начиная съ «Татьяны» Пушкина. И, Боже мой, какъ рисовался К. и какъ подчеркивалъ онъ *любовь*. Ученицы, понятно, глазъ съ него не спускали,—видимо, онъ увлекался имъ.

Нѣсколько времени спустя, однажды послѣ большой перемѣны, когда всѣ уже разошлись по классамъ, вижу я вдали, у дверей 2 отд. 1 кл. толпу ученицъ. Г. не было въ этотъ день въ гимназіи. Направляюсь туда и говорю собравшимся въ толпу ученицамъ: «что вы тутъ дѣлаете? Пора быть въ классѣ!» Въ это время изъ-за толпы ученицъ поднимается К. съ дивана, на которомъ сидѣлъ, окруженный ученицами. Я вопросительно взглянула на него. «Дѣвицы обратились ко мнѣ съ вопросомъ, когда я возвращу имъ ихъ сочиненія?» протяжно, съ нѣкоторою важною отвѣчалъ онъ мнѣ на мой взглядъ, выражавшій нѣкоторое удивленіе. Выслушавъ его, я подумала: для того, чтобы отвѣтить на такой вопросъ ученицъ, не нужно было располагаться на диванѣ и бесѣдовать съ ученицами. Этотъ отвѣтъ можно было дать и стоя, на ходу. Я сочла нужнымъ передать объ этомъ начальнику и просить его объяснить К., что съ ученицами старшихъ классовъ, уже взрослыми, слѣдуетъ обращаться молодому преподавателю очень осторожно; нельзя забывать, что онъ «молодые дѣвушки», легко увлекаются не столько предметомъ преподаванія, сколько личностью преподавателя, если онъ молодъ и красивъ. Начальникъ поговорилъ съ К. въ тотъ же день.

Въ это время въ К** находился извѣстный «сказатель» былинъ Рябининъ. Онъ былъ приглашенъ и въ нашу гимназію; на чтеніи его собрались и преподаватели и между ними былъ и К. И, вотъ, забывъ бесѣду съ нимъ начальника, К. расположился среди ученицъ, которыя чуть не висѣли у него на шеѣ. На это обратили вниманіе всѣ присутствовавшіе—пошли разговоры, которые дошли и до К. На слѣдующій день стою я въ корридорѣ, когда преподаватели направлялись въ классы на урокъ. Идетъ К., здороваюсь со мной и говоритъ: «Мнѣ нужно бы поговорить съ вами». — «Что прикажете?»—спрашиваю. — «На—дняхъ Д. А. говоритъ со мной по поводу того случая, когда вы застали меня среди ученицъ,—теперь я опять слышу разговоры о себѣ,—

мнѣ сообщилъ объ этомъ Г. В., съ которымъ я дружилъ. — «Вы, вѣроятно, въ первый разъ преподаете въ женскомъ учебномъ заведеніи?» — спрашиваю я. — «Нѣтъ, я преподавалъ въ гимназіи Б». — «Вотъ, видите-ли» — продолжала я — въ отношеніи къ взрослымъ ученицамъ нужно быть очень осторожнымъ, — это легко воспламеняющійся элементъ. Да, вотъ, вы упомянули, что дружили съ Г. В., — такъ обратитесь къ нему за совѣтомъ, онъ также молодъ, но держитъ себя съ большимъ тактомъ съ ученицами, за нимъ не побѣгутъ и на шею не повиснутъ». Этимъ закончился нашъ разговоръ.

Не задолго до экзаменовъ, на урокъ Ч. въ V кл. 1 отд. произошло слѣдующее: вызываетъ Ч. одну ученицу, она отказывается отъ урока, классная надзирательница Б. дѣлаетъ у себя отмѣтку. У насъ было принято, что ученица, почему либо не приготовившая урока, заявляетъ объ этомъ клас. надзирательницѣ, а послѣдняя — учителю. На этотъ разъ ученица, отказавшаяся отъ урока, не соблюла условія, почему клас. надзирательница и отмѣтила ее у себя. Замѣтивъ это, Ч. вскакиваетъ и со словами: «подавляющая дисциплина!» выбѣгаетъ изъ класса. Классная надзирательница въ слезахъ прибѣгаетъ ко мнѣ и сообщаетъ о случившемся. Успокоивъ ее, я немедленно отыскала начальника и, сообщивъ ему о неприличной выходкѣ Ч., сказала: «скажите ему, что на этотъ разъ я защищать его не стану». Ч. долженъ былъ извиниться передъ Б. Нужно замѣтить, что 1 отд. V кл. до этого случая было образцовымъ по дисциплинѣ; по составу своему онъ былъ ненормаленъ: очень много отличныхъ ученицъ и столько же слабыхъ, неразвитыхъ, — среднихъ же очень мало, но относительно дисциплины былъ превосходнымъ; всѣ серьезныя преподаватели и преподавательницы въ этомъ отношеніи были очень довольны классомъ. И, вотъ, стоило Ч. выпалить такую глупую, безтактную фразу, и классъ въ самомъ непродолжительномъ времени сталъ неузнаваемъ: изъ образцоваго онъ сталъ распущеннымъ, съ нимъ сладу не было. Конечно, при другомъ начальникѣ, можно было бы, наконецъ, съ нимъ сладить, но при настоящемъ, который постоянно подрывалъ авторитетъ клас. надзирательницъ и мой, ничего нельзя подѣлать. Ученицы очень хорошо знаютъ, что требованія клас. сныхъ надзирательницъ не поддерживаются начальникомъ, а требованія начальника не имѣютъ подъ собой почвы.

Вслѣдъ за выходкой Ч. опять заговорили о немъ въ гимназіи. Передъ тѣмъ была одна экскурсія ученицъ III кл. за городъ, въ экскурсіи принималъ участіе и Ч. На прогулкѣ уче-

ницы разбились на группы, въ каждой была или классная надзирательница, или преподаватель; и, вотъ, вскорѣ послѣ вышеупомянутой выходки Ч. стали рассказывать, что одинъ изъ сослуживцевъ Ч. въ частномъ учебномъ заведеніи, сказалъ кому-то изъ служащихъ въ нашей гимназіи, что Ч. рассказываетъ, будто-бы ученицы на экскурсіи «лизали ему шею». Къ сожалѣнію, это передавалось «по секрету». Я всегда была того мнѣнія, что подобнаго рода рассказы должны сообщаться начальству заведенія открыто, а не «по секрету», ибо въ послѣднемъ случаѣ они получаютъ характеръ сплетни.

Вмѣстѣ съ этимъ рассказомъ пошли рассказы и о томъ, что Ч. часто встрѣчаютъ въ садахъ съ ученицами. Словомъ, пошли разговоры о Ч., въ которыхъ смѣшивалась была съ небывлицей. Въ одинъ прекрасный день начальникъ объявилъ мнѣ и другимъ, что онъ рѣшилъ славить Ч. и Б., что оба они намъ не годятся. Я согласилась съ его мнѣніемъ, и не я одна. Передъ каникулами, однако, заходитъ ко мнѣ преподаватель А. и начинаетъ говорить въ защиту Ч., что всѣ его промахи суть слѣдствіе молодости и неопытности, что онъ — даровитый молодой человекъ, что жаль его терять, и въ заключеніе сталъ говорить о томъ, какой онъ хорошій семьянинъ. Этимъ послѣднимъ аргументомъ А. меня подкупилъ и я согласилась не противиться оставленію его въ гимназіи.

Нѣсколько дней спустя зашелъ ко мнѣ и начальникъ и далъ мнѣ прочитать письмо Ч. къ нему; письмо было длинное и, казалось, искреннее: въ немъ онъ сознавалъ свою неопытность и безтактность, излагалъ свои взгляды на воспитаніе, противъ которыхъ ничего нельзя было сказать, и я, уже подготовленная А., согласилась на оставленіе Ч. въ гимназіи. «Признаться сказалъ мнѣ, между прочимъ, А., я обвиняю немного васъ и Д. А., вы должны были имъ руководить...» Я разсмѣялась. «Посмотрѣла бы я, что бы вы всѣ заговорили, если бы я вздумала имъ руководить. Всѣ вы завопили бы, что я вмѣшиваюсь не въ свое дѣло» — отвѣтила я.

Такъ Ч. остался еще на слѣдующій учебный годъ въ нашей гимназіи.

Еще весною 1902 г. до меня дошли разговоры въ гимназіи, что въ сентябрѣ этого года исполнятся 40 л. службы начальника, что говорятъ о подпискѣ на стипендію его имени и пр. и пр. Тѣмъ, которые передавали мнѣ это, я говорила, что сорокалѣтніе юбилеи не празднуются, что Высочайше запрещено праздновать промежуточные юбилеи (сверхъ 25 л. и 50 л.), — но

на всякій случай я сочла нужнымъ обдумать, какъ поступить въ случаѣ серьезныхъ намѣреній поднести что-нибудь юбиляру. Я долго обдумывала этотъ вопросъ, разсматривая его со всѣхъ сторонъ, и, наконецъ, пришла къ рѣшенію лично не принимать участія въ чествованіи юбиляра—начальника, остающагося начальникомъ, котораго при томъ, кромѣ нѣсколькихъ друзей, никто въ гимназій не любитъ и не уважаетъ. На этомъ я и остановилась. Какое рѣшеніе примутъ всѣ служащіе въ гимназій—это меня не касается, пусть поступаютъ, какъ хотятъ.

Наступилъ августъ,—заговорили опять о юбилеѣ начальника. Оказывалось, что самъ юбиляръ весной сказалъ одному изъ своихъ друзей: «Въ сентябрѣ исполнится 40 л. службы моей, по, пожалуйста, чтобы ничего не было!» Разумѣй: «устройте что-нибудь!» Вѣдь, для того, чтобы ничего не было, проще всего было, ничего не говорить объ исполненіи 40 л. службы, и никто-бы не узналъ объ этомъ. Такъ и поняли друзья и принялись за дѣло. Уже съ начала сентября начальникъ не показывался въ гимназій, онъ зналъ, что въ учительской происходятъ бурныя сцены. Вопросъ о чествованіи и о формѣ чествованія рѣшенъ былъ тремя друзьями начальника А., В. и П.,—и свое рѣшеніе они навязывали всѣмъ, не спрашивая ихъ мнѣнія. Прямо объявлялось: «Рѣшено то—то!» Такое обращеніе съ товарищами возмущало всѣхъ, въ учительской шелъ бой не на животь, а на смерть. Мнѣ лично еще никто не дѣлалъ предложенія и не спрашивалъ моего мнѣнія. Наконецъ, за нѣсколько дней до «знаменательнаго» дня, приходятъ ко мнѣ, въ гимназій, двое изъ орудовавшихъ и говорятъ: «19 сент. 40 л.-й юбилей Д. А., и у насъ рѣшено чествовать юбиляра». Замѣтите: «рѣшено»—а я, не послѣдняя спица въ колесницѣ гимназій, не принимала участія въ такомъ рѣшеніи. — «Да»—отвѣчаю я, — «я слышала что-то о стипендіи»... «Нѣтъ, стипендія невозможна, слишкомъ много денегъ потребуется, трудно собрать такую сумму... а «рѣшено» поднести адресъ и устроить угощеніе»... «40—лѣтніе юбилеи не полагаются, они Высочайше запрещены»—замѣтила я—*никакого адреса*, принимая во вниманіе настроеніе большинства...а угощеніе можно сдѣлать» — «Да, конечно, настроеніе большинства»... согласились «депутаты» (?) и исчезли. Отвѣтъ мой сталъ, конечно, извѣстенъ тотчасъ же всѣмъ. Одна изъ сослуживицъ важно проходитъ мимо меня и торжественно произноситъ: «Провалили!»—то есть, провалили адресъ.

На слѣдующій день прихожу въ гимназій и натываюсь на А., одного изъ заправилъ юбилея. «Е. И! маленькая перемѣна:

—говоритъ онъ мнѣ—«рѣшено» поднести адресъ...» Кто рѣшилъ? все тоже trio!—«Никакого адреса!».. снова заявляю я и поднимаюсь навѣрхъ. Въ одну изъ перемѣнъ застаю А. среди нѣсколькихъ дамъ говорящимъ что-то съ увлеченіемъ. Я подхожу къ нимъ. Рѣчь шла о чествованіи юбиляра... «Г. В!—говорю я—мое мнѣніе таково: *подноситъ адресъ начальнику, остающемуся начальникомъ, неприлично и неблагозвучно*,—это подлизываніе или то же, что взятка. Я адреса не подниму, примите это къ свѣдѣнію!» — «Я думаю,—заговорилъ А,—что настанетъ когда-нибудь время, когда можно будетъ сказать «любимому и уважаемому» начальнику: мы васъ любимъ и уважаемъ». — «Да такое время всегда было и есть,—возразила я,—кто-же мѣшаетъ выражать чувства любви и уваженія начальникамъ? а вотъ, настанетъ-ли время, когда подчиненные смогутъ сказать начальнику: «мы васъ не любимъ и не уважаемъ»—это другой вопросъ». Сказавъ это, я повернулась и ушла. Прошелъ еще день. А бой въ учительской разгорается. Прихожу въ гимназій и опять натываюсь на А. «Можно вамъ принести адресъ для подписи?»—спрашиваетъ меня А. — «Нѣтъ, *не можно!*»—говорю я съ удареніемъ на этихъ словахъ и съ немалымъ удивленіемъ: вѣдь, объявила же я ему, что я адреса не подпишу! Поднимаюсь навѣрхъ. Среди дамъ оживленные разговоры... Очевидно, убѣждаются дамы, что у нихъ силъ нѣтъ противъ *насилія* хотя бы и меньшинства, но меньшинства, рѣшившагося не отступать ни передъ чѣмъ... Нѣкоторые начинаютъ меня убѣждать подписать адресъ... «Да вы съ ума сошли!»—уже съ негодованіемъ говорю я,—«всю жизнь свою я не кривила душой ни ради чего, не подлизывалась бѣ начальству—и вдругъ, подъ конецъ службы и жизни, я сведу на нѣтъ все свое прошлое! Я хочу сохранить за собой право смотрѣть прямо въ глаза честнымъ людямъ и называть подлеца подлецомъ: подписывая адресъ, я теряю это право».

Сказавъ это, я рѣшилась сдѣлать еще одинъ шагъ: я написала юбиляру письмо такого содержанія. «Какъ вамъ извѣстно, я не подписала адреса, поднесеннаго вамъ, и сдѣлано это потому, что, по моему мнѣнію, подносить адресъ начальнику, остающемуся начальникомъ, неприлично и неблагозвучно, и, хотя и говорятъ: съ волками жить, по волчьи выть,—но я никогда не слѣдовала этому принципу, чѣмъ и приобрѣла уваженіе истинно честныхъ людей, что и составляетъ мою гордость. Не переносите этого на личную почву,—это—принципъ, которому я всегда оставалась вѣрна». —Написавъ это письмо, которое я рѣшила передать юбиляру уже по окончаніи чествованія его, я дала про-

читать его нѣсколькимъ сослуживцамъ, прочитали его, конечно, и друзья юбиляра и—всполошились. Повидимому, они убоялись впечатлѣнія этого письма на сослуживцевъ... и двое изъ нихъ отправляются къ попечителю, *Θ. Θ. Т.*, въ *качество депутатовъ отъ гимназій*, депутатовъ, никакъ не уполномоченныхъ, и просятъ разрѣшенія торжественно чествовать юбиляра—начальника молебномъ, съ участіемъ старшихъ классовъ обѣихъ гимназій и персонала ихъ, и поднесеніемъ адреса. Разрѣшеніе, конечно, получено и объявлено въ гимназій. Можно себѣ представить бурю, разразившуюся въ учительской! Но дѣло сдѣлано, нельзя же было идти на явный, публичный скандалъ—и чествованіе состоялось по программѣ друзей, которые позволили себѣ насмѣяться надъ товарищами и сдѣлали это безнаказанно!

На молебенъ прибыли *Е. С.* и *Θ. Θ.*,—послѣ молебна присутствующіе образовали кругъ, въ центрѣ котораго стоялъ юбиляръ и читавшіе адреса. Началось чтеніе сначала адреса *К*** гимназій. Этотъ адресъ былъ довольно скромный, только одна фраза въ немъ послужила предметомъ остротъ: «все въ гимназій, каждый шагъ напоминаетъ васъ, *Д. А.*!» Остряки говорили: «каждый шагъ, который мы дѣлаемъ въ гимназій, напоминаетъ *Г.* (предшественника его), каждый уголъ «воняетъ» *Д. А.-мъ* (намекъ на отсутствіе вентиляціи въ большей части гимназій). Но, Боже мой, чего не наговорили въ адресѣ 2-й гимназій! стыдно было слушать и стыдно было за тѣхъ, кто написалъ этотъ адресъ: и образцовый-то администраторъ онъ, и педагогъ и пр. Я стояла рядомъ съ *Е. С.*, держа въ рукахъ конвертъ съ моимъ письмомъ на имя юбиляра, намѣреваясь вручить его послѣднему, когда уже всѣ разойдутся; но сослуживцы мои вообразили, что я намѣрена прочитать его тутъ же вслѣдъ за адресами—и трепетали, глядя на мой конвертъ. И, вотъ, одна изъ моихъ сослуживицъ, которую я очень любила и уважала, *М. Θ. А.* подкралась ко мнѣ и, убѣждая меня не дѣлать скандала, о которомъ я и не помышляла, стала вытягивать изъ моихъ рукъ несчастный конвертъ, и, когда онъ очутился въ ея рукахъ, тогда только заинтересованные зрители вздохнули свободно. Конечно, я въ тотъ-же день переписала письмо и отправила по назначенію. Объясненія между *С.* и мною не послѣдовало. За нѣсколько дней до юбилея одна изъ учительницъ рисованья г-жа *В.* спросила меня, могутъ-ли ученицы *I кл.* поднести юбиляру разрисованныя по стеклу ширмы, роскошно отдѣланныя?

Я отвѣтила, что въ виду существующаго Высочайшаго запрета подносить начальству и прочему персоналу учебнаго за-

веденія подарки ученицами, не могутъ подносить своего подарка юбиляру ученицы *I кл.* И учительница поднесла этотъ подарокъ начальнику отъ себя. Нѣсколько дней спустя, говоритъ мнѣ начальникъ, что его ужасно стѣсняетъ этотъ подарокъ: «я долженъ отблагодарить ее подаркомъ!» сказалъ онъ и—отблагодарилъ наградой виѣ очереди.

На видъ наши отношенія съ начальникомъ не измѣнились, онъ держалъ себя въ отношеніи ко мнѣ какъ ни въ чемъ не бывало....

Насталъ ноябрь. Приближалось 14 число, день рожденія Императрицы Маріи Теодоровны. *Θ. Θ.* по обыкновенію своему далъ своихъ сто рублей на балъ для ученицъ. Начались обыкновенныя приготовленія. Начались, какъ всегда, разсужденія о томъ, кому предоставить пригласительные билеты, и всѣ рѣшали, что только педагогическому персоналу, но никакъ не самимъ ученицамъ, а кончилось, какъ всегда, тѣмъ, что начальникъ давалъ билеты и ученицамъ безъ всякаго разбора. Уже разъ былъ такой случай, что на балъ въ гимназій явился въ пьяномъ видѣ юнкеръ, котораго съ трудомъ выпроводила. Но это не послужило урокомъ начальнику. Начался балъ. Въ началѣ бала, когда еще не много собралось и ученицъ, и кавалеровъ, можно было любоваться тѣмъ, какъ мило держали себя и танцовали ученицы, но ко времени пріѣзда на балъ *Е. С.* балъ былъ въ полномъ разгарѣ, залъ былъ переполненъ, танцующіе стояли почти вплотную къ сидѣвшимъ по сторонамъ зрителямъ. Съ *Е. С.* пріѣхалъ вице-губернаторъ, бар. *Ш.* Сѣвъ на мѣсто, *Е. С.* стала разсказывать мнѣ, какъ, выйдя изъ экипажа у подѣзда гимназій, она столкнулась въ наружныхъ дверяхъ съ двумя гимназистками, стоявшими съ гимназистами, и на вопросъ ея: «что-же, *mes dames*, вы не идете танцовать?» онѣ развязно отвѣтили: «а, вотъ, мы сначала поговоримъ, а потомъ пойдѣмъ танцовать». *Е. С.* была виѣ себя отъ такого нахальства гимназистокъ. Я же, выслушавъ ее, рѣшила, что гимназистки, не узнавшія *Е. С.*, которая часто посѣщаетъ гимназій, не могутъ быть нашей гимназій,—и это предположеніе свое я высказала *Е. С.* Начальникъ же пошелъ на поиски, и ему удалось узнать, что это были гимназистки министерской гимназій, доставшія форму нашей гимназій. Слава Богу, гора съ плечъ свалилась! Между тѣмъ, баронъ *Ш.* пристально всматривается въ толпу танцующихъ и тѣляющихся—не увидятъ-ли онъ чего неприличнаго и отъ времени до времени говоритъ *Е. С.*: «смотрите, смотрите!» А у *Е.*

С. и безъ его помощи глаза остры, увидеть все, чего другіе не замѣтятъ.

При желаніи найти что-нибудь въ такой толпѣ всегда что-нибудь замѣтишь. Я сижу какъ на иголкахъ, вся превратившись въ слухъ и зрѣніе. Вотъ протискивается между танцующими и нами одна педагогичка. Прищуриваясь, она всматривается въ насъ въ упоръ. Какъ потомъ оказалось, она страшно близорука. Когда она прошла, я встала и шагомъ послѣдовала за ней на площадку подлѣ зала. Подойдя къ ней, я тихо сказала ей, что невѣжливо прищуриваться такъ въ упоръ людямъ въ лицо, да еще къ тому же въ нашу почетную бюстительницу, которую она не можетъ не знать въ лицо. Говоря съ ней, я обратила вниманіе на ея платье, которое было не по формѣ, а между тѣмъ, уже недѣли за двѣ до бала напоминалось всѣмъ, что всѣ должны быть одѣты по формѣ и предупреждалось, что одѣтыя не по формѣ не будутъ допущены на балъ. И, вотъ, педагогичка, будущая воспитательница или учительница, подаетъ примѣръ неповиновенія. Я объявила ей, чтобы она отправилась домой; на заявленіе же ея, что за ней должны прійти ея родители, я сказала, чтобы она шла въ мою комнату. Тоже повторилось еще съ одной ученицей I кл., но потомъ, по просьбѣ классныхъ дамъ, я разрѣшила обѣимъ вернуться въ залъ. Между тѣмъ, въ залѣ, сидя рядомъ съ Е. С. и слыша баронскія «смотрите, смотрите!» я продолжаю зорко всматриваться въ проходящихъ мимо ученицъ. Вотъ идетъ еврейка Х., безобразно подобравшая свой шлейфъ (не разрѣшаемый, конечно, въ форменныхъ платьяхъ). Я встаю и тихимъ шагомъ нагоняю ее, иду съ ней рядомъ и шепчу: «опустите платье!» Класснымъ дамамъ я на ходу шепчу, чтобы онѣ напоминали ученицамъ не ходить подъ руку съ кавалерами и не гулять по корридору... Такъ проходитъ весь балъ, Е. С. уѣзжаетъ за долго до окончанія бала. Наконецъ, балъ кончился. На слѣдующій день пріѣзжаетъ въ гимназію Е. С. и говоритъ мнѣ: «я хочу поговорить съ вами по душѣ». Мы уходимъ въ мою комнату и остаемся однѣ. «Вѣдь мы ихъ сводимъ, устраивая эти балы!» говоритъ Е. С. — «Совершенно вѣрно!» — отвѣчаю я, — мы знакомимъ ихъ съ молодежью, незнакомой ихъ родителямъ, да еще съ такою, которая является къ намъ на балъ не по нашему выбору. И если среди родителей встрѣчаются такіе, которые довольны такому сближенію молодежи, то есть и такіе, которые не довольны и не пускаютъ своихъ дочерей на гимназическій балъ. Это, конечно, лучшія семьи...» — «Нѣтъ, — про-

должаетъ Е. С., — «я уговорю Ѳ. Ѳ. отказаться отъ этихъ баловъ!»... — Долго еще говорили мы на эту тему. Е. С. уѣхала, а на слѣдующій день начальникъ объявляетъ, что Ѳ. Ѳ. желаетъ, чтобы вопросъ о балахъ обсужденъ былъ въ комиссіи. Собралась комиссія по выбору начальника. Изъ кого же она состоитъ? Не изъ опытныхъ педагоговъ, а изъ попавшихся случайно на глаза. Въ числѣ ихъ оказывается и Ч. Ему-то особенно было мѣсто въ такой комиссіи! Собрались. «Ѳ. Ѳ. желаетъ» — заявляетъ начальникъ, — «чтобы комиссія рѣшила, *имѣютъ ли воспитательное значеніе балы?* По моему», — продолжаетъ начальникъ, — «они имѣютъ громадное воспитательное значеніе, приучаютъ молодыхъ дѣвушекъ къ выдержкѣ...» Ч. возвышаетъ голосъ: «но, Боже сохрани, дѣлать имъ замѣчанія! (какъ согласовать приученіе къ выдержкѣ съ полной свободой хотя бы повиснуть на шеѣ кавалера—это—тайна начальника и Ч., — не забудемъ, что здѣсь молодыя дѣвушки и молодые люди изъ всякой среды, — бываютъ такіе, которые понятія не имѣютъ о приличіи). — «Но, — начинаетъ снова начальникъ, — «принимая во вниманіе, что всѣ мы, кромѣ непріятностей, ничего не видимъ отъ этихъ баловъ, лучше, чтобы ихъ не было». Всѣ согласились съ этимъ. Ч. же къ словамъ этимъ добавилъ: «и когда съ ученицами обращаются по солдатски»... Начальникъ не замѣтилъ ему неприличія такого выраженія, только перебилъ его рѣчь. Такъ какъ до меня уже дошло, что уже на балу Ч. послѣ отбѣзда Е. С., ораторствовалъ по поводу сдѣланныхъ мною шопотомъ замѣчаній одной педагогичкѣ и одной ученицѣ I кл., то я поняла, что каменъ пущенъ рукою Ч. въ мой огородъ, но во время засѣданія, я и виду не показала, что я поняла. Всѣ остальные, бывшія тутъ дамы были возмущены выходкой Ч. Кончилось засѣданіе. Я обратилась къ начальнику: «меня удивляетъ, Д. А», — сказала я — «какъ могли вы позволить Ч. выражаться такъ!...» — «Я не замѣтилъ» — извинился онъ, (а я такъ думаю, что это было *имъ* подстроено, для этого и былъ призванъ Ч. въ комиссію, чтобы сказать дерзость по моему адресу). «Я требую» — продолжала я, — чтобы Ч. предъ мною извинился! — Требованіе это было исполнено, но извиненіе было оповтореніемъ дерзости. «Я извиняюсь», — сказалъ Ч., «но остаюсь при своемъ мнѣніи». Такъ-то платилъ мнѣ этотъ молокососъ за то, что я два раза спасла его отъ увольненія изъ гимназіи!

Я повернулась и ушла, и съ этого времени не подавала ему руки. Онъ же не считалъ нужнымъ дѣлать поклонъ въ стѣнахъ гимназіи лицу, принадлежащему къ администраціи гимна-

зии, при исполненіи имъ служебныхъ обязанностей. Когда я сказала объ этомъ начальнику, то онъ замѣтилъ только: «Чего же ожидать отъ такого дурака!» Но «такого дурака» обязанъ, я думаю, учить начальникъ, чтобы онъ не былъ дуракомъ въ подобныхъ случаяхъ.

«О. О. очень желаетъ, чтобы у насъ были балы» — сказала мнѣ начальникъ нѣсколько дней спустя послѣ засѣданія комиссіи по вопросу о балахъ, — и созвалъ конференцію для обсужденія этого вопроса. На этомъ засѣданіи присутствовала и начальница 2-ой гимназіи, почтенная г-жа С. Начальникъ опять говорить о воспитательномъ значеніи баловъ, г-жа С. съ этимъ не соглашалась, другія дамы говорили, что балы возбуждаютъ въ ученицахъ преждевременное кокетство и зависть къ тѣмъ подругамъ, которыя больше танцуютъ, а такъ какъ успѣхъ на балахъ имѣютъ преимущественно хорошенькія и болѣе развязныя, среди которыхъ бывають часто ученицы, плохо учащіяся, то этотъ успѣхъ подругъ наводитъ хорошихъ, но некрасивыхъ ученицъ на нѣкоторые, преждевременныя размышленія. Въ тѣхъ же ученицахъ, которыя, по бѣдности, дома не имѣютъ случая танцовать, балы возбуждаютъ жажду къ удовольствіямъ... Наконецъ, говорили нѣкоторые, — мы сводимъ молодежь, родители которой между собою незнакомы. «За недѣлю или двѣ до бала и столько же послѣ бала ученицы не учатся» — замѣтилъ одинъ преподаватель, скромный молодой человекъ, съ независимымъ характеромъ, дерзнувшій не соглашаться съ мнѣніемъ о воспитательномъ значеніи баловъ... Это замѣчаніе преподавателя не понравилось начальнику, привыкшему къ тому, что преподаватели его всегда поддерживаютъ. «Если преподаватель не умѣетъ заинтересовать своихъ ученицъ» — замѣтилъ онъ говорившему, — «то онъ самъ виноватъ». Обиженный преподаватель замолчалъ. Всѣ остальные преподаватели упорно молчали. — Конференція, однако, ни къ чему не пришла, и мы долго еще воду толкли по вопросу о «воспитательномъ значеніи баловъ». На слѣдующій день преподаватель, обиженный замѣчаніемъ начальника на конференціи, сидя въ учительской, рассказывалъ свой сонъ: «Вижу я» — говорить онъ — «собраніе звѣрей, сидятъ среди нихъ собачки и хвостомъ помахиваютъ». Напустились на него преподаватели за этотъ «нетоварищескій» сонъ. Видно, въ собачкахъ признали себя.

Прошло еще нѣсколько дней. О. О. пожелалъ созыва новой конференціи, на которой онъ самъ и предсѣдательствовалъ. Выдвинуто было много вопросовъ и между ними вопросы о по-

сѣщеніи гимназистками садовъ публичныхъ и всенощныхъ въ соборахъ. Дамы настаивали на томъ, чтобы ученицы въ сумеркахъ не гуляли въ садахъ безъ родителей или старшихъ, также и соборы не посѣщали безъ этого условія. О. О., при каждой постановкѣ имъ вопроса, обращался ко мнѣ съ вопросомъ: «Е. И., ваше мнѣніе? *Какъ вы скажете, такъ и будетъ!*» *) — Но я уклонялась отъ категорическаго рѣшенія, предпочитая рѣшать ихъ сообща. Къ начальнику О. О. совсѣмъ не обращался съ вопросами. Дамы были въ восторгѣ отъ О. О., который, предсѣдательствуя въ конференціи, свободно выслушивалъ мнѣніе каждой, предоставляя ей высказаться до конца, къ чему онъ совсѣмъ не приученъ.

Такъ какъ большинство высказалось противъ баловъ, то въ замѣнъ ихъ начальникъ предложилъ О. О. устраивать литературныя утра. Опять появились широкіе планы, на которые такъ плодотворно начальникъ. Онъ обѣщалъ устраивать литературныя утра чуть ли не каждое воскресенье, или по крайней мѣрѣ, разъ въ мѣсяцъ. Созваны были комиссіи литературныя и научныя (историческая, географическая, естественная), предложено было разработать программу чтеній по всѣмъ предметамъ. Г. г. преподаватели, занятые всѣ по горло, благоразумно уклонились отъ приготовления чтеній. Разъ два собирались эти комиссіи, — ничего не разработали. И широкіе планы начальника оказались, какъ всегда, мыльнымъ пузыремъ. Было литературное утро — «Некрасовское», было еще одно утро экспромптомъ — и тѣмъ и завершились широкіе планы. Да и въ самомъ дѣлѣ, возможно-ли часто отвлекать ученицъ отъ обязательныхъ занятій для подготовки къ литературному утру?

Преподаватели жалуются, что не имѣютъ времени пройти весь курсъ и спросить всѣхъ ученицъ каждую четверть, а тутъ еще постоянное отвлеченіе литературными утрами. Разъ, много-два раза въ годъ — вотъ все, что можно сдѣлать въ этомъ отношеніи. При томъ же К** представляетъ юношеству столько развлеченій, что гимназическія литературныя утра представляютъ для большинства ученицъ старшихъ классовъ мало интереса.

25 Февраля 1903 г. созвана была конференція, на которой преподаватель А. выступилъ съ предложеніями, имѣвшими цѣль *поднять воспитательную и образовательную части въ гимназии*. «Все-ли мы сдѣлали для гимназіи, что должны были сдѣлать?» таковъ былъ первый вопросъ, поставленный предсѣдателемъ, — на-

*) Прошу читателя запомнить и эти слова.

чальникомъ. Гробовое молчаніе. Я, наконецъ, подала голосъ: «Въ основу дѣла воспитанія въ школѣ должна лечь чистая нравственная атмосфера, которой должны дышать дѣти, а для этого нужно многое... и прежде всего *правда*». Предсѣдатель перебиваетъ:— «Для чего это говорить о какой-то нравственной атмосферѣ, которой *яко-бы* (?) должны дышать дѣти? Тутъ какое-то привлеченіе всѣхъ къ отвѣту»... и пр., и пр., словомъ, выводъ изъ сказаннаго предсѣдателемъ тотъ, что на его вопросъ: «все ли мы сдѣлали, что должны были сдѣлать для гимназій?» нельзя было и отвѣчать; сказать: «все сдѣлали», значить, доказать ненужность поднятія воспитательной и учебной частей въ гимназій, ибо онѣ стоятъ на должной высотѣ; сказать: «не все сдѣлали» — требуетъ точнаго опредѣленія того, что должны были сдѣлать и что сдѣлали. Я къ этому вопросу и подошла; подходъ этотъ, однако, не понравился предсѣдателю: «тутъ какое то привлеченіе всѣхъ къ отвѣту» — сказалъ онъ, — «да, вѣдь, самая постановка предсѣдателемъ вопроса есть уже *привлеченіе всѣхъ къ отвѣту*! Видимо, предсѣдатель не отдавалъ себѣ отчета въ этомъ. «Какая-то нравственная атмосфера, которой *яко-бы* должны дышать дѣти!» Эта тирада великолѣпна и характеризуетъ вполне начальника гимназій. Онъ здѣсь является предъ нами во весь ростъ. Онъ не сознаетъ того, что въ каждой средѣ, и въ школѣ также, существуетъ нравственная атмосфера, чистая, или нечистая, и что эту атмосферу въ школѣ создаетъ: личность начальника съ его принципами, правда или ложь, его отношеніе къ служащимъ, произволъ его или законность, далѣе педагогическій персоналъ со всѣми его взаимными отношеніями, принципами и отношеніемъ къ дѣлу; и результаты воспитанія, именно, въ тѣсной зависимости отъ этой атмосферы. Отвергать значеніе ея для школы — значить ничего не понимать въ дѣлѣ воспитанія юношества.

И такъ, отвѣчать прямо, искренне, на поставленный предсѣдателемъ вопросъ не полагается; нужно ходить вокругъ да около, говорить громкія фразы и ни къ чему положительному не прійти — такова благодарная задача этого начальника.

Новый вопросъ ставитъ предсѣдатель: «слѣдуетъ рѣшить вопросъ» (давно рѣшенный!): «можно-ли отдѣлять воспитаніе отъ образованія?» — и самъ же продолжаетъ: «Нельзя не признать, что ближайшія лица къ дѣтямъ — классныя надзирательницы; — онѣ постоянно съ ними, слѣдовательно, имѣютъ наибольшее соприсношеніе съ ними, и дѣло воспитанія преимущественно въ ихъ рукахъ»... — «Исключительно *внѣшнее*» — вставляетъ одинъ изъ преподавателей, С. — «Какъ исключительно *внѣшнее*? живо возра-

жаю я: «классныя надзирательницы обращаютъ вниманіе на характеръ ученицъ и ихъ нравственные склонности, имъ постоянно приходится обращаться за содѣйствіемъ родителей, приходится обсуждать различныя проявленія характера и склонностей дѣтей, дурныя и хорошія вліянія на нихъ, воздѣйствовать на нихъ, входить въ ихъ нужды и пр., и пр. Какая же это *внѣшность*?» — Здѣсь кстати замѣтить, что громадное большинство нашихъ преподавателей — люди невоспитанные, т. е. безъ всякаго *внѣшняго* воспитанія, почему и относятся къ послѣднему съ презрѣніемъ, что не мѣшаетъ имъ признавать большую культурность поляковъ, которые, именно, и отличаются этимъ *внѣшнимъ* воспитаніемъ отъ насъ, болѣе грубыхъ *внѣшностью*.

За тѣмъ, въ сотый разъ поднимался вопросъ: «кто хозяинъ въ классѣ во время урока?» Оказывалось всегда, что *полнымъ хозяиномъ* — преподаватель, и так. обр., получалось въ каждомъ классѣ отъ 6—12 хозяевъ, которые придерживались, каждый, своихъ требованій: одному нужна дисциплина, другой отвергаетъ ее совершенно, и т. д. Получается что-то весьма сбивчивое, — о воспитательномъ значеніи *такого* хозяйничанья 12 хозяевъ нечего, конечно, говорить.

Поднять былъ вопросъ: «желательно-ли общеніе гимназій съ родителями?» Я замѣтила, что и теперь мы имѣемъ постоянное общеніе съ ними; рѣдкій день проходитъ, чтобы классныя надзирательницы не сообщали мнѣ чего нибудь, по поводу чего необходимо вызвать кого-либо изъ родителей. «Но это только чисто отрицательныя отношенія» — замѣтилъ предсѣдатель. «Да, вѣдь, при всякомъ сношеніи будетъ только рѣчь объ отрицательныхъ вопросахъ» — вставилъ одинъ изъ преподавателей, самый опытный и разумный изъ всѣхъ, — «родители обыкновенно находятъ, что дѣти ихъ ангелы, а преподаватели и воспитатели несправедливы къ нимъ»... Рѣшено образовать комиссію для разработки возбужденныхъ вопросовъ. Преподаватель А. поставилъ также вопросъ (въ сотый разъ) о контролѣ надъ домашнимъ чтеніемъ. Я предложила опредѣлить *минимумъ* книгъ, обязательныхъ для чтенія, а контроль производить путемъ сочиненій на прочитанное. Предложеніе это было принято и предложено преподавателямъ составить списокъ этого *минимума*. (Осенью того же года, на актѣ, въ годовомъ отчетѣ говорилось уже о разработкѣ вопроса объ обязательномъ чтеніи, но, увы! вопросъ этотъ и къ концу 1903—1904 учебнаго года остался нетронутымъ, какъ и всѣ возбужденные на конференціи 25 Фев. вопросы, — словомъ, гора родила мышъ, по обыкновенію). На слѣ-

дующий день послѣ этой конференціи, творецъ возбужденныхъ вопросовъ, А. говорилъ собравшимся около него слушательницамъ: «виновать весь персоналъ, что педагогическія конференціи не имѣютъ значенія, что рѣшенія конференціи не исполняются начальникомъ... Если бы мы сплотились, то произволъ начальника былъ-бы невозможенъ... Я берусь убѣдить Д. А. отказаться отъ предсѣдательства въ конференціи и предоставить эту должность избранію». Слушая это, я думала: «Какое наивное дитя А.! Малое онъ упустилъ изъ виду: что начальникъ не имѣетъ права измѣнять ни одной статьи устава гимназіи, и что, еслибы онъ даже согласился на такое измѣненіе, то онъ такимъ-же образомъ, какъ и теперь, нарушалъ бы постановленія конференціи, которыя тѣмъ менѣе были-бы для него обязательны, что онъ ни предсѣдательствовалъ, ни участвовалъ въ нихъ. И какими средствами могъ-бы весь персоналъ заставить начальника исполнять постановленія конференціи? Что же—весь персоналъ *in corpore* являлся бы къ начальнику съ требованіемъ исполнять рѣшенія конференціи, или къ нему являлись бы уполномоченные персонала? Да, вѣдь, это былъ-бы бунтъ противъ начальника!»

Въ другомъ мѣстѣ, именно въ проектѣ реформы женскихъ гимназій, я говорила, что вопросы, обсуждаемые конференціей, должны быть раздѣлены на такіе, которые *рѣшаются* конференціей, какъ-то: приемъ ученицъ, переводъ изъ класса въ классъ, опредѣленіе наградъ и т. п., въ вопросахъ же дисциплинарныхъ и воспитательныхъ, *по которымъ ответственной является администрація гимназіи*, конференція можетъ имѣть только *совѣщательный голосъ*; тогда не будетъ и *произвола* начальника, *укрывающагося за конференціей*. Пусть онъ пользуется правомъ распоряженія, но пусть онъ и отвѣчаетъ за свои распоряженія.

На конференціи 25 февр. начальникъ высказалъ, между прочимъ, хотя только вскользь, что онъ долженъ и даже обязанъ *вмѣшиваться въ направленіе пансіона*,—другими словами, онъ захотѣлъ имѣть право деморализовать пансіонъ, какъ онъ деморализовалъ гимназію, создать въ пансіонѣ ту нравственную атмосферу, которая создана имъ въ гимназіи,—но, къ счастью, онъ не имѣетъ права *вмѣшиваться въ воспитаніе пансіонерокъ*, что, мнѣ ясно сказано высшимъ начальствомъ, при моемъ назначеніи сюда. Онъ, правда, за спиной у меня дѣйствуетъ на пансіонерокъ, но тутъ за мной остается право *veto*.—А, вотъ, образецъ

той системы, какой онъ держится: у насъ была при мнѣ уже вторая спальная дама, о которой я въ другомъ мѣстѣ уже говорила; говорила я и о томъ, что воспитанницы ея не любили за то, что она «все видитъ», а такъ какъ она не имѣла права палатать взысканія на воспитанницъ, а послѣднія не желали ея слушать, то ей ничего не оставалось болѣе, какъ говорить о шалостяхъ или неисполненіи воспитанницами моихъ требованій класснымъ дамамъ, или докладывать мнѣ. Начальникъ ея не любившій, ставилъ ей это въ упрекъ, находя, что она не понимаетъ природы дѣтской, что накопившейся энергіи необходимо выходъ, и т. п. Но накопившейся энергіи не приходилось же давать выходъ ночью, когда нужно спать ложиться. Для этого слѣдовало-бы устраивать игры, заниматься гимнастикой,—о которой въ нашихъ гимназіяхъ и помню нѣтъ и о чемъ могъ бы хлопотать начальникъ, а не предоставлять молодымъ дѣвушкамъ говорить дерзости особѣ, которой порученъ за ними надзоръ ночью. Осенью 1902 г. начальникъ опять сталъ говорить о спальной дамѣ, говоря, что онъ получаетъ анонимныя письма, что родители жалуются на нее и т. д. Конечно, правильнѣе всего было-бы ему направлять жалующихся родителей ко мнѣ, да и вообще объяснить родителямъ, что по всѣмъ вопросамъ, касающимся пансіона слѣдуетъ обращаться ко мнѣ. *) Конечно, я выслушивала-бы родителей и производила бы разслѣдованія по ихъ заявленіямъ,—но этого вовсе не желалъ начальникъ: ему нужны были сплетни. И вотъ, когда онъ сталъ говорить мнѣ, о Н. П. на основаніи сплетней, я объявила ему: «теперь я болѣе, чѣмъ когда либо стою за нее послѣ того скандала, который случился въ Н. институтѣ» (объ этомъ скандалѣ много говорили по учеб. заведеніямъ вѣдомства,—былъ-ли этотъ скандалъ въ дѣйствительности, трудно узнать, но ему вѣрили, я на него и намекала),—«я дорожу ею, потому что отъ ея глазъ ничто не ускользаетъ»... «Вотъ это-то и нехорошо»—отвѣчалъ онъ,—«*что она все видитъ*, поэтому мы ничего не будемъ знать».—Такъ когда-же мы будемъ знать? Когда она ничего не будемъ видѣть? Отъ кого же мы будемъ знать? Очевидно,—отъ наушниковъ и сплетниковъ.

Такова-то его система, съ которой я никакъ не могла примириться.

*) Замѣчательно, что за 7 лѣтъ никто изъ родителей ни разу не обратился съ какой нибудь жалобой ко мнѣ, а я всегда была доступна всѣмъ.

Приходится снова вернуться къ Ч., исторія котораго все еще не окончена.

За послѣдніе годы стали появляться въ Н. гимназію еврейки—держать экзаменъ на свидѣтельство для поступленія на зубо-врачебные курсы. Сначала онѣ являлись единицами, а потомъ и десятками; въ послѣднее время, съ осени 1902 г., онѣ нахлынули чуть не со всѣхъ концовъ Россіи, даже, напр., изъ Одессы, гдѣ имѣется не одна гимназія, при которой онѣ могутъ держать экзаменъ. Почему онѣ такъ облюбовали нашу гимназію—это, конечно, тайна г. г. экзаменаторовъ; но дѣло въ томъ, что онѣ ежедневно толпились у пастъ на площадкѣ внизу, въ теченіе нѣсколькихъ часовъ, поджидая преподавателей—экзаменаторовъ, чтобы узнать, когда онѣ будутъ экзаменоваться. Я возставала противъ такого не порядка: я находила, что эти экзамены должны производиться въ комиссіи, въ извѣстные дни и часы, а не по угламъ, для чего урывалось $\frac{1}{4}$ часа, а иногда и $\frac{1}{2}$ часа отъ урока. Протестовала противъ ежедневнаго скопленія въ гимназіи евреекъ сомнительной опрятности и наша женщина-врачъ, воевавшая съ разными микробами. Но начальникъ никакихъ мѣръ не принималъ.

Наконецъ, въ Ноябрь я заявила начальнику, что пора положить конецъ такому не порядку, и онъ сдѣлалъ письменное распоряженіе, чтобы экзамены происходили въ комиссіи и въ извѣстные дни, послѣ 5 ч. веч. Преподаватели заволновались. «Я долженъ былъ сдѣлать это распоряженіе» — оправдывался онъ, — *Е. И. требуетъ этого!* Бѣдная Е. И.! за ея спину вѣчно прячутся трусы-начальники, не имѣющіе достаточно силы воли, чтобы настоять на исполненіи законныхъ требованій.

Прошло нѣсколько времени, и прежній не порядокъ возстановился, а я ежедневно предлагала толпѣ евреекъ, не во время собравшихся, удалиться, и не уходила съ мѣста, пока онѣ не удалялись.

И вотъ, 10-го Марта 1903 г. въ первую же перемѣну, (въ 10 ч.) одна изъ классныхъ надзирательницъ, поднимаясь по лѣстницѣ, говоритъ мнѣ: «А тѣ уже собрались цѣлой толпой». Спускаюсь и вижу на площадкѣ толпу не менѣе чѣмъ въ 20 ч. — «Это что?» — спрашиваю сторожа. — «Ожидаютъ экзамена, будутъ экзаменоваться въ физическомъ классѣ». — «Кто экзаменуетъ?» — «Г. Ч.» — «У кого ключъ отъ физическаго класса?» — «У г. Ч.» — «Ступай къ г. Ч. и попроси у него ключъ отъ физическаго класса». Сторожъ уходитъ въ учительскую. Долго ждала я,

наконецъ, появляется Ч. и, направляясь ко мнѣ, спрашиваетъ: — «Вы меня звали?» — «Нѣтъ, не звала, а послала къ Вамъ сторожа просить у васъ ключъ отъ физическаго класса, такъ какъ экзаменъ теперь не можетъ быть» — «Я дѣлаю одолженіе Г. В. (А-у), а мнѣ дѣлаютъ препятствія» — громко, во всеуслышаніе говоритъ Ч., но спохватившись, продолжаетъ: — «я думаю, здѣсь неудобно намъ объясняться». — «Да» отвѣчаю я, и мы поворачиваемъ на лѣстницу. Однако, не понижая голоса, такъ, что всѣ находившіеся на площадкѣ еврейки и сторожа могли слышать отъ слова до слова, — стоявшая въ дверяхъ педагогическаго класса г-жа М. слышала все, — Ч. задорно продолжаетъ: — «*Это не вашей компетенціи дѣло!* Начальникъ разрѣшилъ Г. В...» «Вы ошибаетесь!» — отвѣчаю я, — «начальникъ не разрѣшалъ; а, напротивъ, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы экзамены происходили въ комиссіи, въ извѣстные дни и въ учрочнаго времени. Я разрѣшила Г. В. въ прошломъ году приводить въ мою комнату экзаменуемыхъ по письменнымъ работамъ, когда являлись одна или двѣ, а не толпа въ 20 ч., какъ теперь. Я не могу допустить, чтобы во время уроковъ эта толпа шла по корридору въ физическій классъ!» — «Это насиліе надъ волей человѣка!» — еще задорнѣе и громче продолжаетъ Ч., — «объ этомъ нужно поговорить въ конференціи». Мы въ это время дошли до верхней площадки, — Ч. повернулъ назадъ, я осталась на площадкѣ. Второй зренокъ послѣ перемѣны призывалъ преподавателей на урокъ. Я стояла въ дверяхъ корридора съ одной изъ классныхъ надзирательницъ. Учительница фр. языка направлялась въ классъ. Въ это время на площадкѣ появился Ч. и, обращаясь въ мою сторону, крикнулъ мнѣ: — «Это безтактно!» — «Я васъ попрошу замолчать!» — получилъ онъ въ отвѣтъ.

Нечего и говорить, какъ возмущенъ былъ выходкой Ч. весь женскій персоналъ. Чего еще ждать отъ него? И это въ отплату за то, что я его спасла дважды!... Поступалъ-ли онъ по собственному побужденію, или науськивался — трудно рѣшить, — одно было ясно, что этотъ господинъ не можетъ быть терпимъ въ гимназіи. Въ этотъ же день въ одну изъ перемѣн заходитъ ко мнѣ начальникъ. «Какое несчастье!...» начинаетъ онъ со смущеніемъ на лицѣ. «Что такое?» — спрашиваю, думая въ это время совершенно о другомъ. «Этотъ дуракъ опять натворилъ...» «Вы о Ч. говорите?» — «Да. Я объявлю ему, чтобы онъ подалъ въ отставку...» «Да, ему не мѣсто у насъ». Вечеромъ получаю отъ начальника официальное письмо, въ которомъ онъ проситъ сообщ-

щить ему подробно о столкновении моем с Ч. Я отвечаю официальным же письмом. На следующий день начальник заявляет мне, что Ч. подал в отставку, а несколько дней спустя говорит, что он доложил обо всем вице-губернатору, исправлявшему должность Губер-а и Попечителя гимназии за отъездом в отпуск Т., и что барон также находит, что Ч. должен оставить гимназию. В учительской, между тем, среди мужского персонала происходили дебаты по поводу возбужденного ими вопроса: главная надзирательница гимназии есть ли в гимназии лицо начальствующее или нет? Другими словами, нужно было решить, имеют ли право преподаватели говорить мне дерзости при исполнении мною обязанностей моих? Вопрос этот решается уставом так: «главная надзирательница есть помощница начальника по всем частям», следовательно, она есть для всех в гимназии лицо начальствующее. — Когда я объявила дамам, что Ч. подал в отставку, то некоторые спрашивали меня: «а вы не смилуетесь?» «Нет! — отвечаю я, — не ждите же нам, чтобы он когонибудь из нас прибил». Проходит Март, прошла и Пасха, и, вот, когда мы опять все собрались, говорит мне Г., первая имевшая столкновение с Ч.: «Вот вы, Е. И., говорили нам со слов Д. А., что Ч. подал в отставку, и я говорила это своим знакомым, — а на днях мне сказали в одном доме: «вот вы говорили нам, что Ч. подал в отставку, а он нам объявил, что он и не думает подавать, а предоставляет начальнику уволить его». — «Вот как! — заметила я, — ну, этим разговорам будет положен конец». Очевидно, начальник солгал, сказав мне, что Ч. подал в отставку, и что он докладывал об этом вице-губернатору. В тот же день я написала официальное письмо начальнику, сообщая ему о заявлении Ч. и предупреждая, что я этого дела так не оставлю. На следующий день начальник уже при свидетелях говорит Ч., чтобы он подал в отставку, ссылаясь на мое требование. Очевидно, он сам допускал возможность терпеть в гимназии такого господина. На этот раз Ч. действительно подал в отставку; ему предоставлено было закончить учебный год. На его место приглашен был грузин П., который, к общему удивлению, оказался выдающимся преподавателем русского языка и словесности. Мне чрезвычайно понравились его уроки: он заставлял головы работать, приучал к точным выражениям, не допускал лишних слов и фраз. При таком преподавателе можно было ожидать, что к концу курса

ученицы будут действительно развитыми и будут уметь логично говорить и писать *).

Наступал 1903—1904 учебный год.

Прежде началом занятий начальник пригласил членов хозяйственного комитета для избрания кандидатов на замещение вакансий казеннокоштных в пансион. Разсмотрев список кандидатов, в число которых занесены были крайне бедные сироты или полусироты, все остановилось на том, чтобы предоставить выбор жребью. Первой кандидаткой считалась С., круглая сирота, которая с тремя другими сестрами досталась дяде, младшему полковому врачу, после смерти их отца и его брата. Еще весной приходил ко мне дядя посоветоваться, что делать? Девочка училась в нашей гимназии и была прекрасной ученицей во всех отношениях. Я посоветовала хлопотать об определении девочки в NN пансион казеннокоштный. Признаться, я не подумала о том, имеет ли она права на поступление в пансион казеннокоштный, и сделала я это потому, что у нас сплошь да рядом принимались в число казеннокоштных не имеющие на то права — то по настоянию попечителя-губернатора, то по чьему-либо ходатайству; устав же пансиона предоставляет это право лишь детям служащих и служивших в К. губернии личных дворян, и при том недостаточного состояния, — так как капитал, на 10 с коим воспитываются казеннокоштные воспитанницы NN пансиона, собран дворянством К-ской губ. Но, повторяю, это условие постоянно нарушалось, почему я и не приняла в расчет это условие при хлопотах об определении бедной сироты С. Она считалась первой кандидаткой и со второй половины Августа была уже принята в пансион по распоряжению начальника. Во время обсуждения вопроса о других кандидатках, начальник заявил нам, что и. д. губернатора барон Ш. настаивает на зачислении в казеннокоштные дочери одного исправника. «Исправник этот — отличный чиновник» — говорил барон — «и заслуживает поощрения». Но мы находили, что нам для нет до отлично усердной службы исправника, который во всяком случае обладает средствами большими, чем все остальные кандидатки, вместе взятые, которые почти нищие. Результат баллотировки представлен был и. д. губернатора, и он потребовал устав о казеннокоштных. И, вот, при этом выяснилось, что С. не имеет права на

*) К крайнему сожалению, г. П. оставил К** гимназию, как я слышала, не по своему желанию — уж не потому ли, что его преподавание нравилось мне?

вакансію казеннокоштной,—а между тѣмъ, она уже поступила въ пансіонъ. Начальникъ сказалъ мнѣ, чтобы я отослала ее домой; я отвѣтила ему на это, что у меня духу не хватаетъ на это,—пусть онъ самъ сдѣлаетъ распоряженіе. Проходитъ недѣля, дѣвочка еще у насъ и ничего не подозреваетъ. Она, бѣдняжка, была невыразимо счастлива пребываніемъ своимъ въ пансіонѣ. Но, наконецъ, видя, что я ее не отсылаю, начальникъ пишетъ официально дядѣ, и за дѣвочкой является ее старшая сестра, только что окончившая курсъ въ гимназій. Нельзя было равнодушно видѣть слезы обѣихъ сестеръ, всѣ мы плакали съ ними, и дамы, и дѣти. Но, пока, ничего нельзя было сдѣлать: пансіонъ не имѣетъ права держать хотя бы одну лишнюю воспитанницу; оставалась надежда на возможность опредѣлить ее на частную стипендію въ слѣдующемъ году.

Между прочими стипендіями въ пансіонѣ имѣется стипендія гр. О. Д. Графъ пожертвовалъ въ 1897 г. 13 т. р. на образованіе стипендіи его имени въ пансіонѣ, съ тѣмъ, чтобы излишекъ отъ уплаты за содержаніе стипендіатки обращался въ ее пользу по окончаніи ею курса. Утвержденіе стипендіи послѣдовало лишь въ 1898 г. и $\frac{1}{2}$ за истекшій годъ должны были также поступить въ пользу стипендіатки. Условіемъ для занятія стипендіи было слѣдующее: стипендіатка должна быть бѣдной и достойнѣйшей. Мною была предложена на эту стипендію воспитанница VI кл. С., полусирота, мать которой зарабатывала хлѣбъ уроками, сама же дѣвочка была отличной ученицей. Она и была зачислена на стипендію гр. О. Д. Но, вотъ, осенью 1902 г. мнѣ говорятъ: «стипендія гр. О. Д. съ С. перенесена на К., дочь лазаретной надзирательницы пансіона». Я не повѣрила этому, считая это невозможнымъ. Не такъ-то легко отнять стипендію у отличной воспитанницы и передать ее вновь поступающей, неизвѣстно еще какого достоинства воспитанницѣ,—и сдѣлать это помимо хоз. комитета нельзя. Осенью 1903 г. я снова слышу эти разговоры. Тогда я требую изъ канцеляріи списокъ всѣмъ поступившимъ стипендіаткамъ. Приносятъ—и во главѣ стипендіатокъ и читаю: «Стипендіатка гр. О. Д. Зинаида К.», С. же перечислена въ казеннокоштные. Не будь тѣхъ выгодъ отъ стипендіи гр. О. Д., о которыхъ сказано выше, было бы безразлично для стипендіатки занимать стипендію графа О.-Д. или быть казеннокоштной, но при настоящихъ условіяхъ С. теряла очень много. Однако, пока я промолчала. Но, вотъ, однажды, вскорѣ послѣ сдѣланнаго мною открытія, стою я въ корридорѣ въ гимназій съ двумя классными дамами пансіона; подхо-

дитъ къ намъ барышня, занимающаяся въ канцеляріи и говорить: «Есть еще недоимки за пансіонерками, между прочими и за К. еще не внесены 30 р. на обзаведеніе... Впрочемъ, можно вычесть изъ остатковъ отъ стипендіи»,—замѣчаетъ она.—«Да, кстати»,—говорю я—«покажите мнѣ протоколъ, которымъ стипендія гр. О.-Д. переведена на К.»—«Хорошо!» протянула барышня и ушла. Мы разошлись. Проходитъ нѣсколько минутъ. Заходитъ ко мнѣ одна изъ тѣхъ дамъ, съ которыми я передъ тѣмъ стояла въ корридорѣ, и говоритъ: «Схожу внизъ и вижу барышню изъ канцеляріи, стоитъ въ раздумьи и говоритъ мнѣ: «что мнѣ дѣлать? Е. И. требуетъ протоколъ, а его нѣтъ». Проходитъ еще нѣсколько минутъ,—бѣжитъ ко мнѣ бухгалтеръ, въ рукахъ у него большая тетрадь въ синей оберткѣ. «У насъ со стипендіей гр. О.-Д. вышла путаница» говоритъ онъ мнѣ; «въ прошломъ году Ек. Г. (лазаретная надзирательница) пристала къ Д. А., чтобы дочь ее была принята въ пансіонъ, а такъ какъ казеннокоштною нельзя быть въ приготовительномъ классѣ, то Д. А. и перевелъ стипендію гр. О.-Д. съ С. на К. Тогда же Д. А. писалъ графу О.-Д. и получилъ его согласіе, а на дняхъ графъ, въ бытность свою въ К** писалъ Д. А., что въ виду того, что стипендіатка его имени С. оканчиваетъ курсъ въ 1904 г., то онъ желаетъ, открывающуюся вакансію предоставить сиротѣ С. Очевидно, графъ игнорируетъ К. И мы не знаемъ, какъ быть теперь съ К.?». — «Очень просто» — отвѣчала я, — «стипендію гр. О.-Д. возвратитъ С., а на ее мѣсто зачислитъ казеннокоштной К.» Бухгалтеръ ушелъ. Нѣсколько минутъ спустя приносятъ мнѣ шнуровую книгу протоколовъ хоз. комитета и предлагаютъ подписать протоколъ, вставленный заднимъ числомъ за Августъ 1902 г. на пустомъ мѣстѣ. Читаю: протоколъ о баллотировкѣ въ Августъ 1902 г. кандидатоу на вакансію казеннокоштныхъ, и въ томъ числѣ С.,—о переводѣ же стипендіи гр. О.-Д. съ нея на К.—ни слова.

Я на отрѣзъ отказалась подписать протоколъ вписанный заднимъ числомъ за цѣлый годъ. «Не доставало еще этого!» съ негодованіемъ замѣтила я. Оказалось, что я и не должна была подписывать этотъ протоколъ, такъ какъ въ отмѣченное протоколомъ число я была еще въ отпуску. Теперь интересно бы знать, что писалъ начальникъ графу О.-Д. для испрошенія его согласія на переводъ его стипендіи съ С. на К.? Изъ письма графа ничего нельзя вывести. Желаніе же графа, выраженное имъ, о предоставленіи стипендіи его имени, по окончаніи курса сиротѣ С., объясняется тѣмъ, что кто-то изъ приваившихъ

участіе въ бѣдной сиротѣ сталъ хлопотать у графа о представленіи ей стипендіи его имени. Такимъ образомъ, судьба сироты С. обезпечена на время ея воспитанія, и въ Августѣ 1904 г. она должна поступить въ пансіонъ. Еще въ Маѣ 1903 г. стало извѣстнымъ, что губернаторъ Ѳ. Ѳ. Т. получаетъ другое назначеніе. Всѣ жалѣли, что онъ оставляетъ К. NN. пансіонъ жалѣлъ о Е. С., которая всегда оказывала ему вниманіе, всѣчески заботилась о воспитанницахъ и сердечно относилась къ нимъ. Миѣ также жалъ было Е. С., хотя намъ, въ гимназій, подчасъ и тяжело приходилось;—Е. С. предъявляла слишкомъ строгія требованія къ гимназисткамъ, забывая, въ какой средѣ большинство ихъ постоянно вращается; но это происходило отъ искренняго желанія добра имъ и самой гимназій. Не тотъ же лааетъ добра, кто за все по головкѣ гладитъ и предоставляетъ дѣтямъ ходить на головѣ. Миѣ всегда приходитъ на память извѣстная басня Эзопа о сынѣ, висящемъ на висѣлицѣ и упрекающемъ мать свою въ слабости къ нему. Слѣдовало бы написать картину на эту тему и популяризировать ее. Почаще слѣдовало бы напоминать родителямъ и воспитателямъ, что не въ слабости любовь къ дѣтямъ.

Въ Сентябрѣ заговорили въ К** о назначеніи К-скимъ губернаторомъ Ген.-м. П. С. С.. Я, конечно, заинтересовалась имъ, и, обращаясь къ одному хорошему знакомому его, спросила его: «А что, можно заговаривать ему зубы?» Я разумѣла заговариваніе зубовъ начальниками женскихъ гимназій. Губернаторы слишкомъ заняты, чтобы входить въ дѣла гимназій, а потому полагаются на доклады начальника и безъ всякой провѣрки вѣрятъ имъ на слово. «Всякому можно заговаривать зубы до поры до времени»,—отвѣчалъ мнѣ, знакомый ген-а С. «П. С. С. съ дѣломъ не знакомъ, но онъ имѣетъ искреннее желаніе добросовѣстно его изучить». Наконецъ, состоялось назначеніе новаго губернатора. Сначала начальникъ одинъ представился новому попечителю гимназій, потомъ онъ отправился къ нему со мною. Къ моему величайшему удивленію, генералъ не подалъ намъ руки. «Онъ сконфузился»—объяснялъ потомъ начальникъ. Такъ какъ это было незадолго до нашего акта, то я изъ пріемной губ-а отправилась вмѣстѣ съ начальникомъ къ супругѣ губернатора, г-жѣ С., пригласить ее на актъ. М-мъ С. очень симпатичная особа, держитъ себя просто. Возвращаясь отъ г-жи С. и проходя пріемную, я увидѣла губернатора стоящимъ предъ одной просительницей. Онъ быстро повернулся въ мою сторону всѣмъ корпусомъ (это его манера), я прошла мимо, не

останавливаясь, кивнувъ ему головой. Начальникъ увѣрялъ меня потомъ, что ген. С. ждалъ, что я подамъ ему руку при проходѣ чрезъ пріемную. Думаю, что онъ ошибался. У ген. С., повидимому, странныя понятія объ отношеніяхъ служебныхъ. Кто теперь, при представленіи не подаетъ руки представляющемуся? Мы, начальницы гимназій, привыкли къ вѣжливости начальствующихъ лицъ: не только губернаторы, но и Ген.—Губ-ры, вслѣдъ за представленіемъ нашимъ, дѣлаютъ намъ визитъ,—ген. С. и этого не сдѣлалъ. Какъ попечитель N. и 2-ой гимназій онъ не считъ нужнымъ сдѣлать визитъ начальницамъ ввѣренныхъ его попеченію гимназій. Странный генералъ!

Приближался день акта. Оказывалось, что изъ Петербурга еще не получена бумага объ утвержденіи Государыней наградъ выпускнымъ. Начальникъ волновался. Уже канунъ акта, а бумаги все нѣтъ. Рѣшено было совсѣмъ не объявлять о наградахъ выпускнымъ и раздать на актѣ награды только II и III кл. А, между тѣмъ, мы со дня на день ожидали пріѣзда главноуправляющаго, застрявшаго гдѣ-то въ сѣверо-зап. краѣ.

Наконецъ, наступилъ актъ безъ раздачи медалей. Актъ кончился,—но не успѣла я возвратиться домой, какъ швейцаръ докладываетъ: «Г. начальникъ пришелъ». Выхожу и вижу начальника какъ въ воду опущеннаго. «Большое несчастье случилось!»—едва слышно проговорилъ онъ.—«Что такое?»—съ испугомъ спросила я, ожидая услышать вѣсть о какой нибудь ужасной катастрофѣ. «Бумага о наградахъ выпускнымъ получена въ канцеляріи еще въ Іюлѣ,—и вотъ, медали пансіонеркамъ».—«Ну, это не несчастье, а скандалъ!»—едва удерживаясь отъ смѣха, замѣтила я. И, въ самомъ дѣлѣ, скандалъ изъ скандаловъ! Что-бы это было, если бы главноуправляющій прибылъ къ акту?

Однако, начальникъ былъ здѣсь не при чемъ: онъ лѣтомъ былъ въ отпуску, за него былъ М., при немъ и получена была бумага. Какимъ образомъ забыли о ней и секретарь канцеляріи и М.—непостижимо,—и только случайно бумага отыскалась уже послѣ акта. Наконецъ, пріѣхалъ и главноуправляющій, въ сопровожденіи чиновника особыхъ порученій М. С. З., бывшаго когда-то инспекторомъ К** института. Его хорошо знали въ К*; у графа Пр.—Б. онъ пользовался большимъ довѣріемъ.

Графъ прибылъ въ К** 16-го октября съ вечернимъ поѣздомъ. Съ вечера же мы узнали, что графъ посѣтитъ гимназію на слѣдующій же день, въ четвергъ. Мы собрались въ гимназію по раньше; я переговорила съ классными надзирательницами, сдѣлала всѣ распоряженія, ученицы разошлись по классамъ, и

мы стали ожидать графа. Первымъ приѣхалъ въ гимназію г. З. Онъ попросилъ принести изъ канцеляріи штемпелеванной писчей бумаги на цѣлый классъ и затѣмъ направился въ 1-ое отд. I кл. Здѣсь онъ разбилъ классъ на группы: 1-ой далъ письменную работу на русскомъ языкѣ, 2-ой—на франц., 3-ей на—нѣм., 4-ой—по алгебрѣ, 5-ой задалъ начертить карту Россіи (чертить карты онѣ не учились, только у одного преподавателя географіи чертили карты) съ обозначеніемъ главныхъ городовъ и морей; 6-ой—срисовать гипсовую модель.

Между тѣмъ, явился и графъ. Я застала въ прихожей такую сцену: главноуправляющій, а передъ нимъ у колонны начальникъ. Графъ строго говоритъ: «Ревизора не приглашаютъ посѣтить учебное заведеніе, онъ самъ знаетъ, куда ему ѣхать». Начальникъ слушаетъ въ смиренной, уничиженной позѣ... Какъ видно, при встрѣчѣ Главноуправляющаго на вокзалѣ, начальникъ приглашалъ его въ гимназію.—Наконецъ, мы двинулись по классамъ. Сначала начальникъ не сопровождалъ насъ. 2 отд. V кл. мы посѣтили безъ него; шелъ урокъ русскаго языка. Преподавательница, г-жа П., обычно трусиха, на этотъ разъ не струсила, и всѣ ученицы отвѣчали бойко и разумно: читали, дѣлали грамматическій разборъ, сказали нѣсколько стихотвореній. Отсюда перешли въ сосѣдній классъ, гдѣ шелъ нѣм. урокъ г-жи Б. Этотъ урокъ, по обычному, шелъ оживленно и интересно. Когда за годъ передъ тѣмъ посѣтилъ нашу гимназію бывшій министръ Н. П. З., то онъ былъ въ восторгѣ отъ урока г-жи Б. Отсюда мы направились въ другой конецъ зданія, во 2-ое отд., I кл. на урокъ исторіи. Заданный урокъ былъ о Петрѣ В., но графъ пожелалъ услышать исторію развитія Русскаго государства. Но тутъ оказалось, что все старое забыто, даже начало основанія государства, хотя отвѣчавшая была одна изъ лучшихъ ученицъ. Графъ обратился къ начальнику, выразивъ желаніе, чтобы на каждомъ урокѣ минутъ 10 удѣлялось на повтореніе главнѣйшаго изъ пройденнаго, что никогда не должно забываться.

Этотъ урокъ закончился большой переměной. Мы пошли завтракать къ начальнику. Послѣ завтрака возвратились въ гимназію. Обойдя нѣсколько классовъ, зашли, наконецъ, въ 1-ое отд. I кл. на урокъ Зак. Божія. Графъ сдѣлалъ нѣсколько вопросовъ о Вселен. Соборахъ, а потомъ перешелъ къ устройству храма и изображенію св. Евангелистовъ. Оказалось и здѣсь, что все старое забыто. Графъ былъ недоволенъ. Между прочимъ, онъ выразилъ желаніе, чтобы каждая ученица знала житіе своей святой. Въ классѣ химіи (2 отд. II кл.) отвѣчали отлично двѣ лучшія

ученицы, вызвавшіяся отвѣчать. Отъ лекціи проф. М., читающаго въ педагогическомъ классѣ исторію педагогики, графъ остался въ восторгѣ. Въ заключеніе посѣтили младшій приготовительный, иначе практическій классъ, гдѣ шелъ пробный урокъ пенинъерки NN. пансіона М. Она вела урокъ довольно бойко. По окончаніи этого урока г. З. сдѣлалъ М. нѣсколько вопросовъ по поводу ея урока, на которые она бойко отвѣчала. Въ это время явился въ гимназію и попечитель, губернаторъ, ген. С. Окончивъ обходъ классовъ, графъ съ ген. С. зашелъ въ гимназическій кабинетъ начальника и сталъ бесѣдовать съ попечителемъ. Тутъ же была и я. Начальникъ куда-то ушелъ.

Графъ объяснялъ ген. С. обязанности его, какъ попечителя гимназіи, говоря, между прочимъ, что начальству не за чѣмъ показываться часто, но за то, когда оно является, то должно все осмотрѣть. Упомянулъ ген. Т., бывшаго попечителя гимназіи, при чемъ замѣтилъ, что послѣдній превышалъ власть свою, уполномочивая свою жену посѣщать гимназіи и вмѣшиваться въ дѣла ихъ; посоветовалъ назначить начальнику гимназій одинъ день въ недѣлю для докладовъ—«и тогда вы всегда будете въ курсѣ дѣла»—заклучилъ графъ. «Вотъ тогда-то вы никогда не будете въ курсѣ дѣла!» подумала я,—«ибо отъ начальника гимназій вы никогда не услышите правды».

Наконецъ, графъ обратился ко мнѣ со словами: «А теперь мы къ вамъ въ пансіонъ». Классы только что кончились, воспитанницы пансіона одѣвались ввизу,—требовалось время, чтобы имъ дойти до пансіона. Я попросила графа не торопиться, сама же я, предупредивъ дежурныхъ классныхъ дамъ пансіона о посѣщеніи графа, сѣла на извозчика, чтобы скорѣе быть въ пансіонѣ, графъ же отправился въ книжный магазинъ, гдѣ онъ хотѣлъ приобрести сочиненія проф. М. по педагогикѣ.

Наконецъ, графъ и въ пансіонѣ. Онъ зашелъ ко мнѣ вмѣстѣ съ г. З., и началъ съ того, что сказалъ мнѣ: «у васъ большой порядокъ въ гимназіи». Дѣйствительно, все сошло въ гимназіи по «моей части» прекрасно: ученицы всѣ были скромно причесаны, чисто одѣты, держали себя прекрасно. Мнѣ ни разу не пришлось оставить графа, чтобы сдѣлать какое-нибудь распоряженіе, суеты не было никакой, классныя надзирательницы знали что дѣлать, зная по опыту, что мои требованія всегда одни и тѣже; я же была спокойна, зная, что классныя надзирательницы мнѣ разумныя помощницы, а не машины.

Пока графъ сидѣлъ у меня, ко мнѣ зашелъ нашъ пансіонскій врачъ г. Ж.. Оказалось, что онъ старый товарищъ г. З.,

и тут же, при графѣ, они стали вспоминать старое. Графъ, съ своей стороны, сталъ вспоминать кое-что изъ своей губернаторской жизни (графъ былъ губ—омъ въ Астрахани),—припомнилъ исторію съ ветлянской чумой,—говорилъ, что по этому поводу онъ переписывался съ знаменитымъ Пастеромъ, который объяснилъ, что лишь по прошествіи 150 лѣтъ можно безбоязненно селиться на мѣстахъ, гдѣ была чума. Такъ въ подобныхъ разговорахъ прошло время. Обѣдъ еще не былъ готовъ. Г. З. подгонялъ начальника, а тотъ бѣгалъ на кухню торопить повара. Наконецъ, графъ всталъ и направился на верхъ въ спальни. Въ одной изъ нихъ онъ открылъ ночной столикъ и пересмотрѣлъ все находившееся въ немъ. Все было въ порядкѣ. «А у васъ каждая воспитанница имѣетъ особую зубную щеточку?» спросилъ у меня графъ.—«А то какъ-же?»—отвѣчала я.—«А, вотъ, въ одномъ институтѣ по одной зубной щеточкѣ на десять воспитанницъ», замѣтилъ графъ.—«У насъ ежегодно покупаютъ зубныхъ и волосяныхъ щетокъ на казеннокоштныхъ на десять рублей». (Всѣхъ казеннокоштныхъ 25 ч.). Въ одной изъ спаленъ шелъ урокъ музыки,—графъ послушалъ игру и остался доволенъ; потомъ прошелся по класснымъ помѣщеніямъ, останавливался, разговаривалъ съ воспитанницами. Вездѣ былъ порядокъ; наконецъ, звонокъ возвѣстилъ обѣдъ; воспитанницы стали въ пары, а мы съ графомъ и свитой направились въ столовую. Спускался съ лѣстницы, графъ, спросилъ меня: «А что у васъ продолжаютъ занятія на кухнѣ? Я помню, у васъ было это»...—«Нѣтъ, графъ, прекратилось,—учебный комитетъ похерилъ»...—отвѣчала я.—За обѣдомъ графъ сѣлъ за столъ III кл., гдѣ его все время занимала воспитанница Л.—большая ротозѣйка. Она бойко вела разговоръ съ графомъ и на вопросъ его «почему вы мало кушаете?» отвѣчала: «насъ такъ хорошо кормятъ, что мы сыты». Обѣдъ состоялъ изъ обычнаго малороссійскаго борща, отбивного мяса съ морковью и домашнего пирожного съ яблоками.

Г. З. сидѣлъ за столомъ маленькихъ. Графъ похвалилъ обѣдъ, а г. З. сказалъ мнѣ: «я весь обѣдъ сѣлъ».

Мы собирались занять графа музыкой и пѣніемъ, но графъ былъ утомленъ и изъ столовой спустился внизъ къ выходу. Въ прихожей онъ призвѣлъ: начальника, г. З., врача и я,—мы окружили его и долго еще бесѣдовали. Графъ, собиравшійся на слѣдующій день посѣтить подольскую гимназію, спросилъ у начальника, какъ имя и отчество новой начальницы. Отвѣтивъ на вопросъ графа, начальникъ прибавилъ: «ужь очень тѣсно ей, съ ней живутъ двѣ дочери и сестра». На это графъ замѣтилъ: «по

кубическому объему воздуха у нея квартира начальника дивизіи, и намъ дѣла нѣтъ до сестеръ, дочерей и пр., намъ дѣло только до начальницы».

Въ этой бесѣдѣ нашей графъ, между прочимъ, рассказалъ, что, бывши въ Парижѣ, онъ посѣтилъ нашего знаменитаго Мечникова, преемника Пастера, и совѣтовался съ нимъ на счетъ питанія, и профессоръ ему сказалъ, что каждый взрослый человѣкъ долженъ ежедневно съѣдать три картофелины (сред. величины, конечно), чтобы пополнить ежедневный расходъ фосфора.—Наконецъ, поблагодаривъ всѣхъ за все, графъ уѣхалъ. Черезъ день, въ субботу, графъ опять посѣтилъ N. гимназію. На этотъ разъ вся гимназія собралась въ залѣ. Прибылъ и попечитель гимназіи, ген. С. Графъ обратился къ ученицамъ съ рѣчью: ему, видимо, было тяжело говорить стоя: онъ безпрестанно останавливался, съ трудомъ переводя духъ. Предметомъ рѣчи были: заботы Августѣйшей покровительницы, обязанность ученицъ цѣнить эти заботы, всегда дорожить честью заведенія, быть прилежными тѣмъ, кто о нихъ такъ заботится,—воспитателямъ и преподавателямъ, особенно же графъ напиралъ на трудъ начальника...

По окончаніи рѣчи графа, выступила впередъ пениньерка пансіонерка и въ прочувствованныхъ словахъ просила графа отъ лица всѣхъ ученицъ повергнуть къ стопамъ Августѣйшей покровительницы чувства всепреданнѣйшей любви и признательности. Затѣмъ пансіонскимъ хоромъ пропѣта была одна русская пѣснь и гимнъ,—наконецъ, прощанье и роспускъ на три дня, начиная понедѣльникомъ. Въ K. графъ оставался еще нѣсколько дней.

Между тѣмъ, мы узнали, что письменныя работы I кл. были не вполне удачны: на нѣмецкомъ языкѣ никто ничего не написалъ; 2, алгебраическая задача никѣмъ не была рѣшена; 3, карты Россіи никто не сумѣлъ начертить; 4, гипсовую модель удачно срисовали 2—3 ученицы, хорошо рисующія; 5, на франц. и рускомъ яз. были удачныя работы. Говорили, будто-бы начальникъ просилъ г. З. оставить въ гимназіи письменныя работы, но получилъ отказъ. Послѣдовалъ приказъ учить черченію картъ—но... все осталось по—старому: преподаватели географіи сами не умѣютъ чертить карты,—повторять постоянно пройденное никто изъ преподавателей не станетъ: гдѣ имъ повторять старое, когда и новое они не успѣваютъ пройти: приходя на урокъ на 1/2 часа, а иногда и на 20 м., мудрено пройти курсъ годовой и повторить старое. Новая же ревизія когда еще будетъ?

Лѣтъ семь пройдетъ—не меньше. По совѣсти сказать, эти ревизіи не къ чему. Кого захотятъ сплавить—сплавятъ «и при отличномъ порядкѣ»,—къ кому благоволятъ, и при полномъ неустройствѣ все найдутъ прекраснымъ. Уѣхалъ графъ, и все вошло въ свою колею.—Здѣсь кстати разсказать, какъ производится у насъ постановка четвертныхъ отмѣтокъ. Уже съ конца октября классныя надзирательницы начинаютъ напоминать преподавателямъ о приближеніи срока для отмѣтокъ за первую четверть (за сент. и окт.),—у преподавательницъ всегда все въ порядкѣ, имъ не нужно напоминать,—у преподавателей же проходить и весь ноябрь, а еще не всѣ ученицы спрошены; наконецъ, уже со среды декабря принимаются преподаватели за постановку отмѣтокъ, сразу за двѣ четверти (за 4 мѣс.—сент.—дек.), и, вотъ, картинка съ натуры: вызываетъ преподаватель ученицу и спрашиваетъ: «какую отмѣтку имѣли вы въ прошломъ году?»—Ученица говоритъ. «Если я вамъ поставлю ту же отмѣтку, довольны вы будете?»—«Довольна».—И ставится отмѣтка прошлагодня; а въ прошломъ году поставлена была отмѣтка предыдущаго года; такъ одна отмѣтка служить на нѣсколько лѣтъ.

Другая картина: преподаватель спрашиваетъ: «Какая отмѣтка была у васъ въ прошломъ году?»—«Я поступила въ гимназію только въ нынѣшнемъ году».—«А какую отмѣтку имѣли вы тамъ, гдѣ вы были прежде?»—«Я дома готовилась».—«А какую отмѣтку получили вы при поступленіи въ гимназію?»—Ученица говоритъ и получаетъ отмѣтку. Такъ происходитъ постановка отмѣтокъ у одного преподавателя. Надо отдать справедливость этому преподавателю—его уроки очень интересны, но онъ такъ разсѣянъ, что, увлекшись предметомъ, забываетъ, въ какомъ классѣ онъ находится, и, вотъ, говоритъ онъ, говоритъ,—и вдругъ спохватывается, что говоритъ совсѣмъ не относящееся къ курсу того класса: онъ останавливается на полусловѣ и говоритъ: забудьте, что я вамъ говорилъ! и начинаетъ другое. Однажды, въ одномъ изъ старшихъ классовъ, во время продолжительной лекціи этого преподавателя, одна изъ ученицъ какъ бы про себя сказала, однако на столько громко, что преподаватель слышалъ: «а, можетъ быть, это слѣдуетъ забыть?»—Лекторъ ужасно разсердился, и ученицѣ была сдана отмѣтка за дерзость. Мнѣ кажутся, преподавателю слѣдовало сдѣлать видъ, что онъ не слышалъ словъ ученицы, и быть внимательнѣе къ себѣ.—У другого преподавателя, у котораго за четыре мѣсяца не всѣ ученицы спрошены по разу,—при постановкѣ четвертныхъ отмѣтокъ, стоятъ подлѣ преподавателя одна изъ ученицъ и по сво-

ему усмотрѣнію диктуетъ отмѣтки. У другихъ преподавателей дѣло идетъ правильнѣе, но все же за разъ выставляются отмѣтки за двѣ четверти, и кто спрошенъ въ началѣ учебнаго года, можетъ спокойно не готовить уроковъ въ теченіе четырехъ послѣдующихъ мѣсяцевъ, что большинство и дѣлаетъ.

Читатель, можетъ быть, помнить, какъ я негодовала на фиктивные отмѣтки въ К*—ской гимназіи при начальникѣ Т., но оказывается, что фиктивные отмѣтки у насъ дѣло обычное. Какое воспитательное значеніе имѣетъ это для ученицъ—объ этомъ нечего распространяться,—вліяніе *деморализующее*—несомнѣнно. Преподаватели, конечно, оправдываются переполненностью классовъ,—но смѣю думать, что продолжайся урокъ не $\frac{1}{2}$ ч. и не 20 м., а 50 минутъ, какъ полагается, преподаватели успѣвали бы и курсъ пройти и всѣхъ спросить каждую четверть. Почему успѣваютъ въ этомъ преподавательницы? Да потому, что онѣ исправнѣе преподавателей. Нельзя поэтому не пожалѣть, что мы не позаимствовали системы австр. Мин—а Нар. Пр. Въ австр. школахъ обязательно: 20 м. спрашивать заданный урокъ, 20 м. объяснить новый урокъ, и 20 м. заниматься повтореніемъ пройденнаго. И тамъ бываютъ классы переполненные. Я была въ одной школѣ, гдѣ въ старшемъ классѣ было 90 ученицъ. Слѣдовательно, не переполненность классовъ служитъ причиной фиктивныхъ отмѣтокъ, выставляемыхъ преподавателями, а ихъ неисправность.

Сколько разъ обращала я на это вниманіе начальника,—возьмется, бывало за это, а потомъ опять забудетъ, и все идетъ по—старому.

Между тѣмъ, полученъ былъ въ въ ноябрѣ Правит. Вѣстникъ съ Высочайшимъ приказомъ о награжденіи Маріинскимъ знакомъ за безпорочную педагогическую службу по вѣдомству учреждений Императрицы Маріи; оказалось, что двумъ клас. надзирательницамъ нашей гимназіи, ожидавшимъ знака за 15. л. службы, не вышелъ знакъ. Онѣ взволновались. Одна изъ нихъ, обычно безгласная, побѣжала къ начальнику со своимъ горемъ... Въ свое время (весной) обѣ напомнили секретарю канцеляріи и даже начальнику, что имъ исполнилось 15 л. службы. Тѣмъ не менѣе о нихъ забыли, хотя изъ гимназіи послано было представленіе о третьей клас. надзирательницѣ. Конечно, тѣмъ, которыхъ забыли, было обидно—хорошо яичко въ Христовъ день. Къ обиженнымъ всѣ въ гимназіи, и я также, отнеслись сочувственно. Сию я въ это же утро въ своей комнатѣ въ гимназіи: вдругъ, открывается дверь, и начальникъ, остановившись въ

дверяхъ, кричить мнѣ: «я бы попросилъ классныхъ надзирательницъ помолчать!... А то я имъ покажу!» Я встала и направилась къ двери... «Что такое?» спрашиваю. «Вотъ когда послано представленіе къ Маріинскимъ знакамъ для С. и Р!» — продолжаетъ онъ и суетъ мнѣ бумажку. Читаю: 17 сентября. — «Да развѣ тогда слѣдуетъ дѣлать представленіе?» — «А когда?» — «Въ началѣ мая» — отвѣчаю.

Удивительное дѣло! Десять лѣтъ онъ начальникомъ гимназій и не знаетъ срока представленія къ Маріинскому знаку.

Ушелъ онъ и на ходу продолжалъ браниться и говорить, что классныя надзирательницы вѣшпиваются не въ свое дѣло. Я пошла за нимъ. Услышавъ послѣднюю фразу, я замѣтила: «нѣтъ, въ свое дѣло! Это не награда, а выслуженное, что онѣ имѣютъ право требовать себя!» — На слѣдующій день начальникъ, встрѣтивъ клас. надзирательницу С., сказалъ ей: «я, вѣдь, просилъ Е. И. успокоить васъ!» Хорошо успокоеніе! И тотъ, и другой разговоръ происходилъ при одной и той-же свидѣтельницѣ.

Въ ноябрѣ-же произошелъ инцидентъ съ завтракомъ пансіонеровъ. Принесли въ гимназію на завтракъ колбасу, которую воспитанницы очень любятъ. Одной показалось, что колбаса несвѣжая. Этого было достаточно, чтобы за нею всѣ заговорили тоже и побросали колбасу. Напрасно клас. дамы увѣряли ихъ, что колбаса свѣжая, приходили и члены хозяйственного комитета, пробовали колбасу, нашли ее свѣжею, пришла и я — ничто не помогало, стадное чувство одержало верхъ. Къ обѣду въ пансіонѣ пришелъ начальникъ и сильно (по своему, не щадя эпитетовъ) выбранилъ ихъ, а потомъ сказалъ мнѣ: «иногда полезно ихъ пробовать». Конечно, это полезно, когда пробираетъ онъ, «по своему» при томъ. На слѣдующій день онъ оставилъ ихъ безъ завтрака. Протестовать съ моей стороны было рискованно: онъ сталъ-бы говорить, что я ему мѣшаю, хотя онъ въ сущности превысилъ власть, наказавъ воспитанницъ пансіона. Въ тотъ день, когда онъ оставилъ ихъ безъ завтрака, онъ зашелъ въ 1 отъ. III кл. и при всемъ классѣ сдѣлалъ выговоръ болгаркамъ за то, что онѣ якобы были запѣвалами въ исторіи съ колбасой, и угрожалъ выгнать ихъ изъ пансіона. Вечеромъ пришли ко мнѣ болгарки повѣдать свое горе, а одна изъ нихъ Г., та самая, съ которой я занималась, — ероткая, скромная и воспитанная дѣвушка (III кл.), изъ хорошей семьи, чистосердечно рассказала мнѣ, какъ было дѣло. «Кто первая сказала, что колбаса несвѣжая — я не знаю, знаю только то, что всѣ кричали. Приходитъ Г. В. А. и спрашиваетъ: что такое у васъ? Это-то

толкнулъ меня впередъ, и я очутилась передъ Г. В., и, когда онъ повторилъ вопросъ, я рассказала, что знала. А болгарки здѣсь не при чемъ, и мнѣ непріятно, что всѣхъ выбрали за меня». Выслушавъ этотъ безхитростный рассказъ Г., я успокоила болгарокъ, обѣщая имъ поговорить съ начальникомъ. Славянки наши вообще обращались ко мнѣ съ довѣріемъ со всеми своими горестями и радостями, и нуждами. Когда я передала начальнику рассказъ Г. — вой, онъ мнѣ замѣтилъ: «здѣсь не при чемъ Г. В., а М. (другой членъ хоз. ком.) мнѣ говорилъ, что онъ замѣтилъ, что за обѣдомъ всегда болгарки недовольны столомъ». Это можетъ быть: болгарки, какъ и сербки, привыкли дома къ сильно наперченнымъ кушаньямъ; въ пансіонѣ же цѣлая исторія выходитъ изъ-за одной перчинки, попавшей въ котлетку; немудрено, если нашимъ славянкамъ нашъ столъ не по вкусу. Когда я побывала въ Сербіи и Болгаріи и немного привыкла къ ихъ наперченному столу, то, по возвращеніи домой, первое время я прибѣгала къ перцу.

Въ концѣ 1903 г. бухгалтеръ напугалъ начальника ожидаемой имъ передержкой по пищевому довольству пансіонской прислуги. Бухгалтеръ нашъ Д., очень аккуратный человѣкъ, вообще трусъ, и когда ему померещится передержка, вмѣсто того, чтобы переговорить со мной и съ членами хоз. ком., которымъ лучше извѣстно дѣло, прямо говоритъ начальнику. Послѣдній же, не вникнувъ въ дѣло, не разобравшись въ немъ, ни съ кѣмъ изъ насъ не посоветовавшись, по наитію, такъ сказать, — сразу дѣлаетъ распоряженіе. Такъ было и теперь. Назначено было засѣданіе хоз. ком. Заговоривъ о предполагаемой передержкѣ, объявилъ: «нужно запретить класснымъ дамамъ пансіона имѣть свою прислугу, а то прислуга эта пользуется казенной пищей, и так. обр., денегъ не хватаетъ на пищевое довольство казенной прислуги». Если бы начальникъ предварительно разобралъ дѣло, онъ узналъ бы, что классныя дамы даютъ своей прислугѣ со своего стола, а себя прикупаютъ то то, то другое. Но возражать ему, разъ онъ «сорвался съ цѣпи», совершенно напрасно: кромѣ брани ничего не услышишь, и потому на заявленіе начальника всѣ промолчали, и я, и члены хоз. комитета. На слѣдующій день изданъ былъ циркуляръ по адресу классныхъ дамъ, которымъ объявлялось, что онѣ не имѣютъ права держать свою прислугу, и должны пользоваться казенной. Этотъ вопросъ неразъ возбуждался, и убѣдились въ томъ, что невозможно класснымъ дамамъ пользоваться казенной прислугой: либо онѣ будутъ сидѣть безъ самовара и комнаты ихъ не будутъ прибраны во-время, ли-

бо прислуга не будетъ поспѣвать на казенную работу. Прочитавъ циркуляръ, дамы отказались подписать его. Попадается въ гимназіи на глаза начальнику одна изъ нихъ. Начальникъ съ мѣста набрасывается на нее и при сторожахъ кричитъ: «Я вамъ покажу дорогу!» — «Я и сама ее найду» — отвѣчаетъ та. Между тѣмъ, члены хоз. ком. отрыли въ канцеляріи циркуляръ главноуправляющаго, которымъ объявлялось, что класснымъ дамамъ пансіона дозволяется имѣть свою прислугу, при чемъ «отнюдь не пользоваться казенной пищей». Тогда начальникъ пишетъ другой циркуляръ, чтобы классныя дамы платили за столъ прислуги пять руб. въ мѣсяцъ. Классныя дамы не согласились и на это, заявляя, что будутъ кормить свою прислугу сами. Начальникъ бѣсился: ему почему-то непременно хотѣлось, чтобы классныя дамы платили пять руб. въ мѣсяцъ въ казну за свою прислугу. Но ничего не могъ онъ подблатъ, — классныя дамы стояли на своемъ, и заставить ихъ подчиниться произвольному требованію начальника нельзя было. Во всѣхъ этихъ требованіяхъ начальникъ ссылался на законъ (фигтивный). Тогда то я выступила съ заявленіемъ, что если ужъ напирать на законъ, то слѣдуетъ начать съ того, чтобы не приписывать порцій къ порціямъ по наличному составу воспитанницъ. Дѣло вотъ въ чемъ: по общему положенію о пищевомъ довольствѣ воспитанницъ въ учебн. заведеніяхъ вѣдомства учреждений Императрицы Маріи, порціи должны выводиться по наличному составу. Между тѣмъ, С., сдѣлавшись начальникомъ, ввелъ такую систему, по которой въ праздничныя и лѣтнія каникулы къ наличному составу воспитанницъ приписывалось не менѣе десяти лишнихъ, что въ общемъ составляло не менѣе 300 р. въ годъ. Это дѣлалось на томъ основаніи, что, по мнѣнію начальника, иначе трудно кормить порядочно. Я же была того мнѣнія, что и безъ приписки порцій средствъ, ассигнуемыхъ на столъ, хватало бы, — не слѣдуетъ только фантазировать ни самому начальнику, ни членамъ хоз. ком., а и вести хозяйство съ толкомъ, принимая въ соображеніе дешевое и дорогое время, какъ, напримеръ, осень и весну; кромѣ того, я находила приписку порцій незаконною, и неразъ совѣтовала экономкѣ попробовать — не приписывать порцій; но изъ этого ничего не выходило, — начальникъ сердился, и порціи приписывались. Я, впрочемъ, оставалась въ сторонѣ: я не подписывала порціонныхъ листовъ, подписывала ихъ одинъ начальникъ, онъ же и «владыка» по хозяйству, слѣдовательно, вся отвѣтственность надетъ на него. Я могла и не знать о припискѣ порцій, — порціонные листы не представля-

лись мнѣ. Въ чемъ-же заключалось мое завѣдываніе хозяйствомъ? Въ томъ, что я первая просматривала недѣльное расписаніе кушаній, составленное воспит—ми I кл., и перечеркивала его, если оно составлено было безъ толку: необходимо было сообразоваться со стоимостью кушаній, съ питательностью ихъ и пр.; 2, что я имѣла права требовать, чтобы провизія отпускалась въ опредѣленномъ количествѣ, и чтобы она была хорошаго качества; 3, что я писала требованія подрядчикамъ, 4, что я вмѣстѣ съ экономкой опредѣляла количество зимнихъ запасовъ.

Протестовать же противъ какихъ-либо распоряженій начальника я не могла, могла только высказать свое мнѣніе. И вотъ, по поводу «закона», на который опирался начальникъ въ вопросѣ о прислугѣ клас. дамъ, я заговорила о «незаконной» припискѣ порцій. И что-же? Является ко мнѣ начальникъ и говоритъ: «Вашъ принципъ — безнравственный! Это дѣлается для пользы воспитанницъ. Безъ этого я не могу кормить ихъ хорошо». — «Ну, дѣлайте, какъ хотите!» — отвѣчала я, ошеломленная такимъ опредѣленіемъ моего взгляда на незаконныя дѣйствія начальника, — «я окончательно уываю руки!» —

Наступилъ 1904 годъ. Въ раздѣвальной ученицъ, въ подвальной этажѣ, случилась пропажа пары калошъ. Вопросъ о пропажѣ калошъ составляетъ вѣчную злобу дня. Въ раздѣвальной должна всегда быть на лицо дежурная служанка, и, еслибы служанками распоряжалась я, то есть, увольняла ихъ за неисправность, то думаю, этотъ вопросъ давно былъ бы урегулированъ, но, къ сожалѣнію, служанокъ нанимать и увольнять взялъ на себя начальникъ, а онъ при этомъ руководился мотивами, ничего общаго съ исправностью не имѣвшими. И, вотъ, не разобравъ дѣла, не узнавъ и не провѣривъ существующаго порядка отпуска ученицъ по окончаніи уроковъ, начальникъ пишетъ циркуляръ къ класснымъ дамамъ по поводу пропажи калошъ, что онѣ должны провожать классъ въ раздѣвальню и пр., какъ будто такой порядокъ и не существуетъ. Во всякомъ случаѣ, если начальнику показалось, что нѣтъ въ чемъ-нибудь порядка, онъ долженъ мнѣ сказать объ этомъ и поручить мнѣ сдѣлать распоряженіе относительно обязанностей клас. надзирательницъ, а не дѣлать распоряженія циркуляромъ помимо меня. Прихожу въ гимназію, а мнѣ говорятъ: «Полюбуйтесь циркуляромъ!» и показываютъ на раскрытую книгу циркуляровъ, стоящую на печкѣ въ прихожей; такъ что каждый проходящій можетъ читать, и ученица, и посторонній человѣкъ. Прочитавъ циркуляръ, и найдя, что онъ подрываетъ прежде всего мой авторитетъ, я подписалась подѣ-

нимъ «за классныхъ надзирательницъ Главная Надзирательница такая-то» и приказала сторожу отнести книгу начальнику. Въ слѣдующую переѣзную сѣжу я на верхней площадкѣ, рядомъ со мной сидятъ одна учительница и одна клас. надзирательница. Поднимается по лѣстницѣ начальникъ и, поравнявшись со мной, не здороваясь, грубо говоритъ на ходу: «Я требую порядка, а вы ему мѣшаете!» Я встаю и, близко подхожу къ нему, шепчу ему: «это помимо меня не дѣлается». Онъ, не останавливаясь, идетъ дальше, продолжая громко браниться. Все это въ порядкѣ вещей. На другой день заходитъ онъ ко мнѣ, когда я сидѣла одна и жалостнымъ тономъ говоритъ мнѣ, зачѣмъ я не объяснилась съ нимъ съ глазу на глазъ, а послала ему книгу циркуляровъ со сторожемъ? «Когда сторожъ подаль мнѣ книгу, я сторѣлъ со стыда»... Вотъ видите-ли, ему, какъ будто, обидно было, что я, расписавшись за классныхъ надзирательницъ, возвратила ему книгу чрезъ того же сторожа, чрезъ которого онъ прислалъ ее; а мнѣ не должно быть обидно, что онъ дѣлаетъ распоряженія класснымъ надзирательницамъ помимо меня,—да и клас. надзирательницамъ не должно быть обидно, что такой циркуляръ выставляется на показъ всѣмъ. Однако, размолвки между нами не было. Между тѣмъ, борьба со шлейфами и разнообразной модой въ форменныхъ платьяхъ продолжалась: какъ ни объясняла я ученицамъ, помимо обязанности ихъ подчиняться требованіямъ гимназій, непорядочность и негигиеничность въ подметаніи улицъ шлейфомъ и негигиеничность въ подметаніи этимъ же шлейфомъ пыли въ гимназій, ничто не помогало,—было нѣсколько ученицъ, которыя продолжали ходить со шлейфами,—оставалось одно средство—запретить являться въ гимназію со шлейфомъ и не по формѣ одѣтой. Но тутъ-то я встрѣчала постоянное противодѣйствіе со стороны начальника; онъ постоянно говорилъ, что мы не имѣемъ права высылать ученицъ изъ гимназій. Онъ никакъ не могъ понять, что лучше на одинъ день выслать ученицу изъ гимназій, чѣмъ приучать ученицъ къ непослушанію и неисполнительности. Воспитательныхъ цѣлей и средствъ для него не существовало, только громкія фразы слетаютъ съ его «педагогическихъ» устъ. И, вотъ, однажды, въ началѣ 1904 г. обращаются ко мнѣ двѣ клас. надзирательницы за совѣтомъ, что дѣлать съ такими-то двумя ученицами, которыя упорно не хотятъ передѣлать платья по формѣ. «Скажите имъ, чтобы не приходили въ гимназію, пока не исправятъ платья» сказала я. Припомню читателю тотъ случай, который былъ со мной въ К*-ской гимназій по такому же поводу, по кото-

рому у меня была переписка съ нынѣ уже покойнымъ, почетнымъ опекуномъ, И. Т. Осининымъ, который увѣдомлялъ меня, что главноуправляющій (П. Н. Д.) вполне одобряетъ мои распоряженія. Случай совершенно аналогичный съ тѣмъ, о которомъ идетъ рѣчь теперь.

На слѣдующій день послѣ разговора со мною классныхъ надзирательницъ, является начальникъ въ гимназію и обрушивается на тѣхъ двухъ клас. надзирательницъ, вмѣсто того, чтобы обратиться ко мнѣ. Клас. надзирательницы говорятъ ему: «Это распоряженіе начальницы, обратитесь къ Е. И?» Но начальникъ продолжаетъ кричать на нихъ и ко мнѣ не обращается. Въ тотъ-же день появляется циркуляръ къ клас. надзирательницамъ такого содержанія: «Никто не имѣетъ права, помимо педагогической конференціи, высылать ученицъ изъ гимназій; въ случаѣ же неисполненія ученицами требованій гимназій, клас. надзирательницы должны обращаться ко мнѣ, или главной надзирательницѣ»—но, вѣдь, такъ же и дѣлалось!

Проходитъ нѣсколько дней послѣ этого циркуляра (который также былъ выставленъ на показъ, во всеобщее свѣдѣніе); одна изъ классныхъ надзирательницъ приводитъ къ начальнику одну ученицу и, указывая на ея платье, сдѣланное не по формѣ, спрашиваетъ: «Что прикажете дѣлать съ этой дѣвицей? Я не могу добиться, чтобы она перешла свои модные рукава». Начальникъ, наклонясь къ классной надзирательницѣ, шопотомъ спрашиваетъ: «кто ея отецъ?» — «Кто вашъ отецъ?» — спрашиваетъ клас. надзирательница ученицу. — «Письмоводитель реального училища» робко отвѣчаетъ та. «Какъ вы смѣете не исполнять требованія клас. надзирательницы?» — обрушивается на нее начальникъ. Какая типичная картинка съ натуры, не правда-ли, читатель? Но представимъ себѣ, что вмѣсто «письмоводитель реального училища» послышался бы отвѣтъ: «генералъ», или «полковникъ», «прокуроръ», «мировой судья» и т. п., сцена измѣнилась бы совершенно: вмѣсто окрика «какъ вы смѣете» и пр., послышалось-бы мягкое «дитя мое, почему вы до сихъ поръ не перешли рукава?» или что-нибудь въ родѣ того, а классная надзирательница услышала бы окрикъ: «нельзя же такъ приставать къ ученицѣ!»

Вотъ такъ-то воспитывается наша молодежь такими «образцовыми» педагогами, какъ названъ былъ нашъ начальникъ въ юбилейномъ адресѣ отъ 2-й гимназій! Не правда-ли я была, заявивъ на той конференціи, на которой поднять былъ вопросъ о поднятій воспитательной и учебной частей въ гимназій, что

прежде всего необходимо, чтобы учащаяся молодежь дышала чистой нравственной атмосферой въ стѣнахъ гимназій?

Началась русско-японская война. Какъ громомъ поразила эта вѣсть русскихъ людей. Но въ это самое время устраивался балъ въ пользу недостаточныхъ ученицъ нашей гимназій. Всѣ наши дамы находили, что не время танцовать, когда проливается русская кровь. Развѣ нельзя было предложить ученицамъ пожертвовать деньги, внесенныя за билеты на балъ и отъ бала отказаться? Мужской персоналъ (не всѣ, конечно,) думалъ иначе. Я зашла къ пепиньеркамъ въ пансіонъ и обратилась къ нимъ съ слѣдующими словами: «Вы уже знаете, что на дальнемъ Востокѣ льется русская кровь. Въ такое время никто, въ чьей груди бьется русское сердце, не только не станетъ плясать, но о пляскѣ и думать не станетъ. Я вамъ не запрещаю, но предлагаю обдумать мои слова». Пепиньерки ничего мнѣ не отвѣтили, но задумались. А на слѣдующій день я слышу, что начальникъ говоритъ: «Зачѣмъ преждевременно смущать юныя сердца?» (т. е. *смущать* «патріотическими чувствами»). Тоже говорили и нѣкоторые преподаватели, внушая пепиньеркамъ и старшимъ ученицамъ, что «почему же и не потанцовать?» Билеты розданы были начальникомъ не только пепиньеркамъ, но и, противъ обыкновенія, воспитанницамъ I кл., и—онѣ поѣхали на балъ, на который, однако, явились немногіе изъ служащихъ въ гимназій. Я, конечно, не была на балу. Я глубоко скорбѣла о такомъ сбиваніи съ толку воспитанницъ и о воспитаніи молодежи въ такомъ непатріотическомъ духѣ. И на первыхъ порахъ слышалась среди воспитанницъ такая фраза: «Вѣдь на войнѣ никого нѣтъ изъ нашихъ родственниковъ!» Понятіе о братствѣ всего народа, было, какъ видно, чуждо имъ. И, дѣйствительно, много-ли слышитъ наша учащаяся молодежь о любви къ родинѣ? Еще въ младшихъ классахъ читаются иногда статьи, говорящія о любви къ родинѣ, но въ старшихъ классахъ это слово упоминается только при разборѣ знаменитаго трактата Карамзина «о любви къ отечеству»,—и разбирается онъ только съ литературной точки зрѣнія. И въ то время, какъ нѣмецкое дитя и нѣмецкій юноша съ пеленокъ вплоть до окончанія полного курса ученія слышатъ неустанно «Deutschland über Alles»—и эти слова звучатъ въ его ушахъ на протяженіи всей его жизни (теперь мы знаемъ, что такъ же воспитывается юношество въ Японіи),—русское дитя и русскій юноша подчасъ слышатъ только одно глумленіе надъ священнымъ словомъ «родина» и воспитываются въ духѣ космополитизма, такъ ярко выразившемся

въ эти скорбные для Россіи дни среди части учащейся молодежи и русской интеллигенціи, воспитываемой жидовской прессой.—На урокахъ исторіи и словесности подчасъ говорится о нашей «отсталости», но при этомъ никогда не возбуждается сознание въ необходимости трудиться съ удвоенной энергіей, чтобы «догнать» тѣхъ, отъ которыхъ мы отстали. Не говорится даже о томъ, въ чемъ мы отстали, и что нами сдѣлано, хотя бы на примѣръ, за весь XIX вѣкъ. Въ умахъ юношества складывается сознание, какъ будто мы стоимъ на одномъ мѣстѣ. А не мѣшало-бы указывать юношеству хоть на то, что въ международныхъ отношеніяхъ мы опередили весь цивилизованный, «культурный» міръ, то же и въ отношеніяхъ нашихъ къ побѣжденнымъ народностямъ,—а этого уже достаточно, чтобы превзойти передъ «культурностью» нашей родины. Никому изъ преподавателей исторіи и въ голову не приходитъ сравнивать букву закона въ уставахъ конституцій съ тѣмъ, какъ эти законы проводятся въ жизнь. Имъ въ голову не приходитъ показать, что разумѣется въ дѣйствительности подъ «конституционнымъ режимомъ» въ Австріи, Франціи, Пруссіи и др., что тамъ дѣйствуетъ, подъ именемъ конституціи, «кулачное право», а не т. наз. «правовой порядокъ», излюбленный нашими близорукими и невѣжливыми либералами. Наше юношество воспитывается въ полномъ невѣдѣніи дѣйствительности и въ полномъ презрѣніи къ своей великой родинѣ.

Между тѣмъ, пепиньерки чувствовали, что я не довольна ими, да я и не скрывала этого, и, вотъ, однажды, онѣ пришли ко мнѣ и, повидимому, чистосердечно рассказали, какъ въ день бала на улицахъ Кіева происходили шумныя патріотическія манифестаціи по поводу извѣстій, оказавшихся, къ несчастью, ложными, о разгромленіи японскаго войска. «Всѣ бѣсновались на улицахъ»—говорили мнѣ пепиньерки, «и намъ захотѣлось выразить шумно нашъ восторгъ,—вотъ почему мы и поѣхали на балъ». Я повѣрила имъ. Но I кл. ничего не повѣдалъ мнѣ о томъ, что повлекло его на балъ, чтобы поплясать. Этотъ классъ находился всецѣло подъ влияніемъ нѣкоторыхъ преподавателей.

Однако, подъ влияніемъ нашихъ дамъ, патріотическія чувства стали мало по малу охватывать ученицъ и пансіонерокъ. Классныя дамы ежедневно читали ученицамъ газетныя сообщенія о военныхъ событіяхъ, и ученицы стали жертвовать на бѣлье для раненныхъ, для чего въ каждомъ классѣ выставлена была кружка; на пожертвованныя деньги покупался матеріалъ

и ученицы сами шили бѣлье, за исключеніемъ младшихъ, которыя отдавали шить на сторону. Пансіонерки стали собирать сахаръ отъ чаю, и мы раза два до каникулъ сдавали по пуду сахару въ отправлявшіеся на театръ войны отряды. Хотѣли было пансіонерки отказаться отъ сладкаго блюда, но это не было разрѣшено высшимъ начальствомъ вообще. Но если патріотическія чувства охватили ученицъ, то нельзя того же сказать о педагогическомъ персоналѣ. Женскій персоналъ, повидимому, былъ весь патріотиченъ,—не то мужской. Среди него слышалось злорадство по поводу катастрофы съ «Петропавловскомъ», катастрофы, повергшей въ горе всю «русскую» Русь. При сужденіяхъ и предположеніяхъ о военныхъ событіяхъ слышалась иногда потка, фальшиво звучащая, и вотъ одинъ изъ «украинцевъ», не стѣсняясь тѣмъ, что онъ находится въ стѣнахъ русскаго учебнаго заведенія, сталъ громко выражать въ учительской свои симпатіи и пожеланія успѣха японцамъ. Соколомъ налетѣлъ на него другой, истинно русскій человекъ, и Богъ знаетъ, чѣмъ бы кончилась эта схватка русскаго съ хохломъ, если бы ихъ не розняли. Не лишне замѣтить, что принципаль-начальникъ—хохолъ-*rug sang*, иначе не называющій русскихъ, какъ кацапами. Какое воспитательное вліяніе можетъ имѣть такой начальникъ на юношество, легко себѣ представить.

На масленицѣ въ пансіонѣ состоялся музыкально-вокальный вечеръ, домашній вечеръ. Преподавательницы музыки просили меня устраивать ежегодно такой вечеръ для поощренія воспитанницъ.

Въ музыкѣ отличались воспитанницы I кл. М., будущая артистка, и воспитанница V кл. Б., болгарка, безспорно талантливая, общающаяся много. Бывшіе въ концѣ Вел. поста музыкальные экзамены выдвинули одну маленькую воспитанницу К., талантъ которой призналъ даже ея преподавательницей, г-жой Г., весьма скупой на признаніе музыкальныхъ талантовъ и способностей. Т. обр. музыкальные таланты въ N N. пансіонѣ не переводятся: на протяженіи семи лѣтъ при мнѣ окончила талантливая Ш., занимающаяся теперь въ Петербургской консерваторіи, куда она поступила по конкурсу стипендіаткой дирекціи; въ нынѣшнемъ году оканчиваетъ М., стремящаяся тоже въ консерваторію, за ней идетъ болгарка Б., а за этой показалась уже маленькая К. Всѣ они съ выдающимся талантомъ. Рядомъ съ ними постоянно идутъ и такіе, за которыми нельзя не признать музыкальныхъ способностей. Можно только удивляться тому, какъ могутъ

дѣлать такіе успѣхи воспитанницы, которыя располагаютъ такъ мало временемъ для упражненій.

На первой недѣлѣ Вел. поста получила командировку за границу преподавательница рукодѣлія, г-жа Ж. Въ бытность мою въ прошломъ 1903 г. въ Чехіи, въ Младъ-Болеславѣ, я увидѣла у моей милой хозяйки, г-жи Черной, гостепріимно пріютившей меня у себя, замѣчательныя работы, которыя оказались «египетскими». Съ именемъ «египетскихъ» работъ обыкновенно соединяютъ представленіе о чемъ то необыкновенно трудномъ и и безконечномъ, и вдругъ оказывается, что египетское (древнеегип.) тканье всевозможнаго вида, начиная съ самаго грубаго и и кончая тончайшимъ, чрезвычайно легко и быстро производится. Эти работы чрезвычайно разнообразны и практичны: можно одѣть себя съ головы до ногъ, можно украсить комнату тончайшими занавѣсами и красивой обивкой мебели: ткать можно изъ шелка, шерсти и бумаги. Я пришла въ восторгъ отъ этихъ работъ. Г-жа Ч. научилась этимъ работамъ у одной дамы, своей соотечественницы, и сама уже довела ихъ до совершенства. Видя мой восторгъ, г-жа Ч. предложила мнѣ обучить кого угодно изъ русскихъ. Тогда-же я составила планъ выхлопотать командировку для нашей учительницы рукодѣлія и, тотчасъ по возвращеніи домой, сообщила о своемъ планѣ, какъ самой г-жѣ Ж., такъ и начальнику. Специальныхъ суммъ на командировки учительницъ у насъ нѣтъ, ни въ гимназін, ни въ вѣдомствѣ; приходится обращаться за этимъ къ фонду, изъ котораго даютъ награды и пособія (вотъ на такіе командировки не дурно было бы привлекать жертвователей, что было-бы производительнѣе пожертвованій на шкафы и т. п.); и, вотъ, въ январѣ нынѣшняго, 1904 г., я подала докладную записку съ ходатайствомъ о выдачѣ пособія учительницѣ рукодѣлія на поѣздку за границу для изученія особаго рода работъ, могущихъ принести громадную пользу ученицамъ. Ходатайство мое было уважено, и, хотя не очень разщедрились относительно пособія—выдано было всего 90 р.—г-жа Ж. отправилась въ Чехію къ г-жѣ Черной, которая гостепріимно пріютила ее у себя и въ двѣ недѣли обучила ее всѣмъ работамъ.

Г-жа Ж. возвратилась домой вполне обученная египетскимъ работамъ, которыя она намѣрена ввести въ гимназін съ будущаго же учебнаго года, и я увѣрена, что этими работами увлекутся не только ученицы, но и дамы наши, среди которыхъ есть много хорошихъ рукодѣльницъ.

Въ теченіе В. поста произошелъ въ гимназіи крайне печальный инцидентъ, взволновавшій весь женскій персоналъ и лучшихъ изъ мужскаго. Въ педагогическомъ классѣ читалъ лекцію профессоръ С-скій; я пришла на лекцію. Сижу. Входитъ начальникъ, сердитый, садится подлѣ меня и говоритъ: «Чертъ знаетъ, что воображаетъ о себѣ наша танцорка (т. е. учительница танцевъ)! Я ее прогоню.» Сказавъ это, онъ всталъ и вышелъ. Вслѣдъ за нимъ вышла и я, желая узнать въ чемъ дѣло. Въ корридорѣ я увидѣла идущую мнѣ на встрѣчу учительницу танцевъ, М. Ѳ. А. «Что такое случилось?» спрашиваю ее, приглашая ее зайти въ мою комнату. И вотъ, что я услышала. Въ залѣ шелъ урокъ танцевъ; вдругъ отворяется дверь и входитъ начальникъ съ нѣсколькими ученицами, которыхъ гдѣ-то «подобралъ», по его выраженію, (по моему разслѣдованію оказалось, что ученицы эти сидѣли на площадкѣ въ концѣ корридора, гдѣ обыкновенно и сидятъ свободныя ученицы, если залъ занятъ пѣніемъ или танцами). Пользуясь своимъ безспорнымъ въ подобныхъ случаяхъ правомъ быть хозяйкою у себя на урокѣ, правомъ, не разъ обсуждавшимся на конференціяхъ и ими признанномъ, г-жа А. не допускала присутствія на своихъ урокахъ постороннихъ ученицъ, такъ какъ этимъ нарушался порядокъ, слышались критическія замѣчанія, замѣчались пересмѣшки и т. п. Во всякомъ случаѣ, постановленія педагогической конференціи обязательны и для администраціи гимназіи, значитъ, и для начальника, который, къ тому же, на конференціяхъ всегда заявляетъ: «Я только исполняю постановленія конференціи.» Иначе оно и не можетъ быть: разъ начальникъ, или начальница не обязаны подчиняться постановленіямъ конференціи, *въ вопросахъ ея компетенціи*, конечно, послѣднія сводятся на нѣтъ. И въ данномъ случаѣ начальникъ обязанъ былъ уважать права учительницы и, если уже онъ хотѣлъ непременно водворить въ залѣ приведенныхъ имъ ученицъ, то долженъ былъ *просить на то согласіе учительницы*. Не такъ, однако, поступилъ начальникъ. Не терпя г-жу А., любимую и уважаемую всѣми въ гимназіи, за ея независимый характеръ и нежеланіе прислуживаться, и за ея всѣмъ извѣстное расположеніе ко мнѣ, онъ давно подкапывался подъ нее—и, вотъ, представился случай вызвать скандалъ. На объявленіе имъ г-жѣ А., что онъ привелъ въ залъ свободныхъ ученицъ, которымъ яко-бы негдѣ пріютиться, что была неправда, какъ уже это извѣстно читателю,—г-жа А. заявила, что она, по праву хозяйки за своимъ урокомъ, не допускаетъ присутствія на ея урокахъ постороннихъ ученицъ, на

что начальникъ разразился бранью, а г-жа А., сказавъ: «такъ я уйду» — вышла изъ зала. Спустившись внизъ, она вскорѣ была нагнана начальникомъ, который при сторожахъ крикнулъ ей: «можете убираться вонъ!» — «Да и не такая уже честь служить съ вами!» — получилъ онъ въ отвѣтъ. — Выслушавъ г-жу А., я посовѣтовала ей немедленно отправиться къ губернатору — попечителю и доложить ему о случившемся. Такъ она и сдѣлала. На слѣдующій день М. Ѳ. меня увѣдомляла о свиданіи своемъ съ ген. С., сообщая, между прочимъ, и о томъ, что она сказала попечителю: «никто въ гимназіи не гарантированъ отъ грубостей начальника.» — «На это я обращаю вниманіе» — сказалъ на это ген. С. Каково же было всеобщее удивленіе, когда день спустя узнали въ гимназіи, что по распоряженію попечителя учительница танцевъ увольняется! Всѣ дамы стали говорить мнѣ: «неужели, Е. И., вы не поѣдете къ попечителю?» — Я сама сознавала, что ѣхать къ попечителю для меня обязательно, но въ тоже время я сознавала и то, что наврядъ ли будетъ изъ этого какая польза для г-жи А. Я поѣхала подъ предлогомъ поднести ген. С. недавно вышедшую брошюру мою «Изъ путевыхъ впечатлѣній». Вручивъ свою брошюру ген. С., я заговорила о г-жѣ А. «Я считаю долгомъ», — сказала я ген-у, — заявить, что г-жа А. сказала правду.»

«Въ какомъ отношеніи?» — спросилъ генераль. — «Въ отношеніи грубостей начальника.» — «Отчего же никогда не было протеста?» (Генераль С., безъ году недѣля попечитель гимназіи, не могъ знать, былъ-ли протестъ или нѣтъ). «Были протесты!» возразила я; — «когда шесть лѣтъ тому назадъ пріѣзжалъ сюда Главноуправляющій, я вынуждена была заявить о грубостяхъ и цинизмѣ: съ тѣхъ поръ цинизмъ нѣсколько ослабъ, относительно меня, собственно,*) а грубость осталась та же». — «Я на это обращаю вниманіе» — замѣтилъ генераль С., — «а что касается г-жи А., то мое рѣшеніе основано на ея же разсказѣ. Когда я слушалъ ее, то я тутъ же рѣшилъ, что она не можетъ оставаться въ гимназіи. Дисциплина не можетъ допустить этого: нельзя же, чтобы каждая учительница говорила дерзости начальнику въ присутствіи ученицъ.» — Что было отвѣчать генералу на такое одностороннее пониманіе имъ дисциплины? Слова учительницы «такъ я уйду» признавались имъ за дерзость, которая не мо-

*) Относительно другихъ цинизмъ проявляется, напр., въ такой формѣ: одна клас. надѣ-ца, показывая нач-ку на одну блѣдную ученицу, говоритъ: «какая она блѣдная!» — «Всю ночь подъ солдатомъ подъ мостомъ валялась», — замѣчаетъ начальникъ

жетъ быть терпима, а брань, которою начальникъ разразился на учительницу въ присутствіи ученицъ, и фраза: «можете убираться вонъ!» брошенная ей въ присутствіи сторожей, требуютъ только «вниманія».

Такъ какъ я напирала на то, что г-жа А. была въ своемъ правѣ, не допуская на свой урокъ постороннихъ ученицъ, — ген. С. не соглашался съ тѣмъ, что постановленіе конференціи обязательно для начальнига. Очевидно, генераль стоялъ на той точкѣ зрѣнія, что начальникъ вообще выше закона. Начальникъ, несомнѣнно, держался *de facto* того же принципа, ибо, заявляя на каждой педагогической конференціи, что онъ только исполняетъ постановленія конференціи, онъ на слѣдующій же день плевалъ, такъ сказать, на это постановленіе и поступалъ по своему усмотрѣнію, «по наитію», что и было причиной того, что одинъ и тотъ же вопросъ возбуждался въ конференціи ежегодно, рѣшался, начальникомъ нарушалось постановленіе, вопросъ снова возбуждался и рѣшался, начальникомъ снова нарушалось постановленіе, и такъ до безконечности. Это и подало поводъ преподавателю А. выступить со своими знаменитыми предложеніями и высказать своимъ сослуживцамъ не менѣе знаменитую фразу: «мы сами виноваты, что въ гимназіи царятъ произволъ! Еслибы мы сплотились, начальникъ не могъ бы относиться такъ къ постановленіямъ конференціи»... и т. д. А чтобы вышло отъ такой сплоченности педагогическаго персонала при извѣстномъ уже намъ взглядѣ попечителя, ген. С.?

Итакъ, рѣшеніемъ своимъ и упорствомъ въ своемъ рѣшеніи ген. С. въ милліонный разъ доказалъ, что сила солону ломить и что начальникъ можетъ безнаказанно оскорблять своихъ подчиненныхъ, особенно женщинъ, которыя оказываются совершенно беззащитными. Мужчина оскорбленный можетъ избить оскорбившаго, а что можетъ женщина?

Безповоротное рѣшеніе попечителя по отношенію къ г-жѣ А. глубоко поразило весь женскій персоналъ гимназіи: чего-же теперь ждать ему отъ начальнига? Рѣшено было выразить невинно пострадавшей всеобщее сочувствіе. Одна изъ учительницъ взяла на себя трудъ предложить подписку на подарокъ г-жѣ А. Въ подпискѣ принялъ участіе весь женскій и мужскій персоналъ. Когда подписка приходила уже къ концу, кто-то въ учительской замѣтилъ собиравшей деньги: «имѣйте въ виду, что на всякую подписку въ гимназіи требуется разрѣшеніе начальнига». Г-жа М. (собиравшая деньги), увидѣвъ входившаго въ учительскую начальнига, обратилась къ нему со словами:

«Д. А.! я вамъ не предлагаю»... Онъ круто повернулъ ей спину и вышелъ изъ комнаты. На собранныя деньги куплены были дамскіе золотые часы, вырѣзаны на нихъ инициалы и соответственная надпись, и въ одно изъ воскресеній большинство гимназическихъ дамъ отправились къ М. Θ. Здѣсь отъ лица сослуживицъ я въ немногихъ словахъ выразила любимой нами М. Θ. наше глубокое сожалѣніе, что мы вынуждены были разстаться съ нею, припоминая ей наши всегдашнія искреннія дружескія отношенія. Глубоко тронутая, М. Θ. пригласила насъ провести съ ней часъ — другой, и мы за чайнымъ столомъ, въ товарищеской бесѣдѣ провели отрадные минуты, стараясь не омрачать ихъ воспоминаніемъ о случившемся.

Это прискорбное событіе, повидимому, тѣснѣе сблизило женскій персоналъ гимназіи. Чуть не съ скрежетомъ зубнымъ вспоминалось поднесеніе адреса. «Онъ никому зла не дѣлалъ» — говорили въ то время нѣкоторые. Эта самая М. Θ. вырвала у меня изъ рукъ конвертъ съ письмомъ, приготовленный мною для юбиляра, — и вотъ теперь убѣдились въ томъ, на что онъ былъ способенъ. Ни любви, ни уваженія, ни авторитета онъ этимъ поступкомъ не приобрѣлъ. Онъ можетъ, конечно, похвастать, что славилъ ненавистную ему личность, но онъ можетъ быть убѣжденъ, что репутація его въ К** не поднялась...

На мѣсто М. Θ. приглашена была со сцены хорошенькая особа.

Начинались экзамены. На одномъ изъ нихъ начальникъ явился уже тогда, когда отвѣчали три послѣднія ученицы, — это былъ экзаменъ географіи. Постоялъ онъ нѣсколько секундъ, послушавъ отвѣты одной, потомъ перешелъ къ другой, третьей... Начали ставить отмѣтки. Замѣчу встать, что не разъ начальникъ при постановкѣ отмѣтокъ на экзаменѣ замѣчалъ мнѣ, что ни онъ, ни я не имѣемъ права ставить отмѣтки. Откуда взялъ онъ это «правило», я не знаю, но я подчинилась ему и отмѣтокъ не ставила, онъ же ставилъ ихъ, не стѣсняясь сдѣланнымъ имъ мнѣ заявленіемъ. На этотъ разъ, на заявленіе преподавателя и ассистентовъ своихъ отмѣтокъ, С. замѣчалъ: «а у меня такая-то» — (всегда выше отмѣтки, заявленной первыми). Но откуда же взялись у него отмѣтки, когда онъ не былъ даже на экзаменѣ? Боясь не воздержаться отъ замѣчанія, я поспѣшила уйти. По уставу средне-учеб. заведеній вѣдомства оказывается, что всѣ ассистенты, значить и я, и начальникъ, ставятъ отмѣтки, при

чемъ выводъ дѣлается такъ, что предпочтеніе отдается отмѣткѣ преподавателя.

Для меня стало очевиднымъ, что онъ не хотѣлъ, чтобы я ставила отмѣтки потому, что я не накидывала таковыхъ лѣнн-вымъ и ничего не знающимъ, поддерживая только прилежныхъ, онъ-же постоянно накидывалъ, чтобы поменьше было переэкзаменовокъ, о чемъ съ гордостью онъ говорилъ въ годовомъ отчетѣ. Онъ нисколько не стѣснялся тѣмъ, что онъ мнѣ сказалъ,—но откуда бралъ онъ свои отмѣтки, когда онъ не былъ на экзаменѣ?

Безцеремонность его, очевидно, не имѣла границъ. Послѣ одного изъ экзаменовъ одинъ изъ преподавателей рассказалъ, что получилъ отъ одного педагога письмо, въ которомъ тотъ пишетъ, нельзя-ли *посодѣйствовать*, чтобы такая-то ученица получила золотую медаль, иначе она утопитъ или повѣсится. Поговоривъ объ этомъ, нѣсколько удивляясь такому педагогу, считающему возможнымъ писать такое письмо другому педагогу—и разошлись. Однако, первый педагогъ оказался правъ. Настала конференція для опредѣленія наградъ выпускнымъ. Очередь дошла до 3-ей золотой медали во 2 отд. I кл. Начальникъ объявляетъ, что конкурентками на эту медаль являются: К. и О. За К. говорило все ея прошлое. Это была выдающаяся ученица по уму, развитію и знанію,—надо удивляться тому, что она не стала первой,—но ставить въ уровень съ ней О. никому до этого времени не приходило въ голову. И, конечно, всѣ стояли на сторонѣ К. Тутъ начальникъ счелъ нужнымъ обратить вниманіе присутствующихъ на то, что К. яко-бы, въ золотой медали не нуждается, а О. нуждается, ибо собирается на высшіе курсы.... и предложилъ рѣшить вопросъ закрытой баллотировкой. Большинство, тронутое сообщеніемъ начальника, упуская изъ виду, что конференція не имѣетъ права благодѣтельствовать на чужой счетъ, присудила 3-ю золотую медаль О., а К. серебряную, не смотря на то, что О. получила на экз. математики 11, К. же имѣла круглые 12. Преподаватель математики, къ сожалѣнію, отсутствовалъ на конференціи по болѣзни, и былъ очень удивленъ, когда узналъ, что золотую медаль получила О. вмѣсто К. Такимъ образомъ, педагогъ, просившій другого педагога посодѣйствовать полученію золотой медали такой-то ученицей, былъ правъ, обращаясь съ такой просьбой...

Въ 1 отд. I кл. первая золотая медаль присуждена была Б-невой, вторая Б-киной; въ такомъ порядкѣ онѣ и были посажены на актъ, который съ нынѣшняго, 1904 г., по опредѣленію

центральной власти, назначенъ былъ тотчасъ по окончаніи экзаменовъ. Но каково-же было наше удивленіе, когда первымъ № оказалась поставленною Б-кина, а Б-нева вторымъ. На этотъ разъ уже конференція оказалась не при чемъ.

Такъ закончился 1903—1904 учебный годъ.

Съ каждымъ годомъ, съ каждымъ мѣсяцемъ, съ каждымъ днемъ становилось все тяжелѣе служить въ такой безнравственной атмосферѣ: полный произволъ начальника, начальника безъ всякихъ принциповъ и убѣжденій, любящаго шпіонство и на-ушничанье, грубаго циника, безтолковаго администратора, ничего не помнящаго, стремящагося управлять учеб. заведеніемъ при помощи принципа «divide et impera», натравляющаго мужской персоналъ на женскій, и среди женскаго возстаивающаго однихъ противъ другихъ—словомъ, начальника, деморализующаго все и всѣхъ и подрывающаго авторитетъ каждаго въ гимназій—и это при сознаніи, что никому до этого дѣла нѣтъ. Въ городѣ на лицо попечитель гимназій, но ему нѣкогда заниматься дѣлами гимназій,—Петербургъ далеко, да къ тому же начальникъ пріятель центральной власти, потому что онъ умѣетъ протягивать руку направо и налево, унижаясь предъ всякимъ богатымъ жидомъ, унижая вмѣстѣ съ собою и богатѣйшее вѣдомство, выпрашивая порой нѣсколько десятковъ рублей на швафъ или столъ для гимназій, которая отсылаетъ вѣдомству ежегодно многія тысячи (сверхсмѣтныя).

Вотъ я, читатель, стою передъ тобою съ открытой душой и повѣствую тебѣ безъ всякой утайки, что было со мною на поприщѣ воспитанія чужихъ дѣтей. Предъ тобою прошелъ уже рядъ годовъ (22 года!), уже третья гимназія стоитъ передъ тобою, и развѣ не могу я сказать, что воспоминанія мои о Тифлисской гимназій кровію сердца написаны? Съ какою любовью отдалась я этому дѣлу, не положила-ли я душу свою на него? Изо-дня въ день приходилось бороться со всякою неправдою, но сила соломѣ ломить, и въ этой неустанной трехлѣтней борьбѣ, неправда одержала верхъ, но не сломила меня. Съ тою же любовью къ дѣлу, но уже безъ вѣры въ возможность власти свою душу на него, я поступила на службу въ К-ской гимназій. Первые годы я еще боролась съ безпринципностью въ дѣлѣ воспитанія, но мало по малу приходилось сдерживать свои нервы и мириться со многимъ, чтобы хоть что-нибудь сдѣлать на пользу дѣла. Удалось что-нибудь сдѣлать сегодня—хорошо, не удалось—нечего дѣлать! Жила и дѣйствовала я изо-дня въ день, оберегая «свою шкуру» отъ подпольной работы разнаго

вида «кротовъ», мелкихъ и крупныхъ. Могла-ли любовь къ дѣлу удержаться на той же высотѣ и въ той же силѣ? Конечно, нѣтъ, и къ концу службы моей въ К. я уже значительно приблизилась къ равнодушію. И, вотъ, я теперь въ третьей гимназій, перешла на дѣло болѣе широкое: кромѣ громадной гимназій я во главѣ немалого интерната, въ которомъ, по словамъ бывшаго управляющаго дѣлами канцеляріи вѣдомства, я—полная хозяйка по воспитательной части. И въ первый годъ службы моей здѣсь я восприняла духомъ: прежняя любовь къ дѣлу охватила меня, и вмѣстѣ съ нею воскресла и вѣра въ возможность власть душу свою на любимое дѣло. Весь первый годъ я создала не только безъ помѣхи, но даже при содѣйствіи начальства. Но прошелъ годъ, и началась борьба съ рукою разрушающею то, что создавалось въ первый годъ, но увы! борьба оказалась совсѣмъ невозможной. Въ обязанность мнѣ поставлено высшимъ начальствомъ *ладить* съ начальникомъ во чтобы то ни стало. Вотъ та высокая цѣль, къ которой я должна отнынѣ неустанно стремиться. «Держи носъ по вѣтру!» вотъ что я должна постоянно напоминать себѣ,—но такъ какъ этотъ принципъ отродясь былъ мнѣ противенъ, то легко себѣ представить, какъ онъ уживался съ любовью къ дѣлу, и можно впередъ сказать къ чему этотъ принципъ меня приведетъ: дѣло изъ любимого должно стать постылымъ въ концѣ концовъ, и уже къ концу четвертаго года моей службы съ этимъ начальникомъ я рвалась на свободу!

Ну, вы, глашатаи любви къ дѣтямъ и дѣлу воспитанія! Укажите-ка средство какъ любить свое дѣло и какъ класть свою душу на это дѣло, при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ педагогамъ приходится дѣйствовать! Прежде устраните эти условія, и тогда предъявляйте намъ свои высокія требованія, а до этого, всѣ ваши высокія мысли и прекрасныя слова отзываются у насъ въ душѣ фальшью и порой вызываютъ и озлобленіе противъ васъ. Да не подумаетъ читатель, что мы здѣсь намекаемъ на такъ называемый «правовой порядокъ»... Упаси насъ, Боже, отъ такой глупости и такого невѣжества! Во всемъ мірѣ этотъ «правовой порядокъ» существуетъ только на бумагѣ, въ жизни же дѣйствуетъ *вездѣ право сильного*, извѣстнаго въ средніе вѣка подъ именемъ «кулачнаго права». Разница только въ томъ, что тогда это право дѣйствовало въ одиночку, а теперь оно дѣйствуетъ въ скопѣ. Но произволъ и насиліе, кѣмъ бы они не осуществлялись, останутся произволомъ и насиліемъ, а кто вѣрить въ существующій «правовой порядокъ» обнаружи-

ваетъ только свое невѣжество, хотя бы онъ принадлежалъ и къ міру ученому.

Мы разумѣемъ здѣсь ту «дисциплинарную комиссію», которая проектировалась года два тому назадъ, и о которой такъ много писалось въ газетахъ,—ту комиссію, которая должна была бы разбирать всѣ столкновенія начальства съ подчиненными.

Вотъ чего я желала и о чемъ мечтала для защиты нынѣ беззащитнаго служащаго и для того, чтобы послѣдній могъ свободно служить дѣлу, а не лицу.

И такъ, я рвалась на свободу, и съ этимъ чувствомъ я выѣхала изъ К** 1-го Іюня 1904 года, чтобы проѣхать по западно-русскимъ окраинамъ. И чѣмъ далѣе я ѣхала, останавливаясь въ разныхъ историческихъ мѣстахъ, тѣмъ болѣе мнѣ хотѣлось свободы, свободы работать на другомъ поприщѣ, которое стало меня привлекать послѣдніе годы и, хотя нѣсколько удовлетворяетъ моимъ духовнымъ потребностямъ. Такъ доѣхала я въ концѣ Іюня до знакомаго мнѣ К., но не успѣла я пріѣхать въ Р., имѣніе моихъ хорошихъ знакомыхъ В., какъ получаю съ почты конвертъ съ печатью Соб. Е. И. В. Канцеляріи по учрежденіямъ Им-цы Маріи, и съ надписью «спѣшное». Вскрываю конвертъ,—приглашеніе отъ имени Главноуправляющаго пожаловать 7 Іюля въ канцелярію вѣдомства «для переговоровъ по дѣламъ службы». Переговоры съ начальствомъ бываютъ всякіе. Зная, что попечитель нашей гимназій, ген. С. былъ въ началѣ Іюня въ П-бгѣ, я подумала, не сообщилъ ли онъ Главному управляющему исторію учительницы танцевъ и не представилъ ли онъ меня какъ защитницу «виноватой» по его мнѣнію г-жи А.. Другого мотива для моего вызова я не могла придумать. Столкновений съ начальникомъ за послѣднее время у меня не было; политической пропаганды въ стѣнахъ гимназій не было, какъ то было въ К-ой 2-й гимназій, гдѣ въ началѣ весны была арестована ученица гимназій—еврейка за такую пропаганду въ стѣнахъ гимназій, что я узнала отъ самого Генералъ-Губернатора при моемъ представленіи ему; словомъ, я не находила никакого мотива къ моему вызову, кромѣ исторіи съ г-жей А.;—хорошаго мотива я не предполагала. Наконецъ, я въ Петербургѣ и 7-го Іюля къ часу являюсь въ канцелярію. Графъ не заставилъ себя ждать на этотъ разъ и принялъ меня первую. Въ кабинетѣ у него былъ и управляющій дѣлами канцеляріи, М. К. П. Сажусь. «Вы уѣхали изъ К. безъ отпуска, не оставивъ даже своего адреса»—началъ графъ.—«Да, я отпуска не брала»—отвѣчала я,

—но адресъ свой оставила, иначе меня бы и не нашли. На лѣто у насъ обыкновенно не берутъ отпуска,—начальникъ спрашиваетъ меня обыкновенно, когда я ѣду? и этимъ ограничивается формальность. Въ пансіонѣ же я возлагаю свои обязанности на старшую изъ остающихся класс. дамъ. Если я ѣду въ Петербургъ или за границу, тогда беру отпускъ. Тоже и начальникъ беретъ отпускъ только тогда, когда ѣдетъ въ Петербургъ, за границу, или на Кавказъ лѣчиться.»

—«Это замѣчаніе сдѣлалъ вамъ графъ только мимоходомъ» — объяснилъ мнѣ управляющій дѣлами канцеляріи. Графъ снова заговорилъ: «Высочайше дарованной мнѣ властью я вынужденъ предложить вамъ подать въ отставку»... — «По какому поводу?» спрашиваю я совершенно спокойно. — Графъ: «ваши отношенія къ воспитанницамъ...» — «Мои отношенія къ воспитанницамъ?» медленно переспрашиваю я, широко раскрывъ глаза отъ удивленія. — «Не тѣ ли отношенія — продолжаю я — которыми я приобрѣла любовь этихъ самыхъ воспитанницъ?» Графъ: «я не могу разбирать васъ съ губернаторомъ!» — «Съ губернаторомъ? Да что же онъ знаетъ о моихъ отношеніяхъ къ воспитанницамъ? Что же могъ онъ сказать?» — Управляющій дѣлами: — «Имѣйте въ виду, что Главноуправляющій имѣетъ право не отвѣчать вамъ на ваши вопросы». — Я: «да, конечно, главноуправляющій... Но въ лицѣ графа я вижу не только главноуправляющаго, но еще и человѣка. Вотъ какъ поступала я по отношенію къ своимъ подчиненнымъ: когда про одну классную надзирательницу дурно говорили, то я пригласила ее къ себѣ и предложила ей защититъ себя отъ клеветы, если таковая на лицо. Ей удалось это сдѣлать, указавъ источникъ этой клеветы, — и она осталась на мѣстѣ. Вотъ какъ поступаетъ начальникъ-человѣкъ по отношенію къ своему подчиненному, въ которомъ онъ видитъ также человѣка». — Графъ: «да, конечно, человѣкъ... Генералъ Т. (бывшій попечитель гимназій, *Θ. Θ. Т.*) писалъ о васъ въ теченіе трехъ лѣтъ...» — Я, съ удивленіемъ: «генералъ Т.» — Графъ: «вы не знали этого?» — Я: «въ первый разъ слышу. Мы были съ генераломъ и съ Е. С. постоянно въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ и разстались въ такихъ же отношеніяхъ»... — Ссылка на генерала Т. меня глубоко поразила: кому же вѣрить, если и такой человѣкъ, какъ *Θ. Θ. Т.*, слышущій за честнаго и благороднаго человѣка, и тотъ не считаетъ гнуснымъ дѣйствовать подпольнымъ путемъ. Противъ меня дѣйствовалъ тотъ самый попечитель гимназій, который въ маѣ 1899 года говорилъ мнѣ: «какъ пріятно слышать со всѣхъ сторонъ похвалы NN пансіону и пр». — Въ 1901 г. пріѣзжалъ ко мнѣ провѣрить докладъ на-

чальника по дѣлу столкновенія клас. надз-цы Г. съ преподавателемъ Ч., при чемъ сказалъ мнѣ: «что Вы мнѣ скажете, то я и напишу; въ 1902 г. въ педагогической конференціи, въ которой онъ самъ предсѣдательствовалъ, обращался ко мнѣ съ вопросами: «Ваше мнѣніе, Е. И., какъ вы скажете, такъ и будетъ!»

Я была такъ поражена такимъ открытіемъ, что не могла удержаться, чтобы не воскликнуть: «кому же вѣрить?»

Вмѣсто того, чтобы провѣрить наговоры на меня начальника, призвать меня къ себѣ и потребовать объясненія, генералъ Т. просто доносилъ на меня Главноуправляющему.... Но не странно ли? Ген. Т. въ теченіе трехъ лѣтъ доносилъ на меня, его уже нѣтъ въ К** болѣе года, и о его донесеніяхъ я узнаю только теперь. «Чѣмъ объясняли Вы то, что ген. Т. ни разу не представилъ васъ къ наградамъ?» — продолжалъ графъ. — «Признаюсь, я относилась къ наградамъ всегда равнодушно, не придавая имъ никакого моральнаго значенія... Непредставленіе же меня къ наградамъ я объясняла нежеланіемъ начальника и невниманіемъ попечителя. (Я забыла добавить: «если моя предшественница получала ежегодно и награду, и пособие — 800 р. въ годъ, та самая, на которую въ моемъ присутствіи жаловался графу начальникъ, что она ничего не хотѣла дѣлать и поворачивала ему спину — то, очевидно, нельзя было награждать и меня).

Возмущенная всѣмъ, что я слышала отъ графа, я «пропѣла имъ (т. е. графу и управляющему дѣлами) акаѳистъ», преподнося имъ все, чего они не знали, а должны бы знать, въ душѣ говоря себѣ: «Фи, какъ тутъ гадко!» вспоминая то знаменитое засѣданіе попечительнаго совѣта въ Тифлисской гимназій, когда у меня также вырвалась эта фраза.

Въ заключеніе я объявила, что подамъ прошеніе на Высочайшее имя Государя о назначенія слѣдствія надъ моей дѣятельностью. — «Вы, конечно, можете быть увѣрены» — сказалъ мнѣ управляющій дѣлами, что графъ доложитъ ваше прошеніе на имя Государыни, или Государя. — «Государя» — подтвердила я. Затѣмъ я откланилась, а черезъ пять дней подала прошеніе объ увольненіи меня отъ службы по болѣзни.

15-го Іюля состоялся докладъ у Государыни, и вмѣстѣ съ принятіемъ моей отставки, Государыня назначила мнѣ пенсію съ добавочнымъ ежегоднымъ пособиемъ, всего 1000 р., т. е. въ размѣрѣ обыкновенной полной пенсіи начальницы гимназій.

Между тѣмъ, друзья мои въ Петербургѣ и К. стали наводить справки о причинѣ моей отставки. Въ К. попечитель гимназій ген. С. категорически отвергалъ всякое участіе свое въ

въ моемъ дѣлѣ; въ Петербургѣ не было никакихъ свѣдѣній обо мнѣ; за послѣднее время достовѣрнымъ оказалось то, что ген. Ѳ. Ѳ. Т. писалъ обо мнѣ много разъ яко бы я примѣняю старую систему наказаній (о наказаніяхъ сказано выше); что, наконецъ, осенью 1900 г. командированъ былъ въ К** членъ учебнаго комитета, А. Г. В., для производства негласнаго дознанія о моихъ отношеніяхъ къ воспитанницамъ, и А. Г. В. опровергъ взведенную на меня клевету, вслѣдствіе чего Главноуправляющимъ было написано ген. Т. рѣзкое письмо. И, вотъ, опровергнутая официально довѣреннымъ лицомъ клевета вновь выдвигается впередъ, но ни ссылаются, пользуясь моимъ незнаніемъ этого факта, и, на этотъ разъ, проверки уже нѣтъ. Вѣроятно же всего, въ послѣдній пріѣздъ графа осенью 1903 г., спутникъ его, одного поля ягода съ начальникомъ былъ надлежащимъ образомъ заряженъ, чтобы настроить безвольнаго графа. Но такъ какъ повода не было, то ухватились за старыя донесенія ген. Ѳ. Ѳ. Т. «Фи, какъ тутъ гадко!» неправда-ли, читатель?, и какъ же я должна быть счастлива, что вырвалась изъ этого омула!

Я безконечно счастлива свободой, которой я, наконецъ, пользуюсь, послѣ 22 л. каторги. Я свободна не подавать руки подлецамъ!

Въ теченіе 15 л. (съ 1889 г.) не получая обычныхъ наградъ, я во стократъ вознаграждена, по выходѣ въ отставку, когда уже всякая маска сбрасывается, выраженіемъ искренняго сочувствія моей дѣятельности бывшими сослуживицами и воспитанницами моими. Вотъ выдержки изъ полученныхъ мною писемъ въ теченіе первыхъ пяти мѣсяцевъ. Первое письмо, которое я получила изъ-за границы отъ одной сослуживицы:

«Съ глубокой грустью узнала я, что Вы насъ покидаете... Встрѣтила я надняхъ г-жу Б., которая была проездомъ въ Женевѣ, и испортила ей все путешествіе этимъ печальнымъ извѣстіемъ..... Позвольте же мнѣ теперь отъ всей души поблагодарить Васъ за сердечное, участливое, внимательное отношеніе ко мнѣ. Да сохранитъ Васъ Господь и пошлетъ Вамъ много, много радостныхъ, счастливыхъ лѣтъ и вознаградитъ Васъ сто-рицею за все то доброе, душевное, глубокое, что Вы дѣлали и дѣяли, и намъ, вашимъ помощницамъ.» Второе письмо, полученное мною скоро по отъѣздѣ моемъ изъ К., гдѣ, по случаю ваникулъ, я съ немногими только могла проститься:

«Вы не можете себѣ вообразить, какъ грустно, больно и тяжело, что Васъ больше нѣтъ и не будетъ въ пансіонѣ. Ужасно, ужасно больно! Развѣ мыслимо съ этимъ когда нибудь по-

мирится? Такое уныніе и тоска вокругъ. Ни за то не хочется приниматься, все валится изъ рукъ. Я даже не могу себѣ представить другую начальницу... Да развѣ Вы были намъ начальницей въ томъ смыслѣ, какъ это принято понимать? Вы были для насъ другомъ, человекомъ въ истинномъ и прямомъ смыслѣ этого слова. Это ужасно! ужасно!...»

«Да, и вѣрь послѣ этого въ какую-то правду! И зачѣмъ въ душѣ это вѣчное рвеніе, борьба изъ-за несуществующаго, мни-ческаго?.. Зачѣмъ? зачѣмъ? когда постоянно, на каждомъ шагѣ только и видишь и убѣждаешься въ томъ, что торжествуетъ зло, подлость, что ложь и только ложь—сила, гигантская, чудовищная сила?

«Вы одна, единственная, всегда понимали меня и поддерживали. Глядя на Васъ, я любила *правду* и всей душой стреми-лась къ ней... а теперь, теперь... пожалуй... нѣтъ, нѣтъ! никогда не отступлюсь отъ своихъ стремленій, взглядовъ, убѣжденій че-го бы мнѣ это ни стоило!

«Сегодня пріѣхала П. Л. (воспитанница) и, когда я сказа-ла, что Васъ больше не будетъ, она заплакала. Нынѣшній вы-пускной классъ мой любимый и вашъ также, Е. И! А онѣ то, онѣ какъ Васъ любятъ, я это знаю лучше, чѣмъ кто бы то ни было... А ихъ любовь уже сознательная, а потому имъ будетъ очень тяжело безъ Васъ.

Вообще могу сказать, что всѣ тѣ воспитанницы, которыхъ я хорошо знала, всѣ Васъ боготворили (знаю же я почти всѣхъ, онѣ со мной, вѣдь, очень искренны), такъ что о существованіи обратнаго мнѣнія я не могла-бы себѣ и представить».

Въ другомъ письмѣ того же лица:

Во всякомъ случаѣ, Васъ никто, никогда не замѣнитъ намъ, замѣнить не можетъ.

«Бѣдная В. О! горюетъ она ужасно, некому защититъ, по-стоять за нее!.. Въ третьемъ письмѣ отъ той же: Все жду хоть капли лучшаго настроенія, чтобы письмо не было сплошной жа-лобой, тоской... Но увы! не дожидаться этого мнѣ безъ Васъ ни-когда... Закатались навсегда наши свѣтлые, хорошіе дни; безна-дежный мракъ кругомъ... Я совершенно убита и никакъ не могу придти въ себя, въ душѣ обида и злоба, злоба до безконечности...»

Отъ третьяго лица:

«Память о Васъ, глубокоуважаемая Е. И., сохранится у ме-ня навсегда. Врядъ ли можно забыть ваши добрыя отношенія къ

намъ, вашимъ подчиненнымъ,—вашъ честный взглядъ на вещи и ваше нелюбвипріятіе».

Отъ четвертаго лица:

«Пользуюсь днемъ Вашего Ангела, чтобы пожелать Вамъ отъ всей души сохранить на многіе годы, вмѣстѣ съ тѣлеснымъ здоровьемъ, ту неисчерпаемую энергію и душевную чуткость къ правдѣ и добру, которыми Вы рѣзко отличались отъ современныхъ индифферентовъ (чтобы не сказать больше); и благодаря которымъ знакомство съ Вами останется навсегда однимъ изъ драгоценнѣйшихъ воспоминаній.

Хотя, въ силу обстоятельствъ, эти высокія качества Вашей души могли находить себѣ только умѣренное примѣненіе на покинутомъ Вами поприщѣ, но повѣрьте, что они были оценены многими, кто имѣлъ случай ближе Васъ узнать и не относился къ Вамъ съ предвзятой точки зрѣнія.

«Что касается лично меня, то общеніе съ Вами часто поддерживало во мнѣ бодрость духа сознаніемъ, что не все мракъ кругомъ, если есть еще такіе аденты свѣта».....

Отъ пятаго лица:

«Вашимъ отъѣздомъ я была, дѣйствительно, поражена, какъ громомъ!.. Никакъ не могу примириться съ мыслію, что мы лишились Вашего дорогого общества...

Сначала я негодовала, потомъ горевала до слезъ, а теперь все тоскую по Васъ, дорогая Е. И! Съ вашимъ уходомъ я понесла незамѣнимую утрату. Никто уже не отнесется съ такою теплотою и участіемъ къ моему дальнѣйшему спеціальному развитію, никто не придетъ на помощь дѣломъ... «Я уважаю Васъ безгранично, люблю Васъ крѣпко и никогда не забуду Васъ...»

Отъ шестого лица:

«Очень уважаемая, безконечно хорошая, дорогая Е. И! Скучно безъ Васъ въ гимназіи. Нѣтъ оживленныхъ споровъ у самовара...»

Изъ другого письма той-же:

О, моя хорошая, нѣжно любимая Е. И! Изъ всѣхъ телеграммъ, поздравленій и писемъ, Ваше и М. О. самыя отрадныя для меня. Мнѣ такъ дорого ваше вниманіе, и я такъ хочу быть достойной Вашего привѣта и ласки...

Отъ седьмого полунинтеллигентнаго лица:

«Чувства мои трудновато въ точности передать; приблизительно скажу, что они отравлены тоской и пустотой. Въ занятіяхъ моихъ безцѣльность и вялость. Точно растеніе, лишенное соловца, опускаетъ листья и вянетъ, я лишилась моего солнца,

которое меня оживотворяло, возбуждало во мнѣ энергію, и трудъ мой былъ мнѣ сладокъ Е. И! Это Вы были для меня яснымъ солнцемъ; хотя и заволакивалось оно иногда тучами, но были и ясные дни, и эти дни были для меня отрадой; а послѣ грозы всегда кажется и день яснѣе и воздухъ чище». *)

А вотъ и выдержка изъ письма воспитанницъ I кл. NN. пансіона:

«Отъ души благодаримъ Васъ, наша добрая Е. И! за теплое отношеніе и заботы о насъ. Очень грустно стало намъ, когда мы узнали, что послѣдній годъ нашего пребыванія въ пансіонѣ мы должны провести безъ Васъ. Еще болѣе жалѣемъ, что не пришлось проститься съ Вами. Мы всѣ собрались съ радостнымъ чувствомъ, что, наконецъ, мы въ первомъ классѣ, надѣясь, что и этотъ годъ пройдетъ такъ же хорошо, при Вашемъ сердечномъ отношеніи къ намъ. Но, узнавъ, что мы лишены горячо любимой Е. И, намъ стало очень, очень тяжело. Кто будетъ теперь такъ участливо относиться къ намъ? Общая наша просьба къ Вамъ—получить дорогую фотографію Вашу на добрую и очень долгую, долгую память.

Но все-таки мы не можемъ успокоиться на этомъ и сильно надѣемся увидѣть Васъ».

Да не сочтетъ читатель неспрошенностью съ моей стороны, что я подѣлилась съ нимъ этими дорожными для меня строками. Но я считаю себя въ правѣ это сдѣлать, какъ потому, что я не выставлю своего имени и остаюсь для посторонняго читателя незнакомкой, такъ и потому, что эти письма не официальные, а вылившіяся изъ души, служатъ лучшимъ отвѣтомъ на клевету того лица, которому слѣдовало бы меня лучше знать, знать также истинныя отношенія ко мнѣ воспитанницъ,—и въ тоже время, письма эти свидѣлствуютъ о томъ, что я была понята сослуживицами и воспитанницами, а это уже заслуга ихъ.

Эти выраженные мнѣ чувства служатъ мнѣ лучшей наградой и, конечно, не могли бы быть промѣнены на денежныя награды начальства.

Что сказать о родителяхъ ученицъ и воспитанницъ? Въ моихъ запискахъ они достаточно рельефно выступаютъ. Отъ себя скажу: за 22 года я имѣла дѣло не менѣе чѣмъ съ 1,500 родителей всякаго сословія, воспитанія и образованія, и могу по

*) здѣсь намекъ на то, что мнѣ случалось сердиться на эту особу, и я распекала ее. Но и это, какъ видно, принималось съ любовью.

пальцамъ сосчитать тѣхъ, которые серьезно относились къ дѣлу воспитанія своихъ дѣтей. О чувствѣ благодарности за тяжелый трудъ и заботы о ихъ дѣтяхъ—говорить нечего: это чувство, вѣдь, есть плодъ рѣдкій, доступный только единицамъ...

Не ждите поддержки отъ нихъ въ случаяхъ, подобныхъ описаннымъ мною,—но за то можете спокойно творить всякія мерзости и, въ лучшемъ случаѣ, ничего не дѣлать.. всѣ будутъ молчать, боясь «непріятности» для своихъ дѣтей, но не боясь, подчасъ, «погубить» ихъ безобразнымъ воспитаніемъ... Конечно, встрѣчаются исключенія, но они почти такъ же рѣдки какъ бѣлые вороны.

Е. В.

